

ФАНТАСТИКА

87

ФАНТАСТИКА

87

ФАНТАСТИКА

87

*Сборник
научно-
фантастических
повестей,
рассказов, очерков*

Москва
«Молодая гвардия»,
1987

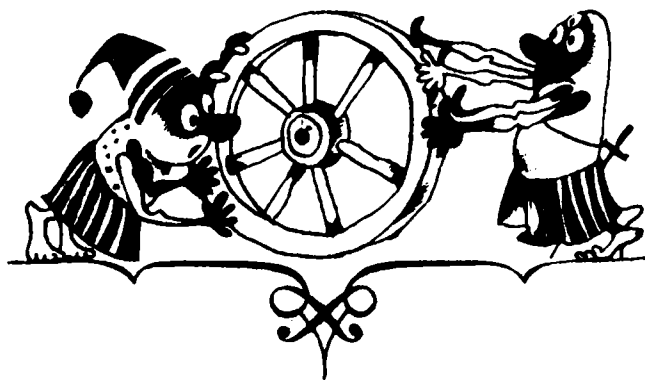
ББК 84(0)6
Ф 22

Составитель
Владимир Рыбин

Художник
Роберт Авотин

Ф 4702010200—087 121—87
078(02)—88

© Издательство «Молодая гвардия», 1987 г.

ПОВЕСТИ
И РАССКАЗЫ

И УСЛЫШАЛ ГОЛОС

Лида плачет. Глаза у нее сухие, она с улыбкой протягивает мне то чашечку кофе, то поджаренные тосты, но я все равно вижу, что она плачет. Она не может понять, что со мной, — я знаю, что стал совершенно другим после возвращения. И ничего не могу объяснить. Ничего.

Я молча допиваю кофе и выхожу на балкон. Наша квартира на последнем этаже, а дом — тридцатизэтажка — самый высокий в городе, и я вижу, как на территории Института бегают по грузовому двору роботы-наладчики. В машинном корпусе ритмично вспыхивают лампы отсчета — кто-то сейчас стартует в прошлое. Дальше пустырь, там только начали рыть фундамент под новый корпус для палеонтологов. На окраине города, за пустырем, у подъезда Дома прессы полощутся на ветру разноцветные флаги, и выше всех — флаг ООН. Толпу у входа я не могу разглядеть, но знаю, что она уже собралась, и знаю — зачем. Я не пойду туда, я никуда не пойду, буду стоять на балконе и ждать, когда Лида соберет посуду и уйдет к своим биологам разводить в пробирках какую-то очередную вонючую плесень. И тогда... Что? Я еще не знаю, но что-то придется делать.

У меня всегда была слабая воля. В детстве я слушался всех и подпадал под любое влияние. «Валя — очень послушный мальчик», — говорила мать с гордостью. Не знаю, чем тут можно было гордиться. Отец учил меня не подчиняться обстоятельствам, но бывал дома редко, и я плохо его помню — он был моряком, ходил в кругосветки и наверняка в детстве не походил на пай-мальчика, как я. Учился я отлично, потому что подпал под влияние классного наставника.

Когда после школы я подался в Институт хронографии, никто не понял моего поступка. А я всего лишь находился под сильнейшим влиянием личности Рагозина, о чем никто не догадывался, и потому мой поступок был признан первым проявлением самостоятельности.

С Рагозиным я познакомился только на втором курсе, до этого читал заповоем его книги и статьи — они-то и поразили меня и заставили сделать то, чего я и сам от себя не ожидал. Рагозин, не подозревая того, воспитал во мне мужчину. Вряд ли он предвидел такой педагогический эффект от своих сугубо научных и совершенно лишенных внешней занимательности публикаций.

Рагозин! Это была личность! Маленький, шуплый, морщинившийся от болей — он уже тогда был тяжело и безнадежно болен,

создатель хронодинамики подавлял собеседника одним своим взглядом. Ему бы родиться в Индии, заклинать змей и гипнотизировать толпу на площадях. Основы хронографии мы знали, как нам казалось, не хуже его самого, потому что сдавали каждый раздел не меньше десятка раз. Только абсолютно полное понимание, и тогда — пятерка. В противном случае только двойка. По-моему, Рагозин и жил так, деля весь мир на две категории, два цвета. Хорошее и плохое, белое и черное. Хронодинамика и все остальное. Или пусть хронодинамика принесет людям счастье, или пусть ее вовсе не будет. Он был мечтателем, романтиком. Его выступления перед нами, шалевшими от восторга, невозможно описать. Это надо было видеть и прочувствовать. И надо было видеть и прочувствовать то время, время моей юности.

Первые машины времени были громоздкими, как домны, лишь две страны — СССР и США — владели ими, слишком велики оказались затраты. После каждого заброса на страницах газет появлялись фотографии и подробные отчеты. Библиотека Ивана Грозного. Петр Первый на военном совете. Линкольн и борьба за освобождение. Путешествия во времени были сродни первым полетам в космос, только значительно более понятны для всех и потому более популярны. Никто никогда не выбирался из машин времени в «физический мир». Хронографы были по существу огромными проекционными, где в натуре оживала история. В прошлое заглядывали, оставаясь невидимыми. Никто еще не примял в прошлом ни одной травинки, не обменялся с предками ни единым словом.

Как-то мальчишки спорили на улице. Я проходил мимо и услышал. Один уверял, что изменить прошлое можно, но есть конвенция, запрещающая делать это. Другой был убежден, что влиять на прошлое невозможно в принципе. Я подумал о том, как быстро формирует время новые взгляды. «Прошлое — наше богатство, оно познаваемо и недвижимо». Вот кредо хронографии, его объясняют детям в первых классах, с ним они растут, убежденные, что так было всегда. Между тем, конвенцию ООН о запрещении навеки какого бы то ни было влияния на прошлое принимали уже после смерти Рагозина. Он начал, но не дошел. Незадолго до смерти учитель заложил первый камень в здание Института времени — того здания, что стоит в центре города и в котором сейчас размещаются только службы управления. А ведь двадцать лет назад там помещались все: инженеры и разработчики, технологи и мы — операторы.

Машины времени и сегодня очень дороги, дороже самого современного космического корабля. Даже размеры удалось уменьшить лишь незначительно. Забираясь в кабину управления, я всегда ощущал себя винтиком, выпавшим из какой-то несущественной детали. Я был обвешан датчиками, окружен экранами,

привязан к креслу; о том, чтобы выйти в физическое прошлое, и речи не было. Но видеть, слышать все происходившее сто, тысячу лет назад — это ни с чем не сравнимо. Ни с каким полетом в космос. Ни с чем.

Я думал, что со смертью учителя все кончится. Если не хронография, то моя в ней жизнь. Но Рагозин научил не только меня. Были у него ученики и поталантливее. Работа продолжалась.

А потом появилась Лида. Нет, сначала в городе открыли Институт биологии, очередной придаток Института времени. Еще раньше были созданы Физический институт, Институт химии и даже Институт истории литературы. Город рос. Институт времени забирал все: людей, коллективы, целые науки. Биология не была исключением.

И нельзя сказать, что биологи или химики исследовали только то, что мы, операторы, привозили на лентах и голограммах из прошлого. Своих идей, не связанных напрямую с хронографией, у них было достаточно.

Когда мы познакомились с Лидой, я не знал, чем она занимается и зачем вообще в городе Институт биологии. Я опять плыл по течению, и опять меня влекло, и имя этому было — любовь. Имя было — Лида.

Потом мы поженились, городской совет дал нам квартиру на самом верхнем этаже нового тогда дома, и мы часто стояли на балконе, как стою сейчас я, и смотрели на город. В центре возвышалась огромная и совершенно, казалось, неуместная башня — машина времени. Сейчас ее нет. Старую разобрали, а две новые машины, компактнее, находятся в операторском зале; уже забылся тот день, когда Лида сообщила, что биологам удалось синтезировать протобионты. Начисто выпал из памяти этот день. Шесть лет — не такой уж большой срок, чтобы забыть. Помню, что мы отослали тогда Игорька к родителям Лиды, в Крым, на летний отдых, я обрабатывал результаты своего последнего заброса к скифам и был увлечен этим занятием. Может, потому и забыл остальное. Ничего больше не помню. Ничего.

Протобионты. Микроорганизмы — прародители жизни. Мало ли всяких микроорганизмов синтезировали биологи за десятки лет? Так мне казалось вначале. Значение синтеза протобионтов я понял только через три года, когда Манухин совершил самое глубокое в истории хронографии погружение. Я был на старте, дежурил у пультов, встречал Манухина неделю спустя — все как на ладони, каждый миг. Манухин уходил в прошлое на четыре с половиной миллиарда лет — в ту эпоху, когда зародилась жизнь на Земле. Его заброс съел энергетические запасы Института на два года вперед. Однако вместо ожидаемых лент с записями зарождения белковых организмов Манухин привез нечто, ужаснувшее всех, кто хоть что-то понимал в молекулярной генетике и биологии низших форм жизни. Я-то сначала не понял ничего. Я судил только по реакции руководителей эксперимента. На страницы прессы

шли для публики радостно-взволнованные рассказы о том, как Манухин попал в объятия друзей, а у нас уже знали: Манухин привез данные о том, что на Земле не было и не могло зародиться жизни. Ни при каких обстоятельствах. Никогда.

У природы множество законов. Скорость света постоянна — и из-за этого мы не летаем к звездам. Энергия сохраняется — и мы вынуждены искать новые ее источники вместо того, чтобы конструировать вечные двигатели. Есть и в биологии фундаментальный закон — закон концентрации. Лишь в сильно концентрированной среде может путем случайных флуктуаций самопроизвольно зародиться жизнь.

На Земле, которую видел Манухин, где, казалось, вулкан переходил в вулкан, где все грохотало, а океаны в вечных бурях разбивались о крутые берега, на этой Земле закон концентрации не выполнялся. И значит, никакие электрические или магнитные поля не могли родить того, что родиться не могло. Жизнь. Микроорганизмы, одноклеточные, простейшие. Даже это. Ничего.

Помню, я иронизировал. До меня еще не доходило, насколько это серьезно. Я еще не догадывался о том, что мне предстоит. Ну что в самом деле! Четыре с половиной миллиарда лет назад жизни не было, но ведь миллиард лет спустя она уже была. Океаны и даже лужи были переполнены организмами. Плетнев был в Архее полтора года назад, привез отличный материал. Где-то биологи ошиблись. Ну и прекрасно. Работа для ума — пусть разбираются.

Они и разобрались. Манухинский заброс проанализировали, и все биологи мира (кто только этим не занимался!) объявили в голос — эксперимент чист. Жизнь на Земле зародиться не могла. Никак.

Казалось бы, самый простой выход из положения — и для нас, хронографистов, самый логичный — проехаться по интервалу в миллиард лет и поглядеть, что случилось. Так, собственно, и предлагали несведущие репортеры, обозреватели, даже некоторые политики, все, кто формирует общественное мнение.

Но миллиард лет — это огромный срок! Заброс Манухина был энергетически эквивалентен восьмистам стартам в мезозой. Этот заброс отнял у нас возможность двадцать семь тысяч раз побывать в Древней Руси. В общем, если начинать исследовать таинственный участок, нужно бросить все, переключить мировую хронографию на эту проблему, построить еще сотни машин и для этого отобрать средства у многих отраслей хозяйства. В общем, поставить перед человечеством одну-единственную цель, ради которой на многие годы затянуть пояса. Это было невозможно, подобный вздор и обсуждать не стоило. Его и не обсуждали — во всяком случае, в кругу специалистов.

В один из воскресных дней мы с Лидой и Игорьком поехали на озеро. Оно было очень ухоженным, хотя и не искусственным. Рыбу, наверное, можно было ловить руками. Игорек охотился на

бабочек без сачка, он, по-моему, уговаривал их сложить крылья и сесть на плечо. Почему я это вспоминаю? Был обычный день на планете Земля, озеро, деревья, трава, бабочки и мы троим. Был. А мог бы не быть. Если верить биологам — просто не мог быть. Не могло, не должно было быть ни полянки у озера, ни нас с Лидой, ни Игорька. Ничего.

У Дома прессы — я это прекрасно вижу с балкона — начинают приземляться вертолеты с голубыми полосами на бортах. Это машины ООН, они всегда являются последними. Значит, минут через десять начнут звонить сюда, искать героя всех времен Валентина Мелентьева.

Когда началось брожение умов, мне пришлось перечитать труды Рагозина. Виртуальные мировые линии мы проходили под занавес — это был самый абстрактный и явно ненужный для нас, хронографистов-операторов, раздел спецкурса. Все в городе только и говорили о мировых линиях. Нашлось, оказывается, единственное объяснение парадоксу Манухина — то, что вся история планеты Земля, начиная с древнейших времен, была и сейчас остается чисто виртуальной мировой линией, которая может оборваться в любое мгновение. И главное, от нас тут ничего не зависит. Ничего.

Виртуальные линии. События, не имевшие причин, а потому не имеющие и следствий в общем развитии Вселенной. Не мудствуя, можно сказать так: если случается в истории «беспричинное» событие, то история вполне может обойтись и без него, событие это не будет иметь никаких последствий, его мировая линия оборвется, и произойти это может или сразу после события, или много времени спустя, но произойдет обязательно, и мир будет продолжать развиваться так, будто странного события не было вовсе.

Человечество возникло и развилось на виртуальной мировой линии — для меня это был бред. И явной нелепицей казалось утверждение наших теоретиков о том, что мировая линия, на которой существует человечество, неминуемо оборвется, и тогда Земля мгновенно станет такой, какой была четыре с половиной миллиарда лет назад, и будет развиваться в соответствии с логикой природы, и — никакого человечества, которое эту логику нарушило, не будет.

У меня была другая идея, и я делился ею со всеми, кто желал слушать. Почему бы не обратиться за объяснением парадокса к инопланетянам? Прилетели четыре миллиарда лет назад на Землю представители иной цивилизации, увидели, что Земля пуста, и заселили ее такие неконцентрированные океаны протобионтами. А дальше все пошло своим ходом — без парадоксов. ИМ лучше уж затянуть пояса, построить еще сотни машин и найти в прошлом пришельцев, чем жить в постоянном страхе перед полным и неожиданным исчезновением, которого может и не быть никогда.

Я даже на ученом совете выступил с этой идеей. Впервые в

жизни. Без толку. Точнее, толк был, но совсем не тот, на который я рассчитывал. Я хотел, чтобы обратили внимание на идею, а обратили внимание на меня самого. И когда решался вопрос о кандидате для заброса, вспомнили о настырном операторе. Так что я сам накинул себе на шею эту петлю. Никогда не знаешь, где споткнешься. Никогда.

Потом я обо всем этом забыл. Потом — долгие недели — был только Игорек. Его закушенные губы, молящий взгляд. Ужасно. У сына был врожденный порок сердца. Не так уж страшно. Если верить врачам, страшных болезней нет вообще. Игорек не отличался от других детей. Пока шла операция, я мерил шагами больничный коридор и прокручивал в памяти одну и ту же ленту — берег озера, и как мы бежали, играя в «пятнашки». Игорек почти не задыхался. И вдруг — декомпенсация. Синие губы, испуганные глаза, шепот: «Мамочка, я не умру?» Это было уже потом, но все перепуталось, и мне казалось, что этот шепот как-то связан с нашей прогулкой.

Мы повезли Игорьку в Ленинград, нужна была срочная операция. Я забыл про Киевскую Русь, которой тогда занимался. Я помнил бы о ней, если бы на Руси жили колдуны, умеющие заговаривать пороки сердца. Тогда я невидимо стоял бы рядом и слушал, и смотрел, и учился, и сам стал бы колдуном, чтобы не видеть этих больничных стен и коридора, и немолодого хирурга, который вышел из-за белой двери и только устало кивнул нам с Лидой и ушел, а потом вышла медсестра и сказала, что все в порядке, клапан шит безупречно, и Игорек проживет двести лет. Напряжение вдруг исчезло, и я подумал: проживет и двести, и тысячу и будет жить всегда, потому что дети бессмертны, если только... Если не оборвется эта слепая мировая линия человечества, которая, если верить уравнениям Рагозина, нигде не начиналась и никуда не велет.

Игорек поправлялся, и я вернулся к работе, зная уже о том решении, которое было принято. Я потом расспрашивал, хотел попытаться, кому первому пришла в голову идея? Не узнал. Наверно, она носилась в воздухе и вспыхнула, будто костер, подожженный сразу со многих сторон.

Человечество должно жить. Жить спокойно, не думая о том, что завтра все может кончиться. И значит, для блага людей нужно на один-единственный раз снять запрет. Нужно завезти в Верхний Архей протобионты, встать на берегу океана и широким взмахом зашвырнуть капсулу в воду. Только и всего. Парадокс исчезнет, и жизнь зародится, и не будет никаких виртуальных линий и пришельцев, потому что люди все сделают сами. Вот так.

Всемирная конвенция запрещала вмешательство в прошлое, изменить эту конвенцию могла лишь другая конвенция, потому что контроль был налажен строго, и без санкции правительств девяноста трех стран нельзя было сделать ничего. И это правильно.

От нас на совещании в Генуе был Мережницкий — наш бес-
сменный директор. Академик и прочее. Не Рагозин, однако. Потом,
незадолго до старта, я спросил его, что он чувствовал, когда
голосовал за временное снятие запрета. «Не временное, а одно-
кратное», — поправил он. Оказывается, он думал о том, какое ко-
личество протобионтов нужно будет загрузить в бункеры. Деловой
человек. Будто ему уже приходилось участвовать в эксперименте
по созданию человечества.

Я слышу, как Лида подходит к балконной двери, ждет, что я
обернусь — хочет подбодрить меня перед встречей с журналиста-
ми. Я не оборачиваюсь, мне предстоит другая встреча, и не могу
я никого видеть. Лида тихо уходит. Обиделась. Пусть. Я должен
побыть наедине с собой. Как тогда.

Да, выбрали меня. Единогласно. Мережницкий предложил
и доказал. До старта оставался год, и работа была адская — по
шестнадцати часов в сутки. Год. Могли бы назначить старт и
через пять лет, чтобы без горячки. Но люди изнервничались,
ожидая конца света, и больше ждать не могли. Год — это тоже
был срок.

В день старта город опустел. Риск был непредсказуем, ведь
никто никогда не выходил в физическое прошлое. Население
эвакуировали, остались только контрольные группы на ЦПУ и
энергостанции. Лиду с Игорем я еще вчера вечером отвез в пансио-
нат — лес, тишина, чистый воздух.

Я был спокоен. Никаких предчувствий. Я знал, что буду делать
на берегу Архейского океана, сотни раз повторял свои действия
на тренировках, стал почти автоматом, уникальным специалистом
по сбросу шестнадцати тонн протобионтов в безжизненные воды.
Это было двойное количество, по расчетам, восьми тонн хватило
бы для того, чтобы процесс размножения и развития пошел са-
мопроизвольно. Перестраховка. Если создаешь жизнь на собствен-
ной планете, перестраховка необходима.

Нет — я все же нервничал. Я это понял потом, когда экраны
показали мне выпукло, объемно — мощная скала нависла над
узким заливчиком, вся черная, угловатая, мрачная, хотя солнце
стоит почти в зените, и мне даже кажется, что пот течет по спине от
жары, а океан — он такой же, как сейчас, синий-синий, с чернотой
у горизонта. Должно быть, прошла минута, прежде чем я пере-
вел взгляд с экранов на приборы — нужно было поступить как
раз наоборот. По приборам все было в порядке. По ощущениям
тоже.

Океан грохотал. И вдруг — взрыв. Вдалеке грядой, один выше
другого, будто великаны в походном строю, стояли вулканы. Все
они курились, горизонт был затянут серой пеленой, и полупрозрач-
ный этот занавес надвигался на берег. Один из вулканов — самый
близкий — вскрикнул сдавленно и выбросил столб огня: казалось,
что одна из голов Змея Горыныча проснулась и обозлилась на
весь мир, прервавший ее сон.

Я отлепил датчики, отвязал ремни, поднялся и встал в кабине во весь рост.

Я вышел в физическое прошлое.

Стало душно. И пот действительно заструился по спине. Я вздохнул: хотя на лице у меня была кислородная маска, мне почудилось, что и воздух, которым я дышу,— из этой неживой еще дымной атмосферы. Кислорода в ней не было. Но он появится, потому что здесь я. И появится жизнь, и будут деревья, и пшеничные поля, и дельфины будут резвиться в синей воде, и дети будут играть на площадках, посыпанных тонким пляжным песком, и будет все, что будет — жизнь на планете Земля.

Я сбежал по пандусу на берег, впервые увидел машину времени со стороны — не облепленную вспомогательными службами, без комплекса ЦПУ, только огромный конус, тоже подобный вулкану, сверкающий на солнце облицовкой. Машина была прекрасна. Мир был прекрасен. Я опустился на колени и собрал в пригоршню песок — шершавый, с осколками камней. Я просеял его сквозь пальцы, набрал еще и заполнил один из карманов на поясе.

Потом я заполнил остальные карманы и все контейнеры — около сотни, на каждом из которых сделал соответствующую надпись. Песок в метре от берега. Песок в пяти метрах. Песок с глубины три сантиметра. Пять сантиметров. Грубый песок. Галька. Базальт. И так далее. Я работал. Три часа — столько мне было отпущено программой на сбор материала. Я был сосредоточен, но уже к концу первого часа начала болеть голова. Покалывало в висках. Со временем боль усилилась, голову будто обручем стянуло. Нервы, думал я. Перетащив контейнеры в кабину, я вернулся на берег океана — в последний раз.

Надо мной звонко щелкнуло, и на высоте шести метров из корпуса машины появилась и начала вытягиваться в сторону берега длинная телескопическая «рука». Обратный отсчет уже шел — до начала сброса осталось двадцать семь минут.

Начало смеркаться. С гор шла туча, черная, как глубокий космос. Перед ней вертелись серые облачка, они сливались и разлетались в стороны. Там, на высоте, дул порывами ветер, гнал к океану гарь и пепел, и дождь — я видел, как между берегом и грядой, километрах в трех от меня, будто занавес упал, соединив тучу с землей, и что-то глухо зашумело. Ливень.

Сбрасывающее устройство было подготовлено, оно нависло над прибором так, что брызги долетали до ковша на конце трубы. Дохнуло ветром — будто от печи. Порыв возник и исчез. Это было предупреждение. Сейчас, вероятно, пойдет шквал. Пора возвращаться в кабину.

Я почувствовал, как бьется сердце. Никогда прежде я не чувствовал этого — как оно бьется.

И тогда я услышал голос.

— Кто ты?

Я молчал. Не отвечать же самому себе. Кто я? Человек. Обыкновенный человек, делающий самое необычное в истории дело. Начиная историю. Бог. Через миллиарды лет люди создадут бога по своему образу и подобию, он будет у них из числа людей.

— Человек? Ты прилетел со звезд?

Это не я спрашивал! Не было в моих мыслях такого вопроса. И быть не могло.

Я резко повернулся. Камни. Пепел. Тучи все ближе.

— Ты прилетел со звезд?

Я не думал о том, реально ли это. Меня спросили — я ответил:

— Нет. Я — из будущего.

— Из будущего этой планеты? — уточнил голос.

— Этой, — сказал я. Смятение было во мне где-то глубоко, я не давал ему выхода. Все же я был профессионалом. Я был тренирован на неожиданности любого рода.

— Белковая жизнь?

— Да, — сказал я, оглядывая камни, скалы на берегу, горы на горизонте. Пусто. — Кто говорит?

— Разум планеты.

— Какой планеты? — вопрос вырвался произвольно.

— Этой. Мысленно ты называешь ее Землей. Постарайся думать четче, с трудом понимаю.

Я споткнулся о камень и едва не упал.

— Осторожно, — сказал голос. И неожиданно я успокоился. Почему-то эта забота о моей персоне напомнила, что нужно задавать вопросы, а не только отвечать.

— С кем я говорю? Где вы? Кто? Какой разум планеты? На Земле нет жизни...

— На Земле есть жизнь. Вот уже около... миллиарда лет. Трудно читать в твоих мыслях. Будь спокоен, иначе невозможен диалог.

— Я спокоен, — сказал я.

— Значит, — голос помедлил, — в будущем здесь появится белковая жизнь. И разум.

— Да, — сказал я. Вернее, подумал, но даже мысленно услышал, как это гордо звучит.

— Я знаю, что такое белковая жизнь. — Голос делал свои выводы. — За миллиард лет она появлялась не раз и быстро погибала. Развитие такой жизни невозможно.

— Невозможно, — согласился я. — Потому я здесь.

— Помолчи, — сказал голос. — Думай. О себе, о своем времени, о разуме.

Я не успел подумать. Желание понять, что в конце концов происходит, стало сильнее, чем любая связанная мысль.

— Хорошо, — сказал голос, — сначала скажу я. Я вокруг тебя. Я — разум Земли. Газовая оболочка да еще примеси, все

то, что ты мысленно назвал серой пеленой. Все это я, мое тело, мой мозг, мой разум. Если бы атмосфера Земли имела другой состав, я бы не появился. Органических соединений во мне нет. И все же я разумен. Я чувствую твое удивление. Ты многого не знаешь. Я знаю больше. О мире. О себе. О планете. И умею многое. Эти вулканы — я пробудил их, чтобы мое тело получило необходимые для жизни соединения. Океаны — я управляю их очертаниями, чтобы регулировать климат. Конечно, это длительный процесс, но я не тороплюсь. Ветры, дожди, снег — только когда я захочу. Все целесообразно на этой планете, все продумано — и горную гряду, так поразившую тебя, воздвиг здесь я. Тебе знакомо понятие красоты. Так вот, этот мир красив... Но мне известен и космос. То, что ты называешь иными мирами. Я думал, что ты оттуда. Появление белковой жизни на Земле убьет меня.

— Почему? — спросил я.

— Ты прекрасно понимаешь, почему, — сказал голос, помедлив.

Способно ли было это... существо... испытывать страх? Было ли у него чувство самосохранения? Может, и нет, ведь, прожив миллиард лет, оно могло не думать о смерти.

Я смотрел вверх — ковш разбрасывателя уже находился в исходной позиции. Через одиннадцать минут в пучину уйдут контейнеры и начнутся процессы, которые приведут к зарождению микроорганизмов, потом одноклеточных, рыб, животных и нас — людей. Для него это будет концом. Потому что воздух — его тело — начнет стремительно обогащаться кислородом, который его погубит.

Он погибнет, чтобы жили мы.

Нет — это я убью его, чтобы мы жили.

А как иначе?

— Да, все так, — сказал он.

— Сделай что-нибудь, — попросил я. Я хотел видеть не его — как увидеть воздух? — но хотя бы следы его работы. Хотел убедиться, что не сошел с ума.

Он понял меня.

— Смотри. Туча, которая движется к океану, повернет к берегу.

Это произошло быстро. Туча вздыбилась, вспучилась, края ее поползли вверх, загнулись вихрями, и молнии зигзагами заколотили по камням. Я видел, как в песке возникают черные воронки — такая была у молний могучая сила. И туча свернула. По-неслась вдоль берега, а между мной и вулканами во мгле появились просветы, и солнце будто очистилось, умылось невыпавшей на землю влагой и засияло, и опять был день. И до начала сброса осталось восемь минут.

Я еще мог остановить сброс, это было сложно, но я мог успеть. Пусть живет он — голос, разумная атмосфера Земли. Станный и древний разум. Ведь это его планета, его дом. Почему люди

должны начинать жить с убийства? Может, поэтому были в нашем мире ужасы войн, умирающие от голода дети, чума, косившая целые народы? Может, и Чингисхан, и Гитлер были нам как проклятие за то, что я стою здесь неподвижно и тем — убиваю? Почему я должен решать сразу за весь мир? За два разумных мира? Почему я должен выбирать?

Мне показалось, что я схожу с ума. Стать убийцей. Совершить грех. Первый в истории рода людского. Все начнется с меня — страдания и муки человечества.

— И счастье его тоже, — сказал голос. — Нет высшей силы, которая соединила бы нити наших жизней и мстила бы вам за мою гибель отныне и вовеки веков. Возьми себя в руки. Есть два разума — я и вы. И одна среда обитания — Земля. И нужно решать.

Почему я медлю — выбор так ясен. Люди со всеми их пороками — это люди, это Игорец, это Лида, это Рагозин с его идеями и это я сам.

Две минуты до сброса.

Сейчас я был — все люди. И мог сколько угодно твердить, что не готов принимать таких решений, что это жестоко... Но я должен был решать.

Я не говорил ничего, но я знал, что решил. Я хотел сказать ему, что он создал прекрасный мир и что в этом изумительном мире есть... будет мальчик, которому нельзя не жить. И женщина, без которой этот мальчик жить не сможет. И ради них... И других? И других тоже...

Ковш раскрылся, и контейнеры полетели в пучину океана, сверкая на солнце оранжевыми гранями. Они погружались, и оболочка сразу начала растворяться, и триллионы активных микроорганизмов устремились в темноту воды, и этот миг отделил в истории Земли пустоту от жизни. Одну жизнь — от другой.

Но я все равно слышал голос. Я слышу его все время. И сейчас тоже. Я прислушивался к нему, когда удивленные Мережницкий с Манухиным расспрашивали меня о причине преждевременного возвращения. Я слышал его, когда равнодушно докладывал о выполнении задания. Я слышал его, когда молчал о том, что он — был. Приборы ничего не показали, как не показали ничего при сбросе Манухина.

Голос приказывал мне молчать. Он и я — мы оба не хотели, чтобы люди знали о том, как они начали жить. Люди не виноваты.

Я слышу голос, стоя на балконе. Он говорил со мной о вечности Вселенной, об иерархии разумов. Он говорит постоянно — даже во сне я слышу его. Я больше не могу молчать. Голос рвется из меня, и я понимаю, что скоро у меня не хватит сил, и я начну говорить, хотя я не должен говорить.

Никогда.

ДЕЛОВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Научно-фантастическая повесть

Моя карьера начиналась довольно скромно: служащий в конторе по консолидации. Но я мечтал о другом и все свободное время работал над романом, на который возлагал большие надежды. Однако при всем своем оптимизме я даже не мог вообразить, что поворот в моей судьбе произойдет так неожиданно...

Однажды ко мне в кабинет вошел высокий худощавый брюнет лет двадцати пяти. Несмотря на суровые январские морозы, он был без головного убора и в легком демисезонном пальто. Большие серые глаза смотрели спокойно и, казалось, насмешливо. Непринужденно поздоровавшись, гость спросил:

— Я не ошибся? Это отдел консолидации?

Я привык видеть совсем других клиентов: или подавленных, боящихся назвать цель своего визита, или отчаянных, с лихорадочно горящими глазами и возбужденной сбивчивой речью. Но этот посетитель будто пришел заключать обычную торговую сделку!

— С кем имею честь?

— Боб Винкли,— с достоинством произнес он.

— Кларк Елоу к вашим услугам,— представился.— Вешайте пальто вот сюда, господин Винкли. Проходите, присаживайтесь.

Посетитель отличался хорошим сложением, уверенными неторопливыми движениями.

«Редкий экземпляр»,— подумал я, оглядывая крупную фигуру гостя.

Он спокойно уселся напротив меня и стал рассматривать развешанные по стенам рекламные плакаты.

— Я слушаю вас, господин Винкли.

— Хотел бы узнать условия полной консолидации.

Я протянул ему справочники.

— Сначала вам надлежит пройти исследование в Центре биологических перемещений. На основании свидетельства о состоянии ваших биосистем мы заключим с вами контракт и заплатим по этому преysкуранту.

Посетитель быстро пробежал глазами по длинному списку, вежливо спросил:

— На какую сумму я могу рассчитывать?

— Если все ваши органы окажутся без изъянов, мы можем заплатить до шестисот пятидесяти тысяч дин.

— Однако в вашем преysкуранте нет самого главного!

— Чего именно?

— Стоимости мыслительного аппарата!

— На этот аппарат у нас пока нет спроса.

— Вы отстали от жизни, господин Елоу! — возразил он и достал из кармана газету. — В сегодняшней «Газетт», например, статья об успешной операции по пересадке головного мозга. Значит, скоро понадобится и моя голова! — воскликнул он.

Действительно, пресса все настойчивее сообщала об исследованиях в этой области, и у нас уже были разговоры о таких операциях, но внедрение их в практику казалось делом далекого будущего.

— Разрешите? — я протянул руку к газете.

— На четвертой странице, — он неспешно подал мне листы.

В глаза мне бросился напечатанный во всю полосу заголовок: «Успехи трансплантации».

Статья у меня сохранилась, так что выпишу из нее основное: «Как вы знаете, хирурги и ученые всего мира работают сегодня над преодолением последнего рубежа в области пересадки органов и тканей человека — над заменой его мыслительного аппарата. Настойчивую и кропотливую работу в этом направлении проводят сотрудники Центра биологических перемещений под руководством известного профессора Дэвида Дэнниса. Доказано, что интеллектуальная деятельность — не монополия коры головного мозга. Мысль человека — это специфический продукт сложного взаимодействия всех его органов. Но и мозг, изолированный от нервной системы, способен к мышлению, хотя в комплексе с органами различных людей функционирует по-разному, каждый раз показывая различную глубину и интенсивность, сообразительности. Эти опыты подтвердили, что мыслительный аппарат, подобно компьютеру, поддается замене.

Недавно, после тщательной отработки технологии операции на животных, хирурги решились провести ее на людях. В автомобильной катастрофе оборвались две жизни. Тридцатилетнему Томасу Сперри повредило голову, у его компаньона Карла Кларенса которому было двадцать восемь лет, голова осталась неповрежденной.

Родственники пострадавших дали согласие на пересадку, и профессор Дэннис встал к хирургическому столу. Автоматы по сшиванию капилляров и нервных волокон помогли предельно сократить время операции, она продолжалась чуть более трех часов.

Через день оперируемый пришел в сознание, начал узнавать родственников и друзей...»

— Я в курсе, — ответил я посетителю. — Тем не менее относительно вашей головы пока ничего не могу сказать... Впрочем, я поговорю сейчас с шефом...

— Благодарю вас.

Мой шеф, невысокий крепыш, с длинными не по росту руками, вышел к клиенту.

— Добрый день, господин Винкли. Вы, безусловно, правы. Теперь в преискурант придется внести и мыслительный аппарат.

— Благодарю, сэр.

— Его стоимость будет зависеть от оценки ваших умственных способностей в Центре биоперемещений. При определенных условиях мы можем заплатить за вашу голову до трехсот пятидесяти тысяч дин.

— Значит, полная консолидация может дать миллион. Ну что же... Эта сумма требует серьезных размышлений.

С этими словами он удалился.

В Делинджер меня привело страстное желание приобщиться к современной цивилизации с ее сказочными благами, с великими возможностями для приложения своих сил. Прибыв из далекой окраины, где мои родители трудились на аграрной ниве, я почти три года с жадностью первооткрывателя штудировал юриспруденцию в местном университете, но отсутствие средств вынудило прервать занятия.

Служба консолидации привлекла меня тем, что была связана, как мне казалось, с необычайно романтической и крайне важной деятельностью хирургов. К тому же эта работа требовала определенной правовой подготовки.

К моему приходу это был для всех привычный и хорошо отлаженный механизм, который функционировал уже двенадцать лет. Однако вступление его в жизнь было непростым...

С внедрением операций по пересадке в клиническую практику в газетах все чаще начали появляться объявления о покупке и продаже отдельных органов и тканей. И тогда мой шеф решил централизовать происходящие стихийно торговые операции и организовал свое бюро.

Как только на дверях бюро появилась вывеска и разноцветными неоновыми огнями замелькала первая реклама, газеты набросились на новое учреждение, как свора голодных собак. Писали, что группа депрессивных личностей, лишенных совести и гражданских позиций, развернула деятельность, несовместимую с современными юридическими нормами. И явно в насмешку над гуманными, религиозными и нравственными чувствами сограждан, назвала ее консолидацией... Торговля жизнью и органами человека не должна иметь места в цивилизованном обществе, где и без того немало отверженных ежедневно уходит из жизни по своей воле.

Однако здравый смысл оказался сильнее. В редакции начали поступать десятки писем, отстаивающих в деятельности нового бюро высокий моральный и общественный смысл. И знаете, от кого? Большей частью — от людей, решившихся на самоубийство.

«Вы не можете лишить меня права покончить счеты с ненужной обществу и опостылевшей мне самому жизнью (что делают

сейчас сотни отчаявшихся!), — писал один из них. — Так не прикрывайтесь нравственными и религиозными одеждами и не отнимайте у меня возможности сделать этот последний акт с пользой для близких, которым я оставлю приличную сумму, а главное, на радость обреченным, которым я дам жизнь, желанную им самим и нужную обществу».

Потом авторы этих писем действительно заканчивали свои дни в наших стенах. И их мнение оказалось самым веским аргументом в защиту конторы.

Однако дебаты продолжались долго. Кое-кто пытался доказать, что консолидация подталкивает к уходу из жизни людей, потерявших в ней опору. Поэтому она будет значительно ускорять принятие рокового решения и, несомненно, увеличит количество добровольцев на преждевременное переселение в иной мир.

Здоровые голоса, наоборот, доказывали благотворное воздействие консолидации на мирские дела: банальное самоубийство она наполняет положительным содержанием, из бессмысленного шага отчаяния превращает в осмысленный поступок, в некотором отношении — даже в подвиг.

Более того, консолидация придает смысл всей предыдущей никчемной и жалкой жизни неудачников. Их годы оказываются прожитыми не зря. И, главное, они уходят из мира не бесследно! Потому, что консолидация — это не только смерть отживающего в известном смысле это продолжение своей жизни в других.

Поразительное хладнокровие Боба Винкли во время первого визита заинтриговало меня. Его могло привести к нам трагическое стечение обстоятельств, взрыв отчаяния, которые потом рассеялись, и мне уже подумалось, что он забыл о своем намерении. К нам приходило немало любопытных и просто бездельников. Чаше всего, если клиент не заключал контракт с первого захода, так сказать, в порыве решимости, мы его больше не видели.

Но Винкли пришел, и очень скоро. И вот тогда-то он пробудил во мне особый интерес.

— Появилась необходимость кое-что уточнить! — обратился он ко мне.

Вел он себя по-прежнему спокойно и на удивление деловито.

— Слушаю вас, господин Винкли.

— Во сколько мне обойдется исследование в Центре биоперемещений?

— В тридцать тысяч дин. Пожалуйста, ознакомьтесь, — и я пододвинул к нему один из проспектов.

Он полистал его, отложил на столик:

— Это старый ценник, в нем ничего не сказано о...

— Вы правы, — перебил я его, — мы не успели вписать туда самый последний аппарат. Но мы это сделаем сегодня же!

— Бюрократизм у вас, — проворчал он. — Надо думать, исследование функций коры головного мозга обойдется дороже всего?

— Ровно двадцать тысяч дин.

— Дороговато, — он вздохнул. — А объясните, господин Елоу, часто ли во время исследований обнаруживаются скрытые дефекты?

— Случается, — уклончиво ответил я. — У молодых реже...

— Что значит «случается»? Я думаю, идеальное здоровье — это голубая мечта идиота. Каждое общение с медиками приносит всем нам немало неприятных сюрпризов.

— Бывает...

Винкли подозрительно осматривал меня:

— И как оцениваются неполноценные биомеханизмы? — спросил он.

— Если порок органа незначительный, то стоимость снижается на двадцать-тридцать процентов.

Винкли подозрительно усмехнулся и повел широкими плечами. Видимо, остался недоволен моим ответом.

— Что значит незначительный порок? Ваше ОТК должно беспощадно все браковать при малейшем отклонении от нормы. Стоит ли тратить адские усилия и пересаживать кому-то дефектное сердце или почку с изъяном?

О технологии трансплантации нам запрещалось говорить с клиентами. Если все это станет достоянием гласности, мы можем остаться без работы. Однако посетитель проявил редкую проницательность.

— Вы правы, — мягко согласился я. — Некоторые органы оказываются непригодными к пересадке.

— Выходит, у кого-то отняли орган, а деньги не выплачивают?

— Выплачивается небольшая компенсация...

— Какая именно?

Никто еще до Винкли не вникал так придирчиво во все тонкости оценки органов. Будете ли вы мелочиться и считать разменную монету под ножом гильотины? На это и были рассчитаны неписанные правила обращения с клиентами, составленные с глубоким знанием человеческой психологии. А Винкли торговался. Торговался вопреки всем прогнозам и правилам!

Рассматривая его опрятную одежду, его сдержанные жесты, вникая в точные вопросы, я все более поражался его хладнокровию.

— За непригодные биоаппараты выплачивается десять процентов общей стоимости, — вынужден был ответить я.

Винкли резко поднялся и выпрямился во весь рост.

— Господин Елоу, скажите откровенно, — совсем другим, требовательным тоном обратился ко мне он, — на какую сумму в конце концов я могу надеяться при полной консолидации?

Он стоял передо мной, как бы предлагая оценить себя.

— Вести подобные разговоры нам категорически запрещается...

— Я надежный человек...— сказал он.— Поверьте...
— В самом лучшем случае вы получите до пятисот тысяч дин.

Он мотнул головой:

— Не забудьте оценить мои мыслительные способности!

— Я учел все!

— Пятьсот тысяч вместе с головой! — Он всплеснул руками.—

И из этих денег еще платить налог, как с прибыли?

— Разумеется, только не с прибыли, а с наследства.

— Это же надувательство! — От возмущения он побагровел.— Вы соблазняете миллионом, а платите гроши. Минус налог и сумма на исследование. Что же останется мне?

— Деньги вам будут ни к чему, господин Винкли,— улыбнулся я.

Он рванулся в мою сторону так, что я даже испуганно отшатнулся...

— Вы дурачите меня! — Он резко повернулся и, размахивая руками, пошел к двери.

У порога остановился:

— Вашу лавочку пора прикрыть! — И вышел, хлопнув дверью. Но тотчас вернулся, молча снял с вешалки пальто и решительно вышел.

О, в нем кипел могучий темперамент! Я понял, что спокойствие клиента, поразившее меня ранее, не что иное, как драгоценное умение держать себя в руках.

«Что нужно человеку для успеха?» — этот вопрос встал передо мной, пожалуй, еще в пору отрочества, и именно он привел меня в Делинджер. Вырвавшись из сельской тиши, окунувшись в этот современный Вавилон с миллионным людским круговоротом, с множеством ежедневных новых знакомств, я начал понимать, что для успеха в первую очередь надо уметь распознавать и правильно оценивать окружающих людей. Ведь каждый из них неизбежно что-то прячет от посторонних глаз. Недалекие люди, желая произвести впечатление, выставляют напоказ самые выигрышные свои стороны. Незаурядные натуры, наоборот, меньше всего заботятся о внешнем эффекте, поэтому никогда не раскрывают свои главные козыри, а пускают их в ход неожиданно, в нужный момент.

Справедливо подмечено, что человека можно сопоставить с дробью: подлинное в нем является числителем, а выставленное напоказ — знаменателем. Умение видеть в окружающих скрытые силы и пружины я называл для себя азбукой успеха. И на всех смотрел под этим углом...

Оказалось, что большинство наших клиентов были одномерными, опустошенными, они легко распознавались.

Иногда попадались посетители, напускавшие на себя таинст-

венную значительность. Они ходили к нам месяцами и все время что-то обдумывали, не решаясь на отважный шаг, и таким образом скрывали не силу, а слабость.

Винкли не был похож ни на кого... Плату за собственную смерть он считал прибылью. Не случайно с его губ сорвался многозначительный вопрос: «А что останется мне?» И он был явно раздосадован на себя, словно бы проговорился.

А его поведение в бюро! Он въедливо и хладнокровно спрашивал обо всем, до чего решившемуся на роковой шаг не должно быть никакого дела. Я заподозрил, что основная его цель — не ожидаемые тысячи, а что-то иное, что он тщательно скрывал в себе. «Авантюрист?»

Всякая тайна притягивает. Захотелось узнать, на что может надеяться человек, добровольно приносящий себя в жертву?

Я не сомневался, что Винкли еще вернется в наше бюро. Его он выбрал не случайно, по-видимому, хотел обвести нас вокруг пальца.

Появился он в конторе через несколько дней. Неторопливо уселся напротив меня, интригуяще, с едва заметной усмешкой посмотрел мне в глаза, беззаботно закинул ногу на ногу.

— Господин Елоу! Я продам себя только за миллион! Он мне необходим... Хотелось бы еще кое-что выяснить насчет исследований.

Его пышущее румянцем и нарочито спокойное лицо невольно привлекало внимание.

— К вашим услугам.

— Я готов влезть в долги и достать под проценты пятьдесят тысяч на исследование. А если выяснится, что половина моих механизмов с изъянами, и я окажусь непригодным к полной консолидации?

— Такого почти не бывает. Что-то все равно пригодится.

— За это что-то могу я получить хотя бы тысяч четыреста?

— Судя по вашему виду — безусловно!

— Теперь о главном. Практикуются ли у вас исследования в долг?

Хотя я понял его с полуслова, все же для видимости спросил:

— Как вы это себе представляете?

— Я заключаю с вами контракт на полную консолидацию, а стоимость исследований вы вычтете потом из моего гонорара.

Озорные искры в его глазах смутили меня. Ну, ей-богу, он хочет нас обмануть.

— В отдельных случаях такие сделки допускаются.

— Вы не поможете заключить такой контракт?

В исследованиях в кредит, скажу откровенно, не только не было никаких трудностей, они даже поощрялись, так как являлись для консолидаторов своеобразным Рубиконом: задолжавшим та-

кую сумму обратной дороги не было. Но я сразу ухватился за его слова: вот он, удобный случай для сближения. Понизив голос, с видом заговорщика я спросил:

— Вы никуда не торопитесь, господин Винкли?

Он хмыкнул, пожал плечами, под рубашкой его чувствовались крепкие мускулы, оживленно проговорил:

— Я тоже предпочитаю приватные беседы.

— Подождите меня минут десять у входа.

С того вечера так и повелось. Боб Винкли часто приходил к концу рабочего дня, потом провожал меня... И я, конечно, обещал ему сделать все возможное. Разговор касался разного: Винкли был хитер, умен, умел скрывать свои тайные намерения. Тем не менее мы постепенно сблизились. В один прекрасный вечер я с внутренним ликованием принял приглашения Боба прийти к нему на обед. Я надеялся, что в домашней обстановке, мне удастся узнать больше.

— Знакомьтесь, Кларк, моя жена Лиз.

Высокая, полная женщина, с зелеными глазами, с темными уложенными в пучок волосами медленно протянула руку для поцелуя, потом плавным жестом пригласила в комнату.

— Проходите, господин Елоу.

Пятилетнего сына Лиз отправила поиграть во двор. И за столом их скромной квартиры, кроме нас, никого не было.

В первый момент я был поражен тем, что, обсуждая намерения мужа, Лиз держалась очень спокойно, как будто речь шла о сдаче под залог дорогой, но не очень нужной вещи. Сразу же подумалось, что у нее есть любовник и что она не прочь избавиться от Боба, да еще с такой выгодой.

Но, посидев за столом и приглядевшись к ней, я заметил, что эту женщину ничто не волновало, на все она реагировала до удивления поверхностно. Легко было предположить, что Лиз вообще неспособна на переживания, но я и в этом засомневался.

Однако больше всего я удивился метаморфозе с Бобом. Передо мной был совсем другой человек, с порывистыми движениями и горящим взором. Его слова несли повышенный эмоциональный заряд. И все — мимика, жесты — говорило о том, что Винкли незаурядная личность. Воду он пил, например, огромными глотками, а вместительные рюмки крепкой настойки выливал в себя, не глотая. Он был здоров, как бык, остроумен и хитер.

И все-таки количество поглощенного спиртного сказалось, он разоткровенничался:

— Дорогой Кларк, жизнь у нас долгая, а денег мало. Главное — научиться вовремя обращать жизнь в купюры.

— Отказавшись от нее?

— Ты полагаешь, что ради банкнот я иду на заклятие? Ни

в коем случае! Я затеваю дело свое! И раз уж ты выдал мне некоторые секреты вашей фирмы, я посвящу тебя в тайну, вернее, в тайну моей деловой операции... Начну с того, что я служу в банке и всю жизнь считаю чужие деньги. Мне до чертиков надоело пропускать через руки миллионы и получать гроши. Самая скверная штука, скажу тебе, это жить в долг. И вот я решил сделать свой бизнес...

— На самоубийстве? — с иронией спросил я.

— Да, я иду на Голгофу. Но для того, чтобы стать новым Иисусом!

«Честолюбив или перебрал,— отметил я про себя.— Хотя выглядит трезво».

— Смешно...

— Последним смеяться буду я! — воскликнул он.— Скажи, если соединить в одно целое твое тело и мою голову, кто явится перед публикой?

Я вопросительно посмотрел на него.

Он насмешливо продолжал:

— Командовать твоим телом буду я! Запомни это! Так, подобно Иисусу, я воскресаю после смерти. Причем воскресаю с миллионным состоянием.

— За консолидацию ты получишь всего около пятисот тысяч,— уточнил я.

— По сравнению с тем, что мне даст затеваемая деловая операция, эти тысячи — пустяк. Во сколько оценивается у вас пересадка мыслительного аппарата?

— В миллион! Но ведь это не донору!

— Да, реципиент платит миллион хирургам ради того, чтобы все его состояние перешло к донору. Тебе еще не ясно? Я хочу, чтобы мою голову пришили какому-нибудь банкиру или промышленному магнату! Соображаешь? Такие операции по карману только богачам. А после операции в облике магната уже буду находиться и я. И вступаю во владение всеми его делами и капиталами. Теперь понятно, для чего смертному вот это вместилище нетленного разума? — Он постучал себя пальцем по виску.— Для того чтобы, подобно троянскому коню, помогло ему проникнуть в царство капитала!

При этом Боб не скрывал некой иронии превосходства, что придавало его словам особую убедительность.

Хотя я с самого начала ожидал от Боба чего-то подобного, все же не мог удержаться от возгласа:

— Гениально! Ну а риск? Ты уверен в успехе пересадки?

— Риск, конечно, есть,— согласился он.— При современной технике и отработанной методике трансплантаций вероятность благополучного исхода уже немалая... Просто хранящийся в крови опыт веков заставляет нас бояться всего нового. Но я верю в удачу, и в один прекрасный день ты увидишь меня среди сильных мира сего, на Олимпе!

— Дорогой Боб, неужели на эту божественную гору нельзя подняться менее рискованным путем?

— Пытался. Но меня окрестили неуживчивым и окрасили в розовый цвет, который воздействует на власть имущих, как красная тряпка на быка.

— Думаю, что способный человек может многого добиться, используя укоренившиеся в обществе правила игры, действуя по законам данного общества.

— Именно так я и хочу поступить. Разбогатеть любым способом. Не я придумал консолидацию! Я вступаю в игру, созданную до меня. Между прочим, тоже по нашим волчьим законам! На мелочи я не размениваюсь! Ставка — моя жизнь! Выигрыш — миллионы!

Лиз смотрела на него спокойно, и, как мне показалось, даже с гордостью. Она разделяла его оптимизм, а возможно, была слишком спокойной по характеру и привыкла к горячности мужа и к его фантастическим планам.

Идея Боба настораживала меня чем-то недосказанным. Я не мог поверить в торжество его замысла. К тому же он возлагал некоторые надежды и на меня, таким образом втягивал меня в авантюру. Под впечатлением газетной шумихи о последних открытиях ученых я не знал, чему же отдать предпочтение в определении личности: мыслительному аппарату или организму вместе со всей его нервной системой?..

А в газетах появилась новая статья под сенсационным названием «На пути к бессмертию!».

«Мужчина с чужим мозгом живет второй месяц! Его организм функционирует нормально. Наблюдения показывают, что новому индивидууму передалась память как реципиента, так и донора. Он вспоминает эпизоды из жизни обоих. Поэтому его назвали Дуономусом. Итак, память тела, крови и костного мозга также играет в жизни человека значительную роль.

Как не вспомнить в связи с этим недавние утверждения профессора Куингера о том, что многие клетки тела и кровяные тельца способны нести определенную информацию?! Недаром говорят о хранящемся в крови опыте предков.

Наконец, новейшие исследования ученых выявили еще один, пожалуй, решающий фактор: о зависимости индивидуальности Дуономуса от того, какие гены (от реципиента или от донора) будут в нем преобладать. Процесс этот носит пока неуправляемый характер. Тут возможны самые разнообразные комбинации, в которых доминируют, как правило, гены реципиента».

«...Можно утверждать, что наши хирурги штурмом взяли главную крепость, длительное время сопротивляющуюся пересадке. Внедрение такой операции в хирургическую практику открывает перед учеными широчайшие перспективы в борьбе за долголетие.

Дэвид Дэннис высказывает мысль о том, что в дальнейшем в результате поочередной пересадки человеку различных органов и мыслительного аппарата можно будет многократно омолаживать и продлевать ему жизнь. Практически гомо сапиенс не просто обретает бессмертие, он может бесконечно жить в одном, избранном для него, возрастном периоде».

Читая эту статью, я думал, что дерзновенная голова Боба Винкли способна на великие дела. Судя по всему, она достанется какому-нибудь нуворишу, будет старательно помогать ему делать миллиарды и с грустью вспоминать о том, что когда-то принадлежала бедному, но слишком честолюбивому банковскому служащему.

Вскоре Боб Винкли снова явился ко мне в контору.

— Что ты скажешь относительно личности Дуономуса? — спросил я, показывая ему газету. — Еще не передумал закладывать свою голову?

— Нет, не передумал! Пишут только об одной функции мозга, о памяти. И ни слова о других, о мыслительных сторонах его деятельности. А сколько в статье туманности... И сколько оптимизма, чтобы толстосумы поверили в возможность замены одряхлевшего мозга!

— У тебя оптимизма, пожалуй, тоже с избытком.

— Я проштудировал ворох научных работ по анатомии, физиологии, высшей нервной деятельности...

— Но устаревшие догмы опровергнуты последними выводами ученых.

— Нас рассудит история, сэр! — с шутливым патетизмом воскликнул он.

Теперь мы часто подолгу гуляли с Бобом в городском сквере. Оба мы были молоды, оба мечтали попасть в клан избранных. Нашим кумиром был успех в любой его форме, в любом деле, — успех, который мы связывали с богатством, а богатство — со свободой.

Наши сердца бились в унисон, хотя мнения относительно путей достижения цели у нас расходились.

Еле успевая за широко и энергично шагавшим другом, хватая открытым ртом морозный воздух, я выслушивал его страстные монологи в защиту дерзновенного замысла...

— Ах, тебе не нравится моя идея! Запомни: степень личной свободы находится в прямой зависимости от суммы банковского вклада! Счастье не в деньгах, а в их количестве! Ради бумажек человек, это божье создание, забывает все святое, отрекается от своего творца, предаёт родителей и друзей, даже идет на убийство. Золото оправдывает и покрывает ореолом все его деяния. А чем негодно мое намерение? Оно не связано ни с преступлением, ни с подлостью! Моя идея — квинтэссенция чистоты и благо-

родства! Я рискую только своей головой. И ты мне посодействуешь...

Потом он принимался горячо доказывать, что интеллектуальная деятельность — это функция исключительно коры головного мозга. С завидным знанием разъяснял, какая доля мозга, какая его извилина какими функциями ведают...

Не знаю, что тут было причиной: может быть, убежденность Боба, или сила его логики и аргументов, но только я, как и Лиз, начал верить в успех его необыкновенного предприятия.

— А когда мой мыслительный аппарат приобщится к миллионам,— добавил он однажды,— можешь быть уверен: он не забудет о тебе, мой осторожный и щепетильный друг!

Боб часто прибегал к шутливой форме доказательства, однако каждая его шутка содержала глубокий смысл.

— А ты не боишься, что к твоей голове пришьют дряхлое тело старика? — спросил я.

— Конечно, самое дорогое у человека — здоровье: каждый чих обходится нам в сотни дин,— прищурился он, как бы прицеливался.— Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным! Но есть немало трагических реципиентов, после разных аварий... На них-то я и рассчитываю.

Нередко наши прогулки проходили в горячих спорах, в которых его негативные оценки явлений сталкивались с моими умеренными взглядами. Особенно яростно он обрушивался на частные, привилегированные лица и высшие школы, выпускники которых словно по наследству получали ключевые командные посты.

По субботним вечерам к нам присоединялась Лиз. Здесь в ней неожиданно пробуждалась экзальтированная натура. Она обнаруживала скрытый темперамент и фантазию...

Исследования в Центре биоперемещений подтвердили мои предположения об отменном здоровье Боба. За его консолидацию Лиз должна была получить пятьсот сорок тысяч дин. Особенно высоко была оценена голова.

Однако с окончательным решением Винкли не торопился. Он был весел и бодр и однажды во время прогулки затеял вроде бы шутливый разговор:

— Дорогой Кларк, вижу, тебе не дает покоя потраченная на мое исследование сумма. Поэтому ты жаждешь отправить меня к праотцам, а мои дорогие органы — на аукцион. Можешь успокоиться! Все так и будет, но сначала мне предстоит повернуть одну акцию.

Я опасался, что на каком-то этапе его авантюрной истории может разразиться грандиозный скандал. Никакими прямыми сделками я не был связан с Бобом Винкли, хотя и постарался завоевать полное доверие и дружбу Лиз. Прозрачные намеки на то, что мое товарищеское отношение к Бобу выше моего служебного долга, сделали свое дело: меня начали посвящать в некоторые щекотливые семейные тайны.

Однако руководство бюро заподозрило уже, что не случайно Боб Винкли во время исследований со свойственной ему прямоотой и дерзостью обвинял Биоцентр в сокрытии от клиентов важной информации по консолидации. От кого он об этом узнал? Начальство сделало выводы и предпочло избавиться от меня.

Я был ужасно зол на Боба.

— А если я проболтаюсь о твоих замыслах? — мстительно говорил я Бобу.

— Но ты не сделаешь этого...

— Почему же? Тебе можно, а мне нельзя?

Боб самонадеянно обещал сторицей возместить мне потери и скоро с помощью какого-то родственника Лиз устроил меня в газету «Фурор», в отдел светской хроники.

И я простил его.

Во-первых, это уже совпадало с моими жизненными планами. А во-вторых, новая работа дала мне не только средства, но и не лишала меня тщеславных надежд.

Я верил, что настанет время, и я смогу рассказать об уникальной «деловой операции» Боба подробнее и благодаря близости к прессе раньше других. А это может принести и моральное удовлетворение, и капитал.

Вскоре я узнал, что Боб развелся с Лиз... Однако завещание на сумму по консолидации оставил на ее имя.

Подумалось, что развод — это подготовка Боба к деловой операции, с целью уменьшить налог с завещанной суммы, так как при завещании капиталов государству, общественным организациям и неродственным лицам налоговый процент с них был по нашим законам гораздо ниже, чем с прямыми наследников.

На мой вопрос о причинах развода Лиз отвечала невразумительно:

— Последнее время Боб вообще стал не в себе. Идти на такое дело — это ведь не шутка, — простодушно разводила она руками.

Но Винкли, высокий, подтянутый, расхаживал по комнате, даже что-то мурлыкал себе под нос и хитро поглядывал на меня. В то время, когда я владею уникальной тайной его деловой операции, он скрывает от меня какие-то мелочи. А ведь теперь в моих силах помочь или помешать ему в главном!!

Способность использовать чужие слабости или тайны в своих интересах — это высшая степень по сравнению с умением распознавать людей, это уже алгебра успеха! К таким выводам я пришел, кстати, не без помощи Боба. А сейчас он наталкивает меня на мысль проверить метод на практике...

Однако шантажировать друга я был не в силах. К тому же хитрый Боб, видимо, понял мое состояние и многообещающе произнес:

— Еще немного терпения, Кларк, и мы с тобой будем ворочать крупными делами...

Через две недели после исследований Боб отдал себя, как он говорил, в руки эскулапов.

Мы с Лиз провожали его до дверей Биоцентра. Стараясь подбодрить скорее себя, чем его, я произнес «до скорого свиданья», но расцеловались мы, как при прощании.

Не буду скрывать, Боб унес частицу моего сердца. Чем он привязал меня к себе: завидным обаянием, недюжинным умом или целеустремленностью? Все эти качества совмещались в нем с удивительной гармоничностью. Оставшись наедине, я чуть ли не оплакивал его уход.

Несколько раз приходил я в квартиру к Лиз, и мы вместе молили бога простить Бобу его святотатство относительно нового Иисуса и ниспослать ему воскрешение, на которое он так надеялся.

Используя старые связи с Центром биологических перемещений, я скоро узнал, что все органы Винкли годны к пересадке и на них были уже покупатели. Однако реципиента на его голову пока не находилось.

Однажды меня вызвал редактор отдела Виктор Краски. Крупный, неторопливый, он обладал мягкими манерами и никогда не повышал голоса. Даже неприятные сообщения умел облекать в уютные фразы, излагая их доброжелательно. В отделе знали, что этот великолепный редактор, умевший одной вычеркнутой или вставленной фразой и небольшой перестановкой слов придать статье остроту и динамизм, про себя считал, что он делает не только свою полосу, но и всю газету. Впрочем, под показной добропорядочностью он умело прятал болезненную зависть ко всем нам, печатающимся, чьи имена стояли под «вылепленными» им статьями, он мог втихую крепко насолить. Поэтому вызов к нему почти всегда был связан с неприятностями...

— Дорогой Кларк, у меня к вам поручение.— Круглое лицо Краски расплылось в улыбке, лысина блестела, и, казалось, тоже улыбалась. Он предложил мне сесть в кресло.— Ваши материалы пользуются успехом,— продолжал он, стоя, глядя на меня сверху вниз.— Я вижу, что мои семена попали в благодатную почву: вы уже начали понимать, что статьи надо лепить, подобно скульптору. С сегодняшнего дня вы будете печататься под своим именем и получать двести в неделю плюс гонорар с каждой строчки...

Свою роль наставника Краски несколько не преувеличивал. Именно его высокий профессионализм помог мне сравнительно быстро постичь ремесло газетчика.

— Благодарю вас, господин Краски.

Его лысина начала излучать солнечные зайчики, а я с тревогой ждал дальнейших пояснений. Он вышел на середину кабинета, остановился возле меня.

— Сособой радостью хочу сообщить вам об очередном задании редакции. Вам предстоит поездка во Францию...

В другое время при известии о таком путешествии я бы не удивился от ребячьего восторга... Но сейчас отъезд был для меня очень некстати. Ведь со дня на день мог подвернуться клиент для мыслительного аппарата Боба Винкли, и ужасно не хотелось, чтобы все самое главное произошло в мое отсутствие.

— Вы, конечно, знаете о завещании старого Тирбаха. — Краски глядел на меня в упор.

Имя Эдварда Тирбаха не сходило с газетных полос. Это был семидесятилетний магнат, владеющий военными заводами, банками, отелями, состояние которого исчислялось миллиардами. Разумеется, немало места газеты уделяли частной жизни Тирбаха. Писали, например, что он повздорил с сыном от первого брака, Рудольфом, из-за того, что тот отказался исполнить его волю: карьере бизнесмена он предпочел профессию художника. Для продолжения образования Рудольф уехал в Париж и начал заниматься в Академии изящных искусств. В ответ на это Эдвард лишил сына материальной поддержки, а все свое состояние завещал молодой жене — Кэт Тирбах. И не исключено, что из-за неравнодушного отношения к газетной шумихе вокруг своего имени сам позаботился о том, чтобы это завещание стало достоянием гласности.

— Вы лучше других справитесь с этой задачей, — продолжал Краски. — Разыщите Рудольфа Тирбаха и дружески побеседуйте с ним... Разузнайте истинные мотивы его поступков («Вот оно, началось!» — подумал я), проследите за его отношениями с отцом, с детских лет, определите силу увлечения его живописью или чем-то, а, может быть, и кем-то другим... Наконец, выясните его перспективы на избранной стезе. Ну и так далее... Не мне вас учить. Дело в том, что сейчас очень много говорят о завещании Эдварда Тирбаха, и, как правило, осуждают его поступок. Мы должны дать объективную оценку этим фактам.

— Симпатии автора, насколько я понимаю, должны быть на стороне отца? — спросил я.

— Не обязательно. — Он не спускал с меня глаз. — Вы не учитываете либерального духа нашей газеты. Кто в этом споре прав, вы решите сами. Узнаете, насколько перспективно увлечение Рудольфа и стоило ли ему так яростно противиться воле отца, чтобы семейное разногласие переросло в конфликт...

Я понял, что Рудольф Тирбах может удостоиться благосклонного отношения газеты только в том случае, если его увлечение не окажется безрезультатным. А это могло выясниться очень не скоро. Поэтому я должен был осветить в негативном плане, по всей вероятности, чистые и благородные юношеские порывы. Задание пренеприятное.

Я попытался встать и объяснить свои сомнения, но Краски уже отвернулся от меня: возражать не имело смысла. Я поблагодарил его за доверие и вышел из кабинета. Вечером я уже прощался с Лиз, попросив ее сообщать мне телеграфом все новые сведения о Бобе, и вылетел в Париж ночным рейсом, даже не подозревая, на-

сколько это вынужденное удаление приблизит меня к деловой операции друга.

Не буду утверждать, будто Рудольф Тирбах понравился мне с первого взгляда. Скорее наоборот. Красивый юноша со спортивной фигурой был очень немногословен и казался гордым. Мы встретились с ним на улице. Мое корреспондентское задание он воспринял равнодушно. Побеседовать со мной согласился с большой неохотой. А когда я пригласил его в ресторан, он сухо ответил, что предпочитает разговаривать, стоя у мольберта.

На одной из улочек Монматра мы поднялись в скромную мастерскую, расположенную на чердаке. Она была загромождена холстами, подрамниками, этюдами, а также неоконченными произведениями из корней, сучьев, древесной коры и еще бог знает чем.

За узкой занавеской, отгораживающей небольшой угол, виднелась газовая плита и деревянный топчан, покрытый выцветшим пледом.

— Знакомьтесь, моя подруга Полетт...

Я удивленно осмотрел комнату.

— Полли, у нас гость с моей родины, — к кому-то обратился Рудольф.

Из-за дальнего подрамника высунулась кудрявая женская головка и, кивнув, опять скрылась.

— Извините нас, в академии очень напряженная программа, — проговорил Рудольф. — К тому же надо зарабатывать на жизнь. Не хотите ли приобрести несколько моих этюдов?

Он, смущаясь, показал на небольшие картины на полу. И я как бы заново увидел стоявшего передо мной человека. Рудольф стыдился своей бедности, к которой еще не успел привыкнуть, и еще более — своей стеснительности, которую не умел скрывать.

Всюду были видны следы бедности: потертые брюки, залатанный халат на вешалке. И этот застенчивый юноша мог отказаться от миллионов, от обеспеченной и интересной жизни? Скромность не помешала ему воспротивиться такому властному характеру, как Эдвард Тирбах! Выходит, Рудольф имеет колоссальную силу воли?

Я стал рассматривать картины... Они мне понравились. Городские пейзажи, казалось, выполнены небрежно, но это был Париж с его легкой, трепещущей красотой, с его прославленной в веках романтикой. На обороте каждого полотна была проставлена просто мизерная, на мой взгляд, цена.

Я похвалил его манеру письма и, как мне кажется, сделал это довольно убедительно, так как не кривил душой... Все запечатленное воспринималось как будто сквозь легкую дымку, что придавало картинам своеобразный колорит.

— Как вы добываетесь этого? — удивился я.

Художник слушал меня внимательно, с размягченным выражением лица. В конце опять слегка покраснел и, ничего не ответив, отвернулся. Моя похвала, видимо, растрогала его.

Я выбрал пять картин и сразу же расплатился.

Рудольф поблагодарил меня за лестный отзыв, за деньги и, не считая их, с показным безразличием опустил в карман.

— Это я должен благодарить вас, господин Тирбах, так как убежден, что в будущем стану обладателем редких и ценных полотен большого мастера.

— Вы льстите мне, господин Елоу.

— Какой в этом прок? Я говорю искренне, — заверил я его и попытался перевести разговор на старого Тирбаха: — Нелегко без родительской помощи. Чем ярче талант, тем нужнее ему материальная сила.

— У отца свои позиции, которые я не вправе осуждать, — тихо проговорил он. — Мы расстались мирно. Скорее из-за того, что живем в разных плоскостях.

— Вы расходитесь во взглядах на избранную вами профессию?

— Во взглядах на банкноты. Отец считает, что деньги в нашем обществе нужны только тем, кто умеет умножать материальные ценности. Эти люди — цвет нации, на которых держится общественное благосостояние. Все остальные — иждивенцы общества. Для отца это не пустая фраза, — продолжал он, — и не только предлог для обогащения.

Он стоял за мольбертом и лишь изредка оглядывался в мою сторону.

Его подруга хранила молчание и больше не показывалась. Возникло ощущение, что мы с собеседником одни.

— Если капитал не увеличивается, говорил отец, то общество хиреет. Поскольку я не усвоил этого основного закона, он не намерен субсидировать и усугублять мои заблуждения. Однако после смерти он обещал оставить мне миллион. — И Рудольф грустно улыбнулся.

— Вам эта сумма нужнее сейчас, — вставил я. — Разве ему не все равно?

— Видите ли... Отец все еще пытался заставить меня вернуться «на путь истинный». Я не могу быть в претензии к нему.

— Разве в вас не течет кровь Тирбахов?

— Отношение в таких семьях строится не на кровном родстве. В девять лет у меня уже был приличный счет в банке, пожалованный мне, так сказать, авансом на всю жизнь. Я должен был позаботиться об его увеличении. Я мог приобрести акции, даже начать небольшое дело, и на родительскую щедрость больше не рассчитывать... Но вклад быстро иссяк, а делать деньги я так и не научился.

Природа мудра и прозорлива! И, конечно, не случайно она заставила этого не приспособленного к деловой жизни юношу так отчаянно противостоять планам отца.

Я невольно вспомнил, что мой отъезд из дома тоже не обошелся без инцидента с родителями. И может быть, из-за этой схожести наших судеб почувствовал к молодому художнику особую симпатию.

Работы Рудольфа были, несомненно, отмечены печатью одаренности. Но добьется ли он признания? Ответить на этот вопрос не мог никто, так как успех в искусстве подобен лотерее и часто зависит от случайных обстоятельств. Далеко не последнюю роль здесь играют опять-таки деловые качества.

Итак, я мог написать трогательный очерк о сыне известного миллионера, вынужденного зарабатывать на хлеб картинками... Трудная полуголодная жизнь, бытовая неустроенность в настоящем и полная неизвестность в будущем... И в этих жестоких условиях, когда жизнь безбожно ломает и искривляет человеческие души, он сумел сохранить внутреннюю чистоту и доброжелательное, даже всепрощающее отношение ко всем, которые сквозили в каждом его слове.

Но в своей статье я был обязан недвусмысленно встать на сторону отца. В заповеди сыну Эдвард Тирбах изложил основополагающие законы нашего общества, которые должны были, подобно религиозным догмам, приниматься на веру.

Мне хотелось помочь Рудольфу, но как изменить отношение к нему отца? Я медлил уходить из мастерской, пытаюсь найти обстоятельства, которые могли бы оправдать «блудного» или «заблудшего» сына в глазах «света».

Рудольф сказал, что беседы на посторонние темы помогают ему в работе над картиной: он не отходил от мольберта. Писал в основном по памяти, иногда пользовался предварительными карандашными набросками.

Через день я снова зашел в мастерскую. Он вновь отклонил мое приглашение в ресторан. К таким заведениям он питал устойчивую антипатию и предпочитал дешевые харчевни.

Я принес разных продуктов, и мы устроились за выцветшей занавеской прямо на лежаке. Рудольф демонстративно опростился, старался казаться «человеком из народа».

— Вот это по мне, — говорил он. — Милая, домашняя обстановка. Свобода и непринужденность. Никаких условностей, можно все брать руками. А что ресторан? Чопорность, натянутость, музейная атмосфера зеркал и хрусталя.

Ресторан для Рудольфа стал неотъемлемой принадлежностью того класса, с которым он порвал. И в своем идейном неприятии он был последователен.

Во время нашей беседы в мансарде появился невысокий джентльмен. Он слегка прихрамывал и опирался на бамбуковую трость.

— Добрый день, господа, — поздоровался вошедший. — Мне сказали, что здесь я могу найти Рудольфа Тирбаха.

— Это я, — представился мой художник. — С кем имею честь?

— Ким Варлей... хотел бы поговорить с вами.

— Я вас слушаю.

— Может быть, перенесем нашу беседу в более удобную обстановку? — Он покосился в мою сторону.

— Самое удобное для меня — беседовать у мольберта... Вы можете ничего не скрывать от моих друзей.

Гость окинул меня и выглянувшую на миг Полетт внимательным взглядом.

— Я принес вам печальную новость, господин Тирбах.

— Что-нибудь с отцом? — Рудольф отложил кисть.

Медленным наклоном головы гость подтвердил эту догадку.

— Что с ним?

— Автомобильная катастрофа.

— Он жив?

— Как вам сказать? В общем, он в реанимации... — После паузы он добавил: — Дело в том, господин Тирбах, что вашего отца можно спасти.

— Спасти?

— Эдвард Тирбах пока в глубокой гипотермии. У него пролом черепа, необратимая травма мозга... Если ему сделать пересадку головы, он будет жить.

Тут я вспомнил, что видел этого человека в конторе по консолидации, у своего шефа. Это главный юрист Центра биологических перемещений!.. Сердце мое забилося сильнее.

— Что для этого нужно? — спросил Рудольф.

— Ваше согласие на операцию.

— И больше ничего? — Полетт вышла из-за мольберта.

— В настоящее время ничего. Вы заключите договор на свое наследство.

— Но, спасая моему свекру жизнь, вы лишаете нас наследства, а себя — гонорара, — напомнила Полетт.

— У нас уже имеется свидетельство о смерти Тирбаха, составленное по всем правилам.

— Ах, вы уже все продумали! — Полетт приблизилась к Варлею. — Но что это даст? Станет ли отец Рудольфа полноценным, неизвестно, а мы, без сомнения, потеряем миллион.

— Любимая жена Эдварда и наследница его миллиардов наотрез отказалась от пересадки. А вы, будучи в опале, отдаете последнее. Эти факты способны сильно повлиять на симпатии старого Тирбаха.

— О чем вы спорите? — раздался голос Рудольфа. — При чем здесь деньги, когда речь идет о жизни отца?!

— Господин Тирбах, для утверждения соглашения нам необходимо поехать в Делинджер, — предложил Варлей.

— Сколько времени это займет? — опять выступила вперед Полетт.

— За неделю управимся.

— А не могли бы вы оформить соглашение здесь? — спросила Полетт. — Дело в том, что у Руди выпускные экзамены. Поездка может все сорвать.

— Пока мы должны избегать всякой огласки... А здесь...

Я понял, что пришла моя очередь вступить в разговор:

— Дорогой Рудольф, я могу быть твоим поверенным во всех делах.

После обсуждения этого предложения Рудольф выдал мне доверенность на полномочное ведение переговоров и на подписание соглашения о приживлении Эдварду Тирбаху головы донора.

Варлей не торопился расстаться с молодым Тирбахом. Но заговорить с ним при мне не решался. Я догадался, что могу быть посвященным в какую-то тайну, и не отходил от Рудольфа ни на шаг.

Увидев тщетность своих намерений остаться с Рудольфом наедине, Варлей наконец выдал:

— Господин Тирбах, я хотел бы поговорить с вами еще об одном обстоятельстве...

— Я вас слушаю.

— Видите ли, у нас нет уверенности в благополучном исходе операции... Впрочем, вашему отцу нечего терять... Поэтому до того, пока не станет все ясно, о пересадке никому не должно быть известно.

— Согласен, господин Варлей, мы будем молчать,— как-то буднично пообещал Рудольф, и все поняли, что эти слова сильнее самых торжественных клятв.

Я сообразил, что могу использовать этот факт для укрепления своих позиций. Обронив ненароком фразу о том, что мне тоже пора на родину, я ждал каких-то ходов со стороны Варлея, и не ошибся.

Он предложил мне возвращаться вместе и, получив мое согласие, заказал два билета на самолет.

В машине по дороге в аэропорт я как бы между прочим обронил:

— Как удачно вы, господин Варлей, явились со своим известием о старом Тирбахе. До вас я не знал, что делать со своим газетным очерком. А вы сразу сняли все проблемы.

— Вы журналист? — удивился Варлей.

— Да, из «Фурора»...

И я как можно бесхитростнее поведал ему о своих авторских затруднениях...

— Теперь я напишу как есть.

— А не лучше ли воздержаться от публикации? — Варлей глядел на меня маленькими настороженными глазками.— Тирбах заменит себе интеллект, он узнает о поступке Рудольфа, и, надеюсь, их отношения наладятся сами собой.

Я не согласился с ним:

— Тут важен общественный резонанс. Семейный конфликт Тирбахов типичен для наших деловых кругов. Достойной сферой деятельности для них является только бизнес. Он дает все: богатство, известность, власть... Тирбах-старший отрицает искусство! Дескать, этим можно заниматься между делом. А если у сына призвание к искусству? Тут есть над чем поразмыслить.

В самолете Варлей попросил стюардессу принести французский коньяк и заговорил:

— Господин Елоу, нам надо решить один вопрос... Поговорим без обиняков, как деловые люди...

— Я догадываюсь о ваших проблемах, господин Варлей. Руководство Биоцентра не заинтересовано в преждевременной рекламе этой операции, так как неудача может надолго задержать ее внедрение в клиническую практику. Не так ли?

— Правильно. А вы, конечно, жаждете выйти на страницы «Фурора» с сенсационным сообщением.

— Безусловно!

Варлей откинулся на спинку кресла:

— В ответ на мое деловое предложение вы будете набивать цену, ссылаться на ваше право, на свободу печати. Но я предложу вам...

— Одну минуту,— перебил его я.— За мое молчание, как компенсацию моих потерь в гонорах, вы предложите мне сто тысяч, и ни дна больше.

— А вы поставите условие пятьдесят тысяч выплатить вам сразу по прибытии в Делинджер, остальные — после исхода операции? — засмеялся он самоуверенно.

Так между нами было достигнуто джентльменское соглашение.

По возвращении в Делинджер я получил чек на пятьдесят тысяч дин, а потом попросил выдать мне свидетельство о смерти Эдварда Тирбаха. Я понял, что лучше всего миллионеру подойдет мозг Винкли. В то время я не подумал ни о возрасте Тирбаха, ни о его здоровье. Меня заворожило баснословное богатство старика, о котором Боб даже не мог мечтать.

Предвидя возможные разногласия относительно того, кем считать получившегося монстра, я хотел держать в своих руках какие-то нити этого дела. Не напрасно же когда-то изучал законоведение...

— Свидетельства о смерти Тирбаха еще не существует,— заметил мне Варлей.

Я посмотрел ему в глаза и улыбнулся.

— Для успешного завершения нашей сделки такое свидетельство надо составить,— ответил я.

— Это почти невозможно.

— Почему же? Ведь в разговоре с Рудольфом вы утверждали обратное.

— Видите ли, фирма предвидит, что такое свидетельство осложнит признание личности Эдварда Тирбаха.

Вот в чем дело! Значит, в Биоцентре тоже понимали последствия операции и тем не менее шли на нее.

— Я думаю, что осложнения с признанием личности возникнут в любом случае.

— Возникнут, но их можно будет устранить. А свидетельство сделает их неразрешимыми.

— Вам знаком своенравный характер Эдварда Тирбаха. Вы вернете его к жизни, а он ради очередной сенсации изменит завещание и оставит вас без гонорара! Но если составить по всем правилам документ о его кончине!..

После выдачи мне свидетельства о смерти Эдварда Тирбаха Варлей с нетерпением проговорил:

— Надеюсь, теперь вы готовы подписать соглашение?

— Не совсем.

— Что у вас еще? — В его голосе послышалось раздражение.

— Я бы попросил внести в соглашение пункт о том, что в случае неудачи с операцией, все расходы на нее возьмет Биоцентр.

Варлей начал было торговаться, но я отрезал:

— Если вы не готовы к операции, то не делайте ее. Почему ваши эксперименты должен оплачивать бедный Рудольф? Кроме того, я хотел бы знать, какие доноры у вас имеются и их интеллектуальные показатели.

Варлей удивился моей осведомленности в таких вещах и без обиняков предложил:

— У нас имеется три кандидатуры. Лучший балл при исследованиях умственного потенциала получил некий Боб Винкли. Очень высокие показатели! Мы надеемся, что деловые способности Эдварда Тирбаха от такой пересадки только возрастут.

Ознакомившись для видимости с данными всех трех клиентов, я сказал:

— Ну что ж, я согласен на Винкли, но попросил бы внести в соглашение его имя и данные исследований его интеллекта.

— Это уж слишком! — Варлей поднялся и в волнении, сильно прихрамывая, начал мерить шагами кабинет. — У меня такое впечатление, господин Елоу, что вы сознательно ведете дело к осложнению. Чем меньше общественность будет знать, чей мыслительный аппарат будет приживлен Тирбаху, тем безболезненнее все это произойдет. Ведь это и в ваших интересах, чтобы Дуономуса признали Эдвардом Тирбахом. Разве не так?

— Конечно, — закивал я торопливо.

— Так что фирма никогда не согласится на внесение в договор предлагаемого вами пункта. Можете в этом не сомневаться.

Если замысел Боба Винкли оправдается, он без труда вспомнит, кому принадлежит его голова и кем станет он сам. Ведь именно на это рассчитана вся его авантюра.

— Хорошо, не буду настаивать, — смирился я. — Но копию исследований интеллекта Винкли попрошу выдать как приложение к договору.

Я не знал всех последствий пересадки, могла пригодиться любая информация.

Варлей подумал и уступил:

— Надеюсь, вы как джентльмен обещаете не использовать эти сведения в ущерб фирме.

— Да, обещаю.

Тут меня пронзила новая мысль... Ведь для того, чтобы замыслы Боба осуществились, Дуономуса должны были признать только Эдвардом Тирбахом. В противном случае мой друг останется беден как Иов, а я — тем более. Парадоксально, но на данном этапе я вынужден таскать каштаны из огня для Боба Винкли. Поэтому беспокойство Варлея о признании личности Тирбаха должна быть сейчас и моей основной задачей. А сложности с этим, судя по поведению Варлея, неизбежно будут...

— Господин Варлей,— заговорил я.— Наверное, в договор надо внести определение о том, какую пересадку следует считать удачной.

— Разумеется, пересадку, удачную с медицинской точки зрения.

— Вы своими разговорами навели меня на мысль. Мы с вами заинтересованы в том, чтобы Дуономаса признали Эдвардом Тирбахом. Однако может случиться, что приживление мозга удастся, человек будет жить... Но кем он станет? Поэтому прошу сделать в договоре уточнение... В пункте десятом, где сказано о затратах на неудачную операцию, добавить: «Пересадка будет считаться удачной, если Рудольф Тирбах обретет отца».

— Согласен.

Уже после подписанного соглашения Варлей признался:

— Ну, дорогой Елоу, не ожидал, что вы окажетесь законченным крючкотвором.

Это было первым признанием моих деловых способностей.

Операция по пересадке прошла успешно. Варлей регулярно извещал меня о самочувствии Эдварда Тирбаха.

— Все нормально. Находится в реанимации.

Через несколько дней:

— Пришел в сознание, но никого не узнает.

Еще через неделю:

— Поднялся с постели.

— А как его память? — поинтересовался я.

— Быстро возвращается.

Я с нетерпением ждал свидания. Просил об этом Варлея. Но тот все оттягивал этот момент.

Я волновался и не мог отделаться от назойливого вопроса: кого я увижу в клинике: Тирбаха, Винкли или их гибрид? Если надежды Боба Винкли оправдаются, то он должен будет играть роль Тирбаха. Но насколько убедительным и органичным окажется поведение этого бесшабашного парня в образе могущественного финансиста? А с другой стороны, если это поведение будет безупречным, как мне определить, кто же передо мной?

Беспокоило: как бы при свидании с Бобом Винкли случайно, каким-нибудь произвольным жестом не выдать нашего сговора.

Меня буквально по пятам преследовала Лиз, настойчиво просила взять ее в клинику.

Пришлось обещать ей это.

Наконец я получил разрешение на встречу с Дуономусом.

— Со мной очень хотела пойти одна знакомая...

— Можете взять.

Дежурный врач тихо открыл дверь палаты. Мы с Лиз замерли.

Сидевший в кресле джентльмен в элегантном светло-сером костюме сосредоточенно читал книгу.

— К вам гости, господин Тирбах,— предупредил Варлей.

Эдвард Тирбах, будем и мы называть его так, не спеша отложил книгу, медленно приподнялся. Его движения были незнакомы: неторопливые, точно рассчитанные... Но насмешливый взгляд принадлежал Бобу. Правда, серые глаза моего друга почему-то казались голубыми и холодными.

— С кем имею честь, господи?

Вспомнив, каким живым и выразительным было лицо Боба, я поразился его полной неподвижности и холодной отчужденности. В нем не дрогнул ни один мускул, в глазах не появилось ни одной теплой искры...

— Господин Елоу со своей знакомой,— представил нас Варлей. Тирбах слегка наклонил голову.— Как уже знаете, господин Тирбах, Кларк Елоу был уполномочен вашим сыном решать все вопросы вашей операции.

— Очень приятно, господин Елоу,— глубоким грудным голосом заговорил Тирбах.— Мне сказали, что вы проявили горячую заинтересованность в том, чтобы мне прижили хороший мыслительный аппарат.

«Неужели он действительно никого не узнал? Кажется, Боб Винкли переигрывает. Тирбах Тирбахом, но мозг Винкли должен был узнать хотя бы Лиз».

— Я всего лишь добросовестно выполнял свои обязанности, возложенные на меня Рудольфом,— проговорил я.

— Вы давно видели моего сына? — спросил Тирбах.

— Месяц тому назад.

— Какое впечатление Рудольф произвел на вас?

— Отзывчивый, красивый молодой человек, с очень добрым сердцем,— я сознательно налегал на эти качества Рудольфа.— Узнав о том, что вы попали в беду, он, не колебаясь, отказался от миллиона, чтобы вернуть вам жизнь.

— К этому поступку Рудольфа я отнесусь так, как он того заслуживает. Однако вы перечислили второстепенные признаки личности: красота, доброта, отзывчивость... Чувства служат помехой в любом серьезном деле. А его ум, воля? Его деловые качества?

— Мне кажется, у Рудольфа есть все необходимое для успеха: живой ум, талант и завидная работоспособность.

— Неплохо. Однако он по-прежнему сторонится деловых операций? Даже моим воскрешением, будем говорить так, поручил заниматься вам, по сути, постороннему человеку.

Голова Боба Винкли выражала мировоззрение старого Тирбаха! Мне стало не по себе. Лиз смотрела на него неподвижным, ошеломленным взглядом: ей было трудно сдерживать свои чувства.

— Бобу — Бобово, а кесарю — кесарево, мистер Тирбах, — пошутил я. — У Рудольфа выраженная склонность к живописи.

— Бобу — Бобово, говорите? — повторил Тирбах, как будто не осознав подмены слов. — Ну что же, посмотрим...

Он равнодушно отвернулся и направился к столу. Налил из сифона какого-то напитка и начал медленно, по глотку отпивать его. А я невольно вспомнил, с какой жадностью, не переводя дыхания, утолял жажду Боб.

Дверь резко открылась, и в палату вошла совсем юная женщина. Белые брючки плотно облегали длинные, стройные ноги. Белокурые локоны обрамляли прелестное лицо с нежным овалом. И только в углах рта еле заметно проступало что-то резкое. По множеству газетных фотографий я узнал Кэт Тирбах.

Женщина остановилась в дверях, взгляд был прикован к Тирбаху.

Эдвард Тирбах не спеша повернулся, некоторое время пристально смотрел на нее, потом изрек:

— Кажется, пожаловала моя жена, — однако лицо его оставалось непроницаемым. — Очень приятно, что ты не забыла меня, дорогая.

Мне показалось, что он избегает называть ее по имени.

А Кэт словно лишилась дара речи. Широко раскрыв глаза, она с удивлением и испугом смотрела на Тирбаха.

— Ты, кажется, не узнаешь меня, дорогая? — проговорил Тирбах.

Кэт продолжала молчать.

— В чем дело, Кэт?

— Ты другой, — еле слышно, с придыханием произнесла она.

— Изменилось лицо, возможно, голос, — спокойно возразил Тирбах. — Но тело осталось мое. — Кэт молчала. — У меня другой мыслительный аппарат, но я все прекрасно помню. А ты? Неужели ты все забыла?! Гавайи и Лазурный берег? Яхту с командой и особняк со слугами?! Забыла, откуда все это?

В этой тираде Тирбаха мне почудился сбой, нарушение как смысловой, так и эмоциональной логики. Такое не следовало бы говорить при посторонних.

— Правда, я выражаю исключительно свои чувства, — продолжал Тирбах. — Неужели, дорогая, два года нашей совместной жизни не были счастливыми? Или ты вынуждена была терпеть рядом с собой богатого старика? И мое воскрешение для тебя?...

— О, нет, нет! Я была не права... — еле слышно проговорила Кэт.

— Ты о чем?

— О пересадке...

— Не права? Не уверен, дорогая! Может быть, как раз ты и была права. Может, мне лучше было не возвращаться в этот мир, не подвергать испытанию любовь и преданность близких?

— О господи! — Кэт растеряннo глядела на него.

— Почему ты не хотела моего оживания? Ты могла бы честно сказать: «Я выполнила свой долг. Я вернула тебе жизнь. Но не могу любить человека, побывавшего на том свете». Это я понял бы. Для меня было бы достаточно видеть тебя на расстоянии. Больше ничего!

Со своей трудной ролью мой друг Винкли (если это он был) справился великолепно. Лишь один момент в поведении Тирбаха-Винкли беспокоил меня: не слишком ли настойчиво посвящает он нас в сугубо личные отношения с «женой»? Или мне это только кажется? Может быть, я нахожусь в плену у собственных ожиданий? Ведь любимая женщина, которую Эдвард боготворил, с которой он пережил вторую молодость, предала его самым подлым образом! Разве этого не достаточно, чтобы вывести магната из состояния равновесия?!

Кэт стояла потупившись. После некоторого молчания Тирбах продолжал:

— Не согласившись на пересадку, ты предпочла мне мое состояние. — Кэт молчала. — Ты сама сделала выбор. Я передам адвокату, чтобы он подготовил дело о разводе. Но я не злопамятен, надеюсь, тебе будет достаточно миллиона.

— Тебя, видимо, неправильно информировали, дорогой. Я не соглашалась на пересадку только потому, что фирма не гарантировала благополучного исхода операции.

— Ха-ха-ха, — раскатисто рассмеялся Тирбах. Я вздрогнул: это был смех Боба Винкли. Лиз сжала мою руку. А Дуономус быстро, не сдерживая чувств, заговорил: — Я прослушал записанный на кассету ваш разговор с Варлеем. Ты цинично отвергла его предложение о пересадке, заявив, что мое воскрешение не в твоих интересах.

Даже сильное волнение Тирбаха не помешало ему увидеть на лице Кэт крайнюю растерянность. После паузы он продолжил уже другим, покровительственным тоном:

— Ты была уверена, что Рудольф не согласится лишиться миллиона, который ему жизненно необходим. Но ты просчиталась, моя дорогая. Вот перед тобой поверенный в делах Рудольфа, Кларк Елоу. — Я поклонился. — Он тебе скажет, что мой сын ни секунды не колебался, выбирая между миллионом и моей жизнью.

Глаза Кэт сверкнули. Складки вокруг рта обозначились резко, придав всему лицу неприятное, хищное выражение. Она окинула меня высокомерным взглядом и повернулась к Тирбаху. Это была уже не безобидная и растерянная Кэт, а совсем другая

женщина, волевая, жестокая, способная на все ради своих интересов.

— Вы не Тирбах, мистер Икс! — она произнесла слово «мистер» так уничижительно, словно хлестнула плеткой по лицу Дуонотуса. — Нет, я вас никогда не признаю! И если обветшалые тела старого Тирбаха пришили к вашей голове, то не надейтесь, что вы влезли в его оболочку. Эдвард Тирбах мертв. Я видела его своими глазами, в морге. И никакие чудеса и юристы не докажут, что передо мной Тирбах. Вам не удастся приобщиться к чужим миллионам. Прощайте, сэр.

Слушая страстный монолог Кэт, я понял, что она пленила старого Тирбаха не только молодостью и красотой, но скорее всего властным характером и незаурядными деловыми данными.

Она направилась к двери, но на полпути обернулась и возбужденно добавила:

— Если хотите знать, я люблю не Тирбаха, но Рудольфа. Люблю давно. Я была готова разделить с ним все, даже нужду, но он не замечал меня. — Глаза Кэт горели безумным огнем и, казалось, ничего не видели. — И тогда я приняла предложение старого Тирбаха... Чтобы быть ближе к Рудольфу. Это я уговорила Эдварда отказать сыну в наследстве, чтобы потом Рудольф оказался зависим от меня. Я надеялась, что смерть Эдварда поможет нам с Рудольфом сблизиться. И это сбудется! Вот увидите, мистер Икс. И тогда, так и быть, мы выделим вам приличную сумму на безбедное существование. — Потом с иронией добавила: — Надеюсь, миллиона вам хватит?

Кэт быстро вышла. Я под впечатлением ее удивительного превращения еще долго размышлял о ней.

Позже узнал, что из Биоцентра Кэт направилась к своему поверенному в делах Рональду Боуэну. Она была взволнована, говорила сбивчиво:

— Я всю дорогу обдумывала этот вопрос... Надо обращаться в суд. Другого выхода нет...

(Эту беседу я воспроизвожу по воспоминаниям Р. Боуэна, опубликованным в «Ревю дэ медсан».)

— Успокойтесь, дорогая.

Боуэн протянул ей стакан воды.

— Я была сейчас у Эдварда...

— Ну и как он?

— Ужасно! Он ведет себя недопустимо. Я ничему не верю и хочу подать в суд.

— На нежесткоуменское поведение вашего мужа?

— Оставьте свой тон. Весь ужас в том, что это вовсе не Эдвард, а другой человек!

— У вашего супруга другая голова, вам привыкнуть к этому, конечно, нелегко.

— Какой-то авантюрист завладел телом Тирбаха, так что совсем наоборот, это уже не Эдвард...

— Чего же вы хотите от суда?

— Чтобы он вынес решение, что это не Тирбах.

Боуэн, по его признанию, сразу же оценил грандиозность этой неслыханной операции. Но небывалая, фантастическая сложность дела испугала даже его, опытного адвоката, жаждавшего громких, захватывающих процессов.

— Вы хотите возбудить судебный процесс о непризнании личности Эдварда Тирбаха?

— Именно!

— Он решил изменить завещание? Я предупреждал вас...

— Я пришла не за тем, чтобы обсуждать мое поведение. Готовьте материалы для суда.

После молчания Боуэн осторожно заговорил:

— Это очень серьезная и трудная проблема. Ни один судья сейчас не примет ваш иск к рассмотрению. Нужны веские доказательства того, что Дуономус — не Тирбах, что новый интеллект изменил личность Тирбаха. Согласно концепции ученых, все считают, что Эдварду заменили мыслительный аппарат, только и всего.— После паузы, так же тщательно подбирая слова, продолжал: — А если дело дойдет до суда, вам припишут корыстные мотивы. Вспомнят ваше поведение при решении вопроса о пересадке...

— Но Эдвард оставляет мне только миллион...

— Я бы советовал вам согласиться...

— Поезжайте и посмотрите на этого Дуономуса! — перебила Кэт.— Это совсем другой человек! Это не Тирбах!.. Если вы боитесь, я найду другого адвоката.

— Прежде чем дать окончательный ответ, я хотел бы познакомиться с новым Тирбахом.

— Это уже другой разговор.

— Все-таки вынужден предупредить вас.. Борьба будет тяжелой. Внешнее сходство тут не играет никакой роли. У Тирбаха другой образ мыслей... Но, как мне известно, он в здравом рас-судке.

— Но тут тоже можно найти зацепки...

— Зацепки? Конечно, но в суде нам обоим предстоит архитрудное дело. Аргументы против личности мистера... э, Тирбаха...

— Мистера Икс,— поправила его Кэт.

— Да, против мистера Икс придется еще тщательно выискивать доказательства или изобретать.

На другой день после свидания с Тирбахом-Винкли в «Фуроре» был напечатан мой репортаж. По известности Эдвард Тирбах мог тягаться с кинозвездами и идолами эстрады. И тот факт, что именно с ним была связана уникальная сама по себе операция, а также некоторые подробности, которые я выдал, вызвал у публики особый интерес. Газеты были распроданы моментально. К девяти часам был напечатан дополнительный тираж.

А через несколько дней меня пригласил редактор отдела Виктор Краски. Как всегда, сияя лысиной, он начал:

— Дорогой Кларк, в редакцию поступил любопытный материал. Поскольку вы захватили монополию на публикацию статей о трансплантации, я посчитал своим долгом узнать ваше мнение.— И он пододвинул ко мне гранки:

«Когда-то пересадка человеку интеллекта считалась чудом. О ней мечтали и говорили, главным образом, фантасты. Однако фантасты не имели основательной научной подготовки. С трансплантацией мыслительного аппарата они связывали лишь изменение образа мыслей личности...

Печально, что ныне в плену воззрений фантастов оказались профессиональные ученые, ответственные за свое дело специалисты...

Выполняя операцию по пересадке, медики отводили головному мозгу второстепенную роль в определении личности, считая его лишь инструментом мышления, вроде компьютера, который может быть придан тому или иному организму. Кора головного мозга — это не глаз, не почка... Ее нельзя отождествлять ни с каким другим органом.

Забыв о моральной ответственности, хирурги оказали банковскому клерку Б. Винкли неоценимую услугу, отдав ему на откуп тело Эдварда Тирбаха вместе с его миллиардами...

...В высоких кругах высказывается мнение, что необходимо создать авторитетную комиссию из видных медиков, психологов, юристов, политических и государственных деятелей, которая бы тщательно исследовала личность Дуономуса и убедительно ответила на волнующий всех вопрос: «Кто есть кто?»

И подпись: «Марк Криспи».

Я почувствовал кожей, какая опасность нависла над замыслами Боба Винкли, и не сомневался, что это начал свою деятельность адвокат Рональд Боуэн.

Что можно было сделать в создавшейся ситуации? Я уговорил Краски поместить в следующем номере мой ответ «на инсинуации». Осторожно, не давая волю чувствам, я доказывал, что статья М. Криспи написана явно поспешно и потому безответственно.

«...Если бы автор взял за труд, прежде чем писать о пересадке аппарата мышления, я не говорю — изучить последние достижения научной мысли по данному вопросу — но, хотя бы познакомиться с Дуономусом, понаблюдать за его поведением, то он, без сомнения, изменил бы свои умозрительные выводы...»

Я тактично оговорился, что, не предвзяя событий, называю оперируемого Дуономусом, как это определили ученые-медики. Дальше я сообщал, что «в свое время, состоя на службе в конторе по консолидации, я имел дело с неким служащим Б. Винкли. И сейчас, увидев Дуономуса, я ни в малейшей степени не сомневаюсь, что передо мной известный миллиардер Эдвард Тирбах. Бросалось

в глаза, что это представитель делового, коммерческого круга людей, родной стихией которого является мир капитала.

Более того, Дуономос, например, не узнал вдову Винкли.

А когда я слушал его объяснения с Кэт, у меня не появилось ни малейшего сомнения, что передо мной Эдвард Тирбах».

«Мне кажется, решение вопроса о личности Дуономуса,— писал я далее,— в первую очередь зависит от того, кто в этой пересадке был реципиентом, а кто — донором. Ведь операция проводилась ради спасения жизни Эдварда Тирбаха! Причем без малейшего нарушения медицинской этики и законов нашего государства.

Дуономус дорог всему человечеству как свидетельство исключительных успехов современной медицины, независимо от того, кто бы ни скрывался под его маской. И если к нему подходить, преследуя чьи бы то ни было личные интересы (Кэт или Рудольфа Тирбаха), и начать судебную распря — это значит опорочить и загубить великое и святое дело: борьбу за здоровье человека и за долговечность его жизни!»

То, что последовало за этим, можно, пожалуй, назвать газетным бумом. Каждая страница периодики крупным и мелким шрифтом кричала о Дуономусе. С каждой страницы на читателей глядели фотографии Эдварда Тирбаха, Боба Винкли, Дуономуса, а также Кэт и Лиз. Уникальная сама по себе операция, сделанная известному предпринимателю, повлекла за собой еще и громкий скандал. Это придало истории особую остроту. Дуономус вытеснил с газетных и журнальных полос всех кумиров тех дней. О нем писали медики, психологи, ученые, политики, школьники, домохозяйки...

Некоторые всерьез доказывали, что Дуономусу надо разрешить иметь двух жен, так как и Кэт Тирбах, и Лиз Винкли имеют на него права. И если, по слухам, Кэт Тирбах затевает судебный процесс, то же самое с не меньшим основанием вправе сделать и Лиз Винкли.

Дуономуса в первые дни я не видел. Все сведения о нем получал от Варлея, который извещал меня, что Эдвард Тирбах чувствует себя хорошо, к газетной перепалке относится равнодушно, наскоки и брань игнорирует. Начал исподволь заниматься делами своей обширной «империи».

Лиз довольствовалась сомнительными газетными сообщениями и бывала очень рада, когда я заскакивал на минутку поделиться с ней тем, что узнавал от Варлея.

Во мне все сильнее росло чувство обиды на Дуономуса за то, что он забыл обо мне. Кем бы он ни являлся, Бобом Винкли или Эдвардом Тирбахом, каждому из них я оказывал немалые услуги и теперь вправе ждать внимания к себе.

Между тем, Варлей сообщил, что Тирбах выписался из клиники и с головой окунулся в свои многочисленные заботы.

А я по-прежнему не имел от него никаких известий. Все настоя-

чивее преследовала мысль: «Не пора ли предъявить Дуономусу счет? И кем бы он ни оказался, потребовать плату за свои услуги. Надо думать, что сведения и документы, которыми я обладаю, стоят немало!»

В то время я вел безалаберную жизнь холостяка, работал ночами, спал до полудня. Было приятно чувствовать себя рабом настроения...

Однажды ранним утром меня разбудил телефонный звонок.

— Господин Елоу? — послышался в трубке незнакомый голос.

— Слушаю.

— С вами говорит секретарь Эдварда Тирбаха. Вы не могли бы подъехать сейчас к патрону на Беверли, тринадцать?

— Конечно, — с готовностью ответил я.

— Высылаю машину.

— Пожалуй, я быстрее доберусь на своей.

— Хорошо, господин Елоу. Мы ждем вас.

«Ну вот, кажется, Боб все вспомнил сам. Слава богу, что я ничего не успел предпринять».

Я выпил чашку остывшего с ночи кофе и уже через полчаса входил в кабинет Эдварда Тирбаха. Он сидел за столом и перебирал какие-то бумаги. При моем появлении медленно поднял голову, дружелюбно предложил:

— Садитесь, Кларк.

Выглядел он устало, казалось, даже говорил с трудом.

— Вы завтракали? — осведомился он.

— Откровенно признаться, не успел.

— В таком случае позавтракаем вместе...

Он подал знак секретарше, и нам принесли сэндвичи, кофе.

— Очень признателен вам за статьи, — начал Дуономус. — Для меня это весомая поддержка.

Вопреки ожиданию, говорил он сдержанно и своим тоном сразу же установил в наших отношениях некоторую дистанцию.

— Считаю своим долгом информировать читателей, что в этом деле должны торжествовать ваша воля и закон, — вырвалось у меня.

— Мне понравился ваш тезис относительно реципиента и донора. Удивляюсь, что кто-то этого не понимает.

Я молчал, не зная, как себя вести с Дуономусом, то ли как с Тирбахом, то ли как с Бобом Винкли.

— Сегодня я хотел бы еще раз прибегнуть к вашей помощи, — продолжал Тирбах. — Сейчас отправимся в банк. До меня дошли сведения, что там за мое отсутствие кое-что подзапустили. Я хочу появиться там неожиданно. Ну а свое журналистское дело вы знаете...

— Очень признателен вам за доверие.

Он заметил мою нерешительность в разговоре и произнес:

— Я думаю, дорогой Кларк, нам с вами лучше без формальностей. Зовите меня просто Эдвард.

Я согласно кивнул.

Внимательно посмотрев на меня, он задумчиво произнес:

— Похоже, дорогой Кларк, что вы неискренни со мной, поэтому хочу сказать, что из всех людей вы имеете самое близкое отношение к моей операции («Какую операцию он имеет в виду: деловую или хирургическую?»). К тому же вы доверенное лицо не только моего сына Рудольфа, но и мое. Вы были в курсе всех моих дел и намерений. И во многом помогли мне.

Похоже, эти слова принадлежали Винкли. Только вопреки всякой логике в его речь вплелись фразы о сыне Рудольфе. Что это? Плохая игра Боба? Или в этом Дуономусе действительно все перепуталось?

— Мне нравится, что вы защищаете мои законные интересы, — продолжал Тирбах, — и я надеюсь с вашей помощью разрешить некоторые затруднения. — Он поморщился, приложил руку к груди. — Сердце беспокоит.

Он вынул из кармана серебряную коробочку, достал таблетку и положил под язык. Некоторое время молчал, словно проверял что-то с помощью внутреннего локатора, потом сказал:

— Знаете, Кларк, иногда я уже сожалею об этой пересадке. — И он указал рукой на свою голову.

— Из-за развязности прессы?

— Нет, главное в другом. У меня очень много денег. Но мало-вато здоровья. Хорошо работает только голова. А весь организм одряхлел. Поневоле начинаешь думать, что лучше бы мне остаться... там, — и показал рукой вверх.

Он запнулся, и я подумал: ведь это не что иное, как запоздалое раскаяние Боба, признание деловой операции ошибкой. Я был почти уверен, что он вспомнил свои афористические каламбуры и хотел сказать: лучше бы мне остаться бедным, но здоровым, чем быть богатым и больным.

Он дышал очень тяжело, с каким-то сипом. И все время прислушивался к тому, что делалось у него внутри...

Меня болезненно укололо чувство собственной вины. Ведь это из-за моей безответственности Бобу попался такой неудачный вариант, о возможности которого я сам же предупреждал его.

— При ваших-то капиталах можно заменить и другие органы, — проговорил я и запнулся.

— В Биоцентре мне советовали, но замена отдельных органов ничего не даст. Почки, сердце — этого мало... У меня никуда не годятся сосуды.

Я не знал, что и ответить.

— Да, сейчас все возможно, — задумчиво проговорил Тирбах. — Но я хочу остаться самим собой... Сегодня я забираю вас на весь день... Не возражаете?

— Наоборот, буду рад вас сопровождать.

— Ну вот и хорошо.

Тирбаха в банке не ждали. Секретарь управляющего, высохшая старая дама, строго посмотрела на нас и изрекла:

— Господин Шнитке занят, пройдите к заместителю.

Тирбах мягко возразил:

— Передайте господину Шнитке, что если его секретарь еще раз не узнает владельца банка, я прикажу его уволить.

Он направился было мимо дамы, но она спросила:

— Кого прикажете уволить, господин Тирбах: управляющего или владельца банка?

Тирбах остановился в недоумении, потом рассмеялся:

— Лучше уволить владельца банка. Так неудачно выражает свои мысли.

Управляющий, энергичный молодой человек, разговаривал с посетителем. Увидев нас, он резко повернулся:

— В чем дело, господа? Калерия,— обратился он к вошедшей следом за нами старой даме.— Я же просил никого не принимать.

— Господин Шнитке, я предупреждала, но господин Тирбах очень настаивал.— Она выделила слово «очень».

Управляющий вскинул голову, торопливо поднялся:

— О, извините, господин Тирбах. Почему вы не предупредили? Во избежание таких недоразумений.

— Гораздо приятнее быть неожиданным, господин Шнитке. Сегодня я, как кинозвезда, в сопровождении прессы... Кларк Елоу из «Фурора».— И он указал жестом в мою сторону.

— Рад познакомиться.— Шнитке протянул руку.— Разрешите представить.— И он указал на находившегося в кабинете человека.— Это Адриан Дрейк.

— Вы что же, господин Дрейк, уже не доверяете крючкотвору Крогиусу? — спросил Тирбах.

— Сегодня я, как и вы, господин Тирбах, предпочитаю все делать лично.

— Пожалуйста, входящие и исходящие за два последних месяца,— обратился Тирбах к управляющему.

— То есть все расчеты компьютера? — переспросил Шнитке.

— Техника, конечно, хорошо, но я уж по старинке хочу все посмотреть своими глазами.

Получив несколько листов со стройными рядами машинописных цифр, Тирбах проговорил:

— Ну что же, не буду вас отвлекать... Я уединяюсь в своем кабинете...

•

Тирбах просматривал колонки цифр очень быстро, с профессиональными навыками. Иногда что-то подчеркивал...

Я понимал, почему он начал демонстрировать мне знание банковских дел. Ведь для моего друга они были родной стихией. И если Боб явно не видел в лицо текстильного короля Адриана Дрейка и чуть было не сел в лужу, то наверняка имел дело с его поверен-

ным в делах, и, умело вернув в разговор имя Крогиуса, с честью вышел из затруднительного положения.

Я был внимателен не хуже следящей электронной системы, все фиксировал: поведение Боба в образе Тирбаха было безупречным! Но меня тревожило, что Винкли опять использует меня в своих интересах, а о расплате не думает... Конечно, работа оценивается по результату. Но ведь я не впервые помогаю ему!

Через полчаса заглянул управляющий.

— Вам ничего не нужно, господин Тирбах?

— Благодарю вас. Присядьте, пожалуйста. Я заканчиваю просмотр документов и хотел кое-что выяснить.

Он положил бумаги на стол.

— Дорогой Шнитке, направляясь сюда, я думал, что дела без меня пришли в упадок. Но я ошибся. В целом я доволен порядком в документации. У меня только два вопроса.

— Слушаю, господин Тирбах.

— Первый. Почему вы, вопреки моему запрещению, выдали крупную сумму фирме Нординга? В мое отсутствие что-нибудь произошло?

— Нординг предложил высокий процент, двенадцать годовых и солидное обеспечение.

— Какое именно?

— Закладные на крупное дочернее предприятие пластмасс, оцененное экспертами в одиннадцать миллионов.

— Закладные в сейфе?

— Конечно.

— Почему же об этом обеспечении нет никаких записей?

— Разве? Я разберусь.

— И еще одно. В апреле здесь зафиксировано поступление одного миллиона от фирмы Буаре, в погашение ссуды. Далее, из записей следует, что этот миллион был переведен в филиал нашего банка в Дризе. Однако его поступление туда не зафиксировано.

— Сейчас разберусь, сэр...

Шнитке взял бумаги.

— Переведите этот миллион в Париж, на имя моего сына.

— Хорошо, господин Тирбах.

— Попрошу принести мне закладные Нординга.

— Но для этого надо вскрывать сейф.

— Вскрывают.

После ухода Шнитке Тирбах опять достал серебряную коробочку.

— Сердце беспокоит все сильнее,— проговорил он.— Неужели я ничего не успею... и все пойдет прахом? Это ужасно! — В его глазах промелькнуло отчаяние. Преодолевая слабость, он поднялся, опираясь на край стола.— Отсюда едем в вашу резиденцию.

Я вопросительно взглянул на него.

— Я решил купить несколько газет,— объяснил Тирбах.—

Начну с «Фурора». Там уже все договорено. Купчую оформим на ваше имя.

Кажется, наступил момент, которого я так долго ждал...

Слова благодарности уже кипели в моей голове, но вдруг их вспугнула колючая мысль:

«А может быть, мне отводится лишь роль подставного лица».

Тирбах вновь сел в кресло и закрыл глаза, казалось, он дремал.

Скоро вернулся Шнитке. Вид у него был довольно понурый...

— У вас не все в порядке, герр Шнитке? — поднял голову Тирбах.

— Закладных Нординга в сейфе не оказалось, — растерянно моргая, произнес тот.

— Я так и думал.

— Но нам удалось раскрыть махинации нашего служащего О. Коннена. Он сознался, что за крупную сумму обещал вернуть их Нордингу. Потому и не дал о них никаких сведений. — Шнитке облизал пересохшие губы.

— Дальше!...

— К счастью, О. Коннен не успел передать их Нордингу, ждал, пока не получит от него перевод.

— А что с миллионом?

— С миллионом хуже. В апреле он был переведен в дризский филиал. И, как я сейчас выяснил, там его получили по фальшивой доверенности. Видимо, был сговор с кем-то из дризских служащих...

— Вы не выяснили, кто получил?

После заминки Шнитке назвал:

— Наш бывший клерк Боб Винкли.

На лице Тирбаха появилась растерянность. Но вдруг он замолчал головой и расхохотался. Смеялся долго, до слез.

— Вот так история! Умно сработал шельмец. Так что теперь не с кого взыскивать.

«Вот оно, еще одно дельце Боба, на которое он неоднократно намекал».

— Бог с ним, с Винкли, — продолжал Тирбах. — Оформим эту сумму как дополнительные затраты на операцию. А сыну моему Рудольфу отправьте миллион из основного фонда.

На другой день газеты подробно описывали посещение Тирбахом банка и покупку «Фурора». Вокруг Дуономуса поднялась очередная бумажная буря. Упоминалась хитроумная махинация Боба Винкли. Журналисты упражнялись в остроумии по поводу того, что герой сам у себя украл миллион. Основной упор делался на то, что Дуономус (или скрывающийся за ним Боб Винкли) забирает в свои руки миллиарды Тирбаха. Не пора ли остановить его?

Не время ли до выводов особой комиссии наложить вето на капиталы Эдварда Тирбаха?

В опубликованной газетной статье я подробно, как очевидец, описал все акции Тирбаха, доказывая, что он действовал предельно разумно, прекрасно разобрался во всех банковских операциях и только благодаря своей высокой компетентности заметил непорядок в документах и предотвратил затеваемую Нордингом аферу. Находящийся под следствием О. Коннен признался, что был подкуплен Нордингом, и может рассказать об этой махинации подробнее.

Заканчивалась статья так:

«Хищение миллиона Бобом Винкли, по поводу которого так резво упражнялись наши острословы, было раскрыто тоже не кем иным, как Тирбахом, благодаря скрупулезному анализу записей компьютера. Не случайно журналисты опустили этот красноречивый факт. Если бы под маской Дуономуса находился Боб Винкли, результаты проверки, вероятно, были бы другими».

Теперь у меня появилось множество новых ответственных забот, и я проводил в редакции дни и ночи. Хотелось все проверить, за всем проследить... Дело оказалось предельно хлопотным. Оно не только дисциплинировало меня, но все сильнее забирало в свои сети, все настойчивее вносило коррективы в мои решения и поступки. Я с грустью констатировал, что перестаю принадлежать самому себе.

Однажды я, как обычно, просматривал гранки для ночной верстки. На столе зазвонил телефон. Я машинально взглянул на часы: половина двенадцатого. Кто же в такую пору мог звонить мне в этот кабинет?

— Кларк? — послышался в трубке вроде бы знакомый голос.

— Да...

— Ты, старина, совсем не отдыхаешь!

— Простите, кто это? — удивился я фамильярному обращению.

— Эдвард Тирбах.

— Очень приятно, господин Тирбах.

— Перед сном надо обязательно гулять. Выйдем, глотнем свежего воздуха.

— С удовольствием. А то действительно замотался.

— Встретимся в парке.

К месту свидания я подходил переполненный сложными чувствами: приглашение на прогулку скорее исходит от Боба, но полной уверенности в этом не было. Смогу ли я, наконец, убедиться в воскрешении друга?

В бодрящей прохладе сквера мы провели около двух часов. Но я не мог понять, кто гуляет рядом со мной: собеседник шагал

очень медленно, часто останавливаясь... Беседа касалась разных пустяков. Мне захотелось поговорить со спутником о системе образования. Но Дуономус нехотя оборнил:

— Это недискуссионная тема. Разные дети по-разному развиваются и требуют различного отношения к себе.

Голова его была занята какими-то думами, которые он не считал возможным мне поведать. Это мог быть и Тирбах, и Винкли, но в этом человеке было заключено и единство их.

Я невольно подумал, что линию поведения и индивидуальность любого смертного определяют масштабы его дел, а различные органы играют сугубо служебную, функциональную роль. Я понял, что должен окончательно распрощаться с Бобом Винкли. Бедного банковского клерка больше не существует! Вместо него есть финансовый магнат под именем Эдвард Тирбах, отношения с которым надо налаживать на новом, чисто деловом фундаменте.

Тирбах словно бы уловил мои мысли:

— Ну, а как твои газетные дела?

Я коротко объяснил ему, что уже обстоятельно вошел в редакционные заботы: чтобы предприятие было жизнестойким, конкурентоспособным, оно должно непрерывно развиваться, совершенствоваться... Малейший застой — это уже симптомы умирания.

— И что из этого следует? — заинтересованно спросил Эдвард.

— Я ввел новую должность советника по реорганизации газетного дела, поставив на это место толкового молодого специалиста. Я не дал новому служащему постоянного места, ведь конкретно он ничем не руководит. Четыре часа в день он ходит по отделам и редакциям, присматривается, анализирует, замечает неполадки... Посещает другие издательства... А потом выплескивает идеи по улучшению, расширению... Я обдумываю их, прокручиваю на компьютере... И уже кое-что начал воплощать. Например, организую выпуск красочного воскресного приложения для женщин.

К моему удивлению, Тирбах хорошо разбирался в издательских делах и стал расспрашивать о подробностях этого намерения: о содержании и тематике статей еженедельника, о формате и размерах газеты, о качестве бумаги и фотографий... Иногда он делал замечания.

— Да, ты абсолютно прав: для женщин очень важно найти дружеский, доверительный тон. Главным редактором приложения обязательно должна быть женщина.

— Уже есть кандидатура, — ответил я.

Появилось такое ощущение, будто вернулись прежние времена, когда я гулял здесь с Бобом Винкли, только теперь оба мы были в ином качестве, обуреваемые другими заботами.

Эдвард опять понял меня без слов, а может, мы с ним думали об одном и том же... Потому что на прощанье он сказал:

— О твоей деловой хватке я уже был наслышан от Варлея.

Теперь лично убедился в наличии у тебя завидной инициативы и предприимчивости. Признаюсь, ты выдержал самый надежный экзамен для руководителя: проверку в деле. Я рад, что не ошибся.

Вскоре мне опять позвонил секретарь Тирбаха и сказал, что Эдвард в клинике Биоцентра и хотел бы повидать меня.

— Что с ним? — встревожился я.

— Приезжайте, узнаете.

В клинику я прибыл только в середине дня.

Эдвард был уже на операционном столе.

В приватном разговоре Варлей поведал мне, что Тирбах заключил с ними договор на пересадку к его голове здорового молодого тела.

— Правда, официально, для прессы, операция носит более локальное название, — продолжал Варлей. — Как замена Эдварду Тирбаху некоторых органов. Его самочувствие заметно ухудшилось, и другого выхода не было. А тут как раз подвернулся великолепный экземпляр. Тирбах очень хотел видеть вас, но откладывать операцию не стал. Сказал, поговорим потом, если все обойдется.

У меня что-то екнуло в груди.

— А как же исследования ваших специалистов? — возник у меня закономерный вопрос, хотя я подозревал, что тут не все чисто.

— Какие исследования?

— О решающей роли генов и всего организма в установлении личности Дуономуса...

Варлей, как мне показалось, усмехнулся.

— Неужели вы не оценили ситуации? — Я посмотрел на него с нарочитым недоумением. — Пересадка головы сулила дополнительные миллионы. Надо было подготовить почву, чтобы к этой операции относились как к приживлению любых других органов.

— Как! Неужели ученые рискнули на фальсификацию?

Может быть, выражая неподдельное возмущение, я переиграл, но только Варлей пошел на попятную:

— Ну, какие-то данные о влиянии генов и всего организма на интеллектуальную деятельность, видимо, были получены. Я ведь не ученый и не знаю всего. Я сообщил вам свои субъективные выводы, которые сделал на основе анализа общего положения дел, а также на некоторых репликах и оговорках руководителей центра. Надеюсь, вы не будете популяризировать в газете мои досужие домыслы. Теперь у вас с Тирбахом общие интересы.

Я промолчал. А Варлей добавил:

— Перед операцией Тирбах со свойственной ему убежденностью заявил: «Грош цена вашим научным изысканиям! Какие

бы органы ни пересаживали, после операции останется тот, кто за нее платит».

Несколько дней Тирбах находился в реанимации. Я навещал к нему. Он был без сознания и бредил. Звал Кэт, Рудольфа, Лиз. Кому-то клялся в любви, говорил, что он обновился и стал по-другому смотреть на жизнь.

А через день, не приходя в сознание, Эдвард Тирбах скончался.

В газетах появились сообщения о том, что перед операцией Тирбах составил новое завещание, и по этому поводу высказывались самые разные мнения.

На вскрытие завещания собрались представители прессы, радио, телевидения! Словно на инаугурационную речь президента.

Дело Дуономуса я считал своим, продолжал писать о нем в газете. Поэтому решил лично присутствовать на этой церемонии.

В напряженной атмосфере ожидания нотариус, казалось, действовал с нарочитой медлительностью. Неторопливо распечатал конверт, развернул исписанный лист...

В зале стояла такая тишина, что было слышно дыхание соседа.

Огласив, как положено, вступительную часть о добром здравии и трезвом рассудке, поверенный повысил голос:

— Настоящим завещаю... Мой сын Рудольф Тирбах, жена Кэт Тирбах и Лиз Винкли наделяются одинаковыми правами и одинаковыми частями из моего наследства. Каждый из них будет получать пожизненную ренту в размере шестидесяти тысяч дин ежегодно...— В зале пронесся легкий шелест голосов.— Все движимое и недвижимое имущество завещаю моему преемнику в делах Кларку Елоу, как человеку, способному распорядиться капиталом с наибольшей пользой для общества.

Так закончилась эта история, вокруг которой еще долго по разным поводам, в том числе о законности данного завещания, продолжались шумные баталии.

Поскольку высокая комиссия по определению личности Дуономуса не успела до его смерти сделать никаких выводов, все распоряжения Тирбаха остались в силе. Комиссия переключила свое внимание на деятельность ученых Биоцентра, подвергнув их выводы серьезному сомнению. Пересадка головы была запрещена до получения исчерпывающих данных. Однако ученые пока не внесли в это дело никакой ясности.

Для меня это тоже не праздный вопрос. До сих пор я не знаю, кому поставить надгробный памятник со словами благодарности. Полной уверенности, что это был мой друг, нет. Откуда, например, в этом человеке такие ревностные заботы об общественном благе? Сыграли свою роль гены Тирбаха или это — результат перехода Боба в категорию предпринимателей?

Я рад, что не успел явиться к Дуономусу со своими претензиями. Но с научной точки зрения лучше бы я начал задуманный маневр. Тогда по реакции я бы точно узнал, с кем имею дело: Винкли, вероятно, открылся бы, а Тирбах — откупился. А сейчас эту тайну Дуономус унес в могилу.

Вечерами я часто гуляю по памятным аллеям парка, обдумываю свои многочисленные проблемы, иногда вспоминаю эту историю...

Нередко меня сопровождает Кэт Тирбах. Теперь она дельный специалист, главный редактор воскресного приложения для женщин.

Рудольф остался в Париже. Его работы иногда упоминаются в печати, но знаменитостью он так и не стал. Мы изредка переписываемся и обмениваемся поздравительными телеграммами.

Лиз Винкли открыла кафе «У Боба» и преуспевает. Она нашла счастье во втором браке. С ней я не встречаюсь. Многочисленные заботы поглощают все мое время.

Однако юношеские мечты, как видите, не оставляют меня, властно повелевая выкраивать из своего бюджета времени минуты на поединок со словом.

* * *

МИХАИЛ ГРЕШНОВ

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

— У меня предчувствие, что она будет сегодня.

— У меня нет предчувствия. У меня его никогда нет.

— Но должна же она появиться!

— Фантастика, Стаффорд.

— Лейн!..

— Не смотри на меня так. И не кричи. Здесь не только запрещено повышать голос, но даже дышать.

За столом их двое. Дежурят всегда по двое. И разговаривают шепотом. Здесь благоговейная тишина. Священнодействие.

А всего только — громадный стол, абсолютно голый, камин, который никогда не горит. Окна по сторонам, ночью светящийся потолок.

Стаффорд пытается продолжить разговор:

— Фантастика? Значит, не веришь?

— Не верю.

— Зачем же ты пошла в вахтенные?

— Здесь хорошо платят.

— Но...

— И еще рассчитываю на премию.

Оба смотрят на стол, кажется, — в одну точку.

С тех пор как Комитет утвердил Вахту, этот зал не пустует. Комитет был создан в 1995 году, в столетие со дня выхода книги Уэллса «Машина времени», пятьдесят два года тому назад. С этого дня зал и стол ни на минуту не выбывают из-под контроля. Ни на минуту не отлучаются вахтенные.

Идею Вахты выдвинул сэр Бенджамин Хаксли. Тот самый, который записал рассказ Путешественника во времени. Рассказ был талантливо переработан Уэллсом и появился в виде известной повести. Уэллс представил ее как фантастическое произведение. Но для сэра Бенджамина история Путешественника не была фантастикой. Он живой свидетель событий, которые предшествовали путешествию. При нем Путешественник запустил машину. А потом он отправился путешествовать в прошлое.

Всю жизнь, до начала пятидесятих годов, — Хаксли пережил автора «Машины времени», — он ожидал возвращения Путешественника. Увы, он не возвратился. Очевидно, Путешественник и машина погибли. Тогда, в 1951 году, Хаксли выдвинул идею: перехватить в будущем модель, запущенную путешественником, и создать по ее образцу новую машину.

Идея долгое время не находила поддержки, и — фантастика! Но в 1994 году были опубликованы дневники сэра Хаксли, остатки чертежей, собственноручно сделанных путешественником. Это послужило поводом к созданию Комитета.

И одновременно — Вахты.

Когда стало очевидно, что Путешественник не вернется и его друзья перестали собираться за столом в известные четверги, встал вопрос, что делать с его домом, лабораторией. Наследников у путешественника не было, и муниципалитет оказался в затруднении, как поступить с имуществом. Вывел его из затруднения Бенджамин Хаксли, предложив купить усадьбу. Других предложений не было, муниципалитет продал ему владение, и сэр Хаксли поселился в нем.

Домовладение его не интересовало. Он решил ждать друга сколько придется и сохранять порядок, который был установлен путешественником в доме. Какое-то время он продолжал традиции «Тайм-Хауза», как он назвал домовладение, четверги, встречи друзей. Но постепенно все это отошло, на обеды перестали являться, перестали даже писать письма с вежливыми отказами по занятости. Убедившись, что заведенный прежде порядок действует вхолостую, сэр Хаксли, не будучи состоятельным человеком, рассчитал прислугу и зажил в пустом доме отшельником.

Одна только страсть владела им — ожидание. С годами книга Уэллса обошла мир, и все приняли ее за яркую и прекрасную выдумку. А сэр Хаксли задался целью доказать, что машина времени и сопутствовавшие ей события — не выдумка, и с упрямством истинного британца стал собирать доказательства.

В основу действий он положил простую мысль (все гениальное — просто!): если модель отправилась в будущее, пусть даже со скоростью, в десять, в двадцать раз превышающей скорость дви-

жения времени, все равно в какой-то момент — или моменты — в будущем ее можно увидеть на том месте, где она была запущена. Будущее огромно, но какая-то часть его доступна ему, Бенджамину Хаксли, — хотя бы годы, которые он проживет на земле. Значит, надо учредить наблюдение, на первых порах ему самому, увидеть, когда аппарат появится, и убедить, прежде всего себя, что модель движется. Сэр Хаксли взял под наблюдение каминную комнату, столик, на котором модель была запущена. Долгие часы, дни не спускал со столика глаз, вел дневник наблюдений. И действительно, в сентябре 1907 года он заметил, как на столике что-то блеснуло. Это был момент, когда сэр Хаксли входил в комнату. Он кинулся к столику, но видение исчезло, сэр Хаксли ощутил только движение воздуха, как если бы птица взмахнула крылом. «Трудно описать мое состояние, — отметил он в дневнике. — Сердце готово было выскочить из груди. Модель существует, движется!»

К этому времени прислуга была рассчитана. Сэр Хаксли вспомнил, что прежде комнаты убирала миссис Уотчет, бессменная горничная у путешественника. Он разыскал ее, засыпал вопросами. Да, подтвердила она: видела на столике странный блеск. Удивилась, но не придавала этому значения. Когда это было? Пожалуй, года четыре или четыре с половиной тому назад.

В руках сэра Хаксли была нить. Пусть он умрет, он передаст ее потомкам. А может, и сам задержит модель.

Он принялся рисовать ее по памяти, построил макет, рычажки. Чтобы остановить модель, надо рычаг поставить в нейтральное положение. Но скорость?!

День за днем продолжает он дежурить у столика. «Господи, если бы можно было не спать!..»

В 1923 году видит модель второй раз. И точно так же: мгновенный блеск, ветер. Записывает: «Нужна постоянная служба наблюдения — Вахта».

Начавшаяся вторая мировая война принесла ему испытание: бомба попала в дом, разрушила левое крыло, лабораторию. Наскоро проведя ремонт, попросту отгородив стеной разрушенную часть лаборатории, довольный, что уцелела каминная комната, сэр Хаксли продолжал дежурство у столика.

Однако до самой своей кончины больше ничего не увидел.

После него тоже не осталось наследников, и перед властями встал тот же вопрос: что делать с усадьбой? Время было нелегкое, послевоенное, покупателей не находилось, да и усадьба была не новой. Опубликовав два-три объявления, муниципалитет махнул на нее рукой и предоставил судьбе.

В 1953 году появился проект застройки холмов дачными домиками, и все старые здания, в том числе и «Тайм-Хауз», были отданы на слом.

Дом начали ломать с левого крыла, там, где сэр Бенджамин поставил временную стену в лаборатории, полуразрушенной бомбой. Первый ковш экскаватора вместе с мусором поднял кипу об-

горелых бумаг. К счастью, это заметил инженер, руководивший работами. Он остановил ковш, готовый высыпать мусор в кузов грузовика, перебрал бумаги и... запретил работу. Нет, он не знал, что это «Тайм-Хауз», — в этих краях он был новичок. Но с первого взгляда его поразили формулы с общепризнанными обозначениями энергии, массы, времени. Листки сохранились едва на треть, некоторые рассыпались под пальцами, но там, где записи сохранились, можно было прочитать расчеты и формулы. Это заинтересовало молодого человека. Он кое-как разобрал бумаги, сложил в портфель. Здесь оказались и обгоревшие чертежи. Едва можно было разглядеть станину какого-то механизма, двойную решетку, отверстия которой не совпадали. Все это инженер тоже сунул в портфель. Дал разрешение на возобновление работ, но до конца смены не отходил от экскаватора.

Вечером у себя в квартире попытался разобраться в находке и на одном из листов наткнулся на формулу преобразования времени в вакуум.

У него затряслись руки, и он едва сумел набрать номер Королевского физического общества в Лондоне. У телефона оказался вице-президент общества. Узнав, откуда звонят, и поняв, что бумаги из «Тайм-Хауза», он приказал инженеру ничего не предпринимать и хранить чертежи лучше глаза.

Наутро он приехал на строительную площадку, где продолжалось разрушение «Тайм-Хауза», и схватился за голову. К счастью, дом еще не был разрушен, вице-президент встал перед экскаватором и заявил: «Только через мой труп!..»

Так удалось спасти останки «Тайм-Хауза», а главное, каминную комнату. Прибывшая из общества комиссия конфисковала у инженера обрывки чертежей, бумаги с формулами:

«Знаете ли вы, какую находку сделали?..»

В оставшейся части здания отыскивались рисунки модели, сделанные сэром Хаксли, макет и дневники наблюдений. Нашелся восьмиугольный столик, с которого была запущена путешественником модель.

И еще выяснилось, что чертежи и записи путешественника были замурованы в тайнике, в стене лаборатории. Бомба разрушила стену, сожгла тайник. Часть обгоревших бумаг оказалась засыпанной кирпичом, штукатуркой. Сэр Бенджамин наскоро, как мы помним, поставил новую стену; и обрывки чертежей, формулы, истлевая и портясь от влаги, пролежали под мусором пятьдесят лет. Какая ирония: всю жизнь сэр Хаксли бился над разгадкой Машины, а ее чертежи пропадали от времени и дождей буквально у него под ногами. Что ж, человечество знает немало подобных трагедий...

Вспыхнула надежда, что удастся перехватить модель.

Комиссия, не медля, приступила к восстановлению и реконструкции «Тайм-Хауза». Каминная комната была преобразована в зал, оставлен был только камин и стена, в которую он был вделан.

На место восьмиугольного поставили длинный, почти во весь зал стол, придвинув его на расстояние шага к каминной решетке. Сам столик поместили в музей, тут же, в усадьбе, а всю усадьбу сделали комплексом, с лабораторией, рабочими кабинетами и жилыми комнатами. Позже все это подвели под одну крышу и с общего согласия оставили комплексу имя — «Тайм-Хауз». Комиссия была преобразована в Комитет.

По обгорелым клочкам бумаги трудно было восстановить ход математических выкладок, но после долгой работы Комитет установил, что путешественника интересовало взаимодействие времени, энергии и вакуума. При этом время и энергия у него были однозначны, а вакуум не просто обычный физический вакуум, а вакуум времени, в котором время растворяется, исчезает. Это произвело на членов Комитета впечатление разорвавшейся бомбы. Никто не хотел верить, но формула, на которую обратил внимание еще инженер, говорила о превращении времени в вакуум. Это было безумие или открытие, предвосхитившее свое время.

К середине двадцатого века ученые подошли к понятию, что время — это энергия. Еретики выскажут мысль, что Вселенной и жизнью на Земле движет не энергия света, тепла, тяготения, а время. К двухтысячному году еще только выдвинется гипотеза о том, что звезды зажигает и поддерживает в них горение не внутриядерная или какая-либо другая энергия, а время — неиссякаемый океан, который одинаково питает квазар и органическую клетку. Здесь же, на обгорелых листках, было написано, что время и энергия — едины. Но зачем понадобилось путешественнику уничтожить время, превращать в вакуум? Листки не давали ответа, сколько Комитет ни ломал над ними голову.

Из остатков чертежей вовсе ничего понять было нельзя. Станина — это ясно. А вот двойная решетка?

Но и то, что удалось найти и увидеть, говорило, что Машина — реальность, путешествие во времени подтверждено. Другой вопрос — можно ли что-нибудь сделать на основании этих формул и чертежей? Выход был, и сэр Бенджамин указывал на него — найти модель машины. Она существовала и была запущена, она находится в движении, надо перехватить ее, она объявила о себе блеском... в движении.

Сэр Бенджамин в конце дневника в виде вывода, а может быть, завещания, призвал учредить дежурство — Вахту и сделать все возможное, чтобы поймать аппарат, летящий во времени.

Вахта была учреждена, однако создать дежурство оказалось делом непростым.

Надо было подобрать людей, преимущественно молодых, с быстрой реакцией, находчивых. Разъяснить им задачу, обучить перехвату модели, мгновенному ее выключению. Здесь помогли рисунки и модели сэра Бенджамина. По нему сделали двести копий. Придумали стенды, на которых аппарат появлялся на пятидесятую, сотую долю секунды. Создали туманный искусственный

вихрь вокруг аппарата — лови, выключай модель. Создали наконец идеальные условия: пустой, хорошо освещенный зал, тишину, нормальную влажность, температуру. Ввели обучение вахтенных, тренировки и профотбор. Учредили премию в сто тысяч фунтов тому, кто остановит модель. Зал фотографируется телесъемкой — до миллиона кадров в секунду, поставлена сигнализация. Наряду с вахтенными в изолированном кабинете, примыкавшем к каминному залу, днем и ночью — тоже по двое — дежурили члены Комитета.

Так продолжалось годы, десятилетия — игра стояла свеч.

— У меня предчувствие... — говорит Стаффорд.

Опять дежурят Стаффорд и Лейн.

Лейн тихо смеется.

— Не пойму тебя, — говорит Стаффорд. — То называешь модель фантастикой, то надеешься получить премию. Значит, веришь?

— Молчи, Стаффорд, — прерывает Лейн. — Работай.

Стаффорд смолкает, но, искоса поглядывая на Лейн, продолжает рассуждать про себя: «Странная девчонка, — кстати, единственная среди вахтенных, все остальные мужчины. Нелегко ей удалось конкурировать с ними, но как она тренировалась, чтобы доказать равенство! Доказала. В тренировках с тестами — первая, в работе на стендах — первая. По быстроте и реакции никому не уступит. Правда, на стенде еще никому не удалось за сотую долю секунды выключить рычажок, — Лейн тоже не удалось, — члены Комитета в отчаянии от этого. Но что поделаешь? Каждый из вахтенных надеется. И Комитет тоже надеется. Но почему Лейн противоречива? — продолжает рассуждать Стаффорд. — Верит в модель и не верит? Пожалуй, девица себе на уме...» Стаффорд сосредоточивает взгляд на столе, где небольшим, почти незаметным квадратом намечено выверенное место, на котором путешественник полтора века назад запустил модель в будущее.

Время тянется, тянется, нигде оно так не тянется, как в этой комнате. У Стаффорда сводит челюсть — зевнуть, но зевать строгойше запрещено, читать запрещено, думать о постороннем тоже.

Сиди и смотри. Слушай тишину, если умеешь ее слушать.

Но что это? Будто мотылек ударяет крыльями по стеклу. Стаффорд поднимает голову — на окне ничего нет. Под крышей комплекса нет мотыльков и мух.

Лейн тоже вслушивается, приподняв брови.

И вдруг посередине, между ней и Стаффордом, возникает движение воздуха, едва заметный порыв. Стаффорд машинально кладет руки на стол, и в это мгновение в квадрате, на который он смотрит, появляется проблеск, сияние. Миг — и в порыве ветра, который ударяет в лицо, возникает что-то белое, с хрустальным блеском, с шелестом, который Стаффорд услышал секунду тому назад.

— Лейн! — кричит он, одновременно выбрасывает руки к сиянию.

Лейн уже видит все — как беспомощно руки Стаффорда пытаются нашарить рычажок, повернуть и отключить от упора, как учили на тренировках.

— Лейн, помоги! — кричит Стаффорд.

Видение между тем начинает тускнеть, расплываться.

Руки Стаффорда, кажется, сжимают затихающий вихрь, но, бессильные, скользят по столу. Еще мгновение — и конец.

Лейн наотмашь (на следствии она скажет: «А что было делать?») ударяет рукой по белому с хрусталем. Так бьют овода, севшего на колено, — впопыхах и наверняка. Под рукой звякает, хрустит, разом опадает вращение вихря, исчезает размытость форм, перед Стаффордом и Лейн — аппарат. От удара он скользит по столу — к краю, Стаффорд ложится на стол, чтобы задержаться, но аппарат падает на пол. Опять звон, что-то дробно катится по паркету — и все стихает.

— Что ты сделала, Лейн? — В глазах Стаффорда ужас.

Лейн, белая, как стена, овладевает собой:

— Все, Стаффорд. Кончилась Вахта. Получай премию.

Закрыла лицо руками и разрыдалась.

Распахнулась дверь, в комнату вбегают люди, члены Комитета, их двое. Кидаются к аппарату.

— Боже мой! — бормочет один. — Возможно ли?..

Второй, завладевший аппаратом, прижимает его к себе, словно боясь, что модель опять исчезнет.

Лейн опускает руки, бледность сходит с ее лица. Стаффорд стоит у стола как вкопанный.

Еще появляются люди — ученые, которых подняла сигнализация, вахтенные, готовившиеся к смене.

Член Комитета, завладевший моделью, все еще не может сдвинуться с места, второй, отыскивая под столом отскочивший рычажок, бесконечно повторяет:

— Возможно ли? Возможно ли?

Но все уже свершилось.

Прежде всего встала задача — изучить модель и по ее образцу сделать Машину. К счастью, повреждения от удара оказались несущественными: отломился один из рычажков, кусочек панели. Сразу же был создан мозговой центр по изучению аппарата.

И начались сюрпризы. Двойная решетка с несовпадающими отверстиями оказалась двигателем машины, преобразователем времени в вакуум. Точнее — это аннигилятор, в котором время, сгорая, создавало вакуум в самом себе, придавая этим машине момент движения: машина втягивалась в вакуум — само время ее

толкало. Чем больше сгорало времени, тем быстрее двигался аппарат. Все гениальное — просто, убедились исследователи. Путь к созданию Машины был открыт.

Но, как и везде, великое и смешное в «Тайм-Хаузе» шли рука об руку. Пока инженеры бились над тайной двигателя, Комитет провел расследование о «рукоприкладстве» Лейн.

— Как вы решились на такой грубый поступок?

— А что было делать? — ответила Лейн.

— Вас учили — что делать.

— А вы попробуйте, — возразила девушка, — за сотую долю секунды остановить аппарат!

— На это вы прошли техотбор, тренировки.

— Да, я тренировалась еще и дополнительно.

— Поясните.

— Построила модель и тренировалась по шестнадцать часов в сутки.

— И что?

— Пришла к выводу, что так модель не остановишь.

— Почему об этом не доложили Комитету?

— Мне ли спорить с авторитетами?

— И вы знали, что станете действовать не по инструкции?

— Сделала как сделала...

— Заранее действовать не по инструкции?

— Заранее, — согласилась Лейн.

— Но вы предполагали, что повреждения могут быть непоправимыми?

— Исправлять повреждения — дело техники.

Комитет был настроен миролюбиво, ведь «мудрые, — писал Гюго, — не строги». Да и кончилось все благополучно, тайна двигателя разгадана — Машина будет. Посовещавшись, Комитет принял решение: сто тысяч фунтов присудить ей, единственной девушке, вахтенному Лейн Баллантайн.

Машину изготовили через год. Испытали в лаборатории. Машина двигалась в прошлое, в будущее — пока на час, на день: конструкторы испытывали параметры.

Когда наконец протокол был подписан, занялись вопросом: куда направить первые рейсы? Большинство высказалось за прошлое — дочеловеческое прошлое, чтобы внезапное появление людей из двадцать первого века не породило у отдаленных предков мифов и культов. Рейсы были нацелены на палеогеновую эпоху — до тридцати, тридцати пяти миллионов лет назад. Машина была двухместной, и в первую пару исследователями назначили доктора физических наук Девиса и профессора Прайса.

Снаряжения взяли немного: киносъемочную, звукозаписывающую аппаратуру, вмонтированную в очки, в авторучки; звукозаписывающий кристалл вставлен в перстень на руке Прайса. Прихо-

дилось, как при полете в космос,— учитывать граммы полезного груза.

Проводы состоялись в лаборатории, были будничными: прошлые волнения пережиты, новые — впереди.

— В путь добрый.

Тронут рычаг. Машина затуманилась, качнулась, качнулся в комнате воздух. И все исчезло.

Для тех, кто остался в лаборатории.

Девис и Прайс были отданы на милость Машины. Машина была запрограммирована так, что из кризисной ситуации могла вернуть исследователей быстро назад. Предусматривалось две остановки: в миоцене и олигоцене. Сразу же предстояло положиться на автоматику. Но Девис повел машину на ручном управлении: мало ли может встретиться неожиданно интересного!

Закружились на циферблатах стрелки, замелькали цифры пройденных веков и тысячелетий. Солнце металось по небу, потом наступила мгла — ледниковый период. Опять солнце, и опять ледниковый период — так до десяти волн. Потом выскочили из оледенений в смутную зелень континентального климата.

Сделали первую остановку. Холмы, река, в которой трудно было узнать Темзу, когда-то еще река будет названа Темзой. Пока что на Земле не было ни одного географического названия. Остановились в осени. Лес был желтым и красным. Небо в этот час голубело. От реки веяло холодом. Стояла тишина, как будто все живое уснуло. В воздухе не было птиц.

— Интересно, сейчас существуют миграции? — спросил Девис.

Прайс молча пожал плечами. В первобытной тишине странно прозвучал человеческий голос. Девис заметил это и смолк.

Вечернее солнце пристально глядело на них. Девис поежился. Не от холода — от этого взгляда.

Воздух был стеклянный, с блеском, нигде ни дымка. Да и откуда ему быть?

Забрались в кабину — и опять бешеный бег стрелок, смутное мелькание за окном.

Второй раз остановились в олигоцене.

Та же река, холмы. Чуть затуманенный день, мошкара в воздухе. Лес поредел, некоторые холмы обнажились, будто бы облысели. Видимо, наступила полоса засушливых тысячелетий. Даже река заметно сузилась. И тут исследователи впервые услышали звук — трубный звук, несомненно, трубило хоботное животное. Да вот оно: раздвинулись камыши, коричневая громадина на коротких ногах, поводя хоботом, появилась ярдах в двухстах от Машины. Затрубила. Почуяла присутствие посторонних? Это была самка. Вслед за ней из камыша вылезли двое детенышей, величиной с крупных телят.

— Пожалуй, они встревожены,— сказал Прайс.

Самка с минуту оглядывала пришельцев, хобот ее шевелился,

она нюхала воздух. Во всяком случае, у животного страха заметно не было. Исследователи тоже не чувствовали страха — смотрели. Отнюдь противоборства здесь не было, каждый оставался сам по себе. Хотя и можно встречу оценивать как символическую. Животное повернуло назад в камыши. Детеныши, потоптавшись на месте, последовали за матерью, и семейство, так же внезапно, как появилось, исчезло в зарослях.

— Во всяком случае, нас предупредили, что мир населен и занят,— засмеялся Девис.

— Хорошо, хоть это не носороги,— сказал Прайс.— Те кинулись бы на нас без предупреждения.

— Подумаешь, деликатность,— проворчал Девис и полез в Машину.

Преодолев глубь эпох на полмиллиона лет, они уже хотели возвращаться, как вдруг в динамике на запястье Прайса запело: три коротких сигнала, три длинных, три коротких — SOS.

— Бог мой! — воскликнул Девис.

Морзянка пела: SOS, SOS...

— Ущипните меня, Прайс!

— SOS, SOS, SOS...

Девис резко затормозил.

Минуты две исследователи слушали сигнал бедствия. Непостижимо!

— Однако...— Прайс порывлся в портфеле, достал пеленгатор.— Северо-северо-запад,— отметил вслух.— Пошли?

Первый выскочил из кабины.

— Будто бы совсем близко.

Они поднялись на холм — звук усилился. Спустились в лог. Здесь протекал ручей, разросся кустарник.

Они прошли по ручью метров двести и остановились, пораженные. Перед ними был шалаш.

Самый настоящий шалаш, из ветвей, травы, дерна. Дверь, сделанная из пучков хвороста, перевитых волокнистым растением, полуоткрыта, и в шалаше кто-то был: слышался кашель.

Секунду Девис и Прайс стояли не шевелясь: откуда шалаш и кто может быть в нем? Но тут из двери послышалось:

— Входите, что же вы? Я вас жду.

Вот как — оказывается, исследователей в тридцати миллионах лет от их времени ждали!

Девис и Прайс нерешительно двинулись к шалашу, нагнувшись вошли в дверь.

На подстилке из веток — ни стола, ни какого-либо подобия стульев в шалаше не было — в потрепанном донельзя, продранном на локтях и коленях костюме лежал человек, исхудавший, кожа да кости, с седой бородой, гривой, казалось, не знавшими ножниц с сотворения мира.

Еще более удивительными были его слова:

— Вас жду, доктор Девис,— подал он руку,— и вас, Прайс,—

пожал руку профессору. — А что знаю ваши имена — не удивляйтесь: у меня абсолютное знание.

Исследователи были поражены не менее, чем в ту минуту, когда увидели шалаш. Кто это мог быть? — вихрем пронеслись мысли у одного и другого. Только он — единственный человек в такой дали — двадцать первого века — путешественник по времени.

— Да, да, — угадал их мысли Путешественник. — Я и никто другой. Извините, что не могу предложить вам уютных кресел и кофе. В последнем рассчитываю на вас.

Прайс молча отвинтил колпачок, подал Путешественнику термос.

Тот жадно пригубил, щеки заходили на его лице ходуном, борода затряслась.

Казалось, он был не в силах оторваться от кофе, перевести дыхание. Но он вернул термос с благодарностью, кивнув:

— Я и так умру, — сказал он. — У меня только сорок минут для вас. С момента встречи сорок минут, — уточнил он.

Девис невольно взглянул на часы, было двадцать минут двенадцатого.

— А потому, — сказал путешественник, — я в своем повествовании буду краток. Вы ведь ждете рассказа о моем втором путешествии? Записывайте меня, снимайте на киноплёнку, что вы, правда, уже делаете. — Путешественник кивнул на перстень профессора: — Но ради бога не перебивайте меня, не останавливайте. Я продумал рассказ и уложусь точно в срок, на детали у меня нет времени.

Странный это был рассказ, и странная была обстановка. Девис и Прайс сидели на земле. Девис, подвернув по-турецки ноги, Прайс полубоком к рассказчику. Ветер шелестел в стенах шалаша жухлыми листьями, ворвался в дверь, неся запахи и звуки палеогеновой эпохи. Мир для исследователей сосредоточился под этим первобытным сводом из трав и ветвей. Но путешественник рассказывал удивительное. Исследователи были захвачены рассказом, кажется, шли за Путешественником в повествовании и видели все его глазами.

— Не буду останавливаться на подробностях: ящеров Юры и Мела вы увидите сами. Теплые моря Триаса тоже увидите. Искушаетесь в океане Палеозоя.

Всего этого я насмотрелся вдоволь: чудовищ, зверья, трилобитов, хотя и останавливался урывками. Великое однообразие, я бы сказал, — миллиарды лет. Особенно Протерозой: пустыня, пустыня. Страшно было останавливаться: подумать только, один на всей планете. Одиночество, знаете, как зыбучий песок: из него не вырвешься, от него не отмахнешься и не уйдешь. Порой мне казалось, что я застыл посреди плоского мира, прилип, как муха к липучке — потерял чувство движения, времени. Казалось, кровь остановилась в жилах и сердце не бьется, а совершает один бесконечный и последний удар. Если я останавливался, меня оглуша-

ла такая звенящая тишина, что в ней, кажется, я не слышал собственных слов, они таяли, расплывались на губах, как воск. Боже мой, не дай такой тишины и одиночества!

Я вскакивал в седло, нажимал рычаг до упора. Мелькали столетия, календари, и показания часов свидетельствовали о смене исторических эпох, смене суток... Если бы не это, я бы подумал, что кругом забвение, смерть.

Повернуть назад? Сколько раз приходила мне эта мысль. Но другая мысль командовала: вперед, вперед, проскочишь же это мертвое царство, впереди Архей, полтора миллиарда лет, еще и Протерозой не кончился.

Я готов был биться головой о Машину, выпрыгнуть на ходу из седла. Сходил с ума. Мне казалось, что Машина испортилась, стала. Я нажимал рычаг и останавливал Машину. И было одно и то же: белесый горизонт, белесое море. Ни кустика, ни травинки, вода не плескалась у берегов.

И все-таки — вперед, заставлял я себя, как одержимый.

Не буду вас утомлять, эпохами я не выходил из Машины. Жевал сухари, доставал из мешка, привязанного к седлу. Когда уже доходил до крайности от изнеможения, тормозил, падал тут же на песок и засыпал свинцовым сном без сновидений.

Но вот наконец что-то стало меняться, появились холмы по сторонам, смутные очертания хребта по правую руку. Освещение стало тускнеть. Солнце не металось огненным росчерком надо мной, его заволокли тучи. Я понял, что передо мной Архей. Но и здесь я остановился не сразу. Думал, что сумерки кончатся, новый мир мне хотелось увидеть в солнце. Но тучи, наоборот, уплотнились, приняли серый металлический цвет. Когда я притормаживал, я недоумевал, куда делось солнце и почему все-таки светло, — бесконечное утро или бесконечный вечер?

Наконец я сказал себе: хватит — и остановил Машину.

Я был по-прежнему на берегу океана, на бесконечной песчаной полосе, прилежавшей к воде. Отроги хребта чуть позади и справа, за спиной, в расстоянии мили, скалы и камни, будто оторвавшиеся от хребта и приползшие к океану. Скалы были серыми, почти черными, океан тернового цвета, небо напоминало латунную сковородку, опрокинутую над головой, оно светилось.

Выбившиеся из-под шляпы волосы потрескивали, когда же я снял шляпу и провел по ним рукой, с них посыпались голубоватые искры, в пальцах слегка кольнуло. Электричество, — догадался я. В рассединах скал тоже заметил голубоватое свечение. И небо светилось от электричества.

Чувствуя утомление, я отошел от Машины, бросил между камнями плед и улегся. Дальше, решил, не поеду.

Тишина стояла по-прежнему бесконечная. Но, успокоившись и придя в себя, я стал замечать, что тишина неполная. Что-то в ней

переливалось, шелестело, точно песок под ветром. Может быть, у меня шумит в голове? Я приподнимался на локте, прислушивался — шелестело, в этом не было никакого сомнения. Может, в песке роются насекомые, насторожился я, или вода шепчет у берега? Посмотрел на берег, копнул песок, нет, причина в другом. Шорох был неприятный, мертвый. Я встал, поднял плед и пошел по берегу, думая, что, может быть, надо сменить место.

Звук шагов успокаивал. На минуту я отвлекся, но продолжал идти — к скалам: в одном месте они придвинулись к самой воде. Поднимусь на скалы, увеличится площадь обзора — огляжу местность.

В сумерках я, однако, не рассчитал. До скал оказалось не близко, наверное, я шел час. Освещение не менялось, и я понял, что смены дня и ночи здесь нет. Неужели Земля тогда еще не вращалась? — пришла в голову мысль. Тут же я отринул ее, как вздорную, заменил другой: облака настолько плотны, что солнце не пробивается сквозь них. А светло — можно было бы читать газету — от электричества в воздухе.

Тут я дошел до скал и стал карабкаться по откосу на одну из них, показавшуюся доступной для восхождения. Это у меня тоже отняло около часа, но, когда я поднялся на нее, я был вознагражден сполна.

Впереди по берегу, сколько охватывал глаз, — и позади, когда я оглянулся со страхом, в бесконечной дали по берегу одна за другой в шахматном порядке были расставлены Машины — мои Машины Времени. Тысячи Машин, миллион!

Не помню, как я сполз со скалы, может быть, прыгнул? Может, хотел погибнуть? Но единственной мыслью моей было, что я уже погиб. Сошел с ума — было бы еще полбеды. Меня поразила стройность, математическая точность рядов, по которым выстроились Машины.

Я разом понял, что это не мир морлоков, укравший когда-то мою Машину. Не скупясь, кто-то дал мне взамен одной миллион Машин.

Но когда я добрался до первой из них и хотел вскочить в кабину, я ощутил пустоту. Промчался сквозь Машину, подбежал к другой и эту пробежал с ходу, хотя позади они стояли по-прежнему. Дикий страх охватил меня, ярость. «Зачем? — кричал я. — Кому это нужно?» Метался, хотя и чувствовал бесполезность этого, от одной Машины к другой. «Отдайте!» — кричал, осознавая, что среди этого скопища есть моя, единственная Машина, но мне не найти ее до второго пришествия.

— Отдайте! Слышите вы? — потрясал я руками, не сомневаясь, что это дело злых сил. — Зачем вы меня испытываете?

В ответ тишина и легкий электрический шорох.

Сколько времени я метался, бросал камнями в призрачные машины? Сколько еще и что кричал? Отчаяние, усталость взяли свое, я свалился на песок в беспамятстве.

Проснулся от боли — руки и ноги свело от неудобной позы. Берег был тих и пуст, в полумиле от меня стояла Машина.

Еще более обезумевший от радости, я бросился к ней, вцепился в станину, как в постоянный надежный якорь, и только тогда стал приходить в себя. Неужели это был сон? — мне становилось совестно за свое поведение, крики. Нет, это не было сном. Стыд обжигал меня, я вел себя, как павиан в зоопарке. Что обо мне подумают те, могущественные, которые — я в этом не сомневался — существуют в мире Архея? Но зачем они устроили маскарад?...

Может, вскочить в кабину и дать задний ход? Но это было бы бегством. Капитулянтством и трусостью. Во мне заговорил исследователь. Надо понять, что случилось и почему так случилось.

Ответа на вопрос не было.

А может быть, ответ ждать рано? Может, должно пройти какое-то время, прежде, чем ответ будет? Ведь силы вовсе не злые — вернули Машину. Стоит остепениться и подождать? Ожидание еще никому не приносило вреда.

Подкрепившись, я залез на всякий случай в седло и стал ждать.

Прошли сутки. Но они не прошли для меня даром. Мир, который я наблюдал, был в движении — океан, скалы, воздух. Вот на гладь океана легло сияние, взморщилось и вдруг поднялось вереницей домов — целый проспект. Дома менялись, менялся проспект — то становился улицей средневекового города, с притиснутыми друг к другу домами, остроконечными крышами, то проспект раздвигался, давая простор машинам, то мгновенно преобразался в площадь — пустынную, ночную, или же заполненную людьми. Кажется, слышен был говор толпы, шарканье ног. Разом видение исчезало, выдвигался какой-то цех, с бесконечно поднятой крышей и сигарообразными лежащими в ряд баллонами; то вдруг вырастал лес, преобразовывался в поле, в пашню.

В скалах поднимались башни, маяки, неведомые столбчатые конструкции, уходящие в небо. То вдруг море выплескивалось на сушу, голубело, и по нему шли белые корабли.

Все происходило под тихий шелест. словно шел дождь. Но когда я снимал шляпу, волосы мои потрескивали, в пальцах кололо, — воздух до предела был насыщен энергией.

В один из таких моментов я спросил:

— Что это?

И получил ответ:

— Ты видишь жизнь, Путешественник.

Голос прозвучал рядом. Нет, не голос, не шепот — мысль вошла в меня и прозвучала в мозгу.

Я почему-то не удивился. Может быть, ждал — вот-вот заговорят со мной.

Я спросил:

- Разве это жизнь?
- Наша жизнь,— ответили мне.— В человеческом понимании — это преджизнь.
- Электрическая? — догадался я.
- Электронная.
- И эти видения?
- Не обращай на них внимания. Это от избытка энергии.
- А миллион машин? — вспомнил я трагическую ночь.
- Забава. Каждый может делать что хочет.
- Каждый? Кто же вы?
- Мы океан, воздух, небо. Мы — все и во всем.
- Непонятно,— сказал я, действительно ничего не понимая.
- Мы ждем своего времени,— ответили мне еще более непонятно.— Наш мир угасающий. Мы родились от взрыва вместе со звездами и планетами. С тех пор прошли миллиарды лет. У нас своя эволюция. Медленная, но постоянная. Мы живем за счет космического излучения, которое в вашем веке назовут реликтовым. Оно сходит на нет. Вместе с ним угасает и наша жизнь.
- Почему вы все это знаете? Предвидите будущее?
- У нас абсолютное знание.
- Для меня это непонятно.
- Но вернемся немного. Излучение угасает. Мы должны погибнуть или приспособиться к новой жизни.
- Какой?
- Вашей.
- Органической? — спросил я.
- Да, той, что вы называете органической.
- Возможно ли это?
- Эволюция говорит: да. Мы войдем в каждую вашу клетку, в мозг и продолжим существование.
- Каким образом?
- Электрическим потенциалом.
- Да...— вспомнил я о биотоках, об электрическом поле, создаваемом мозгом.

И получил пояснение:

- В каждой частице мозга мы будем существовать.
- А абсолютное знание? — вспомнил я.
- Мы знаем все.
- Как это — все? — спросил я. И удивился: — А я могу знать все?
- Человек, ты уже стремишься вперед.
- Могу?...— настаивал я.

Последовала пауза.

И тогда я сказал:

- Хочу!
- Лучше,— последовал ответ,— если у тебя не будет абсолютного знания. У человечества тоже.

- Почему?
- Потому, что вам нужен процесс добывания знания,— нужна жизнь.
- Разве это не одно и то же?
- Да. Если вам дать абсолютное знание, вам нечего будет делать на Земле. Незачем жить.
- Но я хочу! — вернулся я настойчиво к своему.
- Младенец,— оборвали меня.
- Не будем говорить о человечестве,— сказал я.— Но хотя бы одному вы можете дать абсолютное знание?
- Думаешь, это игрушка?...
- Дайте!
- Что ж, возьми!...

Словно освежающей губкой провели по моему разгоряченному лицу, сняли пелену с глаз.

Обновились чувства, углубилась память, горизонт словно отпрянул в неизмеримую даль.

Я увидел свою формулу о переходе времени в вакуум. Увидел сверхзвуковые аэропланы, звездные корабли. Ответ на любой вопрос приходил сам собой, да и вопросов у меня не было — только ответы. Знал, когда умрет королева Виктория и когда придет к власти президент Франклин Делано Рузвельт, когда он подпишет проект «Манхэттен». Знал Хиросиму, атолл Эниветок, русское слово «спутник» и американское «Шаттл». Но главное и, пожалуй, страшное — страх я почувствовал точно, — что ко всему этому я отнесся безразлично, без интереса, будет — и ладно.

— Вот так во всем,— донеслись до меня слова,— мы перебираем знания, как монах четки,— все для нас застыло, замерло, все в одной форме. Но мы ждем новой жизни, чтобы вместе с ней начать все заново. Каждая эпоха оставит в копилке Земли свое: Палеозой — нефть, Мезозой — уголь, Кайнозой — теплую кровь, мы оставим мысль.

Я между тем видел свою дорогу назад и крушение Машины,— техника ведь изнашивается. Свою остановку здесь, в олигоцене, и этот шалаш и знал, что буду умирать в шалаше. И вы придете, доктор Дэвис и профессор Прайс, за сорок минут до моей кончины. И вот я умираю, и абсолютное знание не поможет мне, и не нужно мне. И вам тоже не нужно, к примеру, вам, доктор Дэвис,— зачем вам знать, что вы умрете... в 2079 году?

Дэвис содрогнулся, глянул на Путешественника — не сходит ли он с ума.

— И человечеству тоже,— продолжал Путешественник.— Зачем ему знать, какие оно пройдет катастрофы Армагеддоны и эпидемии?..

Дэвис поглядел на часы. Было без четверти двенадцать. Его утомил рассказ и испугал, а если говорить чистосердечно, то он думал: к чему эта поездка, зачем Машина?

— Может быть, вам что-нибудь нужно? — спросил профессор Прайс.

— Нет, ничего, — ответил умирающий. — Все тлен и прах.

От этих слов стало зябко и Прайсу, и Дэвису.

Наступило молчание.

— Как вы сумели просигнализировать SOS? — спросил Прайс у Путешественника.

— Абсолютное знание, — ответил Путешественник. — Из останков Машины я взял несколько проводков, сконструировал передатчик. Да вот он. — Он нашарил под изголовьем причудливо переплетенную проволоку, показал исследователям. — Энергией послужило атмосферное электричество.

Говорить было не о чем. Стрелка упрямо двигалась к двенадцати. Путешественник закрыл глаза, дыхание его стало прерывистым. Каждый вздох мог оказаться последним.

Дэвис, ощущая в себе внутренний холод, спросил:

— 2079 год — это шутка?

— А мой год? — тоже с внутренней дрожью, перебивая Дэвиса, задал вопрос Прайс.

— Вот видите... — не открывая глаз, Путешественник сделал попытку улыбнуться. Из-за слабости это ему не удавалось. — Не ездите в Архей.

И последними его словами было:

— Абсолютное знание вам не нужно...

* * *

ГЕОРГИЙ ГУРЕВИЧ

ТАЛАНТЫ ПО ТРЕБОВАНИЮ

Шеф сказал:

— Гурий, для тебя особое задание. Итанты нынче в моде, мы на острие эпохи. К нам идут толпы молодых людей, не совсем представляя, на что они идут. Надо рассказать им о нашем деле все, спокойно и объективно, без восклицательных знаков.

Я воспротивился:

— Почему именно я? Есть Линкольн, есть Ли Сын, есть Венера, у нее одной разговорчивости на четверых. Пришлите к ней корреспондентов, она за вечер надиктует им целую книгу.

— Гурий, не пойдет, — сказал шеф твердо. — Я всех вас знаю не первый день. Венера наговорит с три короба, нужного и ненужного, а Линкольн и Ли Сын будут отнекиваться: «Ах, ничего особенного. Ах, работа, везде работа. Ах, каждый на нашем месте». Мне не нужны каждые, нужны понимающие, что в жизни за все надо платить, час за час, за час блага час труда. Так вот, будь добр, возьми сам диктофон и представь себе, что ты рассказываешь свою биографию, мне... или даже наблюдающему врачу, не скры-

вая ничего, ни радостного, ни горестного, все с самого начала, точно, объективно, спокойно и откровенно.

— С самого начала? — переспросил я. — И о вашей племяннице?

Шеф поперхнулся.

— Ладно, и о ней говори, — решил я. — Только переименуй. Назови как-нибудь иначе: Машей, Дашей, Сашей, Пашей, как угодно...

Ну что ж, если нужно для дела... Если нужно точно, объективно, спокойно и откровенно...

Пиши, диктофон!

Глава I

Все-таки случай играет большую роль в нашей жизни. Когда та странная девочка появилась в классе, не знал я, что решилась моя судьба.

Она пришла к нам в середине года, где-то в декабре, а может быть, в январе, не помню точно. Запомнилось бледное лицо на фоне очень яркой суриком окрашенной двери, прямые светлые волосы, короткая стрижка без выдумки, взгляд нерешительный и настороженный. Новенькая замешкалась в двери: математичка ее вдавила в класс своей пышной грудью. Наши девочки вздернули носики: не соперница. Что я подумал? Ничего не подумал тогда. Или подумал, что невыразительная эта новенькая, бескрасочная, никакая. Портрет ее не стоит писать.

В ту пору я собирался стать художником, даже великим художником. Ручки не оставлял в покое; на всех уроках рисовал карикатуры на товарищей. Это было не первое мое увлечение, до того я мечтал стать путешественником. Со вздохом отказался от этой идеи, когда узнал, что все острова, мысы, бухты, речки и ручьи давным-давно нанесены на карту, еще в XX веке засняты спутниками. Путешествовать обожают все дети поголовно. Недавно одна юная четырехлетняя красотка сказала мне, что больше всего на свете она любит есть мороженое и смотреть в окно из автомашины. Естественно: она новичок на этой планете, ей нужно оглядеть всю как можно скорее. Я тоже в четыре года любил приплюснуть нос к окошку. К четырнадцати меня начала раздражать скорость. Автобус или поезд мчатся как угорелые, в самом деле, угорелые от горячего, несутся мимо прелестнейшие полянки, косогоры, озерки, болотца, рощицы, так хочется осмотреть каждый уютный уголок. Куда там? Пронесся, исчез далеко позади.

Так что я предпочитал ходить пешком, особенно охотно по глухим тропинкам, ведущим неведомо куда, радовался, открыв какой-то рудимент дикой природы: укромный овражек, полянку, неожиданно освещенную солнцем, или безымянный заросший ряской

прудик, наверняка не учтенный, не видный из космоса. И как же я огорчился, когда за поворотом появлялась надпись: «Завод синтетического мяса. Очень просим вас не заходить на территорию, чтобы не мешать работе генетиков», или же, что еще хуже: «Здесь будет построен завод спортивных крыльев. Очень просим вас не заходить на территорию, чтобы не мешать работе строителей».

Таяли реликты дикой природы, превращались в территории. В прошлом тысячелетии шел этот процесс, продолжается в нашем.

И не сразу, постепенно, возникла у меня в голове величественная идея. Я — именно я — отстою дикую природу, сохраню ее для потомков. Как сохраняю? На бумаге. Рисовать мне нравилось, я часто рисовал, чтобы прочувствовать как следует пейзаж, скалу, дерево, кочки, цветочки. Пешеход скользит глазом почти как пассажир у окна: «Ах, дуб? Ах какой раскидистый дуб!» И пошел дальше. Рисующий же должен разглядеть каждую ветку, каждую морщинку на стволе, вдосталь насладиться могучностью и раскидистостью. Вот я и нарисую и сохраню, обойду все берега, все леса, все горы, все страны, составлю тысячу альбомов «Живописная наша планета». А потомки, набравшись когда-нибудь мудрости и пожелавши снова превратить территорию в природу, восстановят по моим рисункам все берега, все леса...

Осталось немного: стать взрослым и стать художником.

Но придет время, и я — взрослый художник — выйду из дома для кругосветного обзора. Я даже составил маршруты: из города на север, на Верхнюю Волгу, Селигер, Ильмень, Ладогу, по берегу моря вокруг всей Европы с заходом в большие реки, по рекам поднимаюсь в горы, потом... Очень приятно было разрисовывать географический атлас.

Впрочем, все это разговор в сторону. Художником я так и не стал. Но собирался. Альбома не выпускал из рук. И это очень мешало мне внимательно слушать объяснение математички. Школа — у нас была обычная, без специального уклона, главным предметом, как и полагается в старших классах, было жизневедение — общее знакомство с делами человеческими, чтобы мы могли сознательно выбрать работу. Изучали мы и геотехнологию — проектирование гор и морей, и генотехнологию — проектирование растений и животных, и гомотехнологию — для выращивания утерянных рук, ног и глаз, и астротехнологию — космическое строительство. Но все эти технологии проходились бегом, а наша математичка, глубоко уверенная в превосходстве своей науки, внушала нам, что всякая наука начинается с числа. И исчисление было главным предметом в нашем классе. А вот мне — любителю формы и цвета — числа казались на редкость бессмысленными. Что такое икс и игрек? Все и ничто. Не нарисуешь, не пощупаешь, ни вкуса, ни аромата. Так что не внимал я и не хотел внимать. И на каждом уроке начинались переживания:

— Гурий, к доске. Гурий, я понимаю, что тебе тяжело, это мучительная задача (так она произносила — через три «ч»). Но надо напрячь умственные способности.

— Что-то не напрягаются, — легко сдавался я. — Мучительная задача.

— Но прояви же характер, Гурий. Ты же мужчина. Есть у тебя мужской характер?

Я кряхтел и краснел. Не мог же я объявить, что у меня нет мужского характера.

И тут выскакивала любимица математички — рыжая Стелла.

— Можно, я попробую, Дель-Финна (Делия Финогеновна на самом деле).

Ох уж эта рыжая Стелла, белокожая и веснушчатая, первая ученица и первый математик класса! Как она у нас верховодила, как распоряжалась! И все слушали ее, и все мальчишки были влюблены, потому что у мальчишек в этом возрасте стадное чувство. Один вздыхает, и все прочие заражаются. А я? Мне Стелла решительно не нравилась, я считал ее нескромной и деспотичной, но почему-то всегда замечал, когда она входила в класс. Спinoй стоял, но чувствовал.

Стелла верховодила, а вместе с ней и ее подружки. Наш класс был девчоночий. Это бывает, хотя в школах всегда распределяют поровну: десять мальчиков и десять девочек. Но вот в нашем классе девочки были дружны, едины, а мальчики разрозненны. Кто увлекался спортом, кто техникой, я единственный рисовал и бродил по лесам в одиночку, а со мной никто не хотел бродить, презирали пеший способ передвижения. И все мы разбегались по домам после уроков, а девочки держались вместе — вся десятка.

И вот появилась одиннадцатая, нечетная.

— Познакомьтесь, — сказала математичка, подталкивая новенькую. — Это Маша, ваша новая подруга. Примите ее гостеприимно.

Стелла тут же распорядилась:

— Маша, вот свободное место рядом с тем мальчиком, его зовут Буба. Садись, не бойся, он безобидный.

Стелла знала, конечно, что и румяный толстяк Буба влюблен в нее. Усадила ненужную девочку к ненужному мальчику.

А с кем я сидел тогда? Не помню. Один, вероятно. Так удобнее было рисовать на уроках.

Новенькая так и не вписалась в класс. Вообще вела себя странно. Обычно сидела сгорбившись, возле своего Бубы, с затравленным видом пойманного зайчонка. Когда вызывали к доске, бледнела, покрывалась красными пятнами и бормотала что-то невнятное, а чаще тупо молчала, кривила рот жалостливо, и такой глупый вид был у нее, такой потерянный. Я даже жестко подумал однажды: «Неужели кто-нибудь влюбится в такую дуру?»

Но на каких-то уроках она вдруг оживала, задавала кучу во-

просов из категории детских «почему?», наивных и мудрых, из тех, на которые нет ответа и потому не принято спрашивать. А однажды на уроке географии Маша поразила всех, нарисовав на память карту Африки со всеми странами. Впрочем, назвать их она не сумела, перепутала Замбию и Зимбабве.

Все это было весной. А потом были каникулы, и мы с родителями летали в Индонезию. Вот где я нарисовался-то. Конечно, привезли мы и киноленты, и стереослайды, но вся эта роскошная техника для меня не заменяет рисования. Рисуя, смакуешь красоту, всматриваешься, вчитываешься в каждый листок-лепесток. Ездок — это грубый едок, пожиратель ландшафтов, а художник — гурман, дегустатор красоты. Он не глотает, а пробует, не насыщается, а наслаждается.

К сожалению, должен признаться, что дегустатором я оказался эгоистичным. Сам наслаждался, другим наслаждения не доставил. Видеть-то видел, изобразить не сумел. Художники острят: «Живопись — дело простейшее. Нужно только нужную краску положить на нужное место». Именно это у меня не получалось: не ложились краски куда следует.

Так или иначе каникулы миновали, вернулись мы в класс. Еще в коридоре, услышав звонкий голос Стеллы, я вздрогнул. А незаметную Машу не заметил. Потом уже, когда к доске вызвали, обнаружил: сидит на задней парте рядом с Бубой. Еще в голове мелькнуло: «Порозовела за лето, не такая уж бескровная». Впрочем, все свежеют за лето..

И все. И Стелла ее заглушила. А кипятилась Стелла по поводу очередного матча математиков, назначенного на 1 октября.

Я на том матче не был, меня эти волнения не касались. Но знал, само собой разумеется, что наша команда заняла четвертое место, уступив только спецшкалам. Почетно, но не блестяще. И вся за звездка была в какой-то одной задаче, которую не смогла решить даже Стелла.

Вот на ближайшем уроке наша Дель Финна объявляет:

— Я понимаю, что это муччительная задача, но преодолеть ее надо было. Ну, девочки, кто из вас самый храбрый, кто решится помуччиться у доски?

К девочкам обращается. Про мальчиков и не вспоминает.

Все смотрят на Стеллу, все мнутя, а Стелла не поднимает глаз, ей тоже не хочется стоять у доски с глупым видом, ловить навещающую подсказку.

И тут поднимает руку Маша, бело-розовая тихоня.

Выходит... и решает.

Математичка смотрит на нее с недоумением и подозрением. Про себя, наверное, думает, что не велик труд найти среди знакомых опытного математика. Дает Маше другую задачу.

Маша решает.

Третью — еще труднее.

Решает.

— Ну что же, — цедит математичка с сомнением. — Я вижу, ты не теряла времени даром. Это похвально. Но совсем не похвально, что ты не приняла участие в классном мероприятии. Могла бы поддержать школу, а ты уклонилась. Не по-товарищески, девочка, так у нас не принято поступать. Подумай на досуге.

Как улей перед вылетом матки, гудел наш класс на перемене, и всех перекрывал возмущенный голос Стеллы:

— Да, именно, не по-товарищески, хорошие люди так не поступят. «Я сама подготовлюсь, я себя покажу, а на класс наплевать». Ну и пускай. Мы ей неинтересны, а она неинтересна нам. Не будем с ней разговаривать. И ребята пусть не разговаривают. Слышите, мальчики? Буба, ты садись со мной, перебирайся сразу же, на следующий урок.

Сейчас-то, много лет спустя, вспоминая ту школьную трагедию, думаю, что не товарищеские чувства защищала принципиальная Стелла. То есть, конечно, она искренне возмущалась, но подсознательно-то отстаивала свое лидерство. Да, один раз ее превзошли, но случайно и только потому, что она-то хорошая, а соперница плохая. И подружки тут же поддержали ее, тем самым зачислдя себя в когорту хороших, неизмеримо превосходящих чужачку.

Да, нелегко вытравливается из сознания жажда превосходства.

Может быть, это была форма инстинктивного кокетства: «Смотрите, мальчики, какие мы хорошие!»

— И ребята пусть не разговаривают с ней, — распорядилась Стелла.

Так вот я не послушался. Спорить не стал, а Стеллу не поддерживал. В ту пору я уважал людей с собственным мнением и сам старался иметь свое. Никто в классе не бродил по лесам с этюдником, а я бродил, мне это нравилось. Сверстники мои курили, чтобы показать свою взрослость и независимость, а я не курил, мне табачный дым казался невкусным. И не было у меня оснований обижаться на Машу-тихоню. Не хотела участвовать в матче, это ее дело. Я сам не участвовал. У каждого свое мнение.

Но не могу ручаться, что я рассуждал бы так же, если бы Стелла не Бубу, а меня посадила на свою парту. Очень боюсь, что тогда я не был бы таким самостоятельным и принципиальным.

Но так или иначе, когда Маша спросила у Бубы, что задано на завтра, а Буба отвернулся, надув щеки, я подошел к недоуменно озиравшейся девочке и громко продиктовал ей параграфы.

Стелла пыталась назавтра сделать мне выговор. Я ее послал подальше со всей мальчишеской грубостью.

Даже удивительно, сколько я написал об этой напористой девице. А она никакой, ну совершенно никакой роли не сыграла в моей жизни. И после школы мы не видались. Знаю, что математику она забросила, вышла замуж за подводного агронома, живет где-то на дне Тихого океана, китов разводит.

А вот с Машей у нас пошла дружба с того самого дня, может

быть, сначала и вынужденная с ее стороны, потому что другие девочки с ней не разговаривали недели две. Я консультировал мою «невыразительную», иногда мы вместе делали задания, я чертил за нее, а она мне решала геометрию с тригонометрией. До дому я ее провожал, пешком. В угоду мне Маша не надевала авторолики. И странное дело: все больше мне нравилась эта бывшая невыразительная. Так ласково она смотрела мне в глаза. Когда я чертил, она стояла сзади, я дыхание ее ощущал на затылке, — и осторожно кончиками пальцев приглаживала мои вихры. Вот и сейчас помню это нежное прикосновение. И она мне подарила первый поцелуй, сама поцеловала на крылечке. Несся я домой тогда одуревший, головой поматывал, в себя прийти не мог. И все губу пальцами ощущал: тут поцеловала!

Как это получается? Полгода не замечал, и вдруг любовь?

Ненастоящая любовь!

Часто в жизни я слышал рассуждения о любви настоящей и настоящей, не знаю между ними четкой границы. Один добрый друг объяснял мне так: если девушка кажется тебе в мыслях красивее, чем наяву, значит, это не любовь, а воображение. Не знаю, не знаю. Мне Маша иной раз казалась некрасивой, бледной, болезненной, болезной, но тогда я испытывал еще больше нежности. Такая хрупкая, такая слабенькая, так хочется ее приглубить, успокоить, на руки взять, к сердцу прижать.

— Ты очень добрый, — уверяла она.

Я возражал со всей мальчишеской суровостью. Доброта казалась мне недостаточно мужественной. Не добряк я, я крепкий, я снисходительно жалею заморышей, я им помогаю. Обязан помогать.

Так прошел год, класс предпоследний. Дело шло уже к выпуску, к выбору профессии. А я все чертил за Машу, а она за меня решала задачи. Но постепенно дошло до меня, что с детством этим пора кончать, попросил ее позаниматься со мной всерьез.

Маша почему-то смутилась:

— Но я совсем не умею объяснять, Гурик. Я чувствую, как надо решать, но не расскажу.

Между прочим, Гурик это тоже я. Вообще-то у меня серьезное имя, но девочкам обязательно надо одомашнить, тигра превратить в котеночка, Льва в Левушку.

— Маша, но как же понимать без объяснений? Я не умею думать печенкой.

— Хорошо, я поговорю с дядей.

— При чем тут дядя? Я не хочу репетитора, меня бы только направить. Если ты не хочешь, пойду на поклон к Дельфине.

— Видишь ли, дяде разрешили открыть специальную школу.

— Да не хочу я во вторую школу. Мне бы в пределах обязательной программы.

Маша помялась, опустила глаза, покраснела.

— Гурик, мы с тобой друзья, правда же, настоящие друзья? Обещай мне, дай честное слово никому не говорить в классе, никому в нашей школе, никому-никому не открывать тайну. Если ты разболтаешь, мне придется уйти немедленно, уехать в другой город.

Я дал слово, я даже держал его, пока тайну не опубликовали в печати, по радио и телевидению.

Итак, дядя Маши, известный психобиолог, работал над проблемой ограниченности человеческих способностей. Ученые знали, давно уже было установлено, что мозг наш растет лет до шестнадцати. Знали, что крысы (да-с, крысы!), у которых рост мозга продолжали искусственно, проявляли особенную сообразительность, быстрее всех закрепляли условные рефлексy. Машин дядя перенес опыты на собак, потом на шимпанзе (его обезьяна научилась читать и считать, только разговаривать не могла, объяснялась жестами). Но на людях ставить опыты не решались, не полагается ставить опыты на людях, а ЭВМ ничего не давали, все-таки машина только модель человека. И вот помогло несчастье. Маша — племянница, единственная дочка сестры ученого, переболевшая в раннем детстве, отстала в развитии, вообще училась с трудом, ей угрожала грустная судьба не очень полноценного человека. И, проспорив и проплакав полгода, Машина мама решилась доверить свое чадо уважаемому знаменитому мудрому брату, высшему авторитету семейства, единственному свету в окошке. Опыт был поставлен, Маше ускорили и продлили рост мозга. Результаты я видел. Немножко странноватая, но, в общем, достаточно способная девочка с выдающейся памятью и чутьем. Во всяком случае, она сумела обойти наши математические звезды.

Потом было еще несколько опытов на добровольцах, все удачные, даже более чем удачные. Из лаборатории Машиного дяди вышли не просто нормальные, а даже очень талантливые люди — блестящие математики и музыканты — выбирались профессии, где чаще всего бывают вундеркинды, где сумма знаний не очень велика и основное — способности и умение. И вот теперь решено было организовать целую школу «итантов» (искусственных талантов). Маша и предлагала мне поговорить с дядей, не согласится ли он зачислить меня, чтобы срочно вырастить любовь к математике.

Еще одна школа? Ну нет, хватит с меня обязательных занятий, обязательного труда, обязательных экскурсий, обязательного спорта. Свободное время хочу. Величайшая ценность нашей эпохи — свободное время. Время нужно мне, чтобы с альбомом в руках рассматривать кору и кроны, листочки и лепесточки, вышагивать километры по заросшим тропинкам. Не хочу урезать мои драгоценные собственные часы.

— Категорически нет! — сказал я.

И, домой возвращаясь, сердито твердил себе:

— Нет и нет! Не хочу урезать, не буду отнимать.

Машу тревожило другое:

— Ты не разлюбил меня? Ты не разлюбишь?

— Нет и нет,— повторял я сто раз подряд. Но где-то на полпути к дому задумался: «Добавочный талант, может быть, это не так скверно? Кто я сегодня? Обычный парень, каких двенадцать на дюжину, русский, лохматый, конопатый, среднего роста, средних способностей, без особых склонностей, плыву себе по течению, куда выплыву, сам не знаю. Люблю природу, рисовать люблю, но перышком, с красками так и не справился. А в нашу эпоху фотокино-голостерео вообще кропать перышком не принято. Надо изображать свое впечатление, цветозвукоароматическое. Попрошу себе талант впечатлительности. Вообще какой-нибудь талант. Пассивная у меня натура, созерцательная, хочу творческую».

— Маша, я передумал. Поговори со своим дядей.

И дядя согласился. Труднее было с моими родителями — и с матерью и с отцом.

Отец сомневался. Отец говорил: «Рискованно». Мать криком кричала: «Ни в коем случае! Через мой труп. Вивисекция запрещена еще в прошлом тысячелетии. Пусть ставят опыты на мышах, пусть на своих детях ставят опыты!»

Я чуть не сказал: «Уже!»

— Задурили голову ребенку,— кричала мать.— Я буду жаловаться. Я до Всемирного Совета дойду.

— Я уже не ребенок,— возражал я.— Мне семнадцать будет в декабре.

— Вот когда будет двадцать один...

— Тогда поздно. Голова перестает расти в шестнадцать. Своевременно надо включать гормоны.

Я говорил, отец говорил, мать кричала и плакала, воздевая руки к небу. Но в конечном итоге я настоял на своем. Как настоял? Обидел родителей. Обидел их, признаюсь со стыдом.

— Вы поглядите на меня,— сказал я,— средний парень, каких двенадцать на дюжину, русский, лохматый, конопатый, среднего роста, средних способностей, натура пассивная, созерцательная, без тяги к творчеству. Какие вы мне выдали гены? Самые заурядные, самые распосредственные. Я не желаю быть рабом генов, пожизненным узником вашей наследственности. Не мешайте мне освободиться от генетических цепей.

И пронял. Мать еще всхлипывала, а отец смолк, загрустил, сложил руки на коленях, уставился в пол.

— Возразить нечего,— вздохнул наконец.— В древних книгах говорилось: «И будешь ты проклят до седьмого колена». Возможно, наследственность подразумевалась. Верно, не блестящие у тебя гены, не знаю, от которого колена. Ну что ж, освобождайся, сбрасывай цепи. Но уверен ли ты, что не проклянешь своих потомков, испортив их гены?

— Если испорчу, исправят,— сказал я с юной бесшабашностью.

Школа итантов. Школа как школа: классы, в классах, конечно, столы, а не парты, на каждой справа пульт и дисплей, на стенах экраны, экраны. «Друзья, посмотрите, направо, друзья, посмотрите налево, друзья, посмотрите наверх». На кафедре лектор с указкой, урок 45 минут, перемена — 10, в соответствии со средней восприимчивостью. На всей планете так.

Единственное отличие: каждую субботу инъекция. Вводится в кровь кубик раствора ростового вещества. И мозги продолжают расти; образуются новые нейроны и ганглии. Предстоит наполнить их талантом.

Каким? И какие бывают таланты вообще?

Мы говорим о человеке: талантливый художник, талантливый математик, талантливый хирург, механик, философ. Разные таланты, разные мозги. Чем-то различаются мозги художника, математика, хирурга, механика, философа. Не только содержанием, но и строением. Природные способности были какие-то. И вместе с тем едва ли природа конструировала заранее художественные или хирургические мозги.

Надо разобраться.

Работе мозга была посвящена вступительная лекция в школе итантов.

Мозг — это орган, задача которого обрабатывать информацию и на основе ее руководить действиями.

Информация — обработка — действие! Три этапа.

Информация приходит извне — через глаза, уши, нос, кожу — и изнутри: голоден, болен, устал.

Мозг приступает к обработке. В ней тоже три этапа: понимание — оценка — решение. Природа отработывала их механизмы сотни миллионов лет, исправляла, добавляла, дублировала для надежности. Даже понимание у нас двойное: образное и словесное. Образ: «Знакомое лицо, где я его видел?» Слова: «Да это же дядя Ваня!»

Чтобы произнести это опознающее «ах», нужно иметь в мозгу громадный архив, картотеку знакомых лиц, проще говоря — память. С картотекой этой и сливается информация, и если она новая, важная и повторяющаяся, закладывается «на длительное хранение».

Понимание — только первый этап обработки. Опознанную информацию нужно еще оценить — хороший человек дядя Ваня или прескверный? Обнимать его или обходить стороной? Оценка тоже ведется по двум критериям: эмоциональному и рассудочному. Эмоциональный: «приятно — неприятно», рассудочный: «полезно — вредно, нужно — не нужно».

Оценили. Можно действовать?

Нет. Еще рано. Выбор предстоит. Информации много, и много побуждений: сильные и слабые. Есть мотивы биологические: голод,

страх, рамножение. Есть мотивы психологические и мотивы социальные: обещал, обязан, полезно, выгодно, необходимо, почетно, стыдно. Все это надо подытожить, вообразить правой половиной мозга, обсудить левой. И принять решение. Чем больше мотивов, тем труднее решить. Решительность — тоже талант.

Наконец решение принято. Остается выполнить его. За последний этап отвечает воля, отсекающая новые мотивы, новые решения, слабость и усталость. Конечно, еще и силы нужны и умение — возможность осуществить.

Информация — опознание — оценка — решительность — воля — силы и умение. Конечно, все эти качества развиты у разных людей по-разному, есть слабые звенья, есть сильные. Для одной специальности важен один набор, для другой — совсем иной. Талантливому художнику требуется изощренное зрение, талантливый музыкант может быть и слепым.

Итак, набор необходимых качеств. Как развивать именно необходимые?

О принципах развития таланта споры в науке шли лет десять, еще до создания школы итантов. Два предлагались: в просторечии их называли «диетический» и «гастрономический». Первый — экономный, но сложнее, второй расточительнее, но проще. При научной диете вы даете организму полезные ему вещества, при гастрономической — вкусно кормите до отвала, предлагая пищеварению самому отобрать нужное и ненужное.

В данном случае речь шла о кормлении мозга.

Так вот, от диетического метода, экономного и рационального, пришлось отказаться. Для него следовало бы знать больше и гораздо больше уметь. Допустим, взялись мы создать талантливого музыканта. Музыканту нужен особо чувствительный слух, особая отзывчивость эмоций на музыкальные образы, изощренная оперативная память, надежная долговременная, четкое чувство времени — биологические часы, гибкость и проворство пальцев. Но где в мозгу образная эмоциональность? Где долговременная память? Возможно, они разлиты по всему мозгу. Насчет слуха известно точно, он сосредоточен в височной области. Но как при росте мозга развивать именно височную область?

Волей-неволей наука склонилась к «гастрономическому» методу. Желудок сам разбирается, и мозг сам разберется. Будем его растить и тренировать по доброму старому принципу Ламарка: что упражняется, то и растет.

К тому и свелось учение в школе итантов: раз в неделю инъекция и всю неделю математика.

Выше я говорил, что в математике и музыке чаще всего бывают вундеркинды, здесь больше всего значение прирожденного таланта. Но когда я приступал к учению, человечеству требовались именно математики, не музыканты... и не художники, к моему огорчению.

Первый месяц был самым трудным. Попал я из огня да

в полымя. Четыре часа ежедневно и каждый вечер до глубокой ночи терзали меня иксы и игреки, безликие, неопределенные, лица не имеющие, все выражающие, ничего не выражающие, да еще их друзья дельта-иксы и дельта-игреки, стремящиеся к нулю, не доходящие до нуля, миниатюрные, меньше любой наперед заданной величины, но производящие производную, которая может быть даже и бесконечной.

Мучительнейшая задача.

Впрочем, в отличие от Дельфины здешний профессор не считал ее мучительной. Маленький, круглоголовый, оживленный, он все твердил нам улыбаясь:

— Нет, это не трудно, совсем нетрудно. Чтобы дифференцировать, нужны пальцы, только пальцы (и он прищелкивал пальцами, для убедительности, чтобы показать, как это все легко дается). Даже и для интегралов потребуется одна лишь память, исключительно хорошая память. Вот когда мы перейдем к интегральным уравнениям, там уже напрягайте мозги.

И я с ужасом думал, что тогда мне придется уйти. Плакали мои нерожденные таланты.

Второй основной предмет был для меня куда легче. Назывался он «связи». На самом деле нас просто учили думать, тренировали на рассуждение.

— Назовите слово, первое попавшееся, что пришло в голову.

— Например, человек.

— Прошлое — настоящее — будущее.

— Ребенок — взрослый — старик.

— А почему так? Почему человек не рождается сразу взрослым?

— Само собой разумеется. Как же иначе?

— Но ведь бабочка-то рождается взрослой. Бывает же иначе.

— Еще связи. По сходству.

— Человек — обезьяна.

— По несходству?

Учили нас логике формальной: «Иван — человек. Все люди смертны, значит, Иван смертен». Учили и диалектическому: «Человек смертен, но человек бессмертен в своем потомстве».

Этим я занимался с удовольствием. Это шло легко.

Заскучавших читателей утешаю: «Я не просто перечисляю программу, я говорю о программе, которая сработает своевременно».

Математика — связи — инъекции раз в неделю. И росли и росли в голове у нас новообретенные клетки, росли и алчно жаждали наполнения. Мы ощутили это как возвращение детства. Мир стал удивительно любопытным, все лезло в глаза и все требовало объяснения. Хотелось останавливать на улице прохожих и спрашивать: «Это что?», «А как называется?», «А как вас зовут?», «И куда вы идете?», «А зачем?» Но поскольку нас-то пичкали почти исключительно иксами и дельта-иксами, волей-неволей «отчего», «для чего», «почему» направлялись на иксы и дельта-иксы.

И безликие, бесформенные, ничего не выражающие и все выражающие неожиданно приобрели смысл и даже облик. Оказалось — а в школе я пропустил это мимо ушей почему-то, — что каждое уравнение можно изобразить, нарисовать на бумаге, получится прямая линия, или кривая, или ломаная, круг, эллипс, спираль, завиток, цветок... даже похожий на анютины глазки. Оказалось, что можно нарисовать какую угодно загогулину и вывести ее формулу. Можно написать какую угодно формулу, взять с потолка и получить ее портрет. И мы — мои товарищи и я — забавлялись, черкая каракули на бумаге и соревнуясь, кто быстрее выразит их буквами.

Потом до меня дошло, наверное, и это толковала нам Дельфина, только я не слушал ее, изображая ее головку редиской с жиденьким пучком на макушке, — дошло, что все эти бесцветные, безликие имеют смысл, физический, технический или житейский. Кривая это движение или процесс, любой процесс: плавление или охлаждение, рост населения, прыжок с парашютом. Наклон — его скорость, производная — ускорение или же замедление, вторая производная — ускорение ускорения, изменение изменения. Два корня — два решения, три корня — три решения. Мнимые корни — решения невозможные... или же непонятные. Вот есть же смысл у мнимой скорости. Две причины — два измерения, график на плоскости: три причины — три измерения, объемная диаграмма. А как быть с четырьмя причинами? Увы, графика пасует, идет чистая алгебра.

Если похожи формулы, похожи и процессы. Сходны формулы тяготения и электростатики. Что общего между ними? Сходны движения в атмосфере и в магнитном поле. Что общего между магнитом и ветром? Вот так возникал у меня интерес к математике. От формы к формуле, от процесса к вычислению. Процесс есть в природе, а уравнение не решается. Почему? С какой стати?! Атаковать! Неужели не одолею?

А голова свежая, жадная, голова думать хочет.

И одолеваю.

Постепенно пришло мастерство. Мы научились распознавать уравнения, как опытный врач — это я предполагаю: лечился, но не лечил — распознает болезнь. Встречалось такое в практике, знаем подход. Выдавали нам подобные задачи металлурги, теперь дают строители. Но мы справлялись уже. Есть тут загвоздка... мучительная... для новичков. А у нас на ту хитрость своя хитрость.

И познали мы радость победы над крючкотворством иксов-игреков, научились укладывать их на обе лопатки, гордились победой, и не простой, а красивой победой. А что такое красивое решение в математике? Да примерно то же, что красивая комбинация в шахматах. Недолгое мучительное дожимание предпочтительной позиции, использование преимущества двух слонов против двух коней, внезапная жертва — жертва — жертва, шах и мат в три хода.

Неожиданность и простота — в том краса математики.

И в физике — простой и ясный закон.

Почему простота для нас красива? Думаю, что это чисто человеческая черта. Природа-то сложна невероятно, но мы жаждем простоты, мы радуемся простоте — неожиданной легкости.

Так вот научились мы — итаны, — глядя на уравнение, ощущать эту возможность легкого пути. Научились не одновременно — способные быстрее, средние позже, а я в числе последних. Но подогнал. И выпустили нас всех одновременно — 16 парней и 6 девушек — первый выпуск, первая наша команда, когорта искусственно талантливых. Поименно:

Лючия, Тамара, Дхоти, Камилла, Венера, Джой, Семен, Симеон, Али, Перес, Ваня, Вася, Ли Сын, Линкольн, Ли просто, Нгуенг, Мбомбе, Хуан, Махмуд, Артур Большой, Артур Маленький и я — двадцать второй.

А Маша? — спросят меня, конечно.

Маша, представьте себе, не захотела пойти в школу талантов. Я недоумевал, уговаривал, упрасивал, обижался и возмущался. Маша оправдывалась как-то уклончиво, ссылаясь на головные боли и советы врачей, на то, что она не нашла себя, хочет еще искать. Я говорил: «Если не нашла себя, зачем же отказываться от добавочных талантов, талант пригодится везде». Я говорил: «Мы же любим друг друга, если любишь, надо быть вместе, использовать каждую возможность».

— Мы обязательно будем вместе, — уверяла Маша и нежно целовала меня, чуть прикасаясь, гладила теплыми губами. — Ты только не сердись на меня, Гурик. Не будешь сердиться, хорошо? Я не выношу, когда ты сердитый.

Я таял и обещал не сердиться.

А пошла Маша, к моему удивлению, в спорт. И стала тренером по художественной гимнастике. Самый женственный вид спорта. И сравнительно скоро, меньше, чем через год, вышла замуж за другого тренера по прыжкам в длину, мастера прыгучести. Я узнал об этом в командировке на Луне — о Луне речь пойдет в дальнейшем, я кипел, я рычал, я лелеял планы отмщения. Но прежде надо было дожидаться конца командировки и вернуться на Землю, а на Земле меня ждала записка, странная записка от Маши, сумбурная и невнятная, где были просьбы о прощении, и уверения в искренней любви, и ссылки на необходимую заботу о здоровье своем и будущих детей. И почему-то меня утешило, что Маша любила меня, хотя и вышла замуж за другого.

Много позже, не сразу, перечитывая и перечитывая эту записку, я понял логику ее поведения, подсознательную, а может быть, и сознательную. Маша с детства была больной девочкой, отсталой, слабенькой, и ей страстно хотелось быть нормальной, такой, как все, абсолютно обыкновенной, стать обыкновенной женой и родить

нормального здорового ребенка. У нее вызывали опасения даже привитые ей сверхспособности, она решила не развивать их, не использовать, выбрала спортивную профессию, чтобы закалять и укреплять свое нормальное женское тело, предназначенное для рождения нормального ребенка. И мужа предпочла нормального, не перенасыщенного инъекциями ради дополнительных талантов.

Так что ее решение пришло от ума, а не от сердца. Именно это меня утешило.

Первый наш выпуск был математический и не только потому, что так удобнее было для школы талантов. Математики требовались срочно и в большом числе для обслуживания «проекта — Луна».

Что такое «проект — Луна» и зачем он нужен, в наше время никому объяснять не нужно, но пока я учился в школе, шла яростная дискуссия, нужна ли нам Луна, вообще следует ли людям покидать Землю и выходить в космос. И были публицисты и даже ученые, которые с пафосом доказывали, что «проект — Луна» вреден и опасен, он оторвет умственный труд от физического, лишит науку и искусство живительной связи с мазутом и угольной пылью, детей разобьет с отцами, разрушит брак и морали нанесет неисправимый ущерб. Вообще земной человек рожден для Земли, счастлив может быть только на Земле, за ее пределами расчеловечится.

Вот уже и третье тысячелетие идет, а все не переводятся люди, боящиеся перемен, любых, всяческих.

Отчасти, может быть, они и правы. Любая перемена что-то дает и что-то отнимает. Если вы сожгли дерево в печке, вы отогрелись, но дерево-то спалили. Вот ученые и взвешивали: Луна или не Луна? Но логика истории настойчиво уводила их в космические дали.

Еще в XVIII веке, как только зародилась промышленность, наметилось разделение жилья и заводов. Где строили их? На окраинах города, за пределами городских стен. Естественно, только за стенами были свободные земли. Но и на окраинах заводы дымили, отравляли городской воздух желтым сернистым газом, черными угольными клубами, бесцветным угаром, всякой химией и радиоактивностью. И в XX веке горожане начали отгораживаться от заводских труб зеленой зоной, потом стали создавать целые области бездымные — курортные, лесные, предгорные, столичные. Все равно отравы спускалась в реки — плевали мы в колодцы, откуда пить собирались. И все равно газы, дым, пыль и тепло выбрасывали в атмосферу: воняли, извините за выражение, вонюю потом дышали. И грели, грели, грели воздух, грели суда, поезда, трактора, грузовики и авторолики, грела каждая печь и каждая градир-

ня, каждый двигатель и каждый электроприбор. Атмосфера изнемогала от промышленного тепла, не успевала остывать по ночам. И портился климат, редели мои возлюбленные леса, ползли к полюсам пустыни и сухие пески. Выносить надо было куда-то промышленность.

А куда? В космос, куда же еще?

Строить космические города предлагал еще Циолковский. В XX веке их начали сооружать и именно по схеме Константина Эдуардовича: город-колесо или город-труба, вращающиеся вокруг оси, диаметром километра в полтора. Именно так и выглядят ныне существующие КЭЦ, Королев, Гагарин, О. Нил и другие — десятка полтора их, плавающих в эфире. Мне приходилось посещать их неоднократно, и мы, приезжие, были не в восторге. На ободе — нормальный вес, а на оси невесомость. Перемещаться туда и обратно неудобно, так что практически середина пропадает, там перепутанные чащи несусветных растений, арбуз не арбуз, тыква не тыква, как у Гоголя на заколдованном месте. Вся жилая зона и вся рабочая — у поверхности, на ободе, где всего опаснее метеориты. Чтобы обезопаситься от них, обод одевают стеклянной шубой метровой толщины.

Но толстенные стекла худо пропускают солнечные лучи, так что практически, несмотря на прозрачные полы, дневного света все равно нет. Всюду лампы и лампы, 16 часов горят, потом на 8 часов их гасят. И лично меня угнетали, просто угнетали эти кривые, уходящие под потолок коридоры, или цехи с наклонными полами, так и кажется, что дальние станки уже ползут на тебя, вот-вот обрушатся. Впрочем, старожилы к этой кривизне привыкли, не в эстетике суть. Три серьезных возражения были, когда стал вопрос о переносе промышленности в космос. Первое: города неизбежно ограничены в размерах — на них помещается два-три крупных завода, один комбинат. Расставлять же спутники надо пошире, чтобы раз и на все века избежать опасности столкновения, вытягивать их цепочкой на одной орбите и вести хозяйство на всех этих разобщенных городах, как бы на флоте, плавающем в океане, каждый корабль по своему маршруту. Вторая трудность — сырье. Сырье надо возить с Земли на ракетах, на ракетах, на ракетах. Никакие трубопроводы в космосе невозможны. И третья трудность: пожалуй, непреодолимая, — с отходами. Куда девать шлаки, обрезки, мусор, пыль, дым? Выбрасывать в пространство, дескать, места хватит? Но мусор в пространстве — это метеорный поток: смертельная опасность и для кораблей, и для тех же городов. Да, пространство просторно, но если тысяча заводов будут ежедневно создавать тысячу метеорных потоков...

И проект «Эфирные города» был побежден «проектом — Луна».

На Луне заводы не плавают, прочно стоят на месте, и нет необходимости разносить их подальше, наоборот, можно сконцентрировать в одном районе, в море Дождей, например. Все рядом — перевозки короткие.

На Луне есть какое-то сырье. Есть минералы, а в них металлы — черные и цветные.

У Луны достаточное притяжение, не надо мудрить с невесомостью. Есть притяжение, значит, дым, пыль и мусор никуда не улетят. Можно беззастенчиво выбрасывать их из труб или свозить на свалку. Будем мусорить на Диане, это невежливо, но безопасно.

И на Луне проще строить. Нет необходимости везти с Земли каждый блок. На Луне множество глубочайших пропастей, а пропасть — это готовые стены, почти готовые. И в пропасти редко залетают метеориты. И не так трудно перекрыть их плитами, не обязательна водяная шуба.

Короче: Луна — это вторая Земля, поменьше, а космическое пространство — нечто принципиально иное.

Конечно, все это не так простенько. На Луне другая энергетика, другие руды и минералы, другая металлургия, другая химия, другой транспорт, другая получается экономика, другие шахты, другие дороги, другое строительство. Вот все это другое и проектировали инженеры, а мы — свежеепеченные математики — помогали им расчетами.

Шли к нам лунные горняки, лунные экономисты, лунные транспортники, лунные химики со своими затруднениями. Этакая трудная складывается проблема, таким трудным выражается уравнением, как его решать, как продиктовать ЭВМ, посоветуйте, помогите. Приходили хмурые и озабоченные, запутавшиеся в сложностях специалисты, нередко опытные, немолодые специалисты, а мы, молокососы, выручали их, исцеляли, потому что в школе итантов вырастили нам виденье, не только виденье, но и чутье. Мы смотрели на крючковатое уравнение транспортников и припоминали: у штурманов, у космических навигаторов было нечто подобное, тоже многопричинность, выводящая на четвертое измерение, и тоже мнимая скорость на старте. Не совсем так, но сходно, известен подход. И мы находили корни и выписывали рецепт, выслушивали удивленную благодарность, снисходительно отклоняли похвалы: «Ах, что вы, что вы, никакого труда не стоит, и не такие преграды штурмовали». И ощущали сладкую гордость: «Вот мы какие особенные, славные рыцари, спасители беспомощных дам, попавших в плен к четырехголовоу дракону четырехпричинности».

«Только не зазнавайтесь,— твердили нам наставники.— Вам привили талант, это подарок, а не заслуга. Со временем будут прививать всем желающим».

Мы старались не зазнаваться, но гордость распирала нас. Славно быть могучим воином в поле, хотя бы и в математическом.

Бывали и конфликты, особенно у наших лучших, у тех, кто вторгся в чистую математику — у Люции, Семена и Симеона. Они разошлись со школой Юкавы, внесли какие-то исправления: старик заупрямился, попытался опровергнуть опровержение, наши разбили его шутя. В той дискуссии я не принимал участия, но при-

существовал, и ощущение было такое, будто сижу я среди непонятливых школьников. Юкависты выступают с жаром, что-то говорят, говорят убежденно, выписывают длиннющие формулы, но мне-то ясно, что они не поняли с самого начала. Не доходит до них парадокс Люции. В фойе и в перерывах подходят к нам с возражениями, стараются переубедить. Мы объясняем, нас не слышат. Не понимают или не принимают. Заранее убеждены, что не могут их победить эти мальчишки и девчонки (мы). И пустота вокруг нас. Стоим в отчуждении отдельной кучкой, другие, особенные, наша команда, наша когорта.

Теперь-то признаны наши теоретики. Теперь-то они корифеи — Люция, Семен и Симеон.

Но это теоретики. Мы же, остальные, рядовые таланты пошли в прикладную математику — кто на энергетику, кто в химию, кто куда, а я на самую практическую практику — к строителям. Я не случайно напросился к ним, ведь работа-то начиналась со строительства. Строители первыми осваивали Луну, и я выпросил командировку при первой возможности.

И вот я на Луне.

Первое впечатление — самое сильное. Какой же это необыкновенный мир, весь черно-белый, контрастный, как передержанный снимок! Тени словно пролитая тушь, каждый камешек очерчен по контуру. Сейчас-то ощущение противоположное: «До чего же надоедливое однообразие: смоляная тьма и слепящий свет, смола и белизна, смола и белизна!» Нет, ни за что не стал бы я обходить Луну пешком, заполняя альбом за альбомом, одного с лихвой хватило бы, чтобы дать представление.

И первая пропасть запомнилась. Не на канатах, на проволочках каких-то неубедительных спускали меня в бездну (десять кило — мой лунный вес). Тьма казалась густой из-за непроглядной темноты, в самом деле казалось, будто в смолу окунают. А там, где наши фонари шарили по стенам, из смолы выступали угловатые пилоны или плиты, геометрически правильные, все не сглаженные водой и ветром. И всюду торчали висячие скалы «пронеси, господи», а на них опирались, одним углом касаясь, другие. Слово нарочно кто строил карточно-каменный домик. На Луне все завалы зыбки, нет там основательной все трамбуемой земной тяжести.

В той первой пропасти строили мы строительный завод. Рассчитывали ее и резали и плавил стандартные блоки. И шли они отсюда по коротким лунным дорогам с адресами, надписанными краской: «Химзаводу», «Медеплавильному», «Автостраде», «Атомной электростанции». С удовольствием поглядывал я на эти надписи и думал: «А эта химия, и медь, и авто, и атомы все уйдут с Земли. А где-то будут убраны надписи: «Просим вас не ходить на территорию, чтобы не мешать химикам, медеплавильщикам, атомщикам». И буйной зеленью порастут деловые дворы, территория снова превратится в природу.

Пропасть для строительного завода, пропасть для медного, пропасть для атомного. Везде выравнивание стен, везде расчистка завалов, но пропасти-то разные и завалы разные, и глыбы все неодинаковые, к каждой особенный подход. И постепенно понял я, в чем разница между работой математика и инженера, казалось бы, родственной. Мы, математики, ищем обобщение, некое единое количественное правило, пригодное повсюду. Они, инженеры, всматриваются в конкретные случаи, ищут отклонение от правила. Мы описываем цифрами, они прилагают силы. Всюду присматриваются, как прилагать поэкономнее. Помню по Земле, не по Луне — ехал я с одним нашим лунным инженером по живописной дороге в предгорье. Я-то восхищался красотами: «Ах, овражки, ах, косогоры, ах, овечки на косогоре!» А он свое: «Южнее надо было прокладывать трассу, выемку делать на косогоре, овраг пересекать насыпью и трубу в ней, не надо никакого моста. Сотню тысяч кубов зря накидали».

Вот и у меня постепенно начало складываться инженерное мышление, даже инженерное чутье. Вы прирожденный инженер, — уверяли меня коллеги.

А я вовсе не прирожденный. У меня нейроны добавочные, жадно впитывающие новое. Впитали инженерные задачи, сложилось второе чутье... а потом понадобилось еще и третье.

Нет ничего дороже человека. С детства внушают нам эту истину, ставшую подлинной истиной с тех пор, как на планете установлен окончательный мир. Поэтому на Луне в пропастях работали не люди, а роботы, роботы высшего класса, самодвижущиеся, с руками-ногами и даже с головой на плечах, способные самостоятельно принимать решения на месте, — не инструктировать же их для каждой отдельной глыбы заново. И мозг их кристаллический, его-то я и рассчитывал, получался довольно сложный.

Да ведь и биологи тоже. Наследственная программа тела уложена в гены, это даже не клеточка, часть одной клетки. Для самостоятельной же работы, зависящей от обстановки, природе пришлось соорудить мозг, целый орган: у человека 15 миллиардов клеток в нем. Одна клетка или 15 миллиардов — разница!

Не 15 миллиардов, но тысяч пятнадцать блоков было у наших роботов.

Но чем сложнее машина, тем больше вариантов порчи. В медицине есть правило: если есть орган, значит, есть и болезни этого органа. В применении к роботам: если есть блок, если есть какое-то устройство, значит, оно может выйти из строя. Робот откажет, можно сказать — заболеет.

Робот не человек, но и он дорог достаточно. Много часов затрачено на его монтаж, на обучение, наладку, на доставку с Земли на Луну. Много часов пойдет прахом, если он выйдет из строя в первый же момент, ухватит глыбу не по силам и прищемит себе лапу, или хуже того: обрушит эту глыбу на голову товарищу. В лучшем случае это простой для ремонта, в худшем — переплавка. Поэтому

у роботов предусмотрены блоки осторожности с многочисленными датчиками по всему корпусу.

А если эти блоки выйдут из строя? Он станет безрассудным, будет все крушить себе и делу во вред.

А если блоки чересчур чувствительны? Робот станет как бы мнительным и трусливым. Отлынивать будет от работы.

А если выйдут из строя датчики прочности, машина будет работать на износ, пропускать профилактический ремонт.

А если датчики прочности слишком чувствительны, робот то и дело будет уходить на ремонтную базу, ленивым станет.

Добавлю еще, что в каждой пропасти работает целая команда роботов, иногда со сложным разделением обязанностей. И роботы должны считаться друг с другом, для того им приданы радиоуши и радиоголоса.

Но если уши вышли из строя, робот будет работать сам по себе, подведет всю команду. Как это назвать — глухота или эгоизм? Или своевольное упрямство?

А если отключится программа, но робот все будет и будет действовать без смысла? Как скажем? Сошел с ума?

Расстройство машинной психики.

Неуместное слово «психика»? Происходит от психеи — души. Души у машины, как известно, нет. Впрочем, нет и у человека, у него не душа, а мозг. Психические болезни, — болезни мозга, органа, управляющего организмом. Болезни управления роботов явно были похожи на психические расстройства.

Вот и пришел я к шефу с просьбой продлить мне рост моего мозга, потому что необходимо мне знакомиться еще и с психологией.

И услышал:

— Ну, будь по-твоему, Гурий. Пожалуй, желание твое своевременно. Школа наша расширяется, объявлен обширный набор итантов, учить их и учить надо. А кому? Вам — опытным. Как раз я тебя и рекомендую в преподаватели. Так что психология понадобится безусловно.

Глава 4

Никогда не гадал я и не думал, что придется мне стать преподавателем.

В школе, глядя на учителей наших, зарекался: «Ни за что, ни за что не стану тратить душевные силы, чтобы тащить за уши в науку таких лоботрясов, как я, — я был достаточно самокритичен, — рисующих карикатуры на подвижников, пытающихся приобщить нас к загадочной красоте комплексных уравнений».

Но вот диалектика жизни заставила и меня обратиться в свою противоположность. Некогда я с парт смотрел на кафедру, ныне с кафедры взираю на парты... ну, не на парты, на студенческие столы, вижу двадцать пар глаз, и не детских легкомысленных, а юно-

шеских, внимательных и пытливых. Двадцать молодых людей ждут, как я буду обучать их инженерному чутью.

Я вижу лица, розовые и бледные, смуглые, желтые, бронзовые, коричневые и почти черные. «Проект — Луна» — глобальное мероприятие, в нем принимают участие все народы. Все заинтересованные в зеленеющей планете.

Цвет кожи — самая поверхностная характеристика. Черты лица — тоже поверхностная. Некоторые кажутся мне красивыми, располагающими, некоторые неприятны, это надо подавить. Выражение? Как правило, девушки с первой же лекции жадно внимательны, готовы впитывать; у юношей чаще напускное недоверие, желание не уступать своей самостоятельности. Они и сами с усами; у них свое я; еще неизвестно, удивит ли их чем-нибудь молодой педагог, стоит ли признать сразу его превосходство.

Это тоже поверхностная характеристика, еще одна.

Признать мое превосходство ученики не готовы, но учиться готовы. Инъекции они получают, мозг растет у каждого и у каждого жаждет наполнения, как пустой, голодный желудок. Но чем наполнить? Ведь даже и желудок не рекомендуется набивать как попало. Ежемесячно диспансерный диетолог дает советы: «Прибавьте витамины или белки, сократите углеводы, сахару в крови многовато или же, наоборот, жиров добавить надо». Мозг неизмеримо сложнее, в нем гораздо больше звеньев, какую же диету пропишу я своим подопечным с их молодым растущим умственным механизмом, таким тонким, таким многозвонным?

Им и себе я повторяю вступительную лекцию школы итантов: «Мозг — это орган, задача которого обрабатывать информацию и на основе ее руководить действиями организма.

Информация — обработка — действие. Три этапа!

Информация приходит извне — через глаза, уши, нос, кожу — и изнутри: я голоден, болен, устал...»

Мозг приступает к обработке. В ней тоже три этапа: понимание — оценка — решение.

Понимание двойное — образное и словесное.

Оценка двойная — эмоциональная и логическая.

По мотивам логическим, психологическим, вкусовым, физиологическим, сиюминутным, постоянным и прогностическим, моральным, своим, чужим...

Надо выбрать, надо принять решение, надо еще довести его до конца, отбиваясь от новой информации и новых побуждений, свежая с обратной связью ежесекундно...

Десятки звеньев. Мыслительная цепь.

И у каждого из моих слушателей звенья в цепи разной прочности. Вот я и стараюсь разобраться, какое послабее, какое надежнее, какое надо укрепить, какое использовать с полной нагрузкой, какую прописать умственную диету каждому.

Расспрашиваю. Разговариваю. Наблюдаю.

Двадцать личностей передо мной. А я читаю им одинаковую лекцию.

Двадцать пациентов!

Вот Педро. Худенький, смуглый, порывистый, с живыми движениями, с горящими любопытными глазами. Он засыпает меня вопросами, нетерпеливо ерзает, привстает, если я не сразу замечаю его поднятой руки. Рвется ответить первый, подсказывает мне слова, как только я замнусь на секунду-другую. Он прирожденный талант, еще до нашей школы, я даже сомневаюсь, стоит ли вообще ему наращивать мозг. И первый месяц мои усилия направлены на то, чтобы унимать его: «Педро, вы не один в классе, Педро, дайте высказаться другим».

И домашние задания он выполняет блестяще, раньше всех, почти всегда лучше всех. Так до первого проекта. И вдруг выясняется, что Педро застрял. Мечется в нерешительности. Отброшен один вариант, другой, третий, примерно одинаковые, даже первоначальный был в чем-то оригинальнее. Время идет, ничего не выбрано, парень начинает заново, опять и опять. Я-то вижу лучшее решение, у меня бывали похожие случаи в практике, отработан подход, но я креплюсь, не хочу подсказывать. Знаю: если подскажу, Педро побежит к компьютеру и через день принесет мне цифровые таблицы. Но я же не у компьютера экзамен принимаю, я готовлю инженера, командующего компьютерами. Стараюсь понять, почему он не видит очевидного.

И постепенно до меня доходит: «Педро не хватает звена под названием «характер». Он не умеет доводить дело до конца. Привык работать на публику, щеголять сообразительностью, догадки бросать с лету. В одиночестве за рабочим столом скисает, теряет уверенность. Диагноз: способности есть, выдержки нет. Терапия: персональные, трудоемкие, однообразные задания, требующие терпения, нечто, напоминающее личные рекорды на дальность: сегодня проплыл километр, завтра тысячу триста. Тренирую выдержку, рашу лобные доли, вместилище твердой воли.

Следующий Густав. Этот распознается проще. Густав грузноватый, большеголовый, плечистый, медлителен в движениях, медлителен в словах, долго соображает, даже если уверен в ответе. В классе пассивен, молчалив, но домашние задания выполняет основательно и даже с выдумкой. В сущности можно бы и примириться с его неторопливостью. Для проекта важнее качество, а не быстрота. Но после второго, третьего задания почувствовал я некоторое однообразие, даже однобокость, даже узость. Понял: Густав — упорный интраверт, у него все долго вертится внутри, так и эдак прилаживаются и подгоняются надежные, твердо усвоенные, но немногочисленные факты. Новое он воспринимает с усилием, как бы нехотя, глуховат к внешнему миру, получил дватри факта и спешит замкнуться, приступить к перевариванию.

Диагноз: слабое звено Густава — восприятие. Терапия: задания на сбор материала, — изучение, описание, выяснение, исследо-

вание. И тоже тренировка на личный рекорд: не сколько сделал, сколько нашел?

Так с каждым из двадцати.

Самым же твердым орешком оказалась для меня способная и прилежная Лола, чернокожая курчавая красавица с густым румянцем и вывороченными губками, словно нарочно приготовленными для поцелуя. Сидела она прямо передо мной, сверлила в упор угольными глазами, улыбаясь многозначительно своими поцелуйными губками. Не знаю, намеренно ли она старалась смутить молодого учителя, смягчив заранее на всякий случай его суровость, или же бессознательно на всех подряд пробовала силу своего обаяния, мне лично мешало это кокетство. Мне же разобраться в ней надо, поговорить с ней откровенно наедине, но не хотелось приглашать для разговора наедине.

А я не понимал Лолу как ученицу.

У нее был вкус, работы свои она оформляла красиво, охотно думала о дизайне, но как-то не воспринимала конкретную обстановку. «Конкретная обстановка» — термин неконкретный, сейчас я поясню, что я имею в виду. Строится завод: расчищается пропасть, прокладываются дороги через холмы и горы, надо роботам дать наставление, как им справиться с этим перевалом, с этой расщелиной, с данной горой, скалой, глыбой, похожей на любопытного щенка, приподнявшего одно ухо. Инженерное чутье в том и заключается, чтобы почувствовать, как взяться за этого одноухого базальтового щенка. Лоле же почему-то, при всей ее любви к форме, задание надо было давать в цифрах. Красоту видит, а задание давай в цифрах! И не сразу, совершенно случайно до меня дошло объяснение. Лоле мешала не слабость ее образного понимания, а сила. Она очень четко представляла себе ушастую скалу... но на Земле, а не на Луне. На Луне она весила в шесть раз меньше, к ней другой технический подход нужен. Вот абстрактные тонны Лола считала отлично. Их она не представляла зрительно, и представление не сбивало ее.

Какое лечение? Длительная командировка на Луну. Чтобы лунные масштабы осели в мозгу, лунные отношения объема и веса.

И еще семнадцать проблем. И еще двадцать в параллельном классе. И двадцать и двадцать на следующий год, в очередном потоке. И четырежды сорок, если принять в счет классы моих товарищей. Вместе же мы ломали головы над тайнами мыслительных цепей наших учеников.

И обрел я талант третий — чутье педагога. Уже не за месяцы, за день-два управлялся с распознаванием личности. Иногда и часовой беседы хватало. Иногда и одного взгляда. Даже испытывал я себя, пробовал, правильно ли первое впечатление. Да, в основном бывало правильное. Уточнения добавлялись.

А с третьим талантом в третий раз пришло горделивое ощущение некой удали. Я могу, я умею! На свете нет ничего сложнее человека, а для меня это сложное как на ладони. Столько было на-

писано толстых томов о некоммуникабельности, непознаваемости, непроницаемой истинной экзистенции человеческой сущности, но вот пришел я, проникаю, проникаю, познаю экзистенцию, воздействую на нее коммуникабельно. Корил я сам себя за зазнайство, разоблачал себя, опровергал. Жизнь сама опровергла вскоре. Но я же не гимн себе пою, я рассказываю, какие ощущения у итанта. Молодцом себя чувствуешь, победителем.

Но потом пришло и неприятное.

Глаза стали меня подводить. Пока я рассеянно, ни о чем не думая, водил взглядом по рядам учеников, все было нормально. Но стоило задуматься о каком-нибудь одном, прислушаться к его словам, хотя бы фамилию вспомнить, облик его начинал искажаться, контуры расплывались или, наоборот, становились резче, угловатее; на лицо его накладывались другие лица, с разным выражением, даже разновозрастные: одновременно видел я старика, взрослого и ребенка. Иной раз сквозь человеческие черты проглядывали звериные мордочки: хитренькие лисички, кроткие ягнята или бараны бессмысленные, перепуганные кролики, настороженные крысы, насмешливые козлы, петухи задиристые... И если я упорствовал, тарасил глаза, силясь разглядеть, что же я вижу на самом деле, что мне чудится, лица раскалывались, по ним змеились плавные или угловатые трещины, огненные такие линии, как-то видятся закрытыми глазами после молнии. Линии эти ширились, ветвились, сливались, превращаясь в широченные потоки, загораживающие все лицо, потоки стремительные или медленные, яркие или тускнеющие, сходящие на нет постепенно. И в конце концов все тонуло в подсвеченном пульсирующем тумане, обычно неярко, розоватом, желтоватом, сизом, как пасмурное небо, или блекло-оливковом, как затоптанная трава. Туман этот колыхался, меняя очертания, не исчезая, даже если я глаза закрывал. Чтобы прогнать его, как я заметил позже, надо было не думать об этом ученике. Но легко сказать — не думать! Еще Ходжа Насреддин дразнил людей, предлагая им не вспоминать о белой обезьяне. Как не вспомнить? Гонишь из мыслей, а она тут как тут: лохматая, со свалывшейся шерстью, грязная, краснозадая, противная такая.

Работать стало невозможно. Вместо того, чтобы думать об уроке, я цветные туманы отгонял, словно муть разводил руками. Пришлось пойти к врачу. Окулист с полнейшей добросовестностью проэкзаменовал меня по разнокалиберным буквенным строчкам, изучил мою роговицу и хрусталик, через зрачок заглянул на глазное дно, измерил его давление, неторопливо продиктовал свои наблюдения стрекочущему автомату и в результате признался, что ничего в моих глазах не видит, порекомендовал посоветоваться с психологом.

Ах, с психологом? Тогда мне незачем идти к незнакомцу, рассказывать все с самого начала про школу итантов. Я предпочел обратиться к шефу. К нашему выпуску — первым своим изделиям —

он всегда относился с особой благосклонностью, разрешал приходить без дела, просто так, поведать о своих ощущениях, впечатлениях. В данном случае подходящий предлог: с глазами осложнение.

И на этот раз шеф пригласил меня сразу же, хотя в кабинете у него были люди: новичков он напутствовал, практикантов, отправляющихся на Луну, — трех парней и девушку. Парни выглядели обычно, лица их, плечи, грудь — все выражало старательную молодцеватость. Я-то посматривал на них снисходительно, думал про себя: «Эх, петушки молодые, хорохоритесь, еще хлебнете всякого, узнаете, почем фунт лиха, научитесь кушать его спокойно и ежедневно». Это у нас поговорка такая лунная: «У каждого в скафандре НЗ — фунт хлеба и фунт лиха». Впрочем, я парней не разглядывал внимательно, больше засмотрелся на девушку — естественная реакция в моем возрасте. Выразительная была девушка: маленькая, худенькая, с детской шейкой, так умиительно выглядывавшей из широченного раструба лунного комбинезона, и с большущими черными глазами, злыми почему-то. Меня так и хлестнуло взглядом: «Отвернись, мол, не для того я в космос лечу, чтобы засматривались всякие».

Такие худенькие бывают очень выносливыми, знаю по лунной практике. Но мне почему-то стало жалко эту девчушку. И когда мы с шефом остались с глазу на глаз, я даже позволил себе посоветовать:

— Зачем такую малявку на Луну? Здоровых парней не хватает, что ли?

— Она у нас из лучших, — возразил шеф. — Любого парня за пояс заткнет. Сосредоточенная. И целеустремленная. Своего добивается. Умеет.

— Не вернется она с Луны, — вывалось у меня.

Шеф поглядел осуждающе:

— Не надо каркать, что за манера?

Я развел руками:

— Жалко стало почему-то. Вообще настроение минорное. Себя жалею, что ли? С глазами у меня плохо...

Я начал рассказывать об утроенных лицах, лисичках, ягнятах и струях в глазу, но тут загорелся экран. Шефа куда-то вызывали срочно. Он заторопился, не дослушал, кинул, одеваясь:

— Гурий, к здоровью надо относиться серьезно. Ты переутомился, немедленно бери отпуск на две недели, отправляйся куда-нибудь подальше, в горы, в Швейцарию, в Саппоро, еще лучше в тайгу. В тайгу! Нет лекарства лучше лесной тишины. Прописываю тебе две недели якутской тайги.

Увы, усиленный курс тишины пришлось прервать через три дня. Только я долетел до Якутии, только-только успел подобрать для себя заброшенную сторожку у болотца, окруженного тухлявыми стволами, только успел усесться на один из стволов, устремив взгляд на тину, развести первый костер, вдохнуть аппетитный

запах дыма, как встревоженное лицо шефа появилось на моем запыстье:

— Гурий, ты нужен срочно. Бросай свою тайгу, прилетай сию же минуту,— распорядился он, сердито глядя с браслета.

Пять тысяч километров туда, пять тысяч километров обратно. Я даже не успел разобраться, проходит или не проходит моя болезнь. Пятого числа вечером я простился с шефом, девятого поутру входил в его кабинет.

— Сядь, Гурий,— сказал он сразу.— Садись и объясняй, почему ты сказал, что девочка не вернется?

— Она погибла? — ахнул я.

— Сорвалась в пропасть. Глубина четыреста метров. Это смертельно даже на Луне. Ты был прав, не следовало ее посылать. Но почему? Откуда ты узнал, что она не вернется?

— Не знаю, мне так показалось.

— Гурий, не отмахивайся, я спрашиваю важное. Сосредоточься, подумай как следует, вспомни, почему тебе пришлось в голову, что девочка не вернется.

Я задумался, привел мысли в порядок.

— Она боялась,— сказал я.— Не Луны боялась, боялась, что испугается на Луне. Я это почувствовал, а она почувствовала, что я чувствую ее страх, и злилась на меня, опасалась, что я ее выдам. Она из тех натур, что всю жизнь занимаются самопреодолением, ненавидят себя за слабость и бичуют слабость. Такие хотят быть героями, но геройство им не под силу, и они казнят себя за это, жертвуют собой, голову кладут на плаху, говоря по-старинному, по-книжному. И вот она и героиня и жертва. Но на Луне не жертвы нужны, а цехи и дороги. Там надо работать и доводить работу до конца, а эта девочка думала только об одном: «Струшу или не струшу?» Наверное, прыгнула там, где заведомо не могла перепрыгнуть.

— Именно так,— вздохнул шеф.— Прыгнула там, где и мужчина не перепрыгнул бы. Тем более что для Луны у новичков нет же глазомера. Но почему ты не сказал мне этого вовремя?

Я задумался. В самом деле, почему не сказал?

— Не сказал потому, что не понимал. Это сейчас я формулирую, выражаю словами. А тогда увидел цвет лица неестественный, бледно-зеленый. И ощутил напряжение нервов, натянутых до отказа, это же ощущаешь в другом человеке. И злость, и отчаянную решимость, мучительное усилие, усилие ради усилия, все затмевающее. И еще шейку на пределе текучести. Но это наше инженерное, возможно, вам не довелось иметь дело с испытанием металла на разрыв. Представьте себе: стержень вертикально зажат в тисках, а на нижнюю платформу грузят, грузят, кладут гирю за гирей. Вы сами ощущаете, как невыносимо трудно металлу. И вот металл не выдерживает, стержень вытягивается, худеет на глазах, словно пластилиновый, течет-течет... и лопается с оглушительным звоном. Вот эту шейку увидел я, она заслонила глаза, неприятно

было смотреть. Вообще неприятно. Смотрю на человека и вижу стержень. Это и есть моя болезнь. Я тогда начал рассказывать о ней...

Шеф сокрушенно покачал головой:

— Да, горько признаваться, но эту девушку мы просмотрели. Привыкли считать, что полет на Луну — студенческая практика и никакой не подвиг. Было бы здоровье — каждого послать можно. Антарктида или океанские впадины куда опаснее. Да, просмотрели. Придется усилить психологическую экспертизу. Видимо, и тебя подключим, Гурий... в дальнейшем. А пока отпуск твой отменяется. Лечить не будем, будем обследовать. Ждал я чего-то подобного, и вот пришло. Очевидно, родилась третья сигнальная. Поздравляю, Гурий, тебе она досталась первому.

— А что такое третья сигнальная? — спросил я с опаской. — Это надолго? Это пройдет?

Глава 5

Что такое третья сигнальная?

Мне-то шеф объяснил двумя фразами, но ради популярности нужно напомнить кое-что школьное.

Живое существо — животное или человек — получает из внешнего мира сигналы: световые лучи, запахи, звуки, тепло, удары, уколы. На эти отдельные сигналы примитивные существа сразу же отвечают действиями.

У позвоночных, развитых животных, владельцев мозга, разрозненные сигналы складываются уже в систему — в образ. Образ — это обобщение раздражений — первая сигнальная система по Павлову: я слышу грозное рычание, я чувствую острый запах, я вижу гриву над высоким лбом, крупную морду и толстые лапы. Страшноватый зверь — удирать надо.

Вторая сигнальная система — словесное обобщение образов: видел я таких зверей на картинках, в зоопарке, в цирке и в кино. Они называются львы. Мне уже не надо слушать рык, рассматривать гриву. Достаточно крикнуть: «Лев!» Я побегу.

Третья сигнальная система — по логике вещей — обобщение слов. Во что?

Еще и так рассуждал шеф:

Раздражения — единичные сигналы.

Образ — комплекс раздражений — целая картина, составленная из простых сигналов.

Слово — обобщенный, но простой сигнал, несколько звуков.

Что на очереди? Может быть, некий комплекс, составленный из слов, какая-то мысленная картина?..

Так рассуждал шеф. А что получилось, предстояло выяснить, изучая меня. И не знал я, надо ли мне жалеть себя, несчастного подопытного кролика, или гордиться тем, что я первооткрыватель, первопроходец новой психологии.

Я-то предпочитал гордиться. И спросили бы, не отказался бы от почетной роли.

Итак, вместо учения началось изучение. Прикрепили ко мне трех лаборантов, но главным образом для записи, потому что наблюдал я себя сам, а им диктовал самонаблюдения. Увы, в психологии такой необъективный метод — один из основных.

Я думаю, я стараюсь думать и замечать, как я думаю, о чем и в какой последовательности. Я чувствую и стараюсь проследить, что я чувствую, по какой причине и в какой связи.

Допустим, идет рядовое занятие в классе. Я на кафедре, дал задание, сижу в задумчивости, поглядываю на лица. Скольжу рассеянным взглядом, ничего особенного не вижу. Но вот задержался на одном, припомнил имя: Шарух. Подумалось: это человек мягкий, податливый, легко поддается влиянию. И сразу черты его расплылись, размокли, словно их водой размыло. И словно нос корабля в воду, в них врзается острый угол.

А это я подумал о соседе Шаруха Глебе. Того я вижу жестко очерченным, с профилем, как бы тушью обведенным, с резкими, угловатыми, стилизованными чертами.

Еще подумалось: «А почему он жесткий такой?» Знаю, расспрашивал. Родители были суровы, из тех, кто считает, что ребенка нельзя никогда ласкать, воспитывать только строгостью, требовать и наказывать. И вот на обведенное тушью лицо накладывается другое — замкнутого ребенка, не запуганного, но хмурого, не привыкшего шумно радоваться. «Оттает ли?» — спрашиваю себя. Едва ли. Очень уж жесткий контур, таким и останется, даже еще окрепнет к старости. Ведь с годами радостей все меньше, хотя бы от того, что здоровье хуже, силы убавляются. И впрямь, контур становится все толще и чернее, уже не контур, кожа, кора, вот уже и человека я не вижу, нечто черное и прямое, этакая заноза, гвоздь с острием. И лежит этот гвоздь, резко очерченный на переливающемся перламутровом фоне (чужая жизнь, что ли?), обособленный, непреклонный, чужеродный, прямой. Отрезок прямой — линия, выражающаяся уравнением первой степени, самым простым и самым скучным. Сказывается математический этап моего обучения — уравнение жизни вижу я вместо лица. Но этакая глухая неподатливая изолированность, как у Глеба, — редкость. Чаще уравнения жизни я вижу криволинейными, второй, третьей, четвертой степени, синусоиды, комплексы разнородных волн. У эмоциональных натур острые всплески, как на осциллографе, у авантюрных неожиданные зигзаги. У детей чаще крутой подъем, а к старости пологий спуск, выцветающий и сужающийся. У нас — итантов — несколько крутых подъемов: каждый курс наращивания мозга — дополнительное детство.

Все это я могу выразить иксами-игреками: пропитался математикой насквозь. А от школьной любви к рисованию пришла ко мне красочность. Яркие люди так и выглядят яркими в моем мозгу, невыразительные — блеклыми, серыми — разных оттенков,

болезненные — землистыми. И в конечном итоге линии превращаются в струи — в некий поток жизни, потом же иногда — не всегда — в колыхающееся цветное пятно. Что означает это пятно? Я воспринимаю его как некое обобщенное представление о человеке. Можно расшифровать его, изложить словами, тогда получится емкий трактат о прошлом и настоящем личности, ее характере и темпераменте, способностях и перспективах. Трактат многословный и не очень вразумительный, так же как невразумительно словесное описание портрета: нос этакий, брови такие, лоб такой, а губы совсем такие. Проще показать фотографию: вот какое лицо. Пятно в моей голове — квинтэссенция опыта и знаний. Этакий человек! Мысленно двинул пятно в будущее — вот что с ним сделается. Мгновенный вывод.

Шеф утверждает, что так мыслят опытные шахматисты. Не фигуры переставляют с места на место, с клетки на клетку, а смотрят на позицию и ее меняют в воображении. Двинул коня — что получится?

Может быть, именно это и называется интуицией?

Но почему же над одним ходом думают по часу?

Я наблюдаю себя, шеф придумывает темы, диктует задания:

— Гурий, подумай о биноме Ньютона. Что увидел?

— Гурий, подумай о моем котенке.

— Гурий, подумай обо мне. Как я выгляжу?

В данном случае отказываюсь:

— Шеф, мне неудобно как-то. Мало ли что человеку приходит в голову невежливое. Мысли — это же только черновики рассуждения. Отредактированное выражают словами.

— Ладно, что ты читал сегодня? Что в голове осталось?

— Бумага, больше ничего. И не отбеленная, шероховатая, серая, оберточная. Книга была такая невыразительная.

— Познакомься, Гурий, молодой человек хочет поступить к нам в школу. Что отразилось в твоей голове, расскажи.

Шеф придумывает задания. Я формирую в мозгу цветные пятна, потом пытаюсь разобраться в них. Почему этот человек кажется мне голубым, а тот сиреневым? Какая тут закономерность?

И, конечно, с самого начала шеф старается извлечь пользу из моего нового свойства. Если я гибель девушки мог предсказать, самое место для меня в приемной комиссии.

Однако вскоре выясняется, что именно там пользы от меня мало. Да, поговорив десять минут с молодыми людьми, я хорошо представляю, чего можно ждать от них... сегодня. Но ведь они получают инъекции, отрастят новую порцию мозга и через два-три месяца станут другими людьми с другими способностями. Что я улавливаю, собственно говоря? Я вижу процесс развития человека, не обязательно человека, вижу процесс развития. Пребывание в школе интантов меняет процесс.

Отчаянные же, вроде погибшей девушки, мне не попадаются ни разу. Безрассудные есть, есть любители риска, я отмечаю их. Есть

и такие, которые будут прыгать через пропасть без особой надобности, могут и шею сломать. Но мои цветные линии и пятна не подсказывают мне, который прыжок будет роковым, первый или сотый. Может быть, у той девушки нервы были очень уж перенапряжены. А может быть, я угадал случайно. Возможно, и та девушка отучилась бы прыгать без толку, если бы при первом прыжке сломала не шею, а ногу.

Кто-то, а впрочем, я помню, кто именно, советует мне испытывать свой новый дар на спортивных соревнованиях. После двух-трех неудач у меня получается хороший процент попадания, особенно на длинных дистанциях, там, где решает запас сил, а не рывок. Но кому это нужно? Спорт — это игра, спорт — это зрелище, нет интереса смотреть, если знаешь, кто выиграет. Где-нибудь в прошлых веках на бегах я бы все ставки срывал в тотализаторе. Но в наше время давно забыли, что такое тотализатор. Даже и слово такое не во всяком словаре найдешь.

Потом шеф направляет меня в клинику, в отделение тяжело больных. Я удираю оттуда через три недели. Невыносимо тяжело видеть столько густого страдания, столько людей с печатью смерти на лице. Да каждая санитарка это видит, каждая умеет видеть, могу только преклоняться перед ними. И опять-таки нет смысла в моем вмешательстве. Говорить врачам, что человек умирает? Они и сами это знают. Говорить, чтобы не лечили, не оперировали? Но как же не лечить, если есть хоть малейший шанс? А вдруг я ошибся, и тонкая ниточка жизни (я так и вижу ее ниточкой) не оборвется на этот раз, протянется на полгода, на год? Не смею я говорить врачу, что его усилия безнадежны. Он обязан и в безнадежном положении прилагать усилия. Может быть, я полезен был бы в диспансере, где подстерегают зарождение болезни? Но для того дела надо было бы растить мозг в четвертый раз, заполнять клетки всяческой латынью. В общем, я предпочел уклониться. Допускаю, что это эгоистично, не выдаю себя за образец для подражания, но я человек жизнелюбивый и плохо переношу густые страдания. Впрочем, и шеф не настаивал на четвертом доращивании мозга. Он хотел исследовать мое теперешнее состояние, прежде чем двигаться дальше, считал, что добавочные инъекции собьют картину.

Еще и бытовщина была, совсем неуместная. Прослышав про мой талант гадалки, добрые знакомые начали ко мне присылать своих добрых знакомых, главным образом это были юные парочки, собирающиеся вступить в брак. От меня требовали, чтобы я угадал, будут ли они счастливы до конца жизни. И я составлял их цветные пятна, накладывал их друг на друга, говорил, как сочетается желто-лиловое, красно-зеленое, сине-голубое. Иногда получалось красиво, иногда яркий цвет заглушал светлое, иногда тон был грязноватый. Сейчас задним числом могу свидетельствовать, мои цветовые игры подтвердились. Красивые сочетания жили красиво, некрасивые ссорились, яркие подавляли партнера. Конечно, если бы молодые учитывали свою тональность и постарались

бы смягчить неудачное сочетание, я был бы опровергнут и разоблачен, как никчемная гадалка. Но часто ли супруги перестраивают свой характер ради семейного счастья? Любовь требовательна: «Давай, люби меня, каков я есть!»

В конце концов шеф находит все-таки нам достойное занятие.

«Нам», — говорю я, потому что к тому времени нас было уже четверо. Новое видение прорезалось еще у троих, причем не у наших светил — Люции, Семена и Симеона. Эти, как и прежде, блистали в теории математики. Третья же сигнальная система, если это и в самом деле третья сигнальная, открылась у середняков, таких, как я, и, подобно мне, трижды поменявших специальность. Через математику и педагогику мы прошли все четверо, но Ли Сын вместо инженерного дела изучал еще химию, Линкольн — экономику, а Венера — биологию. С жизнеобеспечением ей пришлось иметь дело, людей на Луну устраивать.

Венера! Надо же, какое громкое имя ей дали родители. И совершенно неуместное. Не могу сказать, что она некрасива, возможно, и красива, но не в моем вкусе: смуглая, почти сизая, приземистая, с головой, убранный в плечи, курчавой, с густыми грозными бровями и еще более грозным носом. Нос, конечно, можно было бы и выпрямить, в наше время это делается шутя, для косметики проще простого, но Венера гордится своим носом, считает его родовым отличием и надеется передать потомкам до седьмого колена. Во всяком случае, первенец ее родился с заметным клювиком. Генотип обеспечен.

Итак, шеф нашел для нас работу. Поручил подготовить тезисы доклада «Перспективы освоения Луны», ни много ни мало на двести лет вперед.

— Двести лет? — переспросили мы. — Не многовато ли?

Но взялись с удовольствием. Перспективы развития, процесс развития! Это было нам по вкусу, это хорошо осваивали переливающиеся потоки.

Коротко: как пошло рассуждение?

Да так же, как с «проектом — Луна».

Два века во всех странах мира шло разобшение жилья и производства, выселяли заводы из центра на окраины, из городов, из курортных и жилых зон, наконец, с планеты долой — на Луну. А теперь пошел второй виток спирали.

Вот высылают на Луну электростанции, высылают металлургию...

Но если металл добывается на Луне, имеет смысл перевести туда и металлоемкое станкостроение. И если станки делаются на Луне, зачем же везти их на Землю, нагружать ракеты, тратить топливо зря, имеет смысл использовать станки на Луне, оттуда доставлять продукцию, прежде всего малогабаритную: часы, приборы всякие, ткани, бытовую химию. Имеет смысл и приборы не возить на Землю, на Луне строить лаборатории, тем более что мно-

гие из них и нужны-то для заводов. Но в лабораториях и на заводах будут люди, одними роботами не обойдешься. А человек требует человеческих условий, его нельзя вечно держать в подземельях, ему зелень нужна, сады, просторы, желательны зеленые просторы. Кислород на Луне есть — в тех самых породах, откуда добывается металл, со временем будет кислородная атмосфера, а ее надо беречь, не засорять пылью, ядовитыми газами и угаром. И где-то в пределах двухсот лет встанет вопрос о высылке промышленности с Луны, сбережении природы этого внеземного материка площадью чуть поменьше Азии. Жалко же целую Азию использовать как мусорную свалку.

Куда же мы выслем технику?

В космос, очевидно.

Вот и возвращаемся мы на круги своя: город-колесо, город-труба, кривые коридоры, уходящие под потолок, цехи с наклонными полами, так и кажется, что на тебя рушатся станки, стеклошубы, заслоняющие солнечный свет. И проблема отбросов: не плоды метеоритные потоки!

Если возвращаемся к отвергнутому, подумать надо об отрицании отрицания.

Чего ради проектировать эти разрозненные города-трубы, города-кольца и цилиндры? Ради веса. Вес, желательный человеческому организму, создавался там вращением вокруг оси, центробежная сила создавала вес. На Земле вес центростремительный, к центру планеты направленный, а в тех космических городах — центробежный. Для человека непривычно и неудобно. Удобнее был бы центростремительный вес — искусственное тяготение.

Но как его создать? Наука не знает.

А если нужно? Создадут же.

Двести лет в запасе. Может быть, откроют через двести лет, может быть, через сто, а может, через десять? Искать надо.

А что это даст?

Разрабатываем перспективу:

Что даст открытие искусственного тяготения?

Что даст через десять лет и что даст через двести лет?

И где его искать? Наука не знает, но ведь и не ищет.

Я не буду пересказывать доклад. Это несколько папок, довольно объемистых, с графиками, формулами, расчетами, цифровыми таблицами. Желавшие могут затребовать копию доклада, им пришлют ее из Центра Информации через час. Я говорю только о нашем подходе, нашей манере видения. Жизнь — поток, наука и техника — поток. Поток течет быстрее или медленнее, становится шире, уже, но течет обязательно, неудержимо, ветвясь и сливаясь, обходя преграды, поворачивая, извиваясь, бурля или растекаясь, но течет и течет. Надо уловить, куда течет. Мы и старались понять — куда?

Старались понять вчетвером, хотя поначалу нам не так было просто договориться. Мы по-разному видели потоки-процессы. У меня раскраска была пестрая — видимо, сказалось увлечение рисованием; а Линкольн — музыкальный, как все негры, слышал мелодии, улавливал темпы — аллегро, модерато и прочие. Формы же геометрические, соответственно и уравниения получались у нас более или менее сходные — математикой же занимались мы все четверо. И договаривались мы чаще всего на основе графики. Тоже язык пришлось вырабатывать специальный:

— Лю, ты что видишь?

— А ты, Венера?

— Ситуация Арарат,— говорит Венера убежденно.

— И у меня Арарат, пожалуй, чуть-чуть араксистее.

— Ерунда какая. Ни тени араксистости.

Четверо нас, но уже надо вырабатывать терминологию, условные названия. Что такое араксистость? Этакое течение процесса, мы уже договорились, какое именно. Этакая картина. А легко ли объяснить образ. Лошадиное лицо, что такое? Лицо, похожее на лошадиную морду. А какая морда у лошади? Лошадиная, каждый видел. Или какого цвета роза? Розового. А что такое розовый цвет? Как у цветка розы. Светло-красный, но с белилами и оттенком голубизны. А что такое красный цвет? Это все знают.

Так вот мы знаем, что такое араксистость. Процесс, график которого напоминает реку Аракс на карте: большая волна, перегиб и малая волна выше нуля. А араратистость — две волны, большая и малая, но обе выше нуля.

Поспорив и договорившись более или менее, мы заполняем страницу — очередную страницу доклада о будущем космоса и Луны.

Тот доклад мы представили в Институт Дальних Перспектив, особого интереса он не вызвал, показался несвоевременным. Но вызвал внимание к нам — итантам. Нам поручили другую тему: итанты в хозяйстве и науке. Тема оказалась необъятной: итанты — искусственные таланты, а где же не нужны таланты? Тему сузили, оставили — итанты как педагоги. А там пошло ветвление: опыт преподавания математики, подготовка итантов, распознавание способностей, типовые ошибки и т. д. и т. д.

Приглашать-то нас приглашали охотно, задавали кучу вопросов, слушали с любопытством, но не сказал бы я — дружелюбно. Такое отношение было: «Показывают нам сенсационную новинку, едва ли достойная новинка». И выслушивали нас внимательно, но главным образом, чтобы возразить. Чаще всего мы слышали: «Это давным-давно известно в науке». Или же: «Вы ошиблись. Вы не в курсе дела, того-сего не учли, на самом деле так не получится».

Сначала мы очень смущались, уходили, краснея за свое невежество, даже просили избавить нас от этих скороспелых кон-

сультаций, потом, почитавши, разобравшись, выясняли, что нам самим есть что возразить на возражения. И научились отвечать: «Да, товарищи, мы не все знаем на свете, вы глубже нас знаете свою специальность. Но разрешите обдумать ваши сомнения, ответить вам письменно или устно, если у вас есть время для повторного обсуждения». И мы находили ответ. И на следующем заседании уже стояли с горделивым видом, глядя на смущенных специалистов, пожимавших плечами, бормотавших неуверенно: «Да, пожалуй, что-то в этом есть».

Это было почетно, это было приятно. Приятно чувствовать себя сильным, догадливым, сообразительным, приятно побеждать в споре, приятно, что рядом с тобой, спина к спине стоят твои товарищи, команда победителей: чернокожий Линкольн, желтокожий Ли Сын, густобровая Венера и ты с ними — итант, талант.

* * *

Рассказываю и сам себя ловлю на слове: не расхвастался ли, не преувеличиваю ли успехи, саморекламой не занимаюсь ли? Этакие мы универсалы — всезнайки, все можем, все видим.

Нет, конечно, не знаем мы все на свете, мы только соображаем быстрее, а специалисты в каждой области знают больше нас, и потому, как правило, при первом разговоре мы пасуем: то-то они знают давным-давно, а что-то мы неправильно толкуем, не получится, как мы предлагаем. В лучшем случае мы быстро сообразили то, что им давно известно.

Но в дальнейшем вступает в дело еще одно наше качество. Специалисты твердо знают положение в своей науке, знают по принципу «да-нет»: это можно, а это нельзя. Но мы-то видим поток. И мы знаем, помним, что движение побеждает всегда, никакая плотина не остановит реки, вода либо перельется, либо просочится, либо размочит, либо проточит, либо найдет другое русло. Этим мы и занимаемся: оцениваем высоту плотины, ищем другое русло, не в этой науке, не в этой отрасли. Мы ищем, а специалисты давно знают, что ничего не выйдет... У их учителей не выходило... но с той поры столько воды утекло.

И слышим: «Да, в этом что-то есть».

Еще и так скажу:

«Разные есть дела на свете; в одном важнее знание, в другом сообразительность. Мы специалисты по сообразительности. Это не наша заслуга, мы итанты — мы искусственные. Но сообразительность нам дана, использовать ее приятно».

И увлекательно.

«Лично я доволен, что стал итантом. Думаю, что в законы планеты стоит добавить параграф:

«Каждый имеет право на талант».

Шеф сказал:

— Гурий, итанты нынче в моде, мы на острие эпохи. К нам идут толпы молодых людей, не совсем представляя, на что они идут. Надо рассказать им все, не скрывая ни радостного, ни горестного, точно, объективно, спокойно и откровенно, все с самого начала.

— С самого начала? — переспросил я. — И о вашей племяннице?

Итак, о Маше, еще о ней хочу я досказать.

Вообще-то ничего не было бы удивительного, если бы она исчезла из моей жизни. Разве обязательно первая любовь оканчивается женитьбой? Только в романе героиню надо тянуть от первой страницы до последней. Обычно влюбляются в сверстницу, в соученицу, а сверстницы предпочитают старших, более сильных, более зрелых, для семейной жизни сложившихся. Вот Стелла, о которой я так много, слишком много говорил на первых страницах, исчезла на дне своего океана, китов разводит там, доит и кормит. Ничего не могу добавить о Стелле.

Но Маша, племянница нашего шефа, естественно, бывала у него часто. И мы время от времени встречались с ней, так что я был в курсе ее жизни. Мечта ее о нормальном ребенке сбылась: Маша родила дочку, сейчас она уже подросла, длинноногая такая, длиннolica, мрачноватая, на Машу совсем не похожа, в отца, наверное. Впрочем, девчонки меняются, хорошеют, созревая. Так или иначе — нормальная девочка, не отсталая и не чересчур способная, а к математике равнодушная совершенно, предпочитает одевать кукол.

С нормальным же мужем своим Маша, видимо, не ладила с самого начала. Он был человек простоватый, хотя и с выдающейся прыгучестью, но твердо убежденный, что муж должен превосходить жену во всех отношениях, а Машу как-никак все-таки сделали итанткой немножко. И Маша первое время старалась угодить, подлаживалась под интересы мужа, глушила всплески таланта. Впрочем, тогда маленькая дочка поглощала все ее время. Но потом девочка пошла в детский сад, у Маши стало много свободного времени, появились культурные интересы, работу она сменила, бросила свою гимнастику, все меньше часов проводила дома, и муж предъявлял претензии...

В общем, расстались они.

Маша переехала назад к родителям, стала часто бывать у дяди, как раз и меня в то время вернули с Луны в школу итантов, я усердно занимался психологией, часто консультировался у шефа. И встретились мы с Машей нечаянно. А потом стали встречаться намеренно.

Эх, не проходит, никогда не проходит бесследно несостоявшаяся первая любовь! Остается как заноза, как осколок в сердце. И

улегся, казалось бы, и зарос, а нет-нет шевельнется, кольнет, боль нестерпимая.

Второе дыхание пришло к моей первой любви.

В ту пору я был погружен в работу по уши, осваивал свой первый класс — искал подход к каждому, у Маши же было вдоль свободного времени, и я получил возможность, такую заманчивую для мужчины, разглагольствовать перед сочувствующей женщиной. Я рассказывал внимательной слушательнице о своих мучениях с нетерпеливым Педро и глуховатым, но основательным Густавом, о восприимчивой к внешности Лоле, никак не представлявшей лунные масштабы, о том, как я стараюсь преодолеть их нетерпение, глуховатость и непонимание особенностей Луны.

— И о каждом ты заботаешься так? Какой же ты добрый, Гурик!

— При чем тут доброта? — оправдывался я. Как и в мальчишеские времена, доброта казалась мне немужественной. Хотя, в сущности, сильный и должен быть добрым, именно потому, что он сильный, может и себя обеспечить, и слабеньким помочь. — При чем тут доброта? Работа у меня такая, наставительная.

— Нет, ты добрый, — настаивала Маша. — Я это еще в школе поняла. Когда все девчонки окрысились на меня, только ты встал на защиту.

— Разве я встал на защиту? Просто я самостоятельный был, у меня не было основания обижаться на тебя, я терпеть не мог математику.

— Нет, ты добрый, ты меня пожалел.

Обсудив проблемы доброты и жалости, я включал диктофон, чтобы записать свои соображения о Педро, Лоле и Густаве, а Маша тихонько сидела у меня за спиной, для дочки что-нибудь кроила, склеивала, изредка вставая, чтобы заглянуть мне через плечо и при этом ласково чуть-чуть кончиками пальцев поглаживала мои волосы. Почему-то это робкое поглаживание больше всего умиляло меня.

И у нас все шло хорошо, пока не вселились мне в голову утроенные лица и звериные мордочки, витиеватые линии и цветные облака, араксистость и араратистость. Я начал думать иначе, я начал говорить иначе, невнятно, с точки зрения окружающих.

Вот, например, Маша с трепетом приносит мне видеоленту, взволновавшую ее душу, сентиментальную сверх всякого предела историю верных влюбленных, полюбивших друг друга с первого взгляда и мечтавших о соединении всю жизнь, десятилетия наполненных мечтами. Догадываюсь, что Маше хотелось бы, чтобы я был из той же породы, мечтал бы о ней и мечтал. Я говорю: «Маша, это разведенный сироп, жиденький, бледно-бледно-розоватенький». Маша приносит стихи своего поклонника, о чувствах, подобных урагану, заре, закату, метели, ливню, — сплошной учебник метеорологии. Я говорю: «Я вижу суп с зеленым горош-

ком. Зеленое — описание природы, прочее — вода». Маша обижается, конечно. Ей лестно было вызвать пургу, ураган и прочее в чьей-то душе, даже в душе ненужного поклонника.

Маша знакомит меня с Верочкой, своей ученицей, совсем молоденькой девочкой, невестой. Верочка прослышала о моем новом даре (от Маши, конечно) и просит предсказать, будет ли она счастлива в браке. Четверть часа я беседую с ней, четверть часа с женихом, потом говорю Маше:

— Мутновато.

— Загадками говоришь,— возмущается Маша.— Объясни членораздельно, по-человечески.

— Но я так вижу. Он пронзительно-желтый, Верочка голубенькая. Вместе что-то серо-зеленое, нечистый тон, грязноватый даже.

— Злой ты какой-то,— Маша пожимает плечами.

— Выламываешься,— говорит она в другой раз.

Потом всплывает ревность:

— С Венерой своей разговаривай так, с носатой красоткой.

И вот беда: в самом деле мне с Венерой легче разговаривать. Мы понимаем друг друга, у нас общий язык, мы близкие, не одной крови, но одного мышления. Маша осталась где-то на другой стороне, пропасть расширяется, и все труднее наводить мосты.

И смертельную обиду вызываю я, сказав, что дочка ее как оберточная бумага — шершавая и сероватая. Почему «как оберточная бумага»? Потому что никакая она, не человек еще, «табула раза», жизнь еще напишет на ней содержание. Почему «как оберточная»? Потому что не очень чувствительна девочка, только жирные буквы отпечатываются на ней. И «шершавая» потому, что толстокожая. Но ведь все это я выразил короче. Лаконичны мои новые образы.

— Ты меня дразнишь? Ты меня оскорбить хочешь?

Снова и снова объясняю ей, что не злюсь, не выламываюсь, не дразню и не оскорбляю. Вижу я теперь иначе, Машу не утешают мои оправдания. Маша рыдает, ломая руки: пальцы сплетает и расплетает, локти прижимает к груди, словно ей мешают собственные руки, хочет их оторвать и отбросить. Маша не находит себе места, Маша не находит слов:

— Ты совсем другой человек, ты чужой, чужой, я такого не знала никогда. Я не могу любить каждый год другого. Я знаю, что ты не виноват, это все проклятые опыты дяди. Ну какое он право имеет вмешиваться в душу, перелицовывать человека? Где мой милый добрый Гурик? Подменили, выдали другого — сухого, циничного, оракула всевидящего. А потом будет еще какой-нибудь величественный, снисходительный, божественный. Все разные, все чужие. Я так не могу, не могу, не могу!

Мне не удалось утешить Машу. Она убежала, отмахиваясь, и я решил отложить разговор на другой день, когда она не будет так расстроена. Но она не пришла назавтра и послезавтра, а по-

том я получил от нее письмо. Письмо само по себе символ разрыва. В наше время, когда так легко появиться на запыстье, в кружочке наручного экрана, письма пишут, если не хотят видаться.

«Гурий, прощай,— писала Маша.— Гурика, которого я любила, больше нет на свете. А ты только его тезка, чужой человек, захвативший имя и внешность моего лучшего друга. Я даже не уверена, что ты человек. И не преследуй меня, не ищи. Такого я не люблю, такого я боюсь».

Вот так получается. Как говорит шеф: «За все на свете надо платить, а кто платит, тот тратит». И кто осудит Машу? У нее своя правда. Маша — хранительница человечества. А я не сохранился, я изменился. Кто меняется, тому изменяют.

Я кинулся было к шефу: «Спасайте, выручайте, не хочу быть пожизненным кроликом, заберите третью сигнальную, отдайте мою личность». Но, в сущности, я заранее знал, что он ничего не может сделать. Как отобрать у человека талант? Испортить мозг лекарствами? Но кому нужен жених с испорченным мозгом?

Есть, конечно, средство, я и сам догадывался. Талант можно засушить бездействием. Год не пускать в ход лобастую голову, два, три не думать об уравнениях, графиках, учениках, о людях вообще, отучится она вырисовывать потоки с дельтами и меандрами. Можно, например, возродить детскую свою мечту, закинуть за плечи рюкзак с этюдником, выйти из дому пешком, взять курс на Верхнюю Волгу, Ильмень и Ладогу, вглядываться и радоваться, рисовать цветочки и кочки, ветки и морщины коры, этюд за этюдом, альбом за альбомом «Живописная планета». Можно и не рисовать даже, в каком-нибудь заповеднике обходить просеки летом и зимой, проверять «пушисты ли сосен вершины, красив ли узор на дубах», и радоваться, что кто-то перевел на Луну еще один завод, освободив сотню-другую гектаров для сосен и дубов.

И лет через семь, выдержав характер как библейский Иаков, приду я к своей Рахили с докладом: «Маша, я совершил подвиг долготерпения, я достоин тебя, мне удалось поглупеть».

Так, да?

Не хочется.

Жалко мне расставаться с глобальными задачами, решающимися в переплетении цветных линий, жалко спянной нашей четверки «Четверо против косности», жалко бросать будущие дела и сегодняшнее срочное: «Земле зелень — Луне дым».

Пусть земное небо будет чистым ради чистой наследственности детей!

Чтобы сохранить Землю, надо изменить Луну — менять, чтобы сохранить. Вот такая диалектика.

Чтобы сохранить человечество, надо менять человека, — такая моя правда.

Но кто меняется, тому изменяют — это правда Маши.

У Маши — своя, у меня — своя.

Чья правда правдивее?

МОРЕГ

ОЗЕРО

Вода в этом озере темная даже в солнечные дни, и мне не удалось увидеть дна. Хотел было спуститься по крутому склону к самому берегу, но друг крепко сжал мою руку и так выразительно покачал головой, что я невольно задумался: уж не верит ли он сам в эту историю? Нас ждала машина. Он торопил меня. Я заметил, что поступает он нелогично: сначала рассказывает об озере небылицы, везет меня сюда, не жалея бензина, а потом вместо купания мы снова оказываемся на грунтовой заброшенной дороге и до шоссе — двадцать миль...

— Сказочное место, — сказал я. — Готов поверить легенде. Однако паломников и туристов тут не видно. Чем объяснить этот местный парадокс?

— Знаешь, здесь другие люди. Не могу привыкнуть... Многих из них интересуют совсем другие мифы и легенды.

— Какие же?

— Характерный вопрос. Разумеется, это легенды о счастье, о любви, о бизнесе. Некоторые, правда, испытывают тягу к чудесам, но она какая-то особенная: нужны самые простые, яркие эффекты, понятные, что ли... Нет у них, видимо, времени на размышления.

— Странно, что ты сам проявляешь к этому интерес намного больший, чем англичане.

— Ты прав. Но здесь я встретил все же двоих, кому дано поверить. С одним из них я тебя познакомлю.

— Почему ты против купания в озере? В самом деле боишься, что это правда?

— Не знаю. Я был здесь трижды. Конечно, поверить невозможно. Но близится день, когда она должна вернуться... Так считает Тони Кардью.

— И ты думаешь, Морег вернется?

— Сказка, конечно. Но...

— Она вернется?

— Да. Согласно легенде. Она вернется к людям. И в руке ее ты увидишь букет ослепительно белых цветов. Будешь считать эти цветы — и насчитаешь ровно десять, с них будет капать вода, ведь цветы растут на дне озера... И тебя поразит красота Морег. Ясно?

— М-да... в этом что-то есть. Почему же мы не искупались в озере?

— Навязчивая идея... Вот и шоссе.

— Ты же знаешь, что я коллекционирую моря и озера, в которых купался. Купался я в Красном море, в Японском, в Северном, в

Средиземном, не считая уж внутренних морей и озер. В Армении в апреле плавал в озере, которое называется «Глаз мира». Вода там такая, что никакой Севан в сравнение не идет.

— Ладно. Скажу. Видишь ли, моя профессия предполагает известную долю наблюдательности... Так вот, осталось десять дней до сказочного, казалось бы, события. А ты помнишь, что должно произойти сегодня?

— Что же?

— Но я же рассказывал тебе!

— Ах, да, это, кажется, про цветы... постой-постой, ведь мы могли бы увидеть их! Так?

— Нет, не так. Придется тебе внимательно прочесть известную тебе книжицу. За десять дней до появления Морег в волнах озера покажется один только белый цветок. Там, на дне она собирает свой букет, и один из цветков выскользнет и всплывет на поверхность.

— Выходит, она собирает букет десять дней? Не много ли?

— Не забывай, что время там течет иначе. Это же сказка.

— Сказка. Но ты говоришь так серьезно, что в голову приходит...

— Прочти легенду! Мы ведь не случайно приехали сюда в этот день. Морег подарит букет свой тому, кто был сегодня на озере.

— Ну знаешь ли... Еще вчера это считалось у нас с тобой просто прогулкой.

— А сегодня эта поездка уже не считается таковой.

— Почему же? Что произошло?

— Да уж произошло... Я видел этот цветок.

— Как это видел?

— Так. Он плыл там... хотя, может быть, я ошибаюсь. Солнце. Вода темная. И цветок в воде, примерно в пятидесяти метрах от берега.

— И ты промолчал?

— Я бы не удержал тебя... Впрочем, жалко, что уехали так быстро. Но там, у озера я не придавал этому никакого значения. И только сейчас до меня начал доходить смысл этого эпизода. Только сейчас... поверь.

— Ладно.

* * *

Промелькнул хлопотный день, неуловимый вечер; в полночь, прислушиваясь у себя в номере к затихавшему шуму чужого города, я вспоминал озеро. Это здорово, что сохранились еще такие места, где можно увидеть дикие цветы, травы, облака, опрокинувшиеся в темную воду. Все крупные города чем-то похожи друг на друга в наше время скоростей. После поездки к озеру во мне шла какая-то внутренняя работа, как будто я действительно готов был поверить легенде. Но это вряд ли соответствует действитель-

ности! Как можно поверить милой шутке старого школьного друга, который, насколько я помню, всегда был склонен к розыгрышам! Но почему-то хочется нажать кнопку торшера и раскрыть книгу. Необъяснимо!

Он работает в корпункте в Лондоне, я знал это, но надеялся его увидеть после симпозиума орнитологов. Встреча была неожиданной. Он приехал в Глазго на симпозиум тем же поездом, что и я. Мы могли бы встретиться, например, на лондонском вокзале. Он рад этой встрече близ отеля на набережной Клайда. Дело не только в том, что мы когда-то дружили. Он журналист. Значит, он заинтересован в том, чтобы его материалы об орнитологии, эдакой не вполне серьезной науке, были современны и не напоминали бы статьи из энциклопедий, что нередко случается. Из прессы немного почерпнешь: орнитология не пользуется ни популярностью, ни даже относительной известностью. Что значат птицы в наш век сверхзвуковых машин?

— Здорово... Ты расскажешь, что же там будет интересного.— Батурин простодушно улыбнулся.

— Ты что же сам не хочешь разобраться? Это же просто: у каждой птицы два крыла — левое и правое, две лапы и голова... Давай, я расскажу тебе все подробно за чашкой кофе, идет?

Мы зашли в номер с зелеными шторами и зелеными занавесками на окнах, с зеленым синтетическим ковром на полу, и он вдруг произнес загадочную фразу на английском:

— Это похоже на страну фей.

— Что похоже? — поинтересовался я.

— Все. В стране фей носят одежду цвета травы, ковры и занавески там тоже зеленые. Сказки, конечно, ты им не веришь.

— А ты?

И тогда он неохотно, с паузами, как будто заранее знал, что я не поверю, рассказал историю, связанную с озером и фермерским домом на берегу. Присматриваясь к нему, вслушиваясь в странно звучащие слова, я сделал открытие: он относился к истории почти всерьез.

Невольно ловил я себя на мысли, что время остановилось в тот момент, когда я видел его в последний раз в Москве. Это оттого, наверное, что у меня хорошая память. Как не бывало полутора десятков лет. И мы как будто продолжали прерванный разговор. Только говорили совсем о другом...

Он, оказывается, почитывает сказки о феях. Гомер открыл археологу-любителю Шлиману путь к Трое. Саги рассказали об открытии Америки викингами. Почему сказки о феях считают до сих пор вымыслом? Непонятно. Они логичней, чем эпос Гомера, и намного правдоподобней его. Сначала они помогали Батурину освоить тонкости английского. До самой ночи он читал при свете зеленого торшера. Когда засыпал, ему снилось нечто похожее. Феи, одним словом. Утром, улыбаясь, он вспоминал иногда эти сны в мельчайших подробностях. Однажды его точно обожгло. В сказ-

ке о Морег он не все понял. Но сон помог — и он неожиданно для себя продолжил сказку. Он уверял, что от этого она стала правдоподобней. Но он ничего не изменил в оригинале — лишь добавил подробности, которых не хватало. Не хватало... когда он понял это, то сел за письменный стол... Точно так же он записал для себя историю, продолжавшую удивительные встречи туристов с феями в замке Данвеган.

Ладно, это даже интересно, прочесть одну-другую сказку на сон грядущий.

Это произошло не так уж давно в районе летних пастбищ, где стояли хижины и дома горцев-фермеров. Доналд Мак-Грегор — так звали одного из них. Морег была его дочерью. В зарослях вереска белело жилище, дверь которого никогда не запиралась. Славная это была хижина — в ней едва хватало места для очага и двух крохотных комнат, которые оживали, когда Мак-Грегор и его дочь приводили к озеру своих овец. Внизу, под горой, поднимались густые травы, среди белых теплых камней журчал ручей, впадавший в озеро. Ручей делал петлю, и соседи советовали перенести летник выше: достаточно было бы прорыть второе русло для ручья, и хижина Мак-Грегора оказывалась расположенной как бы на острове. Это важное обстоятельство.

В легендах и преданиях встречаются странности. Объяснить их непросто. Будто бы в озере обитало чудище — водяной конь. Никто не знал его настоящего облика: то он являлся в обличье ворона, то казался издали старухой с клюкой, то огненно-рыжей лисицей, то черным зверем в водах озера. И чудище ни в одном из своих обликов не могло будто бы преодолеть текучую воду, когда выходило на берег поохотиться.

Никто не знал и не знает до сих пор, каково оно, это чудище на самом деле. Говорят, одному из фермеров, предшественнику Мак-Грегора, не повезло. Он увидел водяного коня и умер от сердечного приступа. Он никому не успел даже рассказать о нем и дополнить таким образом предание. Мак-Грегор же улыбался, раскуривал свою трубку, слушал рассказы о водяном коне, но так и не соизволил оградить свой летник струей текучей воды.

— Я поверю в существование чудища не раньше, чем встречу с ним, — сказал он однажды соседу.

По словам этого соседа, водяной конь огромен и страшен и много людей пропало без вести, став его жертвами.

— Если эти люди пропали без вести, значит, они слишком загостились у друзей. Возвращались домой под хмельком, споткнулись где-нибудь в темноте, ну и свалились в пропасть. — Так отвечал на это рассудительный Мак-Грегор.

Морег прислушивалась к разговорам, которые вел отец, и знала о водяном коне. Долгими летними днями сживала она у

порога хижины за прялкой и пела песни белому с черной отметиной ягненку, которого нашла в густой траве. Когда над водой оставался край солнца, девушка спускалась к озеру и собирала овец. С горы она бежала босиком, вприпрыжку. И каждый куст вереска был ей знаком, и каждый камень, и каждый извив быстрого ручья. Но лиловые тени оживали иногда, и она убеждала себя, что нет и не может быть никакого водяного коня и, значит, бояться нечего. Разве можно не верить отцу?

Но почему же тогда дрожь пробегала по телу, когда она видела совсем рядом темные воды озера? О чем-то шелестели листья прибрежных рябин, и она вслушивалась в их шелест, бледнела и, оглядываясь, пятилась назад, ближе к дому. Что за страх владел ей? А утром все оказывалось на своих привычных местах: вода была приветливой, тени исчезали, светлые гребешки волн лизали изумрудную траву, и Морег корила себя за выдумки. Постепенно Морег привыкла к тому, что непостижимо странно менялось все в ее мире с приходом сумерек.

В конце концов это был ее дом, а разве само слово «дом» совместимо со страхом? Нет, думала Морег, несовместимо, все-то придумали досужие люди, ничего такого нет и быть не может!

* * *

Дочитав до этого места, я закрыл глаза. Свет в отеле яркий, я включил бра, но и при свете бра строчки начали сливаться, двоиться, быть может, я устал от впечатлений, от дороги. За несколько дней хотелось увидеть слишком много.

Отчетливая, простая мысль: образ девушки правдив. Как это получилось у безымянного автора? Источник, конечно, не внушал доверия, но это ощущение растерянности, боязни, желание уйти поскорее от опасного, внушающего ужас места... Очень похоже на правду. Лежа с закрытыми глазами, я думал об этой истории с Морег так, как будто собирался разобраться в ней. Однако, в чем тут, собственно, разбираться? Разве это не сказка?

И я вернулся в страну сказок.

* * *

Молодой человек появился как-то утром у порога хижины. Морег вздрогнула, увидев его тень, подняла голову, оставила прялку. Незнакомец смотрел на нее ласково и вежливо приветствовал девушку, попросил воды, и, пока он пил, Морег присматривалась к нему. Статный, красивый... А волосы! Густые, темные, тяжелые, блестящие. И влажные. От росы, что ли? На лугу ночевал — и промок. И одежда влажная. И Морег спросила:

— Как это ты ухитрился так вымокнуть. Ведь на небе ни облачка!

— Да вот шел я по берегу озера,— не долго думая, отвечал

молодой человек, — поскользнулся и упал в воду. Ничего, скоро обсохну. День-то какой погожий!

Он присел рядом с Морег, стал рассказывать ей веселые-превеселые истории. Она слушала и удивлялась себе: что-то в ней происходило такое, что мешало ему верить, не хотела она больше слушать его, а что-то принуждало ее к этому. Она была настороже. Вот он пригладил рукой волосы. Зеленая нитка соскользнула с них и упала у ее ног. Такая трава росла на дне озера. Морег вздрогнула. Еще одна травинка упала с его волос. Ее отец иногда ловил рыбу сетью — и девушка знала, что это за трава, и знала, что встречается она только на самых глубоких местах и опутывает снасть так, что трудно совладать с ней.

Юноша спросил, почему она вздрогнула.

— Трава... — ответила Морег. — В твоих волосах... трава.

— Но я же сказал, что упал в воду!

— Да, конечно, — ответила Морег и попыталась улыбнуться. — Наверное, я такая пугливая, всего боюсь.

— Чего же ты боишься сейчас? — В глазах юноши промелькнула странная тень, словно прикрывшая на мгновение его мысли.

Тут вдруг Морег припомнила, что рассказывал один из фермеров. В глазах водяного коня всегда как бы отражались темные волны. Море ли то было, озеро ли — никто не знал. И она увидела в глазах юноши это отражение темной безрадостной воды. Цепenea от ужаса, она все же нашла в себе силы подняться и побегать прочь от дома, от незваного гостя.

Сердце ее колотилось так, что заглушало остальные звуки, но она знала, что он бежит за ней, — и боялась оглянуться! Да, то была погоня. Она выбивалась из сил и слышала уже тяжелый топот за спиной.

...У легенды было два конца, один — счастливый — в тексте. Морег якобы успела перепрыгнуть ручей, и водяной конь остался на другом берегу, потому что текучая вода была для него непреодолима. Но в той же книге, в примечании я нашел совсем иную концовку, которая, быть может, не нравилась читателям. Согласно этой второй версии Морег не успевала перепрыгнуть через ручей. Она стала пленницей водяного коня. Подобно русалке жила она с тех пор на дне озера и должна была вернуться домой лишь через десять лет с букетом белых цветов. Их десять, этих ослепительных цветков, по числу лет, проведенных в неволе. И один цветок, как я знал, появлялся неожиданно на озерных волнах, когда Морег собирала свой букет в подводном саду.

Важная подробность: для девушки это было лишь сном или мимолетным видением. Время почти не коснулось ее. Она должна выйти из озера и как ни в чем не бывало направиться к своему дому. Только этого дома уже не было. Мак-Грегор вскоре умер. Место было предано забвению. От летней его хижины остались лишь несколько белых камней в зарослях папоротника.

Батурин показывал мне эти камни.

Я запомнил их расположение: три больших камня образовали вершины треугольника, четыре камня поменьше лежали внутри этого треугольника, и ничто больше на этом заброшенном месте не напоминало о жилище Мак-Грегора.

Действительно ли здесь был летник Мак-Грегора? Действительно ли у него была дочь? На эти вопросы Батурин отвечал утвердительно.

ЗЕЛЕННЫЕ ЧЕЛОВЕЧКИ?..

Я, конечно, не специалист. Мне трудно судить, возможно ли это и, если возможно, то как это достигается. И все же я читал чуть ли не об обратном ходе времени. Есть такие частицы, которые путешествуют из будущего в прошлое. Но если пишут о частицах, то, значит, в принципе это возможно. А если просто замедлить ход времени? Это же проще, чем повернуть его вспять?

Зачем это? Кому такое понадобилось? Водяной конь — сказка. Хорошо бы угадать реальные силы, которые дали повод сочинить сказку. Феи? Тоже сказка. Что же остается? Года два назад я читал о Франке Фонтэне, молодом французе, с которым произошло нечто похожее.

Специалисты из группы изучения аэрокосмических явлений оказались в затруднении, выслушав рассказ девятнадцатилетнего юноши.

Однажды утром Франк и двое его друзей собрались на рынок. Недалеко от их машины в небе появилось пятно яркого света. Оно стало спускаться на землю, оставляя за собой светящийся наклонный след. Франк, приняв это пятно за падающий самолет, немедленно сел за руль, оставив друзей у дома. Внезапно его автомобиль был как бы накрыт матово-белым шаром, а над машиной плавали в воздухе четыре маленьких шарика.

Друзья увидели, как туман вытянулся в трубу и поднялся в небо. Машина осталась на месте, но Франка в ней не было. Юноша появился ровно через неделю в полной уверенности, что его друзья все еще собираются ехать на рынок. Он думал, что просто вздремнул в машине. О его появлении есть запись в протоколе полиции. Постепенно к Франку возвращалась память. Он вспомнил, что туман проник в его автомобиль, затем он очнулся в зале, где было много сверкающих машин и приборов, и там перемещались светящиеся шарики размером с апельсин. Франк слышал голоса. Что это за пространство?

Мне хорошо известно, что ответа нет. Французские ученые признали это «невероятной правдой».

Именно необыкновенное поведение времени под водой, в чертогах коня, показалось мне знакомым и вовсе не странным. Я перебирал в памяти подобные случаи — и на ум приходили аналогии. Но сначала о том, что я нашел в сборнике шотландских

легенд. Есть там быть о феях Мерлиновой скалы. Мерлин — известный волшебник, с ним хорошо знаком был король Артур, боровшийся с нашествием саксов. По имени волшебника и названа эта скала.

Двести лет назад, говорится в этом коротком рассказе, жил был бедный человек, работавший батраком на ферме в Ланеркшире. Хозяин фермы послал его как-то копать торф. В центре торфяника и высилась Мерлинова скала. Батрак складывал торф в кучу. Вдруг он вздрогнул — перед ним стояла крошечная женщина ростом в два фута, не больше. На ней было зеленое платье, красные чулки, длинные ее золотистые волосы ниспадали на плечи двумя волнами. Была она стройная, ладная, и батрак застыл на месте от изумления, выронив из рук заступ. Женщина подняла вверх палец и сказала:

— Что бы ты сказал, если бы я послала своего мужа снять кровлю с твоего дома, а? Вы, люди, воображаете, что вам все дозволено!

С этими словами она топнула ножкой и приказала:

— Сейчас же верни торф на место, а не то после будешь каяться!

Бедняк понял, что перед ним фея, и стал выполнять ее приказ. С феями шутки плохи! Вот уже торф уложен на свое место, кусок за куском. Он огляделся, хотел еще раз увидеть женщину, но ее и след простыл. Подняв на плечо заступ, бедняк вернулся на ферму и рассказал хозяину о случившемся. Хозяин расхохотался. Он не верил ни в фей, ни в эльфов. Он приказал батраку тотчас запрячь лошадей и вернуться на торфяник за выкопанным торфом. Делать нечего — пришлось бедняку ехать к Мерлиновой скале. Может, хозяин прав, и ему лишь привиделась эта женщина?

И все же предчувствовал батрак недоброе, да делать нечего: пришлось возвращаться на старое место. Прошла неделя, прошел месяц, но ничего дурного не случилось с ним, и вот уж позади и зима, и весна, и лето. И человек забыл через год случившееся. Но ему напомнили об этом.

С кувшином молока шел батрак с фермы домой. Он задумался и увидел вдруг невдалеке Мерлинову скалу. Как он умудрился попасть сюда?.. Он присел на траву отдохнуть и заснул глубоким тяжелым сном.

Проснулся за полночь. Сентябрьская луна светила ярко, и в ясном холодном свете мелькали маленькие человечки... феи. Они затеяли хоровод, они указывали на человека крохотными пальцами, грозили ему кулачками, и все кружили и кружили вокруг Мерлиновой скалы.

Человек попытался выйти из заколдованного круга. Но не тут-то было! Куда бы он ни шел, перед ним точно смыкались невидимые створки, а феи хохотали пуще прежнего, когда он наткнулся на невидимую преграду и останавливался в растерянности. И вот к нему подвели нарядную хорошенькую фею и сказали:

— Попляши-ка с нами, человек! Попляши, и тебе уже никогда не захочется покинуть нас! А это твоя пара!

Батрак не умел плясать. Но фея взяла его за руку, и мгновенное колдовство изменило настроение человека, с изумлением почувствовал он неумную потребность веселиться. Забыл он и дом, и семью, и было так хорошо, что он и не помышлял ни о чем, кроме танцев с феями.

Прошла ночь. С первым утренним лучом веселье прекратилось. Все устремились к Мерлиновой скале, где вдруг приоткрылась дверь, раньше остававшаяся невидимой. Батрак оказался в просторном зале. Тускло светили тонкие свечи. Феи улеглись спать в ниши, где, укрытые зелеными пологам, их ждали крохотные, быть может, волшебные ложа. Бедняк сидел в кресле, которое ему с готовностью пододвинули, и хотел было вздремнуть. Но феи пробудились, стали готовиться к трапезе, хлопотать по хозяйству. Так прошел день, и кто-то взял батрака за руку. Он обернулся. Перед ним была та самая фея, которую он видел, когда копал торф. Зеленое платье, зеленый пояс, туфли цвета весенней травы... Он сразу узнал ее.

— В прошлом году ты снял торф с крыши моего дома,— сказала она,— но теперь снова вырос торфяной настил и покрылся травой. Поэтому можешь вернуться домой. Ты уже наказан. Но не рассказывай о том, что видел у нас, ведь мы занимались не только делами по хозяйству, не так ли?

Батрак кивнул. Зеленые человечки действительно занимались разными непонятными делами, и он все время ломал себе над этим голову, но не смог ничего толком понять и объяснить.

— Клянешься? — спросила фея.

Человек дал клятву, что будет молчать. Дверь в тот же миг открылась, и он увидел Мерлинову скалу. Рядом с ней стоял кувшин с молоком. Тот самый кувшин, который он нес домой вчера вечером. Бедный батрак подошел к дому с этим кувшином. Постучал. Дверь открыл седой мужчина. За ним вышла сгорбленная старушка. Батрак подумал, что ошибся, чего не бывает! Огляделся. Это был его дом. Тогда он хотел поздороваться — и слова застыли в его горле. Он вдруг узнал... понял... догадался. Ведь эта старушка — его жена, а седой мужчина — его сын.

Старушка сразу узнала его, но так же, как и он сам, не могла вымолвить ни слова. А сын молча смотрел на него и долго не верил потом, что это вернулся его отец.

Таким было возвращение из страны зеленых человечков.

ДЕНЬ ДЕВЯТЫЙ

Теплый погожий день. Прогулка. И вот я в знакомом уже зале, где кресла предупредительно оборудованы микрофонами. Перевод пока не требуется — я хорошо понимаю английских коллег. Сегодня их день. Обвожу взглядом ряд за рядом — Батури

жаловать не соизволил. Вечером — неизбежная встреча у него в номере. Рассказываю ему о птицах. Слушает, что-то записывает в блокнот. Спрашивает о скопе, есть такая птица. Каждое перо у нее обведено яркой белой линией, на ногах белые перья, нарядный хохолок на голове, светлая грудь. Общий фон оперения — коричневым. Уже в 1916 году в Шотландии не осталось ни одной скопы. Но в пятьдесят четвертом туда доставили пару птиц, и потомство их расселяется по нагорью. Сегодня на симпозиуме об этом рассказывал Рой Деннис, мой коллега орнитолог. Он же указывал на карте места гнездовий других интересных птиц: кулика-сороки, шотландского тетерева, сипухи. Чтобы пересчитать гнездовья редких пичуг, теперь надо пользоваться картой Шотландии, не иначе.

Я рассказал еще, что на Дальнем Востоке, в Приморье, мне доводилось находить гнезда скопы. Они почти всегда располагались на старых, полусохших деревьях-великанах: удивительное постоянство вкуса проявляют эти птицы всюду, где их можно встретить.

— Завтра едем на озеро.

— Я помню.

Завтра — день экскурсий. Моя с Батуриным экскурсия самая дальняя. Там, у озера, можно увидеть скопу. Вторая причина моего согласия поехать к озеру. Первую причину — увидеть чудо — уважительной считать нельзя.

Однако о чудесах. Они не так редки.

По словам Батурина, самое необъяснимое чудо состоит в том, что именно на этом острове были построены те фабрики, которые затем послужили прообразами для строителей во многих странах. Мы никогда не вспоминаем подробности, как бы ни были они поразительны. Нам достаточно бывает знания имени Джеймса Уатта и еще нескольких имен. Он сделал паузу, указав на раскрытую книгу, лежавшую на журнальном столике. Эту книгу, наверное, он читал в последние дни. Так я объяснил для себя причину его экскурса в историю туманного Альбиона.

Два с половиной века тому назад главным строителем британских дорог был некто Джон Меткаф, в молодости принимавший участие в шотландском походе под знаменами герцога Кумберлендского. Достоверно известно, что родился он в 1717 году, что у него не было образования, позволявшего провести хотя бы самые простые расчеты. Казалось бы, карта или на худой конец эскиз незаменимы в таком деле. Но Джон Меткаф не пользовался ни картами, ни схемами, ни рисунками. По той причине, что был он совершенно слеп.

— Самое неподходящее дело для слепца — прокладывать трассы и руководить строительством мостов и дорог, — заметил не без удивления я.

— Тем не менее. Этот участник шотландской компании, авантюрист и торговец лошадьми, исходил долины и горы, придумал

даже простой способ укрепления торфяников, и его нередко видели с посохом в руках в самых диких и недоступных местах, там, где не ступала нога человека.

Не правда ли, фантастическая картина: слепец с посохом взбирается по горной круче, чтобы наметить маршрут, которым последуют за ним зрячие. И тот же слепец переходит болота, считавшиеся опасными, чтобы определить на двести лет вперед направление главных транспортных артерий Великобритании?

— Никогда бы не подумал...

— И я тоже. Не пора ли нам всем присмотреться к жизни, быть зорче к настоящему и внимательнее к прошлому? И я имею в виду не только этот остров.

— Объясни, как же этот Меткаф умудрялся все же строить дороги?

Он не мог и сам этого объяснить. Готовил проекты и сметы, удерживал в памяти все характеристики местности, все цифры, которые являлись к нему непонятным образом, пока он бродил по взгорьям и долинам. А неграмотный Джемс Бриндли, под руководством которого проложили канал по акведуку? Этот знаменитый канал называется Ворслеевским. Он казался современникам восьмым чудом света. При Бриндли начали создавать и тот самый канал, который связывает Ирландское и Северное моря. Бриндли не успел увидеть завершения работ. Но все это лишь прелюдия к удивительной истории, которую мне удалось восстановить с мельчайшими подробностями.

Представь себе, что индустрия, промышленность была некогда сродни магии. Вовсе не Англия ее родина. Тайные заводы и фабрики, дорог к которым никто не знал, издавна строились по указаниям неизвестных мастеров или, пожалуй, мудрецов и тщательно охранялись. Это настоящая детективная история. Если хочешь, расскажу...

Контрабандисты привозили в Англию шелковую пряжу. Одному англичанину пришла в голову мысль, что ручная пряжа должна была бы стоить по крайней мере в пять раз дороже. Может быть, это неведомые машины без участия людей выполняют тонкую работу так быстро, что их продукцию выгодно продавать по очень низкой цене? В лондонском кабаке один из контрабандистов проговорился о таких машинах. Их устройства он не знал. Одна из фабрик шелковой пряжи работала якобы в Ливорно, в Италии. Это было бы откровением, если бы в это можно было поверить: машина-то заменяла пятьдесят человек. В то время! Собеседником контрабандиста оказался некто Джон Ломб. Листая потом старинные трактаты, он обнаружил описание прядильной машины в сочинении по механике, опубликованном в Падуе в 1621 году. Удивительная находка: выходило, что без малого сто лет назад люди знали уже тайну машинного прядения и не только знали, но и написали об этом. Значит, такая машина могла работать и до выхода в свет падуанского трактата? Было над чем поломать го-

лову любознательному англичанину. Поверь мне, эта тайна тогда казалась важнее эликсира бессмертия. Мы ведь давно привыкли к машинам, но к мысли о первой машине привыкнуть было трудно...

В 1717 году Ломб отправился в Ливорно. Нечего было и думать проникнуть в здание фабрики, оно охранялось надежнее военного полигона нашего времени. Но были люди, которые имели туда доступ. Это священники. Представь себе, Ломбу удалось подкупить одного из патеров. Вскоре у него в руках оказались эскизы машины. Но оставлять их у себя — значило подвергаться смертельному риску самому и подвергать такому же риску священника. Ломб немедленно упаковал эскизы в партию шелка, предназначенного для отправки в Англию. Стоило это немалых денег, но цель оправдывает средства. Едва Ломб собрался отплыть в Англию, его проделка стала известна одному из кустодиев фабрики — так называли и сейчас называют в Италии сторожей. Быстроходный итальянский бриг отправился в погоню за кораблем Ломба. В районе Ла-Манша бриг нагнал Ломба. Ломб отрицал свое участие в конфиденциальном разговоре с итальянским капитаном. Обыск его каюты ничего не дал. Двух слитков золота хватило, чтобы откупиться. Капитан заявил экипажу, что они догнали не тот корабль, и им следует продолжать погоню. Естественно, тот, другой корабль, за которым пустился в погоню итальянский бриг, достигнут не был, и экипаж с радостью узнал о том, что скоро увидит Ливорно. Бриг отправился к берегам итальянским. Этим бы все и кончилось, если бы Джон Ломб не принял тотчас по возвращении в Англию устанавливать машины, изготовленные по итальянским эскизам. И вот уже близ Дерби, на речном острове, возвышалось удивительное по тем временам здание: длина его была сто семьдесят метров, оно насчитывало шесть этажей и четыреста шестьдесят окон. Зрелище, прямо скажу, небывалое для доброй старой Англии. Огромные машины автоматически наматывали пряжу на мотовила. Мотки шелка стали поступать в продажу.

Прошло два-три года, и предприятие, основанное Ломбом, принесло немалую прибыль ему и его брату Томасу Ломбу. Джон готов был забыть свои итальянские похождения. Но в Ливорно вспомнили многое и о многом догадались. Капитан итальянского брига был заточен в темницу, и дальнейшая судьба его неизвестна. За ним последовала добрая половина экипажа. Торговый корабль итальянцев пристал вскоре к причалам Темзы. Двое итальянцев, закутанных в плащи, сошли ночью с его палубы на берег. Больше их на корабле не видели. Через месяц они нашли фабрику Джона и Томаса Ломбов на реке Дервент. Им удалось проникнуть на остров и убедиться, что машины там работают такие же, как в Ливорно. Участь Ломба была решена. Прошло некоторое время, и он был отравлен.

— Сегодня.
 — Я помню.
 — Пора собираться.
 — Но я еще не совсем проснулся.
 — Разрешаю спать в машине.
 — А завтрак?
 — Предусмотрено. Ты что, в самом деле раздумываешь, ехать или нет?

— Нет... Дай мне полчаса.
 — Только двадцать минут. Жду в машине.
 — Ладно.

Спорить о десяти лишних минутах, когда речь шла о десяти или двадцати пропавших годах! Однако в нашей памяти зияют иногда провалы в месяцы и годы, а короткие минуты незабываемы, волнуют нас, заставляют как бы снова и снова переживать их.

Шотландский феномен почти отождествляет время со сказочными персонажами — прием универсальный, хорошо знакомый по другим легендам и сказаниям. Но если на Шотландском нагорье действительно работает исстари удивительный механизм времени? Если здесь человек может пропасть, а потом вернуться — десять лет спустя? Или даже двадцать лет спустя? Объяснить это народные мудрецы не в состоянии. Их дело — сложить легенду. И пусть в ней будут названы виновники — эльфы и феи, заклинатели времени.

Шотландский феномен времени. Странно, что о нем никто не писал всерьез, как, например, о Бермудском треугольнике. Но он существует. Да, люди исчезали. Потом возвращались. Есть полярные сияния. Есть на земной поверхности аномалии и пересечения магнитных меридианов, пусть воображаемых. Есть жерла вулканов, есть гигантские вихри в океане. Есть разломы в земной коре. Есть даже естественный атомный реактор, который создан самой природой без участия человека. Есть и Шотландский феномен. Пора задуматься над этим. Есть над чем поломать голову, пока друг выжимает на спидометре сто тридцать без малого.

Заправочная станция. Батурин протянул открытку с видом озера, открыл дверцу, отошел рассчитаться за бензин.

Оказалось, это не открытка. Просто любительский снимок. Несколько слов по-английски каллиграфическим почерком свидетельствовали, что снимок подарен Найденову Тони Кардью с дружескими чувствами и благодарностью за внимание к шотландским проблемам.

Нас тряхнуло на грунтовой дороге, на которую мы вскоре свернули.

— Что это? — спросил я.
 — Ты что, не видишь?
 — Озеро, то самое.

- Да. Присмотрись! Справа, видишь?
- Темное пятнышко. Голова тюленя. Впрочем, тюленей в шотландских озерах, кажется, не обнаружено. Прошу пояснить.
- Это водяной конь.
- Ну еще бы! Точнее, его визитная карточка. Не правда ли?
- Я не шучу.
- Да с чего бы нам обоим шутить на голодный желудок. Где в твоей колымаге спрятаны бутерброды?
- Открой эту дверцу.
- Любопытно. Ты производишь впечатление человека, который знает не так уж мало, но предпочитает отшучиваться. Если это водяной конь, то где же Морег? И где дом Мак-Грегора?
- Слишком много ты сразу хочешь знать. Это действительно водяной конь. Реликт вроде Несси.
- Реликт? Из прошлого?
- Ну, если в этой стране люди возвращаются из небытия, нечасто, но бывает, то почему бы разным крупным и мелким животным тоже не попытаться?..
- Я назвал это Шотландским феноменом. В применении к людям, которые хорошо чувствуют время.
- Животные, звери и птицы, наверное, тоже очень неплохо ощущают ход времени. А здесь, в Шотландии, эти ощущения иногда дают осечку.
- Орнитологам это неизвестно.
- Визитку водяного коня дарю тебе на память. Ты все-таки биолог, пригодится. А мне ни к чему. Если об этом напишет журналист, никто не поверит.
- Спасибо. Мне пришлось в голову, что водяной конь такая же жертва неравномерного хода времени, как и герои легенд... как Морег.
- Я тоже об этом думал. Он не причина, а спутник Шотландского феномена, так? Я правильно понял?
- Да. Он тоже вынырнул из неведомых глубин времени.
- Так же было с птицей, о которой ты рассказывал. Со скопой, так?
- Да, она исчезла, потом пару птиц выпустили здесь на волю. И скопа снова как бы вернулась на это нагорье.
- А почему ты не допускаешь, что у природы исстари есть механизм, который укрывает, правда, очень редко, и людей, и зверей, и птиц в складках времени? Это сказка, но только по форме. По сути я могу продолжить мысль, и ты поймешь...
- Пойму. Но почему именно здесь?..
- А где же еще? Где еще так нещадно грабят гнезда редких птиц, дражайший орнитолог? Где преследуют оставшихся в живых лесных зверей? Где мы пока еще можем увидеть живого шотландца в его кильте, или, по-русски, юбке? Разве не север наиболее чувствителен к тем ударам, которые наносит природе человек? Разве не пятьсот лет надо, чтобы на месте гусеничных следов

вездеходов, пропахавших девственные северные лесотундры, выросло хотя бы несколько кустов и карликовых деревьев? Ну, положим, здесь лесотундры нет, но земля чувствительна. Еще недавно, десять тысяч лет назад, здесь был лед, лед, один лед. Потом ледник начал таять, отступать на север.

— Шотландия ближе всего к густонаселенным районам. Точнее, к очень густонаселенным районам. Но то же происходит и в Амазонии, и в Марокко, везде, где человек воюет с природой.

— ...вместо того, чтобы заключить с ней союз.

«Я не слышал рассказов Оссиана, не пробовал старинного вина, — зачем же мне мерещится поляна, Шотландии кровавая луна? И перекличка ворона и арфы мне чудится в зловещей тишине, и ветром развеваемые шарфы дружинников мелькают при луне! Я получил блаженное наследство — чужих певцов блуждающие сны; свое ж родство и скучное соседство мы презирать заведомо вольны. И не одно сокровище, быть может, минуя внуков, к правнукам уйдет, и снова скальд чужую песню сложит и как свою ее произнесет».

Стихи.

А за стеклом машины — пустынные заросли вереска. Поля за сосновой рощей, где деревья стояли ровными рядами, как на параде, открылась холмистая гряда. Зеленые холмы — и на них как бы наросты из серого камня. Это все, что осталось от безымянного старинного замка.

Как грустно!

А вот и озеро. Сначала увидеть гнездовье.

Мы осторожно обошли стороной полузасохшее дерево, где устроила гнездо птичья чета. Я не хотел пугать скопу. Птиц лучше наблюдать издали, в бинокль: метод Денниса. Примерно одну пятую часть всех гнезд грабят любители птичьих яиц. Зачем они им? Для коллекции. Яйца красят в разные цвета. Об одной такой коллекции я рассказал Батурину: в ней было до семисот яиц редких и вымирающих птиц, настоящее кладбище, с точки зрения орнитолога. И когда орнитолог наблюдает птиц, лучше делать это с предосторожностями: если вас увидели у гнезда, то, вероятней всего, оно будет ограблено. Ведь профессиональные навыки специалиста по птицам оказывают пернатым в этом случае плохую услугу: простой коллекционер не скоро набредет сам на гнездо редкой птицы, а звук работающей кинокамеры привлекает внимание и как бы служит сигналом: «живая редкость».

...Я навсегда запомнил их расположение: три больших камня и внутри образованного ими треугольника — четыре камня поменьше.

Неужели эти камни останутся здесь только для того, чтобы

напоминать о прошлом, о Морег, о Мак-Грегоре, о людях, ушедших в небытие?

О чем они мечтали? Что они любили?..

Морег. Несколько звуков. Имя вызывает щемящее чувство утраты, а вечером в отеле подкрадывалась тоска — неужели смысл жизни в этом бесконечном повторении ситуаций и случайностей, в беге времени, более однообразном, чем жужжание веретена?

Мы не нашли этих камней. Что бы это значило?

Свернули с тропы, едва заметной, заросшей жесткой травой. Спустились почти к самой воде. Темное зеркало. Тихо.

Слышно, как он дышит.

Легкий, но резкий толчок. Поворачиваю голову. Как завожженный смотрит в ту сторону, где мы искали только что камни дома Мак-Грегора.

Выше нас, справа, легко, непринужденно шла девушка.

На ней была серая юбка с тонкой, едва намеченной клеткой, светлая кофта, шотландский берет. Я видел ее в профиль, когда она поравнялась с нами: зеленые глаза, светлые брови, светлые волосы, юное пыливое лицо — она словно всматривалась в даль, словно что-то искала.

Мы замерли. Я мог бы остановить ее, спросить, наконец, что она ищет. Я этого не сделал. Батурин тоже. Она прошла мимо, едва удостоив нас взглядом. Вероятно, двое мужчин, глазеющих на прохожих, не интересовали ее. Что же она искала?

Батурин, осторожно ступая, неуверенно пошел за ней. Я двинулся следом. Нам стала видна ее правая рука, которой она словно придерживала край светлой кофты. Но только это вовсе не край нарядной кофты... Я увидел букет ослепительно ярких белых цветов. Молча мы шли за ней, и я пытался сосчитать, сколько же цветов было в ее руке. С короткого стебля упала, сверкнув, радужная капля воды. Тонкий и вместе с тем пряный запах заставил меня дышать глубже. Я слышал, как стучало сердце. Пять, шесть... Еще шаг. Семь, восемь... Два шага за ней. Десять! Десять — столько цветов было в ее руке.

Похожие ситуации, похожие случаи. Жизнь повторяется, давая время оглянуться назад, одаривая и возможностью заглянуть в завтра. Но есть дни... есть минуты! Никакая сила их действительно не вернет. Для меня они как промельк света. Ничего особенного, как ни странно. Просто мгновенное впечатление от освещенной стены дома детства, воспоминание о пасмурном дне и прозрачном ручье, где всплеснула рыбина, о дымно-багряном закате московского предместья. Так было, так будет, пока я жив.

* * *

Я оказался впереди Батурина. Ее и меня разделяло сначала примерно тридцать шагов, теперь я был ближе. Что-то остановило меня. Может, волшебство иссякнет как родник, если я подойду

к ней? Тогда после двух-трех банальных реплик мне придется повернуть к машине, которая дожидалась нас у обочины, скрытой кустарником.

Впереди — серо-голубой залитый солнцем холм. Где-то там, на его склоне, три больших камня недавно образовывали треугольник, и в нем было еще четыре камня — скромная память о доме Мак-Грегора. Она шла туда...

На мое плечо легла рука. Батурин, не говоря ни слова, стоял рядом. Мы смотрели ей вслед. Вдруг солнце рассыпало по озерной глади празднично-светлые пятна, которые с крутого берега, по которому вприпрыжку сбегала когда-то Морега, казались объемными, и походили они на крупные стеклянные бусины, ведь вода была сейчас как стекло. Многое стало видно и понятно нам в этот день.

Я догадывался, что должно произойти. Батурин, кажется, тоже. Его рука освободила мое плечо. Девушка скрылась за загравком холма. Я сделал тридцать осторожных шагов. Я надеялся снова увидеть три больших светлых камня и четыре камня поменьше. Она же не могла ошибиться, как это могло произойти с нами.

Вот та едва осязаемая грань, за которой открывается правда легенды, совсем особенная, ни на что не похожая правда!.. Еще три шага. И вместо старых поросших серым мохом камней... там, впереди... Крыльцо белого дома с двумя окошками. Черепичная крыша. Едва заметный голубоватый дым из трубы. И едва ли на минуту задержавшись у крыльца, она одарила холм и вересковую пустошь повелевающим мановением руки, мимолетным взглядом, потом вошла в дом Мак-Грегора.

* * *

АЛЬБЕРТ ВАЛЕНТИНОВ

КАЗНЬ

Двенадцать минут! Осталось всего двенадцать минут, даже одиннадцать с половиной, а проклятый толстяк и не думает вставать. Неужели, проторчав весь день в кресле, он не пройдет по кабинету, чтобы размять затекшие мускулы и разогнать по жилам застоявшуюся кровь! Так близко ящик стола — руку протянуть — но пока профессор сидит, об этом нечего и мечтать: своим животом он намертво придавил ящик, домкратом не вытянешь.

Мартенс с ненавистью буравил взглядом необъятную спину, туго обтянутую белым халатом. Шов посредине слегка разъехался. Обширная плешь, окаймленная потертым плюшем седых волос, влажно искрилась от пота, и при малейшем ее движении то там, то здесь вспыхивал световой зайчик. А ведь в кабинете вовсе не жар-

ко, несмотря на не работающий кондиционер. Просто профессор слишком полнокровен. Слишком... полнокровен... полнокровен... Слишком!

Владей Мартенс телекинезом, он бы одной только силой воли вымел толстяка профессора к чертовой матери, проломив им тонкую стенку.

Мартенс судорожно зажмурился, сдвигал руками лицо, так, что перед глазами заплывали огненные мухи, и тотчас торопливо вытер липкие ладони о халат. Сердце бешено стучало, заглушая хлокотание воздуха в кондиционере, вентиль которого он перекрыл. После вспышки дикого, накатившего откуда-то из глубины гнева ноги стали ватными, а перед глазами медленно расплывались и тускнели алые круги. Он прислонился к подоконнику, чтобы не упасть, и прерывисто вздохнул. Никогда еще с Мартенсом не бывало такого...

Эмоции опустошили его, сменившись ноющим, тоскливым безразличием. Сейчас он мечтал только о том, чтобы благополучно добраться до гостиницы и упасть на холодную, обезличенную тысячами постояльцев кровать. Забыться в сумрачном, тяжелом, как обморок, сне, а утром — на аэродром и обратно в Австралию. И не думать больше об этом, не думать, не думать...

— Как ваши успехи, друг мой?

— А? — Мартенс с трудом разлепил тяжелые веки и, неловко отвалившись от подоконника, взглянул на профессора. — Что вы сказали?

— Я спрашиваю: починили ли вы кондиционер?

— Кондиционер? Ах да... то есть нет, еще нет. Осталось самую малость. Не успел. Потом dokonчу, когда вернетесь.

— Ну зачем же так утруждать себя? Совсе не обязательно подниматься ко мне еще раз. Вы уж, друг мой, заканчивайте работу, а потом, пожалуйста, не забудьте захлопнуть дверь. А я, извините, пошел. У меня заседание...

То, что у него заседание, Мартенс и так знал. Знал с самого утра: прочел на табло объявлений в вестибюле. И отсчитывал по минутам полных шесть часов, карауля у кабинета. Профессор ни на минуту не оставался один. Студенты, изобретатели, научные работники, администраторы... И Мартенс ждал. А потом, когда последний посетитель наконец убрался, Мартенс, по-хозяйски войдя в кабинет, выключил кондиционер и объявил, что будет его ремонтировать: профессор благодушно кивнул, но так и не встал из-за стола...

И вдруг Мартенс опомнился: да ведь он один, совсем один в кабинете. Так легко и просто произошло то, к чему он стремился с самого утра. Гораздо легче, чем он предполагал, перебирая в уме десятки вариантов. Не нужно караулить момент, когда профессор встанет и отвернется. Нужно просто подойти к столу и взять карточку.

На миг он ужаснулся этой легкости, его охватило недоверие.

Так колеблется мышь, принюхиваясь к кусочку колбасы в мышеловке. Мышь не в силах справиться с искушением.

Мартенс захохотал. Смех был громкий, хриплый, угрожающий. Он мог привлечь внимание людей в коридоре: в этом здании так никогда не смеялись. Но Мартенсу было все равно. Ему даже захотелось, чтобы кто-нибудь вошел. Чтобы не просто взять карточку, а пробиваться к ней, расшвыривая чужие тела, как набитые опилками мешки. Но никто не входил, все были на заседании. И Мартенс, продолжая хохотать, подошел к столу и рванул ручку ящика.

Вот она карточка! — четырехугольный кусочек пластика с красиво вытисненной фамилией. Посредине наклеен кружок ферритной пленки с закодированными биотоками хозяина — ключ, открывающий любые замки в этом здании. Видимо, те, что клеили, не ценили всей важности этого кружочка, отнеслись небрежно: на краях пленки застыли янтарные капельки. Мартенс бросил взгляд на часы: архив откроется только через двадцать пять минут. Людей там нет, одни киберы. И никого из сотрудников не будет, все на заседании. Так что пока все идет как задумано, если не помешает непредвиденная случайность. Пожалуй, лучше переждать это время в кабинете, сюда уж точно никто не войдет. Мартенс опустил карточку в карман халата, подошел к окну, прижался лбом к холодному прозрачному пластику. Возбуждение опять оставило его. Рядом негодуяще фыркал переполненный воздухом кондиционер. Не глядя, Мартенс протянул руку и открыл вентиль. Кондиционер облегченно вздохнул и умолк.

За окном сочился дождь, нудный осенний дождик, навевающий тоску и безнадежность. Голые деревья обреченно застыли в серой пасмурности надвигающегося вечера. Их растопыренные кроны безответно молили о помощи.

Такой же дождь моросил и тогда, полгода назад, в Австралии, когда Мартенс впервые понял, что он не такой, как все.

2

Это произошло на вечеринке у Ной Клементин. Одной из тех вечеринок, куда стремишься в наивной надежде, что, может быть, именно сегодня тебя настигнет необычайное, как в кино, приключение и жизнь, стряхнув наконец тусклую будничную скуку, расцветет бурным фейерверком событий. Таинственная прекрасная незнакомка, внезапная ураганная любовь, грозный могущественный соперник, погоня, выстрелы и ни с чем не сравнимое ликующее ощущение безвольного обмякшего тела под могучим ударом твоего кулака... Проходит час-полтора, и становится ясно, что ничего этого сегодня опять не произойдет.

В тот раз Мартенсу это стало ясно уже через несколько минут, как только он рассмотрел собравшихся в гостиной. Все те же до одури знакомые лица, разные и в то же время чем-то неуловимо схожие, как бывает у часто встречающихся и хорошо знающих

друг друга людей, чьи мысли и интересы одинаковы. Недоступные женщины, за каждой из которых тянется шлейф скабрёзных слухов; солидные мужчины, столпы общества, не брезгающие ничем в деловой и личной жизни. Но зато все, без исключения, были, что называется, «приличными» людьми. Тех, кто плевал на условности, в эту гостиную не допускали.

«По крайней мере взбодрюсь», — как всегда, подумал Мартенс, принимая условный сигнал Боба Тэйта. Краснорожий весельчак Тэйт был непревзойденным мастером по части тайной выпивки. Пожалуй, он единственный из присутствующих не скрывал этой своей страстишки. И где он только добывал рецепты таких сногшибательных коктейлей?

Пока Мартенс привычно отвлекал внимание хозяйки, которая традиционно делала вид, что ничего не замечает, Боб ловко навёлся в бар и молниеносно соорудил одну из своих необыкновенных смесей. У него была специальная, изготовленная на заказ, плоская фляжка, изогнутая по форме бедра и незаметная в брючном кармане. Болтая с Ной, Мартенс исподтишка наблюдал за женой Боба, долговязой Солой. Она уединилась в затененный уголок с красавцем аптекарем, недавно поселившимся в их городе, и щеки ее горели, а искусственно поднятая грудь чуть не выпрыгивала из платья. Ну и Сола... Будет отличный повод взбесить приятеля. Задаст же он сегодня взбучку своей благоверной!

Они уютно устроились на обычном месте, у окна, полускрытые гардиной, и Боб вытащил фляжку.

Мартенс сделал большой глоток и чуть не свалился: ему показалось, что сейчас он взорвется.

— «Гремучая змея»! — хихикнул Боб, осторожно прихлебывая из горлышка.

— Уфф! — Мартенс перевел дух и вытер слезы. — Это похлеще, пожалуй, той взрывчатки, которой нас угостил Иеремия Челлерз на пикнике, лет пять назад, когда я еще жил во Фриско. Я тогда настолько одурел с пяти порций, что забрался в автолет и...

— Какая марка автолета? — перебил Боб.

Боб был помешан на автолетах. Он считал шиком летать на этих тихоходных безопасных аппаратах сейчас, когда сколько угодно более совершенных средств транспорта. Живи этот сноб в эпоху автомобилей, он бы держал конюшню.

— Марка? — растерянно переспросил Мартенс. — А черт ее знает, какая марка! Мне было не до этого. Главное, что руль поворотов был зафиксирован защелками, а я забыл их снять...

— Ну хоть крыльев-то сколько было? — настаивал Боб. — Два? Четыре? И хвост прямой или ласточкой?

Уж эти-то вещи Мартенс обязательно должен помнить. На всем земном шаре не найдется человека, который, забравшись в автолет, не запомнил бы его марку... И тем не менее...

— Не помню... — упавшим голосом сказал Мартенс, ощущая, как опять тоскливо зануло под ложечкой. — Автолет, и все.

Боб как-то странно взглянул на него. Уж не раз ловил Мартенс такие взгляды: что-то непонятное творилось с его памятью.

— Ну а костер вы из чего разводили? Валежник? Дрова? Или, может быть, с собой электронный привезли? А в чем ты был одет? И что делали остальные, пока ты вместе с Хиной выделял пируэты в воздухе?

— С какой Хиной? — встрепнулся Мартенс. — Мою девушку звали иначе.

Боб протянул ему фляжку.

— Выпей. Ты хороший парень. И я никому ничего не скажу... Хотя стоило бы: то-то поднимется переполох в этом гадючнике!

— О чем это ты? — не понял Мартенс. Он уговаривал себя, что не понял. Интуицией он уже догадался, или, вернее, начинал догадываться. И он хлебнул раз, другой, третий, чтобы утопить, прогнать эту догадку. Потом протянул фляжку Бобу. Тот отпил, в свою очередь, и вытер губы.

— Я ничего не говорил, — спокойно заявил Боб. — Я уже сказал, что ты хороший парень, и ты мне нравишься. С этими пижонами, — он кивнул в глубь гостиной, — даже выпить нельзя по-человечески. Но в такую мерзкую погоду чего только не приходит в голову... Просто я вспомнил одну книжонку, которую купил на вокзале, возвращаясь из столицы. Посидеть-то было не с кем, а время надо было убить. Зайди завтра, я тебе ее дам.

Видно было, что и Боб выбит из колен. И вовсе не тем, что прочитал какую-то книжку. Боб даже не среагировал на выкрутасы Соля, которая уже откровенно вешалась на аптекаря.

На другой день, когда Мартенс пришел к нему, Боб попытался увильнуть.

— Не надо, парень, туманить мозги. Вчерашняя слякоть так на меня подействовала, что я просто лепил глупость за глупостью. Мало ли какие бывают совпадения.

И тогда Мартенс прошел в его кабинет и сам взял злосчастную книжку. Ошибиться он не боялся: она была единственной в этом доме.

Никогда не забыть ему лицо приятеля в этот момент.

— Зря, парень, лучше живи спокойно. Мало ли что бывает.

Они отлично понимали друг друга, и Мартенс знал, что Боб угадал истину, угадал раньше его, Мартенса.

Он оторвался от окна и взглянул на часы. Еще пять минут. За окном струилась все та же слякотная скука. Мартенс поморщился и затряс головой, будто прогоняя воспоминания. Зачем они сейчас? Только расслабляют волю. Все равно, раз уж он вступил на этот путь, то пройдет его до конца. Но воспоминания не хотели уходить. Они неотвратимо просачивались в память, как дождь за окном.

Он прочел эту книгу в один присест. Ничего особенного, обычная размазня, об обычном адюльтере. Но там было описание пикника на лесистом мысе у впадения реки в море... Да, теперь у Мартенса не осталось сомнений: он вспоминал именно этот пикник.

Автор явно не принадлежал к числу первосортных. Он не умел нарисовать картину так, чтобы читатель представил ее во всех подробностях, дополнив собственной фантазией все недосказанное, да и вообще, очевидно, считал, что важно действие, а подробности ни к чему. Вот и получилось, что автолет неизвестно какой марки, костер неясно из чего, весь свет сфокусирован на главных героях, остальные персонажи проходят бледными теньями, будто на экране черно-белого кино. Теперь Мартенсу стало понятно, почему, вспоминая случаи из своей жизни, он всегда мог представить одни голые факты, без тех мелких незначущих деталей, которые только и придают правдивость. Вся его биография — это отрывки из различных книг, мало известных, чтобы совпадения не бросались в глаза. Только имена изменены: жалкое подобие маскировки... И страшная истина теперь уже неоспоримо открылась ему: он казненный!

Мелодичный звон наполнил комнату. Мартенс поднял голову. Три часа. Архив открылся.

3

Он двигался по коридору неторопливым шагом, рассеянно глядя по сторонам, с видом человека, который проходил этот путь бесчисленное число раз! Но знал бы кто-нибудь, как трудно ему это давалось! Ноги так и рвались быстрее, быстрее. А спешить нельзя. Нельзя вызывать ни малейшего подозрения. Ведь Мартенс уже совершил преступление, украв карточку, а теперь намеревается совершить второе, неизмеримо более тяжкое: проникнуть в секретный архив. Он должен узнать, за что был казнен. И это третье преступление, самое, пожалуй, дерзкое: он не имеет права этого знать.

Медленно уплывают назад голубые стены, разрезанные через равные промежутки коричневыми полосками дверей. Идет по коридору рядовой работник технической службы с соответствующей эмблемой на левой стороне халата. Порученная работа исполнена, и ему некуда торопиться. В этот час в коридоре никого не должно быть.

Из-за угла вывернулись двое. Без халатов, значит, не здешние. Не спешат, но двигаются быстро. Левый вертит головой, читая таблички на дверях, правый в упор смотрит на Мартенса.

Опасность! Мартенс подобрался, руки в карманах сжались в кулаки. Лишь бы не изменилась походка и скучающее выражение лица. Он опустил глаза, чтобы не выдал затаившийся в зрачках страх. Только когда сошлись вплотную, не выдержал, глянул. И встретил внимательный, острый, как лезвие, взгляд.

Где-то он уже видел этого человека. Такое лицо невозможно забыть. Резкое, с крутыми буграми скул, будто вырубленное из гранита. Глаза из-под низких век, как две пули, ожидающие своего часа. Но в памяти это лицо не зафиксировано. Может быть, в той, другой жизни?

Он вежливо посторонился, они тоже подались в сторону. Неужели пронесло? Мартенс напряженно вслушивался в их удаляющиеся шаги. Нет, ничто не вызвало у них подозрений. Их походка не изменилась, ритм каблуков, затухающий вдали, остался тот же. Мартенс облегченно перевел дух и, не в силах сдержаться, ускорил шаг, почти побежал.

Вот и архив. Массивная металлическая дверь с рубиновым глазком на левой стороне. И тут выдержка окончательно оставила Мартенса. Рука, вытаскивающая карточку, задрожала, карточка зацепилась за карман, непроизвольно он рванул, и громкий треск разрывающейся ткани заставил сердце сорваться с места и ухнуть куда-то в желудок. И тут Мартенс трусливо и воровато оглянулся, как неопытный карманник. Какое счастье, что рядом никого нет!

С потным лицом и блуждающими глазами он высвободил наконец карточку и долго не мог попасть ферритным кружком на глазок. Наконец, дверь медленно распахнулась, открывая огромное помещение с лиддитовыми шкафами вдоль стен. Все плыло перед глазами. Шаги гремели в пустом зале, как колокола боевой тревоги. Где же кибер-каталог? Мартенс метался по залу, готовый закричать от отчаяния, не в силах различить эти одинаковые шкафы, пока вдруг не увидел, что стоит как раз перед каталогом, вцепившись в него руками. Вот он, такой же рубиновый глазок. И снова маленький кусочек феррита открывает дорогу к самому секретному месту в стране. Падает бронированная крышка, обнажая клавиатуру. Мартенс едва сознает, что делает. В голове, как бабочка о стекло, бьется одна мысль: не потерять сознание, не потерять сознание, и вторая мысль откуда-то из глубины, из самых тайников его существа: уходи, уходи, еще не поздно!

Поздно! Уже поздно! Мартенс не заметил, что произнес эти слова вслух. Он едва различал клавиатуру. Пальцы набирали буквы медленно, неуверенно, как у малограмотного.

«ДЖОРДЖ МАРТЕНС. ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ ЛЕТ. ПЕРВО-НАЧАЛЬНОЕ МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА САН-ФРАНЦИСКО».

Сейчас каталог ответит, что такой в картотеке не значится, и можно спокойно уезжать обратно в Австралию. Значит, пикник, описанный в книге, просто совпадение. Да и немудрено, от Атлантического до Тихого океана все пикники одинаковы: немного музыки, немного любви, много скуки и радости. Что нового мог придумать автор?

Короткий звонок потряс Мартенса, как взрыв. Из окованной желтым металлом щели торчало обведенное траурной каймой свидетельство о казни.

Значит, надежды нет. И страх тут же отпустил Мартенса, словно очутился он по другую сторону стены. Здесь — Мартенс, там — все остальные. И черная пелена безразличия окутала душу, будто умер он вторично. Только через несколько минут глухая обида чуть тронула сердце. Ибо каково же ни было преступление, наказание оказалось неизмеримо более жестоким. Это ощущение несправед-

ливости и заставило Мартенса вытащить свидетельство из каталога.

Далее он действовал как автомат, недаром все было сотни раз продумано и прорепетировано. Достать аппарат и сфотографировать свидетельство на магнитную пленку — дело нескольких секунд. Читать он сейчас не стал: при таком состоянии не узнал бы ни одной буквы. Да и зачем? Для этого у него будет сколько угодно времени.

Обратный путь оказался гораздо труднее. Больше всего Мартенсу хотелось сорвать халат и бежать, бежать без оглядки. Не от страха — от отвращения, которое ему внушало все в этом здании, даже теплый ароматный воздух. Но необходимо было положить карточку обратно в стол, иначе они легко выяснят, кто ею воспользовался: в архиве фиксируются все выдаваемые документы.

И опять эти двое встретились в том же коридоре. На этот раз они оживленно переговаривались и, кажется, даже не заметили Мартенса. Впрочем, теперь ему было все равно.

4

— Итак, — раздраженно резюмировал Пауэлл, — стирание памяти себя не оправдывает. Мы не можем добраться до подкорки. Затрагиваем лишь самый верхний, самый доступный слой коры больших полушарий, а инстинкты, характер и вообще все то, что составляет суть человека, нам не подвластны.

Он резким щелчком выключил локатор и поднялся с кресла. Его грубое, скуластое, будто вырубленное топором лицо было суровым.

Фрей неторопливо раскурил трубку.

— Согласен, что наша методика еще несовершенна, — негромко заговорил он, пуская в потолок волнистое синеватое кольцо. — Но согласитесь и вы, что с отменой смертной казни резко упала преступность. Не вся, конечно, но сократились преступления, за которые раньше полагалась смертная казнь. Не надо, не надо. — Он торопливо замахал рукой. — Я знаю, что вы хотите сказать — бред оторванного от жизни интеллектуала. Все это я уже слышал не раз. И тем не менее я еще и еще раз повторяю: дело вовсе не в улучшающейся гармонии общества, как любят объяснять официальные органы. Наоборот, социальная пропасть никогда еще не достигала такой глубины. Если сейчас никто не умирает с голода, это еще не значит, что все довольны. Человек осознает себя в сравнении. А крохотная кучка избранных, владеющая абсолютно всем, ведет такой образ жизни, что даже легендарные всемогущие олимпийцы выглядят перед ними жалкими дилетантами. Раньше богачи владели Землей. Теперь они отдали Землю плебсу, а сами переселились в космические имения. Подумайте, как это звучит: владелец планеты! Любые желания вмиг осуществляет могучая техника. Захотелось пожить в рыцарском замке — взмахнул рукой, и замок

тут как тут. Самый настоящий, даже с привидениями мужского и женского пола по желанию. Вздумал по лесу прогуляться — и стремительно рвутся из-под земли красавцы деревья. Реки, горы, моря — все возникает и пропадает в мгновение ока. Какой Юпитер или Саваоф могли бы мечтать об этом! А главное — власть. Не та относительная власть, которая обеспечивается имуществом, а власть абсолютная, над жизнью и смертью тысяч рабов, с которыми можно делать все, что угодно. Неважно, что это не люди, а навешенные силовыми полями призраки. Душа от этого растлевается по-настоящему...

— Может быть, в слухах о космической роскоши нет и десятой доли правды, чернь всему верит, завидует, а зависть рождает преступления.

— Ну и что? — сказал Пауэлл. Он прислонился к стене, скрестив руки на груди. — Вы же сами себе противоречите. Зависть должна увеличивать количество преступлений, а оно уменьшается. Неужели вы всерьез хотите уверить меня, что этому способствует отмена смертной казни?

Фрей невесело усмехнулся и выпустил еще одно кольцо дыма.

— Мы вовсе не отменили смертную казнь. Я поражаюсь, почему это не доходит до вас, полицейских. Нам, психологам, это было ясно с самого начала. Мы не отменили смертную казнь, а просто заменили один ее вид другим, гораздо более жестоким. Вместо физического уничтожения мы стали уничтожать психологически. Стирая память и начиняя мозг выдуманной биографией, мы производим нового, совсем нового человека в старом теле. А люди до смешного привязаны к своему телу. Когда оно вместе с тобой уходит в небытие — это, знаете ли, как-то спокойнее. Но мысль, что ты уйдешь, а твоим родным, знакомым до малейшего пятнышка телом будет владеть кто-то другой и что этот другой обнаружит все те тайные изъяны, все болячки, которые ты так тщательно скрываешь, — непереносима. Это обидно и страшно. Ведь в этом случае мы не только убиваем, но и обворовываем. А плебс и так считает себя обездоленным. Вот почему сократились серьезные преступления: страх оставить свою оболочку другому хозяину оказался сильнее страха смерти.

Пауэлл оторвался от стены и принялся мерить комнату по диагонали.

— Вы говорите так, будто осуждаете отмену физической казни. А ведь это, несомненно, гуманная мера. Исчезли все внешние атрибуты жестокости: электрический стул, петля, гильотина, пуля, наконец. Исчезли связанные с ними мучения. А главное, исчез нездоровый кровожадный интерес публики, поднялась моральная цена человека, убить которого даже в целях возмездия — преступление. Но, кроме моральной ценности, есть и материальная. Общество не может так, за здорово живешь, разбрасываться своими членами, не взяв от них все то полезное, что они могут дать. Преступники, это, как правило, смелые, решительные, индивидуумы,

способные на действия, которые невозможно требовать от среднего обывателя. Недаром восемьдесят процентов казненных, пройдя период «акклиматизации», мучительный период, мы это знаем, уходят в космическую разведку, или строят города на дне океана, или работают в зрелищных предприятиях, выделявая головоломные трюки... Как бы то ни было, это та закваска, которая не дает сытому обществу стоять на месте. Разумеется, мы предпочли бы закваску лучшего качества, но что поделаешь, если другой нет. И единственное, что портит дело, — это ваше неумение. Ваши машины компилируют идиотские биографии, которые не удовлетворяют ни казненных, ни окружающих, ваши приборы не в состоянии перестроить нейроны подкоркового слоя, и в результате мирный служащий вынужден бороться с комплексами преступника...

— Но ведь это то, что вам надо! — возмущенно воскликнул Фрей. Теперь и он вскочил с кресла и заметался по комнате. — С какой это статьи, подумайте-ка, мирный служащий сорвется с насиженного места и уйдет в опаснейшую космическую экспедицию, если что-то неосознанное не будет тянуть его? Именно несоответствие нового облика, который мы ему внушаем, и старых инстинктов толкает его на это. В новом облике он как в чужом костюме — все давит и стесняет движения. Да, наша аппаратура несовершенна, но будь она совершенна — стирание памяти потеряло бы всякий смысл. Именно тот тайный смысл, который вы в это вкладываете. Иначе мы не заставили бы казнейных искупать свои преступления, выполняя для общества самую тяжелую и опасную работу. И даже то, что мы вынуждены следить за каждым их шагом, чтобы не допустить рецидивов, даже это отвечает вашим целям.

Он стал перед Пауэллом в вызывающей позе, возбужденный, с пылающим лицом. Тот скупно улыбнулся.

— Ради бога, не разыгрывайте благодетеля. Если бы вы могли, вы бы с удовольствием сняли с себя все заботы. Но теперь вам, разумеется, приходится следить за ними. И нам тоже. Впрочем, не такой уж это тяжелый труд. К счастью, не слишком часто попадаются индивидуумы, подобные Мартенсу.

— Да, это вы правы, — задумчиво протянул Фрей, с которого уже слетело возбуждение. — Этот побил все рекорды. Другие только догадывались, кто они, и скрывали свою тайну в себе, а этот... Подумать только, проникнуть в институт, похитить карточку, да с такой дьявольской ловкостью! Один халат чего стоит! А как он смотрел сегодня на нас там, в коридоре... Это же прирожденный преступник. Не понимаю, почему вы его не арестуете?

Пауэлл покачал головой.

— То, что он сделал сегодня, — мелкое преступление. Его осудили бы на три года меркурианских рудников. А дальше что? Нет, я хочу дать ему дойти до конца.

— Каков же, вы думаете, будет его следующий шаг?

Пауэлл пожал плечами и включил локатор.

— Кто знает? Пока что он валяется на кровати в гостинице и переваривает правду о себе.

5

Мартенс лежал на кровати, не сняв пиджака и туфель, и сосредоточенно сосал сигарету. Широкая медная пепельница на полу была с краями завалена окурками. Некоторые еще дымились.

Ричард Браун... Легендарный боксер, стремительным метеором блеснувший на спортивном небосклоне, — вот кем он был! Теперь понятно, откуда эти приступы ликующей ярости и ощущение чужого тела, обмякшего под могучими кулаками. В свидетельстве о казни крайне скупно перечислялись основные моменты биографии, но Мартенсу незачем было их изучать: он наизусть знал эту трагическую историю, как знали ее сотни миллионов людей во всех частях света...

Ричард Браун и Алиса Комьерс... Великий боксер и скромная официантка из захолустного Смитфилда, который не на каждой карте и обозначен. Они росли вместе, Дик и Алиса, и ему в свое время пришлось немало поработать кулаками, чтобы отстоять свое право сидеть с ней на одной парте. Потом он, как водится, уехал искать свою судьбу, слава его достигла Смитфилда в виде аршинных заголовков газет. И Алиса не могла даже надеяться, что он вернется.

Но он вернулся. Однажды вечером роскошный, умопомрачительный, безумно дорогой «Ястреб» спикировал на площадь перед единственным в городе рестораном, и на другой день растерянная, ошеломленная, плохо соображающая Алиса переступила порог мери с фатой на голове и смятением в мыслях.

Газеты взвыли от восторга. Чемпион и в жизни действовал так же стремительно и несокрушимо, как и на ринге.

Потом год блестящих гастролей по всем столицам мира. Яркие потоки света, заливающие ринг, отлетающие в угол тела, поднятая рука в победной перчатке, и единственный зритель в зале, который не вопит, не беснуется, а, наоборот, сжимается в комок с недоумением и тоской в глазах, — жена чемпиона Алиса Браун.

А через год она ушла от него. Сбежала с Френком Доллой, скрипачом. Двое суток продолжалась погоня. Газеты, радио, телевидение захлебывались от догадок: нагонит или нет? Букмекеры сделали состояние на ставках. За то, что нагонит, ставили десять к одному. Агенты Интерпола сбились с ног, стараясь предотвратить несчастье, но не успели. Браун нагнал беглецов в Норвегии, на берегу Согне-фьорда. На узком, поросшем соснами мысу состоялся последний акт этой драмы. Чемпион не тратил лишних слов, он вообще не любил много разговаривать. Отброшена в сторону Алиса, кинувшаяся между мужчинами. Вес тела перенесен на выставленную вперед левую ногу, резкий рывок всем туловищем и

удар, коронный брауновский удар, не смягченный кожаными подушками перчаток. В этот момент на него прыгнули полицейские с идущего на посадку мобиля. Они успели только спасти жизнь женщины. Все органы информации смаковали финальную сцену, когда чемпиона в наручниках затаскивали в полицейский мобиль, а его жена, обнимая мертвое тело возлюбленного, кричала, обезумев, ему вслед: «Убийца! Убийца! Убийца!!!» Мартенсу показало, что он и сейчас слышит эти крики.

Он пошевелился на кровати и закурил новую сигарету.

Ну вот, он добился своего. Узнал, кем был, что сделал и что сделали с ним. Его казнили за убийство. Изменили черты лица, стерли память, машина вложила в него новую биографию, которую слепили из книжек, и вместо блестящего боксера Ричарда Брауна, любимца публики, на свете появился Джордж Мартенс, молодой служащий австралийского филиала американской фирмы. Он никогда не жил в Сан-Франциско. Это ему внушили. Его привезли сразу в Австралию и посадили за канцелярский стол. Так возник новый чиновник, такой же, как тысячи других. Впрочем, не совсем такой. Он все время чувствовал, что чем-то отличается от других, что этот мир не по нему...

Но ведь он и не боксер Браун. Того уже нет. И невозможно снова стать им, как невозможно змее влезть в старую кожу. Это тело, ставшее прибежищем двух людей, не принадлежит ни одному из них.

Часы пробили восемь. Пора ехать на аэродром. Билет на австралийский стратоплан куплен еще вчера. Три дня провел он в этом городе, три дня, каждая секунда которых была подвигом. Начиная с того момента, когда под носом у кибера стянул с вешалки халат работника технической службы и кончая фотографированием свидетельства о казни, он не принадлежал себе. Был целиком во власти азарта, купался в остром ощущении опасности, боролся, мобилизовал все силы. Это была жизнь, настоящая жизнь. А что ждет в Австралии? Шесть часов ежедневно за опостылевшими перфокартами, телеграммами, накладными среди таких же бесцветных ничтожеств, вечеринок, пикники, лицемерные речи и фляжка Боба Тэйта...

Мартенс, как раньше Браун, не любил долго раздумывать. Для него важно было ухватить главное, а дальше он подчинялся могучему инстинкту, молниеносно реагируя на ту или иную возникающую ситуацию. Так и сейчас он встал с кровати, одернул пиджак, вытащил из кармана авиационный билет и бестрепетной рукой разорвал его. Потом нажал кнопку видеофона и вызвал справочную.

На экране появилось лицо кибера, сделанного в виде миловидной девушки.

— Слушаю, сэр.

— Как я могу добраться до Смитфилда, штат Техас?

Он хотел назвать совсем другое место. Он даже не думал о

Смитфилде, где Джордж Мартенс никогда не был. Что-то помимо его воли перестроило голосовые связки, и губы назвали город, с которого все началось...

Киберу понадобилось меньше секунды, чтобы определить маршрут.

— В двадцать три пятнадцать от Восточного вокзала отходит магнитовоз рейсом «Голубой олень». Экспресс проходит Смитфилд в девять ноль десять следующего утра. Остановки нет, но вас могут высадить в капсуле. Заказать билет?

— Закажите,— коротко бросил Мартенс, запихивая в саквояж зубную щетку и химическую бритву.

Остановки нет! Пять лет прошло, а Смитфилд все еще не удостоился такой чести, чтобы в нем останавливались люксовые экспрессы.

На мгновение Мартенс замер, будто потерял нить, потом решительно натянул плащ. В конце концов не все ли равно, куда ехать? Может быть, в Смитфилде придет ответ на вопрос, который смутно начинал тревожить его.

Он расплатился за гостиницу и вышел на улицу, в унылую вечернюю слякоть.

6

— Ого, вот так неожиданный ход! — изумился Пауэлл, выключая локатор.— Он едет в Смитфилд к жене.

— К бывшей жене,— уточнил Фрей, вытирая платком утомленные глаза.— И не так уж это неожиданно. Поверьте, Пауэлл, мы никогда еще не встречались с такой сильной личностью.

— Я это понял раньше вас, когда еще вел следствие по его делу,— угрюмо отозвался Пауэлл.

— Дорого бы я дал, чтобы покопаться в его мыслительном аппарате! — мечтательно проговорил Фрей, попыхивая трубкой.— Уверен, что энцефалограмма биотоков представляла бы почти прямую линию. Этот человек не думает, не рассуждает, он действует... Разумеется, я утрирую, но ретроспективно это выглядит именно так. В своих рассуждениях он не ищет конечной цели, а отталкивается от нее. Он постигает ее сразу, каким-то глубоким, чуть ли не звериным инстинктом и тут же начинает действовать. Разумеется, действуя, он мыслит, но опять-таки обдумывает только пути к достижению цели. А достойна ли цель тех усилий, которые затрачены на ее достижение, и вообще всякие там моральные аспекты его не интересуют. Он даже не способен представить, что иногда надо от чего-то отступить. Это человек без тормозов. Проследите его путь. Узнав об измене жены, он кинулся в погоню, чтобы убить. Думал ли он при этом? Разумеется, как быстрее нагнать беглецов. Ему в голову не пришло, что жена имеет такое же право выбора... Поняв, что он казненный, он бросил все и прилетел сюда, в институт. Как бешеный бык, сметая все преграды, добился своего, узнав тайну. Из всех казненных он один так сделал. А по-

чему? Разве остальные не думали об этом? Конечно, думали и даже строили подобные планы, но, взвесив все «за» и «против», отказались от этой безумной затеи: узнать такую правду о себе страшнее, чем жить в неведении, по крайней мере можно строить какие-то иллюзии. Он не отказался потому, что не взвешивал. Далее, узнав свое прошлое, он не возвращается в Австралию, а едет в Смитфилд. Зачем? Какая теперь у него цель, ради которой жертвуется всем? Может быть, он сам еще отчетливо не осознает. Его толкает инстинкт. Тот самый инстинкт, который привел его на ринг, потому что этот парень с детства привык смотреть на жизнь как на схватку: главное — нанести удар раньше противника. Я уже говорил и повторяю снова: это очень опасный человек, очень!

— Может быть, может быть,— отозвался Пауэлл, и его грубое лицо сложилось в улыбку, не предвещавшую ничего доброго.— Поэтому сегодня же ночью я переброшу в Смитфилд десяток крепких мальчиков. Я дам ему дойти до последней черты, но не далее. Второго убийства ему не совершить.

Фрей встал, тщательно выбил трубку, положил ее в карман.

— Второго убийства не будет... Надеюсь, что не будет. Если я правильно понимаю, его влечет в Смитфилд вовсе не это. Ему необходимо стряхнуть с себя кого-то одного: либо Брауна, либо Мартенса. Такой человек не может жить раздвоенным. Но тем не менее ваши крепкие мальчики могут оказаться не лишними. Во всяком случае я рад, что вы разрешили вмонтировать в его череп передатчик. Случай оказался исключительно интересным.

— Еще бы! — фыркнул Пауэлл.— Это ваша горошинка прищлась как нельзя более кстати. По крайней мере мы можем контролировать каждый его шаг, слышать каждое слово, даже отмечать изменения общего уровня эмоций, хотя, к сожалению, и не читаем его мыслей. Правда, это противозаконно, но в данном случае я с удовольствием переступил бы закон.

— Вы слишком многого от нас хотите,— сказал Фрей, берясь за ручку двери.— А теперь предшествующая цепь событий наталкивает меня на элементарный логический вывод, что следует смотреться домой за пижамой.

— Да! — отрывисто бросил Пауэлл.— Мы отправляемся в Смитфилд тем же экспрессом. Встретимся через час на вокзале.

Алиса украдкой кинула взгляд через плечо. Ее безотчетно тревожил новый посетитель. В его атлетической фигуре, движениях рук и головы, манере держать нож и вилку было что-то до ужаса знакомое, страшное, будто ожили ее постоянные кошмарные сны. На его шее светился пестрый броский галстук, как у преуспевающего коммивояжера или владельца мелкой фирмы, хотя он не являлся ни тем, ни другим. Несмотря на все ее старания, Ричард так и не научился одеваться со вкусом.

Она вздрогнула от этой невозможной ассоциации и чуть не уронила поднос.

Сначала он сел к Коре Вэй, и это не было простой случайностью: несколько лет назад Алиса обслуживала именно тот ряд столиков. Потом пересел к ней. Лицо его было незнакомо, обращал на себя внимание оценивающий прищур глаз и эта жесткая, будто высеченная резцом, складка в уголке губ...

— Заснула ты, что ли? — визгливый голос хозяина вернул ее к действительности. — Джентльмен с пятого столика уже второй раз стучит ножом о фужер. Не забывай: разбитый хрусталь за твой счет.

Алиса кивнула и, подняв поднос, скользнула к пятому столику.

— Прошу прощения, сэр. — Ее лицо осветила заученная улыбка. — Сегодня такой наплыв...

Незнакомец, тревожащий ее, занимал шестой столик. Он задумчиво ковырял вилкой в тарелке и, казалось, не обращал внимания на окружающих. Но, отходя от столика, Алиса внезапно обернулась и перехватила внимательный взгляд, брошенный вдогонку.

Убедившись, что никто из клиентов не нуждается в ее услугах, Алиса отошла в уголок у стойки и опустилась в кресло. Ноги не держали ее. Сегодня, как никогда, было много посетителей. И почти все незнакомые. Какие-то подтянутые молодые люди в костюмах спортивного покроя рассеялись по всему залу. Двое из них сидели и за шестым столиком, но, кажется, не имели ничего общего с незнакомцем, внушавшим ей такой ужас.

Как мужчины много курят! У Алисы кружилась голова от табачного дыма и алкогольных испарений. А может, и от смутного предчувствия чего-то страшного. Вентиляторы не успевали отсасывать испорченный воздух, кондиционер захлебывался от напряжения, электронный джаз гремел так, будто задался целью свести с ума.

Вдруг Алиса вздрогнула: незнакомец за шестым столиком подал ей знак. Собрав всю свою волю, она порхнула к нему, удерживая на лице профессионально-приветливое выражение.

— Что-нибудь еще закажете, сэр?

Мужчина галантно подвинул ей свободный стул. Алиса, поколебавшись, присела, хотя правила запрещают официанткам сидеть с посетителями.

— Мне предстоит прожить в вашем городе несколько дней, — натянуто улыбаясь, сказал посетитель. — Не могли бы вы посоветовать, как лучше провести время?

На мгновение у Алисы отлегло от сердца: тип с обезьяньим галстуком оказался просто неумным ловеласом. Любой маломальски опытный мужчина нашел бы гораздо лучший предлог для знакомства. Но, взглянув в его глаза, она поняла, что ошиблась: это не ловелас.

— Мистер никогда раньше не был в нашем городе?

— Нет, не довелось, хотя кое-что я о нем слышал.

— К сожалению, в нашем захолустье мало развлечений,— Алиса отвечала прежним любезным тоном, игнорируя намек.— Два кинотеатра, клуб деловых людей, кегельбан,— вот, пожалуй, и все.

— А достопримечательности? Неужели у вас нет достопримечательностей?

Их взгляды скрестились. И рокот голосов, вопли джаза отступили куда-то, оставив их в круге, заполненном невыносимой тишиной. Он первый отвел глаза.

— Нет,— твердо сказала Алиса.— У нас нет достопримечательностей.

Однако мужчина не хотел признать себя побежденным. Опустив голову, он прерывисто вздохнул, и тело его напряжилось.

— А вы? Разве вы не достопримечательность? Ведь вы были женой великого человека.

Это был удар, рассчитанный на нокаут. Удар грубый, беспардонный. Мартенс шел напролом так же нетерпеливо, дерзко, отчаянно, как некогда Браун.

Тишина еще более сгустилась. Многотонной ледяной глыбой навалилась она на этих двух людей, сражавшихся в одиночку, без судей и без правил. Алиса медленно встала и отодвинула ногой стул.

— Я была женой великого негодяя,— внезапно охрипшим голосом сказала она.— Эгоиста, который считался только с собой. И я вычеркнула эти годы из своей жизни, будто их и не было. Вот почему я вернулась в этот город и снова работаю в том же ресторане и под старой фамилией.

Ответный удар, несокрушимый и тем более страшный, что был нанесен в открытую, поверг чемпиона наземь. Это был нокаут, и хотя Мартенс сделал последнюю жалкую попытку, он уже понял, что побежден.

— Значит, вы совсем забыли время замужества?

— Нет! — Алиса выпрямилась, глаза ее зажглись гневом.— Я ничего не забыла. Каждый час этого проклятого года врезан в мою память, потому что был наполнен страхом и ненавистью. И этой ненависти мне хватит до конца жизни.

Второй удар добил лежачего. Когда Алиса дошла до стойки и обернулась, шестой столик опустел. Не было ни незнакомца, ни обоих спортсменов. Только смятые ассигнации сиротливо темнели на скатерти.

— Что с тобой, дорогуша? — участливо спросила Кора, обнимая Алису за плечи.— Приставал, да? На тебе лица нет. Да плюнь ты на них, все они скоты. Выпей-ка скорей, пока босс не видит.

— Я встретила мертвеца,— сказала Алиса, ставя на стойку пустую рюмку.— Злого духа, вышедшего из могилы!

— Ты с ума сошла! — Кора отшатнулась.— Как это понимать?

— В прямом смысле. Но не бойся,— Алиса мрачно рассмеялась.— Я прогнала его обратно в преисподнюю.

Мартенс подошел к окну и потянул толстые шелковые шнуры. Они были скользкие и прохладные на ощупь, будто меж пальцев струился тугий поток воды. Гардины, тихо шурша, уползли в стороны, и Мартенс остался один на один с городом, где прошло его детство.

Ночь. Ни луны, ни звезд. Погашены все фонари: в этот час добропорядочным гражданам незачем шататься по улицам. Смутные силуэты зданий со слепыми провалами окон только подчеркивали мрак. Ночь была на земле, ночь была в человеке.

Свершилось самое страшное: он любил эту женщину. Любил по-прежнему или полюбил только сегодня — это уже значения не имеет. Он сразу узнал ее, узнал всем своим существом, каждой клеточкой изнывающего в тоске тела, и на мгновение знакомое безумие овладело им: кинуться в молниеносном прыжке, схватить ее, прижать к себе так, чтобы прервалось дыхание, ошеломленную, кипящую гневом, но где-то в душе уже покоренную, покорную этим порывом, и бежать, бежать с дорогой добычей... Но мгновение прошло, а Мартенс не тронулся с места.

Он совсем забыл, что в его теле два человека. Отважному решительному боксеру все время преграждал путь мягкотелый благовоспитанный чиновник с безупречной биографией, не совершивший ни одного предосудительного поступка. И Мартенс понял, что никогда уже не решится нарушить закон.

Внезапный страх охватил его, страх перед последствиями не совершенного преступления. Поддайся он порыву, и снова казнь... Тогда в этом теле появится третий... А им и двоим в нем тесно, Мартенс напрягся, словно стремился вырваться из давящей оболочки.

Куда идти теперь? Он сел на кровать и начал раскачиваться из стороны в сторону, обхватив голову руками. Обратно в Австралию к высокопарно-целомудренным речам в гостиных и тайным выпивкам за шторой. Об этом и речи быть не может. Нет на Земле ему места.

А почему нет? Мартенс вскочил на ноги и рассмеялся тем сухим холодным смехом, который приводил в содрогание противников и их тренеров. Почему нет? Он казнен, это правда, но никто же не ограничивал для него выбор профессии. Тело его так же могуче, как прежде, реакция молниеносна, и старые навыки не забыты. Рефлексы не сотрешь, как память. Он снова пойдет на ринг. Ричард Браун возродится под другим именем, как феникс из пепла. И снова обмякшие тела соперников будут безжизненно переваливаться через канаты. Только теперь он будет еще злее, еще беспощаднее, чем раньше...

Мартенс сразу изменился. Чиновник исчез, остался боец. Его глаза угрюмо заблестели, руки согнулись в локтях и прижались

к туловищу, готовые к защите и нападению, походка сделалась скользкой и упругой... Но это продолжалось недолго. Через минуту взор его потускнел, и руки опустились.

Ничего не выйдет. На ринг ему не вернуться. Для этого мало стальных мускулов, нужен еще и бойцовский дух, а его уже нет. Достаточно вспомнить, как позорно вел он себя в архиве. Теперь это воспоминание будет преследовать его всю жизнь, отнимая уверенность. Нет, это не для мелкого служащего: играть с судьбой в тесном, опоясанном канатами квадрате ринга.

Значит, на Земле и вправду делать нечего. Человек, чья грозная слава гремела по всему континенту, не удовлетворится серенькой участью канцеляриста. Остается космос.

Он снова подошел к окну и стал вглядываться в беспросветную пелену ночи.

Космос! Необъятные просторы, которые не охватить разумом. Страшные планеты, где каждый шаг устлан костями первооткрывателей. Чужие миры, дышащие смертью... Их покоряют отряды разведчиков, деяния которых овеяны легендами. Там, за тысячи световых лет от Земли, найдет он свое место.

Мартенс закурил и взглянул на свой хронометр. Еще шесть часов до рассвета. Наверное, в этом городишке нет даже вербовочного пункта, придется ехать в столицу. Завтра он будет там, а через неделю оборвется его связь с Землей. Он обманет их всех. Они думали, что уничтожили боксера Брауна, когда стерли его лицо и его память, что он всю жизнь будет корпеть над бумажками, чтобы кто-то грел на этом руки. Черта с два! Там, на огнедышащих планетах, в схватках с ужасными существами он выдавит из себя чиновника и снова станет бойцом. Туда его путь, там его жизнь. Он навсегда забудет Землю, так же как Земля забудет его...

А потом, облюбовав подходящую планету, он прогонит всех, и горе тем, кто попытается отнять у него добычу. Он станет грозным властелином какого-нибудь покорного туземного народа. Не одним же толстосумам владеть планетами...

И тут ему показалось, что из черного окна глянуло чужое, не его отражение. Нежное печальное лицо, тоскующие глаза, мягкие трепещущие губы... Лицо, которое он любил и любит, от которого не может отказаться.

И Мартенс понял, что никуда не уйдет. Ни в космос, ни даже из этого города. Тут его жизнь, его проклятая судьба, возле женщины, которая его ненавидит. Он должен быть рядом с ней, несмотря ни на что, наперекор всему. Никому больше не отнять у него ни душу, ни тело. Это его последний бой, и он его выиграет.

Мартенс отбросил недокуренную сигарету и внимательно оглядел комнату твердыми прищуренными глазами. Мелкий чиновник исчез, испарился без остатка. В теле Мартенса снова жил неистовый боксер, который умел мгновенно принимать решения и бестрепетно приводить их в исполнение...

Когда Пауэлл и Фрей с группой детективов выломали дверь и ворвались в номер, Ричард Браун висел на тугом шелковом шнуре. Лицо его было спокойно.

ЮРИЙ НИКИТИН

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

К вечеру море стало сумрачным. С борта корабля тяжело били серые свинцовые волны, над самыми надстройками висело набрякшее небо. Оставалась узенькая полоска между молотом туч и наковальней океана, и корабль полз изо всех сил, все еще надеясь выскользнуть из-под удара грозы.

Правда, так показалось бы разве что из самой дальней дали: корабль, бывший атомный ракетоносец, несся как гигантский плуг, мощно вспарывая почву океана. Все сорок два члена научно-исследовательской экспедиции разместились в уютных каютах, кое-кто еще торчал в прекрасно оборудованной библиотеке, некоторые отправились в кают-компанию смотреть фильм, вчера доставленный вместе с почтой самолетом.

Назар остался в своей каюте. Тесное, правда, помещение: чуть побольше купе в вагоне поезда. Хорошо, хоть какие-то удобства предусмотрены: цветной телевизор, мягкий диван, приемник, диктофон, климатизер, видеомагнитофон с большим выбором кассет...

Сперва попытался читать, затем включил телевизор, пощелкал тумблерами радиоприемника, но возникшее тягостное чувство не проходило, напротив — усиливалось. Выключил климатизер, кондишен настроил на усиленное озонирование воздуха, но и это не помогло. Что-то древнее, тяжелое, давящее вторгалось в психику, и бороться было невозможно. Когда же пойдут на спад эти вспышки на Солнце, чтобы взяться за работу?

Он со злостью отдернул с иллюминатора штору. Там, в черноте ночи блекло вспыхивали молнии, погромыхивало. Корабль шел ровно, о качке не было и речи: на столе горделиво возвышался длинноногий бокал, доверху наполненный соком, и то ни разу не качнулся, — но все же что-то, сопровождающее такие грозы, действовало особенно угнетающе. То ли пониженное давление вдобавок к отвратительным солнечным пятнам, то ли еще что-нибудь. Все-таки человек — часть природы и живет по ее законам... Любое возмущение на Солнце, притяжение Луны, противостояние Марса, даже приливные атмосферные волны, вызванные гравитацией планет-гигантов Юпитера и Сатурна, — все это властно вторгается в психику, вносит возмущение в симфонию человеческой души, путает команды мозга...

Наконец Назар махнул рукой и полез в аптечку. Там отыска-

лись великолепные транквилизаторы: мощные, не коммулятивные, приятные на вкус. Вообще-то редко прибегал к лекарствам: скзывался модный лекарственный нигилизм, но сейчас все оправдывала трудность путешествия в открытом океане. Вот уже восьмой день не видят ничего, кроме однообразной водной глади... В этих условиях и самая здоровая психика даст трещину, станет искать спасительные отдушины.

Проглотив пару таблеток, подумал и добавил еще две: коэффициент на отвратительную погоду. По телу стала разливаться успокаивающая теплота, кровь хлынула на периферию, приятно защипало в кончиках пальцев, а в голове, напротив, стало легко и хорошо.

Он намеревался лечь и почитать, уже потянулся к шторе, чтобы отгородиться от холодного, негостеприимного мира... В этот момент там, за иллюминатором, сверкнула яркая молния, осветила страшные апокалипсические тучи, их неправдоподобно лиловые рваные края и... парусный корабль, который несея по черному морю!

Это было невероятно, однако Назар отчетливо увидел в двух-трех кабельтовых странный парусник, что стремительно мчался параллельным курсом, лишь постепенно отставая... Изредка его скрывали волны, но он упрямо выныривал, взлетая на следующий вал, и снова бросался в бездну...

Назар ощутил, как неровно прыгнуло сердце, стало жарко, а в ушах торжественно запели серебряные фанфары. По морю неслась каравелла, настоящая каравелла! На таких ходили Колумб и Васко да Гама, а теперь изображения этих прекрасных кораблей пошли косяком в наше ностальгирующее по прошлому время... На обложках журналов, на шоколадных обертках и на крышках тортов — всюду каравеллы. В продаже появились значки, цветные гравюры... Да, это каравелла! Высокие надстройки на носу и корме, три мачты. На самой большой, что посередине — красивый большой парус, парус поменьше — тоже косой — на кормовой мачте, а тот, что на носу, почти квадратный.

В памяти молниеносно вспыхнул эпизод из детского кино: залистая ярким солнцем в море выходит празднично приподнятая над водой каравелла. Гремит духовой оркестр, золотом сияют надраенные смешные пушки, а над изукрашенным кораблем режет глаза сверкающая неправдоподобной белизной гора парусов, похожих на утренние, умытые со сна солнцем облака. У борта ласково плещется синее море, а каравелла, выкрашенная в темно-коричневый цвет, удивительно тонко гармонирует со всем миром, и легко-легко скользит, не погружаясь, по мягким зеленоватым волнам. Именно скользит: не вспарывает воду, не бороздит, а несется неслышно, словно над волнами летит огромная сказочная птица...

На палубе улыбаются моряки, машут руками и трюголками. Все как один загорелые, белозубые, с крепкими руками, никто не боится высоты. А на капитанском мостике, небрежно сбивая тросточкой клочья белой пены, которую туда взметнул свежий ветер,

стоит тоже загорелый, обветренный всеми ветрами семи морей, просоленный капитан. Из рукавов богато украшенного камзола выглядывают знаменитые брабантские — так, кажется, их называли — манжеты, на парадном белом поясе висит длинная шпага с затейливым эфесом, над которым работали лучшие мастера Милана, а ножны украшены драгоценными камнями...

Вспышка молнии продолжалась миг, но изображение впечаталось в сетчатку глаза и длилось, поражая неправдоподобностью: неподвижные, как дюны из грязно-серого песка, застывшие волны, и замерший в стремительном беге старинный парусник!

Назар вскочил, заметался. Потом решил: сорвал со стены спасательный жилет, без которого капитан запретил научным сотрудникам выходить на верхнюю палубу, кое-как натянул и выскочил в коридор. Тот плавно изгибался вдоль борта, с одной стороны были каюты, с другой — небольшие иллюминаторы. Назар прильнул было к одному, но ничего не увидел: тьма крошечная, особенно после освещенной каюты. Потом сообразил, что каравелла с другой стороны, бросился наверх, миновал пролет, второй, третий, мелькнула мысль воспользоваться лифтом, но осталось всего два этажа — и наконец выскочил на верхнюю палубу.

Едва удержался под ударом шквального ветра, лицо стало мокрым от мельчайшей водяной пыли. Страшно грохотал гром, словно над головой рушились огромные льдины, а в рваных быстро бегущих тучах мелькал красноватый отблеск молний.

Назар подбежал к борту. Волны рябили далеко внизу, брызги тоже не доставали до вознесенной на высоту семиэтажного дома палубы, даже качки опасаться не приходилось: корабль шел ровно, словно мчался на колесах по асфальту.

Молнии полыхали ядовито-плазменным светом, и в их неверном блеске Назар снова увидел странный парусный корабль. Он был позади и отставал все больше: даже при ураганном ветре парусам с атомной турбиной не тягаться!

— Каравелла... — прошептал Назар, — подлинная каравелла... И позвать никого не успею! Идиот, фотоаппарат не захватил...

Стремясь не упустить парусник из виду, он пошел вдоль борта. Мрак уже заглатывал каравеллу, она становилась все меньше, молнии освещали только паруса, потом только самый большой из них...

Назар ускорил шаг, побежал. С разбега выскочил на корму, чтобы успеть бросить прощальный взгляд на парусник... и в этот момент палуба под ногами резко дернулась, ушла назад. Назар, невольно ускорив бег, чтобы не упасть, налетел на борт, больно ударился грудью. На миг перехватило дыхание, и тут он в страхе ощутил, что инерция бросила его через борт. Он косо летел в бешено бурлящие волны и еще в воздухе увидел, что корабль резко набрал скорость, поднялся повыше и понесся на глиссирующем полете.

В этот момент Назар ударился о воду, ушел с головой. Его кру-

тило, сжимало, рвало на части, наконец выбросило на поверхность. Он оказался в подобии лодки, под головой была упругая подушечка — включилась система жизнеобеспечения спасательного жилета. По спине разлилась приятная теплота: сработали нагревательные элементы. Будь здесь даже Ледовитый океан, они сумеют поддерживать нужную температуру, а запаса энергии хватит на много лет.

И все же Назар был в диком ужасе. Нет под ногами дна, нет привычного, твердого — он висел над бездной в сотни метров, и первобытный ужас падающей с дерева обезьяны ударил в мозг... Он отчаянно кричал, барахтался, бил руками по воде, но едва доставал ее кончиками пальцев, ибо спасательный жилет раздулся, приподнял его над водой, защищая от волн.

Дважды ударился лицом о трубочку, что высунулась из жилета, потом вспомнил: в отсеке разогревается какао, а с момента удара о воду включилась аварийная радиостанция жилета. Сейчас на корабле уже ревет сирена, пеленгаторы засекают цель...

Ветер и волны несли его в ночь, в ледяной мрак. Сверху страшно грохотало, в лицо било свирепыми брызгами.

Вдруг, заслоня ветвистую молнию, впереди вырос темный скошенный силуэт судна, вверху угадывалась громада парусов. Молния угасла, но он успел заметить, что мимо стремительно несется легкий корпус каравеллы, той самой каравеллы!

Не успел что-либо сообразить, крикнуть, как сверху прогремел гулкий голос. Ему ответил второй: резкий и властный. Кричали на незнакомом языке, Назар собирался закричать в ответ, но в этот момент его дернуло, потащило, его тело вдруг потяжелело, и вот уже болтается в воздухе, и в свете молний увидел, что внизу удаляются злые волны.

У борта его подхватили. Он ударился о твердое, тяжело перевалился и упал. Спасательный жилет с шумом выпускал воздух, перед глазами, едва не ободрав лицо, мелькнул пеньковый канат с крючком на конце, которым его подцепили за крючки жилета...

Он попытался встать, но палуба вдруг встала вертикально, сверху обрушилась тяжелая гора ледяной воды, и его потащило по деревянному настилу, и он тщетно пытался ухватиться, но только обдирает в страхе пальцы о доски. Наконец ноги уперлись в твердое, и вода, что волочила его, с шумом устремилась дальше. Он извернулся, ухватился за чугунную тумбу, к которой были принатованы сразу три толстых веревочных каната, и посерел от ужаса. Рядом через прорубленные в бортах широкие дыры обратно в море низвергалась водопадами вода.

Палубу под ним бросало то вверх, то вниз. Ледяной ветер не давал поднять голову, и все же Назар кое-как дотянулся до ближайшего каната и поднялся, но канат не отпустил: напротив — вцепился обеими руками.

Палуба прыгала как взбесившийся конь, голова кружилась, и к горлу подступала тошнота. Особенно становилось мучительно, ког-

да все падало вниз. Желудок лез по горлу вверх и выпарапывался наружу, а водяные горы взметывались всюду, поднимались все выше и выше, неба оставалось с рукавицу, но и там громоздились жуткие лиловые тучи и нещадно вспыхивали ядовито-белые молнии.

Волны страшно и гулко били в борт. Оснастка трещала, по палубе гуляли волны, потоки воды. Чуть посветлело, это проглянула луна, заливая все мертвенным фосфорическим сиянием — словно светящимся ядом, да и глаза чуть привыкли к темноте, но рассмотреть почти ничего не удавалось: мелькали тени, люди бежали, сипло и тяжело дышали, таскали канаты и железные крюки, убирали некоторые из парусов, а над головой страшно свистело в реях, недобро скрипели и потрескивали мачты.

Шагах в пяти впереди маячила коренастая фигура человека, который стоял за штурвалом. Огромный, широкоплечий, в старинной морской одежде, он с трудом справлялся с колесом, что сопротивлялось, норовило вырваться из рук. Назар при свете молнии успел рассмотреть — тот в муке оглянулся — бледное от напряжения лицо и отчаянные глаза.

В грохоте грозы на прыгающей палубе и под водопадами ледяной воды фигуры матросов мелькали как тени. Над головой непрестанно грохотало: то тише, то громче, потом раздался страшный треск, и казалось, прямо на мачтах несколько раз кряду мигнул ослепительно едкий свет.

Назар трясся от холода и страха. Крупная дрожь была по всему телу. Дрожали руки, что буквально приросли к канату, тряслись ноги, стучали зубы.

Канат отпустить не решался, чтобы не сбросило за борт, и только с ужасом смотрел на бегающих людей, которые свободно лавировали в паутине туго натянутых канатов, карабкались по веревочным лестницам, ползали по реям, закрепляли провисшие канаты...

Команда работала лихорадочно, напрягая все силы. Почти вся в лохмотьях, с бледными истощенными лицами!

Тут сверкнула едко-белая молния, следом на корабль обрушился такой страшный удар грома, что Назар с трудом удержался на ослабевших ногах.

Из тьмы, ветра и брызг появились двое. Оба в старинных потертых камзолах, на локтях зияют дыры, широкие морские брюки обветшали до такой степени, что давно потеряли цвет, пестрели заплатами, а внизу истрепались до бахромы.

Остановились перед Назаром, один сказал что-то резко и повелительно. Назар, глядя на него во все глаза, виновато пожал плечами: не понимаю...

Человек, который стоял перед ним, был очень стар, хотя и сохранил в ногах и в плечах крепость. Над голым черепом торчал, не прилипая, венчик неопрятных седых волос, лицо было худым, жестким, с резкими, словно летящими вперед чертами, а глаза —

голубые, как украинское небо, и нещадные, как блеск обнаженного клинка — горели неистовым огнем. Он весь казался выкованным из железа, и только тугие желваки застыли под кожей, похожие на тяжелые каменные кастеты.

Второй тоже сказал что-то, по-видимому — повторил вопрос на другом языке. Этот человек был худым и жалким еще в большей мере. Лохмотья изношенной рубахи держались на веревочках, да и те были в узелках разного цвета и толщины — куда уж большая нищета! Из-под этих лохмотьев торчали, едва не прорывая тонкую бледную кожу, острые ключицы... На левом боку рубахи зияла дыра, и видно было ребра, сухие, как дощечки ксилофона. Задав вопрос, он закашлялся, выплюнул сгусток крови и обессиленно схватился за канат.

— Не понимаю,— ответил Назар, ощущая, как бешено стучит сердце.— Не понимаю! Я русский, меня сбросило с корабля...

Старший, в котором Назар угадывал капитана, снова сказал что-то жестко и отчетливо, словно ударил железом о железо.

С реи спрыгнул матрос. Это был высокий и костлявый человек, в лохмотьях камзола, натянутого на голое посиневшее от холода тело.

— Шпрехен зи дойч? — спросил он.

Назар покачал головой. Увы, немецким не владел. Объясняться с помощью жестикуляции не рискнул: сдует за борт.

— Ду ю спик англиш?

Это спрашивал тот же матрос. Голос у него был хриплый, простуженный и к концу фразы слабел, словно матроса покидали силы.

— Ноу,— ответил Назар.

Матрос сделал еще попытку:

— Парле ву франсе?

Получив отрицательный ответ, оглянулся на капитана, развел руками и скрылся. Подошел еще один, такой же худой и в лохмотьях, попробовал испанский, итальянский, еще какие-то языки. Капитан уже начал сердиться, видно считая моноглостство уродством, недостойным человека.

Вдруг в сторонке раздался голос:

— По-русски разумеешь?

Назар встрепенулся. В двух шагах от него с усилием тянул канат рослый бородатый мужик. Его подбрасывало, но он упорно продолжал работу, а над головой страшно и хлестко хлопал парус, словно великан щелкал огромным кнутом, и ветер выл жутко и угрожающе.

На мужике была чистая заплатанная рубаха. Без ворота, без пуговиц, зато на голой груди мотался на тонкой цепочке нательный крестик. Крестик медный, восьмиконечный.

— Разумею,— крикнул Назар торопливо.— Я русский! Росс. Меня сбросило за борт... А кто вы?

— Люди, как вишь,— ответил с натугой бородач и замолчал, с трудом подтягивая толстую веревку. Закрепив за кольцо, вделан-

ное в палубу, сказал медленно, глядя вверх на паруса: — Идем на новые земли. Капитан у нас вон тот... Ван Страатен! Вот только обогнем этот проклятый мыс и тогда...

У Назара перехватило дыхание. Значит, он в самом деле на знаменитом Голландце? Да, корабль стар, безнадежно стар. Скрипят и раскачиваются под ударами шторма потемневшие мачты, канаты то провисают, то натягиваются так резко, что каждую минуту могут лопнуть. Деревянная палуба и борта латаны-перелатаны, в кормовой надстройке дыра на дыре...

Ван Страатен скользнул взглядом по спасенному, отдал приказание помощнику и тяжело пошел к рулевому. Помощник кивнул и быстро побежал вдоль борта, ловко перебирая руками паутину канатов.

Назар, борясь с подступающей тошнотой — каравеллу бросало вверх-вниз, — спросил земляка, который невесть как очутился на легендарном корабле:

— Кто ты? Как попал сюда?

Тот не смотрел на спасенного: над головой дрожала и выгибалась дугой рея, туго натянутые канаты звенели, как струны. Парус гудел, сверху летели брызги и смешивались на палубе с клочьями пены и потоками воды, что не встречали преград и носились по деревянному настилу.

— Попал, как и все попали сюда, — ответил он наконец. Подпрыгнул, закрепил канат потуже, объяснил: — Человек я, не скотина. Подожгли мы с двумя отчаянными мужиками боярскую усадьбу, порешили хозяина, да и подались на вольные земли... На Украину, то исть. По дороге напоролись на стрельцов. Те двое отбились: порубили троих, а мне не повезло — лошадь упала и придавила. Пока выбрался, а тут новые набегали, скрутили. По дороге бежал, пробрался в чужие земли... Да что рассказывать долго! Бедствовал, но ни перед кем не гнул. А потом узнал, что за окняном нашли новые земли, где нету ни бояров, ни королей. Туда отправлялись усе, кто ни бога, ни черта не боялся и никому служить не желал... Стоп, тут надобно отпустить, а то пор-р-рвет... Уф-ф-ф, чижолый, стерва, намок... Нанялся я плотником, набрали команду... Нам бы только энтот мыс обогнуть!

Он зло выругался, погрозил тучам кулаком. Суставы были распухшие, красные, в ссадинах и воспаленных язвах. Назар заметил, что зубы у плотника стоят неровным частоколом, десны распухли и кровоточат. Когда-то это был красивый мужик, лицо и сейчас оставалось сильным и мужественным, но беззубый рот уже западал, а желтую нездоровую кожу исполосовали старческие морщины.

Вольные земли, подумал Назар. В висках стучала тяжелая кровь, путала мысли. Ну да, тогда существовали еще эти черные дыры земли... Сейчас заговорили о черных дырах Вселенной, куда уходит энергия из нашей, а были и на Земле места, куда утекали наиболее взрывоопасные элементы общества. Ойкумена, Африка,

Австралия, казачья Украина, Америка... Не будь у этого непокорного человека возможности попасть на вольные земли Украины или Америки — в России вспыхнуло бы еще не одно восстание, загорелись бы новые боярские усадьбы...

— Вам не одолеть в бурю мыс Горн! — сказал Назар с неловкостью. — Сейчас океан бороздят огромные лайнеры, и то тяжело, хоть там радары, пеленгаторы, атомные турбины... А вы на паруснике!..

От рулевого прогремел трубный голос капитана, буквально пригвоздивший Назара к палубе. Плотник что-то ответил, указывая на спасенного.

Назар закричал, стараясь перекрычать бурю:

— Возвращайтесь в порт! Слышите?.. Древнее проклятие кончилось, вы уже не обязаны снова и снова стремиться обойти мыс Горн!

— Кончилось? — переспросил плотник недоверчиво. — Откуда ты это взял?

— Сейчас мир совсем другой! Вы давно не были на суше, а там все-все изменилось.

Корабль бросало немилосердно, у Назара мутилось в голове, но он продолжал говорить через силу, крепко держась за канат и даже не пытаясь увернуться от потоков воды и злого ветра:

— Мир прекрасен, поверьте! Вернетесь в порт, будете жить, просто жить. А если пожелаете проехаться по морю, то есть огромные корабли — целые плавающие города! Там имеется все, чтобы так не мучиться, как у вас тут... Там нет бури, голода, холода, болезней. Жить теперь легко, не надо выкладываться. Никто теперь не платит такую цену! А вы... вы даже от цинги страдаете!

Плотник сказал хмуро:

— Не только от цинги... Каждый глоток воды бережем. Половина команды слегла от голода, остальные тоже скоро... Чижало.

— Возвращайтесь, — повторил Назар громко и радостно. Был счастлив, что первым принес скитальцам весть об освобождении от страшной клятвы, из-за которой они скитались по морю.

Плотник что-то крикнул капитану. Назару Ван Страатен казался похожим на каменный памятник, намертво всаженный в деревянную надстройку корабля. Стоит, разглядывает в подозрную трубу кромешную тьму, нипочем ему буря, нипочем лишения...

Ван Страатен ответил резко и категорично. Назар вздрогнул, ощутив по тону отказ. Плотник несколько мгновений раздумывал, опустив голову, потом сказал раздумчиво:

— Верно сказал... Что значит, грамоте обучен.

— Что? Что он сказал?

Цепляясь за выступы, канаты и скобы, которых в изобилии наткано всюду, Назар пробрался к человеку за штурвалом, возле которого застыл капитан, все еще не отрывавший глаз от подозрительной трубы. Плотник оставил канаты и тоже подошел к ним.

— Почему не хотите вернуться? — спросил Назар.

Плотник перевел. Ван Страатен смотрел в темень, которую лишь изредка разрывали молнии, освещая проемы в бешено мчащихся облаках, но и там был такой же ужас, как и на море.

— Я давал слово,— ответил он надменно,— и я его сдержу.

— Но проклятие потеряло силу! — закричал Назар.— Оно над вами не властно!

— Какое еще проклятие? — сказал Ван Страатен зло.— Мы поклялись обойти этот проклятый мыс!

— Но вы не двуличные! — заорал Назар.— Вы люди! Лю-ю-ди! Корабль вот-вот рассыплется, люди болеют. Вы *никогда* не одолеете на этом корабле мыс Горн!

— Но никогда и не повернем обратно,— ответил Ван Страатен сухо и неприязненно.

Он так и не отнял от глаз подзорную трубу. Назар ощутил отчаяние и злость. Что он там увидит в эти стекляшки, в крошечной тьме, где пасуют и радары? Что сказать еще, как переубедить? Идиотское рыцарство, ложное понятие чести — все это вскоре погубит корабль и команду. И то чудо, что продержались столько. Измученные, голодающие, закоснелые в предрассудках — что они знают о новом, сверкающем мире?

— Вы погибнете! — крикнул он снова.

— Но честь останется жить.

А плотник, смягчая резкость капитана, попытался растолковать:

— Разумеешь, и так слишком много таких, которые рады отречься от слова, чести, правды, дай только повод... Нам надо итти на шторм! Если не свернем, то, может, и там, на суше, хоть кто-то не свернет, не отступит...

— Но при чем тут все это!

— При том. Эх, не разумеешь... Что ж, может, теперь на суше и вправду другие понятия...

— Да, у человечества другие понятия!

Плотник хмыкнул, неодобрительно pokrutil головой.

— Ишь, у человечества... А мы — не человечество? Те, кто Русь крестил, кто Киев строил,— это не человечество? В человечестве мертвых больше, чем живых, и все голос имеют!.. Помни это, паря. И понимай. Понимай!

Назар ухватился за последнюю соломинку, за последний шанс вернуть скитальцев в порт:

— Стойте, сейчас же период солнечных пятен! Да-да, большие вспышки на Солнце. По всей Земле идет ритм подавления активности!

— Плевать,— отрезал плотник.— Мы не суеверные. Небесные светила командуют слабыми и трусливыми. А у нас и звезды выстраиваются так, как надобно нам.

Он сказал это с таким бешеным напором, что Назар невольно взглянул на небо, и ему показалось в страхе, что с детства знако-

мые созвездия, подчиняясь чудовищной воле этих грубых и невежественных людей, сошли с мест и стали на указанные им места.

Далеко впереди блеснула искорка. Исчезла на миг, сверкнула снова — уже ярче. Судя по скорости движения, спасательный катер. Курс держал прямо на каравеллу: радиостанция жилета подавала команды исправно.

Ван Страатен опустил наконец подозрную трубу, коротко отдал приказание. Плотник с удивлением взглянул на жилет Назара: — Будет исполнено, каптэйн!

Назар не успел опомниться, как его схватили, во мгновение ока перевалили за борт. Но не бросили, и он в страхе висел над бушующим морем, а внизу бежали тяжелые черные волны, провалы между ними выглядели бездонными.

Грудную клетку стискивали сильные руки, хватка была твердая. Назар уловил над головой запах гнили — спутник острой цинги.

— За тобой идти, — услышал Назар над ухом голос плотника. — В таком камзоле тебе надежнее, чем у нас!

Он дышал тяжело и надсадно. Потом его руки разжались... Снова Назара захлестнула агония жуткого страха.

Его выловили через две минуты, как он вылетел за борт. Летучего Голландца уже никто не видел, да и что заметишь в такую бурю да еще в крошечной тьме!

Назар о встрече помалкивал. Какие у него доказательства? А ставить себя в смешное положение кто рискнет в нашем мире, где никто никому не верит. Лучше подождать, пока капитан Ван Страатен все же обогнет мыс. Только бы выдержал корабль! Люди выдержат, только бы выдержал корабль...

А шансы на повторную встречу остались. Им предстояло снова идти тем же маршрутом, ибо лайнер все же зашел в подвернувшийся порт, чтобы благоразумно переждать бурю.

* * *

РОМАН РОМАНОВ

РЕПОРТАЖ ДО ПОСЛЕДНЕЙ МИНУТЫ

Аллея Космонавтов особенно хороша в осенние дни. Косые лучи вечернего заката, просачиваясь через разноцветные листья ухоженных деревьев, скользят по бронзовым бюстам героев космонавтов, выстроившихся по всей аллее.

Для людей, идущих по аллее, привычный пейзаж. Одни спешат с озабоченными лицами, другие, прогуливаясь в окружении героев, беседуют о земных делах. Только два человека переходят не торопясь от одной скульптуры к другой, увлеченно переговариваясь, не замечая людского потока.

— Мне известно, что историю космонавтики вы хорошо знаете, — обращается к молодому человеку пожилой, высокий, атле-

тического сложения мужчина. — Но одно событие в истории освоения космоса, думаю, вам недостаточно знакомо и вообще изучено... Дело в том, что когда мы возвращаемся с успехами, победами, наш путь в космосе становится достоянием всех и каждого. Ну а уж если неудача или же... — Он сделал многозначительную паузу. — Тут уж следует вам самим все домысливать...

— Что вы имеете в виду? — заинтересованно спросил молодой человек.

— Я хочу показать вам памятник героя, о котором вы еще не знаете, и вам как журналисту и писателю-фантасту нужно подробнее узнать о величайшем подвиге этого героя.

Собеседники неторопливо прошли мимо целой шеренги бюстов героям космоса и остановились, вглядываясь в лицо бронзовой скульптуры человека с лысеющей головой.

— Вот, — обратился пожилой командир к молодому собеседнику, показывая на бюст скульптуры космонавта, — это Григорий Одинокоев, рождения 2020 года. Он не только космонавт... Мы сегодня можем говорить о нем как об ученом. Да, да... Он преодолел все трудности подготовки программы космонавтов, чтобы работать в космосе во имя только проверки своей космологической гипотезы.

— Что же это за гипотеза? Неужели опять что-нибудь связано с инопланетянами? — пошутил журналист.

— Нет... — стараясь придать серьезность беседе, продолжал командир. — Одинокоев утверждал, что движение кометы проходит не только под действием тяготения Солнца и планет.

Он упорно доказывал, что хвост кометы это не просто результат испарения льдов и выделяющихся вместе с газами твердых частиц, а что этот хвост образуется еще от истечения газов, выбрасывающихся из недр ядра кометы, придающей ей дополнительное ускорение движения. Специалисты ему возражали, а он твердил свое, что эта «природная», естественная реактивная сила извержения ядра кометы направляет ее даже по вытянутой орбите.

— Если такой «механизм» существовал бы в комете, она бы навсегда покинула пределы Солнечной системы, — иронически заметил журналист.

— Это разумно, — продолжал командир. — Впрочем, так тоже бывает...

— Как же он мог доказать все эти свои предположения? — спросил журналист, рассматривая скульптуру со всех сторон.

— Он писал статьи, даже фантастические рассказы на эту тему, но их не печатали. Однажды он выступил на ученом совете в институте геохимии и физики минералов Академии наук. Ученые оставили его доклад даже без обсуждения...

Впрочем, один из видных астрофизиков все же высказался. Он поднялся на кафедру и сказал только одну фразу: «Зачем мы слушаем эти дилетантские бредни?»

Эта фраза его буквально подкосила. И тогда он решил идти

другим путем. Это был волевой человек. Он добился того, что поступил в отряд космонавтов. У него был далеко идущий план: добиться возможности совершить полет к очередной приближающейся комете. Увидеть своими глазами, откуда рождается этот чудослейф, действительно ли это природный реактивный снаряд?

Солнце уже уходило за горизонт. Аллея опустела, но редкие пешеходы тоже останавливались у бюста, стараясь понять, почему заинтересовала двух собеседников именно эта скульптура.

Командир, отчески положив руку на плечо молодого человека, повел его к ближайшей скамейке.

— Для окружающих Одинок был немножко чужак, а вернее, фанатик. Потеряв всякую надежду доказать справедливость своих идей, он стал отличным космонавтом и мечтал о времени, когда представится такая возможность, чтобы прикоснуться к комете. Высадиться на ней и вести репортаж на Землю...

— Репортаж, гуляя по комете? — Молодой человек задумался. — Из истории космонавтики я что-то припоминаю. Сближение космического корабля с кометой в 2045 году, но я был тогда совсем мальчиком.

— А я это событие не только помню, но и хорошо знаю, потому что был руководителем этого полета, — взволнованно сказал командир. — Одинок наконец добился разрешения лететь к комете и пытаться высадиться на ее ядро.

Командир, как бы забыв о собеседнике, стал вспоминать событие прошлого.

— В очередной раз ждали приближение к Земле одной из красивейших комет. А приближалась тогда комета Родлея. Ее обнаружили, когда она выглядела еще как звездочка 24,2 величины. Одинок ждал и тщательно готовился к полету. Был сделан точный расчет дня, часа и минуты старта полета, чтобы встретить комету максимально приближенной к Земле. Я и сейчас помню его лицо, сосредоточенное, с удивлением смотрящее на нас, провожающих, как будто все еще не веря, что ему доверено совершить подвиг. И вот, наконец, в расчетное время дан старт. Космический корабль отрывается от Земли, унося Одинокова к орбите кометы Родлея.

Молодой человек, слушая рассказ, поежился, по спине его прошел холодок. Вечер был тихий, безветренный. Листья деревьев еле-еле шуршали, одиноко падая на землю.

— Мы немножко засиделись, пройдемся по аллее, — предложил рассказчик.

Медленно шагая по аллее, он продолжал:

— Я держал связь с кораблем. Если у вас будет время, мы можем с вами прослушать пленку. Только мне это доступно, только мне одному могут разрешить ее взять из фонда фонотеки, так как там запись двух голосов — Одинокова и моего.

— Мне бы было очень интересно послушать, — оживился молодой человек.

— Весь путь от Земли до кометы прошел точно по графику. Он считал, что корабль должен был приблизиться и причалиться, если можно так сказать, к передней части ядра, чтобы избежать встречи от частиц и газообразных потоков шлейфа кометы. Одинок с большим умением сделал последний маневр. Включение тормозной системы, подход и присоединение корабля к комете было сделано мастерски, без малейшего удара. На экране уже была видна небольшая площадь ядра кометы, освещенная палящими лучами нашего светила. Как будто на огромный айсберг вступил Одинок. Так он определил в своем репортаже выход из корабля.

Невесомость была как в корабле, так и на комете. Незначительная ее масса не превышала в радиусе и километра, и ядро было почти лишено гравитации.

Одинок во всем был точен. Все его действия, отработанные месяцами на Земле, были привычными. Первое, что нужно было сделать, это забить в ледяной покров кометы костыли и закрепить корабль, словно катер к огромной льдине. Затем он включил автоматическую систему связи, захватив с собой реактивный ранец и отключившись от фала, связывающего его с кораблем, стал обследовать это уникальное космическое чудо.

Его репортаж с ядра кометы был поистине сказочным. Объясняя, что собой представляет шлейф кометы, он все время добавлял: «Я прав, я прав... Я нахожусь не только в облаке испаряющихся частиц, я стою на пороге вулкана! — кричал он восторженно. — Частицы газа и пыли вырываются словно из огромного жерла — реактивного снаряда. Я прав, я прав! — кричал он. — Комета имеет свой естественный «реактивный двигатель!»»

Он ходил по ядру кометы, а вернее, плавал, еле-еле прикасаясь к ней ногами, и только реактивный ранец давал ему возможность находиться в прикосновении с поверхностью ядра кометы.

Многие часы провел он, изучая ее состав, собирая образцы. Горячие лучи солнца расплавляли ледяной покров, все более увеличивая кому и шлейф кометы. И вот настал тот момент, когда комета приблизилась к перигелию. Огненные лучи растопляли переднюю кромку ядра.

И вдруг в динамике раздался странный глухой вздох. Наступила длинная пауза, и наконец я услышал его голос...

Рассказчик умолк.

— Что же произошло? — взволнованно спросил журналист.

— Произошло то, — продолжал командир после паузы, — то, о чем маниакально твердил Одинок на Земле. Он утверждал, что появление у кометы второго хвоста, направленного к Солнцу, — это результат таяния передней кромки ядра. От тепловых лучей Солнца оболочка передней части кометы прорывается и из недр ядра под давлением вырываются частицы газа и пыли, образуя второй, передний хвост кометы, направленный в сторону Солнца. Это и свершилось с кометой Родлея. Передняя часть ядра кометы, где был закреплен корабль Одинок, под действием горячих

лучей Солнца стала хрупкой оболочкой. Внутреннее давление газов вырвало эту тонкую стенку, и образовавшаяся струя газов унесла обломки оболочки ядра, а с ними и космический корабль, закрепленный Одиноким.

— Значит, Одинок остался на комете без корабля? Так я понимаю? — переспросил взволнованно молодой человек.

Да, космонавт остался на комете без корабля. Но дальнейшие события были еще более трагическими. От близости огненного жара Солнца комета стала делиться, разрушаться, ее обломки хаотично разлетались... и в гуще этих обломков кометы летел Одинок. Этот мужественный человек тщетно боролся с гигантской гравитацией Солнца. Реактивный ранец был беспомощен. Его ничто не могло спасти, он падал в мягкую газообразную раскаленную плазму Солнца, но и в последние минуты гибели продолжал вести репортаж...

Чтобы иметь представление о характере, воле этого человека, вам нужно обязательно послушать эту запись. Понимая неизбежную гибель, у него хватало мужества говорить и рисовать картину безграничного горизонта полыхающей плазмы. Он ощущал уже фантастическую скорость падения. И в то же время спокойно говорил, как на него наступает свет ослепляющего гигантского костра.

И в последние минуты гибели он все же твердил: «Я был прав! В комете действует вулкан, создающий шлейфы кометы, я был прав!.. Комета естественный космический корабль».

Солнце уже не выпускало радиоволн из своих пут. Голос его был еле слышен, а он говорил, говорил: «Люди Земли, люди Вселенной, я вхожу... я познаю звездное вещество... Я первый человек, которого породило и поглотило Солнце».

Оба собеседника молчали. Солнце совсем ушло за горизонт. На скульптурах космонавтов заиграли блики вечернего света фонарей. Собеседники вновь подошли к бюсту Одинокова. Молодой человек еще внимательнее рассмотрел бронзовую скульптуру космонавта и, как бы несколько отрезвев от рассказанного, задумчиво сказал:

— Фанатик...

— Нет, природа, раскрывая свои секреты, требует жертв.

* * *

ЮРИЙ КИРИЛЛОВ,
ВИКТОР АДАМЕНКО

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

Инспектор ГАИ лейтенант Глебов обратил внимание на то, что водитель, севший за руль поливочной машины, припаркованной у ресторана, не очень уверенно выехал на шоссе. Скорее для порядка, чем подозревая какое-либо нарушение, Глебов сообщил по

рации сержанту соседнего поста ГАИ номер машины и попросил за ней проследить. Дорога параллельно озеру шла прямо к посту соседа и только потом разветвлялась. Следовательно, деться машине было некуда.

Вскоре заработала рация, вызывал сержант.

— Вы о какой машине, товарищ лейтенант, предупреждали? По времени пройти вроде бы должна, но до сих пор не было.

— Может, не заметили?

— Кто, я не заметил? — В голосе явно прозвучала обида.

Глебову стало неловко перед сержантом за то, что зря его заподозрил в недобросовестном отношении к своим служебным обязанностям. Недовольно взглянув в сторону ресторана, лейтенант вдруг увидел... ту же самую поливочную машину, которая так неожиданно исчезла из поля зрения ГАИ. В первое мгновение он подумал, что ему все померещилось: машина стояла на прежнем месте, а водитель уже спрыгнул на землю, захлопнув дверцу. В руках у него был «дипломат».

Глебов поднес к губам милицейский свисток. Станный водитель не обратил никакого внимания на звонкую трель. Почти бегом лейтенант догнал неизвестного.

— Товарищ водитель, вы почему не реагируете, когда вам предлагают остановиться? — достаточно строгим голосом обратился инспектор к нарушителю. Тот замедлил шаг, потом остановился, поставил рядом чемоданчик. Наметанным глазом лейтенант как бы сфотографировал человека с «дипломатом»: среднего роста, светловолосый, с залысинами на висках, лет тридцати с небольшим, лицо для профессионального шофера, пожалуй, слишком нервное и бледное. — Ваши права, пожалуйста, — протянул руку инспектор.

Неизвестный даже не сделал попытку достать документы. С наигранным, как показалось Глебову, удивлением произнес:

— Какие права? Я не понимаю, о чем вы говорите. Вы меня, по всей вероятности, с кем-то спутали.

Глебова ошеломило такое нахальство.

— Я не имею привычки путать, — с металлом в голосе ответил он. — Я видел, как вы куда-то уезжали на поливочной машине, видел, как вы вернулись. Предъявите ваши документы.

Пожав плечами, неизвестный вынул из глубокого нагрудного кармана пиджака паспорт, уронив при этом на землю визитную карточку. Подняв ее, инспектор прочитал: Владимир Иванович Сергеев, кандидат технических наук, младший научный сотрудник лаборатории автоматизированного перевода института кибернетики.

— Кстати, — заметил с иронией Сергеев, — ваш водитель легок на помине. Я думаю, ему легче будет ответить на интересующие вас вопросы.

Инспектор обернулся и увидел, что за рулем злополучной машины по-хозяйски расположился какой-то человек.

Немолодой загорелый шофер в ответ на требование лейтенанта беспрекословно предъявил старенькие водительские права. Они были у него в полном порядке.

— Куда вы только что ездили? — строго спросил Глебов.

— Только что ездил? — повторил водитель. — Никуда я не ездил. За «Боржоми» ходил вон туда. — И он указал рукой в сторону ресторана. — С кислотностью у меня не в порядке. Вот, все бутылки на месте в этой сумке. Я на минуту только заскочил.

— На минуту? А ключи в машине оставили? — высказал предположение лейтенант.

— Оставил, — сознался шофер, — я же на минуту.

— Ушли на минуту, а отсутствовали целый час, — на этот раз уже резким тоном сказал инспектор. — А тем временем ваша машина неизвестно где разъезжала.

Лейтенант вспомнил о подозрительном поведении Сергеева. «Если тот действительно угнал на время поливочную машину, — подумал он, — то с какой целью и куда?» Найти теперь кандидата наук будет нетрудно, инспектор запомнил его адрес.

— У вас ничего не пропало? — спросил Глебов у шофера.

— Все на месте, товарищ начальник. Только вот воду кто-то слил. Полная цистерна залита была. И колеса в грязи. А вон, видите, тина на задней раме, видно, на озеро зачем-то ездили. Я свою машину всегда в чистоте держу.

Инспектор чертыхнулся и медленно пошел к посту ГАИ, возле которого стояла служебная «Волга». Надо было ехать на озеро выяснить причину загадочного рейса туда поливочной машины.

Поздно вечером вернулся домой Глебов. Поездка на озеро ничего не дала. Хотя он нашел участок берега с отпечатками задних колес грузовика. Видно, водитель, чтобы слить воду из цистерны, зачем-то въехал в озеро, неожиданно резко обмелевшее за последние дни.

И вот теперь, когда Глебов, напившись чаю, лег спать, события дня стали разворачиваться перед ним как на экране, заставляя напряженно работать мысль. Прав оказался сержант, не проезжала машина мимо него, если свернула зачем-то к озеру. Допустим, кандидат наук заметил в кабине ключ, оставленный шофером, сел за руль, поехал к озеру, слил воду из цистерны и возвратился на прежнее место. Но зачем?.. А если они знакомы — шофер и этот Сергеев? Водитель специально оставляет в машине ключ, а на сиденье — «дипломат». Сам же уходит в ресторан. Сергеев в условленное время подходит к машине, садится за руль и едет к озеру. Там, вдали от посторонних глаз, знакомится с содержанием «дипломата», что-то кладет туда или что-то берет. Затем, чтобы случайно не привлечь к себе чье-то внимание, сливает воду из цистерны: дескать, подъехал к озеру по делу. Здесь мысли инспектора начали путаться. Если водитель поливочной машины

и Сергеев знакомы, то зачем ему, водителю, было обращать внимание лейтенанта на пустую цистерну?..

«А вдруг гражданин Сергеев — это не настоящий Сергеев, а похожий на него как две капли воды преступник, убивший или обокравший кандидата наук и действующий под его именем?» — мелькнула мысль.

По натуре своей Глебов был увлекающимся человеком. Уж если загорелось ему, не мог он обрести покоя. Вот и теперь мысли громоздились, не давали уснуть.

Лейтенант встал и начал одеваться.

В большом городе в эту августовскую ночь не чувствовалось прохладного дыхания приближающейся осени. Дома, весь день впитывавшие солнечное тепло, теперь щедро отдавали его окружающему пространству. Город спал, и это, казалось, понимали даже редкие автомашины. Днем суетливо нахальные, бесцеремонные, сейчас они бесшумно мелькали, словно скользили на цыпочках, боясь потревожить чуткий сон города.

Отыскав улицу и дом, указанные в паспорте, Глебов вошел в подъезд. Лестница была узкая, исцарапанная по всей стене неровными буквами.

Внезапно наверху скрипнула дверь. Инспектор инстинктивно сделал несколько шагов в сторону и встал в тень. По лестнице быстро спускался человек. Когда он оказался под лампочкой, горевшей над дверью подъезда, Глебов узнал Сергеева. В руках у него был все тот же «дипломат».

Несколько раз перехватив «дипломат» то в левую, то в правую руку, будто он был непомерно тяжелый, Сергеев пересек улицу и вошел в подъезд другого дома. Там он решительно нажал кнопку звонка. Через некоторое время засветился «глазок» и дверь открылась.

— Дмитрий Федорович,— произнес в узкую щелочку Сергеев,— прошу извинить за столь позднее беспокойство, но дело чрезвычайное. Прежде всего разрешите представиться: я — Владимир Иванович Сергеев, кандидат технических наук, младший научный сотрудник института кибернетики. Мое имя, я думаю, вам ни о чем не говорит. Вас же я знаю хорошо по вашим трудам, хотя лично общаться не доводилось. Сейчас я решил обратиться именно к вам, потому что убежден: только вы можете помочь. Искключительный случай, Дмитрий Федорович, больше того, просто невероятный. И дело очень срочное, иначе я не рискнул бы обратиться к вам ночью...

Взволнованная речь посетителя, видимо, произвела должное впечатление на хозяина квартиры, так как вскоре послышалось звяканье снимаемой цепочки.

Перед Сергеевым предстал немолодой, с пышной копной седых волос крепкий мужчина в пижаме и домашних тапочках. Лицо его,

несмотря на экстравагантность ситуации, было совершенно невозможно и доброжелательно, взгляд по-деловому сух.

— Я понимаю, что мое вторжение слишком неприлично и требует немедленного объяснения,— начал Сергеев, входя в комнату.

— Видите ли,— холодно прервал его хозяин квартиры,— мой большой жизненный опыт подсказывает мне, коллега, что вы не по пустякам решили отобрать у меня часть времени, отведенного для сна. Режим, жесткий режим — для меня святое понятие. И я надеюсь, что вы не злоупотребите моим доверием.

— Конечно, конечно,— поспешил согласиться Владимир Иванович, раскрыл «дипломат», вынул из него небольшой прибор, положил на письменный стол и начал объяснять: — Этот прибор сконструирован мною для дешифровки различных символов, узнавания языка и синхронного перевода с них, а также с выбранного языка на любой другой, естественно, и на русский. Информацию в него можно вводить как в виде текста или рисунков, так и в виде звуковых или электромагнитных волн...

Сергеев достал из «дипломата» стопку бумаг и передал их собеседнику. Тот просмотрел их сперва небрежно, но затем лицо его выразило крайнюю заинтересованность.

— Так,— произнес наконец Дмитрий Федорович.— Все это необыкновенно интересно. Но почему ночью? Какая в этом необходимость?

— Дело слишком необычное. Все, что вы сейчас узнали,— пустяк по сравнению с тем, что я хочу вам рассказать. Что вы думаете о внеземных цивилизациях?

Заинтересованность Дмитрия Федоровича как рукой сняло.

— Может быть, они и существуют,— пожал он плечами,— но этого еще никто не доказал.

— А если я представлю вам доказательства?

— То есть, попросту говоря, вы хотите официально представить меня инопланетянам? — игривым тоном спросил Дмитрий Федорович.— Не знаю, правда, насколько это будет в данный момент соответствовать правилам хорошего тона. По нашим, земным, представлениям для встречи на таком уровне моя пижама не выдерживает критики.

— Поверьте, я не шучу,— с достоинством сказал Сергеев.— Эти доказательства я получил с помощью моего прибора. Мне случайно удалось перехватить и расшифровать странный сигнал. Вот послушайте.

Сергеев вынул из «дипломата» магнитофон и включил его. Кабинет наполнился тихими шелестящими звуками. На фоне этих звуков прозвучала бесстрастная синтезированная речь:

«Взлет невозможен... резервы озера исчерпываются... энтропия растет... возможен взрыв, который...»

— Ничего не понял,— сказал Дмитрий Федорович, когда умолк искусственный голос.— Какое-то озеро, взрыв. При чем здесь инопланетяне?

— Сейчас объясню,— взволнованно ответил изобретатель.— Я был с женой в гостях у знакомых и взял с собой дешифратор. Наши друзья хотели услышать синхронный перевод одной мексиканской песни, которую исполняли по телевизору. Где-то в середине перевод был прерван вот этим текстом.

— М-да,— с иронией произнес Дмитрий Федорович,— припоминаю нечто подобное. Когда-то за рубежом были публикации о том, что в некой стране любитель сенсаций, кстати профессор, демонстрировал прессе магнитофонную запись каких-то голосов, которую он сделал в абсолютной тишине. Феномен, бесспорно, интересный. О нем, правда, сообщалось в основном на страницах сатирических изданий.

Сергеев молча развернул номер местной газеты.

— Вы и опубликовать уже успели? Ну-ка, ну-ка,— сказал Дмитрий Федорович и сменил очки.— И, конечно, в рубрике «Загадки природы»?

Владимир Иванович снова промолчал, а его скептически настроенный собеседник торопливо пробежал глазами газетную статью, озаглавленную: «Необъяснимый феномен».

«На днях жители нашего города супруги Петровы обратились в редакцию газеты с просьбой рассказать о причинах внезапного обмеления Голубого озера. Другие наши читатели пишут о том, что некоторые любители рыбной ловли, сидевшие с удочками на берегу в течение нескольких часов, совершенно посидели...»

Далее член Географического общества некто Миронов авторитетно излагал возможные объяснения необычных явлений, ссылаясь на примеры похожих событий, происшедших в разное время и на разных континентах.

— И вы считаете, что все это взаимосвязано? — спросил Дмитрий Федорович.

— Уверен.

— Завидую молодым. Всегда во всем уверены.

— А если все правда! — горячо возразил Сергеев.

— Какое же вы приняли решение?

— Может, не самое лучшее,— смутился Сергеев.— Там недалеко увидел поливочную машину с полной цистерной воды. Водитель куда-то ушел, забыв ключ. Водительские права в принципе у меня есть. Я сел за руль, приехал на озеро и вылил в него воду из цистерны.

Дмитрий Федорович изумленно посмотрел на него и засмеялся. Потом вытер слезы и заявил серьезно:

— То, что вы в нелепое положение ставите себя,— дело ваше. Но меня — увольте. А теперь я вынужден с вами проститься, час поздний. Инопланетяне могут не спать, а у меня завтра, то есть уже сегодня, много дел.

Сергеев молча встал и направился к выходу.

— Да, кстати,— окликнул его хозяин квартиры, когда Сергеев

уже открыл дверь.— Почему бы вам не обратиться к властям? Опасности, грозящие городу,— по их части.

...Выйдя из подъезда, Сергеев увидел перед собой человека в милицмейской форме.

— Инспектор ГАИ Глебов. Помните, я принял вас за водителя поливочной машины?..

— Да, да,— растерянно проговорил Сергеев.— Должен принести вам свои извинения. Я действительно ездил на этой машине на озеро. Готов понести наказание. Но прошу на несколько дней оставить меня в покое.

Глебов сделал вид, что не слышал последних слов.

— О чем вы там говорили? — спросил он, показав пальцем вверх.

— Это наше дело...

— О каких опасностях для города шла речь? — невозмутимо спросил Глебов.

Сергеев вздохнул и начал рассказывать.

— Да,— сказал Глебов, выслушав все до конца,— и вы думаете, это серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Да-а,— снова протянул Глебов. Он подумал о том, что обо всем этом никак не доложишь начальству. Начальству нужны доказательства. А что предъявишь, кроме сомнительных утверждений Сергеева?

Но сам он, инспектор ГАИ Глебов, верил. Может, потому, что привык на службе придавать значение каждой мелочи, или потому, что любил почитать фантастику в свободное время?

— Что же делать? — сам себя спросил он.

— Вам приходилось читать про мальчика, который спас целую страну?

— Как это?

— В Голландии вся обитаемая поверхность суши расположена ниже уровня моря. Люди, ясное дело, живут там под защитой дамб. Однажды мальчик заметил щель в дамбе и понял, что грозит ему и его соотечественникам. Людей поблизости не было, а бегать разыскивать их — значит, терять драгоценное время. Он заткнул щель рукой и стоял так долгие часы, пока не подошли другие люди. Видите ли, порой случается, что от твоего личного решения, от твоего единственного поступка зависит будущее твоих соотечественников. Понимаете вы меня?

— Понимаю,— сказал Глебов. И подумал, что доложить обо всем начальству он сможет днем, а сейчас вместе с этим гражданином Сергеевым надо съездить к озеру и оглядеться.

Светало, когда они на пойманном на улице такси подъехали к берегу озера. Воды не было видно, илистый берег уходил в белый плотный туман.

— Смотрите! — воскликнул Сергеев, указывая на что-то темное, проступившее сквозь туман.

Сергеев быстро настроил свой прибор, но, кроме треска разрядов, ничего не услышал.

— Не до бесед им сейчас, — уверенно сказал он. — Так что будем делать? Не на экскурсию же мы приехали.

— Думаешь, рвануть может? — переходя от волнения на «ты», спросил Глебов.

— Я ведь говорил уже, — с досадой откликнулся Сергеев. — Может, и от города ничего не останется. Откуда я знаю. Найдут потом десятки вполне возможных реальных причин: болид упал или еще что.

— А если... если, — на ходу придумывал Глебов, — если нам пустить воду. Не речную, правда, а обычную, водопроводную. Хлорированная вода, конечно, может, им не подойдет.

— На твоей машине возить будем? — возразил Сергеев.

— Зачем? Нет, ты слушай, — закричал Глебов, — слушай, я здесь знаю, поблизости пожарный колодец есть. Вон там у дороги плита чугунная лежит. Поднять ее легко. Подключим пожарный рукав — и в озеро. Там мальчишка воду не пустил и спас, а мы, стало быть...

— А рукав? Его-то где найти?

— Найдем, — уверенно пообещал лейтенант. — У меня в пожарной части приятель служит.

— Как ты ему объяснишь?

— Обойдется без объяснений. Скажу — нужен.

На той же машине такси они привезли рукав, с трудом сдвинули проржавевшую чугунную плиту. Инспектор ГАИ, не боясь испачкаться, сам спустился по мокрым скользким ступенькам и пустил воду.

— Все, — сказал устало лейтенант, опускаясь на плиту.

И вдруг он вскочил, уставился на озеро. В тумане ясно просматривалась какая-то конструкция и что-то красиво переливалось там голубым светом.

Потом по голубому пошли сполохи — оранжевые, фиолетовые, красные. Уши заложило, как бывает в самолете, идущем на посадку. На мгновенье Глебов даже закрыл глаза. И тут плеснуло огнем по туману: то ли и в самом деле инопланетяне взрывались, то ли всходило солнце. Дрогнула земля, что-то ухнуло, загудело, запищало и стихло.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил он у застывшего рядом Сергеева.

— Это был корабль. Корабль иных миров.

— Откуда они прилетели и куда улетели? И в чем весь смысл этой экспедиции на нашу планету?

Сергеев молчал.

— Почему они не захотели ничего сообщить о себе? Что я теперь доложу начальству?..

Внезапно затрещал прибор, лежавший в раскрытом «дипломате».

— Мы сами все исправили,— послышался бесстрастный металлический голос.—Мы благодарим вас. Вы сделали все, что могли. Благодарим... благодарим... благодарим...

Стало совсем тихо. Туман на озере таял прямо на глазах, и никакого сияния уже не было — обычный туман, какие Глебов видел много раз.

* * *

НАТАЛЬЯ ДАРЬЯЛОВА

ВОТ И КОНЧИЛАСЬ ВЕЧНОСТЬ...

Сегодня пошел первый в моей жизни снег.

В этой моей жизни — когда я оторвался от Великого Бытия и капелькой дождя прилетел на Землю, чтобы родиться Человеком.

Я лежу в своей коляске и смотрю на снег. Он опускается неторопливо и плавно и напоминает мне Вечность. Вечность, из которой ушел я в тот неповторимый миг, когда двум людям, двум слабым и беспомощным существам суждено было разомкнуть узкий круг своего бессилия и сотворить чудо: зажечь новую жизнь.

Мы, частицы Великого Бытия, знаем все.

Кроме лица женщины, избранной родить того, кому предназначено отделиться от Великого Бытия и стать Человеком.

...Поезд мерно вшивал свои железные стежки в полотно дороги. Я поворачивался в теплом вязком чреве матери и понял, что уже пора.

Пробиваться к неверному свету новой жизни мне придется своей несуразной бесформенной головой, причиняя страдания той, что так заботливо меня носила. Человек начинает свою жизнь с борьбы.

Нарушая ровный ход поезда, я стучусь все сильнее и сильнее, настойчиво продвигаясь навстречу ненужной мне, в сущности, жизни.

Состав подравнялся к перрону, нервно дернулся и встал. Бессмысленную толкучку вокзальной суеты залила сирена «скорой», тревожная двузвучная симфония человеческой беды.

Я бьюсь сильно, упрямо и вслепую — наверное, так суждено человеку. Женщина, которая меня выносила, ладонью ловит рвущийся стон, оставляет автограф зубов на беспомощной руке мужа.

Мне это известно, но — безразлично, покамест я еще частица Великого Бытия, а Оно — всеильно, вечно и безгранично и потому не знает чувств, ему неведомы беды и огорчения, любовь и сострадание — все сиюминутные эмоции слабых.

Высунув голову, как шенок из конуры, я увидел неоновый свет родильного вагона. Еще усилие — и чьи-то руки вытащили меня наружу.

Щелк! Так быстро и так безвозвратно перерезали ножницы пуповину, словно обрубили канат, и я стал отходить от своего причала, маленький и одинокий кораблик, подхваченный изменчивыми, неверными волнами жизни.

В этот миг я ощутил боль — и научился чувствовать.

Акушерка подложила одну руку мне под голову — бессильная моя шея еще не могла справиться с такой тяжестью, и голова откидывалась, как клубничина на тонкой ножке. Другую руку — под тощий зад. И ловко подняла.

Я увидел уставшие, точно переломанные ноги, все еще привязанные к родильному столу, обмякший живот, капельки пота на груди — и глаза.

Мы сразу узнали друг друга. И ее взгляд вдруг зажег то, чего лишены частицы Великого Бытия, все, обладающие Великим Знанием, те, кто никогда не выходил из чрева матери, — радость. Я обрадовался, разволновался и закричал — пронзительно и неприятно.

Но акушерка улыбнулась и сказала:

— Ого, начальник вырастет, помяни мое слово, такой махонький, а скорый поезд остановил.

Женщина, которая только что стала моей матерью, слабо улыбнулась, и это была даже не улыбка, а ее подобие, намек на улыбку, и прикрыла глаза, чтобы лучше понять, что же это с ней произошло.

А акушерка положила меня, беспомощного и всезнающего, на белый стол и начала туго заворачивать в пеленки, будто я мог сбежать.

И тут, совсем неожиданно, я понял, что и со мной произошло неизбежное: выйдя на свет, я утратил часть Великого Знания. Я начал забывать!

Прошел час моей новой жизни. Меня опять принесли к матери. Она почувствовала, даже не открывая глаз, что я рядом, улыбнулась мне. Еще часть Великого Знания растаяла в этой улыбке, и я научился удивляться: она на меня не в обиде, а ведь я так ее измучил. Но тем я ей и дорожу. Таков человек.

— Говорят, маленькие все страшные. Как глупо! — напрашиваясь на комплимент, устало сказала она акушерке. Старуха скептически улыбнулась. Это откровение она слышала три тысячи раз и не была с ним согласна.

Мать достала из полотняной рубашки грудь, и я с удивительной уверенностью обхватил губами темный сосок, похожий на спелую шелковицу. И в рот мне ударили три острые струйки.

От этой мягкой груди исходили тепло и покой, я пил молоко и знал, что никогда больше мне не будет так хорошо, как сейчас...

А сегодня пошел снег. Мне нравится, как кружится то, что люди ласково называют снежинками. Конечно, я все про них знаю, что это и откуда, но я уже начал забывать.

Забывая, я учусь думать.

Так я лежу часами, вспоминаю, думаю. Отец будто догадывается.

— Смотри,— говорит он маме,— у него взгляд, как у мудрого старичка, который всего-всего в жизни навидался...

— Скажешь тоже,— любовно говорит мама.

Если бы только отец знал, что я знаю несравнимо больше самого мудрого старика.

Сила людей в том, что они не хотят мириться со своей беспомощностью. Им кажется, что они могут отвоевать у Великого Бытия его тайны. Пытаясь приблизиться к разгадке секретов всего сущего, они — для начала — выдумывают богов. Что-то вроде аксиом. Чтобы было от чего оттолкнуться. Преодолеть пропасть незнания в два приема. Но это невозможно!

И если бы мы, частицы Великого Бытия не были так же бесстрастны, как оно само, я бы засмеялся. Их попытки так примитивны! Бедные люди, они даже не смогли отбросить земные образы и создавали богов по своему подобию. Белые придумывают белых богов, черные — черных; подобно людям, человеческие боги бывают требовательны и аскетичны, или разгульны и похотливы, но все они — символ сокровенной мечты: бессмертия. Однако человеческие боги умирают вместе с верой в них.

Теперь и я стал человеком. Меня это событие отнюдь не окрылило. Люди рождаются, обреченные умереть. Жизнь — лишь долгая, полная трудов и горестей, подготовка к смерти, которая приносит освобождение. Жизнь, как и все на Земле — конечна и лишена главной прелести Великого Бытия — безмятежности, бесстрастности. Человек, зная, что умрет, торопится жить, он все время волнуется — как лучше, правильной прожить то, что ему отпущено. Только бессмертному некуда спешить, только вечное бесценно.

А я стал человеком. У меня теперь есть свое тело, слабое и уязвимое, и теперь я сам по себе, потому что человек одинок во все времена.

Мое тело — как несовершенный, разлаженный механизм, оно еще не осознало себя единым целым, оно скрипит, и ноет, и мучает меня.

Ночь, когда тихо, и тишину, как сторож с колотушкой, охраняет тиканье больших старинных часов, купленных отцом моего отца незапамятно давно, я лежу, слушаю тишину, полную всевозможных звуков, я смотрю в черное окно, и мне плохо и тоскливо, потому что я уже ушел оттуда, из бесконечности, и еще толком не пришел сюда, в этот мир, в эту комнату, в эту кровать, к этим людям.

Болят живот.

И я плачу.

Мама сбрасывает тяжелое одеяло, которому отдала свое тепло, и, сразу замерзнув, торопливо ищет ногами тапочки. Так и не отыскав, шлепает босиком к моей кровати, берет меня на руки.

— Ты что делаешь, как маленькая, простудишься,— бормочет отец и тут же засыпает.

А мама качает меня, ласково и терпеливо, как когда-то качали ее, я пригреваюсь, перестает мучить живот, и неожиданно мне становится лучше: незаметно для самого себя, как-то вдруг, я засыпаю, и снова оказываюсь там, далеко, в Вечности.

И так бегут дни, я привыкаю к людям, которые стали моей семьей, которые безоговорочно приняли меня таким, каким я родился, и даже не родился, а каким меня выдала им на руки, будто праздничный заказ по списку, нянечка в роддоме, за что получила свой рубль, пусть тоже порадует насшей радостью, и они, еще и не заглянув под угол одеяла, откуда сиротливо торчало мое сморщенное личико, уже приняли меня, и подумали, какой я прекрасный.

А ведь в магазине, скажем, какую-нибудь самую дурацкую безделку, ну, маску новогоднюю — и ту можно выбрать.

Ребенка — нет, получай что дадут.

И они получили, и вот любят, служат мне, как царю. Неужели только от сознания, что во мне — частица их самих, что я — их генетическое зеркало?

Но ведь если бы я вырос, а им сказали, что вот, мол, ошибка, вышла, не тот сверток вы получили, не того вырастили? Нет, уже все, не перестали бы любить, а по-прежнему растили бы и опекали, пока сил хватит. Чисто людская нелогичность: любить не то, что полагается, а к чему сердце прикипает...

А если бы с самого начала не растили — пусть и своего, кровного, то и не любили бы: самые горячие отцы, уйдя из семей, вдруг словно забывают про своих, в прошлом до безумия любимых детей. Ребенка надо вначале долго носить, потом в муках рожать, потом самоотверженно ставить на ноги, кормить, воспитывать, ночей из-за него не спать — и только тогда награда: любовь. Любовь родителей к ребенку. А уж ребенка к родителям — это как повезет.

Я постепенно привыкаю к своей семье. К маме — она еще совсем молоденькая, добрая, трусиха, плакса; но если вдруг дело доходит до моих интересов — на улице или, скажем, в поликлинике — тут она вдруг львица, не узнать. Привыкаю к отцу. Он высокий, очень большой, и с ним надо осторожнее. И к бабушке. У нее тяжелый седой пучок, натруженные руки, которые, кажется, старше ее самой. К деду. Он еще выше отца, чуть сутулый, с богатыми седыми усами, у него желтые прокуренные пальцы, от которых приятно пахнет табаком.

Вечерами все они собираются вокруг меня, дед любовно тере-

бит пальцем мои щеки и нос, уверенный, что мне это приятно, и вдруг резко поднимает, почти подбрасывает к самой люстре, и мама тихонько ойкает, прикрыв рот рукой, но перечить боится: она невестка, и дед здесь главный, хотя отец временами пытается оспорить это первенство и заявить свои права, и иногда они жестоко ссорятся, отец потом об этом будет очень жалеть.

А я не боюсь летать к люстре.

Дед подмигивает мне и говорит: погоди, вот вырастешь человеком, пойдем с тобой на лыжах в зимний лес; научу тебя плавать, и читать, и песни петь, погоди только...

Сегодня ночью его не станет.

Он уже вышел на финишную прямую, последний отрезок своей жизни.

Но за порванной ленточкой финиша его не ждут рукоплескания зрителей, поздравления родных и друзей — нет, все это останется там, позади, на шумном и суетливом стадионе жизни. А у него впереди совсем иное.

Его не станет сегодня ночью, когда прервется мерное тиканье больших старинных часов в его комнате.

Я это знаю. Я живу теперь в согласье с движением Земли, и дни, которые уносятся вдаль, как деревья на дороге, забирают по частям мое Знание. Но это я еще знаю. Я еще знаю так много, что из этого Знания бывает трудно вычленить что-то одно, определенное, как в огромной, толстой и тяжелой книге трудно отыскать какую-нибудь нужную страницу, фразу или даже слово — вдруг жизненно нужное, потому что, быть может, оно ответит на все вопросы, а его никак не найти, страницы листаются, мелькают, а его все нет, и потом выходит, что оно уже давно пролистано, давно позади.

Или мое Знание можно развернуть как огромную, во всю стену карту, и каждый эпизод жизни на ней — будто маленькая точка, пунктик, а все мысли, причины и следствия — как реки и дороги, и стоит только ткнуть пальцем в этот пунктик, и сразу все вспомнишь, потому что он увеличится, из точки превратится в кружочек, и в этом кружочке начнет происходить, все увеличиваясь и приближаясь, то, что стало содержанием вот этого самого эпизода жизни. И что забавно: с тех пор, как я стал человеком, мое знание вдруг приобрело объем и краски, то есть так было и раньше, но я не обращал на это внимания, и даже интерес для меня самого.

И вот эти часы.

Их купил дед давным-давно, когда еще не был дедом и даже не представлял, что такое возможно, он зашел в магазин, где тикали вразнобой часы, вынул деньги, самостоятельно заработанные — для него это всегда было важно, — деньги тогда еще были большие, как разрисованные простыни, и купил эти часы. И продавец посмотрел на него с уважением, потому что уважал людей

солидных, ведь не станет же человек несолидный покупать такие громоздкие, громко тикающие часы.

И потом дед очень любил эти часы. Даже когда отправлял бабушку в эвакуацию с маленьким сыном Алешей, который потом вызовет из Великого Бытия то, что станет мною, водрузил вдруг на машину часы, а она была до того нагружена, что даже под-села, как собака, получившая ногой по заду, и совсем не было места, и все на него кричали, кроме бабушки. Бабушка в тот день была очень растрепанной, потому что шесть месяцев завивки были на исходе, а уже началась война, и была испуганной и смотрела во все глаза на деда, боялась, что больше не увидит. Может, именно тогда она предчувствовала то, что случится сегодня ночью, знала, что все равно ей суждено потерять мужа, только когда — не знала. Собственно, ему повезло больше: после долгой жизни вместе уйти первым. Это как прыгать с парашютом. Ты уже прыгнул, и самое страшное позади, потому что самое страшное — это решиться и сделать первый шаг в пропасть, и ты уже летишь. А остальные смотрят испуганно тебе вслед, ждут, раскроется твой парашют или нет, и боятся прыгнуть сами, и остаться тоже боятся.

А дед погрузил эти часы и сказал: если что — продавать их в последнюю очередь. Так бабушка и вернулась из эвакуации вместе с этими громоздкими часами, которые почему-то больше всего напоминали ей о муже, и тикали они все время, всю дорогу, несмотря на то, что вертели их и крутили на военных дорогах как придется.

И дед вернулся. Конечно, тогда не дед, а высокий, пропыленный, пропахший потом и опасностью солдат, с седыми уже усами, вернулся в их посеревшую комнату с выбитыми окнами, и первым делом взглянул даже не на бабушку — а они не виделись четыре года — взглянул на часы. А часы стояли себе на прежнем месте, тикали, будто ничего и не случилось. И он взглянул, увидел, что они там, и сразу успокоился, и стал жить, как раньше.

Может, и правда, бабушка, взобравшись с трудом на подсевший грузовик, что-то предвидела, предчувствовала? Люди часто обладают этим даром, только они об этом не подозревают. Просто когда-то вдруг екает сердце, дернется больно, и станет страшно, тяжело и кто-нибудь рядом даже вытряхнет торопливыми пальцами из пробирки таблетку валидола.

Но сердце уже на месте, где ему положено тикать, и человек неловко улыбнется, вроде переполошил всех зазря, в то время как у людей собственных забот по горло — даже у тех, кому делать на первый взгляд совсем нечего, сиди да ушами по щекам похлопывай.

И дальше живешь, как всегда, об этом еканье через час и вовсе забудешь.

А было предостережение, воспоминание о том, что знал давным-давно, но забыл, о том, что должно произойти. И когда.

Или вдруг приходишь домой с мороза, румяный, веселый от каких-то там, может, и совсем микроскопических удач, или просто от поскрипывания первого снега, и останавливаешься на полуслове, потому что чувствуешь: что-то произошло. И тебе говорят глухим голосом, что близкая знакомая, которая все собиралась лететь в санаторий, и вчера наконец отправилась — ее самолет разбился!

И ты в ужасе разводишь руками, и говоришь: «Боже мой, какое несчастье!» Потому что у людей даже на случай горя есть готовые фразы.

И неожиданно начинает казаться, будто ты что-то об этом уже знал, или вчера тебе что-то такое поместилось, промелькнуло в голове, и надо было позвонить знакомой и сказать: нет, не лети ни в коем случае! Но тогда бы это выглядело просто смешным и даже бестактным, и сказали бы, что все летают и никто не разбивается, и ты, конечно, не позвонил, потому что, как всегда, было много дел, и потом, что это за предчувствия такие, хиромантия... И ты, конечно, не позвонил, чтобы не портить человеку настроение перед отдыхом.

А если б позвонил, если б только позвонил!

Как просто: подошел к телефону и набрал номер, будто шифр к сейфу, где хранится человеческая судьба, и позвонил!

И сказал: у меня предчувствие.

А если б она послушалась, то сейчас, наверное, прибежала бы сюда и рыдала вот на том диване от ужаса и счастья, и благодарила сквозь слезы.

Или вдруг послушалась бы и поменяла билет, и поехала поездом, и покачивалась бы сейчас в вагоне, любезничала с галантным попутчиком, даже не зная, что ее самолет разбился.

И ты прокручиваешь все это у себя в голове, и тут начинает казаться, что это все только сейчас показалось, а вчера ничего не было, и ты это прямо сейчас нечаянно придумал в безнадежном стремлении хлопнуть в ладоши и сказать: нет-нет, не получилось, играем все сначала. Придумал, потому что когда близкий в беде, всегда первым делом ищешь, как бы помочь, и эта инерция срывается, даже если помочь уже нельзя.

И может быть, дед смотрел на эти верные часы с каким-то неясным предвидением и спокойно жил. Или они ему просто нравились.

А сегодня ночью он умрет, то есть просто уйдет из этой жизни, и хотя покажется, что произошло непоправимое и все должно кончиться, на самом деле ничего не кончится и не остановится, а будет течь и бежать дальше, и постепенно даже оглушенные горем родные поневоле втянутся в это и будут как-то жить, не избегая и очередных радостей.

И все идет своим чередом, люди продолжают играть в привычную чехарду поколений: вначале младшее опирается на старшее и подпрыгивает. Потом, уже в финале броска, оно неизбежно

отталкивает старшее безнадежно назад и начинает парить в воздухе. Приближаясь к тому положению, которое занимало прежде старшее, теперь уже почти забытое.

И готовится к прыжку новое младшее, и новое старшее уже сгибает спину, упирается в землю и вообще устраивается так, чтобы от него удобнее было оттолкнуться.

И жизнь здесь продолжается, хотя для кого-то она уже кончилась.

Но еще вечер.

Вечером вся семья собирается на маленькой теплой кухне. Там тесно, и логичнее было бы перенести чаепитие в комнату, но кухонька тем прекрасна, что в ней можно до всего достать рукой, вообще не вставая со стула.

В такие минуты и мне становится хорошо, разлаженные детали моего механизма как-то притираются, приспособливаются друг к другу, я на руках у мамы, и дед в хорошем настроении, шутит. Говорит он немного неразборчиво, будто пропускает слова сквозь густые вислые усы, но к нему всегда прислушиваются, и потому всем понятно.

— Ты, дочка, не грусти. Вот читал я недавно, что в Древнем Риме после рождения четвертого ребенка рабыня становилась свободной.— И он подмигивает маме и сыну.— Так что давайте, старайтесь.

Мама застенчиво улыбается. Хотя она живет тут второй год, ей в присутствии старших немного не по себе, словно она здесь вроде постоянной гостьи. Дед чувствует это и пытается ее как-то ободрить, что не укрывается от внимания бабушки. Бабушка хорошо относится к своей невестке. Но никто не виноват в том, что до сих пор она была единственной главной женщиной в жизни обоих своих мужчин, и даже давнишняя претензия сына на самостоятельность, собственно, не ущемляла ее особых прав.

Конечно, и мамина робость, и дедово стремление утеплить для нее новый дом, и бабушкина неосознанная ревность — лишь фон; серый холст, на котором вышивается разноцветный гобелен каждодневных, ежеминутных событий.

Все пьют чай. Дед отодвинул пока свою чашку и сворачивает самокрутку. Это осталось у него с войны, и он бережно хранит привычку, поднявшуюся до традиции. Он делает это ловко, но очень медленно, будто наслаждаясь самим процессом. Разглаживает ногтем шуршащую бумагу, бережно собирает высыпавшиеся на стол крошки табака, старательно разравнивает его на бумаге.

И если б знать, что ему осталось всего несколько часов, показалось бы просто нелепым: так долго и тщательно заниматься какой-то самокруткой.

А может быть, только это и правильно! Смакуя, делать самокрутку, заворачивать вместе с табаком, поворот за поворотом, всю жизнь — от начала, от своего детства, до моего, потому что я

загорелся, как красный огонек на конце сигарки, уже на исходе его дней.

Вот так спокойно, с достоинством и удовольствием, скрутить эту сигаретку, взять ее двумя желтыми от табака пальцами — большим и указательным, сладко, неторопливо затянуться, наполнить маленькую кухню запахом хорошего табака, разговаривая со всеми весело и добро — и на этой последней ноте, последний раз душисто затянуться жизнью — и уйти.

Дед берет меня на руки и щекочет пышными усами.

Может, сказать? Давит крамольная мысль. Но нет, запрет велик и страшен, нарушить его невозможно, ни одна частица Великого Бытия не вольна раскрывать свое Знание, никто не смеет дерзнуть, это недопустимо — ибо никому из людей не дано знать следующий миг свой!

Широкие ладони деда держат меня крепко и уверенно, от желтых прокуренных пальцев идет запах табака. Я смотрю ему прямо в глаза, я смотрю, смотрю, смотрю, пытаюсь хоть как-то предостеречь его и в то же время не нарушить Великий запрет. Но так не бывает, и дед смеется весело:

— Ишь, прямо в глаза глядит, как взрослый!

Потом он кладет меня в кроватку и уходит спать. Люди часто уходят из жизни не прощаясь.

...Косой дождь бросал в окна пригоршни ночных звуков. Последний раз прошлепали по квартире чьи-то тапочки, кто-то включил и выключил свет в ванной, хлопнул дверцей холодильника, щелкнул замком, запирая дверь, потом наступила та условная ночная тишина, которая полна неожиданных шорохов и скрипов, обрывков слов и шелеста шин, доносящихся с улицы, вечерней радиомузыки у соседей вверх — таких простых, будничных, жизненных звуков, к которым привыкаешь и кажется, что это ночная тишина, под которую можно спать.

Только тикали часы. Так четко и громко, что их даже было слышно из-за закрытой двери в бабушкину комнату.

Я знаю: уже скоро. Тик-так-тик-так-тик-так-тик-так-тик... Все! Тишина.

Внезапная тишина способна разбудить быстрее, чем сирена. Сквозь сон бабушка услышала эту тишину. Исчезло вдруг дыхание, под которое она засыпала уже тридцать лет.

Тяжелая тишина навалила на уши, и все узнали, что случилось непоправимое. А я заплакал: я понял, что дед уже никогда не возьмет меня на руки. Никогда больше я не почувствую аромата табака, который исходил от его прокуренных пальцев. Никогда он не пообещает мне пойти в зимний лес на лыжах. Никогда.

Это тоже вечность. Вечность с отрицательным знаком, которая начинается с конца.

Мы с дедом разминулись в этой жизни. Я пришел, он ушел. И это уже не простой эпизод в бесконечном существовании Великого Бытия. Это горе, мое горе.

Бесценна не бесконечность. Она холодна, бесстрашна, она почти мертва. Бесценно то теплое и живое, что любит и может быть любимо.

Потеряв деда, я потерял бесценное.

Потеряв бесценное, я научился любить.

Научившись любить, я стал Человеком.

Я кричал горько и беспомощно. Почему, почему не нарушил я Великий Запрет, почему не рассказал ничего родителям? Кто знает, быть может, они отвезли бы деда в больницу, около него дежурили бы врачи, кто знает, может, его бы спасли. Да, нарушив Запрет, я изменил бы судьбы мира, но это было бы доброе дело, и оно породило бы новое добро...

Пронзительно зазвонили в дверь, и отец бросился открывать. Звонила молодая докторша «Скорой помощи». У нее были встревоженные серые глаза с черными крапинками, и казалось, что это не крапинки, а капли дождя, теплого и весеннего. Глаза говорили, что она, постоянный свидетель чужого горя, к нему, к горю, не привыкла, и не привыкнет никогда, ведь если врач привыкает, то это уже не врач. Она внимательно, тонкими пальцами, слушала пульс, массировала сердце, быстрыми ловкими уколами вводила лекарство. Но в серые глаза ее с черными крапинками вливалась безнадежность. И непонятно было, для кого она трудится: для бездыханного уже человека или для его родных — показать, что сделано все, что можно.

Я подвывал на руках у мамы, и руки у нее дрожали — как бы она меня не выронила — и она тоже боялась меня выронить, но руки все равно дрожали, и она сильнее прижимала меня к груди, из которой капало на пол молоко, собираясь в сиротливую лужицу.

В доме тоска и слезы. Что же со мной будет? Это я забыл. Я понимаю: это за слабость, наказание за мою слабость. За то, что хотел предупредить.

Я пытаюсь вспомнить, как вспоминают сон. Он вот он, был только что, яркий, реальный, но вдруг, когда пытаешься в него взглянуться, то получается, как с картиной, писанной маслом: подходишь, чтобы получше рассмотреть, а изображение исчезает, превращается в аляповатое нагромождение застывших мазков, разноцветных бугорков и впадин, смысл распадается на краски.

И вот сон. Вспоминаешь, думаешь, сейчас, вот сейчас ухвачу и даже расскажу, а он вдруг рассыпается, расползается истлевшей тканью, и ничего не остается на самом деле.

И так мое знание. Я понимаю, что забыл уже очень много. Я бесполезно блуждаю в дебрях причин и следствий, но они торчат в разные стороны и никак не стыкуются в моем сознании. Спасибо за одно: хотя я забыл, что ждет меня в этом сложном мире, но я еще помню, что будет с ним, с этим сложным миром.

И я решил: я презрею Великий Запрет и разомкну уста свои, чтобы поведать им Все! Я расскажу, что будет с их — и теперь уже моей — Землей, что надо делать и чего бояться, я спасу их всех, потому что понял: Великое Бытие не в абсолютном знании и даже не в вечности. Великое Бытие — это истинная жизнь, в чувствах, в стремлениях, во вдохновении и озарениях, в любви.

Я расскажу все родителям, и они донесут мое Знание до всех людей... Но, может быть, еще рано? Может быть, не выдержат они на своих хрупких плечах тяжкий груз Великого Знания? Но нет, я не могу видеть, как они мучаются, идут вслепую, ощупью находят неверный брод в бурном океане страстей и поступков, падают, делают больно себе и другим, радуются, не зная, что горе уже у порога. Я готов на любую кару, и я расскажу все.

Я расскажу о том, что ждет отца и маму, и бабушку, плачущую от одиночества, хотя она среди любящих. Она плачет, потому что потеряла главное — человека, с образом которого слилась вся ее жизнь. Ее покинул спутник всех ее дорог, тот, кто знал и помнил ее молодой, когда не пожухли еще щеки, и горели глаза, и тело не превратилось в дряблую болезненную плоть. Глядя на нее, взятую в плен старостью, через тюремную решетку морщин, он видел ее такой, какой была она в тот самый первый их день.

И вот он ушел. Когда уходят родители, они уносят навсегда детство и ту драгоценную беспечность, которой дети никогда не ценят, и только потом, став взрослыми, горько о ней жалеют.

А когда уходит муж, он уносит последнюю частицу тебя, молодой, которая еще теплилась в его помнящем взгляде.

И остается только старая женщина. У нее еще будет, конечно, сколько-то праздников, но рана ее, как у гемофилика, не затянется никогда и будет наполнять душу воспоминаниями без надежд, горькими образами прошлого, за которые она все равно будет цепляться, как тонущий губами, зубами хватает воздух, плотный и насыщенный, такой необходимый, что без него просто утонешь, и все тут. И так постепенно вся жизнь ее перетечет в эти воспоминания, где она будет судить себя за все ошибки, и говорить все недосказанное, и все станет с ног на голову, потому что жить по-настоящему она будет только в этих воспоминаниях, единственно для нее реальных. Только без запаха, потому что запах запомнить невозможно. Его легко вспомнить, этот знакомый, волнующий запах, если снова встретишь — тогда отличишь его от тысяч других, даже очень похожих.

И в ее душе будет жить воспоминание об этом запахе, таком родном, близком, волнующем, до тех пор, пока она случайно не наткнется где-то в шкафу на какую-нибудь мелочь, которую почему-то не отдали бедным родственникам, ну, скажем, майку. И тогда этот запах вдруг возродится, вдруг ударит с невиданной силой, и захочется схватить, обнять, прижать, прижаться, но вещь окажется предательски пустой, как рукав безрукого, и тогда она уже

не сможет, не сможет сдержаться, и зарыдает в голос, давясь тоской и слезами, уткнется в какой-нибудь угол и будет плакать долго, пока не спохватится, что вот-вот придут дети, которым это нельзя показывать. Утрет слезы фартуком, спрячет драгоценную майку под подушку, до своей одинокой ночи, и пойдет существовать дальше, потому что все уже перевернулось, и живет она только в воспоминаниях.

Потому что она любила. Люди, как и вещи, проходят через нашу жизнь все с большей и большей скоростью. Но кто-то остается, и потом сама жизнь ассоциируется с близостью этого человека. И вдруг он уходит, а кусочек жизни еще остался, как остается ненужный уже лоскут после раскройки ткани. И выбросить жалко, и ни к чему он. И лоскут оставляют, заталкивают куда-то в дальний ящик, и он там лежит.

Конечно, всего этого я бабушке не скажу: она это горькое и без меня знает. Но родителям скажу все. Что будет завтра, послезавтра, потом; куда идти и что делать.

Вот только утра дождусь. А впрочем, зачем ждать? С такими вещами надо торопиться. Все равно им уже никогда не выспаться. Они будут ответственны за судьбы мира, то есть станут Великими людьми, а Великие люди, кажется, никогда толком не спят.

Я набираю побольше воздуха и кричу изо всех сил. Мама вскакивает с кровати. Она босая, в длинной ночной рубашке, такая теплая, домашняя, толстая коса чуть растрепалась, она идет к моей кровати. Почему-то кажется, что идет она очень медленно, хотя и шага-то всего три, не больше. Вот она идет, идет, идет... Медленно, целую вечность. Просыпается отец, дергает за шнурок ночника, который висит над его головой в вечном ожидании, резкий свет ударяет в глаза. Отец перекидывает босые ноги через кровать, как через спортивного коня, и тоже идет ко мне.

Я открываю рот и тут чувствую, как во мне что-то тает, тает, тает, уносится весенним облачком далеко-далеко...

Вот и кончилась Вечность. Они добежали до моей кровати, склонились надо мной встревоженные милые лица.

А из моего горла вылетают только хриплые злые крики, тело напрягается, руки дрожат, лицо становится красным, я это вижу как бы со стороны, и с ужасом вспоминаю, что я все-все совсем забыл, и кричу, надрывно и бесполезно, маленькое беспомощное существо, защищенное от невзгод только любовью двух склонившихся над кроватью людей. И тут я вижу, как они испуганы, и мне их становится жаль, я умолкаю и улыбаюсь им своей беззубой старушечьей улыбкой.

И они улыбаются в ответ, первый раз со дня смерти деда, они радуются тому, что я совершил важный шаг в своем развитии — научился улыбаться.

А я научился их любить.

ПЯТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Научно-фантастическая повесть

В его мозгу возник слабенький, зашифрованный отголосок чего-то непонятного. Затем одна за другой возникли окутанные дымкой картины — ирреальные, фрагментарные, не поддающиеся анализу. Такой себе калейдоскоп фантастических зрелищ, между которыми отсутствовала видимая внутренняя связь. Хаотическое нагромождение закодированных образов.

Сознание барахталось на грани, разделяющей внутренний и внешний мир, он никак не мог понять, что это: действительность или иллюзия? Его «я» еще не сформировалось.

Его «я» медленно, словно от пеленок, освобождалось от хаоса странных догадок, он все больше осознавал себя в этой окружающей среде, продолжая тем не менее чувствовать себя по отношению к ней враждебно. Простое осознание того, что он жив, сменилось пониманием личного присутствия в мире, чувством причастности к чему-то значительному и важному.

Или чем?

Это ему было неизвестно. Он даже не помнил собственного имени.

Забыл или не знал?

Забыл...

Имя его — мир.

Весь мир. Вселенная. Материя, в складках которой застыли кристаллики льда и тьмы. Холодные кристаллики с острыми кончиками. Блестящие и прозрачные. Протянув руку, он ощутил их холодное покалывание...

А еще были потемки.

Просто потемки. Липкие, мучительные.

Он долго-долго в них плыл. Или только сейчас попал в них?

Что-то ему подсказывало, что все то, что ощущает и видит, — чья-то искаженная копия.

Чего?..

Новая волна смутных догадок, пульсируя, пританцовывая, окутала его. Искрометный цветной калейдоскоп немного покружился и... исчез. Так же неожиданно, как и явился.

Опять темно. Пусто. Может, этих причудливых видений и не было?

Он лежал ничком. Не шевелился. На сверкающей, идеально ровной поверхности.

Тук-тук-тук... Испуганно стучало сердце. Какая-то непонятная сила заставила его перевернуться. Открыв глаза, он увидел над

собой зеленое небо с двумя яркими пятнами — желтым и красным. Солнце?..

Вскочив, он бросился бежать. Куда? Куда глаза глядят... Лишь бы убежать! От кого?..

Или от чего?

Он не знал.

Ему было страшно. Боязливо...

Видение исчезло.

Совсем? И было ли оно в действительности?

Волны плавно накатывались на берег. Море... А возможно, что и океан. Кто знает. Вдали, на водной глади, играли белые бурунчики. Небо казалось зеленым, от солнца шли желто-красные блики. Горы. Рукой подать. Слабо дул теплый ветерок. На сером песке серые камни. Круглые, отполированные. Им снова овладела неясная тревога. Он должен был куда-то попасть. Должен или обязан?..

Должен. Победить смерть. Одолеть ее. Подсознательно понимал, что следует спастись. Однако оставалось загадкой: от кого или от чего?

Он побрел берегом моря.

Или океана?

На берегу росли какие-то странные растения. Таких он раньше не видел. А может, просто забыл?

Он снова побежал. Теперь вверх. Тук-тук-тук... Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Наконец-то он на вершине. Скала отвесная, высокая. Стоял, судорожно хватая ртом холодный воздух, понемногу успокаиваясь.

Далеко внизу лежал город.

Из груди у него вырвался крик. Тревожно-радостный.

Что он воскликнул?

Какие-то слова...

Чужие, незнакомые слова. На языке, которого он не знал и на котором никогда не говорил. Или ему всего лишь показалось?

Побежал назад, опять что-то выкрикивая.

Ноги несли его все быстрее и быстрее, он споткнулся и покатился кубарем.

Удар. Страшная боль. Темень.

Темно так, как во Вселенной, когда не светят звезды.

А есть ли Вселенная без звезд?

Кажется, это был последний вопрос, заданный им самому себе.

Впрочем, нет. Вдруг подумалось, что тьма сейчас исчезнет. Это подсказала интуиция.

Видение исчезло.

А было ли оно вообще?

Проснувшись, Лусон долго не решался открывать глаза, а продолжал тихо лежать, напряженно вслушиваясь в тишину, которая казалась ему подозрительной. Никакие звуки, даже малейшие, сюда не доносились. Наконец это надоело, сперва он открыл левый, а затем и правый глаз.

Он увидел, что его большое, но пока что слабо послушное тело лежит на какой-то кровати. Внимание Лусона привлекла светло-зеленая спинка, напоминавшая панель с множеством кнопок. Однако, если бы решил нажать на любой из этих круглых, треугольных или квадратных включателей, то для этого пришлось бы совершить по белоснежной постели целое путешествие — она была длинней его самого раз в пять.

Лусон перевел взгляд чуть левей, откуда, как ему казалось, едва ощутимо струился воздух. Он не ошибся — кто-то настезь открыл окно. На ярком зеленом небосводе пылали два солнца — красное и желтое, освещавшее цветущее голубым и белым цветом дерево. А еще дальше стояло небольшое, с острым шпилем строение, выкрашенное в розовый цвет.

Минуту или две Лусон разглядывал эту идиллическую картину, но, не обнаружив ничего, что хотя бы в какой-то мере объясняло, где он находится, снова принялся изучать незнакомую обитель.

На противоположной от окна стене висело зеркало. Его он запомнил. Еще со вчерашнего дня, когда пришел в сознание или вернулся к жизни. Тогда тоже в блестящем зеркале отражалась часть кровати, а точнее спинка-панель, назначение которой осталось для него загадкой.

Справа от зеркала висела картина. Небольшой, умело исполненный пейзаж: море, песчаная коса, горы. Лусону вдруг показалось, будто все это он уже когда-то видел. Попытался вспомнить, где именно, но мозг тут же пронзила острая боль. Лусон, тихо застав, сомкнул веки.

Боль понемногу утихла, но Лусон продолжал лежать с закрытыми глазами.

Интересно, который сейчас час? Утро или полдень?

Он прекрасно помнил свое вчерашнее пробуждение. В этой же странной комнате, на этой же кровати. Однако вчера сознание к нему вернулось лишь на короткое время. И все же он успел узнать, что его имя — Лусон. По крайней мере, так его называл мужчина с черными усами.

Да. Усатый мужчина. Он был в голубом халате, светлых брюках и белых мягких тапочках. Кто он?.. Вспомнил: незнакомец представился врачом. Доктором Гаскаром. Но больше ничего в памяти не сохранилось, хотя обрывки смутных воспоминаний продолжали ерзать в дальних закоулках его мозгового вещества. Были мгновенья, когда Лусон верил, что вот сейчас он возьмет

и вспомнит что-то очень важное, но мозг снова начинал отказывать, вибрировать.

Ощувив острую боль, Лусон пришел к выводу, что следует вести себя благоразумней. Его усилия что-либо вспомнить вызывали неприятные ощущения.

В тишине, которая сразу после пробуждения вызывала сильное подозрение, послышались чьи-то легкие шаги. Лусон осторожно начал поглядывать в ту сторону. Стена, где висели зеркало и картина, неожиданно тихо разделась надвое и разошлась, открыв то ли сумрачный коридор, то ли нишу. В образовавшемся проеме появилась высокая, чуть сутуловатая фигура в белом халате. Замешкавшись в проходе, мужчина как-то нерешительно направился к кровати.

Стена тем временем автоматически сомкнулась, картина и зеркало стали на свое привычное место. Лусон, продолжая прикидываться спящим, внимательно наблюдал за пришедшим.

Где он его видел? Волосы темные, лицо продолговатое, смуглое и моложавое. Глубоко запавшие глаза излучали такой холод, что от него у Лусона стыл мозг. Погоди, да это же доктор Гаскар! Он вспомнил его. Гаскар приходил и вчера...

— Как вы себя чувствуете, Лусон?

Голос был ему действительно знакомый.

— Как ваше самочувствие? — повторил Гаскар.

Лусон медленно открыл глаза. Взгляды их встретились. Оба смотрели так внимательно, словно испытывали друг друга. Первым отвел глаза Лусон. В мозгу снова кольнуло, будто в него впились тысячи ледяных иголок. Он даже зажмурился. А когда приподнял веки, то увидел склонившегося над собой Гаскара. На лице у того появилось беспокойство.

— Вам плохо? — спросил врач.

— Временами. Когда напрягаю память, мозг мой как бы сопротивляется, протестует.

— Это пройдет. Вы меня помните?

— Да. Вчера вы тоже приходили ко мне. Разговаривали. Называли мое имя.

— Что вам еще запомнилось?

— Ничего. Кроме того, что я вчера потерял сознание и что меня зовут Лусоном, — больше ничего. Кстати, где я?

— На Ресте... Район Флор. Четвертый участок. Институт реабилитации.

— На Ресте... — машинально повторил Лусон.

— Вам ничего не говорит это название?

— Название чего?

— Планеты.

— Планеты?

— Вы удивлены?

— Удивлен?.. Как вам сказать... Просто как-то странно... Но как я оказался здесь, в этой комнате?

— Десять дней назад на вас в горах наткнулись альпинисты. Ближе к пятому сектору четвертого участка района Флор. Потом на модуле доставили сюда.

— При мне что-нибудь было?

— А что именно?

— Мой личный код. Удостоверение личности.

— Код? Удостоверение личности? — заинтригованно спросил Гаскар. Но, быстро овладев собой, сделал вид, что догадался, о чем идет речь. — Ах, код! Нет, при вас ничего не обнаружили. Абсолютно ничего.

— Тогда откуда вы узнали мое имя?

— Лусоном называется подножие горы, близ которой вас нашли. Вам не нравится, что мы решили так к вам обращаться?

Лусон не ответил. В конце концов, сути дела это не меняет, так что пусть будет Лусон. Может, даже и лучше: название местности послужит как отправная точка в будущем. Когда он начнет поиск своего потерянного «я».

— Наша беседа вас не утомила? — Гаскар продолжал стоять возле кровати. — Голова по-прежнему болит?

— Похоже, что беседа пошла на пользу, — вынужденно улыбнулся Лусон.

— В таком случае я позволю еще некоторое время занять ваше внимание. Вы не возражаете?

— Пожалуйста.

Вынув из кармана халата маленький плоский коробок, Гаскар сначала нажал на красную, а потом на белую кнопку, после чего в центре комнаты образовалось отверстие и в нем начала появляться причудливая конструкция. Она быстро приближалась к врачу, на ходу превращаясь в удобное кресло. Сев в него, Гаскар повел разговор дальше.

— Из той информации, — сказал он, — которой мы сегодня располагаем, вы, судя по всему, перенесли какой-то шок. Скорей всего как результат травмы. Падая со скалы, вы сильно ударились головой. Кстати, не вызывают ли у вас каких-либо ассоциаций понятия «горная местность», «падение»?

Лусон вспомнил те обрывки картин, которые снились ему перед пробуждением. А может, ничего этого не было? Он решил посмотреть, что будет дальше, и отрицательно покачал головой.

— Ну что, надеюсь, вскоре болезненное состояние неопределенности закончится. И все станет на свои места. Через день-два сможете встать. Вас возьмет под свое попечительство мой младший коллега — психолог Ола. Она поможет вам все вспомнить и адаптироваться на Ресте. А пока что на сегодня хватит. Все, что вам понадобится, вы сможете получить, нажав на голубую кнопку. Она вмонтирована в столик, который стоит в вашем изголовье. Можете убедиться.

Лусон нажал на длинненький рычажок, и на стене, рядом с зеркалом, появилось изображение красивой девушки, в белом блестя-

щем костюме, плотно облегавшем стройную фигуру. Еще Лусон успел заметить, что светлые волосы коротко стрижены, ресницы длинные, глаза голубые, а нос прямой, тонкий. Перед ним была настоящая красавица.

Незнакомка, забросив ногу на ногу, сидела в кресле, очень похожем на то, в котором разместился Гаскар. Тот, похоже, с некоторой иронией наблюдал за Лусоном. Лусон бросил на врача вопросительный взгляд.

— Это и есть Ола. Она будет вашей опекуной,— объяснил Гаскар.

Девушка, усмехаясь, помахала Лусону рукой.

— Сегодня у меня остались кой-какие важные дела,— сказала она.— А завтра начнем заниматься. Кстати, Гаскар, мне бы хотелось проконсультироваться у вас по одному вопросу. Вы не возражаете?

— С удовольствием! К тому же мы все, пожалуй, обсудили. Верно, Лусон?

В ответ пациент зажмурил глаза, давая понять, что он устал.

— В таком случае до завтра.

— До завтра! — повторила Ола. Он снова раскрыл глаза, чтобы получше разглядеть девушку, но экран уже погас. Кресло, где только что сидел Гаскар, тоже исчезло. Стена-дверь бесшумно раскрылась, пропуская врача в длинный коридор, но теперь он был освещен зеленым светом.

Лусон остался один, среди загадочной тишины. Он слишком устал, чтобы проанализировать все, что произошло в последний час. Лусон насторожился. Мозг его напрягся, все естество сковали неуверенность и тревога. Казалось, будто кто-то преследовал его. Ощупью, но упрямо, настойчиво. И вот-вот настигнет. Кто это? Что это?..

XXI 395:004 универсального галактического времени. Лаборатория «Дельта» Центра исследований будущего Международной социологической ассоциации.

« —...Более всего меня поражает, где все это помещается...

— Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, до черт знает каких пределов!»

Этот отрывок из «Мастера и Маргариты» Ярослав Гай неожиданно вспомнил, оказавшись на пороге адаптационного зала сектора отдыха. Помещение, открывшееся ему, было освещено мягким зеленым светом, а своей формой оно напоминало прозрачный барабан, в котором размещалось множество экзотических растений, фонтанчиков, маленьких водоемчиков и ручейков. Специально подобранная квадрофоническая музыка тоже благотворно дейст-

вовала на нервную систему возвратившихся с Путешествия пентонавтов.

«Да, милая Виктория,— мысленно обратился он к ассистентке Кристофера Эриксона,— тот, кто знаком с пятым измерением, тот действительно в состоянии раздвинуть границы окружающего мира до невероятности».

Во всяком случае он, пентонавт Ярослав Иванович Гай, похоже, так расширил свои психофизиологические возможности, что его память оказалась почти целиком заблокированной и появились признаки настоящей амнезии*.

«Это первый день из оставшейся части твоей жизни»,— пессимистическая волна пронеслась и растворилась в закоулках его возбужденного мозга.

Тяжело ступая, он направился туда, где стояло регенеративное кресло, предназначенное для восстановления и стабилизации психофизиологических функций после Путешествий и тренировочных выходов на Дельта-уровень. Погрузившись в кресло, Гай ощутил, как оно мгновенно реагирует на малейшее изменение положения тела. Он принялся наблюдать за стаей цветных рыбок, весело игравших в искусственном водоеме. Сидел и слушал музыку, стараясь ни о чем не думать, успокоиться...

Успокоиться?... Не удастся, пока не разберется во всем, что с ним случилось. Но как мучительно ковыряться в собственном мозгу, в этом пятом измерении, который еще совсем недавно находился ТАМ, в зоне «ИКС». Однако нужно... Он должен доискаться, в чем причина неудачи. В нынешнем его положении главное — вспомнить все, что было. Самые разрозненные факты, если их собрать воедино, могут сложиться в определенную картину. И для него это не просто, очень не просто, особенно теперь, в данной ситуации. Почти невозможно. Однако он все должен вспомнить. *ВСЕ!*..

Он, пентонавт первого класса, вконец уставший от Перемещения, с почти заблокированной памятью, желает выяснить то, что до сих пор не смог сделать сам Кристофер Эриксон.

Один из пяти добровольцев, один из пяти Одаренных, наделенных способностью предвидеть будущее, он пытался разобраться, в чем же причина неудачи.

Три года он провел в Центре исследований будущего Международной социологической ассоциации, в лаборатории «Дельта». Не имея связи с внешним миром. Все было подчинено единственной цели — получить подтверждение верности теории Кристофера Эриксона: возможность проникнуть в зону «ИКС» с помощью психофизиологического Дельта-перемещения или просто — Дельта-перемещения.

Когда приступили к опытам, их, добровольцев-пентонавтов, прозвали самоубийцами. (Чудаки! Разве человечество, приняв-

---

* Амнезия — ослабление или потеря памяти.

шееся осваивать окружающий мир, не знало потерь? Были в истории аргонавты и аэронавты, акванавты и астронавты, космонавты... И вот теперь — пентонавты, особая категория путешествующих в далекие миры...)

Ну а что же он, Ярослав Гай, тридцатилетний Одаренный, наиболее перспективный в команде «Дельта»? Он-то что? На его голубой куртке светится красное прямоугольное плаке пентонавта первого класса (какой, черт возьми, первый класс, если его вот-вот спишут). На плаке указаны особенности его дарования, личный код и Дельта-частота. Сейчас на эмблеме светится белая полоска, что означает: пентонавт находится в постэкспериментальном режиме. Он слышал, что сформированы три новых команды: «Омега», «Пси» и «Тета». Несмотря на риск (элементы Путешествия через Дельта-канал еще до конца не отработаны), добровольцев хватает. Но разве от понимания того, что пентонавты сознательно жертвуют собой во имя высоких идеалов науки, становится легче? Да и количество жертв, наверное, сильно уменьшилось бы, припомни он подробности своего Перемещения.

...Даже Сергей принес кое-что Оттуда, из Зоны «ИКС». Его психофизиологическое тождество Дельта все-таки побывало ТАМ — приборы и компьютеры зафиксировали происшедшие изменения в полосах поглощения спектра его Дельта-тождества. Он доставил ряд данных, некоторые косвенные подтверждения того, что гипотеза профессора Эриксона правильная. Он же, Ярослав Гай, тот, на кого возлагались большие надежды, вернулся ни с чем. Ни с чем! Но ведь он там побывал! Приборы врать не могли... Его пришлось спасать. Эрика Крюгер и Алексей Тарасенко со своей миссией справились блестяще. Однако их психофизиологические тождества были сориентированы лишь на спасательные функции, в связи с чем они не смогли представить никакой информации о своих зонах: «ИКС-02» и «ИКС-03», пересекавшиеся в какой-то точке с Зоной «ИКС-01», где находилось Дельта-тождество Ярослава Гая. После такой нагрузки им придется недели две-три, а то и целый месяц адаптироваться к земным условиям.

И вот он, который мог бы помочь тем, кто отправится следом, не способен ничего сделать. По крайней мере сейчас, когда это так необходимо. Его старый друг Ахмет Гафаров, врач-нейропсихолог, отвечающий за регенерацию пентонавтов, успокаивает: «Положи ковер нетерпения в сундук ожидания. Не спеши. И тогда амнезия, что овладела тобой после Дельта-перемещения, пройдет». Пройдет... Но когда? И возможно ли это вообще? Через месяц снова наступит оптимальный режим для прохождения Дельта-канала. Он длится всего лишь два месяца, а потом жди его в следующем году. А программу «Дельта» нужно выполнять. И другие тоже.

Лаборатория «Дельта» — это передний край науки. Именно в ней возникли Дельта-перемещение, Дельта-фактор, Дельта-район, Дельта-тождество, Дельта-принцип и Дельта-метод.

...Депрессия не отпускала Гая. Словно очнувшись, психика

пентонавта защищалась от агрессии со стороны непонятных мислей-воспоминаний.

Почему не появляется Ола?.. Когда он начинает спрашивать о ней у сотрудников Лаборатории, на его вопросы все отвечают как-то уклончиво, мол, она срочно выехала в Женеву, в Центр нейropsychологических исследований. Уехала?.. Не попрощавшись, не дождавшись его возвращения? Возвращения... откуда?

Странная волна охватила душу Ярослава. Был момент, когда ему показалось, что он вот-вот вспомнит. Вспомнит ВСЕ. Но волна исчезла так же неожиданно, как и нахлынула.

Зал наполняла квадрофоническая музыка. Мягкая мелодия убаюкивала. Веки у Ярослава невольно сомкнулись, и он погрузился в дремоту.

Проснувшись, Лусон ощутил в теле бодрость и свежесть, что в первую минуту хотел было вскочить с кровати. Но вспомнив, что спал, сначала искал глазами, что бы набросить на себя. К его удивлению, на кресле, выкатившемся теперь из-под кровати, лежал комплект одежды.

Лусон с интересом рассматривал себя в этом необычном костюме. Он был похож на костюм Олы: белая куртка с множеством карманов, узкие брюки, тоже с семью карманами, куда были вложены разные пакетики и коробочки, которые не мешали ходьбе. Все из мягкого, приятного, блестящего материала. Больше всего Лусону понравились ботинки. Высокие, темно-синие, с множеством застёжек; подошва мягкая, так что на ногах их почти не ощущаешь.

Лусон глянул в окно. То же, что и вчера. Ни души. Присмотрелся к своему отражению — лицо худое, заросшее. Казалось, это был кто-то чужой, а не он сам. Не мешало бы побриться, подумал Лусон.

Все необходимое для туалета он нашел в ванной комнате. Когда Лусон побрился, в зеркале он увидел молодого, волевого, но уставшего мужчину. Но тот действительно был чужим! На Лусона повеяло неприятным холодком: то ли страха, то ли растерянности. **ОН НЕ ПОМНИЛ СВОЕГО ЛИЦА!**

Нужно успокоиться. Ведь Гаскар говорил ему, что он был в шоке. Неужели после шока из его памяти стерлась информация о собственном лице?..

— Я вижу, что сегодня вы в прекрасной форме, — прервал его мысли голос Гаскара.

Лусон вытер лицо полотенцем и вернулся в комнату. Поздоровался с врачом.

— Вы прекрасно выглядите! — воскликнул Гаскар. — Несколько бледновато, но это скоро пройдет.

— Я не помню своего лица,— растерянно сказал Лусон.— Это последствие шока?

— Его предвидеть невозможно. Многое здесь зависит от того, насколько серьезная травма, а также от чисто индивидуальных, психофизиологических особенностей организма. Однако давно установлено, что утраченные ресурсы памяти восстанавливаются тем быстрее, чем больше пациент задает вопросов. Так что спрашивайте. И вскоре вы сможете вспомнить, кто вы есть. Обязательно вспомните. Мы, в свою очередь, тоже будем расспрашивать вас, чтобы стимулировать вашу память, активизировать деятельность всех участков вашего мозга. Мы тоже заинтересованы в том, чтобы вы как можно быстрее поправились.

— Значит, вы считаете меня больным?

— Физиологически вы абсолютно здоровы, но многое нам предстоит пересмотреть. Пускай вас не пугает термин «больной». Просто это мое обычное обращение ко всем пациентам. Если хотите — дань традиции.

— В таком случае позвольте задать вам первый вопрос: вы, вероятно, пробовали выяснить, кто я такой и откуда прибыл?

— Безусловно.

— Ну и...? — Лусон облокотился на подоконник в ожидании ответа.

— Думаю, вы прибыли с другого континента. До сих пор из района Флор нет сообщений, что кто-либо исчез, хотя наш институт давно выдал информацию о вас. На вашей руке не оказалось датчика. Он, по всей вероятности, потерялся при падении — взгляните, на запястье остался шрам. Придя в себя, вы должны были поинтересоваться своим датчиком. Ведь информация о нем введена в мозг так, что она не стирается ни при каких обстоятельствах. Понимаете, *НЕ СТИРАЕТСЯ*. Только со смертью. Вы поинтересовались каким-то кодом. Можно предположить, что вы не просто оговорились. Но оставим этот разговор. Вы, наверное, проголодались?

— Не откажусь,— усмехнулся Лусон.— За завтраком дослушаю, что вы думаете о моей личности.

Откровенно говоря, улыбаться ему совсем не хотелось. Когда Гаскар заговорил о датчике-коде, его слова вызвали в мозгу странную волну. Так же, как и вчера, когда после ухода врача он остался один, ему снова показалось, что его *КТО-ТО ПРЕСЛЕДУЕТ*.

— Завтракать на этот раз вам придется без меня. Сегодня я официально передаю вас под опеку Олы. А вот и она сама!

Вынырнув из-за угла здания, Ола быстро шла к Лусону. Улыбаясь, протянула ему руку.

— Здравствуй, Лусон,— просто сказала она, словно старому знакомому.— Мы ведь знакомы, верно?

— Да... видимо,— смутился Лусон.

— Я вас оставляю,— сказал Гаскар.— По всем вопросам об-

ращайтесь к Оле. С этой минуты она ваш официальный наставник, советчик и друг.

— Разве бывает друг официальный? — заметил Лусон.

— О, вы прекрасно отличаете оттенки, — искренне обрадовался Гаскар. — Наши дела идут к лучшему быстрее, чем можно было ожидать.

После завтрака, покинув институт реабилитации, они направились, как объяснила Ола, к ней домой:

— Мне кажется, в домашней обстановке тебе легче будет все вспомнить.

...За те три дня, что Лусон провел в доме Олы, он многое узнал о Ресте, шестой планете в системе Арда. Времена года здесь чередовались через 423 дня. Это Лусон быстро ощутил на себе.

— Не будь травмы, можно было бы предположить, что ты пришел с другой планеты, — отшутилась Ола в ответ на жалобу, что его биологические часы, судя по всему, постоянно спешат.

— Не будь я сама среди альпинистов, нашедших тебя, то могла бы подумать, что мы имеем дело с пришельцем. Видишь ли, наше реальное время, наше субъективное время — это постоянное превращение будущего в прошлое. В нашем мозгу подобная трансформация происходит с нашим индивидуальным восприятием времени. Оно словно «переливается» из левого полушария в правое. В левом как бы складывается образ будущего, а в правом как бы отражается прошлое, то, что пережито. Очевидно, после шока туннель, по которому в мозгу движется время, оказался заблокирован и процесс заторможен. Однако, как я полагаю, это явление временное.

— Ты сказала, что находилась среди тех, кто меня нашел?

— Да. Я вызвала модуль, чтобы отправить тебя в институт реабилитации.

Лусон внимательно посмотрел на Олу. В сердце его что-то шевельнулось. Чтобы скрыть свое волнение, он отвернулся.

— А это далеко? — спросил Лусон.

— Что далеко?

— До Лусона, той местности, где меня нашли?

— Лусона? — удивилась Ола. — Тебя нашли в районе Флор, неподалеку от пятого сектора Четвертого участка. Ты это имеешь в виду?

— Да, да... — быстро согласился он, чтобы скрыть свою еще неясную догадку.

— Нет, отсюда — не близкий свет. Скоро мы туда отправимся.

Слова Олы воспринимались плохо, как будто уши заткнули ватой. Значит, Гаскар обманул его? И местности Лусон не существует?.. Но зачем он это сделал?..

Подозрение вскоре подтвердилось. Соседи опекуны тоже ничего не знали о такой местности...

На пятый день Ола сообщила, что нашелся его брат, который жаждет встречи. Брат утверждает, что настоящее его имя не Лусон, а Саут.

XXI 396:007 универсального галактического времени.
Лаборатория «Дельта» Центра исследований будущего Международной социологической ассоциации.

Виктория Мутти уже целых пять лет работала ассистенткой у профессора Кристофера Эриксона, однако не переставала удивляться широте его интересов и эрудиции. До сих пор Эриксон очаровывал ее (и не только ее) своим пристальным взглядом. Удивительно голубые, молодые глаза, хотя профессору исполнилось пятьдесят шесть, светились разумом. В его мозгу постоянно вынашивались и решались грандиозные проблемы. И решал он их четко, красиво. Споря, он выдвигал гипотезу за гипотезой, наблюдая за реакцией собеседников, быстро схватывал чужую мысль, после чего или выдвигал четкую программу действий, или же отвергал ее, не смотря, казалось бы, на реальность воплощения.

Биофизик и космолог, нейропсихолог и математик, он слыл знатоком теоретической физики и в то же время мог профессионально спать любую схему.

Последние теоретические исследования Эриксона вылились в необыкновенную, но удивительно цельную концепцию мира без границ, без возраста, без начала, на обочине которого брезжит человеческий разум.

Выдвинутая им гипотеза послужила толчком сначала к теоретическим исследованиям, а затем и к экспериментам в лаборатории «Дельта» (ее называли так в честь принципа-дельта, на котором Эриксон строил свою теорию Вселенной). Этот парадоксальный, казалось бы, полный неразрешимых противоречий принцип привлек к себе многих смелых, преданных и талантливых. В желающих участвовать в эксперименте недостатка не было, хотя их в глаза и за их спиной чаще всего называли сумасбродами. В команду «Дельта» отобрали только пятерых Одаренных. Правда, после того, как Белов вернулся из зоны «ИКС» и доставил *КОЕ-КАКИЕ* сведения, сформировали еще три команды. Не считаясь с жертвами, с неудачей, которая постигла Гая, опыты будут продолжены. Иного выхода нет. Человека, его разум, его мозг ничто в таком деле не заменит.

Но то, что случилось с Ярославом... Он все вспоминает какую-то Олу, путает с ней ее, Викторию.

От бессилия, безысходности ей хотелось кричать. Ни на минуту не покидало чувство вины за последний эксперимент. Ведь никто другой, а она сама отвечала за вторую фазу Перемещения. Может, именно поэтому последовал вызов ее к шефу?

Молча открыв дверь, секретарша пропустила Викторию в кабинет. Эриксон встал из-за стола и пошел ей навстречу, взяв под руку, галантно усадил в кресло, а сам снова вернулся на свой капитанский мостик. Он все делал корректно, без того налета фамильярности, который временами проявляют шефы в отношениях со своими подчиненными.

Склонив набок седую скандинавскую голову, на которой выделялся ровный пробор, Эриксон сосредоточился над отчетом, нервно выбивая пальцами какую-то мелодию. Казалось, он совсем забыл о присутствии ассистентки.

Эриксон перестал барабанить, поднял голову и усмехнулся.

— Где ваш знак отличия? — спросил он, заметив, что Виктория пришла без круглой зеленой эмблемы, на которой был нанесен ее личный номер. Сам профессор носил красную звезду на голубом пластмассовом плаке.

— Полагаю, вы пригласили меня не для этого?

— Нет, но попутно делаю вам замечание. В наших условиях без дисциплины нельзя. И вы прекрасно знаете, что ношение знака — одно из обязательных требований. В конце концов, это не мой каприз. Психологи тоже недаром хлеб едят...

— Я решила покинуть лабораторию, — перебила его Виктория.

— Так, значит?

— Вижу, вас такое решение удивило?

— Удивило... Девчушка! — вдруг вспыхнул Эриксон. — После первой же неудачи — в кусты?! Вы понимали, на что шли. И поражения, и жертвы — неизбежны.

Эриксон поднялся с такой силой, что кресло его едва не перевернулось, и стал ходить по кабинету. Виктория видела его невероятно возбужденным впервые.

— У нее, видите ли, чувствительная натура... — гремел Эриксон. — Вместо того, чтобы помочь мне, всем нам, лаборатории, — она паникует.

— Мы поступаем слишком жестоко...

— Жестоко?! Странная у вас логика. Да, во время экспериментов, случается, гибнут люди. А вы подсчитывали, сколько астронавтов не вернулось на Землю? Вам ли объяснять, что если мы доведем начатые эксперименты до конца, то сможем полностью отказаться от архаичных, связанных с риском для жизни полетов в космос на ракетах... Конечно, было бы просто великолепно, идеально, если бы мы экспериментировали на собаках или там на обезьянах, что, впрочем, тоже не совсем гуманно. Но в нашем случае никто, кроме самого гомо сапиенса, не в состоянии проверить правильность выдвинутой теории. Никто... После неудачи с Ярославом Гаем, хотя о полной неудаче говорить все же преждевременно, вы склонны думать, что я ошибся. Верно? Можете не отвечать. По глазам вижу. Мои теоретические, пусть и парадоксальные доказательства подтвердить можно только экспериментальным путем. И не иначе. Этим все мы заняты. И вы тоже.

— И все-таки становится невыносимо, когда видишь, как гибнут люди...

— Частично теряют память. Вы, очевидно, это имели в виду?

Опустив голову, Виктория сделала вид, что увлеклась рисунком на ворсистом ковре, который напоминал собой цветущий клевер.

— Я вас, Виктория, понимаю,— мягче сказал Эриксон.— Я знаю, что Ярослав был вашим женихом, что на декабрь была назначена свадьба... Но, скажите, разве кто-нибудь застрахован от потерь, от того, что судьба может повернуться другой стороной? И вы, и Ярослав знали, что опасность не исключена. Ярослав, как и его товарищи-добровольцы — владельцы таланта. Вы тоже оказались в лаборатории не случайно. А вспомните историю покорения земных богатств и водной стихии, космоса и ближайших планет. Элемент риска всегда сопровождает первопроходцев. И только тем, кто окажется более сильным, открываются тайны.

— Я все понимаю,— Виктория подняла голову, глаза ее были полны слез. Только сейчас Эриксон заметил, что в волосах ее появилась седая прядь.

— Это после того, как он не ответил на ваш код? — посочувствовал Эриксон.

Виктория кивнула.

— Я не могу спокойно ни смотреть, ни разговаривать с ним. Он почти ничего не помнит. Для него я — обыкновенная ассистентка профессора Эриксона, под руководством которого осуществляется проект «Дельта». Помнит, что он один из Одаренных, что он принимал участие в Перемещении, а спасли его Эрика Крюгер и Алексей Тарасенко...

— Ну, не так уж и мало! — воскликнул профессор.— А нет ли причин, по которым ему просто не хочется вспоминать?

— Нет. Ярослав хочет сам во всем разобраться. САМ, понимаете?..— Она закрыла лицо ладонями и зарыдала.

— Ну, ну, успокойся,— перешел на ты Эриксон.— Одно то, что он *ХОЧЕТ* вспомнить подробно о прошлом, о Перемещении — польза и ему и нам. Можешь мне верить.

— Ахмет Гафаров допускает возможность полной амнезии,— продолжала всхлипывать Виктория.

— Дурак он, хоть и эскулап! Я с ним поговорю. Кстати, нет ли еще каких-либо изменений в поведении Ярослава?

Виктория достала платочек и вытерла глаза.

— Временами он путает меня с какой-то Олой.

— Прости, не было ли у него раньше подруги с таким именем?

— Не знаю. Но имя, пожалуй, странное.

— Все это интересно... И в такой ситуации ты хочешь уйти, бросив лабораторию и... Ярослава?

— Я в полной растерянности. Кажется, я сама готова пройти через Дельта-канал, только бы вернуть его к жизни.

— Он на самом деле живой. Но ему нужна помощь. Оказать ее сможешь только ты.

В глазах Виктории затеплился огонек надежды. Она умоляюще посмотрела на профессора.

— Давай еще раз проанализируем ситуацию. Значит, так. Шестого апреля проведен эксперимент. Цель — проникновение в Зону «ИКС», а точнее — «ИКС-01». Мы учли все предыдущие неудачи и результат Перемещения Белова. Приблизительные координаты Дельта-района нам были известны, как и некоторые данные, что моя концепция верная. Ярослав выделялся среди Одаренных. Коэффициент прогноза у него составлял почти 75 — на десять пунктов больше, чем у других.

— Ну и что? — вздохнула Виктория. — Ну и что?..

— Мы были на пути к успеху. Ярослав проник в Зону «ИКС-01». И вернулся живой. Флуктации метастабильного уровня его психофизиологического тождества подтверждают, что пентонавт все-таки побывал ТАМ. Ты понимаешь? По-бы-вал!

— Но... без Спасателей мы бы не вывели его из состояния татозы. Тогда что? Клиническая смерть? Согласитесь, но методика регенерации пентонавтов несовершенна. Хотя Спасатели и направили дельта-тождество в нужном направлении, но Ярослав до сих пор испытывает психическое расстройство. Очень большие провалы в памяти. Кто знает, не окажутся ли они для него фатальными?

— Виктория, вы опять ударяетесь в панику, — снова на официальный тон перешел Эрикссон. — Повторяю еще раз: перемещение состоялось, пентонавт вернулся из Зоны «ИКС-01»... Вернулся!.. Другое дело, что мы ничего о ней не знаем, потому что память пентонавта заблокирована. По крайней мере сейчас. А Спасатели ничем помочь не могут, потому что их программа ограничивалась поиском. Их дельта-частоты откликались только на сигналы исчезнувшего пентонавта. Так что трудно сказать, что же ТАМ произошло. Однако все условия Перемещения соблюдены. Получен сигнал из Зоны «ИКС-01». И — все.

— Значит, данных, подтверждающих ваш оптимизм, нет?

— Не согласен. Я абсолютно уверен, что психическая аберрация исчезнет естественным путем. Уверен, что мы сможем расшифровать двойное дельта-тождество Ярослава. Оно обязательно откликнется на код межнейронных соединений. Своих и чужих. Любой ценой нам нужно получить сведения, что же было с пентонавтом ТАМ? Чтобы избежать подобных неожиданностей в дальнейшем. Так что вся надежда на вас, Виктория. Именно вы должны деблокировать память Ярослава. Почему именно вы — надеюсь, объяснять лишнее... Тем самым вы поможете и Ярославу, и себе.

5

— Как ваше самочувствие? — весело спросил Гаскар, появившись на пятый день в доме Олы.

Лусон в это время смотрел очередной видеофильм, рассказывающий об истории Ресты.

— Почти удовлетворительно.

— Почему «почти»? Ола рассказала мне, что ваша адаптация проходит успешно.

— Это ей так кажется. А мне хочется спросить: почему уважаемый доктор Гаскар обманывает меня?

— Не понял.

— Никакой местности Лусон нет. И поэтому я дважды не Лусон. Что вы на это скажете?

— А!.. Когда к тебе вернулось сознание, тебя как-то ведь нужно было называть. Первое, что подвернулось,— было Лусон. Мне показалось, что так будет лучше для твоей психики.

— Так кто же я на самом деле?! Лусон? Саут?

— Успокойся,— Гаскар перешел на серьезный тон.— Эмоции здесь ни к чему. Ты абсолютно здоровый индивид. Но чтобы вернуть пентонавту память, нам необходимо выявить его индивидуальность.

Лусон слушал Гаскара, отведя глаза.

— Что за брат у меня объявился? — наконец-то спросил он.

— Мы обратились ко всем гражданам Ресты, прибегнув к коммуникационной всепланетной системе...

— И тогда объявился он?

— Брат утверждает, будто ты родился в районе Виланд, сектор Амон. Тебе это что-нибудь говорит?

— Ничего. Меня зовут Лусон. И никем другим я не хочу быть.

— Сол, твой брат, утверждает, что ты отправился путешествовать в район Флор.

— Не знаю я никакого брата.

— Как хочешь.

— От меня что-то скрывают. Я бы хотел побывать в районе Флор. На том месте...

— Ну что ж, Ола тебя будет сопровождать.

Пребывая в доме Олы, Лусон увлекся изучением ее библиотеки. Насчитывала она больше ста видеокристаллов. Ола научила его пользоваться сфероидным проектором, он вставлял в него один за другим уникальные кристаллы, и на стенках-экранах оживал полный иллюзии мир Ресты. Слышны были незнакомые запахи, дуновение ветра, шелест травы. От такого эффекта Лусону сперва становилось не по себе, казалось, он второй раз переживает шок. Сначала Лусон подумал, что он просто болезненно реагирует на огромное количество информации, дает о себе знать афазия, о которой говорил Гаскар. Чем больше он занимался самоанализом, тем хуже становилось настроение. Однажды, отвечая на вопрос Олы, которая, оказывается, все видела, он сделал предположение, что его мозг стал отличаться не свойственными ему ранее качествами.

— У тебя чрезмерная эмоциональность,— сказала Ола.— Как у ребенка, который не способен еще отличить реальность от иллюзии.

— Значит, у меня детское восприятие мира? — упавшим голо-
сом спросил Лусон.

— Ну и чудесно! — воскликнула Ола, подбежав к нему. Но бы-
стро овладела собой, словно наткнулась на невидимую преграду.
Дня через два Лусон случайно подслушал, как Ола докладыва-
ла Гаскару по внутренней связи:

—...Особых изменений не наблюдается. Да, знакомится с Ре-
стой. Был, правда, эмоциональный подъем. Но психофизиологи-
ческие флуктуации в пределах нормы, хотя боюсь, что афазия за-
тронула такие участки мозга, которые формируются в детском воз-
расте... Возможно, придется прибегнуть к запасному варианту...
Через два цикла...

«Запасной вариант? Какой еще запасной вариант?..» — Лусон
тихо пробрался на балкон. Ему снова вдруг показалось, будто
кто-то все время идет за ним следом, хочет догнать его и вступить
с ним в контакт... Но в это время Ола позвала ужинать, и неприят-
ное ощущение исчезло. Вмиг пропало желание идти, как догово-
рились, в центр развлечений. Он скрылся в своей спальне, заперся
на ключ и плюхнулся на мягкую кровать. Так он лежал, пока Ола
не подошла к двери и не поинтересовалась, в чем дело. Лусон был
вынужден буркнуть, что спит, а сам еще долго лежал, глядя в пото-
лок, имитирующий небо Ресты, которое на закате становилось
красным, зеленым и желтым. Мыслей почти не было.

О том, что его постепенно готовят к встрече с Рестой, Лусон до-
гадался. Но он интуитивно чувствовал, что его ждет еще какое-то
испытание. Иначе что же кроется за разговором Олы и Гаскара?
Какой запасной вариант?..

Случайно подслушанный разговор заставил Лусона присталь-
ней глядеть на Гаскара и Олу. Придавать значение любой реплике,
обрывкам фраз, вспомнить, как они пытались объяснить про-
исхождение его имени... В то же время ему казалось, что, прояв-
ляя к нему повышенное внимание, они просто озабочены его здо-
ровьем. Но почему случился шок? Амнезия? Действительно ли все
было так, как они говорят?

Лусон чувствовал, что он все больше способен рассуждать
трезво. Те же врачи подтверждают (пожалуй, они говорят правду),
что его психофизиологическое состояние вполне удовлетвори-
тельное.

Так почему же тогда беспокойно на душе? Неужели всему при-
чиной подслушанный разговор?.. Нет, вокруг него происходит что-
то непонятное.

До сих пор Лусон машинально воспринимал ту информацию,
которая была в видеокристаллах. Он понимал, что ему специально
подбирали ее так, чтобы он мог вспомнить тот мир, в котором жил.
Он и сам старался отыскать во всем хаосе получаемых сведений
хоть какую-то зацепку, с помощью которой можно было бы полу-
чить ответы на волновавшие его вопросы.

В памяти, словно наяву, возникал удивительный мир Ресты.

Рационально устроенная, безотказно функционирующая сеть центров цивилизации, населенных пунктов, рассчитанных от двух до пяти тысяч жителей. Эти сооружения с широким набором функций отлично вписывались в ландшафт, они являли собой точные модели биосистемы Ресты. Самоорганизующая деятельность не прекращалась ни на минуту, подобно своим биопрототипам, она видоизменялась в зависимости от климатических, социальных и экологических условий.

Города-цветники, города-деревья, города-черепашки. Строго функциональные, мобильные, имеющие множество систем обмена информацией и способов передвижения, включая мгновенную телепортацию индивидуумов в любую точку планеты. А это, в свою очередь, привело к тому, что урбанизация не довлекла. Деятельность каждого центра регламентировалась и определялась Оптимальной системой мобильных оборотных связей. Жизнь на Ресте подчинялась единой Программе развития. Малейшие отклонения устранялись, дабы не нарушалась Всеобщая гармония. На царившую идиллию все время обращали его внимание, и Лусон вдруг понял, что в душе подсознательно зреет протест.

Каждый индивид фактически лишен здесь индивидуальности. Все работают только на Систему, на ее усовершенствование, на достижение Абсолюта, полагая, что если создать идеальную цивилизацию, то можно будет ни о чем больше не беспокоиться. Однако такая цивилизация должна быть также идеально монолитным организмом. Тем, кто увлекается всякими грезами, вносит дисгармонию, — не место в ней.

Такая модель цивилизации во многом не устраивала Лусона. Однообразие, никаких оригинальностей, даже занятие спортом и отдых рассматривались как способ восстановления функции организма. Рафинированный рационализм...

За завтраком Ола поинтересовалась, как он себя чувствует. Лусон ответил, что значительно лучше. Вчера, видимо, от усталости разболелась голова и ему страшно захотелось спать. Оставшись, кажется, довольной таким ответом, Ола стала еще больше опекать своего подшефного.

Когда Ола спросила, как Лусон относится к тому, что он увидел в демонстрационном зале, он вынужден был ответить, что способ жизни крестьян восторга у него не вызвал. Слишком они заняты собой, своим благополучием, все подчиняя личной выгоде, совершенствуя даже то, что, как ему показалось, можно было не менять. А еще — стереотипность мышления и поступков. Это для него тем более остается непонятным.

Внимательно посмотрев на Лусона, Ола натянуто засмеялась: — Ты интересно мыслишь. Нестереотипно, — подчеркнула она. — Когда-то, давным-давно, на Ресте возник конфликт между теми, кто, как ты говоришь, мыслил оригинально, и предками нынешних обитателей планеты. Дело шло к конфликту. Информация о тех временах сохранилась, ты с ней можешь ознакомиться. Так

вот те, кому очень хотелось нового, необыкновенного, взяли и отправились в новые миры.

— А если бы они не улетели?

— Тогда бы все могло закончиться трагедией.

— Значит, те, которые улетели, оказались мудрей...

— Уступчивей... А может, твои предки были среди тех, кто оставил когда-то Ресту? — громко засмеялась Ола.

На следующий день они поехали в район Флор. На то место, где был найден Лусон. Он не возражал. Ему хотелось там побывать. Почему-то верилось, что там он все вспомнит.

Двухместный модуль помчал их по прозрачной пневмотрассе навстречу восходящему желтому солнцу.

— О чем ты задумался? — Ола склонила голову ему на плечо.

Лусон скосил глаза на девушку: похоже, она засыпала, хотя веки слегка вздрагивали.

— Не хочешь разговаривать? — Ола потерлась носом о его куртку, подсаживаясь ближе. Лусон обнял ее.

— У меня из головы никак не выходит этот мой брат, — наконец-то сказал он.

— Почему ты не желаешь с ним встречаться?

— Не знаю... Но думаю, что никакого брата у меня нет...

— А ты не допускаешь, что если бы вы встретились, многое бы прояснилось?

— Не будем об этом... По крайней мере сейчас. Мне нужно самому во всем разобраться. Ола, ты мне нравишься, — неожиданно признался он, привлекая девушку к себе.

— Ты мне тоже, — улыбнулась она. И неожиданно спросила: — А Реста?

Лусон не ответил.

— Тебя что-то смущает?

— Нет. Но ты спросила так, как будто я пришелец с другой системы и только что ступил на поверхность Ресты. Порой мне кажется, Ола, что ты настораживаешься, словно ждешь от меня какой-то неожиданности.

Резко повернув голову к девушке, Лусон заметил ее растерянность, но Ола быстро овладела собой.

— Тебе показалось. Не выдумывай!

— Ладно... А что касается Ресты, то планета прекрасная. Я вот подумал, были ли правы те, кто покинул ее? Хотя, наверное, они поступили лучше тех, кто остался. Не обижайся. Я просто рассуждаю.

— Я без претензий. А когда ты наблюдаешь природу, она тебе ничего не напоминает?

— Сектор Амон, район Виланд, — объявил робот, и Лусон не успел ответить.

Модуль остановился недалеко от сооружения, повторявшего во всех деталях одно из растений, уже виденных Лусоном. Это был один из шести центров, расположенных в этом секторе.

— Скажи, в Амон ты привезла меня потому, что тот, назвавшийся моим братом, утверждает, будто я родился здесь? — с укором спросил Лусон. — Так вот: местность мне эта не знакома и никакого брата у меня нет.

— Прошу тебя — успокойся. Напрасно ты волнуешься. Здесь нам предстоит пересадка. После обеда мы поедем дальше, в район Флор. А сейчас я вызову модуль, и мы погуляем. Недалеко отсюда находится один объект, возможно, он тебя заинтересует.

Когда они вошли в холл здания-растения, Ола направилась к зеленой, похожей на эллипс, панели, а Лусон с удивлением стал рассматривать гигантские стены-экраны, на которых отражалась вся жизнь Ресты. В холле было пусто, поэтому он вздрогнул, ощутив на себе чей-то взгляд. Оглянувшись, но рядом никого не увидел.

Лусона охватило какое-то беспокойство. С чего бы это? Изображение на экранах начало пульсировать, танцевать.

Что с ним происходит? Липкий страх проник в мозг. Кто же за ним наблюдает? Преследует его?.. Что ему нужно?.. Главное — не поддаваться... Взять себя в руки...

«Наконец-то тебя нашли. Следуй за ними!»

«Нет!» — собрав все силы, мысленно крикнул Лусон.

Оглянувшись, он увидел через прозрачную стену мужчину и женщину, которые пристально наблюдали за ним.

— Нет! — решительно сказал Лусон. — Я должен во всем разобраться...

— В чем? — услышал он удивленный голос Олы. — С кем это ты разговариваешь?

— Просто так. Ты же знаешь, что я должен во всем разобраться. — Перевел взгляд туда, где только что стояли Он и Она, но там никого не оказалось.

XXI 397:011 универсального галактического времени. Лаборатория «Дельта» Центра исследований будущего Между- народной социологической ассоциации.

Лаборатория «Дельта» представляла собой замкнутый мир. Даже среди ученых единицы только знали о сути проводившихся здесь экспериментов. Общий контроль осуществлял Центр психо-нейрофизиологических испытаний. А в лаборатории непосредственно всем заправлял Кристофер Эриксон, автор парадоксально-го дельта-принципа, выведенного из его концепции Вселенной.

Когда Эриксона спрашивали, что послужило ему толчком к тому, чтобы виртуально материализовать пентонавта в неизвестном землянам мире, профессор на полном серьезе отвечал: стихотворение русского поэта Валерия Брюсова. И декламировал:

Еще, быть может, каждый атом
Вселенная, где сто планет;

Там все, что здесь, в объеме сжатом,
Но так же то, чего здесь нет.

Их мудрецы, свой мир бескрайний
Поставив центром бытия,
Спешат проникнуть в искры тайны
И умствуют, как ныне я.

Дельта-принцип сформировался позже. Вначале появилась новая концепция Вселенной. Кристофер пришел к выводу, что она бесконечна по времени, безгранична в пространстве, не имеет ни начала, ни конца, а на обочине этого мира микроскопическим пятнышком мерцает человеческий разум. Эта Вселенная знает все: прошлое, нынешнее, будущее. В этом и заключается неизбежность мира (никаких сверхъестественных сил и его законов). Самые придирчивые оппоненты не в состоянии были возразить против математических доказательств и логических выводов.

Не успели еще утихнуть отголоски баталий ученых, как Эрик-сон выдвинул новую гипотезу. Она показалась настолько фантастической, что даже многие истинные поклонники профессора встретили ее в штыки. Прошло четыре года напряженного труда, и гипотеза превратилась в дельта-принцип, получила поддержку многих научных светил. И как результат этого — возможность создания лаборатории, хотя он видел, что скептики выжидают: чем все у него закончится?

Эрик-сон нисколько не сомневался, что рано или поздно ему удастся убедить всех в научности дельта-принципа. Он не авантюрист, ему не хочется подвергать людей смертельной опасности, но полностью избежать ее, наверное, нельзя. Они лишь в начале пути, так что их риск сознательный. Те, кто стремится изведать неизведанное, не могут не рисковать. И все же...

К дельта-принципу его подтолкнула одна давняя гипотеза, высказанная советским ученым Кардашовым. Кардашов полагал, что в реальном мире существует не одна, а множество вселенных, которые не только пересекаются, но и переплетаются. Сходную мысль высказывал и академик Марков. Вселенная, утверждал он, — это бесконечная система малых вселенных, соединяющихся между собой элементарными частицами — максимонами. С их помощью человек может проникать в другие миры.

Используя эти предложения, Эрик-сон пришел к неожиданному: а что, если эти максимоны-тоннели спрятаны и в человеческом мозгу? Тогда на атомарном уровне серого вещества расходятся во все концы нейронные соединения, которые, являясь своего рода «тоннелями», соединяют землян с другими мирами. Такая теория получила название: дельта-принцип. Аргументированно опровергнуть ее никто не смог.

Разрабатывая свою теорию, Эрик-сон не раз задумывался над тем, почему в человеческом мозгу клеток в десять раз больше, чем требуется? Неужели природа такая расточительная? Нет, эти

скрытые возможности будут когда-нибудь реализованы. Многие люди могут независимо от своих желаний, произвольно вести сложнейшие математические расчеты. Должно быть, такое свойство есть у всех. Но природа «сознательно», для нашего же блага временно отключила сконструированный ею биокомпьютер, переводя его в подсознание.

А вообще-то гипотеза о возможности, способе контактов между разными мирами не отличалась слишком сложными обоснованиями. Простота дельта-принципа удивляла всех, в том числе и самого Эриксона. Однако за внешней простотой скрывались сложные процессы, которые происходили в мозгу пентонавта — в этом пятом измерении. Психика, считал он, словно зеркало, отражает безграничный, не имеющий ни начала, ни конца мир, в котором там, где-то далеко-далеко, мерцает человеческий мозг, который по числу нейронов можно сравнить с Вселенной. В данный момент мозг несет в себе и минувшее, и сегодня, и будущее. «Фиолетовые» и «красные» смещения подтверждают, что во времени можно двигаться взад-вперед, говоря другими словами, будущее благодаря своим физическим особенностям воздействует и на сегодняшний день. Реальное физическое время — это непрерывное превращение будущего в прошлое через сегодня. И это еще одно подтверждение, что время как бы разлито во Вселенной. *ВСЕ*, по сути, уже *ЕСТЬ*. Но это не фатализм. Совсем нет. Потому что Вселенная — целостная система.

Благодаря этому люди видят будущее, способны его прогнозировать. Механизм предвидения действует у индивидуумов, он давно не вызывает сомнения. Несмотря на то, что тех, кто умеет видеть не только «по горизонтали», но и «по вертикали», то есть видеть «будущее», — немного. Но то, что индивидуальное сознание является многоэтажной, многоступенчатой структурой, подтверждает, например, процесс восстановления сознания после травмы мозга или наркоза. Более того, опыты, проведенные в Центре нейрорепсихофизиологии, показали, что умению предвидеть (на секунду, минуту и больше) можно научить. Ярослав Гай, например, «заглядывал» наперед на целый час. В организме Одаренных выявлены зародыши третьей сигнальной системы. Синтезация первых двух систем позволила включить в работу бездействовавшие до сих пор дельтовидные нейроны — пункты связи с другими вселенными. В тот момент, когда третья сигнальная система начинает функционировать на полную мощь, «анабиозированные» дельтовидные нейроны «просыпаются» и начинают генерировать дельта-тождество, которое есть у каждого, но имеет разные частоты. Образно говоря, в другие вселенные летят сигналы (полная генетическая запись структуры мозга пентонавта) и ищут идентичный приемник.

Такие Дельта-перемещения («раздвижение» максимонов) лучше всего происходят у пентонавтов — людей, обладающих способностью предвидеть будущее (или у тех, кто имеет зачатки третьей сигнальной системы). Однако в таком состоянии человек может

находиться ограниченное время. Путешествие происходит в состоянии глубокого наркоза, то есть в глубоком сне. Жизненно важные органы функционируют на нижнем пределе, их деятельность поддерживает специальная аппаратура. От смерти **СОЗНАТЕЛЬНОЕ** и **УПРАВЛЯЕМОЕ** Путешествие отличается тем, что пентонавт может материализоваться в Зоне «ИКС». С Базой — лабораторией «Дельта» — с помощью нескольких дельтовидных нейронов поддерживается связь, нейроны продолжают активно функционировать, принимая информацию того мира, который пентонавт оставил, — то есть Земли.

Пентонавт ни о чем не догадывается. Он живет жизнью индивидуума, в мозгу которого действует Зона «ИКС». Затем память пентонавта деблокируется, и лаборатория получает подробную информацию о путешествии. К сожалению, память Ярослава Гая деблокировать не удалось. Обратная функция — возвращение психофизиологического дельта-тождества в тело пентонавта — чрезвычайно сложный процесс. Полученные результаты пока что не в пользу эксперимента.

...Эриксон вынужден был прервать свои размышления — пришли его заместители Олег Гапов и Костя Боярджиев.

Так и не узнав, что же случилось с Лусоном в холле, Ола предложила ему прогуляться, поскольку времени до прибытия заказанного модуля оставалось достаточно. Лусон не стал возражать. Ему хотелось быстрее избавиться от пережитого, но и когда они шли узенькой тропинкой, его не покидало ощущение, что за ним наблюдают. Лусон больше не сомневался, что кто-то чужой проник в его мозг и теперь пытается вступить в контакт с подсознанием. Этот чужой диктовал ему свою волю. Кто он? Что ему надобно? Кто были те двое, с бледными лицами, которые *так* на него смотрели? Имеет ли отношение к этому Ола? Вероятно...

Молча шагая рядом с Олой, он старался не думать, зачем созданы эти темно-синие скалы, что, казалось, протыкали насквозь зеленое небо. Далеко позади оставался Амон, строение-растение скрывалось за горизонтом.

Увлечшись, Лусон едва не толкнул девушку: та вдруг остановилась. Они оказались на пригорке, с которого хорошо была видна небольшая долина, поросшая сине-зеленой травой. В центре ее белели круглые валуны. Вокруг них толпились вооруженные рестяне. Странно, но изучая историю Ресты того периода, когда половина ее населения уже отправилась осваивать другие планетарные системы, он ни разу не видел у ее жителей никакого оружия. Почему же теперь рестяне вооружились?

Лусон заметил, что Ола с нескрываемым любопытством наблюдает за ним. Но решил ничем себя не выдавать.

— Тебе что-нибудь здесь напоминает?

— А что?
— Нет, скажи, тебе действительно ЭТО ничего не напоминает?
— Я бы хотел знать: что произошло? Меня в чем-то подозревают?

Лусону показалось, что глаза Олы затянулись коркой льда. Такой он ее не видел еще ни разу.

— Ты специально привела меня сюда?! — догадался он. — Ну, конечно же! Вместо района Флор ты привезла меня сюда. Зачем?

— Ты был найден возле той горы, — кивнула она на заснеженную вершину. — За ней начинается море.

— Ну а Флор?

— Он расположен на северо-западе. До него — два модульных перехода.

Лусон побледнел.

— Ладно, — сказал он хрипло. — Пожалуй, я начинаю догадываться. Рестяне охраняют остатки звездного корабля, неизвестно почему потерпевшего аварию.

— Да, мы видим все, что осталось.

— Откуда он прибыл?

— Неизвестно. Хотя ясно, что потерпел аварию один из тех кораблей, которые когда-то покинули Ресту... Мы наткнулись на одного путешественника. Придя на несколько секунд в сознание, он произнес всего лишь одно слово: «Лусон»...

— Он умер?

— Да.

— И никто не знает, что оно значит?

— Никто...

— Ну а я? Я-то здесь при чем? Вы считаете меня членом команды корабля?

— Успокойся, — ответила Ола. — Затем нашли еще одного мертвого. Мы до сих пор не установили, откуда же прибыл корабль. Высота его была почти сто метров. Мы вначале думали, что вернулись те рестяне, даже взяли оружие в музеях. И что ты... один из них... Спустя несколько дней нашли женщину. Она погибла не в катастрофе. Замерзла среди снегов. Возможно, что другие...

— ...остались живы?

— Лусон, может, ты тоже?..

— Прибыл на этом корабле?

— Теперь я вижу, что нет. Видимо, ошибка.

— Решив, что я один из тех, вы называли меня тем словом, которое произнес умирающий? В надежде, что потом у меня это вызовет какие-то реминисценции?

— Ага, — согласилась Ола. — Но теперь стало более вероятно, что ты Саут...

— Ваш вывод скоропалительный. Я допускаю, что оставшийся в живых член команды разыскивает своего товарища, если он знает, что меня до сих пор не идентифицировало...

— Но пойми, Сол имеет твою фотографию.

— При желании ее легко можно подделать. В конце концов трудно что-либо утверждать. Так что, возможно, ты тоже права. Ведь катастрофа корабля, несколько трупов и мое существование — все, как говорится, факт. Однако смею заверить, я на том корабле не был...

Лусон неожиданно снова вспомнил тех, кто недавно звал его идти с ними. Голова у него закружилась. Земля зашаталась под ногами. Горы как бы деформировались. Главное, подумал он, не упасть!

Остатки космического корабля казались теперь гигантской конструкцией.

— Ола, оставь меня... Будь любезна...

Пожав плечами, Ола удалилась.

Надвигалась ночь. К нему подошли двое.

— Не бойся нас.

Он узнал их. Это были те двое, которых он видел днем.

— Что вам от меня нужно?

— Вспомни, кто ты,— сказал мужчина.— Ты не Лусон и не Саут... вспомни!..

— Оставьте меня в покое. Я не *ВАШ*!

— Ему снится кошмарный сон, и он вскоре проснется. У него ничего общего с теми, которые прилетели...— сказала женщина.

— Нет,— крикнул мужчина, прочитав мысли Лусона.— Ты напрасно думаешь о корабле. Он к тебе не имеет никакого отношения, ты чужой на этой планете.

— Нужно торопиться,— сказала женщина.— Пора возвращаться.

Ее сообщник согласно кивнул головой.

Сильный удар обрушился на голову Лусона.

Рестянин по имени Саут грохнулся под ноги незнакомцу.

XXI 389:015 универсального галактического времени. Лаборатория «Дельта» Центра изучения будущего Международной социологической ассоциации.

— Ты что-нибудь помнишь, как входил в тело? — спросила Виктория, внимательно наблюдая за Ярославом. Он нервно мерил шагами адаптационный модуль.

— Помню ли я свое состояние?

Остановившись, он помедлил, а затем быстро подошел к книжному шкафу и взял с полки книгу. Найдя нужную страницу, повернулся к ассистентке и начал читать:

«...— Я услышал свое дыхание и еще, как бьется мое сердце. И все. Больше ничего не было. Абсолютно ничего. Я представил себе ком ваты, огромный ком, величиной с земной шар; внутри его — я. *ТИШИНА*... Ком разрастался, скачками захлестывая орбиту за

орбитой, заполнил серой клочковато-волокнутой массой все околосолнечное пространство; я съежился в абстрактную точку,— миллиарды миллиардов кубических километров ваты вокруг — это и есть тишина?..»

Швырнув книгу на диван, Ярослав заложил руки за спину.

— Что ты хотел этим сказать? — не удержалась Виктория.

— Георгий Береговой гораздо лучше, чем я сам, описал мои ощущения, когда мое сознание начало пробуждаться в теле Ярослава Гая,— слегка иронично ответил пентонавт.

Виктория отнесла его насмешливость к психическому перенапряжению.

— Несколько дней назад состоялось труднейшее Путешествие. На тебе до сих пор сказываются его последствия. Ты до сих пор путаешь некоторые вещи.— Она с надеждой посмотрела на Ярослава.

Нет, Ярослав не помнил ее, свою невесту. Она для него была лишь ассистенткой Кристофера Эриксона. Виктория чувствовала, что ее присутствие раздражает Гая, но уходить ей не хотелось. Так важно было помочь ему восстановить память! Подтолкнуть его к воспоминаниям! Но, судя по всему, он склонен был все делать самостоятельно, не принимал никакой помощи.

Подойдя к Гаю, она почти силком усадила его на диван.

— Ну, давай будем вспоминать вместе.

Ярослав безразлично пожал плечами.

— Лаборатория «Дельта»,— начала Виктория,— является одним из подразделений Центра исследований будущего Международной социологической ассоциации.— Она взяла ладонь пентонавта своей маленькой, нежной рукой.— Когда Кристофер Эриксон убедил большинство президентов в целесообразности зондирования будущего таким образом, «Дельта» выделилась...

— Что-то я ничего не понимаю...— Ярослав сделал попытку встать, но Виктория усадила его снова.

— В Центре собраны лучшие прогнозисты планеты — люди, владеющие Талантом предвидеть будущее. Проучившись два года, они смогут заглядывать наперед до нескольких минут. Тебе же удалось это сделать на час-полтора. Ты лучший из лучших прогнозистов. Кроме того, у тебя и еще нескольких сотрудников Центра обнаружили паранормальные телепатические свойства...

«Сергей Белов мог заглянуть в будущее на сорок пять минут, чем удивлял многих ученых,— шевельнулось в мозгу Ярослава слабое воспоминание.— Именно поэтому было решено отправить его в Путешествие первым. С личным кодом 001... Он был первым Путешественником... Был... Но вывести его из состояния танатозы не удалось... Известно одно: он побывал в своей Зоне «ИКС». Побывал в ней и немедленно вернулся. В сознание он пришел на несколько минут. Произнес несколько слов на чужом языке... Спасти его не удалось. Однако именно Белов определил первым телепортационную трассу тождества Пси...»

— Ты меня слышишь? — словно издали донесся до него голос ассистентки профессора Эриксона.

— Да... — Ему показалось, что это сказал не он, а Сергей.

«Почему до сих пор не возвращается Ола? О чем она разговаривала с Гаскаром?..» — слабая догадка шевельнулась в глубине сознания Гая, отчего он даже вздрогнул. Однако воспоминание тут же улетучилось. Может, пробивается его информация из зоны «ИКС»?

— Тебе плохо? — забеспокоилась Виктория, увидев, что он побледнел.

— Ничего...

— В таком случае, позволь продолжить...

— Что продолжить?

— Ты меня совершенно не слушаешь!.. — обиделась Виктория. — А я так хочу тебе помочь...

— Помочь? Каким образом? — удивился Ярослав. — По-моему, помочь я должен сам себе. И только. Хотя... Напомни мне, пожалуйста, теорию шефа.

— Если ты будешь слушать... Дело в том, что Эриксон модернизировал теорию миров, разработанную Кардашовым — Марковым. Вселенная, точнее, вселенные-составные, являют собой гигантскую ткань, с миллиардами и миллиардами узловков и измерений, способных накладываться друг на друга, пересекаться, но не смешиваться. В отдельных вселенных пространство и время могут существовать по своим законам и правилам — «ткань» другого цвета, другой расцветки, но, как и везде, существует определенное количество контактов и соединений.

Глядя на Викторию широко раскрытыми глазами, Ярослав видел перед собой... Олу. Ассистентка Кристофера Эриксона тем временем увлеченно продолжала:

— Предполагается, что у каждого в одном из закоулков мозга сидит элемент, соединяющий индивида с другими мирами. А нашим «нормальным» чувствам добраться туда не под силу. Вселенные осциллируют с разными частотами, так что поймать их мы не способны. Скажем, те, что излучают инфракрасный свет или ультразвук. О существовании этих излучений мы знаем, но ни увидеть, ни услышать их не можем. Эриксон же допускал, что психофизическое тождество Пси может путешествовать тогда, когда пентонавт находится в состоянии глубокого гипноза, близкого к танатозе, а собранная информация затем дешифруется... Сергей Белов первый проник в Зону «ИКС». Он принес информацию о другой вселенной. Но адаптация его рецепционных органов не совпала с программой компьютера, и нам не удалось вывести его из состояния танатозы. Твое Путешествие осуществлялось на другой волне. Все, что можно было на тот момент предусмотреть, предусмотрели... Но ты вернулся сильно изможденным, с заблокированной памятью, потеряв ориентацию...

«Пожалуй, она говорит правду, — отметил Ярослав. — А что

говорит Ахмет Гафуров, чернявый Гиппократ? Он утверждает, что тождество Пси, определяющее личность гомо сапиенса, если не каждого живого существа, смоделировано главной приемной структурой на базе генетической записи... Находящаяся в другой вселенной физическая структура — Зона «ИКС» — выполняет роль ловушки, она притягивает дрейфующее Пси-тождество пентонавта... И тогда временно наступает процесс взаимопонимания...»

— Ты опять задумался и совсем меня не слышишь. — Поднявшись, Виктория быстро покинула комнату.

Она не знала, что именно в эти минуты Ярослав робко, но начал догадываться, что он должен делать дальше, чтобы деблокировать свою память...

Прозвучал сигнал видеотелефона — Гафуров напомнил, что время отправляться на адаптационные процедуры.

3

Саут проснулся давно, но делал вид, что спит. Тишина вокруг казалась подозрительной. Возможно, потому, что сюда не доносился ни один звук. Но так лежать вскоре надоело, он открыл сначала один глаз, потом второй.

Где-то там, слева, кажется, пробивался тонкий поток воздуха. Внимательно оглядев помещение, Саут пришел к выводу, что, похоже, он здесь был. На противоположной от окна стене висело зеркало. Его он помнил. И еще картину. Небольшого размера пейзаж: море, коса, горы... Все точно. Он — Саут из сектора Амон, район Виланд. Он отправился в горы, район Флор... Сол предупреждал его, что путешествовать одному небезопасно, а он не послушался, кажется, оступился — и пропасть... Тьма... Но накануне с ним что-то все же произошло. ЧТО? Помнится, рядом с ним кто-то был. Несколько минут его «я» боролось с пришельцем... Потом это ощущение исчезло, однако, испугавшись (чего?), он побежал... И уже когда не хватило сил избавиться от того чувства, он споткнулся...

Интересно, который час? Утро или день?

Здесь он, видимо, просыпался. Но... только на короткое время. Его называли странным именем. Кажется, Лусоном... Странно...

Стараясь вспомнить еще что-нибудь, Саут напряг память, но безуспешно. К нему кто-то шел, шаги показались знакомые. Из полутемного коридора или ниши появилась сутулая фигура в белом халате. Этого человека он тоже видел. Не здесь ли?

— Лусон, как вы себя чувствуете?

Голос действительно знакомый. Но почему его называют Лусон?

— Я не Лусон, — сказал он. — Я — Сол Ов из сектора Амон, район Виланд...

XXI 399:018 универсального галактического времени. Лаборатория «Дельта» Центра исследований будущего Международной социологической ассоциации

— Ну что же, определенная логика в этом есть,— сказал профессор Эриксон, внимательно осмотрев Ярослава.— Вам будет предоставлена возможность ознакомиться с материалами. Но учтите, что Гафуров дал свое согласие весьма неохотно.

Оставшись в кабинете один, Гай принялся за чтение записей о ходе эксперимента. Он прекрасно понимал, что только от него теперь зависит дальнейшая судьба проекта.

Сначала записи рассказывали, как контролировалось его состояние танатозы. Дальше рукой Виктора были зафиксированы все сеансы связи его Пси-эха с биокибернетической памятью компьютера. В журнал занесли также схемы вероятных маршрутов пентонавта и теоретические расчеты, где могла состояться его встреча с другими мирами. На этом этапе, как видно, все шло нормально. Механизм биолокации пентонавта приведен в готовность № 1. Пси-тождество Путешественника-пентонавта следует к цели... Все шло так, как предвидел Эриксон. Полученные в лаборатории данные свидетельствовали о том, что проецируемый образ пентонавта должен был соединиться с тем, другим миром, и материализоваться... И он действительно соединился, однако информация о том, что он *ТАМ* видел, что *ТАМ* его окружало, в лабораторию не поступила.

Судя по записям, операторам сперва показалось, что Путешественник потерял сознание и его Пси-эхо связано с нейтронной Зоной «ИКС» другой системы. Подобный вариант был предусмотрен. Послали специально закодированный вызов, однако ответ не поступил. Хуже того, контакт с Пси-эхом Ярослава Гая вообще прекратился. Биокomпьютер установил, что нейроны пентонавта, на которых рассчитан был аварийный вызов, оказались сверхполяризованными, потому они тормозили, точнее говоря, искажали аварийный сигнал. Эриксон высказал предположение, что в Зоне «ИКС» царит полная амнезия.

Отсутствие контакта с пентонавтом угрожало его здоровью — длительное время пребывать под гипнозом в состоянии идеальной танатозы он не мог. В обход Зоны «ИКС» Эриксон решил срочно отправить пентонавто-спасателей: Эрику Крюгер и Алексея Тарасенко. Их Пси-тождества были запрограммированы исключительно на поиск Пси-тождества биоструктуры Ярослава Гая, чтобы затем вернуть его в тело пентонавта.

Акция удалась. Но никакой информации о мире, в котором побывали из Пси-тождества, пентонавты не принесли. Они провели исключительно поисковую работу...

Стоп! У Ярослава даже лоб вспотел. Хорошо, пусть информа-

ции они не доставили, но ведь когда дешифровали их память, должны были записать, что они делали!..

И, как оказалось, Гай был прав. На это обстоятельство Эриксон просто не обратил внимание. Спасатели ради освобождения Пси-тождества своего товарища и возврата на Землю прибегли к насилью...

В мозгу пентонавта шевельнулась слабая, неясная догадка. Отодвинув журнал лабораторных записей, он в который раз задумался. Если следовать теории Эриксона, то нематериализовавшаяся проекция Пси-тождества пентонавта путешествует в широком диапазоне частот другой осциллирующей вселенной, оно ищет своего хозяина, того, кому принадлежит Зона «ИКС» и кто на каком-то отрезке времени будет руководить поступками и действиями пентонавта.

Получив команду с Земли, из лаборатории «Дельта», Пси-тождество возвращается к пентонавту, находящемуся в состоянии танатозы. При этом сохраняется вся информация о жизни пентонавта в другом мире.

Ола... Гаскар... Саут... Что это за имена? Или названия?..

Обхватив руками голову, Ярослав решил сосредоточиться. В мозгу роились какие-то тревожные мысли, вспоминались обрывки чужого, далекого мира. Секунды тянулись, как вечность.

Саут... В момент, когда Пси-тождество Ярослава Гая проникало в Зону «ИКС», его настоящий носитель, Саут, упал с обрыва и у него произошло сотрясение мозга... Его нашла... (Ола?) и отправила в больницу. Пси-тождество пентонавта Гая попало в ловушку (стечение обстоятельств!). Проснувшись в новом теле, оно могло лишь аккумулировать информацию, воспроизведя ее в лаборатории. Те нейроны, которые резервировались для вызова, оказались заблокированными...

Ярослав вспомнил... И Ресту, и Олу, и врача Гаскара...

— Ваш рассказ о Ресте и объяснение того, почему эксперимент потерпел неудачу, кажутся довольно убедительными,— сказал Эриксон, уклоняясь от прямого взгляда Гая. Однако чувствовалось, что Эриксон сказал еще не все, что-то утаивал.

— У меня такое впечатление, словно вы мне не верите,— сказал пентонавт.— Как понимать ваше: «довольно убедительными»? Я согласен, что прямых факторов у меня нет. Но отрицать мою логику, надеюсь, вы не станете?

— У меня с логикой тоже как будто все в порядке,— примирительно усмехнулся профессор.— Иначе бы лаборатории «Дельта» просто не существовало...

— Вот-вот. Специалисты согласились на эксперимент с Пси-перемещением лишь после того, как увидели в ваших доводах здравый смысл.

— Гай, оставьте лесть,— устало отмахнулся Эриксон.

— Вы разуварились?!

— Ярослав,— не глядя на пентонавта, сказал профессор.—

Мы до сих пор не получили подтверждения, правильна ли моя Пси-теория, мое детище. Имеются лишь косвенные сведения. Я было решил, что Путешествие Ярослава Гая поставит точку над «и», над всеми загадками и недоразумениями. Потому что Ярослав Гай самый одаренный из всех Одаренных. Я нисколько не сомневался в успехе эксперимента. И вот опять неудача...

— Но я ведь объяснил, почему...

— А доказательства? Доказательства! Они-то у тебя есть?

— В таком случае разрешите еще раз осуществить Перемещение, и вы сами убедитесь, что я прав. Я хоть сейчас готов отправиться на Ресту.

— О, нет! — оборвал пентонавта Эриксон. — Я уже подготовил приказ: работы в лаборатории «Дельта» прекращаются. Завтра утром я направлю руководству Центра рапорт с предложением Пси-проект заморозить. Больше жизнью Одаренных рисковать я не имею права. Их способности можно использовать значительно лучше.

— А как же?.. Вы же сами убеждали в преимуществе нового метода, что он позволит проникнуть в самые недоступные уголки Вселенной. Неужели опять возвращаться к архаическим космическим кораблям? А где гарантия, что не последуют новые жертвы? Или вы полагаете, что человечество к ним привыкло?

— Я действительно много говорил о Пси-перемещении, его удивительном будущем. То же самое я недавно говорил и вашей невесте. Хотя, если признаться, все сказанное Виктории прежде всего нужно было мне самому. Вы удивлены? Напрасно. Не забывайте, что я, кроме того, что автор Пси-теории, еще и официальный руководитель Проекта. И несу за него полную моральную ответственность. Хотя я прекрасно понимаю, что полностью застраховаться вряд ли возможно. Но... столько неудач и жертв? Вы, Ярослав, должны меня понять.

— Но...

— Никаких «но». Будем считать, что разговор окончен.

На экране главного биокомпьютера вдруг появились похожие на диски строения, которые удивительно гармонично вписывались в пейзаж, несколько шокирующий глаз землянина.

Профессор сразу догадался, что это Реста. В глубине помещения он увидел девичью фигуру.

— Виктория! Что вы делаете?.. — Профессор понял, что его вопрос слишком риторичен: ассистентка осуществляла Пси-перемещение Ярослава Гая. — Вы осознаете, какую взяли на себя ответственность?..

— Но ведь эксперимент удался! Через три минуты Ярослав завершит Путешествие... — Виктория кивнула на экран, где пульсировала такая далекая, но теперь разгаданная ими жизнь...

*Перевел с украинского
Владимир Середин*

КОЛЕСО ПРОГРЕССА

Вопль дерева разбудил жреца, задремавшего после обеда. Смертельный ужас слышался в негромких стенаниях других деревьев, кустов и шепоте травы. Открыв два нижних глаза, жрец еще раз убедился, что, кроме старейшин, никто вопля не слышал. Остальные продолжали дремать в тени у порогов своих глинобитных хижин. Старейшины переглянулись, и жрец пошел в сад, откуда еще веяло пережитым страхом.

В саду он нашел Адана, кромсавшего срубленное деревце тяжелым обсидиановым ножом. Юноша поднял голову и бесстрашно смотрел на приближавшегося жреца.

«Мы вырождаемся,— подумал жрец.— Их все больше. Тех, которые не слышат. И плохо видят. Все труднее держать их в повиновении. Они не хотят выполнять заповедь — не убивай ничего живого. Ножи существуют только для того, чтобы лечить, прививать и срезать урожай».

— Ты убил дерево! — сказал он, вырвав нож из щупальца Адана.

— Ему не больно! — с вызовом возразил тот.

Убийцу требовалось наказать, хотя он еще не достиг возраста восприятия мудрости. Адан все поймет и простит наказание, но в памяти оно останется навсегда, как жестокое предостережение. Безнаказанность потворствует злу. Лучше осмысленная жестокость, чем привычка ко злу.

— Ему не больно! — упрямо повторил Адан.— А я хочу делать красоту сам.

Жрец взгляделся в ствол срубленного деревца. Адан успел удалить кору в некоторых местах. Симметричные белые пятна образовали узор, но жрецу он не показался красивым. Зато кругом была красота, разумная красота божественного порядка. Человек должен познать этот порядок, а не вредить ему. Что есть Адан? Червь, поглощающий и пропускающий через себя почву, чтобы сделать ее плодородной. Но червь не имеет разума, который позволяет общаться с богами. Разум приходит через боль и упражнения.

— Дереву было очень больно,— сказал жрец.— Перед смертью... И ты узнаешь эту боль, но не умрешь. Положи щупальце на мертвое дерево...

— Нет! — крикнул Адан.— Не хочу! Не хочу!

Жрец почувствовал в себе божественную силу и, пристально глядя в глаза Адану, сковал его волю. Одно из верхних щупалец юноши легко присоскамы на ствол повергнутого дерева.

Мелькнул нож, из обрубка щупальца хлынула кровь: Адан завопил, и жрец сквозь передававшееся ему ощущение боли и страха проник взором верхнего глаза в мозг наказанного. Он увидел

там нарушения порядка, но не устранил их, потому что торопился. Однако сильная боль могла уничтожить и самый порядок. Он унял боль, но не совсем...

— Останови кровь! — приказал он Адану. — Ты это можешь теперь! И думай все время, как у тебя растет щупальце. Тебе будет больно, пока щупальце не вырастет. Думай.

Все существо жреца охватила усталость, и глаза его, один за другим, закрылись. А именно сегодня ему надо быть свежим и сильным. Небо чистое, а ночь близка...

Он поторопился выйти из сада в улицу, где его ждали старейшины, благоговейно простирая к нему свои щупальца. Они знали все, что он пережил, и отдавали ему часть своей энергии, ибо он был старшим среди старших, и только ему принадлежала честь соразмерить развитие жизни животных и растений с божественным порядком всей видимой Вселенной.

...Они вошли в храм, когда дневное светило скрылось за холмом. Круглые отверстия пронизывали насквозь глинобитные стены. И в черноте каждого из них сияло по звезде. В самом центре купола храма было отверстие побольше, и в нем горело целое созвездие. Оно называлось Око Бога. С обращения к нему начинался ритуал определения сроков зачатий, посева семян, удаления омертвевшего...

И вдруг жрец почувствовал неладное. В Оке Бога была лишняя звезда. И она двигалась...

Звездолет с бортовым номером К-14 вынырнул из минус-пространства совсем не в том районе Галактики, где полагалось по расчетам, сделанным на Земле. Командир сличал расположение звезд на экране кругового обзора со звездными картами и чертыхался. Пять лет потребовалось для составления программы полета, проверок и перепроверок ее в сотнях советов, комитетов и комиссий, утверждения во всех отделах ста управлений и... вот результат! Рушилась очередная надежда человечества найти новые миры, пригодные для обитания. Околосолнечное пространство было освоено. Миллион счастливых героев стоял в скафандрах или отсиживался на космических станциях, слишком мало давая Земле с ее многомиллиардным населением по сравнению с надеждами и материальными тратами.

Командир вспомнил помещение, в котором жил на Земле: противоположные стены можно было достать пальцами, если встать и расставить руки, а он был работником привилегированным и получал в дополнение к пайку витаминизированного желе и питьевой воды сто граммов настоящего мяса в месяц. Почему «был»? Неужели он смирился с тем, что, оказавшись в уголке Вселенной, не обозначенном на картах, он и его подчиненные навсегда расстаются с человечеством?

Приборы докладывали, что прямо по курсу — звезда размером

с Солнце, а вокруг нее оборачивается десять планет. Одна из них голубая, как Земля. И вот она уже занимает весь экран, показывая свои океаны, реки, леса... Кислородная планета, пригодная для жизни человека!

Заместитель командира звездолета по контактам то и дело потирал тыльной стороной ладони свой распухший нос. Аллергия! Этим нервным движением он старался помочь себе всякий раз, когда возникала тревожная проблема.

Он сидел в душистой траве на вершине холма, где назначил встречу местному уроженцу по имени Адан. К тому же раздражала и угнетала непривычная обстановка.

Кругом пели птицы, плоды оттягивали ветви деревьев почти до земли. На склоне холма щипали траву какие-то пугающе большие и тучные животные. Желтело поле хлебных злаков, тянувшиеся до глинобитных хижин деревни. Невероятно крупные, граммов по двести весом, колосья покачивались на тонких, но прочных стеблях под порывами свежего ветерка. Зудели, жужжали, стрекотали мириады насекомых...

Заместитель вдруг вскрикнул и выругался. В запястье руки впелись челюсти существа, похожего на муравья. Сбив его щелчком и почесывая укушенное место, он мечтательно представил себе, как над всей этой растительностью низко летит самолет, а за ним тянется химический шлейф, от которого мгновенно дохнут все эти досадные жучки и паучки.

К сожалению, ни самолета, ни химикалий в распоряжении заместителя не было, а проблема, которая его мучила, носила чисто социальный характер. Он думал о своем конфликте с товарищами, с командиром, людьми вроде бы проверенными и вдруг забывшими начало начал.

А ведь прекрасные специалисты. Звездолет сел благополучно. Планета оказалась пригодной для жизни, разве что слишком перенасыщенной всякой живностью и растениями.

Сразу были обнаружены и разумные существа, похожие на музейные экземпляры земных моллюсков, но не с двумя, а с тремя глазами, ротовым отверстием в голове, круглым плотным туловищем, восемью длинными сильными щупальцами, позволявшими отлично передвигаться и работать. Речь их оказалась крепким орешком даже для судового логомата. Слишком много синонимов. Для обозначения только различных видов почв в нем существовали тысячи слов. Это как у древних эскимосов, которые не имели единого понятия «снег», а называли всякую разновидность этой холодной субстанции одним из нескольких десятков специальных слов.

Трудно разобраться и в физиологии октопов (так их сразу же и прозвали), в функции третьего глаза, в способах общения и мышления. Впрочем, все эти сложности касаются логика, биолога и

прочих специалистов звездолета. Дело заместителя по контактам — общественные отношения октопов. Они-то и заставляли его потирать распухший нос...

Во всех деревнях октопов примерно равное число жителей. И отстоят эти деревни друг от друга на почти равном расстоянии, отделенные рациональным количеством лесов, полей, лугов, которые каждому обеспечивают работу и сытную жизнь, а вот социальное устройство октопов — самое примитивное.

В каждой деревне есть свои то ли вожди, то ли колдуны, которые сосредоточили в своих шупальцах всю полноту власти. Нет и намека на хотя бы первобытную демократию. Пользуясь возрастным превосходством в физической силе и ритуально-религиозными церемониями, они присваивают себе право регламентировать жизнь, работу, мышление жителей, подавляют любое проявление инициативы.

А глухое брожение, недовольство колдунами, жрецами или как их там... весьма заметно. На вчерашнем вечернем совете в звездолете заместитель предложил использовать это брожение, поддерживать недовольных, что позволит направить здешнее общество по пути прогресса.

Это надо же! Октопы очень смышлены, а тирания жрецов, подавление инициативы привело к тому, что орудия труда у них незамысловаты до чрезвычайности, даже колеса не изобрели, хотя деловой древесины можно добыть сколько угодно — вон какие деревья!

Однако поддержки на совете заместитель не получил.

Начать с того, что биолог принялся развивать фантастические идеи.

— Коллеги,— сказал он,— я не могу согласиться с этим смелым предложением, поскольку оно содержит элемент риска. Мы почти ничего не знаем об октопах. Мы сталкиваемся с феноменом живой природы, которая на Земле существует только в заповедниках. Если мы обратимся к запечатленной в книгах истории человечества на Земле, то увидим, что основные виды домашних растений и животных состояли на службе человека задолго до изобретения письменности, когда орудия труда были самыми примитивными и ни о каком техническом прогрессе не могло идти и речи. Мы не знаем, какими способностями и знаниями обладал древний человек, который создал эти виды. Наша сила — в совокупности технических знаний, которые хранились прежде в книгах, а теперь в памяти наших компьютеров. Наш мозг не стал изощреннее за последние тысячи лет. Некоторые способности древнего человека нам кажутся даже сверхъестественными. Попробуйте умножить двадцать два на одиннадцать!

Пальцы членов совета невольно потянулись к кнопкам наручных приборов, совмещающих в себе часы, калькулятор, искусственную память, устройства дальней связи и автоматического перевода с разных языков.

— Вот видите! — торжествующе воскликнул биолог. — В уме сделать вы этого не можете. И сама память современного человека, засоренная второстепенной информацией, стала слабее от постоянного общения с компьютерами. Но вернусь к прежней мысли. В исторически обозримом отрезке жизни человечества случаи выведения новых видов домашних растений и животных почти не наблюдаются. Так что же это были за люди, от которых древние шумеры получили наследство — собирать по четыреста центнеров пшеницы с гектара! У древних греков урожаи были уже втрое меньше, но и они тоже не нуждались в хлебе насущном и посвящали свой обильный досуг занятиям философией, искусством, спортом и войной. Еженедельный рацион раба в Древнем Риме, как писал историк Моммзен, составлял половину овцы и фантастическое, даже для девятнадцатого века, количество растительной пищи.

Некоторые из членов совета вздохнули.

— Вот какое изобилие было получено нашими предками от их неведомых предков, от предшествовавшей цивилизации. В нашу великую технологическую эпоху мы можем синтезировать пищу на великолепных заводах, мы заставляем трудиться на нас бактерии, создавать протеин, который входит вместе с витаминами в наш рацион, но более сложные организмы нам неподвластны, потому что с каждым годом мы все более теряем связь с природой и утрачиваем древний генофонд.

Биолог развел руками.

— А что мы видим на этой планете? Гигантские урожаи злаков, овощей и фруктов, тучные, как говорили в древности, стада домашних животных, запрет на уничтожение всего живого, включая дикие растения... Я подозреваю, что мы имеем дело с биологической цивилизацией и что подобная цивилизация некогда существовала и на Земле. Не познав ее законов, мы не имеем права вмешиваться в социальные отношения, которые могут оказаться наиболее благоприятными для поддержания биологического статуса-кво...

Тут заместитель не выдержал и перебил биолога.

— Вы ретроград, мракобес и очернитель прогресса! — выкрикнул он. — Уж не предлагаете ли вы и нам вернуться к рабству?

— Нет, не предлагаю, хотя вижу в нашей осознанной необходимости добровольное, но тоже рабство. И потом я не заметил рабовладельческой формы социальных отношений у октопов. Здесь что-то другое... но что?

— Вы пользуетесь тем, что мы оторваны от Земли, и не боитесь показывать свое реакционное нутро. Я требую голосования!

При голосовании заместитель остался в одиночестве.

— Никаких социальных экспериментов! — подвел итог командир. — Экологическая обстановка неясна.

Заместитель был потрясен до глубины души. Разумеется, он должен подчиняться большинству и поддерживать авторитет ко-

мандира. Ничего, если удастся вернуться из экспедиции, все будет правдиво и обоснованно доложено руководству, а в служебных характеристиках недалёковидных членов совета появятся соответствующие выводы. Он уж позаботится, чтобы впоследствии ответственные посты в экспедициях занимали не узколобые специалисты, а люди, способные передать братьям по разуму факел прогресса.

Впрочем, заместитель не собирался и теперь упускать случая сделать доброе дело. Здесь, на холме, он назначил встречу представителю молодого мятежного поколения октопов. Бедняге отрубили щупальце лишь за невинную попытку создать произведение искусства из срубленного дерева. Ему велели думать все время о том, что у него растёт щупальце. Уверяли, что вырастет, как выросло у других. Но оно не выросло, потому что молодой октоп не мог думать об этом. Он все время думал о несправедливости наказания и был полон решимости бороться за правое дело свободы от тирании жрецов.

Заместитель не мог не помочь Адану и его единомышленникам.

Прошло нескладанное время. И в небе планеты появился другой звездолет. У командира было строгое предписание, основанное на горьком опыте, — если планета населена мыслящими существами, ни в каком случае не вмешиваться ни в какие местные дела, не влиять на естественное развитие социальных отношений.

Исследовательская группа, посланная со звездолета, и не вмешивалась ни во что.

В центре города, возникшего, как выяснилось, сравнительно недавно, она обнаружила скульптурную группу — большеносый человек протягивал факел октопу, который подхватывал светильник обрубленным щупальцем. Взор его трех глаз был устремлен вдаль. Было странно видеть этот третий глаз, потому что у принимавших группу октопов третий, верхний глаз, отсутствовал. И еще более странно было видеть фигуру человека здесь, на этой далекой планете.

Разгадка была в преданиях.

А предания говорили о золотом веке, когда на планете была райская жизнь, когда младшие слушались старших, когда дела решались малой кровью, когда поля давали гигантские урожаи, и все были сыты. Потом с неба явились боги. Они жили в железном замке и были могущественны, но не хотели делиться с октопами своим могуществом. И наступило время, когда не стало единства у октопов. Не было единства и среди богов. И один из них дал октопу Адану, великому Адану, невиданные прежде знания и оружие. Давно это было. Но с тех пор нет мира на планете. В битвах за правое дело погибла половина октопов. Боги разгневались и вознеслись в небо на своем железном замке. А октопы что ни год воюют с врагами мира, свободы и счастья. В перерывах между войнами они заседают в советах, выбирают и славят вождей и планируют

счастливое будущее. Уже почти каждый второй руководит и планирует, получая за это больше пищи, которой почему-то недостает. Совсем мало осталось октопов, которые умеют выращивать злаки и собирать большие урожаи.

Исследовательскую группу со звездолета принимали пышно, говорили много речей и оказывали божественные почести. И даже пригласили на церемонию лишения жизни одного из врагов.

На городской площади собралось великое множество октопов. Они одобрительно галдели и размахивали щупальцами, наблюдая за повозкой, которая везла осужденного к месту казни.

Один из исследователей востепенулся и показал рукой на повозку.

— Глядите, — сказал он, — эти октопы изобрели колесо. Теперь они на верном пути прогресса!

* * *

ЛЕВ КОКИН

ДЯДЮШКА УЛУГБЕКА

Туру Хейердалу

В туристской группе было одиннадцать человек; не знаю, достаточная ли это причина, чтобы застрять на Приюте одиннадцати. Как бывает в горах, откуда ни возьмись с только что ясного неба повалил снег, задуло, замело, запуржило... а тут, словно по заказу, просторная непродуваемая палатка. Ощущая себя везунчиками, баловнями судьбы, мы расположились с удобствами, плотно и вкусно поели и потом, в ожидании погоды, стали коротать время, само собой, за разговорами. Вспоминали случаи к месту, занимательные истории, дошло по обыкновению до анекдотов. Народ собрался образованный и смешливый, один анекдот цеплял за другой, как будто бы в альпинистской связке, потянулись сериями. ...И сами не заметили, как повернуло всерьез: что такое есть национальный характер, чем диктуется — происхождением, воспитанием, кровью и памятью, наследственностью или наследием... В общем, биологией или социологией. Однако в отвлеченностях не смогли долго дышать. Сосредоточились на примере: а что будет, если усыновить? Ребенка, понятно...

— А хоть кроманьонца! — горячился убежденный противник наследственности, социолог. — Поелику антропологи утверждают, что за прошедшие от позднего палеолита десятки тысячелетий человеческий вид практически не изменился, несомненно, вырастет тот, кого воспитают!

— Так где ж его взять, кроманьонца?! — усмехнулся по этому поводу большой поклонник генетики математик.

Оппонент не смутился:

— Да хоть в Арктике откопайте, в мерзлоте, как знаменитого мамонтенка!

Тут вмешался в спор самый, пожалуй, вежливый из всей нашей группы товарищ, обходительный, мягкий, интеллигентный, он пользовался общей симпатией. Не первый год вместе ходили, всегда отправлялся вдвоем с женой, не менее, надо сказать, симпатичной: образцово-показательная была пара, трудно не залюбоваться. На этот раз половина пропускала сезон, по причине вполне уважительной: стала мамой.

— Между прочим,— сказал этот наш молодой папа (назовем его ну хотя бы Сергеем),— по интересующей вас теме располагаю некой информацией. Достоверной. Позвольте одну историю, надеюсь, жалеть о потраченном времени вам не придется. Только должен заранее предупредить. Длинная, не расскажешь в два счета...

— А нельзя предварительно резюме? — поинтересовался физик.

— Между предисловием и изложением? Это идея! — охотно поддержал его кто-то.

— Нет, коллеги, если уж слушать, так все по порядку,— наш милый Сергей проявил твердость.

— А куда, собственно, торопиться?..

Кому, как не математику, рассуждать так трезво; и все прислушались к завыванию ветра, от которого отгораживали одни лишь тонкие стенки палатки... да обещанная Сергеем история.

— Дело в том,— начал он,— что я вырос в семье видных биологов... Не хочу козырять именами, надо думать, многим из присутствующих знакомыми...

— Вон вы из каких Петраковых,— незамедлительно отозвалась наша докторица; ее непосредственность, впрочем, рассказчица не отвлекла.

— ...Однажды отчима пригласили на необычную экспертизу. В Самарканд. Речь шла о погребении Тамерлана. Про мавзолеев Тамерлана не стану распространяться, большинство его, разумеется, видело собственными глазами, а кто не видел, тот по изображениям знает. Гур Эмир не запомнить нельзя, потрясает, любопытно, что возводил его Тимур не для себя; но когда, возвращаясь из очередного похода, он неожиданно умер, то был доставлен в свою столицу и там похоронен. Надеюсь, не требует пояснений, что Тамерлана на самом деле звали Тимур, позволю себе лишь напомнить, имеет значение для дальнейшего, Тамерлан — со временем слившееся с прозвищем имя: Тимур-ленг, что на фарси означает Тимур-хромец. В одном из бесчисленных сражений раненный в ногу, он остался хромым на всю жизнь.

Положим, все это занятно, нет спору, да биология-то какое к этому имеет отношение, при чем тут биолог? Оказалось — при чем, ибо речь шла о вскрытии могилы, экспертиза наподобие судебно-медицинской. Кому, спросите, понадобилось спустя столько

веков. Резонно. Это историки усомнились — из-за сведений, будто могилу разграбили в свое время, нельзя было исключить, что могила просто пуста. Когда-то ее уже обследовали с такой целью, ученая комиссия пришла тогда к заключению, что останки, так сказать, целы, но было это давно, решили на современном уровне убедиться.

Осмотр подтвердил прежние выводы; ту же разницу в длине берцовых костей, причем на правой, короткой, виднелись следы перелома, припоминаете — Тимур-хромец! Для контроля взяли еще образцы костной ткани, установили ее возраст современными методами. Ну, скажем, по радиоизотопам. Манипуляции с тканевыми культурами как раз были коньком биолога Петракова.

Исполнив требуемое, он, однако, не ограничился этим. В том и заключался его интерес — воспользоваться экспериментальным материалом, поистине уникальным. Вы тут кроманьонца вспомнили, дескать, откопать бы в мерзлоте, как будто бы мамонтенка. Так вот, биолог Петраков допускал в мыслях... в своей гипотезе нечто подобное, только не с целым организмом, а с клеткой, именно, что живая клетка, погибшая неповрежденной и хранимая при определенном режиме, может не потерять жизнеспособности произвольно долгое время, — и была плюс к тому идея, как заставить проснуться эту дремлющую способность.

Короче, поместил он несколько клеток в питательный раствор... вернее, в растворы, только не стандартные, общепринятые, а в особые, свои... поманипулировал над ними... подробностей не передам, не по уму мне, да и вам, надо полагать, ни к чему, знаю только, что и облучения были... И в одной из чашек процесс взял-таки да и запустился. Ожившая после многовековой спячки клетка стала делиться!

Казалось бы, кричи «эврика!», скорее в печать, на ученый совет, на симпозиум — сообщение, доклад, статью, труби на ученый мир. Здесь не квартальной премией пахнет, Государственной, а то и Нобелевской, не шутка. Только отчим мой, до того вообще молчок, от сотрудников маскировался, от ближайших секретил, тут раскрылся наконец перед одним-единственным человеком, ближайшим из всех, именно перед всегдашней помощницей и женой.

Они составляли замечательный научный дуэт, в экспериментальной науке подобные семейно-исследовательские пары традиционно не редкость, известно, его голова плюс ее руки в сумме дают величину больше двух, так у вас говорится, уважаемые физики-химики?.. Только в нашем примере эффект умножения был многократно сильнее, ибо в согласии действовали две головы плюс две пары рук плюс, простите за старомодность, два сердца.

Когда Петраков изложил своей Вере Петровне в деталях, в подробностях то, о чем я вам рассказал, ему не пришлось про-

сией прощения за утайку, напротив, она воздала должное его выдержке, не говоря уж об остальном, ибо вслед за ним убедилась, что перед ними не артефакт, не ошибка, не экспериментальная грязь и не самообман, что, увы, нередко случалось в их многосложной науке. И для нее не оказалось неожиданным им задуманное продолжение эксперимента. В сущности, оно напрашивалось само, вытекало из предыдущего. Второго такого случая могло не представиться никогда, и ему не понадобилось любовных слов, согласилась без колебаний. Я, понятно, не мог присутствовать при том разговоре, мать передавала мне в общих чертах.

Он сказал ей что-то вроде того, что обидно было бы оставить начатое по дороге, и она отвечала, что он вправе располагать ею, как собою самим. Он резонно заметил, что это может коснуться не только лишь их одних, а, по меньшей мере, еще двоих человек. Не требовалось объяснять, что подразумевал он детей, сына и дочь. Она усмехнулась: где двое, мол, там и третий. «Ну да,— сказал он,— при благополучном исходе».— «Большой ли у тебя выбор?» — поинтересовалась она. «Выбор есть»,— сказал он. «Какой же, позволь узнать».— «По двоичной системе: да—нет. Оставить или продолжить. Удовольствоваться либо рискнуть».

«Риск беспспорный»,— согласилась она. «То-то и оно,— сказал он,— мало ли что в этих клетках могло повредиться за такое-то время, одно дело гипотезы, спекуляции, теории...»— «В конце концов, рискует не перцепиент»,— перебила она. «В зависимости от стадии,— возразил он.— По статистике, и в наше просвещенное время случается, что роженницы... ну, словом, понятно...»

«По статистике, и кирпич нет-нет да на голову упадет,— отвечала на это она,— в таком случае остается лишь пожалеть, что это выпало на твою долю, ты же сам заставил меня поверить в излюбленное свое правило...»—«Лучше жалеть о сделанном, чем о несделанном?» — спросил он.

Сами все-таки они не отважились оценить степень риска. Решили посоветоваться со специалистом. Обсудить степень риска и наметить заодно тактику, благо специалиста, притом первоклассного, не далеко было искать. Обратились к старому другу. В тайну донора посвящать его все же не стали, в конце концов, ничего не изменится, думал он, эксперимент с соматической клеткой мужа. Не рутинный, однако и не столь небывалый, вынашивание генетического двойника...

«Ты зачнешь непорочно, аки дева Мария,— в итоге пообещал старый друг-гинеколог,— клянусь честью профессионала».

Трудные месяцы наступили для них. Самые трудные во всей жизни. Петраков за спиною Веры Петровны ссорился с другом, настаивая на повседневном контроле, тот отмахивался, считая, что медицина сделала свое дело, теперь просто не надо мешать

природе. Знай он, что именно не дает Петракову покоя, подозревай хоть отчасти... но он не знал. А отчим не находил себе места; принимал решения и менял их в зависимости от малейшего недопомогания матери, принимал и менял: сохранить—прервать, прервать—сохранить, чаши весов безостановочно колебались. Тут, однако, мать совершенно права, ее воля оказалась сильнее. Это она настояла на том, чтобы довести эксперимент до конца и, как говорится, разрешилась благополучно.

Только выяснилось, что до окончания еще ой как не близко, ибо следует подождать, что из их гомункулюса вырастет.

По чести сказать, до его появления на свет настолько не заглядывали вперед. И тут ужаснулись: младенец-то был живой, дрыгал ножками и агукал. А его на каждом шагу подстерегали опасности, о которых никто, кроме родителей... простите, кроме экспериментаторов, не подозревал. Любой пустяк грозил обернуться проблемой, всякий прыщик — недугом. Как-то перенесет он прививку? Справится ли с ветрянкой? Потом с алгеброй? Потом — с поэзией? Как обстоит у него с иммунной системой?.. С абстрактным мышлением?.. С высшими проявлениями духа?.. Что, в конечном счете, берет в мальчике верх — гены или среда, кроманьонец или цивилизованный человек, что берет верх вообще в человеке, ваш вопрос, господа,— био или социо, социо или био?! И не слишком ли они много себе позволили, на себя взвалили, не зарвались ли в своем исследовательском азарте?..

А тем временем, покуда они заботились об иммунитете, о логических играх, о приличной видеотеке... да мало ли о чем еще пекутся преданные родители, вызывая ревность старших детей, мальчишка себе рос, не подозревая собственной исключительности, щелкал компьютерные задачки, гонял в шахматы и в футбол, подстригался по моде, а настала пора, и с девочками все складывалось у него вполне о'кэй.

По словам матери, любили его они с мужем какой-то мучительно любовью, исключительной, как он сам, оттого и старшие ревновали, чувствовали это, не представляя себе причин, а сладкая мука чем дальше, тем больше отягощалась, ведь нельзя было откладывать до бесконечности раскрытие, рассекречивание истории мальчика. Как ученые не вправе были ее утаить. Как родители — не в силах разрушить мальчишечий мир. И оттягивали, предаваясь самоистязанию, покуда могли. Чтобы возмужал, окреп духом.

Характер у мальчишки был порох. Старший за год не приносил (и, соответственно, не наставлял) такого количества синяков, как этот успевал за неделю. Бросалось сразу в глаза, как скор он в решениях и неробок. Кроме шахмат, футбола и прочего, обожал верховую езду. И стрельбу из лука. Представляете себе, как екало у родителей сердце, когда они наблюдали за ним с трибуны где-нибудь в Крылатском на стрельбище. Твердая ру-

ка, верный глаз — тренер был убежден, что сделает из него чемпионом. Так бы, вероятно, и получилось, когда б не одна особа с психологического факультета. Со свойственной ему стремительностью он увлекся вначале ею, а следом и самой психологией как наукой.

Иногда, в пору состязаний, в особенности по ночам ему снилась степь. По примеру новых друзей, полюбил ходить в горы, и не только сюда, на Кавказ, но и в Альпы, и на Памир, а во сне видел степь... и от топота сотен копыт гул над степью, естественно, пыль до туч, и в гуле и в пыльной мгле он сам, в одно слитый с конем, как кентавр, на лету измеряет ковер земли, и колчан со стрелами приторочен к седлу, и рука сжимает упругую дугу лука...

И наш Сергей продекламировал наизусть — на фарси, а потом в переводе:

— «Конь взял урок бега у серн, в горячности подобен огню, в плавности — воде, быстrokрылый, подобно ветру».

...Впрочем, мало ли кому снится степь и что является в сновидениях, однако если случалось рассказать родителям этаким сон, он замечал, они буквально мертвели.

— Вы так рассказываете, точно о близком друге... о брате! — первой не выдержала докторица. — Посвящены даже, в его сны!

— Нет, это не мой брат, — любезно, с мягкой своей улыбкой, возразил ей наш милый Сергей. — Это я брат Тимура-хромца, его близнец, двойник. Перед самым отпуском, буквально накануне отъезда, вместе с супругами Петраковыми честь имел подписать к печати статью. Отчет о длительном АБП-эксперименте — археолого-биолого-психологическом... Да, товарищи, теперь можно о нем говорить, завершён — рождением моего сына!.. Вероятно, впрочем, что и это еще не конец, запятая, не точка, промежуточный финиш на первом этапе...

— Так, выходит, что ваш младенец, — проговорил тут в раздумье физик, как гипотезу выдвинул, — родимый племянничек великому Тамерлану?

— И стало быть, дядюшка великому Улугбеку?! — без запинки развил эту мысль давешний сторонник генетики математик.

Странную смесь удивления, сомнения, плохо скрытой иронии и в то же время восхищения выражали явственно голоса, как это бывает от умопомрачительной небывальщины, а глаза торопились отметить в лице рассказчика монголоидные черты, отдаленное сходство с портретами из энциклопедий.

— На дворе-то распогодилось, милостивые государи, — говорил между тем наш двойник великого завоевателя, выглядывая из палатки наружу. — Не пора ли нам, дорогие, того?!

Не прошло получаса, как опять все дружно топали гуськом в гору, оставляя змейку следов на свежем снегу.

ЧЕЛОВЕК С «КЕЙСОМ»

Дверь приоткрылась, показалась полысевшая голова.

— Можно?

— Можно, заходите, — нетерпеливо отозвался председатель комиссии.

Предстояло просмотреть еще десяток изобретений, и он очень нервничал.

— Ну, смелей!.. Подойдите!

Вошедший держал в руках голубой «кейс». Он прошел в середину зала и сел на стул перед комиссией, расположившейся полукругом.

— Ваше имя? — спросил секретарь, обмакнув перо в чернильницу.

Человек назвал себя.

— Адрес?.. Не знаю...

— То есть как не знаете? Ладно, — махнул рукой председатель, которого к тому же мучила одышка. — Показывайте, что у вас.

— Вот... «кейс». В наше время быстрых скоростей и всеобщей компактности... Я подумал, что такой универсальный «кейс», быть может, найдет применение...

— Без вступлений, пожалуйста. Покажите лучше, — перебил его председатель.

Человек сделал два-три движения, и «кейс» превратился в треногий стол, в мольберт, затем в фотоаппарат с объективом-гармошкой.

Члены комиссии переглянулись.

— Это все? — спросил председатель.

— Нет-нет, — торопливо ответил изобретатель и прибавил: — Ваша честь.

Он снова сделал два-три движения, и фотоаппарат исчез. Вместо него с внутренней стороны крышки загорелся экран телевизора. Показывали футбольный матч, как раз последние минуты игры.

— Хорошо, — сказал председатель. — Дальше?

— Подождите, — запротестовали члены комиссии. — Пусть останется футбол...

Они досмотрели матч, и тогда изобретатель убрал экран. На его месте появилась металлическая полочка, оказавшаяся электроплитой. Изобретатель выудил из «кейса» сковородку, поставил на полочку и разбил в нее яйца, которые тотчас же зашипели и свернулись желтыми клубочками. Члены комиссии вновь переглянулись, кое-кто посмотрел на часы — подошло время обеда. Изобретатель достал из «кейса» тарелку, ножи, вилки и предложил комиссии убедиться, что яичница натуральная.

— Это все? — спросил председатель и, поскольку изобретатель замешкался с ответом, продолжил: — Благодарю вас. Следующий.

— Нет! — вскричал изобретатель. — Это не все!

— Так что же вы? Показывайте скорее. Время...

Изобретатель страшно засуетился, убрал электроплитку, тарелки, ножи, вилки. Взамен появились холодильник, телефон.

— Неплохо, — одобрительно закивали члены комиссии и стали обмахиваться газетами, потому что было душно.

Крышка «кейса» превратилась в кондиционер, а нижняя часть развернулась, стала топчаном, и, дабы продемонстрировать прочность конструкции, изобретатель лег на него.

— Благодарю вас, хватит, — сказал председатель, ослабив узел галстука. — Можете встать.

Изобретатель встал, топчан превратился в ванну, в которой была пена, а из нее выглядывала голая женщина.

Снова закивали члены комиссии.

— Неплохо, — кивнул председатель. — Ну, что скажете, коллеги?..

Человек выехал на «кейсе», ставшем велосипедом, за черту города. Свернул с шоссе на неухоженную ухабистую дорожку, затем съехал и с этой дороги, остановился на пустыре. Здесь он убрал колеса и развернул «кейс» так, что тот покрыл землю множеством голубых прямоугольников. Человек сделал два-три движения, и часть прямоугольников поднялась, образовав стены. Он установил ролик, зацепил за него веревку, привязанную к крыше, потянул, и стала подниматься вверх крыша. Появились окна и дверь.

Изобретатель вошел в голубой домик, устало лег на топчан и закрыл глаза.

— Как себя чувствуешь? — послышалось из кухни.

Он промолчал. Жена вошла, села на край топчана и ласково погладила его по волосам.

— Не переживай, — сказала, — подумаешь, не приняли. Усовершенствуешь — в следующий раз примут.

— Сколько можно совершенствовать! — вскричал он. — Сколько?! Ведь они сегодня приняли какой-то электромассажер.

Ей нечего было ответить. Ей было жаль его. Она уже давно поняла, что ошиблась, выйдя замуж за неудачника.

— У меня идея, — с наигранной веселостью сказала она. — Пусть твой «кейс» превратится в...

— Хватит! — Он закрыл лицо руками. — Хватит! Не хочу больше слышать о «кейсе»!..

— Хорошо, не буду, — миролюбиво согласилась жена, потому что решила быть терпеливой. — Ты, наверное, проголодался. Сейчас приготовлю тебе яичницу. Если еще остались яйца...

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

ФУТБОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Надо вам сказать, что специальность моя ничего общего с футболом не имеет. По профессии я инженер, проектирую оборудование для нефтеперегонных заводов, но, поскольку речь зашла о футболе, расскажу вам и я одну футбольную историю.

Дело происходило в одной латиноамериканской стране, куда я был командирован для монтажа оборудования нефтеперегонного завода. Название этой страны знать вам не обязательно, только доложу я вам, что людей, более помешанных на футболе, чем в этой стране, мне нигде не встречалось. На работе, в кругу семьи, в кафе, на улицах — все только и говорят о футболе: обсуждают шансы, делятся впечатлениями о матчах, прикидывают варианты будущих встреч. А надо вам сказать, что мое отношение к футболу — тем более иностранному! — сугубо индиферентное. Равнодушен, в общем, я к нему.

Я вам это говорю к тому, чтобы вы поняли, почему я для ужинов то кафе облюбовал. Нет, кухня там была не лучше, чем в других, главное — там не было головизора. А то ведь как в других заведениях — не успеешь расположиться да заказ сделать, как начинают футбол транслировать. А головизоры там несколько отличаются от наших — если у отечественных всегда какая-то дистанция чувствуется между действием и зрителем, то там — почти никакой. Мельтешат почти перед столиком игроки, словно сидишь на краю футбольного поля, а то еще камера приблизит: изображение — и ты в самой гуще схватки, кажется, того и гляди в ухо бутсой заедут либо мячом по столику шваркнут. Но все это было бы не так страшно, если бы не посетители кафе. Это же черт знает что, а не публика! Орут, свистят, по плечу хлопают, руку пожимают — тут уж не до еды.

Короче, не слишком далеко от гостиницы, где мы жили, облюбовал я это кафе. Почти семейная обстановка, вместо головизора висел там посреди зала обычный телевизор, который показывал в основном старые фильмы. И тишина. Тишина потому, что на каждом столике стоял небольшой динамик: если хочешь услышать звуковое сопровождение фильма, надо опустить в щель монетку в два песо, а не хочешь — так не опускай.

Так и ужинал я в этом кафе целый месяц, пока не приметил меня хозяин заведения — маленький, облезлый такой старикашка по имени, если не ошибаюсь, Педро Бертеллио. Так вот, этот Педро подсел однажды ко мне и поинтересовался, почему я его кафе выбрал, ведь человек я вроде бы молодой, а здесь,

мол, публика не та — в основном старички, и головизора с футболом нет...

Ну я и рассказал хозяину о своем отношении к футболу, а какое оно у меня, вы знаете. Почесал Педро свой лысый затылок и говорит:

— Так, может, синьор сейчас куда не спешит? Понимаете, здесь в этой стране вряд ли кто поймет меня, а вы, как я вижу, иностранец, да к тому же совершенно равнодушны к футболу. Есть одна история, которую я давно уже хочу кому-нибудь рассказать, не рискуя прослыть сумасшедшим, синьор. Нет, нет, история не слишком длинная. Но я очень прошу вас меня выслушать, синьор. Мне это просто необходимо. Эй, Мария, еще два кофе синьору — не волнуйтесь, это за мой счет, да и весь сегодняшний ужин тоже — вы у меня в гостях.

Так вот, синьор, надо вам сказать, что еще три года назад я был страстным футбольным болельщиком, а кафе мое всегда было переполнено молодыми людьми — тоже болельщиками. Когда были самые интересные матчи, то народ ко мне валом валил — тогда у меня был один из самых мощных головизоров в городе. Синьор удивлен? Да, это было так, синьор. Вот видите, вам уже интересно, что произошло со старым Педро три года назад...

Как вы, наверное, знаете, синьор, в нашем городе четыре прекрасных стадиона — великолепные сооружения, скажу я вам. И футбольные репортажи транслируют преимущественно с них. Но вы знаете, синьор, выбраться из повседневных дел на футбол — дело не простое, да и вроде бы ни к чему — вполне достаточно головизора. По крайней мере, ни сутолоки, ни суеты — сиди себе в своем кафе да болей на здоровье. Но однажды, это было три года назад, синьор, захотелось мне попасть на стадион. Ну знаете, воспоминания детства, желание непосредственно ощутить атмосферу соревнований... Ну так захотелось, просто мочи нет. Тем более что в тот день ожидался матч двух самых сильных команд. Словом, собрался и пошел. Пришел на стадион, а там у касс аншлаг: «Все билеты проданы». Заскучал я, конечно, синьор, ну как не расстроиться — в кои-то веки выбрался на стадион, и так не повезло — все билеты проданы. Хотел уж было домой идти, но подумал: «Педро, ты вряд ли еще выберешься на стадион, лет тебе немало, а дел с каждым годом словно бы прибавляется. Рискни, Педро» — это я так себе говорил, синьор. Ну и решил все же пробраться на стадион. Подошел к воротам, а там полицейское оцепление. Сунулся я к одному, так, мол, и так, говорю, пропусти, деньги ему сую, только куда там, он и смотреть не хочет. А тут еще старший подошел, разорался на меня, в спину толкает.

Ну как тут не расстроиться, синьор. Но духом я не пал, а решил обойти стадион кругом, может быть, еще вход есть — ну какой-нибудь там для спортсменов или персонала... Не успел я

пройти и сотни шагов, как действительно, — гляжу, еще одни ворота, и надпись на них: «Служебный вход». Но, однако, и там, синьор, было оцепление. Я уж не стал подходить к полицейским, понял, что это бесполезно. А на стадионе тем временем шум, рев, зрители беснуются, диктор фамилии игроков называет, достал я свой карманный телевизор, гляжу — любимая моя команда выигрывает. Так это меня приободрило, что когда у ворот остановился крытый фургон-электро, я, пока водитель его переругивался с полицейскими, смог забраться внутрь — это в мои-то годы, синьор! Только я влез да прикрыл за собой дверь, чувствую — поехали. А через пару минут остановились. Приоткрыл я тихонько дверь, смотрю, как раз напротив меня, через дорожку, обсаженную кустами, — двери, ведущие под трибуны. Выскочил я из машины и нырнул в кусты. И нырнул, скажу я вам, вовремя, потому что буквально через минуту из-за поворота выскользнул маленький полицейский электро, а в нем трое здоровенных ребят в форме.

Остановилась машина рядом с моим кустом. Ну, думаю, все, Педро, — это я сам себе говорю, синьор, — вышвырнут тебя сейчас отсюда с позором. А сам притаился как мышь и наблюдаю. Гляжу, эти трое бросаются к соседнему кусту и выволакивают оттуда какого-то бедолагу — почтенного синьора моего возраста — тоже, видимо, хотел попасть на стадион. Как я потом узнал, это-то и спасло меня. Там, оказывается, такая защита устроена — реагирует на присутствие человека. Ну она и сработала, как будто там был только один этот почтенный синьор.

Не успел полицейский электро завернуть за угол, как я уже рванулся к дверям, приоткрыл одну, ринулся внутрь — теперь ищи меня! А над головой грохот, свист, рев — то ли проигрывают наши, то ли выигрывают — никак не пойму. Проскочил я побыстрее мимо закрытого буфета, мимо каких-то захламленных углов — даже не успел подивиться беспорядку, царившему под трибунами. И вот она, заветная дверь наверх. Отворил и зажмурился: под трибунами — полумрак, а наверху — ослепительное солнце. А когда я открыл глаза — вы не поверите, синьор, — вокруг себя я никого не увидел! То есть ни единой живой души! Ни зрителей, ни игроков, ни судей, ну, словом, никого. Только динамики на высоких мачтах от крика разрываются, да так, что оглохнуть можно. Не поверил я глазам своим, выхватил из кармана телевизор, включил. Смотрю, нет, все в порядке, игра вовсю идет. Может, думаю, перенесли игру на другой стадион? Но тут камера ворота показала, а за воротами фигурка святого Фоки, он у нас покровителем этого стадиона считается. Посмотрел на ворота, смотрю — святой на месте. Испугался я, синьор. Так испугался, что и не передать. Стал бегать, кричать что-то. Словом, помрачение нашло на меня.

Но чувствую, вдруг кто-то меня за локоть хватает. Я локоть вырвал, оглянулся. Смотрю — за спиной моей человек стоит.

Высокий такой, в очках, по виду настоящий профессор. Показывает он мне знаками, потому что словами ничего и сказать нельзя, шумно очень, на дверь, из которой я вышел. Ну и пошел я за ним, потому что деваться мне было некуда, синьор.

Прошли мы коридором, а там, за углом, большущий зал, весь заставленный шкапами. А посреди зала — головизор футбольный матч транслирует. И гляжу — моя любимая команда проигрывает. Не успел я как следует рассмотреть, кто кого, чего и как, профессор меня дальше потянул. Прошли мы через этот зал и оказались в кабинете.

Усадил меня этот профессор в кресло и спрашивает, кто я такой и что здесь делаю. И вы знаете, синьор, все я ему, как своему духовнику на исповеди, выложил. И то, что уже сорок лет на стадионе не был, и то, что я страстный болельщик, и то, что в моем кафе самый мощный головизор в городе. И лучше бы я не делал этого, синьор, может, и не рассказал бы мне этот тип ничего из того, что я от него потом услышал.

А рассказал он мне вот что, синьор. Память у меня хорошая, и если я не все понял, то все запомнил.

Как вы знаете, синьор, когда-то на футбол сотни тысяч людей ходило, но как только появилось телевидение, количество зрителей заметно поубавилось. Цветной телевизор тоже съел изрядную толику завсегдатаев стадионов, ну а когда появилось это дьявольское изобретение — головизор, на стадионы стали ходить лишь совсем выжившие из ума болельщики. Все остальные предпочитали смотреть футбольные матчи либо по телевизору дома, либо шли в кафе, где есть головизор. И конечно, у игроков почти сразу же резко упал класс игры. Попробуй-ка поиграй в полную силу, если на трибунах почти нет зрителей! Дошли даже до того, что стали проводить встречи команд под фонограмму, которую в нужные моменты включал специальный оператор.

Да, это так и было, синьор, я и сам помню, как лет десять назад резко упал интерес к футболу — и это в нашей стране, синьор, где каждый мальчишка с рождения мечтает стать великим футболистом! Да, простите, я несколько отвлекся. Так вот, этот тип с внешностью профессора и рассказывает, что же произошло дальше.

Подсчитали хозяева футбольных трестов, что невыгодно им и дальше держать столько игроков, тренеров, массажистов, врачей. И решили они заменить футбол чем-нибудь другим, но тут один умник предложил на первый взгляд совершенно невероятный проект. «Зачем вам держать столько команд, — сказал он, — когда достаточно занять всего лишь один компьютер?» Оказывается, синьор, достаточно заложить в электронные мозги данные о правилах игры, о поведении игроков на поле и их индивидуальных особенностях, как компьютер по какой-то там программе начнет выдавать свои варианты игры. Причем он сможет выдавать их сразу на головизор! Конечно, хозяева согласились на

это не сразу — рискованно все же, но тот тип их быстренько убедил, что дельце-то выгодное! Оказывается, он давно уже работал над этой задачей и собрал в свою картотеку все, что только можно узнать о футболе. От размеров футбольного поля и мяча до марки жевательной резинки, которую обожает левый полусредний команды «Чантос». Арендовал он на пару недель компьютер и заложил в него все эти сведения. Хозяева посмотрели искусственный футбол и пришли в восторг. Это была не игра, а лебединая песня футбола! Какие пасы, передачи, проходы! Сколько воли к победе! Какая техника! В общем, было решено для пробы дать одну передачу в эфир. Тем более что предстоял матч двух известнейших команд. Игрокам объявили, что матч отменяется, и быстренько услали их в зарубежное турне, а компьютер настроили на встречу именно этих команд. Повесили возле касс стадиона аншлаг: «Все билеты проданы», и встреча началась!

Как она проходила, можно и не рассказывать, о ней потом целый год ходили легенды, я и сам прекрасно помню это, синьор.

Не прошло и полугода, как в стране не осталось ни единой команды высшего класса, синьор. Ну там мелкие клубные команды, конечно, остались, да и мальчишки, как всегда, мяч во дворах гоняли, а большой профессиональный футбол навсегда ушел. Остался он только в памяти компьютера, а зрителям остались только бесконечные комбинации из характеров игроков, из лучших встреч прошлых лет, из судейских составов, из реакций на игры болельщиков. Вот так, синьор...

Когда этот профессор окончил рассказ, спросил я его, для чего он мне все это рассказывал. Тот пожал плечами, хмыкнул и говорит, что нельзя-де целый век на душе камень носить, надо когда-то и поделиться с живым человеком, похвастаться в конце концов. И вы можете себе представить, синьор, как я разозлился на него после тех слов! А что, говорю я ему, если сейчас выйду я на площадь перед стадионом, да крикну народу, что вы его ограбили, лишили последней радости! Что тогда будет с вами, синьор?

Но он только посмеялся надо мной. Кто, говорит, поверит полоумному старикашке — это он обо мне так сказал, синьор. А вы пробовали, сказал дальше он, отнимать любимую игрушку у ребенка? Или говорить ему, что кукла, с которой он играет много лет, не что иное, как небольшое количество тряпок, пластиков и краски? Попробуйте-ка сказать болельщикам, что весь их распрекрасный футбол — это комбинации импульсов в блоках моего компьютера! Вас живо засадят в сумасшедший дом, если раньше не пристукнут разъяренные поклонники футбола. Да и, в конце концов, у нас тоже достаточно длинные руки.

Вот и вся история, синьор. Как после этого я добрался до дома, не помню. Только на следующий день продал я свой головизор и аннулировал подписку на все спортивные газеты и журналы. Завсегдатаи кафе долго допытывались, что же произошло

со мной, только я крепко помнил слова этого профессора и отмалчивался, объясняя перемену своих привычек возрастом.

Теперь вы понимаете, синьор, почему именно вас я выбрал в собеседники? В нашей стране, где ребятишки чуть ли не с пеленок мечтают о футбольной карьере, мой рассказ привел бы меня прямоком в психиатрическую клинику.

Теперь уже совсем все, синьор. Эй, Мария, еще кофе синьору. Не беспокойтесь, синьор, кофе за мой счет, как и весь ужин, вы сегодня у меня в гостях, синьор.

После этого вечера дня три-четыре я в то кафе не ходил. Я сейчас уже не помню, почему — то ли перевели нас на другой объект, то ли пришлось сменить гостиницу. Но об истории, рассказанной мне старым Педро, помнил. А когда у меня в голове накопилось достаточно много вопросов, решил я их выяснить у хозяина кафе. Но на месте я его уже не застал. Ни его, ни Марии — жены Педро. На все вопросы новый хозяин кафе отвечал весьма неохотно. Сказал, что купил на днях кафе через банк, а прежнего хозяина знать не знает. Посреди зала уже громыхал и гремел головизор, а игроки норовили влезть бутсой в чашку с кофе или залепить мячом по столику.

Какой-то оборванец догнал меня, когда я уже выходил из зала, и шепотом, поминутно озираясь, сообщил, что старого Педро на днях увезли. «Это была полиция, синьор, они приехали на большом электро, взяли и старика, и его жену».

Через неделю истекал срок моей командировки. Уже на аэродроме, проходя через турникет при выходе на летное поле, я обратил внимание на стоящего возле вертушки человека в светлом костюме и широкой шляпе. Наклонившись ко мне, он сказал:

— Забудьте про старого Педро, синьор. Это был обычный выживший из ума старикашка, которого в конце концов увезли в психиатрическую клинику. Я не хотел бы, чтобы у вас осталось превратное представление о нашей гостеприимной стране, синьор.

Он посмотрел на меня и затерялся в толпе. А через двенадцать часов я был уже дома, в своем любимом Днепропетровске.

Вот такая произошла со мной история в одной латиноамериканской стране. А насколько она футбольная, судите сами.

АНДРЕЙ СУЛЬДИН

КУДА ЛЕТАЕТ МАХОЛЕТ

— Опять ты на ночь глядя, — запричитала Натали. Она проснулась и встала с кровати ради того, чтобы проводить меня до двери. Это тоже своеобразный ритуал. Натали немного суевер-

на: думает, что если она меня проводила, то со мной ничего не случится. Впрочем, за время нашего совместного житья, а это все-таки полгода, я действительно ни разу не попадался. Тьфу, тьфу, тьфу...

— Работа у меня такая,— пытаюсь оправдаться я. Сценка уже стала традиционной.

— Какая, к черту, работа может быть ночью в фирме по разработке игрушек? — Натали обычно не ругается, но в такой день ей можно все.— Этого я не пойму, хоть убей. Если ты кого себе завел, так и скажи. И не надо меня обманывать. Лучше я уйду.

Натали всегда так говорит. Грозится, но никуда она не уйдет. Я твердо знаю, что она меня любит. И она тоже хорошо знает, что никого я себе не завел, что я очень и очень ее люблю. Но Натали никак не может понять, зачем я, директор довольно известной фирмы по разработке игрушек, раз в месяц с завидной регулярностью уезжаю на всю ночь неизвестно куда.

— Надо,— говорю я.

Натали верит, что надо, но понять не может.

Я целую ее на прощание, и она возвращается в спальню. И я знаю, что она ляжет в кровать, но не заснет до утра. Будет ждать меня. Будет молить бога, чтобы со мной ничего не случилось.

В эти ночи я не пользуюсь вертолетом — его мотор слишком громок для заснувшего города. Для таких ежемесячных поездок я построил интересную штучку — махолет. Его конструкция как-то попала мне в одном старинном журнале. И я заразился этой идеей, простой, кстати. А какая это полезная вещь! Еще бы: тихо, беззвучно, как большая черная птица, я улетаю от дома. Никакого мотора. Только сила моих рук и ног.

Маршрут у меня давно проложен. Сразу поднимаюсь на высоту в полкилометра и над самыми крышами домов выскальзываю из города. Выше подниматься нельзя, хотя сил такой полет отнимет меньше. Но на большой высоте полиция сразу обнаружит меня своими локаторами. А с полицией шутки плохи.

Вернее, не так уж и плохо: я — известный изобретатель, и у меня могут быть свои, неведомые обычным людям чудачества. Но... из города ночью уходить непросто, узнают конкуренты, поползут слухи, и тогда мне будет худо.

Я поднимаюсь на крышу своего дома, собираю махолет. Это дело двух минут при известной сноровке, а она у меня есть. Прислушиваюсь. Все кругом тихо. Тогда сажусь на сиденье пилота и медленно, но с каждым мгновением все быстрее начинаю вращать педали.

Пропеллер махолета зашелестел, словно ветер в вентиляторе, и машина стала подниматься в воздух.

Куда я лечу? За эту тайну поплатился жизнью мой старший брат. Перед смертью, вернее, за день до смерти он успел открыть ее мне. Может, чувствовал, что скоро погибнет...

Брат явно встал кому-то поперек дороги, его успехи не всех радовали. И со мной, видимо, так будет: случайная авария геликоптера, обгорелые останки, которые и признать-то можно лишь по генетическому личному знаку. И кажется, что и меня обкладывают потихоньку флажками, как при охоте на волков. Таких зверей давно нет, но я слышал, что их ловили красными флажками... Правда, до реальных угроз пока не доходило. Но это ведь один шаг. Коротенький шаг.

И что-то все-таки просачивается. За последний год полиция два раза меня останавливала.

В первый раз перед полетом вышел на всякий случай на улицу проверить: нет ли кого? И наткнулся на патруль. А что ему здесь делать? Район спокойный. Так что в ту ночь не летал. И во второй раз, когда приземлился на свою крышу и только успел разобрать махолет, как они прикатили. Значит, следят? Или случайное совпадение? Но на всякий случай решил результаты второго полета не использовать, тем более что тогда ничего особенного не было.

Но сегодня позвонил старик и намекнул, что есть что-то интересное. Пошел на риск старикан, правда, звонил из автомата, он конспирацию знает, но все же... может, мои разговоры уже прослушивают? Хотя вряд ли. Мне бы сказал об этом секретарь, не зря же я плачу ему деньги. А в плане электроники он дока.

2

...С высоты птичьего полета город очень красив в праздники: огни, иллюминация. Но сегодня обычная ночь обычной рабочей недели, и всюду — затемнение. Экономия энергии, черт бы ее драл. И если не знать маршрут, то очень запросто можно заблудиться среди небоскребов или даже врезаться в крышу какого-нибудь здания. Но я маршрут знаю.

Мой путь лежит на север, за город, где раскинула свои владения городская свалка. Она там располагается уже давно. С тех самых пор, когда город перестал расти вширь, а только вверх устремил свои этажи. И разве могли когда-нибудь коммунальщики предполагать, что со временем свалка так разрастется и станет занимать площадь не меньше самого города? Но городу, в котором живет двадцать миллионов человек, надо куда-то девать ежедневно сотни тонн хлама и отходов. На свалке их частично уничтожали, сжигали, прессовали, закапывали... Остальное же выросло в гору, в гигантский памятник неразумности.

А что оставалось делать? Ведь до принятия экологической реформы дела оставляли желать много лучшего. Сколько всякой химической дряни утекло в реки и океаны? Сколько было отравлено воздуха смогом и газами, выбросами промышленных предприятий? Хорошо, хоть наше правительство не дало нам тогда захлебнуться в собственном хламе. Были приняты срочные меры:

всюду понастроили системы очистных сооружений. Выросли, как грибы после дождя, заводы по производству кислорода, фабрики свежего воздуха, фильтр-комбинаты... Они не дали погибнуть человечеству, доведя качество атмосферы до чистоты.

Брат мой посвятил меня в тайну познания и изобретательства. Он сказал мне, что там, на свалке, работает сторожем некий Мечтатель. Сторож держит нити Прошлого и Будущего, и он знает, что из Будущего уходит в Прошлое, а что из Прошлого возвращается в Будущее. Мы с братом были очень похожи, и старик принял меня в первый раз вполне доброжелательно. Но он взял с меня клятву, что я не выдам тайну никому. И я держу свое слово — даже Натали не знает, куда я исчезаю по ночам.

Почему выбор брата пал на игрушки? Точно не знаю. Может, ему тогда, в первый раз, попало что-то интересное именно из детских вещей, может, потому, что детей у него у самого не было... Как бы то ни было, выбор был сделан, фирма основана, и брат обратился за помощью к Мечтателю.

Со временем и я ощутил вкус именно к таким изделиям, а сейчас уже трудно перестраиваться. Тем более что в изобретательстве детских игрушек у меня уже есть неплохое имя.

Почему мои игрушки пользуются спросом? Мечтатель объяснил мне, что в свое время человечество пошло слишком быстро по пути технического прогресса, напридумывало всяческую электронику и компьютеры и не мыслило уже своего существования без них. Детские игрушки с каждым годом усложнялись, совершенствовались их дизайн. Они становились функциональными и прямоугольными. И никто уже не мыслил себе обычную куклу, ей в живот надо было обязательно вмонтировать электрический моторчик, а то и с плутониевым элементом, хотя можно было обойтись и простой пружиной, если уж это так необходимо.

Мечтатель обратил мое внимание, что игра — это особый феномен. Главное — игрушкой разбудить фантазию, творчество! Тогда ее возможностям не будет конца!

И конкуренты не заставили себя ждать. Узнав о новой моей игрушке, они тотчас усовершенствовали ее на микромодульной схеме. И получалось, что на их игрушках можно было еще играть в «морской бой», «ракетную атаку», «звездную войну» и малые военные маневры. Их игрушки всегда превосходили мои по техническому совершенству. Но они не могли соперничать с моими по фантазии. Тем более что мои игрушки совсем-совсем не были предназначены для электронных игр. Это было нечто другое, и моим выдумкам не было конца.

И вот, одолев пространство, я возле сторожки старика. Завидев махолет, Мечтатель поднялся с земли.

Был он стар, даже дряхл. Когда-то он был каким-то ученым,

денег имел немало. Но проиграл огромное состояние. Потом за-
вербовался и несколько лет копал ють-руды на каких-то спутни-
ках. Заработал и опять проиграл. Пустился во все тяжкие, спу-
стив последние деньги. Но старик не жалел о своей жизни.
Жизнь — это игра, говорил он. И хотя выигрыш приятен, но сам
процесс игры стоит большего. Лишь бы не выбыть из игры...

— Садись,— сказал старик, подгребая мне кучу мусора.
Грязно, конечно, но по крайней мере мягко сидеть, и не на хо-
лодной земле.— Готов? — спросил он.

Я кивнул.

— Это я берег более двадцати лет, все боялся не забыть и
все надеялся, что внуки будут,— молвил старик, наверное, на-
деясь, что я заплачу за его историю подороже. Но сейчас у меня
все равно больших денег нет. Доходы падают, в последнее время,
как я уже говорил, два раза пришлось пропустить, да и конку-
ренты охотятся за мной — они опять наводнили рынок игрушка-
ми, в попытке сделать их по аналогии с моими...

Да и Натали ведь не объяснишь, что заказывать через день
модной портнихе фантастические платья — тоже удовольствие
не из дешевых.

— Слушаю тебя, старик.

Мечтатель кивает. Он любит поговорить, ему приятно, когда
его слушают. Старик в молодости побывал на разных планетах,
в зарослях и в пустынях, он увлекался рисованием птиц и зве-
рей, насекомых и рыб; с тех пор многие виды животных уже на-
всегда исчезли, но не в его памяти... И теперь, слушая Мечта-
теля, я стараюсь представить все виденное им. Глаза старика
закрываются, он словно бы смотрит внутрь себя и вспоминает по-
вадки зверя. Его описания животного до того живы, что я уже
вижу ошетинившуюся фигуру зверя... Старик пробуждает во мне
фантазию, я зримо представляю согнутые в прыжке лапы...

Луч солнечного света падает на лицо старику. Он мгновенно
открывает глаза.

— Тебе пора, светает,— говорит Мечтатель.— А то до рас-
света остается всего несколько минут. И город начнет просы-
паться через пару часов. К этому времени патрулей повылазит,
будь здоров! Место это запрещенное, ходить сюда нельзя.

— Хорошо.— Я встаю.— Тогда через месяц?

— Да, через месяц,— подтвердил старик.— Жду.

Я пожал ему руку и вышел из его лачуги. Кругом, словно
горы, высились кучи мусора. А я стоял как в каньоне, на самом
дне глубокого ущелья. Все-таки до чего мал человек!

До города сейчас надо долететь без приключений. Сначала
сделаем небольшой крюк: облетим пригород, к дому попадем
с востока, вместе с солнцем. Не хватает еще, чтобы кто-нибудь
выследил мой маршрут. А километров через тридцать никто не
сможет доказать, что я летал на свалку. И я сильнее нажал на
педали.

Приземлившись на крыше своего дома, осматриваюсь. Вроде тихо. Теперь надо быстренько разобрать махолет, спрятать его детали на чердаке. И в разных местах. Чтобы, найдя одну, нельзя было сообразить: что же это такое?

Так, теперь отряхнуть костюм. Пригладить волосы, которые растрепались от ветра. Спуститься по пожарной лестнице вниз. И теперь спокойно войти в дом, как все люди,— через дверь. Может, я люблю ранние прогулки? Вполне вероятно, у изобретателей бывают разные чудачества.

Тихонько поднимаюсь по лестнице на второй этаж. В спальне горит ночничок. Натали, как я и предполагал, не спит.

— С добрым утром, милая. Ждешь? — спрашиваю я.

— Что-то не спится.— Это уже как игра, где ответы заранее подготовлены и заучены. И ни за что не скажет, что она просто волновалась за меня.

— Спи, все нормально,— говорю я.

Натали успокаивается и гасит свет...

Мне же сейчас спать нельзя. Мое дело быстренько разобрать-ся в рассказе старика. Надо уже сегодня продать промышленникам свою новую игрушку.

Я запираюсь у себя в кабинете, опускаю шторы, отключаю телефон, видеосвязь, дисплей, чтобы никто не мог мне помешать. И только тогда зажигаю свет.

Сажусь за письменный стол, достаю универсальные цветные карандаши. Первым делом — пару эскизов. Как же должен выглядеть этот страшный зверь? А какая у него шкура? Какой длины? А лапы?

Рука проворно чертит бумагу. Вроде все неплохо. Так, теперь просчитаем параметры на персональном компьютере. Мне очень хочется, чтобы этот зверь походил на настоящего, именно на того, какого мне описал старик. И зверь не должен быть уродцем. Он должен иметь вполне приличные пропорции.

Компьютер вычерчивает мне примерные схемы каркаса. Я выбираю ту, что мне понравилась больше. Робот-манипулятор тут же изготавливает основу из мягкого металла. Ведь он должен быть очень податливым, этот зверек, мягким, пушистым и с хитринкой на морде. Именно таким я вижу его сейчас.

Так, подобрать материал, для корпуса, для наружной оболочки. Я выдвигаю ящики стола, достаю лоскутки...

Робот-манипулятор, переходя с одной операции на другую, сшивает, склеивает, сворачивает кусочки материала, придавая игрушке намеченную мной форму. И постепенно рождается то неповторимое обаяние, которое присуще всем моим изделиям, всему моему космическому зоопарку.

Так, сколько времени? Полдесятого. Натали уже, наверное, встала. Надо ей показать.

Я открываю дверь и иду в спальню. Натали сидит у туалетного столика и рисует себе красивые глаза. Достойное занятие — три часа ежедневно.

— Посмотри, дорогая, что я сегодня придумал.

И я достаю из-за спины свою новую игрушку.

Я вижу на лице Натали удивление, сосредоточенное внимание, а затем — красивейшую улыбку на свете.

— Восхитительно! — воскликнула Натали. — А как ты ее назвал?

— Знаешь, милая, как тяжело мне придумывать названия? И в этот раз надеюсь на тебя... А я пока посплю пару часиков. В обед мы поедем в Промышленный центр. Надо будет показать толстосумам, что я изобрел действительно гениальную игрушку, нужную всем детям.

Я лег на кровать и не мог отказать себе в удовольствии поставить новую игрушку на тумбочку. Зверек сидел и хитро жмурил глаза. Я стал проваливаться в сон. У меня даже мелькнула печальная мысль: когда-нибудь мои конкуренты пронюхают... Тайна моей фантазии — это тайна природы. Старик собрал удивительные коллекции неведомых людям зверей! И выдавая мне по одному рассказу об одном зверьке или птице, он получает деньги. А я «выдумку» природы воплощаю в игрушки и дарю это детям. И они, и их родители в восторге! Моим конкурентам и в голову не придет, где я добываю сведения о зверях и птицах, о которых никому ничего не известно.

* * *

ВИКТОР САВЧЕНКО

НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Коридор станции освещался мягким дневным светом. Андрей миновал служебные помещения и свернул к лабораторным отсекам. То, что он увидел, заставило его остановиться с гулко бьющимся сердцем и пересохшими губами. Этого не могло быть. Согласно тому, чему его учили, повсем правилам и законам природы, он не должен был верить своим глазам. Мелькнула шальная мысль, что он сошел с ума и у него начались галлюцинации. Такое бывает, когда долго остаешься один. Подобные вещи случались. Он сильно ущипнул себя за руку, но это не помогло. По коридору станции навстречу ему, спокойно улыбаясь, шла Тая. Она шла с таким видом, словно проходила по этому коридору каждый день, словно это был не Марс, а тенистая аллея в сквере около ее дома. Словно они расстались лишь вчера и не было страшного горного обвала, похоронившего ее в своих недрах навсегда. Андрей не мог ошибиться, это была именно Тая, та девушка, которую он узнал бы в любой толпе и в любое время. Легкое голубое платье подчеркивало стройную фи-

гуру, аккуратные ножки в золотистых туфельках мягко ступали по пружинящему покрытию. Каштановые волосы рассыпались по плечам, карие глаза смотрели на него без всякого удивления. Все это было до боли знакомо, до боли привычно, но в то же время дико и противостоительно.

Он отступил на шаг и прижался спиной к переборке, не отрывая взгляда от приближающейся фигуры. В ошеломленном сознании еще теплилась надежда, что видение сейчас исчезнет, растает невесомым дымом и все встанет на свои места.

Но стройная фигура приближалась. Знакомые глаза светились приветливой улыбкой, словно не замечая страха и растерянности на его лице. Она остановилась перед ним и, как всегда, немного склонив голову набок, произнесла:

— Здравствуй.

Знакомый голос с чуть певучими интонациями заставил его вздрогнуть. Он пошевелил пересохшими губами, но ничего не ответил. Рука машинально скользнула в боковой карман и вытащила капсулу с антигалом. До сих пор он не пользовался им ни разу. На дрожащую ладонь выпали две желтенькие таблетки. Она с недоумением посмотрела на капсулу и мягко коснулась кончиками пальцев его губ.

— Не надо, Андрей. Я не галлюцинация.

Капсула упала, и таблетки рассыпались по серому покрытию. Андрей непроизвольно отшатнулся, больно ударившись затылком о переборку. Боль немного привела его в чувство и вернула дар речи.

— Кто ты? — хрипло выдавил он, сам испугался своего голоса.

Она неопределенно улыбнулась знакомой улыбкой и слегка пожала плечами.

— Зови меня Таяй. Раньше тебе нравилось это имя.

Андрей ошеломленно заморгал глазами, силясь привести в порядок свои мысли.

— Но ты не Тая... Тебя не может быть, — последние слова он произнес неуверенно, скорее просто машинально.

Она с сомнением посмотрела на него, словно оценивая степень серьезности сказанного. Так она всегда смотрела, когда не могла понять, действительно ли он говорит то, что думает.

— А кто же я? — спросила после небольшой паузы.

Андрей смешался и нервно забегал взглядом по дверям лабораторий, словно ожидая, что оттуда кто-нибудь выйдет и выручит его из затруднительного положения. Но она выжидающе смотрела прямо ему в глаза, и молчание становилось невыносимым.

— Не знаю... — выдавил наконец он. — И... как ты здесь появилась?

Было видно, что ее не удовлетворил такой ответ. Она в задумчивости обвела взглядом коридор, причем ее глаза не выражали даже намека на удивление по поводу того, что она находится здесь.

— Появилась... — рассеянно произнесла она.

У Андрея возникло жгучее желание схватить ее за плечи, хо-

рошо тряхнуть и потребовать прямого ответа, кто она и зачем здесь. Но тут его взгляд встретился с ее взглядом, и он увидел такие знакомые, такие милые и родные глаза, что в растерянности обмяк, привалившись к переборке. Она озабоченно нахмурила брови.

— Тебе плохо? — В ее голосе сквозила неподдельная тревога.

Андрей с усилием взял себя в руки. Шоковое состояние понемногу проходило, и он стал соображать более-менее связно. Подавив в душе нахлынувшие воспоминания, он заставил себя осознать, где в конце концов находится. Она отступила на шаг и с интересом наблюдала за переменами в его лице. Ее поза, ее взгляд были так бесхитростны, так до боли знакомы, что Андрею стоило немалых усилий не потерять снова нить здравого смысла. Он попытался улыбнуться, хотя не был уверен, что гримаса на его лице соответствует его попытке.

— Ты откуда пришла? — спросил с вкрадчивой лаской, словно обращался к сидящему перед ним льву.

Она недоуменно посмотрела на него.

— Ниоткуда, — ответила таким тоном, будто ее появление здесь было само собой разумеющимся, обыденным явлением.

Андрей в растерянности замолчал. Своей прямоотой и непринужденностью она ставила его в тупик. Он подозрительно окинул взглядом фигуру гостьи.

— Но откуда-то ты должна была прийти? — несколько грубовато сказал он.

— Тебя это очень интересует? — с едва заметным оттенком раздражения спросила она. Видно было, что ей начинают надоедать его странное поведение и все эти вопросы.

Зато Андрей ошеломленно смотрел на нее, силясь понять, то ли она действительно не осознает, что произошло, то ли... Вот это «то ли» сильно тревожило его. Мозг, трезво отбросив все эмоции, с большой настороженностью воспринял неожиданное появление. Но как себя вести, мозг подсказать не мог.

— Ты... хоть знаешь, где находишься? — растерянno спросил Андрей.

Она удивленно глянула на него.

— Конечно. Археологическая станция. На Марсе. Большой Сырт. Лабораторный отсек. Что еще?

— И тебя это не удивляет?

— Меня удивляет другое. — Она сжала ладонями свои щеки и оценивающе смотрела на него сквозь щелки глаз. — Может, все-таки, пойдем?

— Куда? — опешил Андрей.

— Ты меня так и собираешься держать здесь до бесконечности? — знакомым и ироническим тоном осведомилась она.

Андрей в растерянности потер лоб.

— Интересно, ты догадаться пригласить меня в каюту?

Андрей неловко потоптался на месте, но пошел назад по коридору, все еще с недоверием ощущая присутствие рядом неожиданного

воплощения, казалось, навсегда утерянного существа. Он еще раз украдкой осмотрел шагавшую рядом фигуру. Это была Тая. За два года знакомства Андрей наизусть выучил каждую линию ее тела, каждый жест, походку, характер и не мог ошибиться. Но Таи уже полгода как не существовало. Именно ее гибель привела Андрея на археологическую станцию, на далекий Марс. Он стремился целиком посвятить себя работе, забыть в этом чужом и полном опасностей мире, он был реалистом, твердо признающим только законы вечного мира, и вдруг она, как Эвридика, пришедшая из царства теней.

Сейчас, ошеломленный чудом появления, Андрей готов был поверить в мистику, во что угодно, но не в духов на Марсе, в стенах научной станции... По меньшей мере анекдотично. Весь здравый смысл ученого восставал против этого, но в то же время не мог подыскать хоть сколь-нибудь удовлетворительного объяснения случившемуся. И как назло он был один, дежурный до следующей смены. Он сам вызвался остаться на две смены подряд. Ситуация щекотливая. Подобного случая не предусматривает ни одна инструкция.

Вот и жилые помещения. Андрей медленно подошел к двери каюты, нажал ручку.

— Входи.

Она тут же уселась в кресло, быстрым взглядом окинула небогатый интерьер. Взгляд ее немного задержался на фотографии девушки с распущенными каштановыми волосами и веселым прищуром карих глаз. Андрей невольно сравнил оба лица. Сходство изумительное.

Она уловила его взгляд и взяла фотографию со столика.

— Это на вечере в нашем институте,— произнесла полуутвердительно, полувопросительно.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно спросил Андрей.

Она удивленно посмотрела на него.

— А почему я не должна знать?

Тут его словно прорвало. Неопределенность, эфемерность возникшего с момента ее появления положения стала невыносимой.

— А потому что это не ты! — почти прорычал он. — Потому что та, которая изображена на фотографии, погибла полгода назад! И я не знаю, кто ты на самом деле, как здесь появилась и что тебе от меня нужно!

Ее глаза с тревогой и недоумением следили за ним.

— Я — Тая,— упрямо ответила она. — И не кричи, пожалуйста. Ты странный какой-то, задаешь непонятные вопросы, настороженно ко мне относишься...

Андрей с размаху плюхнулся на диван напротив кресла.

— Ты хоть представляешь себе ситуацию? — наклонившись вперед, тихо сказал он. — К страдающему дураку, сбежавшему на Марс, вдруг является невеста, погибшая полгода назад в Гималаях, ничего не объясняет и ведет себя так, словно ее появление само

собой разумеется. Что этот дурак, не верящий ни в бога, ни в черта, угробивший шесть лет на изучение законов живой материи, должен думать?

Она озадаченно посмотрела на него.

— Не знаю. Мне казалось, что ты будешь рад моему появлению. Андрей сжал голову руками.

— Откуда же ты появилась? — медленно, сквозь зубы выдавил он.

— Не знаю, — отрешенно повторила она. — Ты захотел, и я пришла. Наверное, из твоей памяти.

— Черт возьми, но ты же сама по себе не могла появиться!

Она неопределенно дернула плечом и отвернулась, теребя в пальцах каштановые локоны своих волос.

— Неужели ты ничего не помнишь до своего появления здесь?

Она опять дернула плечом и повернулась к нему, откинув назад волосы.

— Тебе больше нечего мне сказать?

В Андрее опять проснулось глухое раздражение.

— Не знаю, как у вас, но у нас не принято, чтобы мертвые возвращались.

— Мертвые? — Она вскинула широко открытые глаза. — Но я-то живая...

— В том-то и дело! — воскликнул Андрей, вскакивая с дивана. — В том-то и дело! Таи уже нет, а ты сидишь здесь, и в тебе все ее, даже одежда та же! Кто мог знать здесь о тебе... о ней, кроме меня? Никто! Значит, кто-то копался в моей черепной коробке, кто-то шарил по станции и видел фотографию! В конце концов кому-то зачем-то надо было тебя создать, черт возьми, хотя, если бы я узнал, что меня кто-то вылепил с чужой памяти и запустил, словно куклу, я бы, честное слово, расшиб себе голову!

Она наблюдала за ним широко открытыми глазами.

— Я... не понимаю, — сказала она, мучительно стараясь что-то осознать. — Тебя угнетает мое присутствие? Ты... боишься меня?

Андрей застыл, словно застигнутый врасплох ее словами. Он не отдавал себе в этом отчета, но действительно с момента ее появления здесь его не отпускало подсознательное чувство страха. Страх заставлял его сдерживаться, находиться в постоянном напряжении, словно в присутствии коварного и опасного зверя, от которого можно ожидать чего угодно. Чтобы скрыть свое замешательство, он отвернулся к иллюминатору, открывавшему вид на красные пески. Молчание затягивалось. Он чувствовал ее взгляд, ее ожидание и надежду на то, что он опровергнет эти слова, успокоит ее, но не в силах был что-либо сказать. Он не верил ей, не верил ни одному слову, жесту, улыбке. С момента ее появления он видел в ней непонятный и чуждый человеческому разуму феномен, несущий в себе скрытые и, возможно, опасные цели. Но в то же время перед ним был человек, девушка, которую он любил и память о которой была

для него священна. Это заставляло его испытывать сейчас сложные и противоречивые чувства.

Она неожиданно встала, подошла к нему и обняла сзади за плечи. Андрей невольно напрягся, словно ожидая какого-то подвоха.

— Я вижу, ты мне не веришь,— тихо и грустно произнесла она,— ты принимаешь меня за кого-то другого, я вижу... и боишься. Но — я Тая. Ты меня звал, и я пришла... Нет, я действительно не знаю, откуда появилась, но была уверена, что я здесь по твоей воле и нужна тебе. Странно, правда? Мне казалось, ты должен все знать... но ты ведешь себя непонятно. Словно ты не ждал меня, не хотел... — Она замолчала, не в силах продолжать.

Андрей резко обернулся, так, что она испуганно отшатнулась.

— Ты не Тая,— глухо сказал он.— И те, кто тебя создал, глубоко ошиблись. Ты... вы хоть знаете там, что такое любовь, что такое память? Ведь мне больно, больно видеть тебя, слышать твой голос, чувствовать твоё тело. То, что сейчас произошло, это... невозможно. Тая погибла, все, ее нет! А ты... ты для меня будешь подделкой, которая будет только травить душевную рану...

Она отступила на шаг и смотрела на него почти с ужасом.

— Значит, я... значит, ты не звал меня? — растерянно произнесла она.

Андрей, сжав губы, смотрел куда-то мимо нее.

— Я тебе уже не нужна,— почти спокойно добавила она,— хорошо, я ухожу.

— Куда? — с некоторым удивлением спросил Андрей.

— Туда! — Она кивнула на иллюминатор, за которым растянулась красная пустыня.

— Но там же Марс...

Она безразлично пожала плечами и, даже не обернувшись, вышла. Андрей озадаченно посмотрел ей вслед и шагнул к дверям, но в сомнении остановился. Он словно приходил в себя после глубокого сна. Неожиданно раздался приглушенный тяжелый вздох. Это открывалась шлюзовая камера. Андрей опять дернулся к дверям и опять остался на месте. С напряженным лицом он повернулся к иллюминатору и некоторое время всматривался в красные пески. Но там ничего не менялось. Он стоял так минут пять, затем резко и глубоко вздохнул, проведя ладонью по лицу, словно отгоняя навязчивое. В душе осталось чувство, будто после дурного сна, будто он совершил нечто недостойное, смалодушничал. Неожиданно вспомнился последний разговор с Таей, накануне ее трагически окончившегося восхождения. Она сказала, что наверняка бы умерла, если бы он от нее отказался. Андрей тогда рассмеялся и заверил, что не предоставит такого случая. Он никогда не принимал всерьез влюбленный бред. Жестокой ценой он познал горечь утраты. И сейчас какой-то неприятный осадок тревожил душу.

Медленно, в рассеянности он вышел из каюты и пошел по коридору. Упершись в дверь шлюзовой камеры, остановился и озабоченно потер лоб, но тут же вспомнил, что собирался выйти посмот-

реть антенну. Все еще отвлеченный своими мыслями, он влез в скафандр, и, проверив его герметичность, нажал кнопку у люка. Загорелась красная лампочка. Наружные створки были открыты. Андрей посмотрел на красный огонек со смешанным чувством недоверия и тревоги. Помедлив, он опустил рычаг внешних дверей. Красная лампочка замигала. Что-то мешало люку закрыться. Удивленно качнув головой, Андрей включил продув. За люком зашумела тугая струя воздуха, сметая песок. Лампочка продолжала мигать. Встревоженный, Андрей пошел в операторскую и включил внешние телекамеры. На матовом экране проступили две голубоватые створки, между которыми была зажата человеческая фигура. Привстав, широко открытыми глазами всматривался Андрей в изображение, словно не веря бесстрастным объективам телекамер. Но под лучами солнца ярко голубело платье, а рассыпавшиеся каштановые волосы закрывали бледное лицо, на котором отчетливо выделялись полураскрытые губы, окаймленные свежезапекшейся кровью:

— Проклятье... — сипло выдохнул Андрей. Он никак не мог оторвать взгляд от неподвижного тела.

Налетевший порыв ветра чуть шевельнул каштановые пряди. На пульте все мигала красная лампочка. Андрей сидел не шевелясь, остановившимся взглядом упершись в экран.

Неожиданно застучало пишущее устройство телетайпа. Андрей вздрогнул и машинально подхватил ленту, выползавшую из щели.

«Андрею. Простите за доставленные по нашей вине беспокойства. Нами была утеряна моделирующая система, упавшая около станции. Лишенная защиты, она вступила в контакт с ближайшим источником руководящей информации — вашим биополем — и воссоздала наиболее полный образ в вашем сознании. Мы сожалеем, но поскольку было воссоздано разумное существо, мы не вправе были взять на себя ответственность за его судьбу, ибо образ ничем не отличается от оригинала. Во избежание последующих недоразумений систему пришлось уничтожить. Надеемся, вы справились с неожиданно возникшей проблемой с наиболее удовлетворяющим для вас исходом. Прощайте».

Телетайп, щелкнув в последний раз, сам отключился. Андрей тупо смотрел на ленту, затем его пальцы стали судорожно сминать ее в большой комок. Как замороженный, устоялся он на мигающий огонек шлюзовой камеры, а губы почти беззвучно шевелились...

*   *

ВАДИМ ЕВЕНТОВ

БАБУШКА

Папа и мама Волошины собирались на мировое первенство по дельтапланам в Гималаи. Они немного повздорили из-за Генки.

— Нет, нет и нет! — не трепящим возражения тоном заявила

мама. — Ребенок только что перенес ангину — перемена климата может ему повредить.

— Понимаешь, друг, придется тебе посидеть дома. Будь мужчиной, — сочувственно сказал папа хныкавшему Генке.

Папа долго уговаривал расстроенного сына, потом позвонил по видеофону в бюро добрых услуг. Мягко засветилась и исчезла стена, уступив место просторному залу с уходящим вдаль гулким пространством. Миловидная девушка в золотистом платье возникла между столом и книжной полкой, угол стола упирался ей в бедро, но девушка из бюро добрых услуг этого не замечала. Она внимательно выслушала папу и пыталась смягчить отказ вежливой улыбкой.

— К сожалению, мы не сможем в срок выполнить вашу заявку. Сегодня у нас огромный спрос на няnek.

Папа растерянно посмотрел на маму, мама — на папу. Обоих волновал вопрос — с кем оставить Генку?

В это время из глубины зала вышел мужчина с деловым озабоченным лицом, — наверное, начальник девушки, в комнате раздался его уверенный красивый баритон:

— Наш девиз — никаких отказов клиенту. Вашу заявку на няню мы постараемся выполнить. Ставлю на контроль ваш вызывной блок.

Папа поблагодарил предупредительного служащего, мама подарила ему очаровательную улыбку — все устроилось как нельзя лучше.

Уставшему за день Генке захотелось спать, он лег и сразу уснул, овеваемый целебными аэрозолями хвойного леса. Он даже не пошевелился, когда на рассвете мама коснулась губами его припухшей щеки. Супруги Волошины сели в лучелет, и по магнитному лучу похожий на перевернутое блюдце летательный аппарат устремился в окрашенное утренней зарей небо.

Генка проснулся и несколько минут лежал в сладкой полудреме, глядя, как в окошко пробиваются косые солнечные лучи. Потом его взгляд упал на коробочку вызывного блока, он вспомнил вчерашние уговоры и свои слезы, скривив губы, собираясь заплакать, но передумал. Зеленая лампочка блока светилась заманчивым кошачьим глазком. Что на этот раз пришлют ему из бюро добрых услуг?.. Может быть, говорящего крокодила Тошку? Тошка совсем как настоящий, с ним можно играть, строить из кубиков дома — Тошка быстро схватывает строительную премудрость, смешно раскрывает рот, усеянный тусклыми пластиковыми зубами. Если просунуть ладошку ему в пасть, Тошка замирает и не двигается до тех пор, пока не уберешь руку. Еще на Тошке можно ездить верхом и плавать в бассейне, держась за пупырчатый подрагивающий хвост. А может, сегодня его ждет похожий на учителя кибер? С ним можно сразиться в шахматы или «крестики-нолики» и получить ответ на любой вопрос. Кибер добрый и все на свете знает, но все-таки с ним скучновато. Он будет следить за Генкой неестест-

венно выпученными голубыми глазами, ходить за ним тенью, то и дело напоминая медлительным скрипучим голосом: «Не ешь немых фруктов — может заболеть живот... Не болтай за столом ногами — это вредная привычка».

Генке надоело лежать в постели, он потянулся к блоку вызова и нажал кнопку. Тотчас же в комнату вплыла девушка в золотистом платье и приветливо сказала:

— Доброе утро, Гена!.. Мы приняли твой вызов. Сейчас придем тебе няню.

Через четверть часа Генка выглянул в окно — к дому подъехал электромобиль. Из электромобиля вышла маленькая старушка в белом платочке. Наверно, это была древняя модель — сейчас таких не строили, видно, в бюро услуг не нашлось ничего поновей.

На лестнице послышались тяжелые шаги, дверь в комнату открылась. Генка самозабвенно прыгал на кровати, пружины под ним ходили ходуном.

— Ты что делаешь, неслух такой!.. А ну вставай!

Вошедшая бабушка с укором смотрела на Генку, от этого взгляда Генке сделалось не по себе, он перестал подпрыгивать и заинтересованно спросил у гостьи:

— Ты кибер старой модели?

— Старая, старая, внучек!.. Старей уж некуда, — закивала бабушка. — Вставай, однако, пора. Солнышко вон уже где стоит!..

Генка, не слушая бабушку, снова запрыгал в постели — он привык к тому, что наставления кибернетических нянек выполнять не обязательно.

— У, баловник!.. — в сердцах сказала бабушка. Она подошла к Генке, поймала за руку и стащила на пол.

Генка испуганно смотрел на странную нянюку. Он знал неизменное правило: никто из киберов ни при каких обстоятельствах не смел и пальцем тронуть ребенка, их дело развлекать, учить, читать наставления, но и только!..

Присмирив, Генка оделся. Нянька заставила его умыться и почистить зубы, а потом так крепко потерла полотенцем лицо и шею, что Генка порозовел, как созревающий помидор.

Затем бабушка повела Генку на кухню, недовольно бурча, заглянула в шкафы и холодильник. Она не спешила, как другие киберы, кормить Генку питательными смесями в тубах, поставила на электрическую печь сковородку — от аппетитного запаха у Генки потекли слюнки. Никогда в жизни он не ел такой вкусной еды, как эта брызжащая салом яичница.

Генка насытился и с ожиданием посмотрел на бабушку.

— Теперь ты должна играть со мной. Ты что умеешь?

— А ничего, внучек, не умею... Старенькая я — все позабыла. Я вот посуду перемою, а ты ступай поиграй — сколько их у тебя, игрушек!

Генка пожал плечами и отправился в свою комнату, в угол, заваленный игрушками. Здесь дожидались Генкиного внимания

космодром с управляемыми по радио ракетопланами, кибернетическая музыкальная игра — джаз-оркестр из шестнадцати музыкантов, каждый по знаку дирижера играл на крохотном инструменте свою партию, набор крикливых цветных попугайчиков, беззаботно порхающих по комнате, стоило нажать кнопку — и попугайчики послушно залетали в клетку, — все так знакомо и давно наскучило Генке. Он вернулся на кухню, нянька раскатывала тесто и не обратила на Генку никакого внимания — это была очень старая модель с притупленным слухом и зрением. Генка постоял и потихоньку вышел во двор, радуясь предоставленной ему свободе: еще ни один кибер не оставлял его одного, непременно увязывался следом.

Шелкала в кустах какая-то птица, пахло спелыми яблоками, над головой синело высокое небо. Чтобы быть поближе к небу, Генка решил взобраться на старую яблоню с раскидистыми ветками. Он вообразил себя скалолазом, покоряющим неприступную вершину, цепляясь за ветки, карабкался по стволу выше и выше, ветки яблони становились все тоньше, одна из них дрогнула под ногами, сухо треснула, и покоритель вершин стремглав полетел на землю. Падая, Генка зацепился рубашкой за сук, рубашка лопнула, но спасла Генку от худшей доли. Генка шлепнулся на вскопанную землю, вскочил на ноги и со страхом смотрел на темную струйку крови, сочившуюся из разбитой коленки.

— Кибер!.. Нянька!.. — истошно закричал Генка. Он с надеждой глядел на дом, откуда должна была выбежать приставленная к нему кибернетическая бабка. Но нянька старой модели оказалась глуховатой — Генке пришлось долго надсаживать глотку, прежде чем бабка услышала его.

— Коленка!.. Больно!.. — размазывая слезы, жаловался мальчик подошедшей бабушке. Он ждал, сейчас нянька откроет у себя на боку потайную дверцу и нажмет кнопку вызова «Скорой помощи» — так поступали все киберы, даже крокодил Тошка, когда Генка нечаянно загнал в палец занозу и захныкал. Но нянька этой модели вела себя непонятно — напрасно Генка, пытаясь показать всю серьезность своего положения, размазывал по лицу слезы и громко плакал, его опекунша не спешила подавать сигнал.

— Ну чего реवेशь, как бычок!.. Большой уже... Сейчас я тебя полечу, полегчает.

Нянька сорвала с земли листок, послунявила и приложила к разбитой Генкиной коленке. Листок был прохладный — боль уменьшилась наполовину, Генка перестал плакать и дал няньке вытереть у себя под носом сухим передником. Бабушка взяла Генку за руку, и они пошли туда, где за кустами малинника кончался сад и начиналось поле. Здесь сладко пахли цветы и травы, гудели пчелы — от яркого солнца и пряного ветра кружило голову. Бабушка ходила по полю, рвала стебельки и говорила Генке певучим голосом:

— Это, гляди, детка, шалфей — горлышко когда застудишь,

помогает, это змеиная травка от золотухи, а это заячьи ягоды от лома глаз и от слабости в ногах первейшее средство...

Потом они сидели вдвоем на берегу мелководной речушки, Генка положил голову бабушке на колени и устало закрыл глаза.

— Поспи, поспи, внучек, а я сказку скажу, — говорила бабушка, глядя Генку теплой мягкой рукой.

— А что такое сказка, бабушка? — Генка поднял голову и снизу вверх посмотрел на няньку.

— Сказка?.. Сказка — это когда все хорошо кончается, — ответила бабушка. — Слушай, я буду рассказывать, а ты слушай... «В некотором царстве, в тридевятом государстве жили-были старик со старухой, и было у них три молодца-сына, один краше другого...»

Голос у бабушки ласковый и певучий, будто ручей журчит, убаюкивает Генку, хорошо Генке, уютно устроился на коленях, слушал сказку и незаметно уснул.

Проснулся он в своей постельке, увидел над собой улыбавшееся мамино лицо, сладко потянулся и спросил:

— А где бабушка?..

— Какая бабушка? — озабоченно сказала мама и потрогала Генкин лоб.

— Хочу бабушку, которая умеет рассказывать сказки, — захныкал Генка.

— Что ты, мальчик!.. Какие сказки?.. Сказки — это антинаучный вымысел. Придет кибер, лучше поиграй с ним в викторину.

— Не хочу викторину!.. Не хочу кибера!.. Хочу бабушку! — упорствовал Генка и колотил кулаком по подушке.

Не терпевший Генкиных слез папа вызвал по видеофону дежурную из бюро добрых услуг.

— Что вы нам присылали?.. Ребенок просит какую-то бабушку. Нельзя ли снова направить к нам эту модель?

Девушка из зала вежливо улыбнулась, обратилась к компьютеру и пожала плечами.

— В нашем реестре кибер по кличке Бабушка не значится. Может быть, в порядке исключения вам прислали списанный экземпляр?

— Одну минутку, — вмешался в разговор знакомый начальник бюро. Он оставил свое место за пультом и вышел вперед. — Вы понимаете, девиз нашего бюро — ни одного отказа клиенту. Ваша заявка пришла с опозданием — киберы были разобраны. Пришлось обратиться за помощью... Сейчас я вас соединю.

Начальник бюро добрых услуг и девушка исчезли, вместо просторного зала выплыла маленькая, слабо освещенная комнатка. В глубине ее, в кресле-качалке, сидела старушка.

— Бабушка!... Бабушка!.. Это я, Генка! — закричал мальчик. — Ты приходишь ко мне рассказывать сказки?

Морщинистое старушкино лицо расплылось в доброй улыбке.

— Приду, приду, милый!.. Вот только поясницу отпустит — приду, расскажу сказку.

— Ну и земля!.. Как камень! — Виктор отшвырнул кирку и вылез из траншеи. Его загорелое до черноты тело лоснилось от пота. — Может, довольно? — Виктор, отдуваясь, подошел к Алферову, возившемуся около машины с громоздкими индикаторами. Алферов критически оглядел канаву, взял горсть сухой рассыпавшейся почвы.

Земля потрескалась от зноя. Не умолкая стрекотали кузнечики, пересвистывались застывшие в сторожевой стойке суслики. В раскаленной синеве над степью кружил коршун.

— Аркозовый песчаник, хорошо держит звук. — Алферов задумчиво пожевал губами и махнул мне рукой: — Ладно, иди включай.

Над ухом зудел вентилятор, но и он был бессилен ослабить духоту в тесной будке машины. Три года мы жили этим прибором, чьи дышащие жаром блоки делали тесной кабину вездехода. Давнишняя идея шефа лаборатории акустики Алферова вылилась наконец в сложнейшую электронную схему. Из области сумасшедших гипотез она перекечевала в область практического применения. Сто лет назад Эдисон, заставив иглу огибать микрорельеф бороздки на обернутом фольгой валике фонографа, сумел воспроизвести искусственно законсервированный звук. С тех пор звук стал принадлежностью культуры, такой же, как и изобретенная тысячелетиями ранее письменность. Звуки же, раздававшиеся на земле прежде, казалось, были потеряны для человечества навсегда. Алферов пытался доказать, что это не так. Некоторые минералы гранитогнейсовых и песчаных пород могут хранить в себе информацию о давно умолкших звуках.

Алферову удалось обнаружить явление, названное им «заторможенным пьезоэффектом». Рожденный в лаборатории прибор — реставратор звуков РЗ-1 — использовал это явление, заставив заговорить камни уже не в переносном, а в буквальном смысле слова.

Колеса по стране на вездеходе, мы собрали богатую коллекцию «ископаемых» звуков. У подножия гор, на берегах озер и рек, на лесных полянах и в степи — везде, где на поверхность выходили нужные нам породы, записывали мы сигналы былых геологических событий: гул древних землетрясений и извержений потухших вулканов, громовые раскаты доисторических гроз и грохот прибоев давно исчезнувших морей. Наша уникальная коллекция могла служить великолепным дополнением к геологической истории планеты.

Набрав обороты, тонко, по-комариному, пел умформер. Разомлевшие от жары Виктор и Алферов вернулись в кабину. Они уселись позади меня и приготовились слушать голоса Земли. Я включил магнитную запись и начал медленно вращать верньер настройки. Из динамика неслись загадочные щелчки, потрески-

вания, тихие шорохи — привычный шумовой фон, записанный на небольшой глубине.

— Кажется, ничего интересного,— заметил я.— Обычная шумовая картинка.

— Попробуй, прогони еще разок,— задев меня плечом, произнес за моей спиной Алферов.

Я довел верньер до упора и стал передвигать настройку в сторону уменьшения частот. Из динамика снова доносились уже знакомые звуки. Я с тоской подумал о том, что придется опять сворачиваться, пускаться в путь и колесить по степи в поисках другого, более удачливого места.

Вдруг в динамике послышался необычный дробный звук, напоминавший тарахтенье швейной машины. Я добавил громкость, теперь можно было отчетливо разобрать торопливую частую дробь пулеметной очереди.

— Тяжелый станковый! — Виктор подался вперед и дышал мне в затылок. Все превратилось в слух, пораженные неожиданным звуковым эффектом, который преподнес нам аркозовый песчаник.

Пулемет захлебнулся и умолк, где-то рядом запаленный сорванный голос прокричал: «Танки!..» Снова застрочил пулемет, захлопали винтовочные выстрелы, сквозь пальбу донесся рев моторов, раздались глухие разрывы гранат.

Я обернулся — увидел застывшие лица моих товарищей. Алферов вцепился пальцами в край стола, в потемневших глазах Виктора я прочел готовность броситься туда, в гущу полыхавшего боя. Грохот разрывов стал удаляться, бой переместился куда-то в сторону. В наступившей неверной тишине мы услышали чей-то стон и слабый прерывающийся голос: «Пить, братцы!.. Пить...»

Это было как удар грома. Я увидел, как побледнело загорелое лицо Виктора. Взгляды наши невольно остановились на графине, полном прозрачной ключевой воды. Стало трудно дышать, я до боли прикусил губу.

«Сейчас, сейчас, милый!.. Потерпи чуток»,— кто-то шумно, жарко дышал, тонкий девичий голосок успокаивал бойца — слышно было, как булькает из фляги вода.

Затем раздался оглушительный взрыв, лязгнули гусеницы — и все смолкло.

...Мы долго сидели, не в силах произнести ни слова. Сколько ни довелось нам слышать звуков грозных земных катаклизмов — землетрясений и извержений вулканов, падений метеоритов и горных обвалов,— ничто не поразило так наше воображение, как эти живые голоса, прорвавшиеся к нам сквозь разрывы давно отполыхавшего боя.

Мы вышли из машины. Алферов достал из ящика колышек антенной оттяжки. Мы вбили колышек рядом с траншеей и укрепили сверху вырезанную из жести пятиконечную звезду.

ЗВЕРУШКА ДЛЯ МАЛЫША

— Папа, папа приехал! — закричал Малыш и побежал на встречу молодому мужчине, вылезавшему из байдарки. Маринка поправила волосы и вышла из летней кухни. На Маринке было легкое летнее платье без украшений. Лишь на руке сверкал браслетик с устройством против мух.

— Ну, здравствуй! — сказал мужчина, поднимая сына в воздух. — Как ты вырос за год! Тебя не узнать. Тяжелый.

Малыш весело смеялся, тербил отца за рукав и старался оторвать от комбинезона эмблему: семь звездочек на черном фоне. Папа у Малыша был космонавтом, знаменитым звездолетчиком.

— Почему не сообщил? — спросила Маринка укоризненно. — Мы хотели приехать на космодром.

— Ничего, — сказал космонавт. — Я люблю делать сюрпризы. Ты лучше накорми меня. Надеюсь, на кухне остались дежурные блюда?

— Бессовестный! — обиделась Маринка. — Ты же знаешь, что я готовлю сама. Сейчас сделаю шашлыки а-ля Карс.

Малыш снова целиком завладел отцовским вниманием.

— Что ты мне привез? — спросил он.

— Как тебе не стыдно! — сказал космонавт укоризненно, ставя Малыша на пол. — Разве можно задавать родителям такие вопросы? А впрочем, — он улыбнулся, — я кое-что привез.

Он сунул руку в карман комбинезона и, словно фокусник, вытащил что-то зажатое в кулаке.

— А ну-ка отгадай, что это?

Малыш не задумываясь прочитал детскую считалочку:

— В кулаке лежит игрушка — не бумажка, не ватрушка, а неведома зверушка.

— Правильно! — рассмеялся космонавт. — Получай зверушку

На раскрытой ладони сидел, подрагивая, маленький зверек. Если бы не пушистый хвост и не удивительная окраска, составленная из разноцветных пятен, его можно было бы принять за мышонка.

— Ой, что это? — спросила Маринка, которая занималась обедом тут же, на лужайке.

— Это, вероятно, самое удивительное создание в нашей Галактике, — ответил космонавт. — Мне подарили ее на планете Алоне, специально для Малыша.

Малыш тем временем протянул руку и взял Зверушку. Та пискнула, но сразу успокоилась, пригrelась, прилипла и растеклась по ладони Малыша розовой лепешкой.

— Она может принимать любую форму, — сказал космонавт Малышу. — Ты ее не мучай, дай освоиться.

Малыш уже не слушал отца. Забыв обо всем на свете, кроме новой игрушки, он повернулся к родителям спиной и убежал на свою площадку.

Маринка с Малышом жили на острове. Если смотреть с низкого, заросшего травой берега реки, окружающий пейзаж казался почти первобытным. На другом берегу раскинулся дикий парк, где отсутствовали привычные атрибуты цивилизации. Да и на острове построек было очень мало. Это было идеальное место для обитания семьи, где растет ребенок, которого не отдали в интернат. Здесь есть где поиграть, полазить по деревьям, искупаться, не прибегая к услугам дельта-связи.

От Горной Лощины до Зеленого Острова было более семи тысяч километров, однако Костик, друг Малыша, преодолевал это расстояние мгновенно. Он был уже в том возрасте, когда детям разрешается пользоваться дельта-транспортом.

В центре Зеленого Острова находилась посадочная площадка. Она представляла собой круглую чашу диаметром шестьдесят метров, сделанную из мягкого каучукового материала. На нее было удобно падать, как на батут.

Пользоваться дельта-транспортом было несложно. Главное — хорошенько прицелиться. Какую точку на карте укажешь, туда и попадешь.

И вот раздался легкий хлопок, и над площадкой возникла тощая фигура Костики. Он смешно кувыркнулся вниз, на батут, и подпрыгнул как мячик.

— Слабо! — скептически заметил Малыш. — Я и то лучше умею.

(Это была неправда. Малышу еще не разрешали путешествовать без родителей.)

— Покажи Зверушку, — попросил Костик, уже наслышанный по видеотелефону про новую забаву Малыша.

— Вот, — показал Малыш на зависть другу. — Смотри!

Зверушка составляла одно целое с рукой Малыша, выступая бугорком на ладошке.

— Папа сказал, что на Алоне зверушек используют вместо одежды, — объяснил Малыш. — Там есть большие, которых можно одевать как шубу, и есть маленькие, которые служат рукавичками. Знаешь, как она греет! — Малыш погладил ладошку.

— Дай поиграть, — попросил Костик.

— Нельзя, — нахмурился Малыш. — Она чужих не любит.

— А что она умеет? — поинтересовался Костик.

— Папа сказал, что она по желанию принимает любую форму.

— По чьему желанию, своему или твоему? — хитро прищурился Костик.

— Это мы сейчас проверим.

Малыш посмотрел на свою руку. Бугорок зашевелился, и вот на ладонке уже сидела маленькая белочка с разноцветным пушистым хвостиком.

— Видал? Сейчас мы заставим ее превратиться в собачку...

Р-раз! — И на ладони появился маленький рыжий щенок. Он был такой маленький, что разместился на детской ладонке. Неуклюже перебирая лапами, он помахал хвостиком, забавно облизнулся и... сделал микроскопическую лужицу.

— Гав! Гав! — тявкнул щенок. Но вдруг странно вытянулся и распался на двух котят. Котята тут же затеяли веселую возню. Один из них был черный, другой серенький в полоску.

— Это еще что! — вошел в азарт Малыш. — Сейчас я превращу ее в такое...

Он посмотрел на котят, и те послушно слиплись в футбольный мяч. Костик был сражен наповал.

— Давай поиграем в футбол, — предложил Малыш, выходя на спортивную площадку. — Ты становись в ворота, а я буду забивать голы.

Бац! — мячик засветился в сетке, в самом центре ворот.

Бац! Бац! Костик только разводил руками. Ему было стыдно, потому что он считался хорошим вратарем во второй младшей группе.

— Где ты так наловчился? — спросил он обиженно.

— Это еще что! — засмеялся Малыш. — Я и не то могу. Выходи из ворот!

Странное дело. Теперь, когда место в воротах занял Малыш, мяч больше не хотел попадать в ворота. Он летел... прямо в руки Малышу. Наконец, после того, как мяч круто изменил траекторию полета, Костик догадался, в чем дело.

— Это нечестно, — сказал он. — Зверушка тебе подыгрывает.

— Так и должно быть, — ответил Малыш гордо. — Она меня любит.

А родители в это время обсуждали семейные дела.

Малыш — для космонавта проблема. Космонавт жалел Маринку, наверно, потому и согласился, чтобы ребенок остался с ней, а не был отдан в интернат. Однако сомнения оставались. Коллективное воспитание отнюдь не повредило бы Малышу, тем более что сам космонавт лишен был возможности учить уму-разуму сына. А Маринка — всего лишь одинокая слабая женщина. Она могла и ошибиться...

Однажды, когда во время экспедиции на Алоне космонавт поделился с друзьями своими опасениями, ему посоветовали привезти Малышу в подарок зверушку.

— Эти зверушки, — сказали друзья, — лакмусовые бумажки. Если ребенок стал эгоистом, ты сразу увидишь.

Космонавт сидел на летней веранде и слушал жену:

— Ну что ты о нем беспокоишься! — возмущалась Марина. — Ведь недаром говорят, что космонавты самые отсталые люди на свете. Недавно Малыш прочел мне целую лекцию по теории дельта-связи. Он рассказал о дельта-функции и о представлении Бернштейна о материи как флуктуации вакуума. Он записал материальный объект через дельта-функции и доказал правило Маркуса о сохранении числа флуктуаций. Самостоятельно сделал вывод, что это правило обобщает законы сохранения массы и энергии в классической физике.

Марина сделала паузу и торжественно произнесла:

— Если флуктуация исчезает в одном месте, то она обязательно появится в другом. Малыш заявил, что на этом принципе основана дельта-связь. А сыну еще пять лет!

Тут на веранде появился Малыш. Он как-то странно подвывал, и космонавт не сразу сообразил, что с ним произошло.

Малыш подбежал и уткнулся лицом в колени матери. Все его тело содрогалось от рыданий.

— Мой маленький! — испугалась Марина. — Что с тобой случилось?

— Зверушка! — хныкал Малыш. — Она не слушается!

— Кого не слушается?

— Ко-сти-ка! Она моя!

— Ну и что? — удивилась Марина. — Играли бы вместе.

Но Малыш закатился такими рыданиями, что, казалось, его уже ничто не остановит. Он всхлипывал, а Марина гладила его по головке и приговаривала:

— Не надо, мой маленький. Успокойся.

Потом, нагнувшись и думая, что муж не слышит, шепнула Малышу на ушко:

— Если хочешь, чтобы зверушка тебя слушалась, носи ее почаще с собой. Тогда она скорее к тебе привыкнет.

Утром по настоянию отца всей семьей переправились в дикий парк. А накануне, ночью, когда Малыш уже спал, космонавт имел с женой серьезный разговор. Семейную сцену описывать не будем, отметим лишь, что наутро у Маринки глаза были красные, с Малышом во время завтрака она была особенно ласкова, а на мужа старалась не смотреть.

Напротив, Малыш чувствовал себя превосходно. Ему нравилось быть центром внимания, а тут еще папа специально ради него затевает путешествие...

Дикie парки — самое удивительное из того, что сохранилось на планете. Трудно представить, сколько усилий пришлось затратить людям для того, чтобы полностью изолировать некоторые уголки от влияния цивилизации.

Зверушка приятно грела ладонь. Малыш не расставался с ней весь вечер, всю ночь, и вот утром они отправились вместе в поход.

Папа шагал впереди. За ним шла мама, держа за руку Малы-

ша. Под ногами все время хлюпало. От самой реки простиралась обширная болотистая низина, поросшая кустарником и ивовыми прутьями.

Наконец показался твердый берег. На обед расположились на довольно сухом холмике. Его обступили со всех сторон чахлые деревья, а на вершине холма, просохшего под лучами солнца, росла вполне нормальная трава.

Место было комариное. Даже в полдень над путешественниками висела туча злобных голодных насекомых. Однако Маринин браслет справлялся с ними отлично. Ни один кровосос не решался подлететь к людям ближе, чем на пять метров.

Запасов не взяли. Космонавт выложил из пакета лишь три маленькие булочки с синтетическим мясом. Каждому досталось по булочке. Ну какая это еда для проголодавшихся путешественников?

— А Зверушке? Ты ее покормил? — спросил космонавт сына после того, как тот проглотил свою булочку.

— Нет, — удивился Малыш. — А зачем? Разве она кушать просит?

Космонавт отломил половину своей булки и протянул ее Зверушке. И тут увидел, как Зверушка проголодалась. Приняв первозданный вид (вид белочки с разноцветным хвостиком), она принялась уписывать хлеб, с благодарностью поглядывая на Малыша черными глазами-бусинками.

После обеда Малыш уснул. Уснул он крепко и не слышал, как космонавт сказал Марине:

— Собирайся. Нам пора.

На Марине лица не было.

— Может, не надо, — сказала она жалобно. — Он ведь такой маленький...

— Думаешь, мне не жалко? — ответил космонавт. — Сама понимаешь — это единственная возможность спасти сына. Держи себя в руках. Не такой он уж маленький, ничего с ним не случится.

Марина всхлипнула, поцеловала спящего Малыша и надела на его руку свой браслет.

Малыш проснулся вечером. Родителей рядом не было. Не было их и на болоте. Малыш попробовал связаться с ними по ручному индикатору, но индикатор почему-то не работал.

— Мама! — закричал Малыш.

Никто не отозвался, и Малышу стало страшно. Быстро темнело. В сумерках поросшее ивняком болото казалось серым и безжизненным. Закричала какая-то птица. И никого кругом, только лес и болото.

Сперва Малыш надеялся, что за ним вот-вот придут. Если папа с мамой заблудились, они должны послать сигнал на базу, и за Малышом прилетят. Однако время шло, а никто не прилетал. Подул ветерок с реки, и сразу стало зябко. На Малыше были только летние колготки без термообогрева и сорочка с коротким рукавом.

Стемнело. На небе появились звезды. Луна засветила в полную силу. Малыш по-настоящему испугался. Он испугался, что за ним уже не придут. Может, папа провалился в зловонную лужу, а мама бросилась его спасать и утонула следом. И никто не знает, что он, Малыш, находится здесь, на маленьком островке посреди болота.

Малыш заплакал. Ему стало очень себя жалко. Он сильно продрог, и вообще это было очень нечестно: бросить его одного в лесу. Ведь он еще маленький...

Вдруг стало теплее. Малыш почувствовал, как тепло стало разливаться по правой руке от ладошки по запястью, до локтя, потом перешло на другую руку, поползло под сорочкой и достигло шеи. Малыш догадался, что это Зверушка. Она в меру сил позаботилась о друге, снабдила его теплом, укутала, и Малышу стало спокойно и хорошо. Он зевнул и уснул крепким сном до утра.

Утром он проснулся от холода. За ночь Зверушка растратила всю свою энергию и теперь виновато отползла в сторонку.

Малыш рассеянно погладил Зверушку.

— Ничего! — сказал он. — Теперь не пропадем. Скоро за нами прилетят.

После сна Малыш чувствовал сильный голод. Со вчерашнего полудня он съел лишь одну маленькую булочку.

Теперь Малыш съел бы что угодно, не отказался бы и от корочки хлеба. Он искал в траве, надеясь что-нибудь найти съедобное, пусть даже гриб, и вдруг, на том самом месте, где лежала Зверушка, увидел вуд-валяйчик. Совсем свежий, розовый, как будто только из печи, он так и просился в рот. От него исходил аромат клубники и специфический запах гидролизованной фанеры.

Малыш взял его в руку. Корочки треснули, подались под пальцами. Удержаться не было сил. Малыш впился зубами в сочную мякоть...

И вдруг на поляне появились папа и мама. Малыш ревел. В руках он держал Зверушку, которая жалобно пищала, истекая кровью, но все еще пыталась принять форму вуд-валяйчика.

Марина хотела подбежать к сыну, но космонавт удержал ее за руку.

— Не смей, — сказал он. — Его утешит зверек.

Космонавт сам подошел к Малышу, забрал Зверушку, бережно завернул ее в платок.

В тот день Малыша отдали в интернат. Это был черный день в жизни Малыша. Никто не пожалел, никто не приласкал его. Даже Марина, которая теперь беспрекословно слушалась мужа, не поцеловала сына на прощание.

Воспитательница собрала во дворе интерната детей.

— Ребята,— сказала она,— у нас появился новый товарищ. Он только что приехал от родителей и еще не освоился в нашей среде, так что ведите себя с ним поделикатнее.

Дети заулыбались. Одни снисходительно, другие насмешливо. Маменькиных сыночков в интернате не любили.

Воспитательница привела Малыша.

— Малыш,— сказала она, показывая на ребят,— вот твои новые друзья.

Однако Малыш не обрадовался.

— Это не мои друзья,— сказал он упрямо.— У меня нет друзей.

Он отвернулся от детей и стал смотреть в сторону. Дети начали расходиться. Воспитательница, колебавшись минуту, тоже ушла. И вот Малыш остался один. Он сел посреди двора на песок, захотел заплакать, но не смог. То ли выплакал свою норму, то ли стал злым. Злые люди, как известно, не умеют плакать.

В дальней стороне двора была натянута волейбольная сетка. Шло состязание. Малыш стал наблюдать за игрой и заметил, что один из игроков посматривает в его сторону. Малыш узнал его. Это был Костик.

К песочку подошли маленькие девочки и начали лепить пирожки. Постепенно двор принимал свой обычный оживленный вид, и только Малыша все обходили стороной.

Костик, размахнувшись, сделал хитрую крученую подачу. Два игрока на той стороне упали, но поднять мяч не смогли.

Костик улыбнулся Малышу. Мол, знай наших! Но Малышу было не до смеха. Перед глазами у него стоял веселый рыжий щенок с толстыми лапами и хвостиком крендельком. От жалости и стыда Малышу стало совсем плохо.

— Мыша! Мыша! — вдруг завизжали девочки. Они бросили стряпню и побежали кто куда.

Малыш поднял глаза. По песку вышагивал рыжий щенок. Левая задняя лапа у него была перевязана, от чего щенок чуть хромал. Он миновал песочницу и остановился около Малыша.

— Гав! Гав! — сказал он и лизнул ногу мальчугану.

— Зверушка! Как ты здесь очутилась?

Зверушка еще раз лизнула хозяина.

Вокруг них стали собираться дети.

— Ребята! — закричал Костик, который прибежал вместе со всей своей командой.— Я знаю, что это такое. Это Зверушка, которая может стать чем угодно. Я сам видел, как она превратилась в футбольный мячик. Малыш,— обратился он к приятелю,— преврати ее во что-нибудь интересное.

Малыш взял щенка на руки и прижал к груди, загоразивая от всех. Он готов был сразиться с целым миром за своего единственного друга.

— Это не зверушка,— сказал он.— Это моя собака.

* * *

АНАТОЛИЙ КАРТАШКИН

ФУГА БАХА В ПОНЕДЕЛЬНИК

Нет. К сожалению, я не музыкант. Извините... Ну, руки еще ни о чем не говорят... Вы так уверены? Ах, вы, кроме того, увидели еще и партитуру в моей папке... Тогда мне лучше будет сознаться. Все-таки я не музыкант. Но не огорчайтесь, вы оказались не так уж не правы. Потому что чуть-чуть я действительно играю. Но совсем немного, на очень непрофессиональном уровне.

Нет. Я не согласен. Одной настойчивости недостаточно. Ведь вы подразумеваете высшее умение, а не простое ремесло, правильно? Тогда я прав. То, что я произнес «играю», такие гордые слова, да еще здесь, в этом соборе, после фуги Баха, выглядит с моей стороны настоящим кощунством, честное слово...

Знаете, этот Бах просто невозможен. Это не музыка, это готическая высь. Какие-то пучины вечности. Ощущаешь себя частицей гигантской силы. Такая мощь, что делается страшно. Поистине необъятная музыка. В моей жизни самый глубокий след оставила именно эта fuga. Такой след, что на второй раз меня уже просто не хватит. Музыка и любовь могут вывернуть человека наизнанку...

Нет... Нет. Не просите. Это касается только меня. Для чего вам? Это не очень счастливый случай. Допустим, сравнительно давно. Около двух лет назад. Разве важно, где? Не слишком далеко отсюда, скажем так. Еще точнее? На Рижском взморье. О, вот о чем я думал меньше всего, так это о курортном сезоне. К тому времени он, кстати, почти закончился. Наступало время дождей. наших прибалтийских дождей.

Нет, нет. Да и зачем? История слишком необычна. Верится в нее с трудом. Мой друг Саулитис, тот прямо считает, что я все выдумал. Это его маленькая хитрость. Ну, как это говорится... Мол, раз тебе говорит друг, ты должен верить, и тебе будет легче. Мне действительно легче. Но не от его хитрости, а оттого, что он рядом.

Нет-нет. Нет... Расскажите лучше о вашем впечатлении от этой фуги. В чем вам видится ее смысл? Бах есть Бах, конечно, я согласен, но тем не менее... Что это все? И ничего более? На мой взгляд, здесь звучит тема гораздо большей глубины...

Собственно говоря, с него все и началось, с этого милого растяпы Саулитиса. У него испортился телевизор. Испортился в воскресенье днем, а на следующий вечер, в понедельник, должен был транслироваться какой-то там матч, а Саулитис помещан на спортивных соревнованиях. Он смотрит все. Такой человек. Короче говоря — воскресный вечер, я отдыхаю, и вдруг вваливается этот фанатик. Он сует мне ключи от дома и устраивает панику — вынь да положь, почини ему телевизор. Я ответил, что завтра — понедельник, первый рабочий день недели, и брать отгул я совершенно не намерен, но Саулитис ничего не хотел слушать, заладил одно — прошу как друга. Большой ребенок, одно слово. Что сделаешь, пришлось его выручать. На завтра я зашел на работу, оформил отгул и поехал в Вайвари. Саулитис живет в Вайвари, я забыл сказать, извините.

С телевизором я справился быстро. Немного барахлил строчник да нарушился контакт на выходе трубки. Такие задачки сейчас решают школьники. Саулитис просто не любит думать систематически, иначе он давно сам бы смог бороться с такими дефектами. Я пропаял концы, подключил сеть и проверил программы. Испытательная таблица в одном канале, знакомый свист в другом... Не люблю свиста. Переключил еще раз — стала прослушиваться какая-то мелодия...

Я подрегулировал звук — fuga Баха. Да, сегодняшняя... Что вы, у меня за плечами — музыкальная школа, хотя это, правда, было очень давно... Так, вот, звук шел, а на экране прямо метались какие-то расплывающиеся помехи. Я решил немного подождать, пока все установится. Встал, прошелся по комнате и увидел на соседнем столе магнитофон. Саулитис, он хотя и музыкальный скептик, но эстраду слушает и иногда даже записывает мелодии с телевизора. Но магнитофон у него, насколько я знал, уже несколько месяцев пребывал в нерабочем состоянии. Я приподнял его, открыл, заглянул. На тонвале обрывки пленки, куда-то делся пассик — да, в этом весь Саулитис. Поправлять надо было, как говорится, еще вчера, и я принялся за работу. Fuga между тем все звучала. Звук то слабел, то усиливался, но в общем слышимость была хорошей. Работать под музыку вовсе не плохо. Конечно, если знаешь, что надо делать. Когда не знаешь, музыка не помогает... Скоро я закончил, перевернул магнитофон в нормальное положение, поставил пленку и несколько раз прокрутил кассету пальцем. И случайно взглянул на светящийся телевизионный экран.

На меня смотрела женщина. Молодая женщина.

Она сидела за роялем и играла Баха. Мне бросились в глаза ее руки. Казалось, что они, а не клавиши, излучали мелодию. Женщина слегка улыбалась, чуть-чуть покачивала головой и внимательно взглядывала на меня. С экрана будто исходило сияние. А я... Стою у стола, держу палец на кассете, уставился, как идиот, и не могу оторваться... Знаете, мы с Саулитисом оба старые

холостяки и, конечно, немного отвыкли от женского обаяния. Поэтому внутри нас — робость не таких уж маленьких размеров. Но тут... Я почти сказал экрану — люблю тебя. Вот так, просто. Совершенно без неловкости, без размышлений. Почти сказал. А вслух не произнес ничего. Не успел. По экрану забегали штрихи, и изображение тут же пропало.

Я стоял и ждал.

Но больше ничего не было, одни мелькания. Я не отходил от телевизора, я просмотрел все каналы. Потом еще раз и еще. Напрасно... Видно, телепередача кончилась, так я подумал.

Что оставалось делать? Я выключил телевизор, оставил Саулиту записку, оделся и вышел из дома. На улице меня встретила удивительно ясная свежесть. Сосны, тишина, деревянное крыльцо с солнечными пятнами — и никого вокруг. Было непривычно легко. Хотелось чем-то одарить мир. Я неторопливо пошел мимо небольших аккуратных домиков, полускрытых за деревьями, и они улыбались, а над соснами искрилось солнце.

Вот и берег моря. Одинокие пучки травы. Мягкий плотный песок. Далекая дымка на горизонте. Я подошел к воде, постоял. Потом двинулся вдоль морской полосы. Это невыразимо приятное ощущение — гулять под утренним солнцем, к тому же в первый рабочий день недели.

На взморье было пустынно и тихо. Только шелестела вода и иногда падал с неба неожиданный крик чайки.

Математики утверждают, что истинная бесконечность существует только в абстракции... По-моему, это не совсем так. Я шел и чувствовал ее всей душой. Бесконечность — это человек наедине с морем. Или с небом. Или с космосом. В это время приходят мысли о вечности. Но так всегда — думаешь о вечности, а оказывается, о жизни. Мне все время представлялось лицо той женщины.

Вдруг я услышал музыку. Негромкую фортепианную музыку. Она появилась очень неожиданно, тихо, исподволь, и вместе с тем я предчувствовал ее какой-то внутренней готовностью. Мелодия наполняла воздух, вздымаясь и завораживая, похожая на невидимое излучение. Да. Вы не ошиблись... Все та же fuga Баха. Можно удивляться такой невероятности. А можно и поверить. Это было величественно — Балтика дышала Бахом...

Прямо посреди прибрежных сосен, на траве, стоял концертный рояль. На нем поблескивал старинный канделябр, в котором горели три свечи. Седой старик, похожий на Густава Эрнесакса, вдохновенно касался клавиш, и мощные волны фуги расходились над безлюдным берегом.

Я остановился.

Старик весь ушел в музыку. Он творил ее. Под его пальцами возникли торжественные аккорды, уходящие куда-то к небу. Быть может, это не вполне материалистично, но в тот момент Бах и бог слились для меня воедино, и я не видел в этом противоречия.

Вы помните, в фуге есть музыкальные фразы, восходящие вверх? Так вот, на самой вершине мелодии с солнечного неба вдруг пошел голубой дождь. Голубой дождь. Он хлынул сразу, без предупреждения, будто только и ждал этого момента.

Старик играл, а голубой дождь переливался струями и шумел. Но странное дело — это не был обычный дождь. Я имею в виду — это не был дождь из воды, потому что, коснувшись травы, он тут же исчезал без следа.

Потом дождь внезапно прекратился, и мелодия оборвалась.

А в остановившемся воздухе затикали часы.

Я взглянул на старика. Он продолжал играть! Его пальцы нажимали на клавиши, и он слегка покачивался, весь в музыке. А я слышал только тиканье часов. Тик-так, тик-так...

Потом я почувствовал, что рядом есть еще кто-то.

И повернул голову.

Улыбаясь, на меня смотрела женщина. Та самая, из телевизора. Она стояла совсем рядом, и я мог коснуться ее рукой... Вы знаете, я не отношусь к людям общительным, заговаривать с женщиной вот так, сразу, для меня не характерно, но здесь все произошло настолько буднично, настолько обычно, что я не помню, что же я ей сказал. Нет, кажется, она спросила. Или что-то сказала... Впрочем, это не так важно. Я почувствовал, что с этого мгновения мы стали существовать друг для друга. Может быть, это прозвучит высокопарно, но я хотел бы сказать — навсегда. Конечно, это затертое слово. Оно потеряло прежний выразительный смысл. Но лучшего слова я подобрать не могу.

— Я хочу посмотреть вашу планету,— произнесла она и снова улыбнулась.

— Нашу планету? — переспросил я. Мой вопрос, помню, прозвучал как во сне. По крайней мере, для меня. «Какую планету? — пронеслось у меня в голове.— Нашу?.. Планету?..»

— Или хотя бы эту местность,— сказала она,— потому что у меня мало времени.

А часы тикали. Где-то над головой. Тик-так...

Она взглянула на старика. Тот величаво кивнул и продолжал нажимать на клавиши, создавая беззвучную мелодию.

Мы подошли к морю, к самой воде. Волны, посверкивая под солнцем, выплескивались на темнеющий осенний песок. Невдалеке проносились чайки.

— Как вы называете этот простор? — спросила она.

— Балтика,— ответил я.

— Балтика,— повторила она, наклонилась, попробовала поймать ладонью волну, потом выпрямилась и стала вглядываться в глубину моря.

— Очень далеко отсюда,— заговорила она,— находится наша Галактика. Ее трудно заметить — она невелика по размерам. И тяготение в ней слабее, чем в остальном космосе. Многие наши поколения мечтали узнать, одиноки ли мы в этой безбрежно-

сти, но никто не мог пробиться в глубину нарастающего тяготения. Наконец, нам удалось создать корабль с антигравитационным принципом полета, и мы проскользнули в пучины Вселенной. Оказалось, у нас есть братья по разуму. Но... Пока об этом известно лишь экипажу нашего корабля. Те же, кто отправил нас в полет, те, кто остался, не ведают этого. У них один удел — ждать. Ждать нашего возвращения. Ждать, не зная, вернемся мы или нет... Или — готовить новый корабль.

Над берегом разносилось негромкое тиканье, ритмично шуршали подбегающие волны. Я молчал.

— Я родилась в звездолете,— вдруг сказала она и посмотрела на меня. Вновь ее глаза проникли к моему сердцу. А голос прозвучал печально: — И жизнь моя также окончится в звездолете. Бесконечным сном.

И все замерло. Только раздавался глухой звук часов, похожий на удары сердца.

Она посмотрела на море, на чайк, и взгляд ее остановился где-то у горизонта.

— Да,— произнесла она,— мы скользим внутри тяготения, но оно гнетет нас, оно тяжело и неумолимо. Мы очень быстро стареем... Мы стали космическими мотыльками-однодневками. Ваши два дня — это для нас год полета. Уже несколько поколений сменилось на борту нашего звездолета. Мы, летящие сейчас, помним их всех. Обязаны помнить. Кто-то должен вернуться домой и рассказать о них. И о нас...

Подул легкий ветер. Чайки с криком рванулись куда-то в сторону.

— Я хочу, чтобы ты знал это,— проговорила она.— Я хочу, чтобы ты рассказал о нас. Ты...— Она улыбнулась.— Ты — первый, кто мне очень понравился. И я верю тебе.

И тут... Я неожиданно обнял ее и поцеловал.

— Пойдем,— сказала она.

Мы ходили долго. Гуляли по берегу. Бродили около электричек. Я показал ей дом Саулитиса и сказал, что видел ее по телевизору.

— Где — здесь? — спросила она.

И мы вошли в дом.

Я сел перед телевизором, включил его и сказал:

— Сейчас. Чуть-чуть. Он должен нагреться.

Вдруг над моим плечом протянулась ее рука. Раздался щелчок.

Зарождающаяся на экране голубоватость свернулась в светящийся комочек и пропала. Я почувствовал ее ладонь на своей щеке. И услышал шепот:

— Не надо. Я все знаю.

Потом наступила тишина. Перестали звучать воздушные часы. Мы их не слышали — ни она, ни я. Ни она и ни я...

...Потом она говорила:

— Когда ты за работой, ты прекрасен. Уверен, спокоен, силен. Ты, наверное, хороший мастер?

— Откуда ты знаешь про работу? — спросил я, а она засмеялась:

— Как ты думаешь, почему вдруг остановился наш корабль? Впрочем, откуда тебе знать... Нас остановила музыка. Ваша земная музыка. Мы посланы нашей Галактикой и, встретив во Вселенной красоту, мы должны сохранить ее для ожидающих нас дома. Эта мелодия создала великую гармонию, а гармония всесильна. Ничто не может противостоять ей. Даже расстояния Космоса.

Никогда раньше я не слышала такой величественной музыки. Зазвучав, она пронизала мою душу. Я села за инструмент и стала воспроизводить ее. Я как бы стала ее эхом. Космическим эхом вашей земной мелодии... Тогда-то ты и увидел меня по телевизору. По-видимому, возник какой-то канал связи... А я увидела тебя. Ты копался вон в той штуке. — И она показала пальцем на магнитофон.

Он так и стоял на столе, я забыл убрать его...

— Оставайся здесь, — сказал я, и она смолкла.

— Нет, — услышал я. — Нас ждут там.

Голос ее прозвучал отчужденно. А у меня перехватило дыхание. Впервые я оказался лицом к лицу с безнадежностью. Впервые я понял, что это такое. Ощутил так близко, так ясно...

— А если я сам сыграю эту фугу? — Я буквально хватался за соломинку.

— Я бы хотела, чтобы ее играл ты, — сказала она.

И вдруг возникло тиканье.

— Ты слышишь? — спросила она. — Это зов корабля. Понимаешь? Мое время кончается. Я должна возвращаться. Проводи меня.

Когда мы вышли из дома, воздух сильно потеплел. Высокие сосны были наполнены солнечным светом.

— Мелодия удерживает наш корабль, — говорила она. — Если она оборвется, звездолет улетит. И заберет с собой меня... Мы шли.

За соснами уже темнело море. Полоска песка — и море. По берегу одиноко бродил какой-то мужчина. Она остановилась.

— Вот... Меня уже ждут... Знаешь, что это за человек?

Я не знал.

— Это мой будущий муж, — сказала она и пожала плечами. — Надо же как-то продолжать поколения. Кто-то ведь должен вернуться... Слушай! — прошептала она. — Через семь дней мы снова будем пролетать мимо Земли. Ровно через семь дней. В это же время. Если снова будет звучать эта фуга, если ты сможешь сыграть ее, я смогу ненадолго прийти к тебе. Только...

— Что? — голос мой дрогнул, а она улыбнулась:

— Только я уже буду старше. Возраст — это проблема для всех женщин, во всей Вселенной.

— Я сыграю ее,— сказал я.

— Через семь дней,— произнесла она и побежала на берег.

И вновь зазвучали часы. До сих пор я ненавижу их проклятую размеренность!

Мужчина направился к ней. Что-то сказал. Она подняла голову и посмотрела вверх. Он продолжал говорить, а она оглянулась в мою сторону, и ее взгляд был долгим.

Потом пошел голубой дождь и скрыл их фигуры, а когда он прекратился, над взморьем снова разнеслись звуки фуги Баха...

Неделя для меня прошла в каком-то кошмаре. Я убежал с обеденных перерывов. За пять минут до конца рабочего дня я уже оказался у выхода. Я объездил всю Ригу, я искал ноты этой фуги, и все же я нашел их. Спеша, как в лихорадке, я разучивал ее на фортепиано. Я стал ошибаться на работе, и меня не ругали только потому, что раньше обо мне всегда было хорошее мнение, и слишком уж неожиданными и нелепыми оказывались мои ошибки. Эти семь дней превратились в вихрь. Все несло, все металось, и сам я захлебывался в каком-то отчаянном затягивающем водовороте...

Через семь дней я снова был в Вайвари.

Лил проливной осенний дождь. На мне был плащ с капюшоном и резиновые сапоги. В кармане лежали ключи от дома Саулитиса.

С низкого неба сыпались потоки воды. Скользя по мокрой земле, опираясь о шершавые влажные сосны, от которых ручейки затекали в рукава, я разыскал то место.

Вот оно. Рояль. Он стоял там же, но старика не было. Те же три свечи горели ровным пламенем в старинном канделябре, хотя вокруг хлестал дождь и барабанили капли, разбиваясь о блестящую поверхность рояля. Что-то зловещее увидел я в этих язычках пламени. Я понял, что старик уже не придет.

Закрываясь от дождя, я посмотрел на часы. Время.

Я сел за рояль. Поднял крышку, и по клавишам запрыгали крупные капли.

Я заиграл.

Я знаю, я играл плохо. Волнение сковывало мои пальцы, и звуки то рвали воздух, то гасли, так и не развившись. Но я старался. В памяти жила идеальная мелодия, без ошибок и помарок, и, слушая ее, я забывался, и тогда у меня что-то получалось... Играть пришлось довольно продолжительное время, это было трудно, но я не думал. И вот пошел голубой дождь. Я сразу узнал его, и это придало мне уверенности.

Но она появилась не одна.

Рядом с ней стоял мальчик.

— Мой сын,— улыбнувшись, сказала она,— вернее, наш. Твой

и мой. Он родился на корабле, и я назвала его Имант... Сынок, подойди, не бойся.

Мальчик шагнул ко мне, и я протянул к нему руки...

Я прервал музыку!

Мои руки замерли над клавишами, и тут же обрушился голубой дождь, а когда он кончился, уже никого не было.

Дождь лил не переставая!

Я бил по клавишам, я повторял фугу еще и еще, по лицу текли брызги воды, я существовал в каком-то исступлении... Все было напрасно. Встреча закончилась. Они улетели.

Вот и вся история. Странная, правда? Не знаю, может быть, их уже нет. Их потомки, наверное, живы. Возможно даже, что когда-нибудь их корабль снова посетит Землю, и кто-то из них назовет меня своим далеким предком. Если, конечно, доживу... Что еще сказать? Ах, да — рояль. Знаете, раньше я часто бывал в Вайвари, но в последнее время как-то стал бояться приезжать. Полтора месяца назад рояль еще стоял там, среди сосен, а вот старика я так больше ни разу и не видел. Кто он и где сейчас, мне неизвестно... Ну вот, вон уже появился и Саулитис... Что же, извините, всего доброго.— И он поднялся и пошел к выходу, высокий мужчина с внимательными, чуть напряженными глазами.

Я задумался.

— Простите, пожалуйста,— раздался голос,— позвольте пройти.

Мимо меня продвинулся человек с повязкой «Дежурный». Пройдя мимо, он обернулся, взглянул на меня и, улыбнувшись, поинтересовался:

— Что, слышали очень странную историю? Не про космос, случайно?

Я оторопело взглянул на него, а потом спросил:

— А... Кто это был?

— О, это необычный человек. У него много интересов. Очень любит музыку и одновременно может отлично починить телевизор, причем бесплатно. А в журналах иногда появляются его рассказы. Все, как один — фантастические. Я его спрашиваю — Имант, почему ты всегда пишешь про космос, а он говорит, что космос и любовь для него едины.

— Так он писатель? — перебил я, и голос мой осел.

— Нет, вообще-то он не писатель. Работает он, кажется, на радиозаводе. Но человек он, безусловно, необычный. Например, он никогда не пропускает исполнения этой фуги Баха, а после нее сразу уходит. Почему? Почему он ни разу не дослушал до конца весь концерт?

Я молчал.

Слушатели стали возвращаться в зал. Начиналось второе отделение концерта...

ОХОТНИК ЗА МОЛНИЯМИ

Сердце, молчи в снежной ночи,
В поиск опасный уходит разведка...

Из песни

Яркий золотистый шар ударил Андрея по глазам. Ему показалось, что он увидел мелькнувшее, нацеленное прямо на него дуло. Андрей инстинктивно заслонил лицо руками, зажмурился, затем осторожно открыл глаза.

Было раннее утро. Едва вззошедшее над домами солнце ярким лучиком щекотало Андрею глаза. Он чуть сдвинулся в сторону, в тень, и посмотрел на часы. Четверть седьмого — пора вставать! Андрей привычно сгруппировал тренированное тело и вскочил на ноги. Зарядка, душ, завтрак. Андрей за едой всегда совмещал приятное с полезным. Вот и теперь он старательно работал челюстями, одновременно читая книгу, которую «мучил» уже третий день. Окончив завтрак, Андрей с сожалением отложил книгу в сторону, сполоснул посуду и вышел из квартиры.

На ходу нащупывая в связке нужный ключ, Андрей подошел к запыленному электромобилю. «Не забыть бы его сегодня помыть», — подумал он, плюхаясь на сиденье. Воткнув ключ зажигания в щиток и запустив двигатель, он рванул с места так, что колеса пробуксовали.

Двадцать минут езды по дороге, изученной за год так, что можно было почти не смотреть на нее. Андрей и не смотрел, он думал о сегодняшней разведке. Ему очень хотелось встретить «слоеный пирог».

По легенде, «имевшей хождение» среди разведчиков, «слоеный пирог с шаровыми молниями» мог встретить только самый расторопный и везучий. Описывали его обычно так: снизу черный слой облачности, над ним просто темный, выше — серый, еще выше — серый с проблесками, почти жемчужный, самый верхний — белоснежный, как пуховое покрывало. И весь этот «пирог» буквально нашпигован «шариками» — молниями. Особенно много шаровых молний между слоями, причем расположены они по контрасту: между темными слоями — белые, высокоэнергетичные шарики, а выше, между светлыми — фиолетовые, черные, даже инфрачерные — полегче, послабее...

У легенды было много вариантов, но все рассказывавшие ее были единодушны в одном: встреча с отдельной шаровой молнией — это просто опасно, а встреча со «слоеным пирогом» — предельный риск для человека. Потому и нет очевидцев, что встретить «слоеный пирог» и остаться после этого в живых — вещи несовместимые... Так всегда заканчивалась легенда.

Тот факт, что очевидцев не было, а легенда была, никого не удивлял. У каждого века свои драконы.

Наконец показался аэродром.

Андрей затормозил на стоянке, вылез из кабины, провел пальцами по грязному кузову, сокрушенно вздохнул и пошел в дежурную часть.

— Привет, любимая! — ласково проворковал он Марине, дежурившей за диспетчерским пультом, широко осклабилась в ответ на ее слабую улыбку и прошел в комнату, где обычно проводился предполетный инструктаж.

Дальше все было как всегда. Приветствия, короткий перекур, оперативное совещание, постановка задачи. Получив задание и соответствующую документацию на район разведки, Андрей вернулся в «дежурку» и занялся проверкой и подготовкой снаряжения. От него зависело очень многое, подчас и сама жизнь разведчика, поэтому свое снаряжение каждый готовил сам, не доверяя его никому. Особенно тщательно Андрей, как и другие разведчики, проверял костюм, систему защиты и аварийного обеспечения. Уже после всего он неторопливо и внимательно осмотрел и проверил личное оружие.

Окончив подготовку, Андрей зашел к Марине в диспетчерскую, доложил ей о готовности к выполнению полетного задания и получил в ответ официальное «добро» на вылет и очередную неофициальную улыбку. Заверив Марину еще раз в неизменности своей любви, Андрей в дверях помахал ей рукой и пошел к ангару.

На площадке возле ангара стоял уже готовый к полету самолет. Возле него ждал Андрея механик.

— Ну, как, нормально, Николай Иванович? — шутиливо сказал Андрей в ответ на хмурое приветствие механика.

— Отлично, отлично, — заверил тот и добавил: — А только я тебя, Андрюша, опять про правый прицел предупреждаю, будь с ним осторожнее. Если руки чешутся, то играй на скрипке, а не с этой штукой...

— Ладно, слушаюсь, — засмеялся Андрей. Он запустил двигатель, прогрел его, запросил диспетчерскую и, получив разрешение на старт, шутиливо сказал Марине: «Прощай, любимая, прощай навеки!...» — и осторожно поднял машину в воздух.

Набрав высоту и положив самолет на курс, Андрей включил автопилот и расслабился. По опыту он знал, что лучший способ успешно настроиться на разведку — не думать о ней вообще. Именно поэтому он решил сейчас отвлечься и попытаться разобраться в собственной личной жизни, что являлось задачей не из легких. Молодой, симпатичный, окутанный дымкой неизведанного — «Разведчик!» — Андрей пользовался популярностью среди девушек. Но хотя он и рассыпал им свои неизменные «Привет, моя любимая!», вычитанные где-то и намертво застрявшие в лексиконе, Андрей не испытывал тяжести любви. Да, ему нрави-

лись девушки, он стремился к общению с ними, к дружбе, но и только. Его ближайшей целью в жизни была не любовь и семья, а «слоеный пирог с шаровыми молниями». Только после него Андрей был готов и на все остальное.

А вот сами девушки думали иначе. По крайней мере трое из них считали, что имеют на Андрея права, а он должен иметь по отношению к ним обязанности. Именно это и составляло основную трудность личной жизни Андрея. Он мучительно, но пока безрезультатно пытался найти необходимый способ объяснить каждой, что при всех их достоинствах он не представляет ни одну из них в роли хозяйки «приюта трех пингвинов», как величал Андрей свою квартиру. Название это он перенес из общежития зимовщиков в Антарктиде, где проходил летную практику.

Андрей мысленно, по очереди, представил их лица. Хорошие девушки, умные, симпатичные, но... Он тяжело вздохнул. Выхода по-прежнему не было видно.

Он сосредоточился, внимательным взглядом скользнул по приборам — справа налево — «порядок», затем оглядел экраны переднего и бокового обзоров — «пока ничего». Взгляд на хронометр — до заданного района одиннадцать минут полета. Зафиксировав важные детали в памяти, Андрей снова расслабился и сощурил глаза. Его отражение в зеркале экрана переднего обзора мгновенно стало похожим на японца.

Мозг Андрея снова, в который уже раз сегодня, переключился на трудности и проблемы личной жизни. Дело в том, что, кроме трех девушек, жаждавших руки и сердца Андрея, была и еще одна, которую он выделял среди других — Марина, диспетчер авиабазы. Но как раз она к Андрею относилась безразлично. Впервые услышав от него «любимая моя...», она сказала, что это не шутки, такими словами бросаться нельзя. Андрей в ответ рассмеялся и только отмахнулся, но с тех пор Марина ничего ему больше не говорила, а только улыбалась своей слабой, неопределенной — «дежурной», по определению Андрея, улыбкой. Ни одно из приглашений Андрея провести вместе хотя бы час она не приняла, каждый раз находя «серьезные» и «убедительные» доводы для отказа. «Чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей», — с досадой подумал Андрей. Настроение начало стремительно падать.

— Ладно! Три полета — и все из головы выдует, — громко сказал он, чтобы успокоиться, и, глянув на хронометр, мгновенно забыл о личной жизни. До квадрата поиска оставалось чуть больше минуты полета.

Включив панорамный обзор на максимальное увеличение, Андрей взял на себя управление и снизил скорость. Впереди показалось мощное грозовое облако. «Так, прекрасно, грозовой фронт что надо», — отметил Андрей. Он еще уменьшил скорость и осторожно вошел в черную тучу. Экраны сразу потемнели. Время от времени они озарялись вспышками молний, тут же гас-

нушими — оптические фильтры срабатывали с небольшим запозданием. Самолет стало потряхивать — то сильнее, то слабее, но почти непрерывно. Молнии озаряли кабину все чаще. «Привет, лапушки, очень рад вас видеть, но мне нужны ваши кругленькие братья», — мысленно обратился к ним Андрей, не сводя глаз с экрана и управляя самолетом с точностью автомата.

Слева и вверху на экране появился огненный круг. Шаровая молния! Андрей мгновенно поймал центр круга в перекрестье левого прицела. Рука привычно нажала на гашетку, упрятанную в прицельную рукоять. Отлично! Шаровая молния метнулась к самолету и исчезла в недрах левой ловушки. Одна есть! И с первого же захода... Вот это настоящий лайтмен! Андрей удовлетворенно хмыкнул, так, вот и вторая мелькнула, почти по центру. Где же она? Задний экран! Стоп! Поворот, быстро! Вот она! Так, под левый прицел, только под левый, центр... так... залп!

Самолет тряхнуло, и молния, проскочив слева от Андрея, опять пропала во тьме черного грозового облака. Через минуту-другую Андрей ее нашел и уже без происшествий отправил вслед за первой в левую ловушку самолета. Это было уже совсем неплохо, тем более что он облетел только около четверти огромной тучи по длине, и, в общем, в одной плоскости, по нижнему горизонту.

Но для Андрея этого «неплохо» было совсем мало. Он жаждал встречи со «слоеным пирогом», он хотел поохотиться не за двумя-тремя «шариками», а за сотней-другой мощных, ослепительно белых, высокоэнергетичных молний. Они виделись Андрею огромными фонарями в океане тьмы, надежно упрятанными внутри черного-черного грозового облака...

И он продолжал рыскать в недрах грозовой тучи, надеясь на встречу со своей заветной мечтой.

Переключая усиление экрана переднего обзора, Андрей задел локтем правый прицел. «Сколько уже говорили этим конструкторам — разнесите ручки чуть-чуть побольше, а все без изменений», — со вспышкой злобы мысленно выругался Андрей и на глаз вернул прицел на место. «Опять Коля намылит шею, — подумал он, остывая, — и будет по-своему прав».

Он облетал грозовое облако по периметру. Темнота на экранах меняла цвет от иссиня-черного до стального, причем цвета эти клубились, двигались, жили и постоянно озарялись вспышками молний.

Но обычные молнии Андрея совсем не интересовали. Он был разведчиком шаровых молний — лайтменом. Ученые давно интересовались этими плазменными сгустками энергии — их природой, свойствами, условиями возникновения... Но шаровые молнии встречались человеку так редко! Да и вели они себя всякий раз по-разному, то убивая людей и сметая все на своем пути, а то, наоборот, безобидно резвились на глазах у всех и потом

спокойно исчезали или гасли. Так что изучать их было очень трудно.

Но вот совсем недавно было открыто Л-поле, и проблема сразу решилась. Старшекурсники в школе разведчиков обычно рассказывали первокурсникам, посмеиваясь, что у шаровых молний и Л-поля любовь друг к другу. Как только Л-поле выстреливает лучом-кинжалом в молнию, она тут же бросается на кинжал и, умиротворенная, тихо застывает на «груди» Л-поля. История, конечно, треп, но физически все точно или почти точно.

По всему миру стали создаваться авиабазы разведчиков шаровых молний — лайтменов. Самолеты оборудовались специальными ловушками для молний, на них устанавливались излучатели Л-поля, при помощи которых разведчики собирали шаровые молнии, или просто «шарики», в ловушки.

Попав в «объятия» Л-поля, молнии становились тихими и послушными. Их доставляли в лаборатории, где ученые изучали их свойства, которые были весьма любопытны. Да и сами молнии, казалось, излучали какое-то очарование. Круглые светящиеся «шарики» были очень похожи на каких-то неземных, космических кошек. С ними и обращались, как с живыми существами.

А когда, спустя некоторое время, шаровые молнии начинали тускнеть, что говорило о недостатке энергии, их опять «замораживали» при помощи Л-поля, снова складывали в ловушки самолета-разведчика и отвозили в небо, где выпускали вблизи грозового облака. На жаргоне лайтменов это называлось «отпустить кошечек на волю», и такие полеты любили все, считая их заслуженной наградой. Разведчики шаровых молний, эти асы неба, нередко смахивали слезинку, глядя на возвращение «шариков» в родную стихию...

В остальном работа у лайтменов была чрезвычайно опасной. Шаровая молния скользила точно в ловушку при условии, что нить Л-поля пронизывала ее насквозь. Если же удар был касательным, молния прыгала в сторону и могла попасть в кабину самолета. Что за этим могло последовать, представить нетрудно. Именно поэтому разведчикам выдавали ручные излучатели для корректировки траекторий, а также костюмы, в которых при опасности включалось защитное поле в виде кокона.

Грозовое облако кончилось, и внезапно брызнувшая голубизна неба на мгновение ослепила Андрея. Пролетев еще немного по инерции вперед, он развернул самолет. Иссиня-черная грозовая туча, клубясь и озаряясь вспышками белого пламени, накатывалась на него снова. Андрей поднырнул под нависший над самолетом багровый козырек и вошел в черную плотную толщу снизу. Самолет опять затрясло. Прямо по курсу появился маленький «шарик». Чуть вправо, так... залп! Есть! Еще один... Залп! «Отлично, Константин!» Охота за «шариками» продолжалась.

Седьмая шаровая молния показалась слева, почти на границе экрана. Доворот... хорошо... залп! И тут же еще одна, очень большая, почти прямо на правый прицел! Слишком близко! Черт, поворачивать поздно, надо брать правым... Андрей нажал правую гашетку. Нить Л-поля прошла правее! Прицел сбит, вот же... Ручным ее! Поздно!..

Огромный огненный шар ударил прямо по кабине. Перед глазами мелькнуло лицо Марины. Теряя сознание, Андрей нажал кнопку включения защиты. Невидимый кокон окутал костюм. А на вопрос, чем можно пробить защитное поле костюма разведчика, ученые на сегодняшний день ответа еще не придумали.

Когда Андрей пришел в себя, солнце стояло высоко в голубом небе. Грозового фронта нигде не было видно. Он лежал на спине, ощущая под собой ненавязчивую упругую твердость защитного кокона. Андрей выключил защиту, и костюм вместе с ним мягко осел на землю. Он попробовал пошевелиться. Болела грудь и левая нога. Андрей осторожно сел. Невдалеке абстрактной скульптурой возвышалась груда остатков его ЛР-051. «Жаль, отличная была машина», — с внезапной тоской подумал Андрей. Мокрая трава вокруг носила следы пожара, разгореться которому не дал, очевидно, прошедший ливень.

Андрей попробовал подняться на ноги. Несмотря на боль, идти он мог. Но куда идти? Район был знаком ему весьма приблизительно, только по поисковой карте, и в какой стороне сейчас ближайшее жилье, он не имел ни малейшего представления. Подумав немного, он решил двигаться на восток — база должна быть там, вылетал он на запад. Прикинув направление по солнцу, Андрей выбрал за ориентир какой-то двугорбый холм километрах в полутора. Отчаянно хотелось есть. Поблизости виднелся лес, призывно зеленея листвою, но что там в мае месяце можно найти съедобного? Андрей вдруг вспомнил Маресьева, о котором читал когда-то. Тот дошел, без еды, раненный, да еще зимой... «И я дойду, — подумал Андрей, сжав зубы. — Если смогу...»

Он был еще в шоке от падения, и поэтому просто начисто забыл о том, что времена Маресьева — это героическая, славная, но уже очень далекая история...

Навигационная спутниковая система зафиксировала аварию и падение самолета ЛР-051, она же продублировала включение защиты его индивидуального костюма и подняла тревогу. Уточнив координаты места падения, с ближайшего аэродрома немедленно поднялась в воздух ярко-оранжевая спасательная платформа...

«А хорошо бы в следующий раз нарваться на «слоеный пирог», — мечтал Андрей, медленно ковыляя по мокрой траве. — Набить все лешушки под завязку — и домой. А разведку посвятить Марине...»

Он успел пройти всего метров восемьсот, когда увидел вы-

нырнувшую из-за деревьев платформу. Через несколько минут его уже поддерживали крепкие и заботливые руки спасателей.

— Ребята, там «шарики», семь штук, заберите, ловушкам-то ничего не делается...— запинаясь, проговорил Андрей. Его собственное тело казалось ему легким-легким, как те невесомые белые облака, которые плыли над ним высоко-высоко в небе.

— Ну, ты молодец! Головы своей чуть не лишился, а о деле помнишь,— проговорил один из спасателей, непонятно, то ли с одобрением, то ли с осуждением.— Но это уж пусть твои разведчики разбираются, им уже сообщили. А для нас ты важнее «шариков»...

Андрей, сытый и успокоенный, лежал в медотсеке. Платформа, мягко покачиваясь, летела к базе. «Вот и все обошлось,— думал он, начиная дремать.— Не забыть бы помыть машину...»

* * *

ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО

ЧТО ЗАВТРА ОТВЕТИТЬ?

— Разрешите?

Нилин недовольно поднял голову. В дверях стоял молодой человек.

— Разрешите, Сергей Андреевич? — еще раз вежливо осведомился он.

— Прошу, садитесь, пожалуйста.— Нилин провел рукой в сторону кресла.

— Спасибо.— Молодой человек устроился в кресле, поднял глаза на Нилина.

— Сергей Андреевич, у меня не совсем обычное дело. Вы могли бы сначала выслушать меня, а уж потом задавать вопросы? Я постараюсь быть краток.

— Пожалуйста,— Нилин никак не мог полностью переключить внимание с разложенных на столе бумаг на посетителя.

— Дело, Сергей Андреевич, в том, что я, выражаясь принятыми у вас терминами,— пришелец. Из другого времени или с другой планеты, не суть важно. Нет-нет, мы ни в коей мере не вмешиваемся в естественный процесс развития на вашей планете. Только иногда позволяем себе...

— Молодой человек! — Нилин с трудом сдерживал раздражение.— Вы не находите, что ваши шутки не совсем уместны?

— Сергей Андреевич, вы ведь обещали, что дадите мне возможность... Поверьте, это не шутка и не издевка. Я говорю правду.

Нилин, сощулив глаза, пристально смотрел на посетителя.

— Так вот,— продолжал молодой человек.— Мы давно уже научились математически точно определять границы возможностей каждого человека. Сумма ваших способностей близка к еди-

нице. Проще говоря, в любой из областей деятельности вы могли бы добиться выдающихся успехов. Могли, но, извините, не добились. Причину этого вы сами сформулировали лет пятнадцать назад. Помните? «Главная моя беда в том, что мне слишком легко все дается...» Я не ошибся?

Нилин кивнул.

— Вы не закончили мою формулировку,— с улыбкой напомнил он посетителю,— я сказал тогда: «Мне слишком легко все дается на обычном среднем уровне».

— Правильно.— Пришелец кивнул головой.— Чтобы достичь выдающегося уровня, нужен длительный целенаправленный труд, то, чего вам, Сергей Андреевич, извините, и не хватало. За тем я и пришел к вам. Хотите все начать сначала?

— В каком смысле? — недоуменно осведомился Нилин.

— В прямом. Мы умеем возвращать назад время. Подумайте, с какого момента вам хотелось бы начать жизнь снова?

— А вы не боитесь,— Нилин никак не мог настроиться на серьезный лад,— что я в новом, так сказать, варианте наделаю массу глупостей?

— Нет,— посетитель улыбнулся,— не боимся. Наши ЭВМ этот вариант полностью отвергают. Я вас, Сергей Андреевич, не троплю. Подумайте. Если вы не против, я зайду к вам завтра, скажем, в это же время, хорошо?

— Лучше к концу дня,— Нилин незаметно для себя включился в предложенную игру.

— Хорошо, к концу дня.

Посетитель встал, слегка поклонился и протянул Нилину руку. Рука была обыкновенная, человеческая, и кабинет пришелец покинул совершенно по-человечески — просто вышел через дверь.

— Дурацкая шутка! — Нилин вышел следом, пересек темный двор, вошел в подъезд, нажал кнопку лифта.

— «А если не шутка? — Мысль эта в какой уж раз пришла ему в голову. — Шутка, не шутка...»

Нилин открыл дверь, вошел в пустую квартиру, поставил в угол портфель, снял плащ...

«Ну-с, что же начинать сначала?»

В кухне он смахнул со стола вчерашние крошки, зажег газ...

«Разве личную жизнь устроить?»

Женился Нилин на первом курсе института. Жена училась в параллельной группе. Так и тянули вместе пять лет, учили по одному конспекту — сынишку на лекции носили. Все было нормально. А через десять лет как-то вдруг все стало плохо. Наверное, можно было еще что-то исправить, наладить, но не захотели. Гордость ли помешала, или просто устали друг от друга. С тех пор Нилин и живет один. Откуда же начать все снова? Со дня свадьбы? Или с того дня, когда почувствовал, что стала Татьяна совсем чужой? А может быть, вычеркнуть все эти десять лет из жизни? Но разве жалел Нилин когда-нибудь о том, как их прожил? Нет. Хо-

рошие были годы, честные, чистые, светлые. И любовь была, что бы там ни шептали сплетники. Не сможет он эти годы прожить по-иному. Не сможет, да и не захочет. Впрочем, пришелец имел в виду, наверное, совсем другое. Что же ты, Нилин, жизни недодал?

Профессию разве сменить? Поступить в другой институт или в университет податься? Путь оттуда к мечте, к сегодняшней работе куда как короче. Другой институт — это значит другие друзья, другие учителя: не будет на его пути людей, которые щедро делились с Нилиным знаниями, опытом да и душой. Не будет бессонных ночей, конспектов, веселой сутолоки комитета комсомола. Вернее, все это будет, но будет другим. Стоит ли менять? Тем более что с его дипломом интересной работы хватает. Только нужно начать сразу же, не терять времени. Так, а куда он его терял?

Не ездить в экспедицию. Сразу же поступать в аспирантуру, защитить диссертацию. Долой четыре года жизни в тайге, жаркое тепло печки, согревавшей продрогшее на ветру тело, работу от восхода до заката, крепкую на всю жизнь дружбу... Не слишком ли дорогая плата за раннюю диссертацию? Тем более что в аспирантуру он после экспедиции все же поступил. Вот только диссертацию так и не написал. Опыт провел, данные получил хорошие. Пиши да пиши! Что же помешало? Жаль было время тратить на казавшееся ненужным, непринципиальным оформление бумаг. Все результаты в статьях были опубликованы, другим служат, не раз встречал он ссылки на свои работы. Что еще? Или поэзия отвлекала?

Нилин улыбнулся, вспомнив бессонные ночи, груды исписанной бумаги. Даже книжка вышла! Пушкин из него, правда, не получился. Разве поэтом стать? Это значит — долой последние семь лет жизни! Годы, в которые властно влекла его биология, охрана природы. Кто-нибудь скажет: «Подумаешь, цветок сохранил!» Да, всего-навсего цветок! Легко его придавить каблуком сапога или вырвать с корнем. А попробуй сохрани! Ведь нигде на Земле нет больше этого цветка, только в заповеднике! Нет, цветок свой он никому не отдаст.

Так что же менять, что начать сначала? Да и стоит ли вновь входить в ту же реку? Жизнь-то ведь еще не кончилась...

Что же пришельцу завтра ответить? Поймет ли? Должен понять. Раз разумный, значит, ничто человеческое ему не чуждо. А интересно, согласился бы он начать жизнь сначала?

* * *

АЛЕКСАНДР ГАВРЮШКИН

БЕЗЫМЯННАЯ ПЛАНЕТА

Динамик громко икнул, прохрипел что-то невнятное и затих. Нейтрон Степанович догадался, что объявили невесомость. Космическая станция лениво замедляла свое вращение, с каж-

дым оборотом приближая долгожданный конец рабочего дня. Еще несколько томительных минут, и грузное тело Нейтрона Степановича освободится наконец от оков искусственного тяготения. И тогда он стремительно помчится вперед, в жилой отсек, в родную каюту. Там ждет его скромный холостяцкий ужин — шницель из задней части молодого марсианского тараканодонта под хреном — и недочитанный томик космического детектива из серии «На страже галактики».

Нейтрон Степанович сладко потянулся, отстегнул ремни и собрался было воспарить над столом, как вдруг входной люк жалобно заскрипел и в проеме показались чьи-то ноги. Нейтрон Степанович уже гневно открыл рот, чтобы отчитать запоздалого посетителя, и осекся. Еще мгновение, и сердце Нейтрона Степановича забилося в радостном ожидании, как одинокий пес, учуявший приближение долгожданного хозяина. То была Зинаида Протоплазмовна, или просто Зиночка, сотрудница сектора планетной космологии. Всякий раз, когда Нейтрон Степанович видел Зиночку, по его телу разливалась томительная истома, а глаза светились нежно и мечтательно.

Зиночка преодолела люк и зависла в центре кабинета, поправляя прическу. Ее стан, легко угадывающийся в складках комбинезона, еще не вполне утратил былую стройность, а несомненно миловидное лицо, обрамленное прядями темно-синих волос, светилося для Нейтрона Степановича кротостью и добротой. Он хотел было сказать ей что-то ласковое, но по заплаканным Зиночкиным глазам определил, что с нежностями следует подождать.

— Нейтрон, ты должен мне помочь,— жалобно сказала Зиночка, медленно дрейфуя в сторону вентиляционного отверстия.

— Что случилось?

— Ой, не могу больше.— Зиночка вдруг громко зарыдала, размазывая слезы по еще пухлым щечкам.— За что мне такое наказание? Чтоб ему, извергу проклятому!

— Да кому же? — Нейтрон Степанович утешать плачущих женщин не умел и поэтому совершенно растерялся.

— Ему, начальнику станции Тришкину.

— Вот что, Зинаида,— Нейтрон Степанович принял строгий вид,— давай все по порядку, а то я ничего не пойму.

— Значит, так,— затараторила Зиночка, продолжая всхлипывать.— Открыли мы на прошлой неделе новую планету. Симпатичная планетка, аккуратненькая, совсем как Земля. Мы ее, конечно, осмотрели, замеры сделали, и собралась я, как положено, документы в центр посылать. Прихожу третьего дня к Тришкину, чтобы подпись его на докладе получить, а он, представляешь, мне и говорит: «Вы, Зинаида Протоплазмовна, поработали неплохо, только вижу я, что есть в вашем докладе некоторые упущения. Срочно все перепроверьте и снова приходите». Я, конечно, бегом в свой сектор. Все проверила, заново пересчитала и опять к начальнику. А он даже читать как следует не стал. Только первый диск

просмотрел и заявляет: «Вы что, Зинаида Протоплазмовна, переутомились? Или, может быть, сознательно распоряжения руководства игнорируете? Да я вас на Луну спешу! Характеристику испорчу!» Это на меня-то и кричать! — И Зиночка снова собралась разрыдаться.

Нейтрон Степанович почесал затылок.

— Да, дело серьезное, от начальника нашего лучше подальше держаться, а перечить — упаси бог! Сожрет вместе с комбинезоном. Опись-то у тебя где? Дай-ка я погляжу, хотя это дело долгое. Лучше ты мне так, на словах расскажи, что там на планете.

Зиночка ухватила за стол, с надеждой заглянула в глаза Нейтрона Степановича и принялась рассказывать:

— Планетка наша небольшая, чуть меньше Земли. Поверхность все больше водой покрыта, но в восточном полушарии, возле экватора, большущий материк. Мы на прошлой неделе туда летали. Красота — будто в сказке. Трава изумрудная, высокая, мне по пояс. Фауна богатая. Мы даже одну зверюшку отловили. Маленькая такая, черненькая, мохнатенькая и мордочка смышленная, на нашу обезьяну похожа. На голове остренькие рожки, а на задних лапках — копытца. Тришкину очень понравилась, он ее теперь у себя в кабинете держит.

Там посреди материка долина, по ней речка течет. Вода — будто хрустальная и на вкус сладковатая. Мы сразу запрос в центр послали на заселение. И, представляешь, разрешили. На нашу станцию десять участков выделили. Первым делом, конечно, ветеранам раздавать будут. Кстати, ты, Степаныч, давно летаешь-то?

— Почти полвека.

— Давай я и тебя запишу. Ты человек заслуженный, положительный и мужчина видный. — Зиночка кокетливо улыбнулась. — Наверняка дадут. Тришкин наш, змей галактический, гори он термоядерным огнем, первым записался.

— Хорошо бы, — мечтательно сказал Нейтрон Степанович, украдкой взглянув на Зиночку. — Пора и мне своим домом обзаводиться. — Он вздохнул, и представилось ему, что стоит посреди зеленого луга на берегу хрустальной речки маленький домик. Возле домика растет диковинное дерево, а на его ветке сидит маленькая рогатая обезьянка. У крыльца стоит он, Нейтрон Степанович, и смотрит, как ему навстречу идет сквозь высокую изумрудную траву любезная его сердцу Зиночка.

— Как быть-то, Степаныч? — прервала Зиночка полет его фантазии.

Нейтрон Степанович потер лоб.

— Ты мне вот что скажи, Зинаида, вы как планету называли? Зиночка удивленно развела руками.

— Никак, вот доклад в центр отошлем, там что-нибудь и придумают.

Нейтрон Степанович неодобрительно покачал головой.

— А знаешь ли ты, что правила дальних космических экспедиций разрешают первооткрывателю назвать найденную им планету своим именем?

— Ну, знаю... Так что же? Планету эту Машенька первой углядела, лаборантка наша. Выходит, ее именем и назвать?

— Да при чем тут Машенька? — Нейтрон Степанович досадливо поморщился. — Здесь важна идея, общее руководство, направляющая, так сказать, сила.

— Что же это за сила такая? — растерялась Зиночка. — Погоди, погоди... Ах, какая же я дура! Ну, конечно, вот что он от меня хотел, а я-то голову ломаю! Спасибо тебе, Нейтрон, надоумил. — Зиночка вспорхнула над столом и чмокнула Нейтрона Степановича в щеку. — Пойду Тришкина увековечивать. Погоди, что же это получается? Начальника нашего Спиридоном Танталовичем Тришкиным зовут. Выходит, мне планету надо Спиридоном назвать?

— Зачем, ты как-нибудь измени.

— Понятно, по аналогии. Значит, так, Марс — Спиридарс.

— Не пойдет.

— Тогда по-другому: Венера — Спиридера.

— Тоже нехорошо.

— Юпитер... Ладно, потом придумаю, полечу в сектор, чтобы к завтраму доклад исправить.

— Да ты долину не забудь, и речку тоже.

— Спасибо, Нейтрон! — крикнула, улетаая, Зиночка, оставив Нейтрона Степановича наедине с приятными воспоминаниями.

На следующий день Нейтрон Степанович вопреки обыкновению явился на службу раньше времени. Что-то странное происходило в его душе. Всю ночь снились ему изумрудные долины, хрустальные реки и Зиночкины темно-синие волосы. Нейтрон Степанович занял свое рабочее место и приступил к изучению прессы. Он взял моток «Звездной жизни», засунул его в видеоскоп и уставился на экран. Сообщение сменялось сообщением, как вдруг маленькая заметка привлекла его внимание. «Объявление, — прочел Нейтрон Степанович. — Недавно коллектив космостанции ТРПР/8 ДР имени героя-космодесантника Мухтара Фотон-заде, руководимый заслуженным покорителем Вселенной, кавалером ордена Большой Черной дыры Спиридоном Тришкиным, обнаружил новую планету, пригодную для заселения и названную именем первооткрывателя. Заявки на приобретение личных участков принимаются в Галактическом садово-огородном бюро». Далее следовал текст рекламного приложения:

«Прилетайте на С П И Р И Д О Н Т Е Р, чудо-планету!

Где еще во Вселенной вы найдете такие изумрудные луга, голубое небо и ласковое солнце, как в Тришкиной долине! Хорошо искупаться в хрустальных водах реки Спиридоновки. Этот могучий водный поток берет начало у подножия Тришкиной горы, высочайшей вершины Спиридонтера, которую вскоре увенчает титано-

ирридиевый бюст героя-первооткрывателя. Богат и разнообразен животный мир планеты. Доверчивые и легко приручаемые рогатые обезьянки вида «Спиридониус Вульгарис Натуралес», без сомнения, станут вашими лучшими друзьями. С П И Р И Д О Н Т Е Р ждет вас!»

Хрипло затрещал сигнал видеосвязи. Нетвердой рукой Нейтрон Степанович нажал кнопку ответа. На экране сфокусировалась Зиночка.

— Нейтрончик,— весело защебетала она,— времени совсем нет, я в двух словах. Значит, так, записала тебя на участок...

— Погоди, Зина,— перебил ее Нейтрон Степанович,— не надо...

— Как не надо?! — Голос Зиночки звучал растерянно и обиженно.— Ты не хочешь? А я-то думала...

Нейтрон Степанович с тоской посмотрел на объявление и отвернулся.

— Хочу, Зина. Конечно, хочу. Только не на Спи... только не на этой планете.

* * *

ВЛАДИМИР ЦВЕТКОВ

ДОЖДЬ, КОТОРОМУ ХОТЕЛОСЬ КУРИТЬ

В тот день шел мелкий дождь. Он сыпался с неба редко и неторопливо, но с завидным постоянством, присущим всем дождям в наших краях. Казалось, будто невидимые музыканты наигрывают нехитрую мелодию на древних тамтамах. Эти звуки приносили успокоение и дарили печаль, неизменную спутницу человека на его жизненном пути. Музыка дождя убаюкивала, звала в свой мир, таинственный и непостижимый, загадочный и грустный. Дождь все шел, шел, летел к земле, лаская деревья, листву, траву, цветы. Прозрачными глазами, в которых отражалось серое небо, он всматривался в окружающее.

Помню, я сидел на скамейке в беседке почти в центре парка. Это был старый парк, пожалуй, единственный из тех, которые сохранились в нашем городе в таком полузапущенном виде, что его даже можно бы и не называть парком. Здесь не было аттракционов, каруселей, качелей, «американских гор», планетария, напоминающих о цивилизации. Правда, дорожки посыпали битым кирпичом, но, как минимум, два года назад, скамейки покрасили, но, вероятно, только в позапрошлом году, кустарник подстригли, но не раньше, чем прошлой осенью.

Дождь все шел, окрашивая листву деревьев в сочный ярко-зеленый цвет, до того чистый и яркий, что, казалось, она была отчеканена из неземного, хрупкого металла. Она дрожала, когда на нее падали капли, словно разговаривала с дождем на своем языке.

Дождь шел сегодня весь день, с самого утра. Людей поблизости не было, кто же захочет выходить из дому в такую погоду? Но и в другие дни они, поглощенные заботами и будничными делами, не баловали своим присутствием этот заповедный уголок. Кричащие радиоголоса, голубые экраны телевизоров, алчные кинотеатры, дешевые игральные автоматы, домашние проблемы, повседневный труд занимали их целиком, пропуская время сквозь сито однообразных дней, наполненных суетой мелких страстей и жаждой преуспевания.

Я люблю пасмурную погоду прежде всего потому, что в эти часы никто не мешает думать. Можно подумать обо всем на свете; о том, что тебя волновало когда-то или тревожит теперь. О том, что сбылось, а что — нет. О том, чего ты ждешь в жизни и что ты можешь дать ей. О целях и идеалах. О достигнутом и желаемом. Об Улиссе и Алисе. О мышах и людях. О скитаниях вечных...

Итак, шел дождь, серые шторы туч закрывали небо, и голубые сосны изредка стряхивали с ветвей брызги северных ветров.

Я увидел, как по тропинке спускается человек. Походка его была необычной, и это сразу бросалось в глаза. Как объяснить попроще? Ну хотя бы взять моряка, находившегося в плавании и отвыкшего ощущать твердую почву под ногами. Или космонавта, возвратившегося на Землю после долгого пребывания в невесомости. И у того, и у другого походка будет отличаться от нашей с вами. Особенно первое время.

Так вот, человек шел к беседке. На нем был старый плащ, выдавшие виды полуботинки, черные брюки. По неаккуратно торчащему воротнику ковбойки можно было судить о том, что она давно выцвела от времени и что носили ее чуть ли не каждый день... Лицо у незнакомца было открытое, а ясные до боли глаза словно излучали магическую энергию. Он шел и губами ловил прозрачные капли.

— Здравствуйтесь,— сказал он, поравнявшись со мной.— Не правда ли, чудесная погода?

В голосе его не было ехидства, да и насмешки я не почувствовал. Но, как это часто свойственно людям, сначала я заглянул в его глаза. Заглянул и... отшатнулся. Не от ужаса, а от удивления. Там были... Я увидел... Десятки, сотни, тысячи, миллионы дождей, которые случались когда-либо на нашей планете. В прошлом. В настоящем. Которые прольются в будущем. Как я это понял? Не знаю. Не могу объяснить. Просто увидел.

— Да, сегодня неплохо,— ответил я. За долгие годы одиночества я научился не обращать внимания на разного рода странности, которые повсюду, словно осенние яблоки, разбросаны по нашей планете.— В такое время никто не мешает.

Он улыбнулся, и я поразился его улыбке, полудетской, непосредственной, такой располагающей. Казалось, она была соткана из лунного камня, если только из этого материала можно ткать

улыбки. Казалось, она вместила в себя свет рода человеческого. Она была словно подарок, которого не ждали.

Потом незнакомец вошел в беседку, и дождь прекратился.

— Знаете,— сказал он вдруг без всякой связи,— ничего не получилось. А я-то раньше думал, что у меня талант...

Он вздохнул и отвернулся. Было видно, что слова эти сказаны им не ради прихоти. То, о чем он начал говорить, наболело. Оно накопилось в нем, словно жидкость в чаше, края которой уже переполнены... Подул холодный ветер.

Человек посмотрел на меня. Не знаю, что он прочитал на моем лице, но я почувствовал отчаяние, исходившее от него.

— Вы, конечно, не понимаете, о чем я?..— спросил он. И, не дожидаясь ответа, добавил:— Сейчас объясню. Дело в том, что я поставил перед собой недостижимую цель. Я неудержимо стремился к ней, и иногда уже начинало казаться: вот она, рядом, только протяни руку... Но это были только иллюзии. Иллюзии, которые я принимал за реальность, потому что желал всего сразу, потому что спешил, потому что не хотел ждать, потому что был молод и нетерпелив... Как вы считаете, сколько мне лет?

Я внимательно взгляделся в его лицо. Это было лицо молодого человека, изнуренного непосильным трудом. Под глазами — синие круги. Ввалившиеся щеки, заостренный подбородок. Левую щеку пересекал глубокий шрам... Но чем дольше я всматривался, тем старше он мне казался.

— Лет двадцать пять,— сказал я неуверенно.

Он усмехнулся:

— Я ровесник этого леса... Нет-нет, не думайте, я вполне нормален. Только ведь все равно не поверите.

— Почему же?..— спросил я. И сам же ответил:— Если никогда никому не верить, то и жить незачем. Человек должен верить. Без веры его нет...

Незнакомец взглянул на меня странно. Словно раздумывал о чем-то важном. Будто размышлял, продолжать ли ему разговор. Довериться ли мне?

Там на горизонте тучи сливались в одну темную массу — гигантскую пену фантастического стирального порошка, с помощью которого время от времени моют полы в Поднебесной. Вдали голубели расплывчатые деревья. День казался размытым, ненастоящим, акварельным.

Он серьезно, тихо спросил, как я отношусь к разного рода фантазиям, к инопланетным кораблям, например. Я ответил, что не считаю это фантазией: ведь в космосе есть уже и наши корабли. Почему же не быть другим.

Лицо его просветлело.

— Тогда вы меня поймете,— сказал он.— Ведь инопланетные корабли не должны нарушать экологического равновесия, они должны быть похожи на все земное. На растения, на облака, на тучи, даже на пелену дождя. Странно? Значит, все же фантазия?..

А если я вам скажу, что один из таких кораблей вели к вашей планете невиданные здесь существа, разумные, конечно, но именно в силу своей разумности создававшие, что их не должны здесь видеть, и они сами не должны никому мешать? Что тогда? Вы скажете, положение у них было безвыходное. Это так. Особенно безвыходным оно стало тогда, когда был утерян корабль вместе с передатчиками. Утерян во время изучения жерла вулкана... И только один из экипажа мог спастись. Вы могли бы себе это представить?

— Могу,— ответил я.— Ведь я иногда задумываюсь о таком...

— Хорошо. А вы не допускаете, что этот оставшийся член экипажа хочет иногда поговорить с землянином, выкурить сигарету — и отвести душу? И что в своем подлинном облике он явиться просто не может? Что легче уж ему принять облик дерева, скалы, камня, дождя, наконец?

— Готов допустить,— ответил я без удивления, как будто речь шла о чем-то абстрактном.— Хотя, конечно, поверить в это трудно.

— Трудно...— согласился он.— Вам поверить трудно. И все же такое может случиться. Об этом может судить лишь тот, кто волен принять облик человека и облик дождя.

Странное в высшей степени заявление! Но в этом что-то было.

— Всю жизнь я старался быть полезным людям,— наконец заговорил незнакомец.— Всю жизнь, всю жизнь... И что же из этого вышло? — Он горестно вздохнул.— А ведь я спасал посевы от засухи, давал жизнь деревьям, цветам, травам, пустыни превращал в плодородные земли. Всего не расскажешь. Да и не нужно. Слово — это одно, а дело — это другое. Не знаю, может быть, я не совсем прав или не во всем, но моя точка зрения такова. Хорошо, когда дело подтверждает слово. Хорошо, когда они рядом, когда они вместе, когда они едины... Так бывает редко. Так бывает не у всех людей. И так никогда не бывало у моих заклятых врагов. Я называю их людьми осени, людьми смерти.

Да, люди осени были моими самыми заклятыми врагами. Сначала я терпеливо сносил их дикие выходы: бессмысленное уничтожение лесов, отравление рек и озер ядохимикатами, бездумное осушение болот, загрязнение атмосферы, варварские войны... Но рано или поздно я не выдерживал. Это был нервный срыв.

Помню, однажды я оказался в краях, где случилась сильная засуха. Жара стояла невыносимая, ветра совсем не было, листья на деревьях пожелтели, а землю испепеляла жажда. Урожай в тот год обещал быть хорошим, но хлеба задыхались от недостатка влаги. Люди с надеждой смотрели на небо и молили о дожде. И тогда к ним вдруг пришел дождь. То есть они думали, что он пришел к ним вдруг и случайно, а на самом деле это было не совсем так или, правильное сказать, совсем не так. Но они-то ведь этого

не понимали, как, впрочем, не понимают и теперь. В нашем мире нет ничего случайного, и любой случай — проявление закономерности, только догадываются об этом очень немногие. Так вот, начался дождь, и как раз тогда, когда он был желанен. Его ждали, его звали, и он пришел, и ему радовались несказанно. И поняв, с какой радостью люди приняли дождь, он все питал и питал землю влагой, вдыхая жизнь в растения, которым он был так необходим. И дождь все шел, шел и шел... До тех пор, пока люди, эти глупые существа, не стали его проклинать. И услышав проклятия, и увидав воздетые к небу кулаки, и глянув в искаженные злобой и ненавистью лица людей, дождь ушел от них, только ушел не так, как уходил до сих пор — на время, а оставил их навсегда. И дождь, наверное, не раз после этого задумывался о равновесии сил в природе и пришел к мысли, что, пожалуй, не стоит исполнять желания людей, ибо им все равно не угодишь...

Он резко повернулся ко мне. Губы его мелко дрожали. Между бровями пролегла упрямая складка.

— Существует истина: все течет, все изменяется. Кому ж это знать, как не мне...— Он криво усмехнулся.— Так было и будет. Так будет, пока существует мир. А мир вечен.

— Неизменен?

— Нет, вы меня не поняли. Не неизменен, но вечен. Материя неистребима. Поля наших мыслей неистребимы.

— Значит, через несколько веков мир тоже будет существовать?

— Вселенная — да. В других формах. В иных, чем сейчас. В других формах существования материи. Но это произойдет не сразу. Возможно, через несколько веков. А скорее всего гораздо раньше.

Он глубоко вдохнул полной грудью сырой, но удивительно вкусный воздух и, собравшись с духом, вдруг сказал:

— А знаете, кто я? Я — дождь...

Он замолчал ненадолго. И увидев, что я ничего не говорю ему, постигая эти удивительные слова, бесстрашное откровение, спросил:

— Может быть, у вас найдется закурить?

Я достал пачку. Пальцы у него были тонкие, нервные. Они дрожали. Наши руки соприкоснулись. Я ощутил трепетное прикосновение чужого мира, другой жизни.

Он торопливо затянулся, выдохнул дым. Дождь давно перестал. Вечерело.

— Ох! — Незнакомец внезапно спохватился.— Мне пора!

И убежал не попрощавшись.

Когда он выходил из беседки, начался дождь. Это был настоящий ливень. Потоки воды хлынули на землю.

Музыка дождя, преодолев рамки привычного, вырвалась на волю. И теперь она легко и стремительно, разрастаясь и набирая силу, летела над землей...

ПРОЕКТ

(Памфлет)

Шеф явно сердился. Он буквально пронзал Талера ясными, как у богородицы, глазами. Под таким взглядом Фриц Талер, выходец из Германии, а ныне — верный подданный Штатов, пасовал.

— Так что же, — строго спросил шеф, — неужели вы не в состоянии справиться с задачей?

— Я мобилизовал все научные силы, применил новейшие средства обнаружения, в том числе и «искусственный нос». А его последняя модель, как вы знаете, феноменально чувствительна — одну миллионную долю процента окиси углерода в атмосфере улавливает за двадцать миль!

— Бред! Голубая мечта пятидесятих годов. Сейчас только идиот будет искать русские лодки по выхлопу дизелей. Теперь у них совсем другая техника. Вы не на то сделали ставку, и тысячи долларов у вас улетели в трубу.

— Вы, к сожалению, правы, дорогой шеф, — согласился Талер. — Я убедился в этом на прошлой неделе. Мы облазали весь залив, вышли далеко в океан и, казалось, нащупали повышенную концентрацию СО. Начали поиск... И что же оказалось? Эта нечисть тянулась не к нам из океана, а от нас, из Флориды. Там городят какую-то новую секретную чертовщину. И двигатели их самосвалов нещадно дымят!

— Это не ваша забота и не ваша область, Талер, — остановил его шеф и снова вперил в переносицу сверлящий взор. — Меня интересует, что вы предпримете теперь. Учтите, что обсуждение финансов не за горами. Так что пошевеливайтесь! Если мы не найдем надежного обоснования нашей сметы, то... надеюсь, вы понимаете, чем это будет грозить лично вам?

— Отлично понимаю, шеф. Это меня и заботит, — ответил Фриц, он же Фрэнк, глядя на хозяина с должным подобострастием. — Сделаем! Непременно сделаем...

Однако спасительного замысла у него не было. Идеи... Где искать идеи? Талер связался с фирмами и институтами, побывал даже в объединении парапсихологов и психопатологов, рассчитывая, что там, может быть, найдется хоть один человек, способный чувствовать на расстоянии, достаточном для его дела. Оказалось, что специалистов по ясновидению много, а ясновидцев нет.

Неудача его постигла и в новейшем институте нуклеодозиметрии, где работают на кварках и очарованных частицах. Старые научные организации ответа на новый вопрос дать не могли, а новые находились в стадии становления и пока не очертили круг вопросов, которыми будут заниматься.

И все же спасительная идея пришла! И именно в тот момент,

когда Талер, намаявшись за день, грустил над стаканом виски с содовой в обществе небезызвестной в порту девицы Мэгги Дрек. От Мэгги, как всегда, несло спиртным, но это Талера не заботило. Его заботило одно — идея, где взять идею... Мозг Фрица был напряжен до предела. Ноздри его раздувались, словно их обладатель внюхивался в воздух подобно электронному «искусственному носу» — а вдруг идея носится в воздухе...

— Черт меня побери, эврика! — вдруг воскликнул он, приблизившись к Мэгги на расстояние, более короткое, чем это принято в благородном обществе. И тут же, оттолкнув ее, кинулся к телефонному аппарату.

— Сивый мерин, — бормотал он по дороге, — как же это я раньше не догадался!

Дело в том, что Мэгги обнаруживала загадочную способность предугадывать приближение к берегу кораблей с экипажами, включая подводные лодки! Биополе? Фриц Талер не знал этого наверняка, но своему патрону подал это как идею использования биополя. И эту идею можно проверить с помощью той же Мэгги! Непостижимым образом узнавала она о передвижении подводных дредноутов в пучинах океана.

Шеф задумался, помолчал. Потом дал добро на предварительные эксперименты.

— Я устрою Мэгги на судно наблюдения, — отрапортовал Талер. — Пусть эксперимент будет масштабным, в самых настоящих морских условиях!

И Мэгги отправилась в плавание. Талер взял на себя роль посредника, объективного наблюдателя.

— С правого борта судно! Опасно маневрирует, его намерения определить не удастся! — Таким было первое совместное сообщение Мэгги и Талера.

Какая досада! Когда они увидели это судно, то быстро поняли оплошность. Это был танкер. Ребята из Хьюстона везли средневосточную нефть.

— Мэгги, — сказал Талер. — При всем желании я не могу признать наш эксперимент удачей. Но в этом что-то есть. Думаю, что это позволит нам продержаться еще некоторое время, может быть, до рождества. А теперь нам предстоит самое главное — составить текст радиোগраммы для нашего интересующегося наукой шефа. Биополе. В этом что-то есть.

И Талер саркастически улыбнулся.

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

}

Якову Алексеевичу Саранину немного доставало до среднего роста; жена его, Аглая Никифоровна, из купчих, была высока и объемиста. Уже и теперь, на первом году после свадьбы, двадцатилетняя женщина была дородна так, что рядом с маленьким и тощим мужем казалась исполиншею.

«А если еще раздобреет?» — думал Яков Алексеевич.

Думал, хотя женился по любви — к ней и к приданому.

Разница в росте супругов нередко вызывала насмешливые замечания знакомых. Эти легкомысленные шутки отравляли спокойствие Саранина и смешили Аглаю Никифоровну.

Однажды, после вечера у сослуживцев, где пришлось выслушать не мало колкостей, Саранин вернулся домой совсем расстроенный.

Лежа в постели рядом с Аглаею, ворчал и придирался к жене. Аглая лениво и нехотя возражала сонным голосом:

— Что же мне делать? Я не виновата.

Она была очень покойного и мирного нрава.

Саранин ворчал:

— Не обжирайся мясом, не трескай так много мучного, целый день конфеты лопаешь.

— Не могу же я ничего не кушать, коли у меня хороший аппетит, — сказала Аглая. — Когда я была в барышнях, у меня еще лучше был аппетит.

— Воображаю! Что ж ты, по быку сразу съедала?

— Быка сразу съесть невозможно, — спокойно возразила Аглая.

Скоро заснула, а Саранин заснуть не мог в эту странную осеннюю ночь.

Долго ворочался с боку на бок.

Когда русскому человеку не спится, он раздумывает. И Саранин предался этому занятию, столь мало ему свойственному в другое время. Он же был чиновник — много думать было не о чем и не к чему.

«Должны же быть какие-нибудь средства, — размышлял Саранин. — Наука с каждым днем совершает удивительные открытия; в Америке делают людям носы какой угодно формы, наращивают на лицо новую кожу. Операции какие делают — череп продырявливают, кишки, сердце режут и зашивают. Неужели же нет средства или мне вырасти, или Аглае телес посбавить? Какое-нибудь секретное бы средство? Да как его найти? Как? Да, вот если

лежать, то не найдешь. Под лежащий камень и вода не бежит. А поискать... Секретное средство! Может быть, он, изобретатель, просто ходит по улицам, да ищет покупателя. Ведь как же иначе? Не может же он публиковать в газетах... А по улицам,— вразнос, из-под полы продать что угодно,— это очень возможно. Ходит, предлагает по секрету. Кому нужно секретное средство, тот не станет валяться в постели».

Так поразмыслив, Саранин стал проворно одеваться, мурлыча себе под нос:

— В двенадцать часов по ночам...

Не боялся разбудить жену. Знал, что Аглая спит крепко.

— По-купчески,— говорил вслух; «по-мужицки»,— думал про себя.

Оделся и вышел на улицу. Спать совсем не хотелось. На душе было легко, и настроение было такое, как у привычного искателя приключений перед новым интересным событием.

Мирный чиновник, проживший тихо и бесцветно треть века, ощутил вдруг в себе душу предприимчивого и свободного охотника диких пустынь,— героя Купера или Майн-Рида.

Но, пройдя несколько шагов привычною дорогою — к департаменту,— остановился, призадумался. Куда же, однако, идти? Все тихо и спокойно, так спокойно, что улица казалась коридором громадного здания, обычным, безопасным, замкнутым от всего внешнего и внезапного. У ворот дремали дворники. На перекрестке виднелся городской. Фонари горели. Плиты тротуара и камни мостовой слабо мерцали сыростью недавно прошедшего дождя.

Саранин подумал и в тихом недоумении пошел прямо вперед, повернул направо.

II

На перекрестке двух улиц при свете фонарей он увидел идущего к нему человека, и сердце его сжалось радостным предчувствием.

То была странная фигура.

Халат ярких цветов, с широким поясом. Высокая шапка, остроконечная, с черными узорами. Шафраном окрашенная борода, длинная и узкая. Белые, блестящие зубы. Черные, жгучие глаза. Ноги в туфлях.

«Армянин!» — подумал почему-то Саранин.

Армянин подошел к нему, сказал:

— Душа моя, чего ты ищешь по ночам? Шел бы спать, или к красавицам. Хочешь провожу!

— Нет, мне и моей красавицы слишком довольно,— сказал Саранин.

И доверчиво поведал армянину свое горе.

Армянин оскалил зубы, заржал.

— Жена большая; муж маленький,— целовать, лестницу ставь. Вай, нехорошо!

— Что уж тут хорошего!

— Иди за мной, помогу хорошему человеку.

Долго шли они по тихим коридорообразным улицам, армянин впереди, Саранин сзади.

От фонаря до фонаря странное превращение совершалось с армянином. В темноте он вырастал, и, чем дальше отходил от фонаря, тем громаднее становился. Иногда казалось, что острый верх его шапки поднимался выше домов, в облачное небо. Потом, подходя к свету, он становился меньше, и у фонаря принимал прежние размеры, и казался простым и обыкновенным халатником-торгашом. И, странное дело, Саранина не удивляло это явление. Он был настроен так доверчиво, что и самые яркие чудеса арабских сказок показались ему привычными, как и скучные переживания серенькой обычности.

У ворот одного дома, самой обычной постройки, пятиэтажного и желтого, они остановились. Фонарь у ворот ясно вырисовывал свои тихие знаки. Саранин заметил:

— № 41.

Вошли во двор. На лестницу заднего флигеля. Лестница полутемная. Но на дверь, перед которою остановился армянин, падал свет тусклой лампочки,— и Саранин различил цифры:

— № 43.

Армянин сунул руку в карман, вытащил оттуда маленький колокольчик, такой, каким звонят, призывая прислугу, на дачах,— и позвонил. Чисто, серебристо звякнул колокольчик.

Дверь тотчас же открылась. За дверью стоял босой мальчишка, красивый, смуглый, с очень яркими губами. Белые зубы блестели, потому что он улыбался, не то радостно, не то насмешливо. И казалось, что всегда улыбался. Зеленоватым блеском горели глаза смазливой мальчишки. Весь был гибкий, как кошка, и зыбкий, как призрак тихого кошмара. Смотрел на Саранина, улыбался. Саранину стало жутко.

Вошли. Мальчик закрыл дверь, изогнувшись гибко и ловко, и пошел перед ними по коридору, неся в руке фонарь. Открыл дверь, и опять зыбкое движение, и смех.

Страшная, темная, узкая комната, уставленная по стенам шкафами с какими-то пузырьками, бутылочками. Пахло странно, раздражающим и непонятным запахом.

Армянин зажег лампу, открыл шкаф, порылся там и достал пузырек с зеленоватою жидкостью.

— Хорошие капли,— сказал он,— одну каплю на стакан, воды дашь, заснет тихонько, и не проснется.

— Нет, мне это не надо,— досадливо сказал Саранин,— разве я за этим пришел!

— Душа моя,— убеждающим голосом сказал армянин,— другую жену возьмешь, себе по росту, самое простое дело.

— Не надо! — закричал Саранин.

— Ну, не кричи,— остановил армянин.— Зачем сердиться,

душа моя, себя даром расстраиваешь. Не надо, и не бери. Я тебе других дам. Но те дорогие, вай-вай, дорогие.

Армянин, присев на корточки, отчего его длинная фигура казалась смешною, достал четырехугольную бутылку. В ней блестела прозрачная жидкость. Армянин сказал с таинственным видом:

— Каплю выпьешь — фунт убудет; сорок капель выпьешь — пуд весь убудет. Капля — фунт. Капля — рубль. Считай капли, давай рубли.

Саранин зажегся радостью.

«Сколько же надо? — подумал Саранин. — В ней пудов пять наверняка будет. Сбавить три пуда, останется малюсенькая женка. Это будет хорошо».

— Давай сто двадцать капель.

Армянин покачал головою.

— Много хочешь, худо будет.

Саранин вспыхнул.

— Ну, это уж мое дело.

Армянин посмотрел на него пытливо.

— Считай деньги.

Саранин вынул бумажник.

«Весь сегодняшний выигрыш, да своих прибавить надо», — подумал он.

Армянин тем временем достал граненый флакончик и стал капать.

Внезапное сомнение зажглось в душе Саранина.

Сто двадцать рублей — деньги не малые. А вдруг обманет?

— А верно ли они действуют? — спросил он нерешительно.

— Товар лицом продаем, — сказал хозяин. — Сейчас покажу действие. Гаспар, — крикнул он.

Вошел тот же босой мальчик. На нем была красная куртка и короткие синие панталоны. Смуглые ноги были открыты выше колен. Они были стройные, красивые и двигались ловко и быстро.

Армянин махнул рукой. Гаспар проворно сбросил одежду. Подошел к столу.

Свечи тускло озаряли его желтое тело, стройное, сильное, красивое. Порочную улыбку. Черные глаза и синеву под ними.

Армянин говорил:

— Чистые капли пить — сразу действовать будет. Размешать в воде или вине — медленно, на глазах не заметишь. Плохо смешаешь — скачками пойдет, некрасиво.

Взял узкий стакан, с делениями, налил жидкости, дал Гаспару. Гаспар с ужимкою избалованного ребенка, которому дали сладкое, выпил жидкость до дна, запрокинул голову назад, вылизал последние сладкие капли длинным и острым языком, похожим на змеиное жало, — и тотчас же, на глазах у Саранина, начал уменьшаться. Стоял прямо, смотрел на Саранина, смеялся, и изменялся, как купленная на вербе кукла, которая спадается, когда из нее выпускают воздух.

Армянин взял его за локоть и поставил на стол. Мальчик был величиною со свечку. Плясал и кривлялся.

— Как же он теперь будет? — спросил Саранин.

— Душа моя, мы его вырастим, — ответил армянин.

Открыл шкаф и с верхней полки достал другой сосуд столь же странной формы. Жидкость в нем была зеленая. В маленький бокал, величиною с наперсток, налил армянин немного жидкости. Отдал ее Гаспару.

Опять Гаспар выпил, как первый раз.

С неуклонною медленностью, подобно тому, как прибывает вода в ванне, голый мальчик становился больше и больше. Наконец вернулся к прежним размерам.

Армянин сказал:

— Пей с вином, с водой, с молоком, с чем хочешь пей, только с русским квасом не пей — сильно линять станешь.

III

Прошло несколько дней.

Саранин сиял радостью. Загадочно улыбался.

Ждал случая.

Дождался.

Аглая жаловалась на головную боль.

— У меня есть средство, — сказал Саранин, — отлично помогает.

— Никакие средства не помогут, — с кислою гримасою сказала Аглая.

— Нет, это поможет. Это я от одного армянина достал.

Сказал так уверенно, что Аглая поверила в действительность средства от армянина.

— Ну уж ладно, дай.

Принес флакончик.

— Гадость? — спросила Аглая.

— Прелестная штука на вкус, и помогает отлично. Только немного прослабит.

Аглая сделала гримаску.

— Пей, пей.

— А в мадере можно?

— Можно.

— И ты выпей со мною мадеры, — капризно сказала Аглая.

Саранин налил два стакана мадеры, и в женин стакан вылил снадобье.

— Мне что-то холодно, — тихонько и лениво сказала Аглая, — хоть бы платок.

Саранин побежал за платком. Когда он вернулся, стаканы стояли, как прежде. Аглая сидела и улыбалась.

Закутал ее в платок.

— Мне как будто бы лучше, — сказала она, — пить ли?

— Пей, пей! — закричал Саранин. — За твоё здоровье.

Он схватил свой стакан. Выпили.

Она хохотала.

— Что? — спросил Саранин.

— Я переменяла стаканы. Тебя прослабит, а не меня.

Вздрогнул. Побледнел.

— Что ты наделала? — воскликнул он в отчаянии.

Аглая хохотала. Смех ее казался Саранину гнусным и жестоким.

Вдруг он вспомнил, что у армянина есть восстановитель. Побежал к армянину.

«Дорого сдерет! — опасливо думал он. — Да что деньги! Пусть все берет, лишь бы спастись от ужасного действия этого снадобья».

IV

Но злой рок обрушился, очевидно, на Саранина.

На дверях квартиры, где жил армянин, висел замок. Саранин в отчаянии хватился за звонок. Дикая надежда одушевила его. Звонил отчаянно.

За дверью громко, отчетливо, ясно звенел колокольчик, — с тою неумолимою ясностью, как звонят колокольчики только в пустых квартирах.

Саранин побежал к дворнику. Был бледен. Мелкие капельки пота, совсем мелкие, как роса на холодном камне, выступили на его лице и особенно на носу.

Стремительно вбежал в дворницкую, крикнул:

— Где Халатьянц?

Апатичный чернобородый мужик, старший дворник, пил чай с блюдечка. Покосился на Саранина. Спросил невозмутимо:

— А вам что от него требуется?

Саранин тупо глядел на дворника и не знал, что сказать.

— Ежели у вас какие с ним дела, — творил дворник, подозрительно глядя на Саранина, — то вы, господин, лучше уходите. Потому как он армянин, так как бы от полиции не влетело.

— Да где же проклятый армянин? — закричал с отчаянием Саранин. — Из 43-го номера.

— Нет армянина, — отвечал дворник. — Был, это точно, это скрывать не стану, а только что теперь нет.

— Да где же он?

— Уехал.

— Куда? — крикнул Саранин.

— Кто его знает, — равнодушно ответил дворник. — Выправил заграничный паспорт и уехал за границу.

Саранин побледнел.

— Пойми, — сказал он дрожащим голосом, — он мне до зарезу нужен.

Дворник участливо посмотрел на него. Сказал:

— Да вы, барин, не убивайтесь. Уж коли у вас такая нужда есть до проклятого армянина, то вы поезжайте сами за границу, сходите там в адресный стол и найдете по адресу.

Саранин не сообразил нелепости того, что говорил дворник. Обрадовался.

Сейчас же побежал домой, влетел ураганом в домовую контору и потребовал от старшего дворника, чтобы тот немедленно выправил ему заграничный паспорт. Но вдруг вспомнил.

— Да куда же ехать?

v

Проклятое снадобье делало свое злое дело с роковою медлительностью, но неуклонно. Саранин с каждым днем становился меньше и меньше. Платье сидело мешком.

Знакомые удивлялись. Говорили:

— Что вы поменьше как будто? Каблуки перестали носить?

— Да и похудели.

— Много занимаетесь.

— Охота себя изводить.

Наконец при встречах с ним стали ахать:

— Да что это с вами?

За глаза знакомые начали насмехаться над Сараниным.

— Вниз растет.

— Стремится к минимуму.

Жена заметила несколько позже. Все на глазах, постепенно мельчал, — было ни к чему. Заметила по мешковатому виду одежды.

Сначала хохотала над странным уменьшением роста своего мужа. Потом стала сердиться.

— Это даже странно и неприлично, — говорила она, — неужели я вышла б замуж за такого лилипута!

Скоро пришлось перешивать всю одежду, все старое валилось с Саранина, — брюки доходили до ушей, а цилиндр падал на плечи.

Старший дворник как-то зашел в кухню.

— Что же это у вас? — строго спросил он кухарку.

— Нешто это мое дело, — запальчиво закричала было толстая и красная Матрена, но тотчас же спохватилась и сказала:

— У нас, кажется, ничего такого нет! Все как обыкновенно.

— А вот барин у вас поступки начал обнаруживать, так это, разве можно? По-настоящему его бы надо в участок представить, — очень строго говорил дворник.

Цепочка на его брюхе качалась сердито.

Матрена внезапно села на сундук и заплакала.

— Уж и не говорите, Сидор Павлович, — заговорила она, — просто мы с барыней диву дались, что это с ним, — ума не приложим.

— По какой причине? И на каком основании? — сердито восклицал дворник. — Так разве можно?

— Только-то и утешно, — всхлипывая, говорила кухарка, — корму меньше берет...

Дальше — меньше.

И прислуга, и портные, и все, с кем приходилось сталкиваться Саранину, начали относиться к нему с нескрываемым презрением. Бежит, бывало, на службу, маленький, еле тащит обеими руками громадный портфелище, — и слышит за собою злорадный смех швейцара, дворника, извозчиков, мальчишек.

— Баринок, — говорил старший дворник.

Много испытал Саранин горького. Потерял обручальное кольцо. Жена сделала ему сцену. Написала родителям в Москву.

«Проклятый армянин!» — думал Саранин.

Вспоминал часто: армянин, отсчитывая капли, перелил.

— Ух! — крикнул Саранин.

— Ничего, душа моя, это моя ошибка, я за это ничего не возьму.

Сходил Саранин и к врачу, тот осмотрел его с игривыми замечаниями. Нашел, что все в порядке.

Придет, бывало, Саранин к кому-нибудь — швейцар не сразу впустит.

— Вы кто же такой будете?

Саранин скажет.

— Не знаю, — говорит швейцар, — наши господа таких не принимают.

VI

На службе, в департаменте, сначала косились, смеялись. Особенно молодежь. Традиции сослуживцев Акакия Акакиевича Башмакина живучи.

Потом стали ворчать. Выговаривать.

Швейцар уже стал снимать с него пальто с видимой неохотой.

— Тоже, чиновник пошел, — ворчал он, — мелюзга. Что с такого получишь в праздник?

И для поддержания престижа Саранину приходилось давать на чай чаще и больше прежнего. Но это мало помогало. Швейцары брали деньги, но на Саранина смотрели подозрительно.

Саранин проговорился кое-кому из товарищей, что это армянин нагадил. Слух об армянской интриге быстро разошелся по департаменту. Дошел и до их департаментов...

Директор департамента однажды встретил в коридоре маленького чиновника. Осмотрел удивленно. Ничего не сказал. Ушел к себе.

Тогда сочли необходимым доложить. Директор спросил:

— Давно ли это?

Вице-директор замялся.

— Жаль, что вы не заметили своевременно,— кисло сказал директор, не дожидаясь ответа.— Странно, что я этого не знал. Очень жалею.

Потребовал Саранина.

Когда Саранин шел в кабинет директора, все чиновники смотрели на него с суровым осуждением.

С трепетным сердцем вошел Саранин в кабинет начальника. Слабая надежда еще не покидала его, надежда, что его превосходительство намерен дать ему весьма лестное поручение, пользуясь малостью его роста: командировать на всемирную выставку или по какому-нибудь секретному поручению. Но при первых же звуках кислого директорски-департаментского голоса эта надежда рассеялась, как дым.

— Сядьте здесь,— сказал его превосходительство, показывая на стул.

Саранин взобрался кое-как. Директор сердито посмотрел на болтавшиеся в воздухе ноги чиновника. Спросил:

— Господин Саранин, известны ли вам законы о службе гражданской по назначению от правительства?

— Ваше превосходительство,— залепетал Саранин и молебно сложил ручонки на груди.

— Как осмелились вы столь дерзко идти против видов правительства?

— Поверьте, ваше превосходительство...

— Зачем вы это сделали? — спросил директор.

И уже не мог ничего сказать Саранин. Заплакал. Очень стал слезлив за последнее время.

Директор посмотрел на него. Покачал головою. Заговорил очень строго:

— Господин Саранин, я пригласил вас, чтобы объявить вам, что ваше необъяснимое поведение становится совершенно нетерпимым.

— Но, ваше превосходительство, я, кажется, все исправно,— лепетал Саранин,— что же касается роста...

— Да вот, именно.

— Но это несчастье не от меня зависит.

— Не могу судить, насколько это странное и неприличное происшествие является для вас несчастьем и насколько оно от вас не зависит, но должен вам сказать, что для вверенного мне департамента ваше удивительное умаление становится положительно скандальным: уже ходят в городе соблазнительные слухи. Не могу судить об их справедливости, но знаю, что эти слухи объясняют ваше поведение в связи с агитацией... Согласитесь, департамент не может быть местом развития армянской интриги, направленной к умалению русской государственности. Мы не можем держать чиновников, которые ведут себя так странно.

Саранин соскочил со стула, дрожал, пищал:

— Игра природы, ваше превосходительство.

— Странно, но служба...
И опять повторил тот же вопрос:
— Зачем вы это сделали?
— Я сам не знаю, как это произошло.
— Что за инстинкты! Пользуясь малостью вашего роста, вы можете легко укрыться под всякою дамской, с позволения сказать, юбкой. Это не может быть терпимо.
— Я никогда этого не делал, — завопил Саранин.
Но директор не слушал. Продолжал:
— Я даже слышал, что вы это делаете из сочувствия к японцам. Но надо же знать во всем границу.
— Как же я могу это делать, ваше превосходительство?
— Не знаю-с. Но прошу прекратить. Оставить вас на службе можно, но только в провинции, и чтобы это было немедленно же прекращено, чтобы вы вернулись к вашим обычным размерам. Для поправления вашего здоровья вам дается четырехмесячный отпуск. В департамент прошу вас более не являться. Необходимые для вас бумаги будут вам присланы на дом. Мое почтение.
— Ваше превосходительство, я могу заниматься. Зачем же отпуск!
— Возьмете по болезни.
— Но я здоров, ваше превосходительство.
— Нет уж, пожалуйста.
Саранину дали отпуск на четыре месяца.

Скоро Аглаины родители приехали. Было это после обеда. Аглая за обедом долго издевалась над мужем. Ушла к себе.

Он робко прошел в свой кабинет — такой теперь для него огромный — вскарабкался на диван, принял к уголку, заплакал. Тягостное недоумение томило его.

Почему именно на него обрушилось такое несчастье? Ужасное, неслыханное.

Какое легкомыслие!

Он всхлипывал и шептал отчаянно:

— Зачем, зачем я это сделал?

Вдруг услышал в передней знакомые голоса. Задрожал от страха. На цыпочках прокрался к умывальнику — не заметили бы заплаканных глаз. И умыться-то было трудно — пришлось подставлять стул.

Уже гости входили в залу. Саранин встретил их. Раскланивался и пищал что-то неразборчивое. Аглаин отец тупо смотрел на него вытаращенными глазами. Большой, толстый, с бычьей шеей и красным лицом. Аглая в него.

Постояв перед зятем, широко расставив ноги, он осмотрелся осторожно, бережно взял руку Саранина, принагнул и сказал, понижая голос:

— Мы к вам, зятек, приехали повидаться.

Видно было, что он намерен вести себя политично. Нашупывал почву.

Из-за его спины выдвинулась Аглаина мать, особа тощая и злобная. Она закричала визгливо:

— Где он? Где? Покажи мне его, Аглая, покажи мне этого Пигмалиона.

Она смотрела поверх Саранина. Нарочно не замечала. Цветы на ее шляпе странно колыхались. Она шла прямо на Саранина. Он пискнул и отскочил в сторону.

Аглая заплакала и сказала:

— Вот он, маменька.

— Я здесь, маменька,— пискнул Саранин и шаркнул ногою.

— Злодей, да что ты с собой сделал? Зачем ты так окорнался? Горничная фыркала.

— А ты, матушка, на господ не фыркай.

Аглая покраснела.

— Маменька, пойдемте в гостиную.

— Нет, ты скажи, злодей, на какой конец ты этак малявишься?

— Ну, ты, мать, погоди,— остановил ее отец.

Она и на мужа вскинулась.

— Ведь говорила я тебе, не выдавай за безбородого. Вот, по-моему и вышло.

Отец осторожно поглядывал на Саранина и все пытался перевести разговор на политику.

— Японцы,— говорил он,— приблизительно не высокого роста, а по-видимому, мозговитый народ, и даже, между прочим, оборотистый.

VIII

И стал Саранин маленький, маленький. Уж он свободно ходил под столом. И с каждым днем становился все мельче. Отпуском он еще не воспользовался вполне. Только что на службу не ходил. А ехать куда-нибудь еще не собрались.

Аглая то издевалась над ним, то плакала и говорила:

— Куда я тебя такого повезу? Стыд и срам.

Пройтись из кабинета в столовую — стало путем весьма солидных размеров. Да еще на стул влезть...

Впрочем, усталость была сама по себе приятна. От нее аппетит являлся и надежда вырасти. Саранин набрасывался на пищу. Пожирал ее непропорционально своим миниатюрным размерам. Но не рос. Напротив — все мельчал и мельчал. Хуже всего, что уменьшение роста иногда происходило скачками, в самое неудобное время. Словно фокусы показывал.

Аглая подумывала было выдавать его за мальчика, определить в гимназию. Отправилась в ближайшую. Но разговор с директором обескуражил ее.

Потребовались документы. Оказалось, что план неосуществим.

С видом крайнего недоумевания директор говорил Аглае:

— Мы не можем принять надворного советника. Как же мы с ним будем? Ему учитель велит в угол идти, а он скажет: я — кавалер святой Анны. Это очень неудобно.

Аглая сделала просящее лицо и принялась было упрасивать:

— Нельзя ли как-нибудь устроить? Он не посмеет дерзить — уж я об этом позабочусь.

Директор остался непреклонен.

— Нет, — говорил он упрямо, — нельзя чиновника принять в гимназию. Нигде ни одним циркуляром не предусмотрено. И входить к начальству с таким представлением совершенно неудобно. Как еще там посмотрят. Могут выйти большие неприятности. Нет, никак нельзя. Обратитесь, если желаете, к попечителю.

Но Аглая уже не решилась ехать к начальству.

IX

Однажды к Аглае пришел молодой человек, очень гладко, до блеску, причесанный. Расшаркался весьма галантно. Отрекомендовался:

— Представитель фирмы Стригаль и К°. Первоклассный магазин в самом бойком центре столичного аристократического движения. Имеем массу заказчиков в самом лучшем и высшем обществе.

Аглая на всякий случай сделала глазки представителю знаменитой фирмы. Томным движением дебелой руки указала ему на стул. Села спиной к свету. Склонила голову набок. Приготовилась слушать.

Блистательно причесанный молодой человек продолжал:

— Мы узнали, что ваш супруг изволил предпочесть оригинально миниатюрный рост. Поэтому фирма, идя навстречу новейшим веяниям, в области дамских и мужских мод, имеет честь предложить вам, сударыня, в видах рекламы, бесплатно шить господину костюмы по самому лучшему парижскому журналу.

— Даром? — лениво спросила Аглая.

— Не только даром, сударыня, но даже с приплатой в вашу собственную пользу, но с одним маленьким и легко выполнимым условием.

Меж тем Саранин, прослыша, что речь о нем, пробрался в гостиную. Расхаживал около молодого человека с блистательною прическою. Покашливал, постукивал каблучками. Очень досадовал, что представитель фирмы Стригаль и К° не обращает на него ни малейшего внимания.

Наконец он подбежал к молодому человеку. Громко пискнул:

— Разве вам не сказали, что я дома?

Представитель знаменитой фирмы встал. Галантно шаркнул. Сел. Обратился к Аглае:

— Одно только маленькое условие.

Саранин презрительно фыркнул. Аглая засмеялась. Сказала, блистая любопытными глазами:

— Ну, говорите, какое условие.

— Условие наше в том, чтобы господин изволил сидеть за окном нашего магазина в качестве живой рекламы.

Аглая злорадно захохотала.

— Отлично. Хоть бы с глаз его долой.

— Я не согласен,— пронзительным голосом запищал Саранин.— Я не могу пойти на это. Я — надворный советник и кавалер. Сидеть в окне магазина для рекламы — это мне даже смешно.

— Замолчи,— крикнула Аглая,— тебя не спрашивают.

— Как не спрашивают? — завопил Саранин.— Долго ли я буду терпеть от инородцев!

— Ну, и господин ошибается! — любезно возразил молодой человек.— Наша фирма не имеет ничего общего... У нас служат все православные и лютеране из Риги...

— Я не хочу сидеть в окне! — кричал Саранин.

Топал ногами. Аглая схватила его за руку. Повлекла в спальню.

— Куда ты меня тащишь? — кричал Саранин.— Отпусти.

— Я тебя усмирю,— крикнула Аглая.

Замкнула дверь.

— Изобью! — сказала она сквозь зубы.

Принялась колотить. Бессильно барахтался в ее могучих руках.

— Ты, пигмей, в моей власти. Что захочу, то и сделаю. Я тебя в карман могу засунуть,— как же ты смеешь мне противиться! Я не посмотрю на твои чины, я тебя так взбучу, что тебе небо с овчинку покажется.

— Я буду жаловаться! — пищал Саранин.

Но скоро понял бесполезность сопротивления. Был слишком мал,— и Аглая, очевидно, решила пустить в дело всю свою силу.

— Будет, будет,— завопил он,— иду в стригальское окно. Буду там сидеть,— тебе же срам. Надену все свои регалии.

Аглая захохотала.

— Ты наденешь то, что тебе Стригаль даст,— крикнула она.

Выволокла мужа в гостиную. Бросила его приказчику:

— Берите! Сейчас же возьмите его! И деньги вперед! Каждый месяц!

Ее слова были истеричными вскриками.

Молодой человек вытащил бумажник. Отсчитал двести рублей.

— Мало! — крикнула Аглая.

Молодой человек улыбнулся. Достал еще сторублевку.

— Больше-с не уполномочен,— любезно сказал он.— Через месяц изволите получить следующий взнос.

Саранин бегал по комнате.

— В окно! в окно! — выкрикивал он.— Проклятый армянин, что ты со мной сделал?

А сам вдруг еще вершка на два осел.

Бессильные слезы, тоска Саранина,— что до этого Стригалю и его компанionsам?

Они заплатили. Они осуществляют свое право. Жестокое право капитала.

Под властью капитала сам надворный советник и кавалер занимает положение, вполне соответствующее его точным размерам и нисколько не отвечающее его гордости. По последней моде одетый лилипут бегает в окне модного магазина, то засмотрится на красавиц,— таких колоссальных! — то злобно грозит кулачками смеющимся ребятам.

У окон Стригалья и К° толпа.

В магазине Стригалья и К° приказчики сбились с ног.

Мастерская Стригалья и К° завалена заказами.

Стригаль и К° в славе.

Стригаль и К° расширяют мастерские.

Стригаль и К° богаты.

Стригаль и К° покупают дома.

Стригаль и К° великодушны: они кормят Саранина по-царски, они не жалеют денег для его жены.

Аглая получает уже по тысяче в месяц.

У Аглаи завелись и еще доходы.

И знакомства.

И любовники.

И бриллианты.

И экипажи.

И дом.

Аглая весела и довольна. Она раздобрела еще больше. Носит башмаки на высоких каблуках. Выбирает шляпки гигантских размеров.

Посещая мужа, она ласкает его и кормит, как птицу, с пальца. Саранин во фраке с куцыми фалдочками дробными шагами бежит перед нею по столу и пищит что-то. Голос его пронзителен, как комариный писк. Но слова не слышны.

Маленькие людишки могут говорить, но их писк не слышен людям больших размеров, ни Аглае, ни Стригалю, ни всей компании. Аглая, окруженная приказчиками, слушает визг и писк человека. Хохочет. Уходит.

Саранина несут на окно, где в гнезде мягких материй ему устроена целая квартира, обращенная к публике открытою стороною.

Уличные мальчишки видят, как человечешка садится к столу и принимается писать прошения. Крохотные прошения о восстановлении своих нарушенных Аглаею, Стригалем и К° прав.

Пишет. Сует в конвертик. Мальчишки хохочут

Между тем Аглая садится в свой блистательный экипаж. Едет покататься перед обедом.

Ни Аглая, ни Стригаль и К° не думали о том, чем все кончится. Они довольны были настоящим. Казалось, что и конца не будет золотому дождю, льющемуся на них. Но конец наступил. Самый обыкновенный. Какого и следовало ждать.

Саранин все уменьшал. Каждый день ему шили по несколько новых костюмов,— все меньше.

И вдруг он, на глазах удивленных приказчиков, только что надев новые брючки, стал совсем крохотным. Вывалился из брючек. И уже стал как булавочная головка.

Подул легкий сквознячок. Саранин, крохотный, как пылинка, поднялся в воздухе. Закружился. Смешался с тучею пляшущих в солнечном луче пылинок.

Исчез.

Все поиски были напрасны. Не нашелся нигде Саранин.

Аглая, Стригаль и К°, полиция, духовенство, начальство — все были в большом недоумении.

Как оформить исчезновение Саранина?

Наконец, по сношению с Академией наук, решили считать его посланным в командировку с научною целью.

Потом о нем забыли.

Саранин кончился.

* * *

ВЛАДИМИР ГРЕКОВ

И ТВОРИЛ СЛАДОСТНУЮ ЛЕГЕНДУ...

С роковыми минутами русской истории совпала жизнь Федора Кузьмича Тетерникова — известного под именем Федора Сологуба. Он родился в 1863 году в бедной семье, в 1882 году окончил учительский институт и 25 лет преподавал математику. Его отец крепостной крестьянин, после освобождения стал портным, умер очень рано. Мать — неграмотная крестьянка, выучилась читать лишь за пять лет до смерти. Детство будущего писателя прошло в чужом доме, куда мать нанялась прислугой к господам.

Грязь и жестокость окружали его с самого детства. Как, откуда взялись в Сологубе внутренние силы, чтобы противостоять этой жестокости и несправедливости мира? В его произведениях долго сохраняется ощущение мрака, сырости, сложившийся с детских лет образ «темной пещеры»:

Я живу в темной пещере,
Я не вижу белых ночей.
В моей надежде, в моей вере
Нет сиянья, нет лучей.

(1902 г.)

Петербург, в который Сологуб перебрался в 1892 году, не развеял ощущение мрака и жестокости. Напротив, писатель убедился,

что причина — не в одной натуре людей, а, так сказать, в «натуре» самого общества. В юности Сологуб писал:

Верь,— упадет кроважадный кумир,
Станет свободен и счастлив наш мир.

Сологуб сближается с представителями «нового искусства» — символистами, в том числе Н. Минским, К. Д. Бальмонтом. В их кругу популярной оказывается философия Шопенгауэра, отчасти захватывает она и Сологуба. В сознании писателя складывается миф о далекой Земле Ойле, земле, где люди счастливы. Это мир, куда человек попадает после смерти, «вечный мир свершившейся мечты». Но фантастика для Сологуба не бегство от жизни, а инструмент познания запредельного, того, что скрыто от человека. Шопенгауэр увлек Сологуба размышлениями о связи воли и бытия человеческого, аналогичными размышлениями Достоевского. Сологуб писал: «Если единая воля правит миром, то что же моя воля? Если весь мир лежит в цепях необходимости, то что же моя свобода, которую я ощущаю как необходимый закон, закон моего бытия?» Первый его роман «Тяжелые сны» (1896) — автобиографичен. В образе учителя Логина, думающего о соотношении вечного и временного, сознания и мира, Сологуб изобразил самого себя.

Вскоре после первой русской революции выходит роман «Мелкий бес», самое известное произведение Сологуба. Это роман о борьбе человека за внутреннюю самостоятельность, о поисках свободной воли, которая бы победила пошлость и злобу мира. Эта пошлость показана в фантастическом образе Недотыкомки, в борьбе с которой терпит поражение герой романа — уездный учитель Передонов. О романе писал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 23, с. 132). Хвалил этот роман и А. М. Горький, называя его «хорошей, ценной книгой».

Сейчас мы легко соглашаемся с этим, но в те годы логика революции, освободительной борьбы требовала иного — открытого и прямого обличения действительности, нападения на нее. Сологуб также нападал, но как-то по-иному, обращаясь к психологии человека, к неясным, почти фантастическим движениям его души: «Кто знает, сколько темного кроется за ясною улыбкою, из какой тьмы возникло цветение, ...обрадовавшее взор обманчивой красотою, краткою неверных земных переживаний...»

Сегодня мы можем отнестись беспристрастно к такой своеобразной, во многом фантастической манере постижения жизни, манере, сказавшейся и в мелких рассказах писателя.

Рассказы Сологуба кажутся более «интимными». Но сологубовская «интимность» была особенной. В предисловии к сборнику «Пламенный круг» он утверждал: «Хочу, чтобы интимное стало всемирным».

ГОСТИ
«ФАНТАСТИКИ»

БОЛЬШАЯ ОХОТА

Рэдер с опаской выглянул из-за подоконника. Прямо перед окном проходила пожарная лестница, спускавшаяся в узкий переулок. Переулок был пуст, если не считать валявшейся посреди дороги сломанной детской коляски да трех баков для мусора. Пока Рэдер осматривался, из-за дальнего бака высунулась рука. В кулаке что-то блеснуло. Рэдер мгновенно скользнул вниз. Разбив окно, пуля пролетела почти над головой и, чиркнув по потолку, осыпала его градом штукатурки.

Рэдер лег на спину на растрескавшемся линолеумном полу. Уставившись на дырку в потолке, он чутко прислушивался к доносившимся из-за двери звукам. Это был рослый малый со следами смертельной усталости на грязном небритом лице и воспаленными от бессонницы глазами. Страх заострил его черты, сделав их жестче. Лицо было отмечено печатью смерти.

Один из преследователей прятался в переулке, двое других стерегли за дверью. Он был в ловушке. Это был конец.

Странно, что он до сих пор еще жив. Но это лишь отсрочка. Скоро смерть возьмется за дело, а она — большой мастер. Ловко продырявив тело и голову, нанесет искусные кровавые мазки на одежду, смерть определит его роль в гротесковом загробном спектакле...

Рэдер до крови закусил губу. К черту такие мысли. Он хочет жить. А для этого нужно что-то делать.

Перевернувшись на живот, он оглядел убогое жилище, в которое загнали его преследователи. Настоящий одноместный гроб, подумал он, с тщательно охраняемыми входной дверью и пожарной лестницей и крошечной, без окна, уборной.

Он дополз до уборной и только тогда поднялся. В потолке зияла дыра шириной почти в четыре дюйма. Что, если расширить ее и пролезть в верхнюю квартиру?

За дверью послышалась возня, потом глухой стук. Преследователи начали ломать дверь.

Он еще раз осмотрел дыру в потолке и тут же отбросил эту идею. Нечего и думать расширить дыру за такое время.

Отчаянно ругаясь, бандиты ломали дверь. Еще несколько таких ударов, замок отлетит, и они ворвутся в квартиру.

Оставалась последняя надежда. Рэдер вытащил из кармана крошечный телевизор. Изображение плыло, но он не стал настраивать. Звук был ясным и четким.

Хорошо знакомым, поставленным голосом Майк Терри обращался к многомиллионной аудитории.

— ...Кошмарное место,— вешал Терри.— Да, друзья мои. Джиму Рэдеру сейчас не позавидуешь. Если вы помните из моих предыдущих репортажей, какое-то время он скрывался под чужим именем в третьеразрядном отеле на Бродвее. Сначала все шло как надо. Но его узнал коридорный и сообщил о нем банде Томпсона.

Дверь трещала от ударов. Вцепившись в телевизор, словно утопающий за соломинку, Рэдер слушал не отрываясь.

— С большим трудом Джиму Рэдеру удалось удрать из отеля. Преследуемый по пятам, он вбежал в дом № 156 на Уэст Энд авеню. Он хотел пробираться по крышам. И ему бы удалось это, друзья, непременно удалось. Но вот несчастье — дверь, ведущая на крышу, оказалась запертой. Казалось, все кончено... И тут он увидел, что дверь в квартиру № 7 приоткрыта. Джим влетел и...

Сделав эффектную позу, Терри вскричал:

— ...Оказался в мышеловке! Головорезы Томпсона доламывают дверь! Пожарная лестница под прицелом! Наша съемочная группа, расположившаяся в доме напротив, даст сейчас крупный план. Вы только посмотрите на него, друзья! Неужели нет никакой надежды?

«Никакой надежды», — эхом отозвалось в мозгу у Рэдера. Стоя в темной душной уборной, он обливался потом, с ужасом слушая непрекращающиеся удары в дверь.

— Одну минуту,— раздался ликующий голос Майка Терри.— Не падай духом, Джим, держись! Надежда есть! Мне только что позвонил один из телезрителей, один добрый самаритянин. Кажется, он сможет тебе помочь. Ты слышишь меня, Джим?

Рэдер затаил дыхание. Из входной двери с треском вырывались шурупы.

— Смелее, сэр,— подбадривал Майк Терри.— Как вас зовут?

— Э-э, Феликс Бартолемов.

— Успокойтесь, мистер Бартолемов. Итак, что же вы хотели сказать?

— Вы слушаете меня, мистер Рэдер? — дрожащим голосом произнес старик.— Когда-то давно я жил в доме № 156 по Уэст Энд авеню и даже в той же самой квартире, где Вы сейчас находитесь. Так вот, в уборной есть окно. Правда, оно покрашено, но его можно...

Не дослушав, Рэдер сунул телевизор в карман. Нашупав окно, он надавил. Стекло треснуло, и в уборную хлынул яркий солнечный свет. Вытащив торчавшие осколки, Рэдер выглянул в окно.

Далеко внизу расстился бетонный двор.

В этот момент отлетел последний замок, дверь распахнулась настежь.

В мгновение ока Рэдер взлетел на подоконник, на секунду повис, держась за раму кончиками пальцев, потом разжал руки.

Удар оглушил его. Пошатываясь, он поднялся. В окне уборной показался человек.

— Дуракам всегда везет,— пробормотал человек, наводя на Рэдера дуло револьвера. Неожиданно в уборной раздался взрыв. Убийца промахнулся, смачно при этом выругавшись. Во дворе раздалось еще несколько взрывов, и все заволочло дымом.

Из кармана Рэдера, полный неистового энтузиазма, рвался голос Майка Терри.

— Беги,— взволнованно кричал Майк,— беги, Джим, спасайся, пока дым застал глаза твоих преследователей. А мы поблагодарим добрую самаритянку Сарру Уинтерс, проживающую по адресу 3412 Эдгар Стрит, Броктон, Массачусетс, на свои средства устроившую дымовую завесу.

Перейдя на обычный тон, Терри заключил:

— Сегодня Вы спасли человеку жизнь, миссис Уинтерс. Будьте добры поведать зрителям, как это...

Ответа миссис Уинтерс Рэдер не расслышал.

То и дело натыкаясь в дыму на натянутые бельевые веревки, он, наконец, пересек двор и выбрался на улицу.

* * *

Сгорбившись, чтобы казаться поменьше ростом, шатаясь от голода, усталости и пережитого волнения, он брел вниз по 63-й улице.

— Эй ты!

Рэдер обернулся. Пожилая женщина, сидя на ступеньках дома, хмуро смотрела на него.

— Не ты ли будешь Рэдер? Тот самый, за кем охотятся?

Ничего не ответив, Рэдер двинулся дальше.

— Зайдем ко мне,— предложила женщина.

Может, это ловушка? Но у Рэдера не было другого выхода, как только надеяться на великодушие и искренность людей. Он был человеком из толпы, обычным, средним, ничем не примечательным, поэтому ему верили. Без них, этих простых людей, он бы уже давно погиб. Но они с ним, и ему нечего бояться.

— Верь людям,— наставительно советовал Майк Терри,— и они не подведут.

Женщина провела его в гостиную и велела подождать. Через мгновение она вернулась с полной тарелкой тушеного мяса. Пока он ел, она молча смотрела на него, как смотрят в зоопарке на обезьян, грызущих орехи.

Из кухни выглянули двое ребятишек и также молча уставились на него. Вслед за ними из спальни вышли трое в комбинезонах и стали устанавливать телекамеру. Тут же в гостиной стоял большой телевизор. Заглатывая пищу, Рэдер видел изображение Майка Терри и слышал его проникновенный голос, полный искреннего сочувствия и тревоги.

— Вот он, наш герой, друзья,— говорил Терри.— Он снова с нами, наш Джим, которому впервые за два дня удалось, наконец,

нормально поест. А как здорово потрудились наша съемочная группа, чтобы заснять все это. Молодцы, ребята! Друзья, на сей раз Джима приютила миссис О'Дэлл, проживающая в доме № 343 по 63-й Уэст Стрит. Спасибо вам от всех нас, добрая самаритянка О'Дэлл. Просто чудесно, что люди всех слоев общества принимают так близко к сердцу судьбу Джима Рэдера.

— Тебе лучше поторопиться,— посоветовала миссис О'Дэлл.

— Да, мэм,— кивнул Рэдер.

— Мне бы не хотелось, чтобы они устроили здесь пальбу.

— Я уже почти закончил, мэм.

Один из детей неожиданно спросил:

— Ма, а его убьют?

— Заткнись,— оборвала мать.

— Да-да, Джим,— лился голос Майка Терри,— тебе лучше поторопиться. Убийцы уже недалеко. А они вовсе не так глупы, как может показаться. Жестоки, безнравственны, беспринципны — сто раз да. Но никак не глупы. Они идут по следу крови — крови, вытекающей из твоей раненой руки, Джим!

Только сейчас Рэдер увидел, как сильно он поранил руку, спускаясь из окна.

— Давай перевяжу,— с готовностью предложила миссис О'Дэлл. Рэдер подождал, пока она забинтовала руку. Потом она протянула ему коричневую куртку и серую шляпу с опущенными полями.

— Это вещи моего мужа,— пояснила она.

— Он переоделся, друзья! — восхищенно воскликнул Майк Терри.— О, это уже что-то новенькое! Теперь его не так-то легко будет узнать. Но не забывайте — впереди еще семь часов напряженной борьбы за жизнь.

— А теперь уматывай,— сказала миссис О'Дэлл.

— Ухожу, мэм,— ответил Рэдер.— Большое спасибо.

— Все-таки ты с приветом,— промолвила она.— Только сумасшедший мог на такое решиться.

— Вы правы, мэм.

— Уму непостижимо,— заключила она.

Поблагодарив, Рэдер вышел. Дойдя до Бродвея, он по земле добрался до 59-й улицы, затем автобусом до 86-й. Здесь он купил газету и пересел в поезд, следующий экспрессом до Манхассета.

Рэдер взглянул на часы. Оставалось еще шесть с половиной.

* * *

Поезд с грохотом мчался в туннеле под Ист Ривер. Рэдер дремал, забинтованная рука была прикрыта газетой, шляпа сдвинута на лицо.

Во сне представил себе, что благодаря удачному маскараду он так и не был узнан, банда Томпсона сбилась со следа и он остался жив.

Но нет, это было бы просто чудом. Скорее всего в эту самую минуту некто звонит Томпсонам и радостно сообщает его местонахождение. Из этого следует, что он — всего-навсего живой труп, который благодаря нерасторопности смерти имеет возможность в ожидании собственных похорон разгуливать повсюду и даже отвечать на вопросы публики!

Рэдер резко открыл глаза. Кажется, ему снилось что-то... жуткое. Но что — он не мог вспомнить.

Снова закрыв глаза, он с удивлением вспомнил то время, когда жизни его не угрожала никакая опасность.

Это было два года назад. Он был высоким симпатичным парнем и работал подручным шофера грузовика. Рэдер был совершенно обыкновенным, средним, как все, без каких-либо особых талантов и планов на будущее.

Планы за него строил напарник, невзрачный коротышка-шофер.

— Послушай, Джим, а что, если тебе попытаться счастья в телешоу? Будь я на твоём месте, я бы непременно попробовал. Телестудии охотятся за такими симпатичными средними парнями, которым нечем особенно похвастаться, для участия в конкурсах. А уж о публике и говорить нечего — эта будет тебя на руках носить. Ну что, рискнешь?

Рэдер решил рискнуть. Владелец местного магазина телевизоров охотно все растолковал.

— Видишь ли, Джим, публика сыта по горло атлетического вида суперменами с их избитыми приемами и показухой. Да и кто будет всерьез переживать за такого? Разве обычный человек может представить себя на его месте? Конечно, нет. Публика обожает душеспипательные зрелища с элементом риска, а не просто имитацию в исполнении какого-нибудь ловкача, да еще за кругленькую сумму в пятьдесят тысяч в год. Вот почему профессиональный спорт в таком загоне, а бум на шоу-сенсации так поднялся.

— Понятно, — сказал Рэдер.

— Шесть лет тому назад Конгресс узаконил Акт Добровольного Самоубийства. Старики сенаторы много разглагольствовали о свободе воли и самоопределении. Но это все чушь собачья! Знаешь, что это такое на самом деле? Теперь любой желающий может поставить на карту свою жизнь за солидный куш. Раньше тебе надо было стать профессиональным боксером, футболистом или хоккеистом, чтобы тебе позволили принародно дать вышибить себе мозги за большие деньги. Теперь такая возможность есть и у обычных людей, таких, как ты, Джим.

— Понятно, — снова повторил Рэдер.

— Да, колоссальная возможность. Взять хоть тебя. Ты — такой, как все. Что умеешь ты, умеет каждый. Ты — средний. Поэтому, для шоу-сенсаций ты просто находка.

Рэдер позволил себе немного помечтать. Телешоу казались надежным путем к богатству для симпатичного парня без обра-

зования и особых способностей. Он послал письмо в адрес программы «Опасность», вложив свою фотографию.

«Опасность» заинтересовалась Рэдером. Компания Джей-Би-Си провела расследование и выяснила, что он зауряден настолько, что удовлетворит даже самого придирчивого зрителя. Были проверены его родственные и прочие связи. Наконец он был вызван в Нью-Йорк для беседы с мистером Мульяном.

Мульян был солиден, темноволос и в продолжение всего разговора не переставая жевал резинку.

— Пожалуй, ты нам подойдешь, — заметил он, — но только не для «Опасности». Сначала выступишь в «Обломках». Это получасовое дневное шоу по третьему каналу.

— Вот спасибо, — обрадовался Рэдер.

— Да пока не за что благодарить. Если выиграешь или придешь вторым, получишь тысячу долларов. Если проиграешь, утешительный приз в сто долларов. Но не в этом дело.

— Конечно, сэр.

— «Обломки» — это лишь начало. Джей-Би-Си использует ее для отбора кандидатов. Те, кто займут первое и второе места, приглашаются для участия в «ЧП». А там ставки куда выше.

— Понимаю, сэр.

— Если хорошо покажешь себя в «ЧП», попадешь в первоклассные шоу, типа «Опасности» или «Ужасов морских глубин», которые транслируются по всей стране и оплачиваются по самым высоким ставкам. Вот тогда начнется для тебя настоящая жизнь. Как далеко ты пойдешь — зависит только от тебя.

— Я буду стараться, сэр, — заверил его Рэдер.

Мульян на минуту прекратил жевать и очень прочувствованно произнес:

— Я верю в тебя, мой мальчик. Ты — это народ, а народ — это сила. Помни об этом.

При этих словах Рэдеру стало ужасно жалко темноволосого, курчавого, с глазами навывкате мистера Мульяна, который явно не имел с народом ничего общего.

Они обменялись рукопожатием. Затем Рэдер поставил подпись под документом, снимающим всякую ответственность с Джей-Би-Си в случае любых психических и физических травм, а также смерти во время состязаний. После этой бумаги он подписал еще одну, подтверждающую его права согласно Акту о Добровольном Самоубийстве. Этого требовал закон, но все это было чистой воды формальностью.

Через три недели он появился в «Обломках».

Внешне все выглядело так же, как в любых классических автомобильных гонках. Единственным отличием было то, что за руль мощнейших европейских и американских гоночных автомашин садились новички и мчались сломя голову по сверхсложной двадцатимильной трассе. Дрожа от страха, Рэдер включил не ту скорость, и огромный «мазератти» рванул с места, как бешеный.

Гонки походили на чудовищный ночной кошмар. Рэдер немного поотстал, дав возможность рвавшимся в лидеры благополучно разбиться на крутых виражах. Когда шедший впереди «ягуар» врезался в «альфа-ромео» и обе машины с адским грохотом покатились в распаханное поле, Рэдер автоматически вышел на третье место. Поддав газу на последних трех милях, он на какое-то время вырвался вперед, но замешкался на последнем контрольном пункте и снова отстал. Коварный S-образный поворот чуть было не стоил ему жизни. С трудом удержав машину на шоссе, он сохранил за собой третье место. На его счастье, в пятидесяти ярдах от финиша у лидера гонок полетел коленчатый вал, Джим финишировал вторым.

В награду он получил целую тысячу долларов, четыре письма от поклонниц, пару клетчатых носков от некой дамы из Ошкоша, а в довершение всего — приглашение для участия в «ЧП».

В отличие от других программ в «ЧП» никто ни с кем не соревновался. Конкурс основывался на проявлении личной инициативы в экстремальных условиях. Для начала Рэдеру ввели большую дозу какого-то необычного наркотика. Он пришел в себя в кабине небольшого самолета, летящего на автопилоте на высоте десяти тысяч футов. Топливный бак был почти пуст. Парашюта в самолете не было. Ему нужно было посадить самолет.

Само собой разумеется, управлять самолетом он не умел.

Рэдер осторожно пробовал рычаги управления, все время помня о том, что участник предыдущего шоу, придя в себя в подводной лодке, открыл не тот клапан и затонул.

Тысячи телезрителей затаив дыхание следили за тем, как самый обычный парень боролся за свою жизнь, и мысленно представляли себя на его месте. Ведь Рэдер был совершенно не выдающимся, таким же, как все. Это роднило его с ними и заставляло их сопереживать.

Снижаясь, самолет несколько раз перевернулся в воздухе, но кое-как приземлился. К счастью, привязные ремни оказались достаточно крепкими, впрочем, как и мотор, который не загорелся, вопреки всем прогнозам.

Рэдер отделался двумя сломанными ребрами, получив в качестве компенсации три тысячи долларов и шанс, когда выздоровеет, участвовать в «Тореро».

Наконец-то первоклассное шоу! За участие в «Тореро» платили десять тысяч долларов. А чтобы их получить, нужно было всего-навсего убить элегантным ударом шпаги черного миурийского быка, как это делал настоящий матадор.

Бой быков происходил в Мадриде, так как коррида в США официально запрещена. Зрелище транслировалось по всей Америке.

У Рэдера подобралась отличная квадрилья. А им пришлось по душе огромный медлительный американец. Пикадоры пытались замедлить бег быка. Бандерильеры перед тем, как вонзить в шею зверя бандерильи, уводили быка подальше от Рэдера.

Второй матадор, мрачный человек из Альхесираса, так отчаянно махал перед носом быка мулетой, что тот чуть было не сломал себе шею.

Но вот все участники спектакля разыграли свои роли, и подошла очередь Джима Рэдера. Он стоял посреди арены, неуклюже зажав в левой руке ярко-красную мулету, в правой — шпагу, а прямо на него неся громадный, черный, истекающий кровью бык с торчащими в разные стороны рогами. Кто-то, не выдержав, закричал:

— Ударь его под ребро, парень! Не корчи из себя героя, ударь под ребро.

Но Джим твердо помнил наставление своего нью-йоркского консультанта: удар шпагой между рогов.

Он последовал этому совету. Ударившись о лобную кость, шпага отлетела, бык подбросил его рогами. Рэдер поднялся абсолютно невредимый и, схватив другую шпагу, бросился на быка, закрыв глаза. Бог, который хранит детей и дураков, должно быть, наблюдал за этим зрелищем, так как шпага вошла в быка словно нож в масло. Ничего не понимая, бык какое-то время смотрел на Рэдера, а потом рухнул на землю, как продырявленный воздушный шар.

Из этого состязания он выбрался почти без потерь, если не считать такой мелочи, как сломанная ключица, которая срослась в самое непродолжительное время. За участие в корриде он получил десять тысяч долларов. Количество поклонниц возросло до двадцати трех, включая пылкую девицу из Атлантик-Сити, приславшую страстное признание, которое он проигнорировал. Почти сразу же Рэдер получил приглашение поучаствовать в следующей программе.

Рэдер был уже не так наивен, как прежде, осознав, что рисковал жизнью за какие-то жалкие гроши. Обещанное богатство по-прежнему сияло где-то вдали. Тогда он решил подороже продать свою жизнь.

Шоу «Ужасы морских глубин» финансировалось парфюмерной фирмой «Фэарлейди Соуп». Вместе с четырьмя другими участниками, экипированными одинаковыми аквалангами, ластами, масками, свинцовыми поясами и ножами, он погрузился в ласковые волны Карибского моря. Вслед за ними спустилась съемочная группа, посаженная для безопасности в прочную клетку. Конкурсанты должны были отыскать и поднять со дна моря спрятанное фирмой в целях рекламы сокровище.

Ныряние под водой само по себе не столь опасно. Поэтому фирме пришлось немало потрудиться, чтобы придать зрелищу как можно больше остроты. Море в этом месте буквально кишело муренами, электрическими скатами, различными видами акул, гигантскими осьминогами и моллюсками, ядовитыми кораллами и прочими глубоководными «прелестями».

Соревнование проходило на большом подъеме. В глубокой

расщелине участник из Флориды нашел сокровище, но тут же пал жертвой мурены. Искрящаяся голубовато-зеленая вода мгновенно стала мутной от крови, что бесподобно смотрелось на цветных телевизорах. Выпав из рук несчастного, сокровище стало медленно опускаться на дно. К счастью, это заметил Рэдер и, не раздумывая, нырнул, порвав при этом барабанную перепонку. На дне сокровище запуталось в кораллах, но Рэдер вырвал его из цепких объятий, сбросил свинцовый пояс и стал всплывать. В тридцати футах от поверхности на него неожиданно напал другой ныряльщик.

Они дрались не на жизнь, а на смерть. Удар ножом располосовал Рэдеру грудь. С самообладанием старого морского волка Рэдер бросил нож и сорвал маску с лица противника.

Это решило исход поединка. Вынырнув, Рэдер вручил сокровище судьям. «Величайшим сокровищем мира» оказалась фирменная упаковка мыла.

Участие в этом шоу принесло ему в общей сложности двадцать две тысячи долларов. Число поклонниц перевалило за триста. Среди всей полученной им по почте восторженной галиматии попало письмо одной девушки из Мейкона, показавшееся интересным. В довершение всего Рэдера бесплатно подлечили — зашили ножевую рану на груди и порванную барабанную перепонку, а также провели курс уколов от заражения ядовитыми кораллами.

Ну и, наконец, самое главное — пригласили участвовать в крупнейшем телешоу «Большая охота». Вот тогда и начался настоящий ад...

Поезд резко остановился, и Рэдер тут же проснулся. Сдвинув шляпу на затылок, он быстро огляделся. Сидевший через проход незнакомец, не спуская с него глаз, шептал что-то на ухо толстой даме. Неужели узнали?

Двери открылись, он встал и быстро вышел из вагона. Висевшие на перроне часы показывали полдень. Оставалось еще пять часов.

* * *

На станции Манхассет он сел в такси, приказав шоферу доставить его в Нью-Сэлем.

— Нью-Сэлем? — переспросил шофер, глядя на него в зеркало.

— Совершенно верно.

Шофер включил радиосвязь.

— Пассажир следует до Нью-Сэлема. Да, поняли правильно. Нью-Сэлем.

Они тронулись. Рэдер нахмурился, размышляя, не условный ли это знак. Как правило, шоферы такси докладывают диспетчерам, куда они следуют. И в этом не было ничего необычного. Хотя, пожалуй, в голосе шофера прозвучали подозрительные нотки...

— Высадите меня здесь, — неожиданно сказал Рэдер.

Заплатив шоферу, он двинулся по узкой проселочной дороге, выходящей между редко стоящими деревьями. Нечего было и думать прятаться за ними. Идя вперед, Рэдер подыскивал, где бы укрыться.

Послышался шум приближающегося грузовика. Рэдер не остановился, только поглубже нахлобучил шляпу. И вдруг из его карманного телевизора вырвался отчаянный вопль: «Берегись!»

Рэдер бросился в кювет. Грузовик пронесся на огромной скорости, только чудом его не задев, и с визгом остановился. Выскочивший из кабины шофер заорал.

— Вот он! Стреляй, Гарри, черт тебя дери, стреляй!

Рэдер без оглядки припустился к лесу. Сбивая листья с деревьев, пули свистели у него над головой.

— О боже, они настигают его! — Голос Майка Терри от волнения срывался. — Боюсь, Джим Рэдер слишком рано позволил себе расслабиться. Еще не время, Джим! Убийцы идут по пятам. На карту поставлена твоя жизнь! Помни это и будь осторожен. Впереди еще четыре с половиной часа!

Шофер грузовика скомандовал:

— Клод, Гарри! Вы на грузовике подъедете с той стороны. Возьмем его в клещи.

— Они окружают тебя, Джим, — вскричал Майк Терри, — но не отчаивайся, еще не все потеряно! А пока поблагодарим от твоего имени добрую самаритянку Сьюзи Петерс, живущую в доме № 12 по Эльм стрит, Саут Орандж, Нью-Джерси за предупреждающий окрик, когда тебя чуть было не раздавил грузовик. Через минуту вы увидите на своих экранах малышку Сьюзи... А теперь, друзья, внимание! Наш вертолет прибыл на место действия. Вам всем хорошо видно бегущего Джима Рэдера и преследующих, окружающих его убийц...

Промчавшись по лесу, Джим выскочил на бетонку. Один из бандитов, бежавший за ним по лесу, немного отстал. Те двое, что поехали в объезд, через пару минут должны были оказаться здесь.

В это время на дороге показалась легковая машина. Рэдер отчаянно замахал руками. Машина остановилась.

— Быстрей! — крикнула сидевшая за рулем блондинка. Рэдер вскочил, машина начала разворачиваться. В ветровое стекло влетела пуля. Девушка нажала на газ, машина рванула, чуть не сбив стоявшего посреди дороги бандита.

Когда подъехал грузовик, машина была уже далеко.

Рэдер откинулся на сиденье и закрыл глаза. Девушка сосредоточилась на дороге, наблюдая время от времени за тем, что делают преследователи.

— Он снова спасен! — ликовал Терри. — На сей раз из когтитых лап смерти его вырвала добрая самаритянка Дженис Морроу, проживающая в доме № 433 по Лексингтон авеню в Нью-Йорке. Видели вы когда-нибудь что-либо подобное, друзья? Бесстрашная мисс Морроу под градом пуль спасает Джима Рэдера от не-

минуемой гибели! Позже мы возьмем интервью у мисс Морроу и узнаем, что она чувствовала в эту минуту. А пока наш Джим мчится вперед навстречу своей свободе или, как знать, новой опасности, мы прервем репортаж для короткой рекламы. Но не уходите далеко от телевизоров. У Джима впереди еще четыре часа и десять минут. Могут произойти самые неожиданные вещи!

— Слава богу, наконец они отключились и я могу с тобой поговорить, — неожиданно сказала девушка. — Ты что, спятил?

— Что? — не понял Рэдер и взглянул на спутницу. Ей было немногим более двадцати. Приятная внешность, стройная, изящная фигура. Вид самоуверенный и недоступный. Правда, Рэдеру показалось, что она была чем-то рассержена.

— Мисс, — начал он, — я прямо не знаю, как и благодарить вас...

— Брось ты, — перебила Дженис Морроу. — Никакая я не добрая самаритянка. Просто работаю на Джей-Би-Си.

— Так значит, меня спасла фирма?

— Наконец-то, догадался, — улыбнулась она.

— Но зачем?

— Ты что, прикидываешься, Рэдер? Это же чертовски дорогое шоу. Мы все должны выкладываться по максимуму, чтобы получилось действительно захватывающее зрелище, это в наших интересах. Если шоу не будет иметь успеха, фирма прогорит и нас всех выгонят на улицу торговать леденцами и жевательной резинкой. А ты прохлаждаешься.

— Я? Это я-то прохлаждаюсь?

— Ну да, ты. Ты только взгляни на себя, — презрительно сказала девушка. — Полный провал, фиаско. Может, ты пытаешься покончить с собой? Ты что, не знаешь, как борются за жизнь?

— Но я очень стараюсь.

— Он старается, вы только посмотрите на него. Банда Томпсона могла укокошить тебя уже десять раз. Им были даны указания растянуть удовольствие, и они стараются изо всех сил. Убить тебя для них все равно, что попасть в статуэтку с шести шагов. Но ведь они тоже не могут бесконечно фальшивить. Если бы я не подопсела вовремя, им бы не осталось ничего другого, как убить тебя.

Рэдер уставился на нее, не понимая, как такое очаровательное создание могло такое сказать. Оторвав глаза от дороги, она взглянула на него.

— Не надо так на меня смотреть, — сказала она. — Тебя никто не принуждал рисковать своей жизнью за деньги, мальчик. Да еще какие деньги! Ты знал условия заранее. И нечего теперь корчить из себя святую невинность. Взлся, так доигрывай.

— Вы правы, — согласился Рэдер.

— Если не можешь бороться за жизнь, то хоть умри достойно.

— Я не могу в это поверить.

— Слишком ты самоуверен... До конца передачи еще три часа сорок минут. Сможешь выжить — молодец! Денежки твои. А

нет — постарайся хоть напоследок не разочаровать своих почитателей.

Пристально глядя на нее, Рэдер кивнул.

— Через несколько минут нас запустят в эфир. Я сделаю вид, будто у меня сломался мотор, и ты победишь. Но помни, Томпсоны больше не дадут тебе поблажки. Они убьют тебя, как только настигнут. Понял, наконец?

— Да,— ответил Рэдер.— А все-таки, если все закончится хорошо, могу я вас как-нибудь увидеть?

Она зло закусила губу.

— Ты что, издеваешься?

— Нет, я правда хочу вас увидеть.

Она удивленно посмотрела на него.

— Я, право, не знаю. Сейчас не время. С минуты на минуту включают камеры. Лучше послушай совета. Беги направо. Понял?

— Да. Как мне тебя найти? Потом, когда все кончится?

— Рэдер, ты меня не слушаешь. Беги через лес, пока не уткнешься в овраг. Это не очень надежное укрытие, но все же лучше, чем ничего.

— Как мне тебя найти? — снова повторил он.

— В Манхэттенском телефонном справочнике.

Она остановила машину.

— С богом, Рэдер, беги!

Он открыл дверцу.

— Подожди,— наклонившись, она поцеловала его в губы.— Удачи тебе, дурачок! Позвони, если останешься цел.

Выскочив из машины, он бросился к лесу.

* * *

Он бежал мимо берез и сосен, мимо изредка попадавшихся домов, с торчащими в окнах физиономиями, глазекшими на забавное зрелище. Кто-то из жильцов, должно быть, связался с бандой, потому что они почти настигли его, когда он добрался до оврага. Эти благовоспитанные и законопослушные граждане почему-то желали его смерти, с грустью думал Рэдер. Внутренне они уже настроились на кровавые сцены и были бы очень разочарованы, если бы обманулись в своих ожиданиях.

Спустившись в овраг, Рэдер спрятался в густом кустарнике. Убийцы появились с обеих сторон. Они шли не спеша, чутко прислушиваясь к малейшему шороху. Когда они поравнялись с ним, Рэдер затаил дыхание.

Прогремел выстрел, с дерева упала белка. Некоторое время она корчилась в траве, потом затихла.

Послышался шум вертолета. Видят ли его, думал Рэдер. Скорее всего да. Значит, надежда все-таки есть. Может, кто-нибудь из добрых самаритян придет на помощь и в этот раз?

Подняв лицо к небу, Рэдер сложил руки и начал молиться. Мо-

лился он молча — публика не любит аффектаций. Губы его лишь слегка шевелились.

Рэдер молился по-настоящему. Однажды кто-то из дотошных зрителей обнаружил, что беглец только притворяется, что читает молитвы, а на самом деле повторяет таблицу умножения. Никакой пощады такому нечестивцу!

Закончив молиться, Рэдер взглянул на часы. Оставалось еще два часа.

Только сейчас он понял, как дорога жизнь. Никакое богатство в мире не стоит того, чтобы за него платить такой ценой. Должно быть, он сошел с ума, когда решился на такое...

Но это было неправдой. Ужас заключался именно в том, что это было не выходкой сумасшедшего, а сознательным поступком нормального человека.

* * *

Он вспомнил, как неделю назад, жмурясь в ослепительном свете прожекторов, он стоял на сцене перед многочисленной аудиторией, собравшейся в студии на передачу «Большая охота».

— Итак, мистер Рэдер,— торжественно провозгласил Майк Терри,— знакомы ли вам правила игры?

Рэдер кивнул.

— Чтобы у вас не осталось никаких сомнений, позвольте остановиться на некоторых деталях. В течение недели вы будете выполнять роль дичи, за вами будут охотиться матерые преступники. За участие в этом узаконенном убийстве им гарантирована свобода. Поэтому они будут стараться изо всех сил. Подумайте еще раз, Джим, прежде чем согласиться.

— Я уже подумал,— сказал Рэдер, помня о призе в двести тысяч долларов.

— Все же я вынужден повторить свой вопрос, чтобы у кого-нибудь не создалось впечатление, будто мы заставляем играть в такие игры, где ставка — жизнь.

— Я подтверждаю свое согласие,— ответил Рэдер.

Майк Терри обратился к зрителям.

— Леди и джентльмены! У меня в руках результаты подробнейшего психологического теста, проведенного по нашей просьбе одной незаинтересованной частной фирмой. Тест показал, что Джим Рэдер абсолютно нормален, уравновешен и дееспособен. Копия результатов теста может быть выслана любому желающему за двадцать пять центов, которые включают стоимость пересылки.

Майк Терри повернулся к Рэдери.

— Все еще желаешь участвовать в шоу, Джим?

— Да.

— Отлично! — вскричал Майк Терри. — Тогда приглашаю на сцену твоих будущих убийц.

Под неодобрительный ропот собравшихся на сцене появилась банда Томпсона.

— Посмотрите, друзья,— с нескрываемым презрением произнес Майк Терри.— Вы только взгляните на них! Антиобщественные, насквозь порочные, аморальные личности. У них нет ни чести, ни совести. Они не признают никаких законов, кроме закона джунглей. Но наше общество уже вынесло им суровый приговор. Они обречены на скорый и бесславный конец.

Публика зааплодировала, послышались одобрительные возгласы.

— Клод Томпсон! У вас есть что сказать присутствующим? — спросил Терри.

От группы бандитов отделился худощавый, гладко выбритый господин в костюме-тройке и подошел к микрофону.

— Я считаю,— начал Клод хриплым голосом,— мы ничуть не хуже других. К примеру, солдаты на войне — они ведь тоже убивают. А если взять выше — взятки, подкупы в правительстве, в профсоюзах. Жить все хотят.

У Томпсона был тонкий расчет. Но как быстро, как красиво расправился с ним Майк Терри. Умело поставленными вопросами он опроверг все его доводы, обнажив суть мерзкой и грязной душонки.

К концу интервью Клод Томпсон покрылся испариной, часто промокал лицо шелковым носовым платком и оглядывался, ища поддержки у своих.

Майк Терри положил руку на плечо Рэдера.

— А вот тот смельчак, что согласился стать вашей жертвой, если вы, конечно, его поймаете.

— Можете не сомневаться,— самоуверенно заявил Томпсон.

— А по-моему, вы слишком торопитесь,— осадил его Терри.— Джим Рэдер победил быка — теперь настала очередь шакалов. Он выступает от лица всего народа, вынесшего беспощадный приговор вам и вам подобным.

— Все равно, от нас ему не уйти,— пообещал Томпсон.

— Я хочу добавить еще вот что,— мягко возразил Терри.— Джим не одинок. За ним вся Америка, весь наш народ. Добрые самаритяне из всех уголков нашей огромной страны в любой момент придут ему на помощь. Безоружный, беззащитный Джим Рэдер смело может рассчитывать на сострадание и поддержку своего народа. Так что не торжествуйте заранее, Клод Томпсон! За Джимом стоит народ, и мы еще посмотрим, чья возьмет!

* * *

Лежа под кустом, Рэдер предавался воспоминаниям. Майк Терри был прав, люди действительно помогали ему. Но ведь не только ему, а и убийцам тоже.

По телу пробежала дрожь. Но ведь он сам этого захотел, никто его не заставлял. И ничьей вины тут нет, кроме его собственной. Да и психологический тест тому подтверждением.

Нет, все-таки не может быть. Неужели у психологов, разработавших тест, не мелькнула мысль, что они сотворили зло? А Майк Терри, может, он тоже виноват, что предложил бедняку такое искушение, с которым тот не смог справиться? Общество свило веревку и услужливо накинуло петлю ему на шею,— ему осталось только самому затянуть ее потуже — вот в чем заключалось проявление доброй воли.

Но кто же тогда виноват?

— Ага! — воскликнул кто-то.

Рэдер поднял голову и увидел стоявшего над ним толстяка в кричащем твидовом пиджаке с болтающимся на шее биноклем.

— Сэр,— прошептал Рэдер умоляюще,— не выдавайте меня.

— Эй,— завопил толстяк, указывая концом трости на Рэдера.— Вот он, тут.

Сумасшедший, подумал Рэдер. Несчастный кретин, должно быть, думает, что играет в прятки.

— Он здесь,— орал толстяк.

Ругнувшись, Рэдер вскочил и бросился бежать. Поднявшись из оврага, он увидел неподалеку какое-то белое здание. Рэдер кинулся к нему. Сзади раздавались вопли толстяка.

— Он побежал туда. Да вы что, слепые, что ли, не видите?

Бандиты открыли огонь. Споткнувшись о кочку, Рэдер налетел на трех детей, игравших у дупла дуба.

— Вот он, вот он! — кричали дети.

Обезумевший Рэдер помчался дальше. Добежав до ступенек, он понял, что перед ним церковь.

Когда он открывал дверь собора, пуля попала ему под правую коленку.

Упав, он вполз в церковь на четвереньках. Телевизор в его кармане рокотал вовсю.

— Какой финал, друзья! Рэдера ранили. Ему больно, друзья, ему очень больно. Но он не сдаётся, он продолжает ползти вперед. Молодец, Джим Рэдер.

Рэдер лежал в проходе около алтаря. Вдруг детский голосок с готовностью произнес:

— Он здесь, мистер Томпсон. Быстрее, а то он убежит.

Во все времена церковь считалась самым надежным убежищем,— пытался успокоить себя Рэдер.

В эту минуту дверь распахнулась, и Рэдер понял, что обычай этот больше не существует. Собрав остатки сил, он прополз мимо алтаря и через заднюю дверь выбрался наружу.

Рэдер оказался на старом кладбище. Он полз мимо крестов и распятий, мимо мраморных и гранитных плит, мимо роскошных каменных усыпальниц и грубо сколоченных деревянных надгробий. Отскочив от подножия памятника, пуля осыпала его осколками. Прямо перед ним была свежевыкопанная могила.

Он был для них просто забавной игрушкой, вот и все. Для всех этих милых, симпатичных средних американцев. Разве они не уве-

ряли его, что он их плоть от плоти? Разве не клялись защищать его?

А потом предали. Какой же он был дурак, что не видел этого раньше. Хладнокровный, безжалостный убийца с пустыми глазами — Томпсон, Капоне, Малыш Билли, Эль-Сид — вот их кумир. Они боготворят этого робота-убийцу и падают пред ним ниц.

Рэдер неловко повернулся и, не удержавшись, скатился в открытую могилу.

Лежа на спине, он смотрел в голубое небо. Вскоре черная тень заслонила солнце. Сверкнул металл. Тень прицеливалась.

«Все», — подумал Рэдер.

— Стой, Томпсон, — прогремел голос Майка Терри. Револьвер дрогнул. — Уже одна минута шестого! Погоня закончена. Джим Рэдер выиграл!

Из телевизора вылетел шквал восторженных приветствий.

Банда Томпсона, собравшаяся вокруг могилы, выглядела довольно мрачно.

— Он выиграл, друзья, он победил! — Голос Майка Терри от радости срывался. — Смотрите на экраны, смотрите все! Прибыла полиция — они забирают банду Томпсона от их жертвы, которую они так и не смогли убить! И это только благодаря вам, добрые самаритяне Америки. Смотрите, друзья, заботливые руки поднимают Джима Рэдера из открытой могилы, бывшей его последним убежищем. Добрая самаритянка Дженис Морроу тоже здесь. Может быть, это станет началом их любви? Смотрите, Джим, кажется, потерял сознание, ему вводят возбуждающее. Он стал обладателем двухсот тысяч долларов. А теперь послушаем, что скажет сам Джим Рэдер.

Последовала неловкая пауза.

— Странно, — продолжал Майк Терри. — Друзья, я боюсь, мы не сможем услышать сейчас Джима. Над ним склонились врачи. Одну минуту...

Воцарилась тишина. Майк Терри промокнул лоб платком и улыбнулся.

— Это все от перенапряжения, друзья, от страшного нервного перенапряжения. Доктор говорит, что... Джим несколько не в себе. Но это все не страшно. Джей-Би-Си пригласила лучших в стране психиатров и психоаналитиков. Мы готовы сделать все, что в наших силах, для этого доблестного парня! Оплату всех расходов фирма берет на себя.

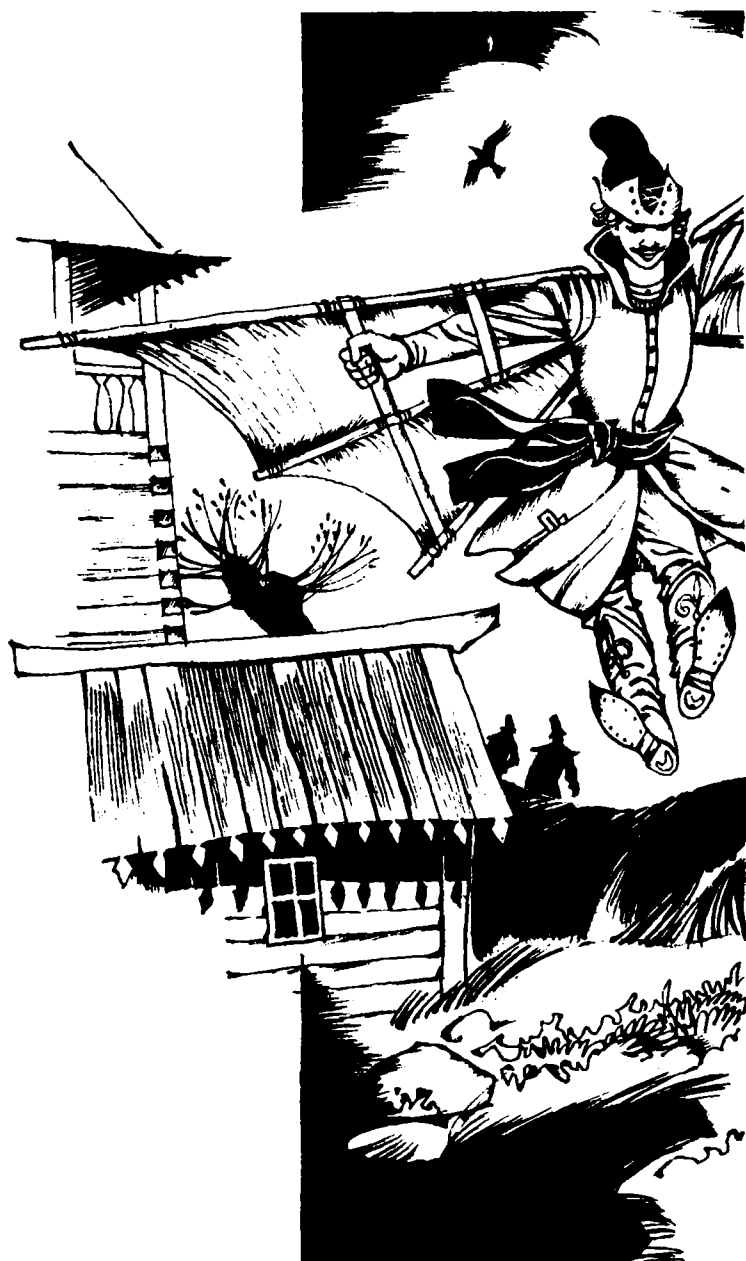
Майк Терри взглянул на часы.

— Вот и подошел конец нашей передачи. Следите за рекламой следующего сенсационного шоу. А о Джиме не беспокойтесь. С ним все будет в порядке. Очень скоро он снова к нам вернется.

Майк Терри улыбнулся и подмигнул зрителям.

— Он непременно вернется, друзья. Он не позволит себе обмануть наши надежды, не так ли?

Перевела с английского Ирина Заморина

НЕВЕДОМОЕ:
БОРЬБА
И ПОИСК

Я СЛУШАЮ КОСМОС

*Посвящаю тем,
кто хочет достичь высшего благородства,
а не высшего благосостояния.*

Автор

«МИР ЗЕМНОЙ МНЕ ТЕСЕН...»

Исхожу из того, что сверхцивилизации существуют. Их множество — по крайней мере столько же, сколько галактик. Совокупность цивилизаций буду называть: Космос, или Высокий Космос. Нашу галактическую цивилизацию (Млечного Пути) можно называть в единственном числе и с прописной буквы: Сверхцивилизация.

Между всеми цивилизациями Вселенной налажена постоянная связь.

Высокий Космос все время посылает человечеству свои сигналы. Минимальная волновая частица этих сигналов (квант) — мысль-чувство. Непрерывный поток мыслей-чувств квантами идет к человечеству через светоносный эфир.

Воспринимаются эти сигналы непосредственно нашим мозгом и сердцем. Люди — в зависимости от душевной чуткости и силы интеллекта — улавливают их менее или более адекватно, четко. И называют это интуицией, «шестым чувством», озарениями (верующие — «божьим гласом»).

Озарения ученых становятся основой эпохальных открытий в астрономии, физике, химии, биологии... Озарения композиторов, живописцев, скульпторов, писателей дают импульс к созданию гениальных произведений искусства. Озарения государственных деятелей в считанные годы продвигают страну на десятилетия вперед...

Так, может быть, в конце концов и неважно, каков механизм озарений? — важен результат... Подожди, сейчас не об этом: ты развиваешь научно-фантастическую гипотезу — вот и развивай.

Существует и обратная связь, тоже в виде излучения квантами мыслей-чувств: поток их идет в космическое пространство непосредственно от нашего сердца и мозга. Эти мысли-чувства будут приняты, поняты, если они достаточно четки, определены, сколь бы ни были глубоки и сложны. (Вот почему, наверное, даосы против раздвоенности, за четкость желаний, планов, намерений.)

Всему человечеству сверхцивилизации посылают сигналы о необходимости сохранять на Земле гармонию, добро, красоту, справедливость, о важности связи с Космосом... Отдельным же людям посылают специальные сигналы — в ответ на их настойчивое

желание узнать что-то важное для человечества, для того общества, в котором они живут. Ответ получают, как правило, люди высокой духовности, способные донести полученное до общества, выполнить свою миссию, даже если это для них рискованно (так Лермонтов во всеуслышание сказал в «Смерти Поэта» всю правду об убийцах Пушкина). Люди бездуховные, безнравственные предоставлены всем превратностям жизни среди себе подобных.

Посылаемые нам Космосом мысли-чувства не имеют языковых барьеров: на родной язык переводит полученную информацию сам мозг, включая для этого (самопроизвольно) самые глубинные свои клетки. Основное назначение этих клеток — быть на связи со сверхцивилизацией. Обычно они активно включаются в работу ночью, когда другие отделы мозга выключены. Днем «клетки связи с Космосом» воспринимают впечатления бытия пассивно; так же ведут себя «дневные» клетки ночью. Благодаря пассивному участию тех и других в жизни в нерабочее для себя время сохраняется связь между повседневным и космическим бытием человека.

Для произвольного, в том числе дневного, включения «клеток связи» в работу надо задумываться над проблемой неоднократно, а главное — быть действительно заинтересованным в ее решении, — внешнее упорство при отсутствии внутреннего, неподдельного интереса к ней результатов не даст. Неподдельный интерес при этом должен сочетаться с активным восприятием жизни во всей ее полноте: Космос не любит помогать людям, ушедшим в абстракции, в кабинетное затворничество «ради науки» или «ради искусства», презирающим земную жизнь и ее радости. Космос помогает мыслящим и чувствующим широко, гармонично, ощущающим свое единство с природой, с человечеством, со своей родиной, своим народом...

Итак, путь передачи людям сигналов сверхцивилизаций — светоносный эфир, который растворен в пространстве и вездесущ. Светоносный эфир заряжен электромагнитной энергией, которая и является собственно носителем мысли-чувства. Можно дать название этой разумной силе — космическая энергия. Являясь вездесущей, она тем не менее не вмешивается в человеческие дела по пустякам и не мешает саморазвитию человечества в главном.

Люди космических цивилизаций уже решили проблему бессмертия, достигли его... Каким же образом? Они что — бесплотные и бессмертные духи, призраки?..

Да нет же! Это ведь так просто! Они точно такие же люди, как мы! Они точно так же умирают по истечении срока телесной жизни, зависящего от генетической предрасположенности, естественного старения тела, условий существования и т. д. Но их сознание, та искра космического огня, которая делает живым (одушевляет) все живое, сохраняется, не теряя памяти! Эта искра огня — концентрат мысли-чувства, остающийся после смерти человека как эмоционально-интеллектуальный вывод из всей его жизни. Этот

концентрат мысли-чувства по прошествии определенного времени вновь рождает из себя жизнь, как семя рождает новое дерево или цветок. Накопленная за прошлые жизни мудрость сохраняется в этом концентрате, как в генетическом коде; сберегается в нем и память о бывших ошибках и достижениях, поэтому и развитие идет непрерывно вверх, к новым и новым ступеням познания (а у нас — через падения и взлеты). Можно даже сказать, что люди сверхцивилизаций познали истину во всей ее полноте... А нам еще многое предстоит постичь...

Зачем же им мы, жалкие пигмеи? Но дело в том, что для них мы не жалкие пигмеи, а только дети, наделенные мозгом Гениев, но еще не знающие этого, не раскрывшие собственные сверхвозможности: условия жизни на Земле не требовали этого. Сверхцивилизации могут помочь нам раскрыть свои возможности в полном объеме.

Дорога в космос для нас — это и дорога навстречу сверхцивилизациям. До этого далеко? Но ведь не дальше, чем от ихтиозавра до человека. (Теории Дарвина моя фантастическая картина не противоречит, но об этом дальше.)

А кто такие вообще мы — земляне? Откуда мы взялись? И почему Сократ называл первых людей (первое поколение землян) «ведемонами», всеведущими?.. Может быть, мы — дети вовсе не в смысле незрелости, а действительно дети нашей галактической Сверхцивилизации? Может быть, мы когда-то стали поселенцами Земли, пионерами ее освоения?

Почему не предположить, что Земля в процессе эволюции оказалась в исключительно благоприятных условиях, и нужно было избежать хаоса развития на ней органической жизни? Цивилизация Млечного Пути послала сюда своих представителей — осваивать, охранять, направлять. Четкая двусторонняя связь сначала была бесперебойной: светonosный эфир передавал сигналы от сердца и мозга тех, кто находился на связи, к сердцу и мозгу посланных на Землю, а также и обратно. Но постепенно люди в земных условиях огрубели (на планете, которую они покинули, им давно уже не приходилось заниматься тяжелой физической работой, бороться с холодом и голодом, обороняться от свободно бродящих хищных зверей и т.д.). Огрубели, утратили чуткость — и перестали понимать непрерывно идущие к ним сигналы!..

Какая трагедия для человечества! Оно ищет сейчас контактов с инопланетянами, пытается зафиксировать их сигналы, используя наисовершеннейшую технику, между тем как сигналы поступают к нам непрерывно, но не могут разбудить дремлющие клетки связи с Космосом: наш мозг покрылся непробиваемой для этих тончайших сигналов оболочкой!

По существу-то эта оболочка — возникшая в процессе приспособления к земным условиям защитная кора, позволяющая мозгу находиться в полудреме, когда человек часами копает землю, перетаскивает камни, корчет деревья... Если бы его мозг продолжал

в это время интенсивно работать, человек сошел бы с ума: эта однотонная работа требует долговременного отключения мозга...

И вот люди космической цивилизации, находящиеся на связи, перестают получать с далекой планеты Земля обратные сигналы, свидетельствующие о принятии их информации. А ведь там, на Земле, — их дети, их братья и сестры, друзья, знакомые! И они, пославшие, в отчаянии: пионеры освоения Земли остались без их интеллектуальной и энергетической помощи! Вот какой тяжкий сюрприз приготовила им прекрасная голубая планета, по всем космическим меркам идеально подходящая для высших форм органической жизни.

Отчаяние не заставило их прервать связь: они и сейчас непрерывно посылают нам свои сигналы, надеясь пробиться сначала к отдельным, самым чутким землянам, а затем и к человечеству в целом, напомнить ему, зачем оно оказалось на голубой планете и какова его цель в космических масштабах.

Память о прошлом осталась у землян только в виде сказок о рае, из которого когда-то они якобы были изгнаны...

Ну вот, сочинила! Хоть реви теперь белугой над судьбами инопланетян, которыми оказались мы же сами. Не в этом ли смысл древнего изречения: «Познай самого себя»?

Может быть, дело было так: нас сослали на Землю — как в XVII—XVIII веках ссылали неугодных обществу людей в Америку, в Австралию, на какой-нибудь далекий необитаемый остров. Тогда сказка о рае приобретает еще более глубокий смысл: наши предки не хотели подчиняться общепринятым порядкам; при этом они могли быть вовсе не преступниками, а бунтовщиками, революционерами по характеру. Не желали, например, мириться с постепенным, медленным ходом общественного прогресса.

Во главе их мог быть тот человек, которого впоследствии легенда нарекла Демоном (Мефистофелем, Люцифером...). Ведь Демон — символ революционера, ниспровергателя высших авторитетов. Есть у меня и подозрение, что Демон и Прометей — одно и то же лицо, разделенное в конце концов на две ипостаси только для упрощения сложной истины: в Демоне воплощена разрушительная сторона личности революционера, в Прометее — созидаящая.

Этот человек решил приобщить народ к духовным и материальным привилегиям высших слоев общества и возглавил восстание. Существует ведь древнейшая легенда о борьбе богов с титанами. Вот титанами, потерпевшими поражение, и могли быть мы — будущие земляне.

Нас посадили в космический корабль с автоматическим управлением и отправили на пригодную для жизни планету весьма отдаленной от центра Галактики солнечной системы (во всех книгах по астрономии отмечается периферийность нашей Солнечной системы). И тогда что? И тогда, имея богатейший интеллектуальный и технический опыт, но не имея самой техники (ее голыми руками

сразу не создашь), человек прежде всего стремится установить связь с Солнцем, пользоваться его энергией хотя бы в тех пределах, какие возможны при отсутствии техники. Получаем кого? — древних индейцев, египтян, этрусков... Все они знают о сверхважности связи с Космосом, о «священном» в этом смысле слова назначении сердца и мозга, о необходимости поддерживать и развивать астрономические и математические знания, все они сооружают свои «храмы Солнца», располагая (или конструируя) их как можно выше и используя не только в религиозных, но и в научных целях... Потом эти цивилизации гибнут под напором варваров — аборигенов Земли. Вот мы и пришли к теории Дарвина.

Как на Американском и Австралийском континентах существовала своя жизнь до переселения туда европейцев, так и на Земле существовала своя жизнь до переселения представителей космической цивилизации. И точно так же пионеры Высокого Космоса — постепенно, далеко не сразу — смешались с аборигенами Земли. Кстати, сами инопланетяне прошли на своей планете в принципе тот же путь эволюции, что и земляне-аборигены на своей.

Что же получается? Получается, что наша тяга к звездам — это не только новая стадия развития человечества (наступление эпохи действенного освоения космоса), но и воспоминание о прошлом...

Та-ак, все логично. И складывается в весьма емкую систему. Уже можно наполнять ее живой жизнью... Только вот нет у меня желания заниматься бытом, подробностями физического существования инопланетян и аборигенов Земли. Если и хочется детально проследить за развитием жизни, то на уровне мозга...

Сверхцивилизации контролируют исполнение законов, обеспечивающих гармонию во Вселенной, борются с хаосом, с силами разрушения. При этом космические цивилизации всегда помнят о задаче обеспечить саморазвитие всего живого — его выживание и совершенствование с опорой на собственные силы. Вот в чем смысл формулы, которую я вычитала когда-то у Рериха: «Мы не растим лентяев и трусов — мы растим героев».

Сверхцивилизаций множество, и формы жизни в них, наверное, самые разные. Но наша Сверхцивилизация, которая держит связь с нашей Землей, по всей видимости, создана такими же людьми, как мы. Они так же, как мы на Земле, ходят по своей планете, условия жизни на которой обеспечили им сохранение и непрерывное приумножение знаний. В принципе цивилизация-куратор имеет ту же структуру, что и на Земле: в одних районах ее живут люди с наивысшим для цивилизации развитием, в других — более примитивные, остальные (на Земле ведь до сих пор есть племена, для которых и соха — чудо техники). Но генетически и высшие и низшие племена (как и сверхразвитые нации и отсталые племена на Земле) являются одинаковыми — дело только в условиях жизни, в исторических парадоксах развития.

Дальше: у всякой формы жизни есть свой долг (для самосовер-

шенствования; например, снежный барс у козерогов) и свой опекун (для защиты, выживания). Опекун всегда значительно сильнее и опекаемого, и его врага.

Опекун всего живого на земле — человек (в воде — дельфин). Он же берет на себя иногда функции «врага» — выступает против отдельных особей животного царства во имя выживания вида в целом.

У человека враг — он сам, другие люди (для самосовершенствования в борьбе с трудностями, проверки на физическую и психическую устойчивость; в этом смысле наши враги — это друзья, только «негативные», делающие добро путем зла). Но и опекуны человека — сами люди (их помощь, их сочувствие, альтруизм). В том числе — люди Сверхцивилизации. Они тоже оказывают нам помощь при крайней необходимости не только добром, но и добром негативным.

Опекуны нередко кажутся опекаемым богами, всемогущими (мы — боги, например, для растений, для домашних животных). Опираясь на эту психологическую особенность «опекаемых», служители культов — сначала это были представители Сверхцивилизации, астрономы и математики — стали выдавать за богов тех наших братьев по разуму, которые находились на связи с Землей. То есть начало традиции обожествления инопланетян положили сами же пионеры освоения Земли: так им легче было общаться с аборигенами, поскольку поднять тех до уровня своих знаний в ближайшее время не представлялось возможным. Вот и возник лозунг: «Не знаете, но верьте!»

Процесс самопознания и самосовершенствования на Земле идет медленно. Упростив космогоническую философию до понимания неграмотных масс, служители культов стали преднамеренно внушать людям слепую веру, так им было удобнее управлять массами.

В конечном счете жизнь жестоко наказала посланцев Сверхцивилизации за сокрытие правды. Они рассчитывали, что обман будет кратковременным — лишь до тех пор, пока они не передадут аборигенам свои знания в полном объеме. Но история продемонстрировала с неопровержимой ясностью: никакой высокой цели невозможно достичь путем сокрытия правды. Корыстные люди, не интересующиеся высокими целями, ухватились за обман и держатся за него уже не одно тысячелетие.

Интересно, что в языческой вере истина просматривается легче, чем в монорелигиях: языческие боги во всем похожи на людей, только могущественнее. А дальше начался религиозный дурман, специальное нагнетение непонятного народу, чтобы держать его в постоянном страхе и трепете.

За обман человечества, за утрату первоначальных высоких целей и была разрушена культура Древнего Египта и древних индейских государств (а может быть, и Атлантида? Что, если атланты

были самыми образованными из пионеров освоения Земли? — они-то и расплатились сполна за нарушение главных законов Космоса: правда — для всех, справедливость — для всех, равенство — для всех). Разрушена руками варваров, но с ведома сверхцивилизации, не пожелавшей встать на защиту правителей этих государств.

Так потерпела поражение первая попытка Космоса создать на новой планете высокоинтеллектуальную и высоконравственную цивилизацию, поддерживать с ней постоянную связь, обмениваться информацией, тем самым способствуя дальнейшему развитию высших форм органической жизни во Вселенной.

И только сейчас, на заре космической эры землян, начинается осуществляться вторая попытка.

Контакт с нами для цивилизации Космоса в принципе не труден. Ее представители не прочь иногда и пошутить с человеком — посмотреть, останется ли он спокойным, здравомыслящим, открытым всем неожиданностям мира или испугается непривычного явления, опять упадет в темноту средневековой веры, в мистику? (Одна из возможных шуток Космоса — комета Галлея. Четыре с половиной миллиарда лет назад она могла быть запущена цивилизацией Космоса, чтобы выполнять серьезную функцию ознакомления с отдаленной Солнечной системой Галактики. И затем была оставлена на своей орбите, которая пересекает орбиты всех планет и время от времени сближается с каждой. Сверхцивилизация с интересом стала наблюдать, в частности, за тем, когда же земляне заметят периодичность появления кометы около них.)

Гибель человечества для Сверхцивилизации — не трагедия: представители ее знают, что человек бессмертен. (Эту ступень размышлений надо все-таки проверить: единственное звено, где я начинаю, кажется, смыкаться с мистикой, а мне этого вовсе не хочется, потому что где мистика, там страх, покорность судьбе, я же вместе с Рерихом — за свет знаний, бесстрашие мысли, за прекрасную фантазию мечты, волшебной сказки.) Трагедия — добровольное низведение человеком себя до уровня животного (только есть, пить, спать, бороться с врагами за место под солнцем) или до уровня раба (не бороться вообще, служить более сильному, всю жизнь стоять перед ним на коленях). Души таких людей после смерти рассеиваются в пространстве, уничтожаются стихиями. Бессмертна только та душа (ну тут уж явно вступаю в область восточной сказки!), которая за период своего земного существования — может быть, неоднократно — вышла к истине о предназначении человека на Земле: служить гармонии, бороться с хаосом.

Человек рождается как равноправный член всемирного сообщества людей, в том числе людей Сверхцивилизации. Рождается, чтобы познать и полюбить родной дом, и живет, постоянно расширяя это понятие до любви к родной стране, к планете Земля, к космосу.

Высший уровень — любовь к Космосу в целом, стремление самому охранять его гармонию — доступен только Гениям. Они были

во все века. Космическая цивилизация бережно пестовала их, не охраняя от бед, но обеспечивая формирование высокого духа, горячего сердца, масштабности мысли.

Гении становятся посредниками между Землей и Космосом, получая и передавая через светоносный эфир сигналы необычайной чистоты и силы.

Мозг каждого человека — это сконцентрированная мыслящая материя (или энергия), ее сгусток, — та же мыслящая материя, что разлита в атмосфере вокруг нас. Умный человек отличается от глупого вовсе не строением мозга, не «генетикой», а способностью мозга входить в соприкосновение с породившей его мыслящей энергией пространства. Мозг у необыкновенно умного человека, даже у гения, такой же, как у всех людей, но этот мозг способен свободно, в любой момент входить в контакт с Космосом. Тело — условие существования мозга, поэтому чем оно здоровее, совершеннее, без излишков плоти, тем свободнее течет по нему энергия и тем лучше мозгу. Главное в нашем теле для бесперебойной и результативной работы мозга — сильное и доброе сердце, поставляющее мозгу чистую, не замутненную больными вибрациями кровь.

Что такое работа мозга? Это — горение (холодное горение), обеспеченное поступлением кислорода из атмосферы и гемоглобина как конечного ценнейшего продукта переваривания пищи. Холодный огонь (можно еще сказать: жидкий огонь) — артериальная кровь — «зажигает» мозг, включает его в работу.

В древних трактатах индийских мудрецов сказано: «На том огне, что внутри человека, варится пища, которая поглощается. Шум его слышит тот, кто закрывает уши».

Это утверждение только кажется метафорой. Процесс кровообращения и работы организма действительно представляет собой типичную картину горения: жидкий огонь (кровь) нагревает всю «отопительную систему» (человеческий организм), вызывает в нем сложные химические реакции и создает электрический ток, проходящий через нервы, спинной и головной мозг. Самая яркая часть пламени — гемоглобин, окрашивающий в огненно-алый цвет эритроциты (красные кровяные шарики); чтобы обеспечить непрерывное горение, в атмосферу уходит углекислый газ. Все — как при любом процессе горения. Фантастическая мудрость природы состоит в том, что горение это происходит при постоянной, довольно низкой температуре (36—37°), — такое горение можно назвать «холодным» и, безусловно, самым экономичным.

Человек — естественная химическая лаборатория, невероятно сложная, обрабатывавшаяся тысячелетиями в нераздельном единстве с природой. В условиях городской жизни, в отрыве от природы, эта лаборатория требует сознательной, «профессиональной» за-

боты о ней. А потому каждый человек должен знать устройство своего организма и заботиться об организме в целом, а не только о своих вкусовых ощущениях, физическом комфорте, красоте «упаковки» (одежды) этой компактной лаборатории.

Не буду сейчас останавливаться на том, что наши нервы — это электрическая цепочка, входящая в общую околоземную (и шире — космическую) электрическую систему; что наше тело постоянно пронизывается магнитными токами, то есть входит составной частью в магнитное поле Земли и Космоса. Сейчас — только о мозге...

Возможности мозга мало зависят от генетико-биологических причин, но находятся в зависимости от условий, в которые мозг попал благодаря человеческой судьбе: мощный мозг может «не проснуться», если человек всю жизнь ведет очень однообразное существование, не связанное с интеллектом, — тогда мозг как бы покрыт корой, которая отделяет его от струящейся вокруг мыслящей энергии и заставляет находиться в состоянии полудремы. Это — защита мозга от заболевания, потому что если мозг проснется полностью, во всей своей мощи, ему необходимо будет ежедневное, ежечасное, ежеминутное движение мысли. А человек, например, — землекоп, сторож, дворник... (Эта мысль уже мелькала в гипотезе о сверхцивилизациях.)

Все это отлично понимал Лермонтов, видно, обдумывал не раз: «Гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара».

Природа охраняет того, кому суждено всю жизнь быть прикованным «к чиновническому столу», или к лестничным клеткам, коридорам жилого дома, учреждения (уборщица), или к скрепкам, гвоздям, бумажкам на складе и т. д. и т. д. Охраняет ради будущего: его мозг потенциально должен остаться мозгом Гения, чтобы эта потенция могла превратиться в реальность на более благоприятном витке существования человечества.

Мозгом Гения наделен каждый человек. Поэтому если вы образованнее, умнее или богаче материально, откажитесь от убогой привычки презирать необразованного, неумного, бедного: его мозг точно такой же, как и ваш, только на данном витке бесконечной спирали жизни он попал в менее благоприятные условия, чем ваш. Кто знает, в какие условия попадете вы оба (ваши потомки) на следующем витке!

Итак, Природа охраняет человеческий мозг, создавая вокруг него защитную невидимую энергетическую оболочку. Какой-нибудь «незаметный», не нашедший ключа к своим способностям человек так и не узнает, что был наделен мощным мозгом — мозгом Гения. Для проявления всей своей мощи его мозг должен был сбросить оболочку и подключиться к мыслящей энергии, свободно струящейся вокруг. Даже не потому необходимо это подключение,

что мозгу не хватает собственной энергии, а потому, что условие мощного действия мозговой энергии — движение, свободное перетекание из человеческой головы в атмосферу и обратно (отсутствие консервации — так можно сказать). Это свободное движение обеспечивает воссоединение человеческого мозга с окружающей атмосферной энергией, частью которой он сам является.

Защитная оболочка может быть снята постепенно, безболезненно, если человек с пеленок получает много впечатлений, если рано начинается жизнь его души, если он правильно питается (естественной пищей, без вмешательства промышленности и химии), воспитывается в любви к ближнему, в физической и интеллектуальной подвижности. Тогда Природа видит ненужность защитной коры и перестает укреплять ее; слабая, в соответствии с нежным организмом ребенка, кора исчезает, растворяется, не мешая разнообразным впечатлениям бытия заполнять мозг.

Удивительно гармоничные личности наших писателей, живописцев, композиторов, ученых XIX века — результат именно такого, благоприятного для мозга и души воспитания. Но и ломала судьбы этих людей окружающая действительность нещадно: состоятельные и просвещенные родители могли обеспечить им идеальные условия только в детстве, только до выхода из родного дома в официальный мир (пансион, университет, военную школу). Между тем уже начавший формироваться Гений прежде всего свобододлюбив, независим, демократичен: он лучше всех понимает и активно исповедует идею равенства и единства людей. Он не способен признавать авторитет места, чина, положения в обществе (а не ума, не великой души, энциклопедической образованности, добытой огромным трудом). Каково же ему, например, в николаевском лакейском обществе?

Защитная кора может быть снята и в зрелом возрасте, и тогда болезненно, поскольку стала прочной. Это может произойти в том случае, если человек, имевший неблагоприятные для развития мозга условия в детстве, огромным напряжением воли, души, интеллекта позже сам разбудил свой полудреmlющий мозг. Разбудил, например, мощным порывом к знаниям, к науке или настойчивым желанием дойти до сути в решении принципиально важных для него и для общества проблем.

Снятие оболочки во взрослом состоянии возможно и в том случае, если человек всю жизнь, несмотря на дремотное состояние мозга, был неизменно добр к людям, трудился не ради лишней «дублинки», а ради общего блага, процветания страны, укрепления ее могущества.

В обоих этих случаях Природа, прежде чем решиться на снятие защитной коры, начинает проверять человека на нравственную стойкость: он проходит через ряд страданий, несчастий, болезней. Сверхзадача всех этих испытаний — выяснить, сумеет ли человек остаться Человеком в любых, даже самых неблагоприятных условиях? Не станет ли лакеем у сильных, чтобы облегчить свою участь,

заслужить их снисходительность? Не озлобится ли: не будет ли за свои несчастья мстить всем окружающим?

Если человек после всех испытаний не сломался, остался нравственно сильным и добрым, если он искал здоровья прежде всего в единстве с Природой, а не в обилии микстур или бутылок другого рода, то Природа начинает доверять человеку — чистоте его помыслов, его мужеству. Она знает теперь, что он не обратит открытую для него мощь космического интеллекта против других людей, не унизит себя воровством, лицемерием, меркантильностью... И вот тогда ему разрешается напором собственной здоровой энергии (но и с помощью Космоса) сбросить защитную кору. Кора трескается — в самом буквальном смысле, и мозг воссоединяется с породившей его материей (или энергией) — с непрерывно струящейся вокруг, насыщенной электричеством и магнитными токами мыслящей энергией пространства.

Выдерживать испытания человеку помогает горячее сердце, открытое людям, и масштаб мысли, величие души, не замыкающейся на собственных бедах, несмотря на выпавшие страдания.

Как в открытый Космос человек не может выходить без скафандра, так в атмосферу открытой для него космической мысли-чувства он не может выходить без встречного вихря идущих от него самого вибраций высочайшей нравственности и молниеносного интеллекта. Это — его естественная защита от «жесткого излучения» космоса, от свободно проходящей через человека электромагнитной мощи, заряженной мыслью-чувством.

Только для интеллекта (без открытого сердца!) подключение к космической энергии так же опасно, как и только для открытого сердца, без развитого интеллекта: в том и другом случае человек может не выдержать мощи нахлынувшей на него информации и будет балансировать на грани душевного заболевания, а то и провалится в него.

Тем не менее к «бредовым» идеям сумасшедших нужно относиться серьезнее: за счет своего состояния они порой прорываются к истине, недоступной «трезвым», здоровым людям (за исключением Гениев), — ведь они находятся в почти постоянном контакте с окружающей мыслящей энергией, не будучи способны отключиться от нее.

Самый большой грех человека перед Природой — грубое, жестокое обращение с душевнобольными: их чувствительность к впечатлениям бытия тысячекратно острее, чем у здоровых людей, поскольку их мозг лишен защитной энергетической коры. Стонет не только страдающий больной человек — стонет вся живая материя вокруг. И расплата за это бывает тяжелой как для виновных в жестокости, так и для всего общества, допустившего преступную жестокость с больными...

Люди смутно чувствуют, что есть какая-то «точка схода» между Гением и сумасшедшим, и, не умея эту точку схода определить, начинают подозревать Гения в том, что он не совсем нормален.

Между тем мозг Гения неизмеримо здоровее и мощнее, чем мозг среднего человека, он выдерживает такие интеллектуальные нагрузки, от которых мозг среднего человека неизбежно вышел бы из строя. Но точка схода у Гения и сумасшедшего все-таки есть: оба они способны «выходить в мыслящий Космос», подключаться к нему — у обоих снята защитная энергетическая кора. Только душевнобольной подключается с уже сломанным непосильной для него нагрузкой мозгом, а Гений — с абсолютно здоровым мозгом. Энергетическая защита гению и не нужна: он способен выдерживать свободное общение с Космосом, не ломаясь.

Итак, не будем считать Гения в какой-то степени ненормальным — он нормальнее нас с вами, потому что гениальность — норма для живой материи Космоса, каковой являемся и мы, люди. Но мы же и превратили себя из Гениев в людей «средних способностей» — превратили отрывом от Матери-Природы, забвением принципов свободы, равенства, братства всех людей на Земле, противостественными условиями своего существования. Противостественность накапливалась из века в век, и наша задача — избавляться от нее, ежедневно и ежечасно. Для того и произошла у нас ломка ненормальных общественных отношений в 1917 году. Нелепо создавать теперь ненормальность новой формы, нового типа...

Как это важно для человечества — беречь своих Гениев! Ведь они создаются ради мощного прогресса во всех областях жизни. Они ведут за собой людей, показывая неисчерпаемость человеческих возможностей...

Если с детства начавший формироваться Гений на каком-то витке стремительной спирали своей жизни свернет на дорогу безнравственности, эгоизма, погони за доходами, а не за Истиной, Природа перестанет развивать его дар. Сколько Гениев остались из-за этого просто талантами!

Для Гения не существует барьеров специализации. Гений — математик, физик понимает Гения-поэта неизмеримо глубже, чем хорошо подготовленный, но средний по интеллекту и широте души филолог. Гении переговариваются через наши головы, над нашими головами. Лермонтов говорит об этом так (в «Вадиме»): «...Великие души имеют особенное преимущество понимать друг друга; они читают в сердце подобных себе, как в книге, им давно знакомой; у них есть приметы, им одним известные и темные для толпы; одно слово в устах их — иногда целая повесть, целая страсть со всеми ее оттенками».

СУД ПОТОМСТВА

Сама для себя я называю Лермонтова светлым демоном.

Есть у людей и другое имя для светлого демона — Гений. Сократ (и Платон) использовал эти два имени на равных и считал, что «все гении представляют собой нечто среднее между Богом и смерт-

ными»; «их назначение — быть истолкователями и посредниками между людьми и богами»; «Пребывая посредине, они заполняют промежуток между теми и другими, так что Вселенная связана внутренней связью» (П л а т о н. Пир).

Оставим V веку до нашей эры терминологию — и оценим глубокую, вечную правду о единстве Вселенной, единстве человеческого общества, через все сложности и беды ведомого своими Гениями, их бессмертной мыслью.

Впрочем, почему же «оставим»? Ведь в своей «научной сказке» я уже нашла объяснение тому, откуда в человеческом сознании появилось понятие «боги»: это — представители Сверхцивилизации, попытавшиеся поднять аборигенов Земли до своего уровня развития. Попытка не удалась, потому что они решили прикрыть слишком ослепительную для малоразвитого сознания правду дымкой лжи. И в результате не только аборигенов не подняли до себя, но и сами утратили связь со Сверхцивилизацией. И только единицы — Гении — сохраняют эту связь до сих пор. Поэтому в их творчестве — и в эпохи безраздельного господства религии, и в эпоху освобождения от ее оков — присутствует парадоксальная для среднего сознания «двойственность»: они признают Вечность, размышляют о бессмертии, об участии Небес в земной жизни, но отрицают религию, бога.

Нельзя с уверенностью сказать, что им известна истина в последней инстанции, — многое, видимо, они постигают интуицией, сами не всегда уверенные в своей правоте. И интуиция подсказывает им, что человек не один на Земле, не один в Космосе, но никакого бога во Вселенной нет. Нет никого, кто по каким-то качествам был бы выше человека на высшем витке его развития.

Вот и творец «Демона», мечтавший после смерти «мир увидеть новый», был атеистом:

Хотя б молитву или злой упрек
Он произнес! Но нет! он был далек
От этих чувств, он век счастливый свой
Опередил неверящей душой;
Он кончил жизнь с досадой на челе,
Жалея, мысля об одной Земле,—
Свой Ад и Рай он здесь сумел сыскать,
Других не знал и не хотел он знать!..

Это из поэмы «Литвинка», 1832 год. Лермонтову 17—18 лет. То есть убеждение — навсегда.

Можно перейти от юной веры (воспитание в семье, влияние принятых в обществе понятий) к атеизму. Но такой путь: вера — неверие — снова вера — для человека невозможен, тем более для Лермонтова, с его мощным интеллектом и широчайшими познаниями в разных областях науки.

Его «с Небом гордая вражда» была враждой с Роком, с Судьбой, а вовсе не с богом. Судьбу же он признавал как ход кометы по предначертанному пути. Но признавал и право самой кометы ре-

шать, подчиняться ли предопределению, или попробовать прочер-
тить среди светил свой путь, по своей воле. Такая борьба — за
свой путь — ему интересна, в отличие от мелких дразг, навязывае-
мых светскими хлыщами. Он и свою возможную гибель всегда
воспринимал как следствие борьбы с Судьбой, а не с людьми:

Нет, не достать вражде твоей
Главы, постигнутой уж Роком!
Он палачам судей земных
Не уступает жертв своих!
Твоя б рука не устратила
Того, кто борется с Судьбой...

«Измаил-бей», 1832 год, то есть тот же год, который оставил
нам свидетельство об атеизме Лермонтова (в «Литвинке»). Впро-
чем, о борьбе с роком Лермонтов пишет часто, и не только от лица
героев...

И вот этот Человек живет среди людей, погруженных в суету
быта, в мечты об эполетах и звездочках, в «жаркую» любовь с
постоянной оглядкой на мнение общества. Среди тех, кто абсо-
лютно не способен мыслить масштабно, чувствовать огненно. Сре-
ди тех, кто и не помышляет ни о какой высокой цели бытия. «Как
это скучно!»

Любое его чувство к человеку из этого убогого мира могло
быть только мимолетным. Или требовалось сохранение большого
пространства и времени между ними, чтобы человек не смог
разрушить свой же образ, перенесенный в облака воображени-
ем поэта.

Великий символ равновесия — шар. Он представляет собой
плотно закрученную вокруг ядра спираль. Вот чем объясняется
неуклонное движение любого небесного тела (в том числе Земли):
идет раскручивание спирали.

Даже покой шара — это потенциальное движение, всегдаш-
няя готовность к ровному и неуклонному раскручиванию спи-
рали.

Если начавшееся движение шара вопреки его «воле» остано-
вить какими-либо хитрыми приспособлениями, уловками, пре-
пятствиями, то остановленная физическая энергия превратится
в психическую и ударит в противника с той же силой, с какой
ударил бы этот шар физически, — но ударит невидимо, а для «толс-
токожего» на первых порах и неощутимо. Реальные, видимые пос-
ледствия этого психического удара скажутся после, потому что
психический удар пойдет по принципу раскручивания спирали
и лишь через определенное время даст видимый результат. Во
времени результат этот будет тем более затянут, чем мощнее
удар: витки психической энергии будут раскручиваться в этом
случае дольше, неуклонно набирая космическую мощь.

Такой же «шар», полный внутренней энергии, представляет

собой каждый здоровый, нравственно сильный человек, устремленный к гармонии. Чтобы не получить от него удара, живя рядом с ним (а удары могут исходить и помимо его воли, по объективному закону справедливости), надо идти с ним «в ногу», то есть тоже устремляясь к гармонии. Если попробовать свернуть такого человека на дорогу зла или остановить его неуклонное движение, непременно получишь спокойно и ровно раскручивающийся вплоть до своего апогея удар. Гибель же светлого, гармоничного человека ведет за собой самый мощный, продолжающийся иногда веками удар по силам зла и разрушения.

Лермонтов — жемчужный шар, запущенный Космосом на Землю, чтобы проверить состояние общества и сделать долговременные выводы.

Его душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!

А теперь вспомним всех, загубленных Николаем I, не только Гениев, но и солдат, крестьян, разночинцев и т.д., и представим ответную силу удара, которую он запрограммировал себе и своему потомству преступными деяниями. И мы получим — 1917 год. Удар по всему царскому самодержавию, затянувшийся во времени в связи с гигантским размахом спирали. В октябре 1917 года спираль раскрутилась до конца — и шар смел с лица земли и николаевское семейство, и всю жадную толпу, стоявшую у трона.

До этого трон и его опора получали неоднократные грозные предупреждающие удары — по мере раскручивания космической «спирали справедливости». Смысл этих ударов был: опомнитесь, перестаньте думать о своих доходах, своих наследниках, своих развлечениях — думайте о народе, о справедливости, еще есть возможность пойти мирным путем. Одним из первых предупреждающих ударов было убийство народовольцами в 1881 году, после неоднократных покушений, сына Николая I, Александра II, а одним из последних — революция 1905 года, как начало завершающего витка «спирали справедливости».

Осуществили все это не «божественные» силы, а силы космические.

Что же это за силы?

Да это же мы — люди! Мы и есть реальные, «воплощенные» силы Космоса. Нет никакого бога — есть мы, люди, как часть Космоса, который мыслит и чувствует вместе с нами и помогает нам восстанавливать нами же разрушенную справедливость. Космос не мстит и не наказывает, Космос вообще не делает ничего за нас, — но он всей своей чистой электромагнитной мощью по-

могает нам бороться с тьмой и хаосом. Именно поэтому предсказание Лермонтова сбылось с пророческой неуклонностью: есть грозный суд — суд людей, исполняющих ненарушаемые законы Космоса.

* * *

ЮРИЙ КОНОНОВ

ШАРОВЫЕ МОЛНИИ ПОД БЕРМУДАМИ?

Читатель нетерпеливый может получить быстрый и окончательный ответ на вопрос о причинах удивительных событий в Бермудском треугольнике, лишь прочитав название статьи без вопросительного знака. Такой короткий ответ удовлетворит и читателя всеядного, одинаково верящего в нападение на корабли неизвестных морских чудовищ или захват судов и пленение экипажей летающими и подводными НЛО, управляемыми пришельцами из Вселенной или даже из будущего.

Однако читатель любознательный и думающий ждет пояснений и доказательств, тем более что шаровые молнии, как мы твердо знаем, образуются в атмосфере земли, а не под водой. А чтобы подойти к проблеме образования шаровых молний и показать, что *они могут возникать и над землей и под водой*, надо изложить законченную систему взглядов, новую теорию геологической эволюции Земли, развиваемую украинским ученым О. И. Слензаком, и вместиť все в ограниченные рамки очерка. Только направленность настоящего сборника, жанр научной фантастики позволяет многие положения новой теории обозначить пунктиром, иногда даже расплывчато и не потому, что неясно и не доказательно, а для того, чтобы все-таки дойти до конца нашей темы и постараться понять, какая сила бушует иногда в морских пучинах Бермудского треугольника.

Большое усилие воли потребовалось автору, чтобы не начать очерк с описания хотя бы кратких подробностей таинственных катастроф в Бермудском треугольнике — треугольнике смерти, море привидений и кладбище Атлантики. Систематизация сведений о времени катастроф, состоянии погоды, наблюдаемых изменениях в природе, различных физических явлениях, а также обобщение свидетельств очевидцев, гипотез и догадок о причинах бедствий в океане в какой-то мере подготовили бы читателя к лучшему восприятию новых представлений о развитии Земли, тем более что уже известен главный вывод об энергетической природе грозных явлений в этом районе земного шара. Однако загадки Бермудского треугольника представляют лишь частный случай новой теории, и поэтому автор в ущерб внешней занимательности считает необходимым сконцентрировать внимание читателя на главных теорети-

ческих представлениях о развитии Земли и связи многих природных земных и космических явлений, проявляющихся в виде грозных, и как мы часто считаем, стихийных событий, в том числе и в Бермудском треугольнике.

По пути к Бермудам нам предстоит сделать несколько шагов, измеряемых миллиардами и сотнями миллионов лет, после каждого шага, как при восхождении на Эверест, потребуется передышка, и главным во время остановок будет не затянуть пребывание на площадках отдыха и кругового обзора. Чтобы сохранить стройность теории, свой путь мы должны начать с образования планеты Земли*.

Радиоактивный распад химических элементов — превращение одного изотопа в другой — есть не частный случай, а общее свойство земного вещества...»

Академик В. И. Вернадский

Планета Земля, как полагают, образовалась в результате спекания, агломерации метеоритов и метеорной пыли из космического облака. Естественно, минералы и отдельные элементы метеоритов прошли различный путь не только в пространстве, но и во времени, последнее обстоятельство имеет решающее значение. Превращение одного химического элемента в другой по своим конечным результатам меняет всю геохимию планеты.

На космическом этапе развития Земли не существовало атмосферы и гидросферы и первоначальные изменения метеоритного вещества выражались в уплотнении под действием силы тяжести и перекристаллизации в твердом состоянии.

Исходными, наиболее распространенными элементами метеоритов являются кислород, магний, кремний, железо и кальций, то есть те элементы, которые и сейчас слагают океаническое дно — так называемую симу. Каждый элемент периодической системы Менделеева имеет свой период полураспада, то есть ядра любого элемента могут самопроизвольно превращаться в ядра другого элемента; возникновение и накопление новых химических элементов может происходить также под воздействием космической радиации и излучений при распаде радиоактивных элементов. Этот, казалось бы, банальный факт превращения элементов в условиях космического этапа развития Земли означает возникновение в первичной земной коре прежде всего алюминия, натрия и калия — главных элементов континентальной земной коры — сиалы и образование полевых шпатов и кварца — главных составных частей гранитов.

---

* Упоминаемые ниже и другие вопросы эволюции Земли и жизни более полно освещены в работах О. И. Слензака: «Вихревые системы литосферы и структуры докембрия». — Киев, Наукова думка, 1976; «Локальные структуры зон напряжения докембрия». — Киев, Наукова думка, 1985.

При гранитизации происходит увеличение объема породы и, как следствие, наблюдается всплывание более легких гранитных масс (континентов) в симатическом материале. Одновременно с процессом гранитизации происходит базификация, то есть образование пород, в составе которых преобладает магний, кальций и железо. Таким образом происходит планетарная дифференциация вещества. Направленное изменение элементарного состава вещества является главным итогом космической стадии развития Земли и основной предпосылкой ее геологического развития.

В структурном, кристаллохимическом отношении процесс образования гранитов отражает борьбу и исход борьбы между исходными железо-магний-кальциевыми элементами, с одной стороны, и щелочами и алюминием, с другой, за овладение кремнекислородной основой; побеждают щелочи и алюминий. При этом дело, естественно, не в самих щелочах и алюминии, а в том, что кремнекислородная основа, занимающая до 97 процентов объема пород, использует щелочи и алюминий для перехода в энергетически более устойчивое состояние, образуются структуры с наименьшим запасом свободной энергии в соответствии со вторым принципом термодинамики. И если в исходных минералах отношение кислорода к кремнию составляет 4:1 и 3:1, то во вновь образованных минералах гранитов это отношение равно 2:1, что приводит к высвобождению огромного количества свободного кислорода.

Кроме кислорода, из первичных минералов высвобождается водород и образуется вода. Появление воды знаменует начало геологической истории планеты.

Гидросфера, атмосфера и биосфера возникли вследствие гранитизации первичного вещества Земли.

Вероятно, первые континенты имели незначительные размеры, а первичный океан был мелководный.

Можно было бы сделать следующий шаг к разгадке Бермуд, но разве не любопытно узнать, почему морская вода соленая, почему много солей и газов в нефти, почему в нефтяных районах находят рудные месторождения?

Один из парадоксов планеты относится к солевому составу Мирового океана, так как количество солей в океане во много раз превышает суммарное количество солей, которые можно было бы получить, даже растворив в воде все существующие континенты, а ведь соли в морскую воду, мы это знаем с детства, поступают с материков в результате размыва последних.

Для ответа на эти вопросы нам необходимо остановиться и даже вернуться к грандиозному планетарному явлению — гранитизации симатического субстрата.

Величайший паразитизм нашей планеты — симатическое ложе океанов — соленая вода — не случайность, а генетическое единство.

О. И. Слензак

Породы первичной земной коры, естественно, имеют в своем составе не только элементы, необходимые для образования гранитов. Из первичных пород симатического субстрата в процессе гранитизации будет мигрировать целый ряд химических элементов, среди которых можно выделить инертные газы, в том числе гелий, а также водород, азот, метан, углекислый газ и сероводород. Элементы и соединения этой группы характеризуются наибольшей подвижностью и, по-видимому, отделяются в первую очередь.

Кроме газов, из первичных пород будет выделяться группа химически активных и мало растворимых в силикатах элементов, в первую очередь натрий и калий, не вошедшие в состав гранитов, а также хлор, сера, барий, кальций, йод, бром, радиоактивные, редкоземельные и другие элементы.

Одного только перечня элементов, выделяющихся из первичных пород, достаточно, чтобы стали понятными многие особенности вод морей и океанов.

Становится понятным богатство и насыщенность океанической воды самыми различными элементами — это не только соли, ответственные за горько-соленый вкус морской воды, это и огромная масса растворенных в воде металлов, включая серебро и золото.

О том, что не породы континентов снабжают океаны солями, говорят результаты взаимодействия морской воды и гранитов, при котором именно щелочи из морской воды диффузионным путем мигрируют в гранит с образованием щелочных минералов, а вода обогащается магнием, кальцием и железом. Таким образом, граниты, континенты, суша в целом не только не поставляют в океан натрий и калий, а, наоборот, частично используют их, понижая соленость морской воды. Не потому ли и все речные воды остаются пресными, независимо от того, какие породы они размывают?

Выделение многих элементов в трещинные воды, поступающие в Мировой океан, приводит к образованию солей в форме растворов и рассолов, обуславливает формирование «нефтяных» вод, рудных концентраций и пр. Становится понятным, почему в одном и том же нефтегазоносном районе устанавливаются струи инертных газов и газоносность, а сами горючие газы всегда имеют в своем составе гелий и азот, на что уже обращал внимание В. И. Вернадский.

Получает объяснение постоянное присутствие в нефтегазоносных районах натрия, калия, хлора и серы и обогащение нефтяных вод йодом, бромом и радием. И сама нефть, имея неорганическое происхождение, занимает четкие структурные позиции в зонах гранитизации. Приближается нефтяной бум на континентах. Закончим наш круговой обзор заключением, что наблюдаемое в нефтегазоносных районах совместное нахождение *г а з а — н е ф т и — с о л и*, а также ряда рудных месторождений не случайность, а все эти образования с необходимостью возникают как отторженцы исходного симатического вещества при его преобразовании, и не материи, а дно океанов ответственно за засолонение морских бассейнов.

Трудно оторваться от соблазнов морской воды, но пора уже сделать следующий шаг на пути к разгадке Бермудского треугольника.

Вращение Земли вызывает мощные силы, движущие громадные массы воздуха. Эти же силы движут еще более значительные и тяжелые массы воды. Эти же силы существуют и в твердой коре.

Академик Д. В. Наливкин

Академик Д. В. Наливкин говорил, что движения в воздушной среде — атмосфере — мы знаем хорошо, движения в водной среде — гидросфере — мы знаем хуже, но все же удовлетворительно, а движения в твердой среде — литосфере — мы не только не знаем, а даже иногда отрицаем их существование.

При изучении структуры континентов установлены многие факты, которые указывают на то, что преобразование земной коры происходит в *полях напряжений вращающейся Земли*.

Вихревые системы литосферы по форме, характеру их сочетания, размерам и направлению закрученности весьма сходны с циклонами, природа которых еще не понята. Большое сходство с вихревыми системами литосферы обнаруживают морские и океанические течения. Сходство вихревых образований атмосферы, гидросферы и литосферы не случайно, и в факте вращения Земли проблема образования вихрей имеет прочную основу для своего решения.

Природу сдвиговых сил литосферы можно понять, сравнив с природой циклонов. Известно, что в Северном полушарии области вихревого вращательного движения атмосферы — циклоны — возникают в связи с областями относительно пониженного атмосферного давления, выступающими в качестве центров атмосферных вихрей. Без области пониженного давления, без области с дефектом (недостатком) массы вихревое движение не возникает.

Логично предположить, что и для возникновения в литосфере напряжений вращательного сдвига также необходимо возникновение областей пониженных значений гравитационного потенциала, областей с дефектом массы. При этом, если для возникновения атмосферных вихрей достаточно незначительных размеров областей пониженных давлений, измеряемых десятками-сотнями километров, то области дефекта масс литосферы должны обладать очень большими размерами, измеряемыми тысячами километров в диаметре. Подобных масштабов перераспределение гравитирующих масс Земли регулярно происходит в ходе суточного вращения Земли в виде лунно-солнечных приливных движений, которые производят достаточно равномерный «массаж» планеты.

При рассмотрении строения разных участков литосферы выявляется, что вихревые системы ее располагаются не изолированно

друг от друга, а взаимопереходят одна в другую, образуя общепланетарную систему, функционирование которой весьма эффективно снимает порождаемые вращением Земли напряжения.

Естественно, что в разных частях вихревых систем создаются различные термодинамические условия; в результате области различных состояний напряженности *первично однородного вещества* литосферы преобразуются в *области, различные по составу*. Вращательное движение Земли создает вихри литосферы — *окаменевшие вихри*, расположение и способы сочетания которых между собой со всей определенностью указывают на отсутствие явлений вращения и перемещения материков.

Континенты сложены ассоциациями пород, породы — минералами и, наконец, минералы — атомами. И сколь бы ни был велик участок литосферы, находящийся в поле сдвиговых напряжений, и какое бы разнообразие минералов, пород и их ассоциаций этой системой ни охватывалось — противостоит этим напряжениям химическая связь между атомами минералов. Нельзя нарушить целостность литосферы, не разорвав химическую связь. Из этого следует, что в основе механизма снятия напряжений в литосфере лежат физико-химические превращения.

Это означает, что напряжения оказывают непосредственное влияние на поведение атомов химических элементов во всех звеньях; изменяются и возникают новые минералы, породы и крупные геологические структуры. Однако очень важно знать, каким образом происходит снятие тектонических напряжений и к чему это приводит.

Это она, дисимметрия, творит явления.

П. Кюри

В механике при кручении валов, стержней разрушение происходит по одной поверхности, хотя до разрушения весь объем детали в области сдвига находился в напряженном состоянии.

В геологии явления происходят сложнее, чем в механике. Однако в принципе важно, что точно так же, как и в механике, при напряжении твердых тел в литосфере разрядка накопленных напряжений происходит в локальных объемах тела, в определенных зонах.

Геологические процессы в литосфере и земной коре происходят в закономерно неоднородном дисимметричном пространстве. И все уровни организации материи, участвующие в геологических процессах, от гигантских геотектонических систем до молекул должны в той или иной форме отражать дисимметрию среды, в которой они образовались.

Проследив процесс гранитизации и роль сдвиговых деформаций в составе и строении земной коры, мы вплотную подошли к решению поставленной задачи — каким образом и где происходит энергетический выброс в виде шаровых молний или иным путем.

Для этого нам необходимо лишь понять механизм образования деформационных структур, его физическую сущность.

Но как не сделать еще одну остановку и не затронуть проблему, интересующую не только богословов, философов и естествоиспытателей, но и каждого человека,— проблему происхождения жизни. Тайна происхождения жизни приобрела неодолимое очарование для всего человечества.

Возникновение жизни являлось неотъемлемой составной частью общего эволюционного развития нашего мира.

Академик А. И. Опарин

Сейчас считается общепризнанным, что возникновение жизни на Земле представляло собой закономерный процесс, вполне поддающийся научному исследованию.

Когда, где и при каких условиях могла впервые появиться жизнь, какими путями неживое могло постепенно стать живым? Проследим лишь геологические истоки жизни, остановившись на двух главных моментах: составе и структуре органических веществ. Все растения, все животные, морские или наземные, от водорослей и вируса до кита или слона основаны на поразительно небольшом наборе главных органических соединений. В конечном счете это означает, что все живое имеет общее происхождение. Природные органические соединения — белки, углеводы, жиры и другие вещества состоят в основном из углерода, кислорода, водорода, азота и фосфора. Откуда взялись эти элементы? Ответ нам известен — граниты в процессе своего становления дали все необходимые вещества для создания верхних геосфер Земли — атмосферы и гидросферы, а затем также и биосферы и тем самым создали среду для возникновения жизни на Земле. Можно сказать, что гранит — это камень жизни.

Характерно, что интенсивные поиски первичных живых организмов не дали пока результата. Даже в наиболее древних породах найдены остатки организмов, обладавших по всем признакам более высокой организацией, чем предполагается для первичных организмов. Некоторые исследователи вынуждены с досадой признавать, что животные вроде радиолярий или водоросли так же далеки от истоков жизни, как реактивный самолет от одноколесной тачки.

Если же исходить из того, что и в наши дни, как и несколько миллиардов лет назад, действуют те же планетарные силы превращения и перестройки вещества, в конечном итоге приводящие к образованию органических соединений, и химические процессы преджизни были такими же сложными, как и биохимические процессы современной жизни, то отпадает необходимость искать простые формы первичной жизни. Сложное дисимметричное строение каменных вихрей предопределяет высокую организацию, дисимметрию органических веществ.

Ни одна другая химическая особенность не отличает так живое вещество от любого иного, как его оптическая активность, то есть способность вращать плоскость поляризации света, причем оптически активные структуры влияют на проходящий через них свет потому, что молекулы расположены дисимметрично, винтообразно.

Все органические соединения существуют в двух вариантах, левовращающей или правовращающей форме стереоизомеров. И закон нерушим: в современном живом веществе ни одно из веществ не присутствует в виде смеси стереоизомеров, оно всегда обнаруживается только в одной из двух форм, отсюда бытует утверждение, что только живая материя может создавать другую живую материя. Разделение левых и правых форм наблюдается и в неживой природе, то есть существование стереохимических форм является общим законом природы.

Органический мир состоит из тех же химических элементов, что и неорганический, нет никакого сомнения, что эволюция элементов, имеющая место в неживой природе, продолжается и в живом организме. Попадая в организм, химические элементы также могут спонтанно делиться, что сопровождается вредным излучением и образованием новых, возможно, необычных для организма изотопов. Это должно приводить к образованию новых, отличающихся от обычных по своей структуре тканей в организме. Иными словами, явление радиоактивного распада, а точнее, синтез новых изотопов в живом организме может быть причиной злокачественных опухолей. Если это так, то становится понятной массовая гибель организмов в эпоху горообразовательных процессов, когда массовая перестройка структур минералов освобождает значительное количество радиоактивных изотопов. Теория катастроф Кювье таким образом наполняется физико-химическим смыслом.

Нам стала ясной одна из причин планетарных катастроф — массового вымирания организмов, но к катастрофам в Бермудском треугольнике эта причина никакого отношения не имеет. Мы затронули вопрос о жизни и ее развитии, как неотъемлемой составной части эволюции Земли. В Бермудском треугольнике, как и в других местах Земли, проявляется необузданная и во многом еще загадочная мощь развивающейся планеты.

Только тогда можно понять сущность вещей, когда знаешь их происхождение и развитие.

Гераклит Эфесский

Речь идет о физической сущности образования деформационных структур в условиях вращающейся Земли, о том, что происходит с минералами и породами в процессе их деформации.

Прежде всего надо знать, какого рода деформации происходят в земной коре, а это не такое простое дело, как может показаться с первого взгляда. Даже в зависимости от времени дейст-

вия деформации материалы могут вести себя совершенно различно. Например, вода обычно ведет себя как жидкость с весьма малой вязкостью, но при весьма кратковременных нагрузках подобна упругому телу и может разрушаться хрупко с образованием и развитием трещин. Наоборот, оконное стекло, которое обычно считается упругим телом, близким к идеальному, при весьма длительных нагрузках течет подобно вязкой жидкости. Силикатные породы деформируются только хрупко, но иногда в земной коре создаются условия, при которых пластическая деформация пород становится возможной. На механизм деформации пород прежде всего оказывает влияние неоднородность земной коры и ее блоковое строение.

Второй момент, оказывающий чрезвычайно глубокое воздействие на характер проявления тектонических движений, — частота суточного вращения Земли, когда каждый участок земной поверхности на протяжении суток четыре раза оказывается в экстремальных условиях прилива и отлива, причем приливные деформации охватывают твердую оболочку Земли до глубины 600 километров, а скорость распространения бегущей волны доходит до 1600 километров в час.

Оставим в стороне геологические аспекты взаимодействия блоков: землетрясения, вызванные срывом в области контакта блоков, образование линейно-дуговых структур сдвига, качения и скручивания и распределение в них рудных концентраций, характер геофизических полей и пр. и перейдем, наконец, к заключительной, энергетической части геологических процессов.

Итак, каково же распределение тектонической энергии? Как установлено, на перемещение, механическую деформацию горных пород расходуется только один процент тектонической энергии. Энергия при деформации расходуется прежде всего на разрыв химических связей элементов, а это приводит к тому, что электроны получают избыточную энергию и переходят в возбужденное состояние. В самом общем виде механическая энергия, израсходованная на разрыв межатомных связей и обусловившая возбуждение электронов, превратится в тепловую после того, как возбужденные электроны перейдут на более низкие энергетические уровни и начнется ассоциация атомов, образование новых химических связей.

Однако представление о *з о н н о й* структуре кристаллических веществ вносит решающую поправку в общепринятую схему энергетических превращений. Именно зонная структура твердых тел в конечном счете определяет те фантастические последствия тектонической деформации, к описанию которых мы неуклонно приближаемся и которые имеют самое многообразное и неожиданное проявление. Зонная структура твердых тел определяется существованием валентной зоны и зоны проводимости. Электроны валентной зоны обеспечивают взаимосвязь атомов в кристаллах, образуя как бы их силовой каркас, они имеют определенный уро-

вень энергетических состояний. При разрыве атомных связей электроны получают избыточную энергию, и если энергия электронов валентной зоны превышает энергетический барьер, происходит переход, перескок электронов на более высокий энергетический уровень в зону проводимости и... возникает качественно новое, плазменное состояние вещества, в твердом теле возникает высокоэнергетическая плазма, названная деформационной силикатной плазмой. В твердом теле присутствует плазма, температура электронного газа которой превышает 135 000 градусов, причем это средняя температура. Высокоэнергетические электроны в зоне проводимости являются свободными, и при поступлении энергии из источника они получают направленное движение — сток, причем скорость передачи энергии в плазме различная, но достаточно высокая, от ста до ста тысяч километров в секунду. Частота суточного вращения Земли, как мы отмечали это для приливно-отливных движений, придает процессу образования деформационной плазмы импульсный характер.

Деформационная плазма порождает экситоны — устойчивые, относительно долго живущие частицы, несущие значительный запас энергии. В тектонических системах происходит образование, накопление и вынос экситонов в определенных тектонических позициях структур. Экситонные тектонические позиции являются областями выноса энергии, причем энергии в форме наиболее легкоусваиваемой веществом, в том числе и живым.

В связи с вопросом об экситонном «дыхании» тектонических структур следует упомянуть о необъяснимо интенсивном росте растений на Камчатке, где при предполагаемой плазменной подпитке вулканических очагов возможно животворное обогащение экситонами окружающей среды, о выращивании арбузов на Соловецких островах, о целебных свойствах соляных шахт, где вероятно выделение экситонов из солей в шахтную атмосферу, наконец, особые лечебные свойства таких известных курортов, как Кисловодск, где главным лечебным фактором признается особая ионизация атмосферного воздуха. Крайне заманчиво предположение, что именно экситонный «выдох» одной или многих тектонических структур буквально «вдохнул» жизнь в биологически активные вещества, постоянно образующиеся, как было упомянуто в начале очерка, при тектонических деформациях, и таким образом, «первичная» жизнь на Земле, по сути, многократно возникает в благоприятных условиях на протяжении всей геологической истории планеты. Истечение экситонного газа может происходить не только малыми порциями, обуславливая «дыхание» тектонических структур. Учитывая импульсный характер образования и накопления плазмы, можно ожидать прерывистого, импульсного выброса экситонного газа крупными порциями с образованием газового плазменного сгустка — шаровой молнии. Вот мы и добрались до конца нашего длинного пути от метеоритного облака до плазменных сгустков. Непредсказуемость поведения и огромная разрушитель-

ная сила шаровых молний хорошо известны. Исходя из развиваемых представлений о земном, тектоническом происхождении деформационной плазмы и экситонов, проявляющихся и в виде шаровых молний, логично ожидать образования концентраций экситонов — шаровых молний в любой среде, как на поверхности суши, так и на морском дне.

Кратковременный энергетический выброс может поднять массу морской воды — и образуется цунами. Привычным стало объяснять образование цунами подводными извержениями, но не всегда эти подводные извержения можно обнаружить. Вспомнив, что и магмообразование, и экситонный выброс имеют общую энергетическую природу, мы поймем, почему иногда цунами возникает без каких-либо видимых причин. А если будет экситонный выброс значительным, достаточно плотным, в виде шаровой молнии, но под водой? Вот теперь самое время обратиться к явлениям, наблюдаемым в Бермудском треугольнике.

Мы не видим земли... Мы опускаемся в белые воды...

Из последних радиogramм экипажей исчезнувших самолетов.

Итак, что же происходит в Бермудском треугольнике? Одна из самых ошеломляющих загадок этого района — внезапное исчезновение судов и самолетов, со многими из которых вплоть до их гибели поддерживалась нормальная радиосвязь. Они исчезают, «переходя как бы в другое измерение путем дезинтеграции или дематериализации в сверхсильном магнитном или электрическом поле *». Не имея правдоподобного объяснения, многие авторы намекают на захватывающую дух космическую стихию и возможные нападения НЛО, что стало неотъемлемой частью легенд о Бермудском треугольнике. Бесследное исчезновение за последние четверть века более тысячи человек дало толчок к созданию современной «научной гипотезы» о «вознесении» людей в космические дали под воздействием гравитации (вернее, левитации.— Ю.К.) или в результате прямого вмешательства инопланетян.

Некоторые суда терпели бедствие в районе Бермудского треугольника во время шторма. Гибель судов во время шторма — «обычное» дело, однако в «нашем» районе бросается в глаза одно интересное обстоятельство: сильнейший шторм бушует на *крайне ограниченной площади*.

Доктор Кл. Рут из университета в Майами считает, что «главной причиной катастроф в этом районе являются господствующие там метеорологические условия с характерными для них *внезапными резкими ухудшениями погоды на относительно небольших пространствах*». Многие отмечают, что капризы погоды в Карибском море непредсказуемы

---

* Все цитаты в этом разделе взяты из книги Г. Хефлинга «Все «чудеса» в одной книге». М. «Прогресс», 1983.

и часто застают врасплох пилотов и моряков. И действительно, судно может потерять управление, не быть способным к маневру и т. д., даже затонуть. Но, например, на японском грузовом судне «Ранфуку-Мару», которое находилось в крайне плачевном состоянии, когда к нему подошло другое судно, не было *никого из членов экипажа*. Можно было бы согласиться с мнением, что вся команда была смыта за борт, если бы не последнее драматическое сообщение по радио: «Это как удар кинжалом... Скорее на помощь!.. Скорее, нам не спастись!» Такую радиограмму не посылает смываемый за борт. О невыносимой и резкой боли при ударе молнии рассказывают немногие оставшиеся при этом в живых. Нечто сходное, вероятно, испытывают пытаемые электрическим током.

Шторм на море, резкий подъем воды можно считать лишь первой стадией проявления энергетического выброса. При этом «небо кажется желтым и туманным (при ясной погоде), а море (которое повсюду совершенно спокойно) выглядит необычно». И, вероятно, когда энергетический выброс достигает поверхности океана, когда происходит испарение воды, а при высокой температуре и ее разложение на свободные кислород и водород и взрыв последнего, в архивах следственных комиссий остаются странные сообщения пилотов исчезнувших самолетов: «Мы не можем определить свое местоположение... мы не видим земли... мы, кажется, заблудились... Кажется, что мы вроде... опускаемся в белые воды...» — так радиовало звено бомбардировщиков-торпедоносцев военно-морских сил США, которое в количестве пяти самолетов исчезло, как и посланный вслед поисковый самолет. И когда поступает с командно-диспетчерского пункта команда вроде: «Держите курс на запад», в ответ приходит: «Мы не знаем, где запад. Ничего не получается... странно. Мы не можем определить направление». Совершенно ясно, что энергетические помехи (мы часто говорим — атмосферные помехи) не только затрудняют радиосвязь, но и приводят к необычному поведению компасов и выходу приборов управления из строя. Некоторые свидетели видят «красный огненный сноп», «...какой-то взрыв в небе». При поисках бразильского военного судна «Сан-Паулу» поступали «странные сообщения о каких-то непонятных огнях, замеченных ночью и ранним утром, на следующий день с самолетов наблюдали черные фигуры или массы на поверхности моря, которые, правда, сразу исчезли». От грузового судна «Сильвия Л. Осса» остался обожженный спасательный круг. Конечно, многие самолеты и суда не «испаряются» экситонными (плазменными) выбросами, они теряют управление и ориентировку, иногда, вероятно, возникают пожары, а разбушевавшееся море навеки скрывает в своих пучинах следы трагедий и катастроф.

Вспомним еще один факт. При вылете пяти бомбардировщиков-торпедоносцев военно-морских сил США, которые вскоре исчезли, «будто бы провалились в дыру в атмосфере», в составе их

экипажей не хватало одного человека. Он просил освободить его от полета «по интуитивным мотивам». Далее. «Одно из самых поразительных предсказаний было сделано Эдгаром Кейсе, «спящим проповедником», спиритом и чудотворцем (сейчас бы сказали — экстрасенсом. — Ю. К.), умершим более сорока лет тому назад. Кейсе утверждал, что жители Атлантиды якобы использовали кристаллы в качестве источника энергии. Впоследствии они захоронили эти кристаллы в пучинах моря к западу от острова Андрос из Бagemской группы островов, где происходило множество несчастных случаев. Кейсе утверждал, что там, на глубине полутора километров, есть *неизвестный источник энергии*, который по сей день оказывает влияние на компасы и электронику современных кораблей и самолетов».

Оставим в стороне дискуссию о биополе, экстрасенсах и пр. Для нас важен факт даже интуитивного чувства человеком повышенного энергетического состояния в каком-то районе. В целом существование такого чувства у живых организмов не подвергается сомнению, достаточно вспомнить поведение змей, грызунов, птиц и других животных перед землетрясением, известные факты ухода акул и, по-видимому, рыб и других морских обитателей Бермудского треугольника перед «моретрясением». Не выбрасываются ли и киты на берега Флориды, чувствуя приближение энергетического взрыва?

Хочется обратить внимание читателя на уникальное развитие водорослей в Саргассовом море. Подобное буйство органической жизни в море, как и крайнее плодородие вулканического пепла на суше, можно объяснить колоссальной экситонной подпиткой, причем неудержимый рост водорослей в Саргассовом море, буквально захватывающий корабли в плен, свидетельствует о постоянном экситонном дыхании Бермудской тектонической структуры, и шаровые молнии — энергетические выбросы со дна океана представляют собой лишь довольно редкие эпизоды в жизни этой структуры.

Не нуждаются ли угри для размножения в повышенном энергетическом «питании»? Если они нуждаются в подобной подпитке, то станет ясной их загадочная до сегодняшнего дня сезонная миграция из наших северных морей в Саргассово море и обратно.

Ко всему этому можно добавить, что «рельеф морского дна в районе между островом Пуэрто-Рико и Бермудскими островами *очень сложен*: мелководные банки чередуются с глубоководными впадинами» — это является типичной структурой вихревой — планетарной системы.

К специфическим условиям этой части океана надо отнести и Гольфстрим с его бурным и вихреобразным течением, причины которого надо искать в тектонической структуре морского дна.

Если говорить о планетарных структурах, то район Бермудского треугольника окаймляется гигантской дугой Северо-Американской вихревой системы, в которой генерируются мощнейшие энергетические потоки. Вполне возможно, что на мощность энергетических

выбросов в тектонических структурах Бермудского треугольника оказывает влияние и Северо-Американская дуга, работающая по принципу соленоида.

Во многих тектонических структурах происходит истечение экситонного газа, им обогащается атмосфера Земли, и существует, вероятно, сложное, но закономерно ориентированное теми же планетарными тектоническими структурами общеземное энергетическое поле. Не оно ли помогает птицам во время изнурительных перелетов? Трудно представить огромные энергетические затраты перелетных птиц без их хотя бы частичного восстановления, без дополнительной энергетической подпитки.

Гибель Атлантиды может быть вызвана теми же явлениями, которые наблюдаются в районе Бермудского треугольника. Лишь зная крайнюю степень нервного истощения редакторов, заваленных сочинениями по Атлантиде, автор оставляет эту тему на другой раз.

В течение геологической истории Земли менее одной десятой части первичной земной коры превратилось в граниты. Это привело к грандиозным преобразованиям вещества, возникновению жизни и эволюции живой материи от простейших организмов до человека.

Развитие Земли идет во все возрастающем темпе. Человеческий разум лишь только начал познавать свои фантастические возможности. И образ Антея, остающегося могучим и непобедимым в единении с матерью Землей, приобретает четкий энергетический смысл.

* * *

ВАЛЕРИЙ РОДИКОВ

К ЗВЕЗДАМ ПОД РАДИОПАРУСОМ

Фантасты давно побывали на планетах у чужих солнц и познакомились с их обитателями. Но на самом деле с планетами в других мирах нет ясности: существующими методами пока невозможно достоверно обнаружить планеты даже у ближайших к нам звезд. Однако ученые уверены, что планеты вращаются вокруг многих звезд, только лететь туда очень далеко. Сможем ли мы устремиться к ним?

По прогнозу, сделанному в начале 80-х годов, ракетная техника к 2000 году позволит запустить космический аппарат, скорость которого в момент, когда он покинет Солнечную систему, будет составлять около 100 километров в секунду. Но даже при такой скорости полет до ближайшей звезды займет около 10 тысяч лет.

Летающая ныне американская станция «Вояджер-2», запущенная в августе 1977 года, достигнет планеты Нептун, которая находится от нас на расстоянии в 10 тысяч раз дальше, чем Луна, в августе 1989 года. Ну а до ближайшей к Солнцу звезды проксима

Центавра еще в 10 тысяч раз дальше: она удалена от нас на 40 триллионов километров или на 4,3 световых года. Когда «Вояджер-2» выйдет из Солнечной системы, его скорость будет равна 16 километрам в секунду, и, чтобы долететь до ближайшей звезды, ему потребуется 80 тысяч лет...

Как перевозить эту даль? Проекты фотонных ракет, суперкораблей со сменой поколений космонавтов практически неосуществимы.

Но возникли новые идеи. По всей вероятности, к ближайшей нам звезде проксиме Центавра первым полетит автоматический корабль под парусом. Попутным ветром для него будут сверхвысокочастотные (сокращенно СВЧ) радиоволны, или иначе — микроволновое излучение.

Со школьной скамьи мы знаем, что солнечный свет оказывает давление. Выдающийся опыт русского физика П. Н. Лебедева, поставленный в 1899 году, показал, что солнечные лучи вращают лопасти вертушки созданного ученым прибора. Сомнений больше не было: световое давление — не теоретическая иллюзия из уравнений Максвелла, оно действительно существует.

Это послужило в свое время источником многих гипотез, в том числе модной и поныне идеи панспермии. Шведский ученый Сванте Аррениус попытался объяснить возникновение жизни на Земле пришествием мельчайших зародышей и спор простейших организмов с других миров. Он полагал, что они могут выталкиваться за пределы планетных систем световым давлением.

Были и совсем курьезные идеи. Одна французская газета писала, что давление солнечных лучей оказывает наилучшее массирующее действие на человеческое тело, и чем южнее, тем массаж эффективнее. Сам Лебедев, узнав об этой газетной заметке, шутя заметил, что истинная популярность научного открытия начинается тогда, когда слава о нем распространяется за круги специалистов и дебатировается в среде профанов.

В 1920-х годах К. Э. Циолковский и Ф. А. Цандер высказали идею космического паруса, движимого солнечным светом. Потом эта мысль перекочевала на страницы научно-фантастических книг, а затем и в технические проекты инженеров.

Как же выглядит солнечный парус? По одному из проектов, в космосе на расстоянии ста тысяч километров от Земли развертываются 12 пластиковых лепестков общей площадью 600 тысяч квадратных метров наподобие гигантского цветка подсолнуха, вращающегося вокруг своей оси. Огромные лепестки сделаны из алюминизированного пластика толщиной 2,5 микрона. Они образуют что-то вроде двух шестилопастных винтов, надетых на одну ось. Длина каждой лопасти-лепестка 6250 метров, а ширина 8 метров. Гигантская поверхность, обращенная к Солнцу, служит двигателем космолета. Солнечный парус наиболее эффективен при полетах в направлении от Солнца, но как и морской парусник, он может плыть и против «ветра», навстречу Солнцу. Такой корабль сможет

привести на Землю образцы марсианских пород, по всей видимости, до конца столетия.

Но на солнечном ветре к звездам не уедешь. Чем дальше от Солнца, тем слабее его лучи. Это ограничивает применение парусников пределами Солнечной системы. А нельзя ли создать мощный источник света и надуть им паруса межзвездной каравеллы? И такой прибор для излучения света есть — это лазер.

В США ведутся работы по созданию лазеров с большой мощностью излучения, но, к сожалению, они предназначаются для «звездных войн». А ведь их энергией можно бы наполнить паруса космического корабля.

Для первого знакомства с миром соседней звезды лучше подойдет не луч лазера, а сверхвысокочастотный радиолуч. Радиоволны, как и свет, тоже «давят», они со светом из одной «породы» — электромагнитных излучений. По теории, давление электромагнитных волн пропорционально энергии их кванта, то есть энергии тех элементарных доз излучения, из которых складывается электромагнитный поток.

Энергия кванта тем больше, чем меньше длина волны, или иначе, чем выше частота колебаний. Даже в самой «мощной» части СВЧ диапазона — у субмиллиметровых волн — энергия кванта в сотни-тысячи раз слабее, чем у кванта света. И все-таки радиоволны лучше всего подходят на роль космического ветра для межзвездного парусника.

Дело в том, что для «радиоветра» парус можно сделать «дырявым», из тонкой сетки, а следовательно, очень легким. Для света такой парус был бы негоден. Ему нужно сплошное зеркало.

Интересно, что способность радиоволн непосредственно приводить в движение материальный объект была продемонстрирована еще 20 ноября 1894 года будущим изобретателем радио А. С. Поповым на заседании Русского физико-химического общества. Александр Степанович собственноручно изготовил занимательный прибор. Он взял стеклянный баллон высотой около 15 сантиметров и диаметром около 3 сантиметров. Внутри баллона на особом подвесе, впаянном в его верхнюю часть, была укреплена свободно вращающаяся легкая крестовина, а к ее концам подвешены четыре платиновых листочка. Из баллона был выкачан воздух.

Как только Попов включал находящийся в другом конце комнаты искровой разрядник, служивший источником радиоволн, «карусель» внутри баллона начинала вращаться. Стоило выключить разрядник, и вращение прекращалось. «Карусель» служила исследователю обнаружителем радиоволн, правда, действие его ограничивалось пределами комнаты.

Использовать микроволновое излучение в качестве движущей силы межзвездного корабля предложил американский физик Фримэн Дайсон. Сфера его имени стала традиционным примером астроинженерной деятельности. В 1984 году Роберт Форвард прив-

нес в эту идею достижения компьютерной техники. В результате родился проект межзвездного аппарата «Старуисп». Он мало похож на сегодняшние космические корабли. Это просто парус, имеющий километр в поперечнике, а весящий всего 20 граммов!

Парус соткан из тончайшей проволоки в виде множества шестиугольных ячеек. В 10 триллионах пересечений этих ячеек расположены микрoeлектронные схемы (маленькие ЭВМ), которые образуют в целом сверхмощную ЭВМ параллельного действия. Каждая микросхема чувствительна к свету и может работать как крошечная телекамера.

Ввиду своей хрупкости парусник будет монтироваться в космосе, например, за орбитой Марса. А космический ветер для паруса создаст мазер — молекулярный или иначе — квантовый генератор СВЧ радиоволн. Мазер работает по тому же принципу, что и лазер, только диапазон излучения другой — микроволновый.

Хотя устройство мазера много сложнее, чем лазера, но открыли его раньше. Сейчас кажется даже удивительным, что науке пришлось сделать такой зигзаг на пути к оптическому мазеру — лазеру. Его и называли-то по аналогии с мазером, заменив лишь первую букву «м» (начальная буква английского написания слова «микроволновый») на «л» (начальная буква английского написания слова «лайт» — «свет»).

Интересно, что через десять лет после того, как заработал лабораторный мазер (а его создали независимо в СССР — группа ученых под руководством Н. Г. Басова и А. М. Прохорова, в США — группа ученых под руководством Ч. Таунса), в галактических туманностях был открыт естественный мазер. Если бы мазер не был бы создан в лаборатории (а это было сделано в 1954 году), то его неизбежно открыли бы позже благодаря радиоастрономическим наблюдениям.

Разместить мазер предполагается на спутнике околоземной орбиты, энергию дадут ему солнечные батареи, находящиеся тут же на орбите. Чтобы радиоволны «толкали» парус, мощность излучения мазера должна составлять 20 гигаватт (миллионов киловатт). Это несколько меньше мощности пяти Братских ГЭС. Проекты таких солнечных электростанций в космосе уже предложены.

Радиолуч направляется и фокусируется на космическом парусе специальным устройством в виде так называемой линзы Френеля (оптические линзы Френеля применяют в маяковых и сигнальных фонарях). Размер линзы огромен — около 50 тысяч километров (четыре земных диаметра!). Линза состоит из чередующегося набора концентрических колец из проволоочной сетки и пустых кольцевых зон. Радиусы колец подобраны так, чтобы радиоволны, проходящие через пустые кольца, собирались воедино на парусе космического аппарата «Старуиспа». Помогут и микросхемы, расположенные в узлах пересечения проволоочных ячеек паруса. Они будут так управлять электропроводимостью сетчатого полотна, чтобы радиолуч давил на него с максимально возможной силой.

Подгоняемый радиодотонами помчится в космосе парус. За одну неделю он разгонится до одной пятой скорости света. Такое стремительное ускорение сообщит ему радиолуч: в 155 раз превышающее ускорение свободного падения. Через неделю работы мазер выключится.

За 17 лет аппарат преодолеет три четверти расстояния до проксимы Центавра. Тогда центр управления полетом включит мазер и направит радиолуч на парус. Радиоволны достигнут аппарата примерно через четыре года, и хотя за столь долгое путешествие луч порастеряет свою энергию, ее все-таки будет достаточно, чтобы переключить все 10 триллионов микросхем в режим фотоприемников. Парус превратится в огромный искусственный «глаз», который сможет наблюдать неведомый мир ближайшей к нам звезды.

На скорости 60 тысяч километров в секунду «Старуисп» промчится мимо проксимы Центавра всего лишь за 40 часов. За это время он пройдет около 9 миллиардов километров — расстояние, равное диаметру орбиты Нептуна. Каждую секунду в этом сорокачасовом сеансе будет фиксироваться 25 изображений с высокой разрешающей способностью. С такой же скоростью происходит передача изображений в телевидении.

Затем по командам синхронизирующих сигналов, содержащихся в радиолуче, парус станет работать как антенна, которая направит радиоволны с закодированными в них изображениями на Землю.

Через четыре года после пролета соседней звезды парус будет находиться от нее на расстоянии почти в один световой год. А сигналы от «Старуиспа» только-только достигнут Земли, где ЭВМ превратят импульсы в изображения мира проксимы Центавра. Это произойдет четверть века спустя после запуска радиопаруса.

Если у нашей звездной соседки «Старуисп» обнаружит интересные объекты, то следующим шагом может стать посылка более тяжелой межзвездной автоматической станции, начиненной исследовательской аппаратурой и оснащенной совершенной оптической системой. Для этой цели был предложен аппарат, названный «Старлайтом». Он тоже с парусом, но приводится в движение лучом лазера. Парус его диаметром 3,6 километра предполагается изготовить из алюминиевой пленки толщиной всего 16 миллиардных долей метра. Масса паруса вместе с космическим аппаратом — около тонны. Поддувать парус будет лазер мощностью 65 гигаватт.

Его поместят либо на околоземную орбиту, либо на орбиту поближе к Солнцу. Там энергии побольше, и для «накачки» лазера можно будет использовать непосредственно солнечный свет. Как и радиолуч, лазерный пучок будет фокусироваться на парусе линзой Френеля, помещенной между орбитами Сатурна и Урана. Диаметр линзы — тысяча километров. Лазер сообщит «Старлайту» ускорение 0,04 g. После трех лет непрерывного лазерного поддува межзвездная станция приобретет скорость, равную

11 процентам от скорости света, и удалится от Солнца на 0,17 световых года. В этот момент диаметр ускоряющего луча разойдется до 3,8 километра, то есть станет больше паруса, и лазер выключится.

Через сорок лет станция достигнет окрестностей проксимы Центавра и начнет исследования. Как мы видим, «Старлайту» потребуется в два раза больше времени, чем его «радиопарусному» собрату, хотя мощность лазера в три раза превышает мощность мазера. Но ведь и несоразмерно различие в массах самих аппаратов — 20 граммов и одна тонна.

Для полета человека к более далеким звездам, например, эпсилон Эридана, находящейся на расстоянии 10,8 световых лет, предлагается проект еще более тяжелого парусного космического корабля, названного «Суперстарлайтом». Масса его — 75,8 тысячи тонн, а размеры паруса и фокусирующей луч лазера линзы Френеля — 1000 километров.

Звезда эпсилон Эридана — ближайшая к нам звезда «солнечного» типа и первый звездный маршрут с человеком на борту, вероятно, будет проложен именно к ней. Чтобы экипаж мог долететь до звезды и вернуться обратно в течение человеческой жизни, корабль должен лететь почти со световой скоростью.

Группа лазеров, испускающих луч мощностью 43 тысячи тераватт (тераватт — миллиард киловатт) за 1,6 года разгонит корабль до крейсерской скорости 150 тысяч километров в секунду — половину скорости света. Чтобы обеспечить постоянное ускорение, мощность лазеров в конце этапа набора крейсерской скорости должна увеличиться чуть ли не вдвое, до 75 тысяч тераватт. Что и говорить, дешево до звезд человеку добраться не удастся. На такой скорости начнут сказываться релятивистские эффекты: масса корабля увеличится на 13 процентов, а для звездолетчиков время потечет медленнее.

Примерно за 10,4 года до подлета к звезде лазеры вновь будут включены. Но теперь энергия светового луча пойдет на торможение. Чтобы остановиться у звезды и прилететь обратно, парус должен быть особым — из трех концентрических сегментов. Внешнее кольцо диаметром 1000 километров предназначено для торможения, промежуточное — диаметром 320 километров и внутреннее — диаметром 100 километров — для возвращения экипажа. На внутреннем парусе находится и модуль экипажа.

Когда космический парусник подойдет к звезде на расстояние 0,4 световых года, от него отделится внешнее тормозное кольцо и, обгоняя корабль, устремится вперед. Оставшаяся часть паруса повернется так, чтобы его отражающая поверхность была обращена к отделившемуся тормозному парусу. Лазерный луч, отразившись от паруса торможения, ударяет в парус корабля. Звездолетчикам будет казаться, что это с эпсилон Эридана бьет световой поток. Тормозиться корабль до полной остановки будет столько же времени, сколько он разгонялся — 1,6 года. По земному времени

полет займет 23,3 года, а по бортовому времени звездолета — 20,5 года.

Научные исследования нового для землян мира займут несколько лет. А когда придет время лететь домой, парус вновь уменьшится в размере. От него отделится промежуточная ступень диаметром 320 километров. Она будет сориентирована так, чтобы ее отражающая поверхность была повернута к Солнечной системе. Третий «выстрел» лазера длительностью 1,6 года, отправленный землянами 10,8 лет ранее, теперь достигнет окрестностей эпсилон Эридана и направленный промежуточной ступенью наполнит попутным лазерным ветром стокилометровый парус возвращения. «Суперстарлайт» двинется в обратный путь.

Через 20 лет звездолет приблизится к Солнечной системе со скоростью, равной половине скорости света. Его остановит последняя вспышка лазера. Все путешествие продлится примерно 51 год, а по звездолетному исчислению — 46 лет.

Один из авторов проекта Р. Форвард так оценивает его возможности:

«Межзвездное путешествие под «световым парусом», ускоряемым лазером, пока еще невозможно. Но оно не противоречит никаким физическим законам и может быть осуществлено. Развитие технологии получения тонких пленок, генерации и передачи энергии с помощью лазеров дает такую уверенность. И этот метод имеет определенные преимущества перед другими планами межзвездных путешествий. «Двигатель» остается «дома», в Солнечной системе, где его относительно легко содержать в рабочем состоянии, ремонтировать или совершенствовать в случае необходимости.

Конечно, имеются огромные технические проблемы. Строительство гигантских легких конструкций, разработка систем наведения и сопровождения, использование кольцевого «светового паруса» в качестве фокусирующей линзы и, конечно, создание лазеров и лазеров, которые могут генерировать энергию на уровне нескольких гигаватт и тераватт в течение месяцев и даже лет,— все это очень сложные задачи.

Тем не менее «световой парус», направляемый лазером,— это, как представляется, то средство, которое однажды сможет доставить нас к звездам и обратно в течение человеческой жизни. Когда-нибудь мы на самом деле сможем взлететь по звездной трассе на «крыльях света».

А вот «парусный проект» еще более отдаленного будущего. С его помощью можно осуществить дерзновенную мечту К. Э. Циолковского — выход человечества за пределы Солнечной системы. По мысли Циолковского, для такого путешествия надо превратить в космический корабль большую естественную или искусственную планету. Правда, такая поездка, как мы знаем, займет десятки тысяч лет. «Для жизни одного человека,— писал ученый,— этот период времени, конечно, велик, но для целого человечества, так же как и для световой жизни нашего Солнца,

он ничтожен. В течение десятков тысяч лет путешествия к другому светилу людской род, летя в искусственной обстановке, будет жить запасами потенциальной энергии, заимствованной от нашего Солнца».

Энергию и двигатель для такого путешествия предложили члены кружка «Космическое проектирование» Московского Дворца пионеров и школьников. Солнечная система накрывается огромной полусферой-экраном. Экран и Солнце образуют подобие фотонного двигателя. Солнечные лучи создают тягу, разгоняющую экран и Солнце, которые увлекают за собой планеты Солнечной системы. Экран на постоянном расстоянии от Солнца удерживают противоположно действующие силы гравитации и солнечного давления. Чтобы с помощью такого экрана привести в движение Солнечную систему, его масса должна быть примерно в десять тысяч раз меньше земной.

Московские школьники назвали свой проект «Фара». Интересно, что бы подумали астрономы других миров, наблюдая движение «Фары»? Замечены ли такие объекты с Земли? Радиоастрономы Калифорнийского технологического института открыли в созвездии Малой Медведицы на расстоянии сорока миллионов световых лет компактный объект, выбрасывающий узкую струю вещества протяженностью шесть световых лет.

Так бы выглядела чужая «Фара» с Земли. Как знать, может быть, это «Фара» неведомого нам мира плывет в звездном океане?

* * *

МАРИНА СЫЧЕВА,
ГЕНРИХ ИСКРЖИЦКИЙ

ГОРОД XXI ВЕКА

Знаменитый «Наутилус» XIX века француза Жюль Верна сегодня воплотился в атомных подводных лодках. Гиперболоид инженера Гарина, придуманный в 20-е годы нашего столетия А. Толстым, в наши дни материализуется в лучах лазера. Созданные воображением американца А. Азимова в конце 30-х годов роботы — помощники человека, уже через четыре десятилетия стали неотъемлемой частью современной науки и техники.

Человек мечтает и своей мечтою предсказывает себе будущее.

Помните Манилова из «Мертвых душ»? «Иногда, глядя с крыльца на двор и на пруд, говорил он о том, как бы хорошо было, если бы вдруг от дома провести подземный ход или через пруд выстроить каменный мост, на котором бы были по обеим сторонам лавки, и чтобы в них сидели купцы и продавали разные мелкие товары, нужные для крестьян. ...Впрочем, все эти прожекты так и оканчивались только одними словами».

Мечты, конечно, бывают разные...

Среди футурологических прогнозов особое место занимает Архитектурная Мечта. Н. В. Гоголь, стараясь заглянуть в будущее архитектуры, писал: «...Неужели все то, что встречается в природе, должно быть непременно только колонна, купол или арка? — писал он. — Сколько других еще образов нами вовсе не тронуто! Сколько прямая линия может ломаться и изменять направление, сколько кривая выгибаться, сколько новых можно ввести украшений, которых еще ни один архитектор не вносил в свой кодекс! В нашем веке есть такие приобретения и такие новые совершенно ему принадлежащие стихии, из которых бездну можно заимствовать никогда прежде не воздвигаемых зданий. ...Но если целые этажи повиснут, если перекинутся смелые арки, если целые массы вместо тяжелых колонн очутятся на сквозных чугунных подпорках... — какую легкость, какую эстетическую воздушность приобретут тогда дома наши!»

Вот она, мечта художника!

По-своему видит город будущего Н. Г. Чернышевский в романе «Что делать?».

«...Здание, громадное, громадное здание, каких теперь лишь по несколько в самых больших столицах... Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ... Но это здание, что ж это, какой оно архитектуры?.. Чугун и стекло, чугун и стекло — только. Нет, не только: это лишь оболочка здания, это его наружные стены; а там, внутри, уже настоящий дом, громаднейший дом: он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам... Его каменные стены будто ряд пилястров, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею. Но какие это полы и потолки? Из чего эти двери и рамы окон? Что это такое? серебро? платина? да и мебель почти вся такая же, — мебель из дерева тут лишь каприз, она только для разнообразия... рано или поздно алюминий заменит собою дерево, может быть, и камень... И повсюду южные деревья и цветы; весь дом — громадный зимний сад». Писатель, не будучи специалистом-архитектором, сумел верно изобразить архитектурную среду будущего.

В 1516 году воображение Т. Мора создало фантастическую страну на острове «Утопия», где все население живет в 54 городах, совершенно одинаковых по благоустройству и удобствам. Столетие спустя появилось сочинение Т. Кампанеллы «Город Солнца». Автор описал неприступную крепость, охраняющую счастливую жизнь своего населения. В XIX веке Р. Оуэн не только выступил с сочинением об устройстве идеального общества людей, но и пытался осуществить свои идеи на практике. Покинув Англию, он организовал в Северной Америке в 1825 году коммунистическую колонию с поэтическим названием «Новая Гармония». Не вдаваясь детально в архитектурное решение образцового сельского поселения общины, Р. Оуэн отмечал: «Архитектура должна быть разнообразна с климатом, а проекты должны составляться самими опыт-

ными современными мастерами. Последним нужно дать директиву не допускать ничего низкокачественного ни во внутренней отделке зданий, ни в конструкциях...»

В 1913 году была выпущена серия открыток под общим названием «Москва будущего». Воображение и фантазия художника нарисовали систему пересекающихся металлических эстакад в разных уровнях, сплошной поток самодвижущихся экипажей, в небе множество самых разных летательных аппаратов... Обилие техники и конструкций буквально подавило «старушку Москву». Красную площадь на одной из открыток можно узнать лишь по силуэтам Никольской башни Кремля и здания Исторического музея. За Кремлевской стеной видна громада высотного здания, от которого через всю площадь тянется эстакада с вагончиками подвешенного к ней поезда. В середине площади одиноко стоит памятник Минину и Пожарскому. Знатные граждане России поднялись на пьедестал словно для того, чтобы спастись от вакханалии городского транспорта. На Лубянской площади (ныне площадь Дзержинского) конный отряд храбрых казаков, гордо шествующий среди автомобильного движения, показывает неспособность художника окончательно расстаться с привычными ему картинами городской жизни... Вся эта масса техники, буквально заполонившая город в виде, например, самодвижущихся саней с пропеллером, может вызвать сегодня только улыбку. В одном, пожалуй, художник оказался прав: Москва стала многоэтажным городом, залитым ночью электрическим светом...

Попытки конкретно нарисовать «архитектуру будущего» обычно не имеют успеха.

Представление об архитектуре будущего — город будущего! — во все времена были своего рода протестом против пороков современных городов. Груз прошлого обременяет и города нынешние. В города все явственнее вторгается техника.

В 1868 году инженер Барлоу создал для вокзала в Лондоне перекрытие перронов пролетом 67 метров, побив, таким образом, «мировой рекорд», установленный... в 125 году до нашей эры! «Поверженный рекордсмен» — купол римского Пантеона диаметром 43 метра. Человечеству понадобилось семнадцать столетий, чтобы увеличить пролет менее, чем вдвое. Толщина сечения упомянутого купола Пантеона у основания — 1,8 метра. Современное купольное покрытие такого же диаметра, выполненное из армированного цемента (металлическая сетка, покрытая с обеих сторон бетоном), имеет толщину сечения всего 5—6 сантиметров. Разница, как видим, внушительная.

В 1900 году города с миллионным населением можно было пересчитать по пальцам одной руки. В настоящее время на земле таких гигантов — более ста; они возникли в основном за последнее двадцатилетие. Все отчетливее вырисовываются контуры гигантских городских агломераций — скоплений населенных мест со слившимися границами, получивших название мегаполисы.

Мегаполис на Восточном побережье США между Вашингтоном и Бостоном имеет длину 850 километров, ширину 100 километров, население 35 миллионов человек. Скопление огромных масс людей в городах выдвигает проблему организации территории.

Урбанизация увеличивает подвижность населения. Горожанин в свободное время «рвется» к природе, ему нужен транспорт, а чтобы выехать за пределы города и добраться до «настоящего» леса, требуется час, а то и два...

Порожденный цивилизацией автомобиль уносит тысячи человеческих жизней, еще больше калечит. В Западной Европе ежегодно гибнет около 50 тысяч человек и свыше 1,7 миллиона получают увечья.

«Зеленый друг» — городские деревья — оказывают посильную помощь человеку, но ценой своей жизни, продолжительность которой в городских условиях сокращается в 5—6 раз. Город — источник многих «урбанистических» заболеваний (нервные перегрузки, шум, поток информации). Проблема водоснабжения — спутник практически всех городов-гигантов. Города загрязняют воздух, влияют на климат, изменяют радиационный фон, температуру, атмосферное давление, ветер, влажность, физическую структуру воздуха; города «наполняются» электромагнитными полями с различной частотой и напряженностью; электростатическими полями, вредными для здоровья стройматериалами...

И все-таки город — это центр цивилизации. В нем продолжают рождаться все достижения человеческого разума: наука, техника, искусство и культура. Само градостроительное наследие — большая художественная ценность.

Каким же ему быть в будущем?

В 1896 году в книге Т. Фрича «Город будущего» классовые взгляды автора воплотились в его проекте: «благородные виллы» — в центре около общественных зданий, жилища рабочих — в предместьях. Но земля, воздух, вода, сады нужны всем...

Яркой звездой сверкнул на архитектурном небосклоне талантливый итальянский зодчий А. Сант'Элиа. Жертва первой мировой войны, он прожил всего 26 лет. А. Сант'Элиа — мечтательный певец романтики архитектуры будущего. Ему не удалось ничего осуществить из своих замыслов. Мировую славу архитектору принесли талантливые рисунки различных зданий, грандиозный проект фантастического «Нового города» — города будущего, а также творческий «Манифест футуристической архитектуры» (1914 г.).

«Нам надлежит изобрести и воссоздать футуристический город, похожий на просторную шумную стройку, каждый участок которой гибок, подвижен, динамичен, и построить футуристический дом, напоминающий гигантскую машину... Фасады нужно обвить змеями лифтов из стали и стекла. Такой дом... лишенный росписей и скульптурных украшений, единственная красота которого заключена в свойственных ему линиях и объемах, ...дом высокий и

просторный... должен быть воздвигнут на краю галдящей пропасти, именуемой улицей. А улица не будет больше расстилаться на уровне подъездов зданий. Она углубится на несколько этажей в землю, где разместятся линии метрополитена, будут проложены необходимые стальные переходы и быстроходные эскалаторы. ...Проблему футуристской архитектуры следует решать путем гениальных находок и во всеоружии научно-технического опыта...

И он многое угадал!

Улица с интенсивным движением в 3—4 уровня, плотно застроенная многоэтажными зданиями, насыщенная зеленью — вот та в общих чертах новизна, которую начали рекомендовать крупнейшие архитекторы своего времени Э. Энар (1910 г.), О. Перре (1922 г.) и Лё Корбюзье (1922, 1933 гг.).

«Экономить территорию! Овладеть пространством!» — таков лозунг архитекторов-теоретиков 60-х годов. ...Над кварталами «старого доброго» Парижа простирается металлическая структурная конструкция. Свободные места в ней отведены для застройки в виде отдельных ячеек, вставляемых в конструкцию по мере необходимости. В трубах каркаса заключены все городские инженерные коммуникации.

Как развитие пространственного города И. Фридман в 1963 году предлагает проект города-моста через пролив Ла-Манш, а также через реку Темзу в центральной части Лондона. В эти же годы (1960-е) возникает идея П. Меймона. Центральная цилиндрическая бетонная опора диаметром 20 метров связана огромной паутиной стальных цепей, несущих городскую структуру (жилища, магазины, общественные здания, улицы, площади). Город в 45 этажей состоит из ряда конических элементов — колец высотой 125 метров. Конусы связаны между собой висячей мостовой конструкцией — транспортной связью.

«В противоположность жилищам, обращенным наружу, мы предлагаем их обратное расположение», — провозгласил швейцарец В. Йонас и предложил проект нескольких соединенных гигантских воронок. Воронкообразный кратер высотой 100 метров имеет гладкую наружную поверхность. Верхняя часть воронки диаметром 200 метров — прогулочная площадка для 2000 жителей, которые живут внутри «кратера». Жилища ступенями спускаются ко дну воронки, где находится общественная озелененная площадь. В нижнем этаже воронки автор поместил учреждения, не нуждающиеся в солнечном свете, — магазины, кинотеатры, склады и т. п.

Французы К. Паран, П. Вирильо, М. Липси и М. Карада предлагают город-скульптуру на 2000 жилищ в форме вогнуто-усеченного конуса, поставленного на маленькое основание. На уровне земли — террасы для движения транспорта и пешеходов. Здесь же искусственные платформы для общественных зданий (торговых, транспортных, спортивных и т. п.). Все жилища хорошо освещаются солнцем. Авторы формируют пейзаж архитектурными

средствами, то есть создают искусственный рельеф с помощью застройки без механического вмешательства.

Советские архитекторы И. Гунст и К. Пчельников разрабатывают несколько этапов вертикального развития городских структур-треугольников и воронкообразных пространственных систем, поднятых на высоту около 600 метров. Эти системы опираются на мощные цилиндры, по которым осуществляются вертикальные связи в городской структуре.

Но эти проекты городов на Земле.

Уже в далекие 20-е годы советские архитекторы обратились к теме летающих городов. И. Юзefович задумал разместить жилые и общественные элементы новых городов на своеобразных гондолах разного размера.

Такие жилые и общественные образования, находящиеся на управляемых воздушных шарах (дирижаблях), по мысли автора, свободно перемещаются в пространстве, причаливают в любом месте, в частности, к старому городу на поверхности земли.

Архитектор Г. Крутиков в 1927—1928 годах предложил сразу три варианта идеи «Парящего города». В одном случае это город — параболическая структура со способными летать жилыми ячейками (кабинами). В другом — это город-«трудкоммуна», пространственно расчлененная система отдельных гроздей жилищ, объединенных кольцом помещений общественного назначения. Третий тип летающего города («концентрированная трудкоммуна») — девятиуровневый цилиндр с жилым и общественными помещениями, собранными в шар, подвешенный к цилиндру.

В эпоху освоения космоса советский архитектор В. Локтев уже видит город на орбите. Площадки, закрепленные на огромной раме, несут целые микрорайоны, перемещая их вверх, вниз, в стороны... «В далеком будущем гравитация будет преодолена. Это приведет к созданию новой антигравитационной архитектуры, соответствующей городам, которые будут построены на искусственных спутниках Земли».

Не осталась без внимания и Луна. Город на ней (архитектор П. Меймон) похож на раскрытый веер, сооруженный из трубчатых мачт и предварительно напряженных тросов. Внутренний объем города, покрытый пластмассовой и металлизированной тканью, имеет искусственный климат.

А почему бы не разместить город на астероиде? «Астеромо» архитектора П. Солери — это искусственная планета с семьюдесятью тысячами жителей. Форма города — цилиндрическая с двойными стенами для поддержания давления при вращении вокруг главной оси. Люди живут во внутренней оболочке цилиндра, которая покрыта растительностью и сельскохозяйственными службами города и аппаратура для поддержания жизненных процессов населения.

«Очень важно, что наша прекрасная Земля представляет собой,

в лучшем случае, только место краткого отдыха на пути между соленым океаном, где мы родились, и звездным океаном, куда мы направили свои дерзания», — писал фантаст А. Кларк.

Простор для архитектурной фантазии дают океаны и моря.

Особым интересом к освоению океана отличается Япония — страна с высокой плотностью населения и очень ограниченными резервами территории. Известность получил проект, выполненный в 1960 году под руководством архитектора К. Танге. Идея проекта — использовать в качестве «стройплощадки» поверхность сравнительно неглубокого Токийского залива. Проект основывается на трех принципах: 1) линейная система планировки города; 2) единство систем: планировочной и транспортной, с архитектурным образом; 3) создание новой пространственной структуры, воплотившей открытость и естественную подвижность современного общества. Водный Токио рассчитан на 5 миллионов жителей, он займет площадь около одного квадратного километра и будет состоять из двадцати трех секций. Здания высотой до трехсот метров, а также транспортная сеть развернутся на столбах-опорах. Транспортная ось — основа композиции будет на высоте 50 метров и предназначена для подвесной скоростной трассы и для движения автомобилей на трех уровнях с разными скоростями.

Архитектор К. Кикутаке предложил проект морского плавающего города для малых заливов, окружающих Японию. На плавающих круглых площадках диаметром 800 метров встанут общественные центры и здания. Жилища вставлены в кондиционируемые бетонные цилиндры, погруженные в воду до глубины 30 метров. Из окон своих квартир люди будут наблюдать за процессами подводного мира.

Мысль и фантазия архитекторов устремляется в глубь океана, стремится в его толщу и на дно. Французы Жак и Эдит Ружери помещают свой город на морском дне, они назвали его Таласополис-1. По их мнению, климат и динамика морского бассейна позволяют разместить город на дне океана в районе Индонезии. В нем поселятся коренные жители страны. Пять кварталов подводного города предназначены для различной традиционной деятельности населения (рыбная ловля, сбор водорослей, раковин и т. п.). В каждом квартале разместится по три «жилых группы», а жилая группа — это местная деревня с тремя тысячами жителей. Итого в городе будет 45 тысяч жителей! Кварталы группируются вокруг центра и связаны с ним переходами. Эти же авторы предложили плавающую городскую систему Таласополис-II. Это огромная круглая структура, которая может быть использована для хозяйственных и научных работ, в том числе и на дне моря.

А вот еще проект! «Агросеан-Сити» напоминает гигантский ареометр — прибор для измерения плотности жидкости, вертикально плавающий стержень. Высота стержня 276 метров, из которых 53 метра возвышаются над поверхностью воды, а 223 метра уходят под воду. Над поверхностью воды стержень завершается

огромной цилиндрической главой, покрытой остекленным куполом. Здесь может обитать тысяча жителей на 31 уровне, из которых семь — надводные, а двадцать четыре — находятся под водой.

Водная стихия требует для освоения огромных материальных затрат и научно-технической подготовки.

В 1984 году Международное совещание крупнейших специалистов по городской экологии собралось в Суздале. Случайно ли выбран этот старинный русский город с его тихой размеренной жизнью, с ласкающими взор мягкими зелеными холмами окрестного ополья, со спокойными силуэтами архитектурных сооружений?

Суздаль — город особый, единственный в своем роде. Однако, думается, не экзотическими надуманными творениями должны выглядеть наши города, если человечество сумеет преодолеть отрицательные тенденции урбанизации, вызванные промышленной революцией. Это должны быть поселения, более близкие естественной природе. Не парадоксально ли, что сегодня, думая о будущем, мы обращаем ностальгический взгляд к прошлому?..

Сегодня к возможностям научно-технического прогресса общество относится более трезво и настороженно. В наши дни на смену образу города-механизма, города-сооружения приходит образ города-процесса. Он представляется нам как сложная система естественного и искусственного происхождения.

Очевидно, что любой город так или иначе воплощение трех времен. В нем сохраняются следы прошлого, живет современная повседневность и зарождается побег будущего.

Что же мы возьмем в город будущего? Всю цепь перетекающих пространств, составляющих единую сложную многоликую среду. Одно из главных звеньев этой цепи — двор и улица. Двор, уходящий в века городской истории и культуры, бережно хранит привязанности людей друг к другу, коллективизм и чувство долга, любовь к самому месту проживания. Двор — место общения людей, место отдыха и занятий спортом. Здесь проходит первая и непосредственная встреча человека с природой. Двор — школа социального опыта, первая ступень перехода от понятия «я» к понятию «мы», от собственной семьи к человеческой общности. Двор как пространственная обособленность, как модуль застройки, как мера человеческого масштаба, понятен и близок человеку.

Без прошлого нет будущего. Уже сегодня градостроители начинают заниматься проблемой регенерации городской среды, то есть сохранением, восстановлением, обновлением и использованием того, что было построено в прошлом. Так рядом с новыми зданиями останется жить и часть старой городской застройки с ее домами (не только памятниками архитектуры), улицами, дворами, деревьями — ветеранами...

Живые цветы на бесшумных улицах — символ чистого воздуха и тишины еще одна черта эколога. Специальные фильтры и очистные системы, устройства для переработки отходов и вторич-

ного сырья, безотходные производства с замкнутым циклом и другие, неизвестные нам сегодня изобретения сделают чистыми воздух и землю. Реки перестанут быть сточными канавами, озера превратятся в места отдыха и рыбалки...

Архитектура, по словам Корбюзье, распространяет свои «волны» в окружающем природном ландшафте подобно звучащему колоколу. Современный город почти полностью утратил свою связь с природой... В помещениях трепещет листва деревьев, расстилаются ковры из цветов, журчат фонтаны, в декоративных бассейнах плавают красивые рыбки, слышен птичий хор... И так повсюду: в детских садах, гостиницах, универсамах, кафе и ресторанах, театральных фойе, на промышленных предприятиях.

«Экологический парк». Что это такое? Может быть, он похож на Измайловский парк или Сокольнический в Москве или на Летний сад в Ленинграде? Нет! Он возникает на месте старых участков города, которые невозможно или нецелесообразно реабилитировать. Гулянья, общение по интересам, занятия спортом, отдых на природе и в помещениях, катки, бассейны, теннисные корты, кинотеатры, рестораны — вот в общих чертах возможное содержание «экологического парка». Располагаясь по берегам рек, озер или искусственных водоемов, используя зеленые массивы и рельеф, «экологический парк» делает город привлекательным и неповторимым. Вместе с зелеными окаймлениями пешеходных улиц и бестранспортных зон «экологический парк» соединится ландшафтно-планировочной системой, которая живописным зеленым узором ложится на геометрическую сетку улиц города...

Наши мечты о городе 2000 года и еще более отдаленной перспективы? При прогнозировании будущего градостроительства нельзя отрываться от законов развития общества и от его материально-технических возможностей; на их основе и должен быть построен прогноз.

* * *

ВИКТОР ЯГОДИНСКИЙ

КТО СКАЗАЛ, ЧТО ВСЕ ИСЧЕЗАЕТ?

Кто нам сказал, что все исчезает?
Птица, которую ты ранил, кто знает?
Не остается ли полет?
И, может быть, стебли объятий
переживают нас; свою почву.

Райнер Мария Рильке
(Письмо к другу.
Перевод М. Цветаевой)

В предгорном Крыму, хранящем следы многих цивилизаций и народов, недалеко от Бахчисарая, есть высеченный в скале Успенский монастырь, а за ним пещерный город Чуфут-Кале. Монастырь

был построен византийскими иконоборцами в VIII веке, а пещерный град еще раньше — в VI веке для защиты Херсонеса от набегов кочевников. (Долгое время здесь обитало позднесарматское племя — аланы, которые проникли сюда еще в III веке нашей эры). В 1299 году город был захвачен татарским беим Яшлавским. В XIV веке татары поселили здесь караимов, город стал называться Кырк-Орк (сорок укреплений). А когда в XVII веке татары покинули город, это место стали называть Чуфут-Кале.

И вот он перед нами: неожиданный мир углубившихся в камень домов и стен с бойницами, глядящими с высоты на блистающую известняком и солнцем дорожку.

— Сейчас я покажу вам кое-что весьма интересное, — сказал наш добровольный гид в поездке по Крыму психиатр В. П. Самохвалов, — может быть, интереснее даже этих древних стен...

Каменистая тропа вывела нас вместе с туристами на одну из городских улиц, хранившую до сих пор следы колес бесчисленных арб. Спускаемся в подземелье. Интерес, пробужденный рассказом экскурсовода, переходит в какое-то благоговение перед этими незамысловатыми и загадочными следами прошлого. В группе воцаряется молчание. Наверное, многие чувствуют то же, испытывают тот же непонятный восторг...

Вдруг тишина прерывается не совсем уместным петушиным криком: кричит вполне солидный на вид, немолодой уже мужчина. И странно: никого это вроде бы и не удивляет, более того, кто-то подхватывает этот крик, а молодая чета начинает тихонечко потягивать. Мы невольно присоединяемся к этой вакханалии и с невесть откуда взявшимся озорством тоже начинаем лаять...

Наш гид иронически смотрит на экскурсантов и улыбается.

— Вы знаете, — замечает он, — довольно часто среди посетителей находится человек, который вдруг нечленораздельно кричит в этих пещерах, подражая, например, пению петуха, лаю собаки, мычанию коров или блеянию овец. Нередко, как это было только что среди нас, звукоподражание заражает многих спутников, и подземелье наполняется криками, совершенно не свойственными современному горожанам. А уж если в группе много детей, то приступ животной радости может продолжаться вплоть до посадки в автобус.

Что это? — случайность или влияние какой-то древней силы, проявление неизвестного нам закона?

Разговор наш продолжался на обратном пути и за вечерним чаем. Вот его краткая запись.

Наверное, никто из нас не может просто объяснить, почему мы поддались столь непонятному искушению, сходному с первобытным чувством. А между прочим, здесь нет ничего особенного. Такое явление сродни обычному эху — кто из нас не кричал в лесу или не пытался услышать отголоски своего «я» в пустой квартире? А сюсюканье гостей с вашим маленьким сыном? Почему-то солид-

ные люди убеждены, что их исковерканная речь лучше воспринимается ребенком, чем членораздельные и вполне понятные (иногда уже и детям) звуки.

Может быть, это тоже следы седой старины тех первобытных времен, когда простейшие элементы речи неразрывно были связаны с природой, возможно, это невидимый отпечаток, появившийся в нашем сознании еще в начале антропогенеза? Пращуры наши обращались к солнцу и морю с призывами и просьбами, требованиями и мольбами, нередко применяя язык природы: бормотание реки и шелест леса, голоса птиц и зверей. Не оттуда ли традиция звукоподражания природе, ее «оживление» в старинных былинах и песнях?

Многие черты архаического сознания обнаруживаются в искусстве и особенно поэзии. Вот отрывок из Э. Верхарна:

Тень как прикосновение щеки
Тепла и ласкова. Ветвей печальных слезы
Кропят траву сверкающим дождем,
На ложе из фиалок тихим сном
Забылись ирисы и розы.

Типичное очеловечивание явлений природы в результате сравнения «тень — щека», «слезы — дождь», «сон цветов». Антропоморфизм тени, как второго «я» очень характерен для архаического сознания, а потеря тени приравнивается к утрате души (например, продажа тени в романе А. Шамиссо).

Создается также впечатление, что в определенных условиях у человека просыпается скрытая, родовая память, которая срабатывает как давно забытый рефлекс. Комплекс определенных поведенческих архаизмов проявляется, как только возникает подходящая ситуация, причем большинство только следует примеру индуктора, как это было в Чуфут-Кале, не осознавая даже, что тем самым он пробуждает древнейшие слои языка. Наверное, и сюсюканье с малышом также не всегда только имитация сегодняшней речи ребенка, но иногда и подсознательное воспоминание о подобном этапе в нашей индивидуальной истории.

Как же установить истинность таких предположений?

Наверное, так же, как археолог исследует древность. Реконструкция дает возможность сопоставить осколки прошлого, построить из них целостный облик эпохи. Палеонтолог воссоздает древнего антропоида лишь по фрагменту челюсти, а по характеру черепа скульптор устанавливает лицо давно умершего монарха. Как по форме позвонка, впрессованного в породу, восстанавливается облик динозавра, так и по отдельным, отрывочным элементам нашего поведения можно реконструировать этапы эволюции человеческого сознания.

Не будем брать для «археологических раскопок» психики такие не всегда достоверные или редко наблюдаемые явления, как несвязный бред, или даже описанное когда-то воспроизведение

во сне отдельных слов на хинди русской девочкой, никогда не бывавшей в Индии. Гипнотизерам также приходится встречаться с туманными фразами своих пациентов, которые трудно отнести к их родному языку. Оставим в стороне и явления болезненного бреда, распада речи или поведения, хотя они могли бы иметь значение при реконструкции «архесознания».

И без этого вполне достаточно оснований думать, что наше сознание хранит память о прошлом не только индивидуального развития, но и длительной биологической, а затем и социальной эволюции. То есть в онтогенезе мозга как-то воспроизводятся узловые моменты его филогенеза. Если это так, то реликты, знаки прошлого нашего сознания должны проявляться в жизни.

На чем зиждется такое предположение?

На том, что исторический подход является единственно плодотворным для анализа человеческого сознания.

В сущности, сознание является продуктом общественно-исторического развития, а это означает, что в сознании и поведении людей могут проявляться признаки различных стадий общественно-исторического развития.

В применении к задачам разведки «архесознания» (может быть, точнее «протосознания»?) любая знаковая ситуация, в частности элементы поведения или высказывания, включает комплекс моторики (мимика, слова), объект, на который направлен знак (угрозы, защиты и пр.), и интерпретацию (объяснение причины поведения или слова). Специалисты считают, что определенные знаковые системы могут быть привязаны к конкретным нейрофизиологическим механизмам и даже мозговому субстрату. По существу, впервые семиотический метод при анализе психики применил советский психолог Л. С. Выготский, который считал, что реконструкция ранних форм психики возможна на основе выделения пережиточных черт, архаизмов, которые сохраняются в психике современного человека.

Наследственная передача признаков психического склада и даже отдельных форм поведения общеизвестна. Девочка, никогда не видевшая своей бабушки, слово в слово повторяет ее любимые высказывания, некоторые жесты и манеры. Особенно ярко это проявляется в экстремальных ситуациях, скажем, при возбуждении, ссоре, радости. Тогда она, как с магнитофонной ленты, «сыплет» неожиданными для наших дней выражениями, которые ее родители слышали в семье только в детстве. Казалось бы, наследственность, гены... И в то же время что-то иное...

Или другая ситуация. Невеста поссорилась со своим возлюбленным. В ярости рвет его фотографию, выбрасывает дорогой подарок. И вспоминается мысль С. Эйзенштейна: когда девушка, которой изменили, «в сердцах» рвет в клочья фотографию, уничтожая «злого обманщика», она в мгновении повторяет древнюю операцию уничтожения, изъятия из своего сознания человека через уничтожение его изображения.

Изображение и человек в архаическом сознании были едины, поэтому колдун, совершая магические действия, например, протыкая чучело иглами, фактически имитировал убийство ненавистного человека или зверя (духа и т. п.). Такая расправа, свержение идола равносильны убийству, освобождению от злого рока и т. п. Причем изображения человека и его символы неотделимы.

Следуя этой мысли, можно понять, почему та же девушка не только рвет фотографию жениха, но и уничтожает знаки его существования (особенно власти). Она сжигает его письма и ломает подаренные им украшения.

А отчего в Италии в канун Нового года выбрасывается старая мебель? Может быть, она вызывает воспоминания о неприятностях прошедшего года, избавление от которых символизирует рухлядь, выброшенная за окно.

Но магия может не только вредить, есть и лечебная магия, ритуалы защиты и элементы проявления любовной, военной и другой магии. Отдельные элементы магического ритуала проявляются в той или иной степени и в современной жизни. Только ли из-за сообщений гигиены носит врач белый халат?

Один мой знакомый, крупный терапевт, признался, что без накрахмаленного халата он теряет очень много в отношениях с больными.

Нет ли в современном этикете ухаживания элементов любовной игры, нередко схожей с ритуальными сценками из любовных встреч птиц, животных? Конечно, трудно узнать в подношении букета цветов ритуал жертвоприношения, а в многочисленных подарках (конфет, духов) — ритуал угощения, нанесения на тело ароматических веществ и т. п. Можно перечислить десятки фильмов, других произведений искусства, в которых мотивы бегства возлюбленной и погони любимого составляют основное действие. К ним относится и хранение знаков внимания возлюбленных (вспомните «Гранатовый браслет» Куприна). А между тем, это опять-таки идет из прошлых обычаев.

Неправильное соблюдение ритуала или нарушение табу были чреваты для человека в древности массой неприятностей. Возможно, некоторые из них не только травмируют психику, но и обладают реальной опасностью. Табу на поедание определенного продукта может быть результатом его ядовитости.

Любовная магия включает табу на ухаживание за другими мужчинами или женщинами, которые рассматриваются как потенциальные соперники, а лечебная магия — табу на определенные виды пищи, род занятий или прежние привычки. Во всех случаях можно усмотреть реальный вред нарушения запрета, который, однако, у древних был неосознан. Магия, ритуал, табу и в современном сознании имеют существенное значение, и, так же как и у древних, они соседствуют с логическим взглядом на мир. Меняются их формы, символы, однако основа остается той же.

И потому мы продолжаем изучать особенности мышления, кото-

рое принято называть архаическим. Символы его иррациональны и эволюционно древни, но они, очевидно (в контексте этого сознания), очень важны для человека. Почему в сознании столь живуче то, что мы называем пережитком, суеверием?

На эти вопросы, конечно, можно получить ответ в многотомных трудах Дж. Дж. Фрэзера (книга «Золотая ветвь») о происхождении языческих ритуалов, особенностей магии у разных народов. Но — только частично. Для полноты ответа нужно знать особенности нашего архесознания.

На расстоянии более ста километров на восток от Чуфут-Кале, в лесах Старого Крыма, затерялись замшелые стены монастыря Суруб-Хач. Он очень хорошо сохранился. На камнях церкви — искусно вырезанные «хачкары» — свидетельства «жития» об усопших. Кельи, монастырский сад с родниками, прикрытыми лианами. Вдоль дороги, ведущей в монастырь, кустарник и деревья. Но листьев на них почти не видно — ветки сплошь увешаны разноцветными лоскутками. Одни уже истлели, другие привязаны только недавно. Да и мы не удерживаемся и вешаем на деревья ленты, носовые платки, словом, хоть что-нибудь. Вновь срабатывает высокая сила внушаемости, ритуала. По существу, совершается жертвоприношение, истоки которого уходят в глубокие века.

Мы не оставляем все, мы оставляем только часть себя, освобождаясь от болезни, от чувства вины или питая надежду. И когда уходим от травмирующей ситуации, перенеся ее на деталь своей одежды, свою жертву, наступает ощущение катарсиса: очищения, легкости. Но если нет священных деревьев или мест, где может быть принесена реальная или мнимая жертва, не беда: многие оставляют надписи. Вопреки здравому смыслу, эти надписи покрывают почти все места паломничества туристов. Это и деревья, и скалы, и памятники, и пещеры: «здесь были... (имярек) из... год». Но почему? Все становится понятным, если мы вспомним, что в архаическом и регрессивном сознании имя отождествляется с человеком. Или другой ракурс.

Скажем, школьник, выходя к доске, кладет в качестве защиты — амулет-пятак в ботинок. И сколько мы ни будем убеждать мальчишку, что его тройка доказывает хоть какие-то знания, он будет все объяснять пятакон в ботинке. Он не знает ничего о священных мощах, талисманах, магии чисел, ему достаточно веры в силу монеты. И завтра на экзамене срабатывает это поверье уже не только у него, но почти у всего класса. Все убеждены, что Иванов избежал двойки именно благодаря пятаку. Действие и результат связываются неким второстепенным символом автоматически, если только они успешны.

Как говорил наш видный этнограф В. Б. Иорданский, архаическое сознание не «хуже», не беднее, чем научное, логическое мышление, но его можно сравнить с готическим храмом, громада которого скрыта сложной игрой контрфорсов, запутанным смешением орнаментальных деталей и скульптур, тогда как внутри собора

удивляет ясность его конструкций, их функциональная красота. Паралогический тип мышления является своеобразной антитезой логическому мышлению, он апеллирует преимущественно к аффекту и зашифрован символикой подсознательной.

Может быть, этот тип мышления в принципе связан морфологически с недоминантным полушарием головного мозга? Действительно, как показали обстоятельные исследования специалистов по функциональной асимметрии, прошлое время и подсознательная деятельность связаны именно с правым, недоминантным полушарием.

И этот синкретизм (единство «видеть, слышать, понимать») присущ человеку в детском возрасте, когда страшный образ из мультфильма воспринимается ребенком как реальная угроза и легко оживает в сновидении, этот же синкретизм виден и в эволюции практически всех культур, в древнем обрядовом действе, в котором текст, жест и ритуал неотделимы друг от друга.

Еще в 1930 году одесский психиатр Е. А. Шевалев опубликовал свое исследование «О паралогическом мышлении», в котором показал близость детского и магического мышления, а в описании синкретизма подчеркнул, что для этого феномена характерны недифференцированное объединение восприятия и мифологической поэтики, преобладание защитной силы формул или символов, замена естественных элементов сверхъестественными, доминирующее значение веры.

Однако, так же как и в логическом мышлении, в архаическом есть свои законы. Это в принципе иная логика, основанная на строгой символической структуре и иерархии. Некоторые из этих законов теперь известны. В частности, это закон бинарной оппозиции, то есть деление на добро — зло, правое — левое, свет — тень, мужское — женское («янь — инь»). Ребенок сначала не различает этих понятий, затем противопоставляет их и лишь затем видит весь их спектр.

В зашифрованном виде законы архаического мышления содержатся в мифах и сказках. В них прослеживаются магия загадки и отгадки, обмена (в частности, обмена добром на добро), числовая магия (определенное число дней, лет, препятствий, испытаний, и даже голов у Змея Горыныча). Тут вам и семь дней недели и семь дочерей и еще множество «семерок». Поразительно и сходство персонажей сказок в различных культурах, столь же поразительно сходство большинства эпосов. Это единство человеческой культуры демонстрирует единство генезиса человеческого сознания. Нетрудно, однако, видеть, что архаическое, магическое или, как мы его определили, мифопоэтическое мышление, имея столь большое значение у современного человека, есть чрезвычайно важный фактор, который органически сосуществует с логическим, научным мышлением. И это изучение исключительно важно, ибо с архесознанием связаны истоки религиозности, мистики и, если хотите, этологии человека — особенностей его жестов, мимики и вообще «неосоз-

нанных» действий. В этом же кроются предпосылки к разгадке некоторых психопатологических состояний.

Миф является предьсторией научной классификации мира. То, что в научном анализе рассматривается как сходство или иной вид отношения, в мифологическом выглядит как тождество, а расщеплению на признаки в мифологии соответствует разделение на части. Таким образом, в основе предрассудка, мифа, мистики, магии, да и религии в целом, лежат некоторые специфические особенности мышления, а их изучение и есть исследование генезиса человеческого сознания, которое в принципе двуедино. Можно предположить, что эволюции культуры сопутствует рационализация мифа («Мы рождены, чтоб сказку сделать былью»).

При некоторых патологических состояниях, в частности при шизофрении и истерии, особенности поведения отчетливо сходны с поведением, типичным для архаического сознания. В частности, в таком сознании живет целый мир существ — носителей признаков как человека, так и животных, а сам субъект живет будто в переходном мире. В окружении людей с «архесознанием» зачастую встречаются «животные наполовину» (например, русалки). Такие образы часто пугающе безобразны и органически связаны с природой (например, лешие, домовые, буки). В целом их ход мыслей иррационален, и поэтому его трудно предугадать. Однако и в психической патологии, особенно в прошлые века, встречались виды поведения с характерным регрессом и своеобразным перерождением. Очень часто эти патологические состояния вызывались соответствующими ритуалами. Вспомните Рыбника-убийцу из «Легенды о Тиле Уленшпигеле», людей-пантер, которые подражают поведению хищников и даже имитируют их следы.

Общий принцип такого перерождения в метафорической форме прекрасно показан С. Лемом в рассказе «Маска». Блестящая дама обнаруживает, что превращается в автомат, который преследует жертву, выбранную для удовлетворения инстинктивной любви. Описаны также патологические случаи «перерождения» в сирен, русалок, с копированием традиционного «поведения» этих мифических существ. Подобные изменения психики приводят к своеобразной второй жизни, которая, в общем, есть шаг назад для данного индивидуума, и поэтому является регрессом. Для этой «второй жизни» характерны другое имя, другие привычки, другой тип поведения. Хотя, конечно, мечта об иной жизни живет в каждом, эта жизнь в принципе иррациональна, все невозможное в ней возможно, все запретное разрешено. Однако полная реализация ее наблюдается лишь в патологических случаях. В романе М. Фриша «Штиллер» преуспевающий и модный скульптор внезапно бросает все и становится скотоводом в Аргентине. Вернувшись на родину в Швейцарию, он «изгоняет» из себя события первой жизни, хотя опознается многими именно как скульптор. В принципе «вторая жизнь» есть как бы приспособление, противодействие какому-то стрессовому состоянию. Больной спасается в другом образе, наде-

ясь, что в нем он будет огражден от неприятностей, потому что он «другой человек». Поведение «наоборот» с бегством от реальной ситуации ранее широко практиковалось в монашестве, в религиозном уходе от мира.

Ныне такое случается редко. Но вот «перелицовка» людей довольно распространена. Не этим ли отчасти объясняется у иных людей тяга к смене профессий, охота к перемене мест, наконец, пристрастие одних к рыбалке, других к картам, а третьих к различным хобби, составляющим фактически суть их жизни. Иногда это граничит с патологией. Один видный ученый, хороший практик, приходя домой, спешит переодеться и засесть за мольберт. Его хобби — живопись. Художественные увлечения встречаются у специалистов разных профессий. Но у нашего пациента одна особенность: он уверяет, что помнит динозавров и ящеров, и поэтому стены его квартиры сплошь завешаны картинами — воспоминаниями тех времен на темы «той» жизни («Вот я с палицей, а вот охочусь на мамонта...»).

Другой случай не менее интересен. Ленинградскую публичную библиотеку имени Салтыкова-Щедрина одно время посещал человек, интересующийся древнеиндийской письменностью. Он знал многие языки и наречия народов Индии. Это было бы не столь удивительно, если бы он, работая санитаром «Скорой помощи», не считал себя потомком индусов и не выполнял соответствующих ритуалов, принятых в глубокой древности.

Ныне у нас возрождается интерес к йоге, и последователи этого учения (обычно только первой его части — хатха-йоги) стараются хотя бы на время перевоплотиться (используя приемы асаны, внутреннего сосредоточения) в неких отшельников. Это также попытка ухода от действительности, современный вариант поиска себя в прошлом.

По-видимому, регрессивен и возврат к религиозно-мистическим взглядам в обыденной жизни, что проявляется в интересе к каббалистике, ритуальному гаданию. Многие распространенные в наши дни варианты диет, нашедшие горячих сторонников, по существу, восходят к архаическим диетам с табу на мясо, сырую или вареную пищу.

В архаическом сознании резкие изменения характера действия были связаны с определенными возрастами. Так, после испытаний периода инициации (посвящения) поведение подростка уже имитировало поведение взрослого. В сущности, в критические периоды обычно очень быстро происходит подобная перестройка, и нередко стрессовая ситуация как бы мгновенно «перелицовывает» личность.

Видимо, наше сознание не только двуедино, но и многослойно. Оно в замаскированном виде содержит черты исторического процесса и индивидуального развития. При опасной, критической или болезненной ситуации возможен своеобразный возврат назад. Это наблюдается, например, у стариков, некоторые привычки которых

не случайно мы склонны сравнивать с поведением ребенка. При старческом ослаблении интеллекта происходит стирание памяти недавних событий, возврат к прошлому. Актуальными становятся события далекого прошлого, как будто они произошли вчера. Так и в тяжелые минуты мы стремимся к матери, в те места, с которыми связаны воспоминания детства, юности. Эти посещения, подобные выполнению ритуала в трудную минуту, как, наверное, убедились многие из нас, дают ощущение успокоения, очищения, силы. Таким образом, безусловно, существует архаический эффект нашего сознания. И его можно даже назвать «эффектом Чуфут-Кале»...

* * *

ГАРИЙ БУРГАНСКИЙ,
РОСТИСЛАВ ФУРДУЙ

НА КРЫЛЬЯХ ВЕТРА

Человека всегда манило небо. Наблюдая, как вольно парят в нем орлы, как быстрыми стрелами проносятся ласточки и стрижи, как беззаботно порхают бабочки, он сам мечтал научиться летать.

Из седой старины дошли до нашего времени мифы, сказания и легенды о полетах людей. Здесь и народные сказки о ковре-самолёте, летучем корабле и сапогах-сорокоходах, что могли переносить героев через горы и моря. Здесь и легенда древних греков о мастере Дедале, изготовившем для себя и своего сына Икара крылья из птичьих перьев, скрепленных воском.

И склоняли свои мудрые головы над чертежами Леонардо и Ломоносов, пытаясь создать летающую машину. И бросались с колоколен безрассудно смелые умельцы, надев на руки искусственные крылья. Во времена Ивана Грозного смерд Никитка смастерил крылья «аки птичьи» и выполнил с их помощью несколько успешных полетов в присутствии самого царя. Царь «отблагодарил» холопа, приказав: «Человек не птица, крыльев не иметь. Аще же представит себе аки крылья деревянные, противу естеству творит. То не божье дело, а от нечистой силы. За сие содружество с нечистью силою отрубить выдумщику голову. А выдумку, аки диавольскую помощью снаряженную... огнем сжечь».

Никитка, вероятно, не был первым человеком, одевшим на руки искусственные крылья. В памятнике древнерусской литературы «Моление Даниила Заточника великому князю Ярославу Всеволодовичу», который специалисты датируют XII—XIII веками (хотя первый его список известен только с XVI века), автор, жалуясь на падение нравов среди бояр, пишет: «...а иныи летает с церкви или с высокоя полаты, паволочиты крылы имея...», то есть кое-кто развлекался тем, что изготавливал крылья из ткани и летал на них с церкви или с высокого дома.

Прошли долгие годы, много пота и крови пролилось, пока в 1882 году оторвался от земли на несколько секунд паровой самолет А. Можайского. Но и в 1902 году американский профессор С. Ньюком публикует статью, в которой пытался научно доказать, что полет аппарата тяжелее воздуха якобы невозможен. Вероятно, его земляки братья Райт не читали этого высокоученого труда, ибо построили самолет с двигателем внутреннего сгорания, продержавшийся в воздухе около часа. Но были ли самолеты Можайского и братьев Райт действительно первыми в истории аппаратами тяжелее воздуха? Нет ли в анналах истории каких-либо доказательств успешных полетов самолетов до Можайского?

Саратовский писатель В. Казаков рассказал историю о «крылатой машине» итальянского монаха Андреа Гримальди, на которой изобретатель якобы успешно перелетел через Ла-Манш из Кале в Дувр. Об этом была помещена корреспонденция в газете «Лейденский вестник» 21 октября 1751 года. Более того, по словам В. Казакова, в Италии хранится письмо из Лондона, содержащее подтверждение этого факта, а во французском городе Лионе — заверенное тремя академиками научное описание этой «птицы», где опять-таки утверждается, что «Гримальди успешно осуществил перелет из Кале в Дувр в 1751 году». Других документов об этом не найдено, не сохранился, понятно, и сам самолет. Итак, 1751 год... А еще раньше?

ДРЕВНИЕ МОДЕЛИ И ИЗОБРАЖЕНИЯ

...Музей исторических драгоценностей в столице Колумбии Боготе. Группки туристов толпятся возле витрин, за стеклами которых блестят блюда и кинжалы, скалят нефритовые зубы маски ягуаров, мерцают драгоценные камни орнаментов. Среди этих роскошных древних изделий индейцев доколумбовых времен затерялась небольшая золотая статуэтка, числящаяся в каталоге музея как «птицеобразная фигурка». Редко кто из туристов обращает на нее особое внимание. Но все же нашелся один такой любознательный посетитель, геолог Андерсен, внимание которого привлекла именно эта неброская фигурка. Его поразили странные технические детали древней «птички»: треугольные (дельтовидные) крылья, заостренный нос, высоко поднятый хвост-стабилизатор.

«Да ведь это же модель сверхзвукового самолета!» — изумленно воскликнул геолог. Он добился разрешения на проведение специальных исследований этой древней фигурки. Три квалифицированных американских аэродинамика, в их числе известный авиаконструктор Артур Юнг, выполнили тщательные обмеры и вычисления, продули «птичку» в аэродинамической трубе и подтвердили: это действительно модель летательного аппарата, причем рассчитанного на гиперзвуковой полет! Возраст фигурки точно неизвестен, но во всяком случае, это доколумбова эпоха, не менее

1000 лет назад. Откуда же инкский (а может, и доинкский?) мастер знал о сверхзвуковых самолетах? Какой оригинал был моделью для его фигурки? Что вдохновило древнего мастера на создание этого шедевра? Сегодня никто не может ответить на эти вопросы. На всякий случай возьмем на заметку еще одно интересное сообщение, недавно промелькнувшее в прессе: очень похожая золотая «птичка» была найдена археологами во время раскопок древнеиндийского города Мохенджо-Даро...

В 1898 году в Египте, в районе Саккара, была раскопана гробница древнего вельможи Па-ди-Имена, жившего примерно в III веке до нашей эры (точный возраст захоронения неизвестен, некоторые археологи склонны отнести его к эпохе Древнего Царства, то есть считают его намного более древним). В числе прочих предметов здесь была обнаружена фигурка «птички» из дерева сикоморы весом 32 грамма. Размах крыльев птички — 18 сантиметров. Через 60 лет «птичка» привлекла внимание египетского профессора, директора Каирского музея древностей Халила Мессихи. Ученый обратил внимание на то, что «птичка» имеет слишком уж обтекаемую форму, что кончики ее крыльев необычно заострены, а главное — у нее, в отличие от любого представителя пернатых, имеется вертикальная деталь на хвостовом оперении, напоминающая руль поворота современных скоростных самолетов.

Мессихи долго и внимательно изучал находку археологов, консультировался у авиационных специалистов, а затем убежденно заявил: «Это не птица, а модель планера!»

В связи с этим «Бюллетень ЮНЕСКО» писал: «Если гипотеза доктора Мессихи подтвердится, то это будет значить, что древние египтяне знали законы полета!» Профессор не ограничился одним только предположением. Он построил из дерева увеличенную модель, в которой скрупулезно повторил все удивительные конструктивные особенности древней «птички».

И вот, выбрав погожий день, когда дул слабый ветерок, он запустил модель в воздух. Планер Халила Мессихи осуществил успешный полет! В 1977 году египетское министерство гражданской авиации наградило профессора, отметив таким образом его успехи в исследованиях, а в 1979 году он получил другую подобную награду от организации «Уорлд аэроспейс эдьюкейшн», занимающейся научно-популяризаторской деятельностью в области аэрокосмической техники.

И опять мы задаем вопрос: что послужило образцом для древнеегипетской модели?

Кроме моделей древних летательных аппаратов, в распоряжении ученых есть и изображения. Расскажем о некоторых наиболее интересных.

Среди фресок церкви монастыря Высокие Дечаны в южной Югославии, сооруженной в XIV веке, в 1964 году были обнаружены странные изображения. На фреске «Распятие» изображены «ангелы», летающие по небу не с помощью обычных ангельских кры-

льев, а в каких-то удивительных «аппаратах», напоминающих спутники (югославский журнал «Свет», впервые воспроизведя эти фрески, даже поместил рядом для сравнения фото трех первых советских спутников Земли). «Космических кораблей» на дечанской фреске два, они летят один за другим с запада на восток. В первом «аппарате» сидит мускулистый человек без обычного ангельского ореола, одной рукой он держится за что-то похожее на рулевое колесо и оглядывается назад, словно следя за полетом второго «аппарата». В заднем корабле сидит аналогичный «пилот», не похожий на ангела. Он так же одной рукой держится за что-то вроде «баранки». Оба корабля имеют обтекаемую каплеобразную форму. Четко изображены «реактивные струи», срывающиеся с аппаратов, которые еще сильнее подчеркивают стремительность полета. Персонажи, изображенные в нижней части фрески (люди и ангелы), со страхом наблюдают за этим полетом, словно побаиваясь, что это зрелище может их ослепить, а звук, излучаемый неведомыми летательными аппаратами, — оглушить.

ВИМАНЫ ИНДИЙСКИХ БОГОВ И ГЕРОЕВ

Первые упоминания о летающих колесницах или машинах, называемых виманами, встречаются в Ведах. Веды представляют собой древнейшие священные книги индийцев, содержащие гимны, обрядовые уставы и другие тексты. Возраст Вед точно не установлен. Европейские ученые относят их к I—II тысячелетиям до нашей эры. Индийские ученые считают Веды гораздо более древними, относя их к 3000 году до нашей эры, а такой индийский исследователь, как Шри Тилак, относит Веды даже к 6000 году до нашей эры.

В «Ригведе» (главной Веде) мы встречаем упоминания об экипажах, способных передвигаться без коня по воздуху, перевоза богов или смертных. Эти упоминания встречаются в гимнах, посвященных Ашвинам, Рибхусу и другим божественным существам. Как сказано в тексте, воздушная колесница-вимана, построенная Рибхусом, могла двигаться по небу среди облаков, развивая скорость «быстрее мысли». Описываемая вимана имела треугольную форму, два крыла, состояла из трех ярусов и пилотировалась экипажем из трех человек. Вимана имела 3 колеса, оставлявшие следы, когда машина передвигалась по земле. Кроме пилотов, колесница могла взять на борт 7—8 пассажиров. Она могла садиться и на воду — описывается, например, эпизод спасения с помощью виманы царя Бхуджьи с семейством, потерпевшего кораблекрушение в море во время шторма. Интересно описание этой колесницы: «Достигая скорости быстрее мысли, колесница двигалась, как птица в небе, поднимаясь к Солнцу и Луне и спускаясь на Землю с громким звуком». В тексте сказано, что вимана летала «выше слоя облаков», то есть на высоте 8—10 километров.

В «Ригведе» упоминаются три подобные колесницы. Особенно впечатляет описание полета колесницы, принадлежащей Марутам.

Как сказано в тексте, здания и деревья дрожали, а небольшие растения вырывались с корнями бурным ветром, пещеры оглашались громовыми звуками, а небо, казалось, разорвется на куски или опрокинется из-за мощного звука, излучаемого воздушным экипажем.

Интересное исследование Вед и других древнеиндийских текстов, в которых упоминаются летающие машины (всего таких книг насчитывается около 20), выполнил профессор-санскритолог из Калькутты Д. К. Канджилал, опубликовавший в 1985 году книгу «Виманы в Древней Индии». Автор не сомневается в реальности описываемых Ведами летающих аппаратов. Согласно его реконструкции, ведическая вимана имела треугольную форму. Треугольная (дельтовидная) форма ее крыльев может служить указанием на способность аппарата к сверхзвуковому полету (это же подтверждается указаниями на скорость виманы — «быстрее мысли» и «быстрее ветра»). Аппарат имел 3 колеса, которые, вероятно, были втягиваемыми — в тексте есть указания, что колеса иногда не были видны. Упоминания «трех колонн» может означать наличие посадочных опор или устройств. Самолет был относительно небольшим, ибо вмещал 7—8 пассажиров. Треугольный самолет с дельтовидными крыльями такой пассажировместимости должен был иметь около 3 метров в ширину, 4,5 метра в длину и вес порядка 7—9 тонн.

Описания воздушных колесниц встречаются и в великих эпосах индийского народа — «Махабхарате» и «Рамаяне». Время составления первого из них теряется в веках, но его литературное формирование, как считают европейские ученые, относится к X—VIII векам до нашей эры.

Главный герой «Махабхараты» Арджуна летает в воздушной колеснице бога Индры, и сам Индра дает ему в пилоты своего любимого возничего Матали. С помощью этой колесницы Арджуна побеждает демонов асуров, воевавших с богами. У колесницы Индры «бока были из железа», а ее всю «покрывали крылья». Другой персонаж эпоса, царь Упаричара Васу, также получивший в подарок от Индры «сверкающую воздушную колесницу», так ею увлекся, что забросил все свои дела и целыми днями парил на ней в воздухе.

Кроме летающих колесниц-виман, в «Махабхарате» описываются и летающие города, в которых жили боги и демоны. Согласно тексту эти летающие города были огромного размера, сияли, как серебро, в них содержались запасы пищи, воды и всего необходимого для жизни, а также средства защиты и оружие. У воздушных городов были широкие двери, через которые могли свободно влетать и вылетать виманы. Города эти двигались в небе подобно современным спутникам или космическим станциям. В одной из 18 книг эпоса, «Сабхапарване», описывается один из таких вращавшихся вокруг Земли городов Хираньяпур («Город золота»), построенный богом Брахмой и охраняемый демонами. Арджуна

атакует этот космический город на своей вимане. Но демоны, охранявшие город, противодействуют своим мощным оружием. Жестокая битва Арджуны с летающим городом происходила то высоко в небе, то над океаном.

Интересные подробности о летающих колесницах встречаются и во втором индийском эпосе — «Рамаяне». Герой эпоса Рама заглаживает чудесной колесницей демона Раваны. Эта колесница, называвшаяся пушпакой, по форме напоминала «холм с заостренной верхушкой» (то есть была ракетоподобной). В тексте нет никаких упоминаний о горючем, на котором летала машина, или о том, были ли у нее крылья, но говорится, что внутри Пушпака содержала удобные комнаты, «наполненные великолепными сиденьями». Она с грохотом поднималась в воздух, от ее полета содрогались горы, гремел гром, загорались леса. Аппарат согласно тексту мог вместить до 12 пассажиров, то есть его размеры были больше, чем у ведической виманы. Но летал он с дозвуковой скоростью, вероятно, не превышающей 300 километров в час (в тексте говорится, что вимана пролетала около 2300 километров от Цейлона до города Аджохья в Северной Индии за восемь часов с двумя промежуточными посадками). Описывается полет аппарата над вершинами Виндийских гор, то есть на высоте 2—2,5 километра, что вчетверо ниже высоты полета ведического самолета.

Упоминания о виманах встречаются и в произведениях древнего индийского автора Калидасы (I век до нашей эры, как считают индийские ученые) — «Рагхувамсам» и «Абхйнанашакунталам». В последнем, например, описан полет царя Дусианты в воздушной колеснице бога Индры. Этот экипаж, как сказано в тексте, двигался «вдоль второго слоя ветров, окружающего Землю», над границей облаков, то есть на высоте 8—11 километров. Когда эта вимана спускалась вниз сквозь слой облаков, ее колеса покрывались влагой, а вокруг мелькали ленты молний. Но вот аппарат пробил слой облаков. Показались верхушки холмов и реки, стали различимы ветви деревьев, которых не было видно с большой высоты, появилась и стала приближаться, выпячиваясь, поверхность земли. Спускаясь с воздушного экипажа, Дусианта, к своему удивлению, обнаружил, что хотя колеса его вращались, никакого звука уже не было слышно, не поднималась пыль, а сам экипаж не касался земли. Возникший богов Матали, управлявший аппаратом, объяснил ему, что все это возможно благодаря отличным свойствам воздушной машины бога Индры.

У нас была возможность ознакомиться с английским переводом «Вайманики Шастры». Отметим, что книга эта касается самых разных сторон постройки, обслуживания и управления воздушными летательными аппаратами-виманами, вплоть до таких деталей, как режим питания пилотов, методы изготовления для них специальной защитной одежды и т. п. Перечисляются 32 «секрета», которыми должен владеть пилот, прежде чем ему может быть доверено управление виманой. Среди этих секретов часть нам понятна

и входит в систему обучения и тренировки пилотов современных самолетов: например, необходимость учета метеоусловий во время полета, чтобы избежать попадания аппарата в зоны грозы или опасных воздушных завихрений, способных разрушить или повредить машину. Но другие секреты касаются таких знаний, которые нам сегодня непонятны или неизвестны. Например, седьмой секрет говорит о способе делать виману невидимой для противника, десятый и одиннадцатый секреты касаются способности виманы увеличивать или уменьшать свои размеры («сжатие» и «расширение»). Нечто подобное, но в гораздо меньших масштабах, присуще разве что современным самолетам с изменяющейся геометрией крыла. Значительную роль в строении и функционировании виман играли устройства, называемые зеркалами («дарпана»).

Одной из наиболее интересных и информативных древнеиндийских книг, описывающих виманы, является «Самарангана-сутрадхара».

Одна из летающих машин, упоминаемых в этой книге, была большим птицеподобным аппаратом из легкого дерева, части которого были прочно соединены друг с другом; в нем находились четыре прочных сосуда с жидкой ртутью (раса янтра) и железные емкости с огнем, поддерживаемые за счет сжигания древесного угля (агникастха); последние помещались под каждым из четырех сосудов. Машина двигалась с помощью воздушного потока, производимого двигавшимися вверх и вниз крыльями. Этим движением управлял сидящий внутри пилот с помощью силы, получаемой за счет нагревания ртути. Как пишет советский исследователь Л. Заславский:

«Простейшим двигателем, создающим реактивную тягу, является двигатель испарительного тепла. Любая емкость, в которой кипит жидкость и которая имеет отверстие для выхода паров этой жидкости, создает тягу... Ртуть, как рабочее тело, имеет несомненное преимущество перед водой — большую плотность, то есть при одинаковых массах ртути примерно в 7 раз меньше, чем у воды, поэтому во столько же раз уменьшается необходимый запас топлива. И наконец, давление паров насыщения ртути в диапазоне температур 360—600°C меняется в пределах от 2 до 25 бар (примерно), в то время как давление паров насыщения воды уже при 350°C достигает 170 бар. Поэтому необходимую температуру ртути можно поддерживать при менее критических условиях, чем воды. К тому же, если емкость достаточно прочная, то не только отпадает необходимость контролировать давление, но предоставляется возможность ручного управления режимами двигателя за счет очень небольшого «регулирования» работы подогревателей, так как ошибки не вызовут резких изменений тяги».

Автор также подчеркивает, что для испарения одного килограмма ртути нужны считанные граммы топлива, и приходит к выводу, что полет с ртутным реактивным двигателем был вполне по силам человеку прошлого. Добавим к этому, что в наше время, по

сообщениям зарубежной печати, небольшие ртутные реактивные двигатели применялись американскими конструкторами для корректировки движения некоторых космических аппаратов.

Так, может, автор «Самаранганасутрадхары» писал истинную правду, упоминая, что «благодаря ртути колесница развивает силу грома и сразу же превращается в жемчужину в небе»? К выводам, сходным с выводами Л. Заславского, приходит и профессор Канджилал в упоминавшейся книге.

В начале IV века нашей эры Ко Гун писал о китайском «вертолете»: «Кое-кто изготавливает летающие повозки из внутренней части дерева юба, используя кожаные ремешки, с помощью которых вращаются лопасти и придают движение машине». А на гробнице в провинции Шаньдун, датированной 147 годом нашей эры, есть рисунок, изображающий колесницу-дракона, летающую высоко над тучами.

В старинных китайских рукописях есть упоминание и о чиновнике Ван Гу, который когда-то построил два больших воздушных змея с сиденьем между ними. К сиденью Ван Гу прикрепил 47 пороховых ракет. 47 его помощников должны были одновременно поджечь ракеты. Но одна из ракет почему-то взорвалась раньше времени и подожгла все остальные. В огне погибли и аппарат, и изобретатель.

* * *

ЮРИЙ СЛАЩИН

ПОЗНАЙ СЕБЯ

С этой женщиной я познакомился в экстремальной ситуации: прочно «схватило» сердце, нужна была «скорая помощь», а тут не оказалось с собой даже валидола.

— Не надо вам валидола, — услышал категорический отказ в помощи. Приоткрыл глаза и увидел склоняющуюся надо мной решительного вида женщину. Расстегнув рубашку, она плавными толчками прошла по каким-то точкам, и через минуту я облегченно вздохнул, стал различать, что женщина — узбечка с черными глазами, в которых, кроме озабоченности, блистали искорки снисходительной насмешки.

— Лежите, лежите, — удержала она меня на парковой скамейке под жалостливыми взглядами любопытствующей толпы и продолжала мягко надавливать на какие-то зоны моей груди, словно играла на рояле, на котором клавиши заменяли ребра, ключицы и другие кости, составляющие грудную клетку, и от этой ее игры становилось все легче.

А когда стало совсем легко, я набрался смелости познакомиться со своей спасительницей.

— Я не врач, — предупредила она.

— А тогда что же это, что вы сделали?

— ...

— На точечный массаж не похоже. Я читал Гаава-Лувсана, знаком с работами Тыкочинской. И вообще осведомлен о восточной медицине. Но то, что вы проделали со мной, не похоже ни на что описанное. Ведь вы работали на костях.

Вот эта догадка и расположила меня к Римме Фаттаховне Юсуповой, известной в Ташкенте народной целительнице и ведунье, — назовем ее так, потому что новое слово «экстрасенс», к сожалению, навсегда опорочено прессой в неумном азарте разоблачений всевозможных шарлатанов, самозванно присваивающих себе это звание. Она доверила мне свои секреты, которыми вот уже несколько лет не может заинтересовать медиков по причине их стойкого предубеждения ко всякого рода непрофессионалам. Попытаемся найти ей единомышленников из числа наших читателей, чей ум не связан догмами и сохраняет способность к вольному полету фантазии.

— Обратите внимание, — говорит Юсупова, — когда у нас что-то болит, рука сама тянется к больному месту. Хочется потрогать его, помочь.

Согласился. Этим обстоятельством обосновывается появление массажа. Однако, как оказалось, Римма Фаттаховна не успокоилась тем, что хорошо известно. Обладая повышенной чувствительностью к проявлению пока не познанных энергетических процессов в теле человека, Юсупова как своеобразный прибор почувствовала, а затем и поняла, что суть дела не в механическом воздействии на больной орган, не только в улучшении его кровоснабжения, обмене веществ и т. д. Всякий раз она отмечала, что больной орган имеет повышенное (при воспалении) или пониженное энергетическое напряжение. А кроме того, заметила, что при заболевании какого-либо органа на костях нашего скелета появляются в определенных местах болезненные зоны. Подобно тому, как на радужке глаза возникают точки, показывающие заболевание органа, или когда на ухе появляется болезненный нейрон в том месте, где проецируется тот или иной заболевший орган.

В моем случае — болезнь сердца — такие зоны совершенно точно проявились на левой стороне груди: под ключицей, в том месте, где она сходится с грудиной, в местах сращения ребер с грудинкой и на ребрах под рукой. У женщин эти зоны находятся проще — вокруг молочной железы.

По наблюдениям Риммы Фаттаховны, болезни сердца имеют на скелете зоны своего представительства, и вариации их показывают, какое именно заболевание сигнализирует человеку о своем появлении. Например, подключичная зона, о которой уже упоминалось, проявляется при повышенном артериальном давлении. И та же подключичная зона, но расположенная ближе к плечу, сигнализирует болью при пониженном артериальном давлении. Зоны под рукой, или, как говорят, под мышкой, напоминают о себе при

параличах, инсультах, легочных заболеваниях, при этом зона какой-либо болезни не бывает единичной. И это понятно, так как все органы связаны в определенной последовательности нервными, а также энергетическими каналами, которые сейчас стали признаваться и официальной медициной. Поэтому при инсульте, к примеру, появляется болезненное место не только на ребрах под рукой, но и на ложных швах черепа, вблизи того места, где образовалось нарушение. А болезни легких — на ключицах, в верхней части грудины на яремной вырезке, в верхней части грудных позвонков.

В короткой статье невозможно перечислить все зоны проявления болезней на костях, найденные опытным путем народной вестуней. Надеюсь, что со временем выйдет книга с полным «атласом» этих зон и найдутся ученые-медики, которые заинтересуются поисками Юсуповой, дадут им научное толкование. Пока же расскажу, как представляет механизм их появления сама Римма Фаттаховна, как пришла к мысли «работать» на костях.

В раннем детстве, когда она впервые увидела умершим близкого, ей почему-то представилось, что если бы дяде Жданову поскребли пальчиком «где-то там», за галстуком, то он остался бы жить. Наверное, потому, что уверенность в этом не давала ей покоя почти всю жизнь и тридцать лет спустя, когда сама заболела, потеряв надежду на выздоровление, и как утопающий, схватилась за «соломинку», протянувшуюся из детства. Тронула то самое место пальцем, и оно отозвалось болью. Потихоньку размяла какое-то слизистое уплотнение на кости, «поскребла», потеряла и резко почувствовала облегчение. Последующие дни проводила те же манипуляции, пока не осознала, что болезнь сразу отступила.

Подумала, может, сказалось самовнушение? Проверяла себя, экспериментируя на муже, подругах, соседях, — эффект тот же. И тогда стала изучать народную медицину Востока, познакомилась с рефлексотерапией и учением древневосточных врачей о циркуляции в человеческом организме жизненной энергии, особенно ошеломила идея о каналах.

Ход мыслей ее был таков: если существует жизненная энергия, перетекающая по организму, что подтверждается древними книгами, то обязательно должны быть каналы для такого перетока. Очень обрадовалась, узнав, что именно эти каналы используются при иглотерапии. Но если каналы есть, их надо искать — бежала ее мысль дальше, и они могут засоряться, зашлаковываться и выходить из строя, обрекая какой-то орган на нехватку энергии, а там и болезнь. А не являются ли они — эти боли на костях — зонами энергетического напряжения? Ведь все излишнее — нарушение, а значит, и боль. Отсюда и появилось убеждение, что раз заболевший орган проявляет себя болью, как бы кричит «помоги», — так, значит, и надо ему помогать: снять с него напряжение, стереть код боли. Непроизвольно мы так и делаем — тянемся рукой к больному органу. Не умаляя достоинств действующих в мире разнообразных видов массажа (общий, точечный, сегментарный и т. д.),

вынужден сказать, что Юсупова, не принимая их во внимание, пошла абсолютно другим путем. Она вышла на скелет и смело предположила, что главное не мышцы, а кости. Именно на костях «шифруется» заболевание. И воздействие должно быть направлено прежде всего на обработку костей, на снятие с них зон энергетического напряжения, вызывающего боль.

Правильность ее предположения подтверждают данные рентгенологов, которые по костям из мест захоронений узнают, чем болели наши предки пять и десять тысяч лет тому назад.

Читателя, вероятно, заинтересует практическая сторона: как делать массаж на костях? Как найти нужные зоны? Будем надеяться, что ученые заинтересуются опытом народной ведуньи из Узбекистана, издадут книгу с атласом зон на скелете человека.

Некоторые из этих зон совпадают с активными точками, указанными в руководствах по иглотерапии, но далеко не все. Кроме того, порабатов по опубликованным у нас в стране учебникам восточной рефлексотерапии, а также по распространяющимся инициативным переводам всевозможных учебников с Востока, Римма Фаттаховна убедилась, что многие отмеченные там точки не дают указанного эффекта. Тут могли сказаться как ошибки при переводах, так и преднамеренное сокрытие истины. Ведь не секрет, лечебные тайны, как и тонкости ремесел, в древности не популяризировались, передавались от отца к сыну. А Юсупова — современная женщина, стремится рассказать о своих догадках всем.

В целом зоны поражения на костях появляются вблизи заболевшего органа, хотя могут быть и отклонения. Например, при заболевании печени болезненная зона образуется на правой стороне кости надчревного угла в том месте, где к ней присоединяется восьмое (счет сверху) ребро, и в пространстве между восьмым и девятым ребром над печенью. При тех же болезнях печени появляется зона напряжения на поясничных позвонках и перед верхней подвздошной кости, дают о себе знать боли на соединении плюсны и фаланги большого пальца ноги, пяст и фаланг кисти. Удивляться этому не приходится, если вспомнить, что все органы тела связаны между собой энергетическими каналами и эти каналы проецированы на ступни ног; поэтому, воздействуя на подошву, можно лечить уши, глаза...

Остановимся на тех зонах, которые появляются вблизи заболевшего органа. Например, сердечные. Положив правую руку на грудину, надавите на нее, чтобы привыкнуть к безболезненному ощущению, а теперь продвиньте пальцы в межреберное пространство в месте срастания ребер с грудиной. У абсолютно здорового человека здесь нет никаких болей. А если болит и вы знаете, что у вас больное сердце, это и является первым доказательством правоты метода народной ведуньи Риммы Фаттаховны. А что делать дальше?

— Помогать своему сердцу! — категорично заявила Римма Фаттаховна, обучая меня. — Наш организм — самолечающаяся кон-

струкция, надо только помочь, когда он просит об этом появившейся болью. Прочистить энергетические каналы, расположенные между ребер. Положив пальцы между ребер, провести вибрирующими движениями потихоньку по ложбинкам от грудины под руку, как бы стирая с костей всякие слизистые уплотнения, наросты, бугры, как бы «отрывая от кости».

Согласно учению классической медицины поверхность наших костей абсолютно гладкая. Но в зонах появляющихся болей, по наблюдениям Риммы Фаттаховны, под пальцем фиксируются всякого рода «ненормальности». Иногда эти «ненормальности», по ее словам, напоминают уплотненную слизь, присосавшуюся к кости. Можно предположить, что это местные межклеточные отеки или лимфатические уплотнения. Встречается, как говорит Римма Фаттаховна, нечто напоминающее крупчатую кашу, а кости оказываются шершавыми, бугристыми, иногда такое уплотнение сращивает два ребра сразу с какими-то четко ощущаемыми бугорками, неровностями. При запущенной болезни слизистые наросты уплотняются, разрастаются, вытесняя здоровую ткань, сдавливая. В том и другом случае Юсупова убирает эти «ненормальности» и переходит к надкостному массажу. Так поступать убедили ее йоги, требующие «отдирать мясо от костей».

— А разве это возможно?

— Необходимо! Конечно, за один прием не сделать того, что накапливалось годами,— говорит Римма Фаттаховна.— И тут надо не спешить, а упорствовать. Убрав слизь, приступить к работе на кости: чистить ее, оживлять, как бы стирая остатки «ржавчины», то есть так называемого кода болезни.

— Но ведь больно.

— Очень хорошо! Поймите, вы раньше не замечали этой боли, вам просто было плохо. И организм не реагировал на нее. А когда сейчас искусственно усилили боль, то тем самым потребовалась сюда дополнительная энергия для исцеления. По восточной медицине, именно боль является экстренным регулятором распределения жизненной силы — в этом ее секрет, не понятый медициной, и вместо стирания кода и оживления кости, например, позвоночника, делают блокаду обезболивания.

В словах Юсуповой есть своя логика: прочищены каналы, так сказать, подступы к больному органу, массажем улучшен обмен веществ в клетках и болью вызвана дополнительная порция энергии для исцеления надкостницы. Но как происходит целебное воздействие на орган, ради которого мы занялись массажем болевой зоны на кости? Ведь именно этот механизм надо раскрыть, чтобы дать гражданство новому массажу.

Осмелюсь высказать предположение, что все дело в сегментарной теории Захарьина-Геда. Медикам хорошо известно, что от спинного мозга, от каждого позвонка отходят веточки нервов. Тридцать три позвонка образуют тридцать три сегментарные пары, контролирующие: а) соответствующие им внутренние органы;

б) кости, мышцы, сосуды; в) кожный покров. При поражении внутренних органов у человека появляется боль на соответствующем ему участке кожи, и врачи этим успешно пользуются при диагностике. Например, человек жалуется на боль в руке: зудит внутренняя часть плеча и предплечья. А врач уже знает — болит сердце. Кожные максимальные зоны Захарьина-Геда хорошо изучены, описаны и успешно используются, а костная часть осталась вне поля внимания. И Римма Фаттаховна интуитивно вышла на нее: болевые зоны на костях, вероятно, не что иное, как зоны Захарьина-Геда, пока еще не изученные, не описанные, не используемые в широкой лечебной практике. Если это так, то народная ведунья провела научное исследование и завершила то, что не успел сделать в свое время Захарьин-Гед. Становится понятным механизм целебного действия массажа кости. Так как орган, кость и кожа контролируются из спинного мозга определенной позвоночной или межпозвоночной зоной, то каналы между ними должны быть очищены для информативной связи. Болевое воздействие и ощущение также немаловажны и играют свою роль.

Словом, подтвердив это предположение научно и дав гражданство новому методу массажа кости, мы тем самым получим возможность расширить приемы быстрой предварительной диагностики и эффективного применения дешевого физиотерапевтического лечения. Лично меня в этом убедил собственный опыт: пока в поликлинике искали причину появившихся в желудке сильных болей, Римма Фаттаховна обследовала болевые зоны на кости надчревного угла и определила, что у меня гастрит. Проведла массаж этих зон, она очень быстро сняла болевые рези в желудке — к тому времени, когда в поликлинике, наконец, подтвердили названное заболевание.

Претерпят изменение и вообще весь массаж, все его многочисленные разновидности. Ведь если целебное воздействие на заболевший орган по сегментальной теории Захарьина-Геда можно производить посредством влияния на кожный покров и кости, то будет правильным обратить внимание на состояние самих позвонков. Римма Фаттаховна Юсупова, ничего не зная о Захарьине-Геде, интуитивно пришла к мысли, что все болезни начинаются со спины. Сначала тщательно осматривает спинной хребет — и этого первого предварительного огляда ей достаточно. Всякого рода, иногда почти невидимые, искривления позвонков или отклонения от норм расположения абсолютно не видимых при обследовании межпозвоночных дисков и прочие ненормальности, естественно, нарушают работу тех самых нервных веточек-связок, которые отходят от позвонков, протягиваясь к внутренним органам, костям, коже, как электрические провода от столбов. Задача массажиста и пациента — восстановить правильное положение позвонков, вернуть им подвижность. Именно с этого должен начинать массажист. Словом, нужен тесный союз науки и народных лекарей, костоправов, табибов, экстрасенсов. Не потому, что народные лекари

больше знают, а потому, что они знают простые методы, которые могут успешно применяться в профилактических целях и тогда, когда болезнь не зашла слишком далеко, а главное, особенно тогда, когда уже зашла далеко и лекарственные препараты не помогают. Да и нашим узкоспециализированным врачам полезно знать простейшие приемы целебного воздействия на человека. Ведь лечение простейшего радикулита превращается в долгую, длящуюся несколько недель и месяцев процедуру с применением уколов, блокад, примочек, прогреваний, тогда как Юсупова снимает боль за считанные минуты, воздействуя на зоны подвздошной ости. И затем в последующем лечении полностью выводит эту зону из зон хронических заболеваний. Люди возвращаются к работе, оставленной много лет назад.

Главная моя задача — найти тех ученых-медиков, которые бы взялись серьезно поработать (а не полюбопытствовать и предвзято осудить — таких много) с Юсуповой и дать научное объяснение найденных «абсолютно понятных ей одной» пока воздействий. Одно из которых — газ, выделяемый больным органом...

Опрошенные мною врачи, конечно же, знали о газообмене клеток, но не то, что имеет в виду Юсупова. А она утверждает, что в заболевшем органе идет процесс, вызывающий выделение не сгоревших энергетических газов, которые накапливаются в каналах, видимо, давят на нервные окончания, на стенки органа и разрывают эту стенку и вызывают дискомфорт ощущений, боли. Римма Фаттаховна выводит по очищенным каналам эти газы в так называемую ампулу, как она называет зону сборки газа, где и уничтожает «ампулу». Шарика газа «взрываются», и пациенту тут же становится легче. Особенно если это в зоне сердца.

Сам лично я убедился в этом после тяжелой операции, когда впервые притронулся к месту обширной зоны операции, — под пальцем, показалось, захрустело от лопающегося множества «воздушных» шариков. Чем ближе к шву, тем их больше. Помня уроки Риммы Фаттаховны, я очень осторожно как бы передавил их все и почувствовал резкое послеоперационное облегчение; но на следующее утро шарики вновь хрустели под моими пальцами, хотя и в меньшем количестве. Оперировавший меня хирург сказал, что такое всегда бывает: к сожалению, его внимание не привлекло даже то, что шов у меня затянулся быстрее, чем у тех, кто оперировался раньше. Я резко стал поправляться, ходить, мне сразу стало легче дышать, прошла усталость, вялость и недомогание. Но вот Юсупова, со своим постоянным дотошным вниманием, не прошла мимо встреченного явления. Перепроверяя себя, обращалась к массажистам, и наиболее чуткие из них с радостным изумлением подтвердили, что действительно встречают вблизи больного органа какие-то лопающиеся пузыри. Юсупова обрадовалась: значит, ей это не кажется, газ фиксируется другими.

Римма Фаттаховна изучает народную медицину всех веков, ищет доступные каждому приемы оказания лечебной помощи.

— А потому что человек — неотделимая часть природы и обязан,— говорит она,— лечить себя сам. Используя свое чудесное свойство саморегуляции, человек должен помогать себе. Она также абсолютно уверена, что человеческий организм устроен так, что люди своими воздействиями и, прежде всего, энергетическими, должны лечить друг друга, должны помогать друг другу, восстанавливать энергетический баланс. Люди с повышенным энергетическим полем необычайно работоспособны, энергичны, жизнестойки. Их надо уметь видеть и природный их дар обращать на пользу другим.

* * *

ВЛАДИМИР ЛАГОВСКИЙ

ЛЕЧЕНИЕ БЕЗ ЛЕКАРСТВ

— Это не ваш снимок,— проговорил врач с явным недоверием.

— Мой,— сказала женщина и, чтобы рассеять сомнения, легко прошла по кабинету.

А сомневался врач неспроста. У больной 25 лет не срастались переломы, да и по всем прогнозам надежд на улучшение было мало. И вдруг — быстрое исцеление. На всех прежних снимках хорошо видны трещины, а на последних нет и следа их...

Но еще больше изумился врач, узнав, каким необычным способом лечилась женщина — ей в кости... забивали иголки.

Никого сейчас не удивляет, что иглами колют и таким образом лечат от многих заболеваний. Впрочем, можно возразить: кожа очень чувствительна, она живо реагирует на неполадки в организме, на ней есть биологически активные точки — воздействуя на них, медики регулируют работу внутренних органов. А что чувствуют кости?

— Очень многое,— говорит доктор медицинских наук, профессор Г. Янковский.— И давление, и температуру, и химические вещества. Но это чувство трудно сравнить с другими, привычными. Слух, зрение, осязание, обоняние, вкусовые ощущения — словно окна, распахнутые в окружающий мир. А костное чувство скрыто внутри нас. С его помощью мозг и нервная система воспринимают информацию о работе организма, увы, независимо от нашего сознания. Мы нашли в костных тканях особые рецепторы, раздражали их и получали ответы в определенных участках мозга. При этом изменялась частота дыхания, сокращались мышцы. Были и другие реакции. Словом, костная ткань по чувствительности не уступала коже...

Как часто в последнее время медикам приходилось убеждаться, что наш организм устроен намного сложнее, чем они предполагали раньше. Сердце, например, считали лишь насосом, а оно, как выяснилось, вырабатывает еще и гормоны, которые регулируют кровообращение.

Долгое время полагали, что кости нужны человеку для опоры, движения, защиты. Знали, что они служат своеобразным складом минерального сырья, участвуют в кроветворении. Немало, конечно. Но вот, оказывается, скелет — это еще и

сложная чувствительная система со своими связями и рефлексами. Ее роль в организме не менее важна, чем работа других сенсорных систем, например, кожной.

— Это еще не все,— продолжает профессор и раскладывает рентгеновские снимки.— Здесь сняты кости людей, страдающих самыми различными заболеваниями. У одних болит печень, у других не в порядке обмен веществ — недуги, казалось бы, не имеют никакого отношения к костям. Но сравните, как отличается их состояние у здоровых и больных. Ткани становятся рыхлыми. А если измерить электрическую активность, то и она будет различной. При заболевании в мозг и нервную систему идут совсем иные сигналы. Кости «чувствуют» если не все, то многие недуги. Так нельзя ли лечить их, наладив биологическую обратную связь, используя для этого костную рефлекторную систему?

...В эту лабораторию НИИ экспериментальной и клинической медицины нередко приходят люди, изверившиеся в традиционных методах лечения. Их организм, перегруженный огромным количеством лекарств, уже не реагирует на самые сильные препараты. А сюда их привлекают разговоры, что здешние медики лекарства «не признают». Хотя, конечно, это неверно. Просто ученые под руководством заведующего лабораторией экспериментальной физиологии Г. Янковского ищут новые способы профилактики и лечения многих болезней.

В кабинете профессора стоит скелет. Втыкая в него иголки, Георгий Александрович объясняет:

— Воздействуя на эти кости, мы лечим остеохондроз, на эти — артриты, делая уколы вот сюда, пробуем лечить ревматизм...

Через несколько минут скелет, словно еж, ошетинился иголками.

— Но у человека более 200 костей, как вы определяете, какую именно и в каком месте надо раздражать?

— Обычно колем там, где болит, или рядом с пораженным органом,— говорит Янковский.— На кости нет активных точек — она вся чувствительна.

Раздражение, как полагают ученые, формирует новый поток информации в нервную систему и размыкает прежний. Суть этого процесса помогает понять простой пример. Представьте автомобиль, который едет по ухабистой проселочной дороге рядом с шоссе. Шофер и рад бы на него выбраться, да... мешают высокие откосы. Но вот приходит на помощь трактор и вытягивает автомобиль на бетонку. Иголки и физиологический раствор, введенный в костную ткань, играют для нервной системы роль подобного «тягача». Повинуясь ему, организм постепенно выходит на прямую дорогу к здоровью. Например, приступы бронхиальной астмы медикам удавалось снять иголками почти мгновенно, причем в таких случаях, когда ничто другое уже не помогало.

Возможно, в будущем ученые создадут стройную теорию костной рефлексотерапии и составят каталог болезней, которые можно лечить без лекарств. А пока перечень целей, достигнутых новым методом, напоминает мишень начинающего стрелка — попадания разбросаны по разным областям. Ученым удавалось лечить невралгии и депрессии, нарушения кровообращения, они повышали работоспособность мышц и имитировали нагрузки при ходьбе.

— А рецепта от старости у вас нет? — интересуюсь я.— Ведь с возрастом кости становятся слабее, изменяются, обедняются минеральными веществами. Нельзя ли их «отремонтировать»?

— Можно,— говорит профессор,— но трудно. Лучше старение скелета пре-

дупреждать заранее — периодически для профилактики воздействовать или иглами, или электродами.

— А у вас, кстати, ничего не болит? — неожиданно спрашивает Янковский.

— Да пока не жалуюсь, вот только близорукость...

— Это, конечно, не болезнь, но есть способ, как избавиться и от нее. Как, Андрис Адамович, — обращается Янковский к своему коллеге доктору медицинских наук Мертену, — попробуем?

Внося в лабораторию поднос с серебристыми инструментами, А. Мертен успокаивает:

— Не волнуйтесь, больно не будет. Мы вколем вам несколько иглол в лопатку и в шейные позвонки. Изменится тонус мышц, которые растягивают хрусталик, и его фокус переместится.

Неприятные ощущения, конечно, были, но страдать не пришлось. И очень смущали энергичные постукивания молотком по иглолкам. Уже через полчаса я, следя за указкой, называл буквы в таблице. Скажу честно, резкого улучшения не наступило. Но если до эксперимента мне с трудом удавалось различать вторую строку, то теперь хорошо была видна третья...

На следующий день мы договорились встретиться с профессором на теннисном корте. Место было выбрано не случайно. Бывшие пациенты Георгия Александровича здесь бывают часто — закрепление результатов лечения физическими упражнениями давно вошло в практику врача.

Мне довелось говорить со многими, еще недавно страдавшими тяжелыми недугами, все излечились без госпитализации и лекарств. Как они шутят, одними иглолками.

Сам профессор заядлый теннисист и поэтому особо гордится тем, что ему удалось одолеть «теннисный локоть» или эпикондилит — распространенное заболевание, которое поражает не только спортсменов. У электриков, слесарей, работающих отвертками, гаечными ключами, словом, у людей, долго нагружающих руку, внезапно возникают сильные боли в суставе. От этой болезни сейчас страдают очень и очень многие. А эффективного метода лечения нет. Теперь, пожалуй, можно сказать, что проблема решена. Янковский с помощью шприца повышает внутрисуставное давление в нужной точке — боль исчезает. Надолго ли? Пока сказать трудно. Но на себе Георгий Александрович проверил метод еще лет семь назад — здоров до сих пор. Потом лечил коллег по спорту. Забыли, что такое эпикондилит, говорят они.

...Покинув институт и пройдя немного по морозной Риге, я вдруг заметил — вся левая сторона тела словно налилась теплом, как раз та, в которую и кололи иглолки. Удивительное дело, правая рука и нога мерзли, а левые нет. И какая-то легкость была в них.

Позвонил профессору.

— Ничего удивительного, — объяснил Янковский. — Рефлекторное улучшение кровообращения в конечностях и повышение тонуса мышц. Такие «побочные» эффекты мы не раз наблюдали, даже ожидали.

Очередной эффект превзошел все мои ожидания. Видимо, «трактор» все-таки вытянул ту самую «машину» на ровную дорогу. Уже на вокзале метров с двадцати пяти я случайно взглянул на расписание поездов и... прочитал их номера, время отправления. И чем дальше я отходил от табло, тем меньше у меня оставалось скептицизма.

МНОГОЛИКАЯ...

(З а м е т к и о ф а н т а с т и к е)

Каждый седьмой студент и восьмой рабочий не просто регулярно читают фантастику, но и называют ее любимым видом литературы.

Притягательная сила научной фантастики кроется в постановке ею серьезных, животрепещущих проблем современности с непрменной проекцией их в будущее. Главный пафос советской научной фантастики — в убедительных, заряжающих социальным оптимизмом картинах грядущего, где окончательно победят коллективистские начала и настанет расцвет гармонично развитой личности.

Фантастика своими специфическими средствами способна помочь развитию новых идей научно-технического прогресса, растормозить творческое воображение, научить мыслить масштабно и перспективно. Являясь мощным идеологическим оружием, советская научная фантастика активно участвует в битве идей, борясь, как и вся передовая литература, за дело мира и прогресса.

Большой спрос на научную фантастику вызывает необходимость ориентации в этой литературе. В связи с этим Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина был подготовлен вышедший в издательстве «Книга» в 1986 году рекомендательный библиографический справочник «Мир глазами фантастов», предназначенный прежде всего широким кругам молодежи, интересующейся фантастической литературой. Цель этого издания — познакомить с наиболее значительными в проблемно-тематическом и идейно-художественном отношении произведениями преимущественно отечественной и частично зарубежной научной фантастики, кратко давая при этом некоторые библиографические сведения об авторах, как правило, связанные с их творчеством, указывая, где была такая возможность, литературу о писателях-фантастах.

В значительном количестве в пособии «Мир глазами фантастов» представлена продукция издательства «Молодая гвардия», чьи книги последовательно адресуются молодому читателю, что, разумеется, не исключает и обращения к ним людей более старшего возраста, ведь практически фантастику читают все.

Рекомендация в справочнике фантастических произведений, вышедших в этом издательстве, объясняется не только определенным читательским адресом, но, что очень важно, созидательным пафосом публикуемой в нем научной фантастики. С идейной установкой на воспитательно-содержательную функцию этой литературы ведут молодого гвардейцы отбор писательских имен, уделяя свое внимание не авторам чисто развлекательных произведений, а тем, кто серьезно отдает себе отчет, ради чего он пишет.

Эту принципиальную позицию разделяет летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Виталий Севастьянов, в своем «Напутствии читателю», открывающем рекомендательный справочник «Мир глазами фантастов», заявивший: «Я предпочитаю фантастику героического начала. Ту, что воспитывает в человеке, прежде всего молодом, ответственность за каждый поступок, стойкость и мужество. И ту, что учит величайшей осмотрительности в решении вопросов буду-

шего человечества, войны и мира, прогресса науки и техники, экологических проблем. И любви к человеку. Будущее за такой фантастикой!»

Отдельные критические замечания в адрес издательства, высказываемые время от времени в печати, не претендуя на глубину изучения материала, не содержат конкретного анализа и носят зачастую отрывочный, не всегда объективный характер, обусловленный ходом окололитературной полемики, интересами различных писательских групп. Грешат они и надерганностью отдельных примеров, цитат, вне контекста порой звучащих весьма далеко от замысла автора цитируемого произведения. В целом же вопрос о критике фантастики совершенно особый, выходящий далеко за рамки данного разговора. Хотя и здесь нельзя не упомянуть еще раз об отсутствии крупных, значительных работ о ведущих советских писателях-фантастах. Даже лучшая и единственная пока монография о И. Ефремове *, принадлежащая Е. Брандису и В. Дмитриевскому, «Через горы времени» вышла в свет уже более двух десятилетий тому назад. В литературоведении гораздо подробнее отечественной освещена зарубежная фантастика. Что же касается современного литературного процесса, то наша фантастика в нем и вовсе Золушка, на последнем съезде писателей даже не удостоившаяся специального слова.

Не написана пока история отечественной фантастики, не разработана ее теория, нет даже четких терминологических определений различных разновидностей фантастического. Поэтому почти в любой, включая и данную, работе о фантастике часто термин «научная фантастика» может чередоваться с более широким понятием «фантастика», которую Е. Брандис трактовал как один из способов художественного освоения действительности.

Вряд ли стоит сейчас спорить о различиях между словесными определениями «литературы мечты и научного поиска». Гораздо важнее попробовать хотя бы кратко обрисовать основные содержательные моменты в издаваемой «Молодой гвардией» фантастике, наметить круг наиболее существенных проблем, решаемых авторами-фантастами, постараться определить, в чем и как проявляется «лицо» издательства, разумеется, не претендуя на развернутую характеристику молодогвардейской НФ во всех возможных аспектах и ракурсах, включая разбор каждой отдельной книги. Подробный анализ в данном случае — задача литературоведения и критики на будущее. Это же касается и раскрытия вопросов поэтики, художественного мастерства того или иного автора. Как совершенно особая тема, поэтика фантастики останется за пределами настоящего сжатого обзора.

В продукции молодежного издательства прежде всего привлекает внимание разнообразие типов изданий. Здесь есть и собрания сочинений, а также отдельные книги маститых авторов-фантастов, классиков отечественной фантастики И. Ефремова, А. Казанцева. Есть и антологии русской фантастики прошлых веков («Взгляд сквозь столетия», 1977; «Вечное солнце», 1979), и сборники произведений фантастов зарубежных стран — Болгарии («Третье тысячелетие», 1976), ГДР («Параллели», 1980) и др. Уникальная серия «Библиотека советской фантастики», дающая широкое представление о современном состоянии этой литературы. Своеобразно дополняют ее ежегодные сборники «Фантастика».

Каждый год в «Библиотеке советской фантастики» выходит от четырех до се-

---

* Книга П. К. Чудинова «Иван Антонович Ефремов» (М., Наука, 1987) посвящена в основном научной деятельности Ефремова, а не анализу его литературного творчества.

ми-восьми книг, знакомящих читателей с творчеством как и уже достаточно популярных, так и менее известных пока отечественных писателей-фантастов. Среди них — Д. Биленкин, К. Булычев, С. Гансовский, Е. Гуляковский, Г. Гуревич, С. Жемайтис, В. Колупаев, Б. Лапин, В. Назаров, С. Павлов, М. Пухов, И. Росохватский, Ю. Тупицын, Г. Шах, В. Щербаков, З. Юрьев, А. Якубовский и немало других.

Несмотря на сюжетное и тематическое многообразие публикуемых произведений, а также различие авторской манеры письма, при чтении этих книг обнаруживается и некая общность, позволяющая понять определенную позицию молодого гвардейцев, собравших их в единую серию.

Чем же интересна читателю фантастика молодежного издательства? Прежде всего, своей обращенностью к проблемам Человека — в настоящем, прошлом, будущем. Поведение людей в самых различных ситуациях (а здесь возможности фантастики неограниченны), высокие моральные и нравственные принципы, которыми руководствуются герои, находятся в центре внимания многих авторов-фантастов. Их цель — в тактичной, ненавязчивой форме показать молодому читателю пример для подражания, раскрыть в изображаемых характерах героическое и патриотическое начала. Писатели-фантасты стремятся к тому, чтобы герои произведений обладали определенной индивидуальностью, сохраняли в своем характере черты национального своеобразия, были бы интернационалистами...

Каковы же эти герои, какие задачи стоят перед ними? Это отважный, самоотверженный Александр Гирин из повести Ю. Тупицына «Красные журавли» (1982), переживший немало опасностей на далекой планете, решающий для себя нравственную проблему: имеет ли он право ради собственного спасения подвергнуть возмущенному риску жизнь других людей.

Это упорный и обстоятельный инспектор внеземных поселений Ротанов, занятый разгадкой тайн Вселенной в романе Е. Гуляковского «Сезон туманов» (1982).

Это гуманная и предприимчивая Виола Мчеладзе, разведчица Космоса, делающая все для спасения разумных форм жизни в рассказе «Летающая» из книги А. Дмитрука «Ночь молодого месяца» (1984).

Это первобытные мужчина и женщина, каждый шаг которых исполнен огромной ответственности перед будущим, что еще неясно им самим, но так значимо для потомков, читающих рассказ С. Гансовского, давший название сборнику «Человек, который сделал Балтийское море» (1981). Размышляя о решающей роли людей в преобразовании мира, писатель-фантаст заставляет задуматься над рядом непростых вопросов: «Чему обязан своими успехами человек? Каким человеческим усилиям обязана своим устройством наша жизнь? Что — в человеческом смысле — зависит от нас с вами, от них с нами? От чего зависят люди?»

Число пытливых, ищущих авторов и порожденных их воображением любознательных, целеустремленных героев множится по мере выхода книг серии «Библиотека советской фантастики», и даже простое перечисление их может длиться достаточно долго. Нельзя не отметить, что созидание характеров героев — процесс не легкий, неоднозначный, далеко не всегда завершающийся бесспорной удачей, ибо воплотить положительный идеал в художественном произведении — задача чрезвычайно сложная, порой ставящая в тупик крупнейших мастеров литературы не только «фантастического цеха».

Перспективной представляется работа авторов-фантастов над дальнейшим развитием и углублением национальных характеров персонажей. Ощутимый национальный колорит присущ и теперь фантастическим произведениям представите-

лей союзных республик — рассказам и повестям Т. Малика, Х. Шайхова, К. Симоняна, А. Тесленко и др. Хорошо бы и в будущем, чтобы молодежное издательство ориентировало авторов не на размывание национальных основ характеров, и не на нагнетение, с другой стороны, этнографических подробностей, предостерегало бы от увлечения абстрагированными от земных реалий образами неких космических джонов, заполняющих порой страницы нашей современной фантастики. Разумеется, здесь нужна не просто механическая замена в тексте имени Джона на имя Николая, Тараса или Сурэна, но последовательное выявление в личности героя специфических черт того или иного народа, что, несомненно, поспособствует обогащению произведений наряду с постоянным утверждением в них мотивов интернационального содружества представителей разных национальностей.

Принципиальным в фантастике, публикуемой молодоговардейцами, является новизна и свежесть научных идей, их самобытность. Возрастающая роль научно-технического прогресса в нашем обществе рождает необходимость обеспечения кадрами всех отраслей науки и техники. А вопрос подготовки кадров зачастую оказывается связанным с научной фантастикой, которую широко читает молодежь, часто через эту литературу приходя к увлечению романтикой научного поиска, проблемами изобретательства, техническими профессиями. Для молодых читателей чрезвычайно важно, что среди авторов любимых ими фантастических книг есть физики и биологи, геологи и математики, химики и кибернетики, а также историки, футурологи, журналисты, каждый из которых щедро делится своими знаниями, выдвигает увлекательные гипотезы.

Сложности современного научного поиска, дефицит оригинальных идей отражаются в литературе обращением авторов к различным вариациям на известные ранее темы космических странствий, встреч с пришельцами, парадоксов времени и путешествий в нем, робототехники, изобретений невероятных приборов и проч. Самобытный поворот сюжета, стремление автора по-своему выразить присущее ему понимание самых фантастичных ситуаций и коллизий, с точки зрения жителя Земли предположить, что сулят космические дали, уловить героическое начало в характерах действующих лиц, одухотворить техническую мысль человека-творца гуманистическими идеалами — вот то общее, что в той или иной мере присутствует в книгах серии «Библиотека советской фантастики». При этом каждый писатель-фантаст пробует выявить свой круг тем и проблем, показывает, что его волнует, а иногда тревожит более всего.

Так, С. Павлов в романе «Лунная радуга» (1978—1982) раскрывает, с какими непредвиденными последствиями может столкнуться человечество при исследовании Внеземелья. У четвертых космодесантников после возвращения из дальнего Космоса обнаруживают некоторую перестройку свойств организма, новые сверхъестественные способности. Опасны ли для землян эти люди, не утратили ли они длинно человеческую сущность, размышляют герои произведения.

Встреча с необычным заставляет внимательнее продумать существующие нормы морали, пересмотреть «вечные» вопросы. Возможно ли зло во имя добра? — вот один из таких вопросов, старых, как мир. Его поднимает М. Пухов в рассказах сборника «Семя зла» (1983). Он считает, что нельзя бездействовать, когда для посева чудо-семян с чужой планеты, из которых вырастает все, что ни пожелаешь, вырубаются вековые леса, уничтожаются березовые рощи. И хотя ситуация, рисуемая писателем, фантастична, она проецируется на сегодняшнюю реальность, вызывает о необходимости соблюдения экологического равновесия. Герои произве-

дений Пухова убеждены, что только Добро, Разум и Справедливость могут и должны править миром.

Неувядаемую силу чувства любви, торжествующей во все эпохи, воспевают в научно-фантастическом романе «Нет повести печальнее на свете» (1984) Г. Шах. Неважно, где происходит действие — на Земле XVI века или на планете Гермес в веке XXV: «Повсюду,— пишет автор,— истинное и незаурядное чувство, сметая преграды, засыпая рвы, сближая противозначные полюсы, уравнивает влюбленных и этим раскрывает глаза обществу на несуразности его устройства».

Если Г. Шаха увлекает исследование психологии людей, то В. Савченко в повестях и рассказах сборника «Алгоритм успеха» (1983) привлекает возможность применения кибернетики к изучению поведения человека. Самые сложные эксперименты, позволяющие ученым двигаться навстречу потоку времени, видеть звук и слышать свет, всегда основаны на нравственном понятии ответственности людей за свои поступки.

Открытие разумной цивилизации дельфинов ставит перед человечеством ряд вопросов, без решения которых контакты могут привести к нежелательным последствиям. Об этом пишет В. Назаров в повести «Зеленые двери Земли» (последнее издание — 1985). Предлагаемые автором гипотетические решения проблемы сотрудничества двух разумных цивилизаций гуманны и полны исторического оптимизма.

Оптимистическое звучание присуще молодогвардейской футурологической фантастике, рисующей в будущем не мрачные, тупиковые картины гибели человечества, деградации цивилизованного мира, к чему склонны многие западные писатели-фантасты, а, напротив, изображающей грядущее в светлых, радостных тонах, в гармонии разума и прогресса. Эту традицию, идущую от знаменитого романа И. Ефремова «Туманность Андромеды», неоднократно издававшегося в «Молодой гвардии», продолжают в своих романах и повестях Г. Гуревич («Темпоград», 1980), С. Жемайтис («Плавающий остров», 2-е изд. 1983), В. Щербаков («Семь стихий», 1980) и другие.

Иногда авторов научно-фантастических произведений привлекают картины недалекого будущего, достичь которое предстоит в ближайшие десятилетия. Так, Л. Хачатурьянец и Е. Хрунов в книгах «Путь к Марсу» (1979) и «На астероиде» (1984) отправляют своих героев в Космос, где личный опыт авторов — непосредственных исследователей космических проблем — специалиста в области космической медицины и летчика-космонавта обогащается смелыми фантастическими гипотезами, осуществление которых близится с каждым днем.

Подзаголовок повести «Путь к Марсу» — «научно-фантастическая хроника конца XX века» — отчасти оправдывает суховатый, насыщенный научной терминологией и астрономическими сведениями стиль повествования. Документальная достоверность, правдоподобие описаний базируются на доскональном знании авторами современной космической аппаратуры, воплощают и их мечту о более совершенной технике полетов. Интересны страницы, посвященные наземной подготовке космонавтов, в процессе которой воспитываются столь необходимые на межпланетном корабле качества, как выдержка, верность долгу, товарищеская взаимовыручка, творческая активность.

Сюжеты о воображаемых путешествиях на отдаленные или вовсе несуществующие планеты также постоянно присутствуют в современной советской фантастике. Кроме некоторых упомянутых выше книг, они раскрываются в романе Е. Гуля-

ковского «Долгий восход на Энне» (1985), сборнике повестей и рассказов Б. Лапина «Под счастливой звездой» (1978), рассказах сборника М. Пухова «Звездные дожди» (1982) и многих других.

И все-таки все чаще писатели-фантасты обращаются к жизни нашей планеты. Существует немало произведений, в которых фантастическое тесно связано с земными реалиями, а вторжение необычайного в сугубо будничную жизнь ярче высвечивает обыденность (сборник рассказов Д. Биленкина «Лицо в толпе», 1985; рассказы сибирского автора М. Грешнова «Сны над Байкалом», 1983; книга К. Булычева «Чудеса в Гусляре», 1972; повесть И. Росоховатского «Гость», 1979; рассказы из сборника Ю. Никитина «Далекий светлый терем», 1985).

Даже из краткого, далеко не исчерпывающего обзора книг, вышедших в серии «Библиотека советской фантастики», видно, как широк диапазон этого издания, сколь многопланов его состав. А можно добавить также фантастику сказочную и философскую, памфлетную и юмористическую, психологическую, социальную, историческую, пародийную — все возможные аспекты просто трудно перечислить, зато каждому из них отведено свое место в названной серии. Главным для этого издания, что необходимо еще раз повторить, остается созидательный характер фантастики, ее идейная и гуманистическая направленность.

Громадным успехом читателей пользуются выходящие с 1962 года ежегодные сборники «Фантастика». Их содержание отличается большим разнообразием охвата тем, проблем, жанров и, перестраиваясь с годами, обогащается новыми рубриками, стремясь полнее удовлетворить запросы любителей фантастики.

Материалы сборника сгруппированы в несколько разделов. Фантастика прошлого представлена под рубрикой «Школа мастеров», где печатаются произведения видных писателей-нефантастов, отдавших в своем творчестве дань фантастическому роду литературы. Ранее, до 1978 года, эта рубрика называлась менее удачно: «Забывшие страницы», «Лавка древностей». Среди публикаций последних лет — «Потомки солнца» А. Платонова («Фантастика-78»), «До третьих петухов» В. Шукшина («Фантастика-79»), «Синяя звезда» А. Куприна («Фантастика-80»), «Последняя прогулка» Л. Леонова («Фантастика-81»), «Песнь торжествующей любви» И. Тургенева («Фантастика-84»), «Косморама» В. Одоевского («Фантастика-86»). Эти публикации наглядно показывают, что фантастика — составная часть единого литературного процесса и что ею не пренебрегали многие крупные русские писатели, у которых есть чему поучиться современным фантастам.

Основное место в сборниках «Фантастика» отводится рубрике «Повести и рассказы», куда включаются новые произведения как известных, так и менее знакомых пока читателю отечественных авторов. Характерно, что здесь шире, чем в серии «Библиотека советской фантастики», удастся познакомиться с творчеством писателей из союзных и автономных республик, увидеть многонациональный характер нашей фантастики.

Так, на страницах ежегодника читатель встречает произведения Б. Балашавичуса из Литвы, В. Бережного с Украины, Т. Малика из Узбекистана, И. Мынскурте из Молдавии, К. Симоняна из Армении, А. Тимергалина из Татарии и других. Географические границы фантастики расширяются в сборнике и благодаря включению работ писателей из многих городов нашей страны — Абакана и Братска, Краснодара и Иркутска, Ленинграда, Красноярска, Москвы, Саратова, Свердловска, Томска, Челябинска. Авторы, чьи имена появлялись не раз в ежегодниках «Фантастика» (С. Ахметов, А. Дмитрук, Ю. Медведев, Д. Биленкин, А. Тесленко

и другие), как бы обретают право на отдельную книгу в серии «Библиотека советской фантастики» — или первую, или очередную в своем творчестве.

Естественно, что в сборниках «Фантастика» они, как правило, стараются выступить с лучшими, наиболее оригинальными из своих произведений. Например, один из претендентов на будущую книгу в названной серии А. Плонский в небольших рассказах «Звезды на ладонях» и «Интеллект» («Фантастика-83») выдвигает интересную гипотезу о галактических письменах, как бы запечатленных в линиях на человеческих ладонях. Его герой Милютин со своим другом-оппонентом Леверрье обмениваются остроумными репликами, философствуют о жизни, Вселенной, разуме. В ходе их беседы отчетливо выявляются своеобразие мышления и стиля автора.

Перспективна рубрика «Голоса молодых», где собираются произведения тех, кто делает в фантастике свои первые шаги. Имена Вячеслава Мешкова, Виктора Савченко, Валерия Губина, Алексея Минеева, Виталия Пищенко, Андрея Сульдина, конечно же, звучат для читателя впервые и пока не ясно, найдут ли они себя в фантастике. Но то, что молодежное издательство публикует ими написанное — важное и нужное дело, реальный результат работы с творческой молодежью, готовящей смену современным творцам фантастической литературы.

Большой интерес представляют материалы, печатающиеся под рубрикой «Неведомое: борьба и поиск». Авторы заостряют внимание на острых, дискуссионных вопросах. Вот некоторые из них. Можно ли стать гением? (В. Пекелис. «Леонардо да Винчи XXI века» — «Фантастика-83»). Где искать затонувшую Атлантиду? (Р. Иноземцева. «Следы Атлантиды» — там же). Что необходимо человечеству для связи с иной цивилизацией? (М. Пухов. «Философия контакта» — там же). Кто такие филиппинские хилеры? (Л. Кузнецов. «Операция без ножа?» — «Фантастика-84»). Можно ли управлять погодой? (Б. Горбунов, М. Левина. «Метеотрон — машина погоды» — там же). Чем обусловлено возникновение жизни во Вселенной? (А. Горбовский. «Алгоритм Вселенной?» — «Фантастика-86»). И это далеко не все из подобных проблем. Кроме того, в той же рубрике помещаются статьи о необыкновенных природных способностях отдельных людей, например, тех, кто может перемножать в уме многозначные цифры быстрее счетно-решающих аппаратов, или наделён даром читать и видеть кожей пальцев. В особом разделе — статьи по истории и теории фантастики (К. Андреев. «Что такое научная фантастика?»); А. Мирлис. «Гипотеза в научной фантастике» — «Фантастика-82»; А. Ивановская. «Аэлита» Алексея Толстого — «Фантастика-83» и другие).

Возможно, не все публикации этого раздела способны выдержать суровый натиск научной критики, но то, что эти статьи рождают споры, побуждают размышлять, строить различные гипотезы, — бесспорно.

В ежегоднике был бы уместен постоянный раздел «Критика фантастики», где могли бы столкнуться различные мнения, разбирались бы достоинства и недостатки фантастических повестей и рассказов, оценивался вклад их авторов в создание научно-фантастической литературы, давались бы очерки-портреты писателей-фантастов, отмечались памятные даты в области фантастики и т. д.

Хотелось бы видеть в ежегоднике «Фантастика» и продолжение опыта библиографии «Советская фантастика», так как подобная информация, носящая справочно-регистрационный характер, весьма необходима.

При издательстве «Молодая гвардия» уже несколько лет действует Совет фантастов, в состав которого входят известные писатели, ученые, космонавты. На заседаниях, состоявшихся в октябре 1986 и октябре 1987 годов, обсуждались основные направления молодогвардейской фантастики, перспективы ее развития. Было отмечено, что издательство стремится объективно отразить современные процессы в фантастике, постоянно знакомит любителей жанра с новыми именами, особенно молодыми, широко представляя творчество фантастов различных регионов страны. Только за последние пять лет в «Библиотеке советской фантастики» издано 20 книг авторов из Красноярска, Томска, Ташкента, Краснодара, Ленинграда, Казани, Иркутска, Днепропетровска, Волгограда, Харькова, Полтавы, Киева, Московской области. Многие издания получили положительные оценки в «Правде», «Советской России», «Литературном обозрении», журналах «Москва», «Знание — сила», «Заря Востока», «Изобретатель и рационализатор», «Слово лектора» и др.

В «Молодой гвардии» сложилась школа И. Ефремова, которая утверждает гуманистический идеал, научно-технический прогресс во имя человека, предостерегает против бездуховного благоденствия, размышляет о роли личности в обществе грядущего, о нравственной ответственности перед будущим.

На заседании совета были обсуждены критические выступления, опубликованные в журналах «Уральский следопыт», «Даугава», «В мире книг». С сожалением было констатирувано, что известные фантасты братья Стругацкие избрали для полемики исключительно недружелюбный, безапелляционный тон. По существу, это не критика, подразумевающая хоть какой-то анализ произведений, а откровенная ругань, напористое стремление навязать вкусы и групповые симпатии. Эту критику трудно и практически невозможно рассматривать как конструктивную. Тем более что сопровождается она передергиваниями, подтасовками и даже фальшивками. По той же схеме действуют Р. Ревич, К. Милов, В. Гопман. «Книжное обозрение» 21 ноября 1986 года вынуждено было взять под защиту писателя И. Подколзина, которому В. Гопман приписал слова одного из героев книги и на этом основании разнес автора за некомпетентность.

Выступавшие на совете вынуждены были отметить, что методы этих литераторов создают обстановку времен РАППа, когда, по словам А. Серафимовича, «культивировалась беспринципная групповщина, произведения «своих» превозносились до небес, другие охавались, а вместо товарищеской критики и помощи применялись дубинка и оглобля».

В самом же творчестве писателей Стругацких в последнее время все заметнее стали разрушительные, нигилистические тенденции. Это относится к «Хищным вещам века», «Трудно быть богом», «Жук в муравейнике», «Гадкие лебеди». Критик В. Бондаренко («Наш современник», 1985, № 12), обратившись к повести Стругацких «Жук в муравейнике», с горечью писал: «Заметно стало, как сегодня наше «элитарное, авангардное искусство» смыкается с «массовой культурой» самого низшего сорта. Бывшие «прогрессисты» пропагандируют пошлость, зарабатывая дешевую славу и популярность».

Совет, решительно поддержав гуманистическое содержание в фантастике, рекомендовал издательству шире представлять различные направления в жанре. Фантастика должна быть разной и интересной, объединенной талантом. Рекомендовано в этих целях провести конкурс имени Ивана Ефремова, а по его итогам издать сборник.

Вместе с тем была подчеркнута необходимость более требовательного подхода к отбору произведений для публикации, заботиться о повышении качества издаваемой литературы.

На совете была заслушана информация о семинаре-совещании молодых фантастов, проведенном «Молодой гвардией» с участием членов совета в Новосибирске в июне 1987 года. В ходе семинара было обсуждено более ста произведений 21 участника из Томска, Хабаровска, Кемерово, Барнаула, Якутска, Красноярска, Улан-Удэ, Новосибирска. По итогам работы семинара выпускается сборник «Ветка кедра».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

<i>Павел Амнуэль.</i>	И услышал голос	8
<i>Иван Фролов.</i>	Деловая операция	19
<i>Михаил Грешинов.</i>	Второе путешествие Путешественника	58
<i>Георгий Гуревич.</i>	Таланты по требованию	74
<i>Владимир Щербаков.</i>	Море	112
<i>Альберт Валентинов.</i>	Казнь	128
<i>Юрий Никитин.</i>	Летучий Голландец	146
<i>Роман Романов.</i>	Репортаж до последней минуты	155
<i>Юрий Кириллов, Виктор Адаменко.</i>	На всякий случай	159
<i>Наталья Дарьялова.</i>	Вот и кончилась вечность...	167
<i>Олег Романчук.</i>	Пятое измерение	179
<i>Дмитрий Жуков.</i>	Колесо прогресса	210
<i>Лев Кокин.</i>	Дядюшка Улугбека	216
<i>Руслан Сагабалин.</i>	Человек с «кейсом»	222

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

<i>Игорь Евстратов.</i>	Футбольная история	226
<i>Андрей Сульдин.</i>	Куда летает махолет	231
<i>Виктор Савченко.</i>	Недоразумение	237
<i>Вадим Евентов.</i>	Бабушка	243
<i>Владислав Ксионжек.</i>	Голоса земли	248
<i>Анатолий Карташкин.</i>	Зверушка для малыша	250
<i>Николай Орехов, Георгий Шишко.</i>	Фуга Баха в понедельник	257
<i>Виталий Пищенко.</i>	Охотник за молниями	265
<i>Александр Гаврюшкин.</i>	Что завтра ответить?	271
<i>Владимир Цветков.</i>	Безмянная планета	273
<i>Владимир Демьянов.</i>	Дождь, которому хотелось курить	277
	Проект	282

ШКОЛА МАСТЕРОВ

<i>Федор Сологуб.</i>	Маленький человек	286
<i>Владимир Греков.</i>	И творил сладостную легенду...	300

ГОСТИ «ФАНТАСТИКИ»

<i>Роберт Шекли.</i>	Большая охота	304

НЕВЕДОМОЕ: БОРЬБА И ПОИСК

<i>Лидия Белова.</i>	Я слушаю космос	322
<i>Юрий Кононов.</i>	Шаровые молнии под Бермудами?	337
<i>Валерий Родиков.</i>	К звездам под радиопарусом	350
<i>Марина Сычева, Генрих Искржицкий.</i>	Город XXI века	357
<i>Виктор Ягодинский.</i>	Кто сказал, что все исчезает?	365
<i>Гарий Бурганский, Ростислав Фурдуй.</i>	На крыльях ветра	374
<i>Юрий Слащинин.</i>	Познай себя	381
<i>Владимир Лаговский.</i>	Лечение без лекарств	388
<i>Ирина Семибратова.</i>	Многоликая... (Заметки о фантастике).	391

**Фантастика-87 : Сб. науч.-фантаст. повестей, рас-
Ф 22 сказов и очерков / Сост. В. Рыбин; Худож. Р. Аво-
тин: — М.: Мол. гвардия, 1988.—398 [2] с., ил.**

Традиционный сборник научно-фантастических произведений советских и зарубежных писателей. В сборник включены, кроме повестей и рассказов, очерки и статьи о достижениях науки, новых гипотезах ученых, загадочных явлениях природы.

Ф 4702010200—087 121—87
078(02)—88

ББК 84(0)6

ИБ № 5131

ФАНТАСТИКА-87

Зав. редакцией **В. Щербаков**

Редактор **В. Фалеев**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технические редакторы **З. Ахметова, Р. Сиголаева**

Корректоры **В. Назарова, И. Ларина, Т. Контиевская, Е. Дмитриева**

Подписано с готовых монтажей 10.02.88. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Условн. печ. л. 25,0. Условн. кр.-отт. 50,5. Учетно-изд. л. 27,6. Тираж 100 000 экз. Цена 2 руб. Заказ 810.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, Сушевская, 21.

2 руб.

ФАНТАСТИКА

87

